

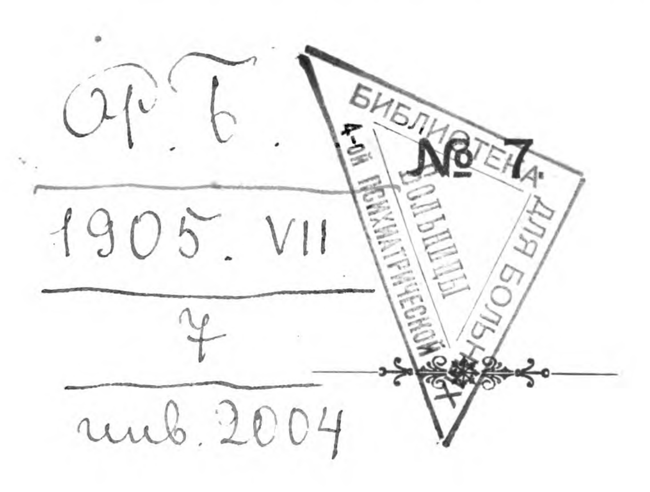

ІЮЛЬ. 1905.

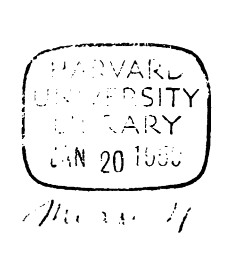
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Д волено цензурою. С.-Петербургъ, 27 іюля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

(Картинки провинціальной жизни).

IX.

Съ пріѣздомъ Палладія Ильича въ домѣ у отца Ильи водворилось скучное настроеніе, которое рѣзче всего отразилось на Петрѣ Ильичѣ. Скука эта не походила на благодушную сельскую истому, вытекающую изъ однообразія деревенскихъ впечатлѣній. Въ настроеніи, привезенномъ Палладіемъ, было что-то педантическое, строгое, преднамѣренно-обременительное. Палладій Ильичъ много работалъ. Не разгибаясь часами просиживалъ онъ надъ священными и миссіонерскими книгами, и, глядя на него, каждый сознавалъ обязанность поусерднѣй заниматься своей работой. За обѣденнымъ столомъ или молчали, или разговаривали о сектантахъ, о миссіонерахъ, о дѣлахъ духовнаго вѣдомства. Петръ Ильичъ началъ убѣгать изъ дому къ Ксеніи Адріановнѣ. Также, какъ ея отцу, онъ читалъ вслухъ Ксеніи Адріановнѣ газеты и книги, ходилъ съ нею на прогулки въ петельковскій лѣсъ—за четыре версты отъ деревни—и дальше. Ксенія Адріановна была въ его глазахъ какъ бы продолженіемъ Адріана Павловича, и такъ какъ продолженіе это воплощалось въ лицѣ не совсѣмъ старой и еще привлекательной женщины, а Петръ Ильичъ вообще любилъ женское общество, то красный флигель притягивалъ его. пожалуй, сильнѣе, чѣмъ при Адріанѣ Павловичѣ. Временами,—особенно, когда Ксенія Адріановна улыбалась,—она нравилась Петру Ильичу, какъ женщина. Но тогда онъ напоминалъ себѣ о своемъ намѣреніи обуздывать присущее ему легкое отношеніе къ женщинамъ и вспоминалъ также, что Ксенія Адріановна года на три старше Палладія. Слѣдовательно, ей тридцать три, а то и тридцать четыре года. При этомъ вычисленіи Петръ Ильичъ ощущалъ вчужѣ нѣкоторую неловкость при мысли, что такой—всетаки еще интересной—дамѣ и уже такъ много лѣтъ... Чаще же

всего онъ не замѣчалъ въ ней женщины, а тѣмъ болѣе дамы, и искалъ у нея убѣжища отъ домашней скуки.

Ксенія Адріановна въ китайскомъ капотѣ сидѣла на верхней ступени крыльца. Не успѣлъ Петръ Ильичъ поздороваться съ нею, какъ за деревьями, заслоняющими ворота, замелькали лошади и экипажи. Катили три фаэтона съ желѣзнодорожной станціи, въ которыхъ сидѣли мужчины и дамы, всѣ нарядно, по городскому одѣтые.

По тихому парку зазвучало:

— Стой, стой!

— Здѣсь! Сюда!

— Тпрру! Стой!

— А вотъ и она сама... отшельница!

— Въ своемъ горделивомъ одиночествѣ!

— Ага? Нашли васъ, не спрятались?

— Ксенія Адріановна, дорогая... Не ждали?

Кричали одновременно въ нѣсколько голосовъ, но одинъ раскатисто-низкій басовой голосъ заглушалъ остальные.

— Кариссима! Сестричка! Мое почтеніе!—повторялъ онъ изъ фаэтона, подъѣхавшаго вторымъ по счету.—„Сальве дги мора, каста э пура!"—тянулъ басовой голосъ нарочито русскимъ произношеніемъ.

Смѣшанные голоса продолжали:

— Эка прелесть у васъ какая!

— Дорогая, мы къ вамъ на цѣлую недѣлю...

— Закончили турнэ въ Харьковѣ,—и къ вамъ на отдыхъ..

— Рада—не рада, принимайте!

— Друзьямъ-то да не рада!?—только и успѣла прокричать Ксенія Адріановна, впадая въ общій повышенно-громкій, веселый и нѣсколько вульгарный тонъ.—Прошу... прошу, пожалуйте!

Изъ перваго фаэтона вышелъ молодой шатенъ съ бритымъ лицомъ и полузакрытыми глазами. Онъ помогъ сойти на землю разряженной полной дамѣ, повторявшей слово: дорогая.

— Да у васъ найдется ли, гдѣ размѣстить нашу ораву?—спросилъ онъ.

— Ну, вотъ еще! Размѣстимся.

— Мужской персоналъ гдѣ-нибудь на сѣновалѣ водворяйте!—затрубилъ басъ сзади.

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите!—остановила его полная дама.

— Обойдемся и безъ сѣновала, — говорила Ксенія Адріановна.—У меня есть еще одинъ домъ... Пустой... Я васъ тамъ размѣщу, если здѣсь будетъ тѣсно.

— Въ жилищѣ предковъ?—спросилъ басъ.—Бене! „У-сну о-динъ подъ сво-домъ ко-аро-алей“!

— Замѣчаете, господа, какъ это у нея великолѣпно выходитъ: „я“, „у меня“? Ахъ, феодалка!

— Феода-алка!

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите!

— Дорогая! Мы уже были возлѣ пустого дома. Видимъ, въѣздъ, каменные столбы... и поѣхали... Какая прелесть: дворянское гнѣздо, забытая усадьба...

— „А-аадно-о за-абве-э-энье“.

— Олимпъ Ивановичъ! уймитесь...

— О, бурнопламенный... гдѣ онъ, тамъ и ярмарка.

— Здравствуйте же, здравствуйте... Вотъ не ждала! Ксенія Адріановна цѣловалась и съ мужчинами, и съ женщинами. Всѣ столпились вокругъ нея, и лишь одинъ изъ пріѣхавшихъ, — тотъ, который вышелъ изъ третьяго фаэтона,— молчаливо стоялъ поодаль въ театрально-почтительной позѣ. Снявъ шляпу, онъ ожидалъ своей очереди поздороваться съ хозяйкой. Это былъ оригинально-красивый человѣкъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ цвѣта резеды, съ густыми завитками орѣхово-пепельныхъ волосъ, съ классическимъ изгибомъ рта и смягченно-классическимъ профилемъ. Въ его манерѣ держаться, въ выраженіи глазъ, во всей фигурѣ,— стройной и гибкой,—сказывалось что-то женственно-кокетливое, изнѣженное, избалованное и немного надменное.

Его появленіе особенно изумило Ксенію Адріановну.

— И вы? — удивленно, хотя радушно, спросила она, подходя къ молчаливому гостю.

Онъ шутливо поникъ головой, вздохнулъ съ виноватымъ видомъ и подтвердилъ:

— И я!

Ксенія Адріановна съ нимъ не поцѣловалась, и онъ лишь поцѣловалъ у нея руку, низко склоняя свою курчавую голову.

Извозчики сносили чемоданы, пріѣзжіе толклись на террасѣ, продолжая шумѣть.

— Марфуша! Марфуша! — кричала Ксенія Адріановна.— Самоваръ, Марфуша! Поскорѣе... Сдѣлайте яичницу и... что еще у насъ есть?

— Два самовара, Марфуша! Два! если найдется у феодалки.

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите...

— И гроссъ-яичницу, Марфуша! — не унимался Олимпъ Ивановичъ,—колоссально-рослый басъ-яичницу, монстръ-яичницу,—съ это дерево! Я одинъ съѣмъ столько!

— Олимпъ Ивановичъ!

— Ахъ, дорогая...

Дамы не умолкали, не затихалъ и Олимпъ Ивановичъ. У него было открытое симпатичное лицо, на которомъ темнорусая французская бородка никакъ не гармонировала съ расплывчатымъ носомъ и остальными—чисто великорусскими чертами. Олимпъ Ивановичъ, осматриваясь, гудѣлъ:

— Вонъ, гдѣ укрылась отъ свѣта! „Въ горы отъ васъ ухожу я!"—пустилъ онъ могучей октавой.—„Въ горы! оттуда взгляну я весело въ ваши долины!" Вѣрно, кариссима, одобряю... Въ горы!

Красивый пѣвецъ въ зеленоватомъ костюмѣ остановилъ на Петрѣ Ильичѣ пристально-подозрительный взглядъ. Ксенія Адріановна перехватила этотъ взглядъ и вспомнила о Петрѣ Ильичѣ.

— Знакомьтесь, господа,— сказала она гостямъ.—Петръ Ильичъ, молодой другъ моего отца... И мой... Сынъ здѣшняго батюшки.

У всѣхъ пріѣзжихъ были разныя фамиліи, но Петръ Ильичъ не запомнилъ ни одной. Перешли въ комнаты.

Дамы, умываясь, расплескивали воду въ спальной у Ксеніи Адріановны, мужчины выбирали вещи изъ чемодановъ въ кабинетѣ. Олимпъ Ивановичъ кричалъ изъ кабинета:

— Кариссима! Сестричка! Выкупаться бы намъ? У васъ есть купанье? Хоть плохонькое? Далече?

Петръ Ильичъ вызвался проводить мужской персоналъ къ Рѣчищу. Одна изъ пріѣзжихъ дамъ (ихъ было двѣ), не открывая дверей спальной, безпокойно заговорила:

— Алексѣй Алексѣичъ! Поостыньте же, не бросайтесь сгоряча въ воду... Олимпъ Ивановичъ, родимый, присмотрите за нимъ!

— Олимпъ Ивановичъ и за собой не присмотритъ,—возразила другая дама болѣе юнымъ голосомъ.—Лучше Максима Николаевича попросить. Максимъ Николаевичъ!

— Максикъ!—просительно позвала первая.—Присмотрите, родненькій!

Красивый Максикъ съ пепельно-орѣховыми волосами иронически усмѣхнулся и сказалъ дамамъ:

— Слушаю-съ!

По дорогѣ къ Рѣчищу Петръ Ильичъ примѣтилъ Марфушу, опрометью бѣжавшую въ село, вѣроятно—пополнять запасы яицъ и прочихъ продуктовъ. Она бѣжала не улицей, а напрямикъ, черезъ мужицкіе огороды, искусно лавируя среди наклонившихся подсолнечниковъ. Босыя ноги ея,—коричневыя отъ загара,—все стремительнѣй и стремительнѣй ускоряли шаги.

— Не студентъ ли будете?—заговорилъ съ Петромъ Ильи-

чемъ Олимпъ Ивановичъ, который шагалъ такъ широко, что то и дѣло опережалъ остальныхъ спутниковъ. Онъ шелъ впереди своеобразной походкой, въ прискочку, чуть-чуть пріостанавливаясь на каждой ногѣ.—Студентъ? Университетскій?

— Нѣтъ, семинаристъ,—сказалъ Петръ Ильичъ.

— Семинаристъ!? Коллега, вашу руку! Азъ тоже... Хотя некончившій. По проискамъ враговъ и по резолюціи ректора...

При помощи правой руки и колѣна, Олимпъ Ивановичъ сдѣлалъ краснорѣчивый жестъ, наглядно иллюстрировавшій насильственное удаленіе. Потомъ добавилъ, какъ бы рекомендуясь:

— Дьяконскій сынъ, питомецъ воронежскія бурсы и семинаріи... А нынче пою: „У Ка-арла есть вра-аги! Въ гла-авѣ ихъ Генрихъ са-амъ!" И чортъ... сколько пою, а все словъ не помню...

Максимъ Николаевичъ не переставалъ присматриваться къ Петру Ильичу. Петръ Ильичъ раза три встрѣтился глазами съ его упорно разсматривающимъ взоромъ, и каждый разъ Максимъ Николаевичъ поспѣшно отводилъ глаза, въ доказательство, что пристальность его взгляда не умышленная, а случайная.

Петръ Ильичъ привелъ артистовъ къ самому глубокому мѣсту на Рѣчищѣ, гдѣ открывалась порядочная водная поверхность съ рѣчными камышами по краямъ. Максимъ Николаевичъ испугался прибрежнаго ила и не пожелалъ купаться.

— Это все же не рѣка, а болото,—замѣтилъ онъ.—Я погуляю на берегу... Красивое мѣсто.

Отказался купаться и Петръ Ильичъ. Отчего-то ему не хотѣлось раздѣваться передъ этимъ элегантнымъ „Максикомъ", у котораго были такіе любопытные и надменно-печальные глаза. Худощавый, юношески-мускулистый, Алексѣй Алексѣевичъ долго остывалъ на пескѣ. Онъ раздѣвался медленно, съ комической неловкостью горожанина, лишеннаго на лонѣ природы городскихъ удобствъ. За то Олимпъ Ивановичъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Онъ, не остывая, бросился въ Рѣчище, нырялъ, плавалъ, отфыркивался, брызгалъ водою, кричалъ густымъ басомъ Максиму Николаевичу:

— Эхъ вы,—атласистый! Въ энтакой водицѣ, да не купаться? Болото! Вамъ чего же? Мраморными плитами берегъ выстлать прикажете? Ванну съ одеколонами? Съ отрубями? Небось, съ миндальными? И куда вы годитесь послѣ этого? Одно слово: теноръ.

— А вы поделикатнѣе съ тенорами!—напомнилъ съ берега все еще не остывшій Алексѣй Алексѣевичъ.

— А васъ это не касается: вы теноръ другого сорта.

— Второго, вы хотѣли сказать?—обидчиво переспросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я сказалъ, caro mio, другого, а не второго. Другой не значитъ второй. Другой можетъ быть и первѣйшимъ...

Олимпъ Ивановичъ опять брызгался, нырялъ и выплывалъ на новомъ мѣстѣ, вдали подъ камышами. Его едва уговорили вылѣзть, наконецъ, изъ воды.

X.

Когда шли обратно, возлѣ Рѣтища посырѣло, въ воздухѣ запахло коноплянниками. Олимпъ Ивановичъ шагалъ впереди всѣхъ и говорилъ умиленно:

— Ухъ, славно!.. Деревней пахнетъ, конопелькой, люблю! А еще лучше теперь у насъ, въ Бобровскомъ уѣздѣ. Здѣсь суша, степь, пыльно, зелени мало, а у насъ... Выйдешь это за городъ, на бугоръ, гдѣ мельницы; Битюгъ-батюшка передъ тобою... Зелененькій весь! Дали какія! Хрѣновое видно, церкви кругомъ блестятъ... Городокъ тихонькій, благочестивый... Дома—бревенчатые, люди добрые, сердечные. Безъ подвоха, безъ пакости: каковъ есмь, такимъ и бери меня, а не нравлюсь, не цѣлуй, сдѣлай милость! По девяносто лѣтъ живутъ—и нервы цѣлы. Мостовыхъ нѣтъ: въ дожди на улицахъ не грязь, а сметана... Маслянистая, черненькая... Черноземная.

— Экая красота!—насмѣшливо подтвердилъ Максимъ Николаевичъ.

— Молчите вы... атласистый. Вамъ не понять этого. Поѣхать бы мнѣ въ орѣшники, къ святому колодцу; а не то—отпросить у родителя лошаденку, да катнуть подальше—до самаго Дона. Эхъ, Донъ! Дѣдушка-Донъ... Куда ни глянь, луга свѣжіе... Лѣсокъ шумитъ, горки мѣловыя... Тихо! У парома только: „Да по-да-ай пере-во-озу!“ Съ вечера это люди въ поле уходятъ... Мужики, бабы — въ красномъ, картина! Взжж! аа! Взжж! а! Коси коса, пока роса... а пшеница рядками, рядками такъ и ложится. Глазу—просторъ! А какъ ржи зацвѣтутъ! Десятинъ по шестьсотъ въ одномъ кускѣ... Пойдешь за городъ,—колосится она, голубушка... Духъ отъ нея! Васильки синіе...

— Да онъ поэтъ, нашъ Олимпъ Ивановичъ?.. И сколько я не зналъ басовъ, всѣ сентиментальны.

— Эхъ вы... тенора! А мнѣ и зимою часто сонъ снится. Будто иду тропочкой, и мальчишка еще я: босой, рубашенка на выпускъ, такъ... только слава, что одѣтъ. А по сторонамъ

тропочки рожь дозрѣваетъ: зеленая, не пожелтѣла, какъ слѣдуетъ. И впереди курганъ передо мною, и вѣтеръ на дворѣ: нива колышется вся... То она желтая, то серебряная, то зазеленѣетъ... Волна волной! И катитъ волна по кургану, да не сверху, а снизу, на гору взбирается... Я стою и смотрю, и радостно мнѣ! Просыпаться не хочется!..

Алексѣй Алексѣевичъ, прищуривъ свои—и безъ того полузакрытые—глаза, перебилъ разсказчика:

— Ну, въ чемъ же препятствіе? Ѣзжайте туда, въ Бобровскій уѣздъ. До сезона безъ малаго два мѣсяца, нагуляетесь. И экспедиція недорогая, во второмъ классѣ рублей десять...

— Что ужъ! Къ чему я тамъ? Смѣхъ одинъ... Всѣ люди, какъ люди, всякъ на своемъ мѣстѣ, при своемъ дѣлѣ... а я пріѣхалъ—недопеченный. „У Ка-арла есть враги-и!" Проѣздъ—дѣло грошевое, ѣхать зазорно...

Пока мужчины купались, на террасѣ въ красномъ флигелѣ успѣли приготовиться къ чаю.

Вдоль террасы стоялъ длинный столъ съ блюдами творогу и сметаны; кипѣлъ на табуретѣ большой самоваръ, изъ кухни доносился запахъ чего-то вкуснаго. Дамы пили чай. Старшая изъ нихъ разсказывала Ксеніи Адріановнѣ:

— Примадонной у насъ Кованько была. Пѣвица—слабенькая, а капризовъ, фырканья — на три знаменитости съ походцемъ. Не проходило дня, чтобы васъ не вспомнили, дорогая! Эта Кованько — невыносимая; рѣзкая, грубіянка, съ мужчинами — навязчива до неприличія. Предпріимчивость необыкновенная... Даже Алексѣй Алексѣевича не оставила въ покоѣ. Вы его знаете: Алексѣй Алексѣевичъ не любитъ этого, никакого повода съ его стороны... А Кованько — такъ и скачетъ въ глаза!

Говорившая дама была пожилая, но очень занятая своею внѣшностью. Звали ее Христиной Львовной. Завитая, съ подрисованнымъ лицомъ, съ густо-перепломбированными передними зубами, она выглядѣла еще эффектной, не смотря на излишнюю полноту. Некрасивъ былъ у нея лишь ротъ, вдавленный, съ тонкими губами, съ двумя полупрозрачными бородавками надъ плоской верхней губой. На Христинѣ Львовнѣ было легкое платье изъ нѣжно-свѣтлой матеріи одного изъ тѣхъ хорошенькихъ рисунковъ, которые называются „дѣтскими". Она носила много сверкающихъ украшеній: кушакъ съ блестящими пряжками, нѣсколько цѣпочекъ на шеѣ съ часами, брелоками и амулетами, много колецъ и гребенокъ съ искусственными камнями. Говорила Христина Львовна охотно, громко и авторитетно... Другая пѣвица, Анна Модестовна, была помоложе и потише, брюнетка, невысокая,

непритязательно-одѣтая и, безспорно, миловидная. Впрочемъ, при всей миловидности Анны Модестовны, въ ея наружности чего-то недоставало, вѣроятно—умѣнья пользоваться своими природными данными. Этотъ недостатокъ дѣлалъ ее малозамѣтной, убивалъ наповалъ ея миловидность и свѣжесть.

Посидѣвъ немного на террасѣ, Петръ Ильчъ догадался, что Христина Львовна приходится какъ бы женою юному Алексѣю Алексѣевичу, а Анна Модестовна близка съ Олимпомъ Ивановичемъ. Это обнаруживалось само собою, хотя всѣ присутствующіе были на вы другъ съ другомъ и носили разныя фамиліи. Олимпъ Ивановичъ и Анна Модестовна нѣжно переглядывались, а Христина Львовна не спускала глазъ съ Алексѣя Алексѣевича, и, о чемъ бы кто ни заговаривалъ, она фатальнымъ образомъ сводила всякій разговоръ на рѣчь объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ. Кстати и некстати, она произносила его имя, и—произносимое привычной скороговоркой—имя это звучало слитно, какъ: „Асѣй-асѣичъ"...

Красивый теноръ, Максимъ Николаевичъ, держалъ себя и теперь съ полузагадочной молчаливостью. За чаемъ подшучивали надъ Олимпомъ Ивановичемъ.

— И вѣдь какъ размечтался послѣ купанья!—разсказывалъ Алексѣй Алексѣевичъ.—До идилліи дошелъ. Ходить бы, говоритъ, мнѣ во ржи, чтобы босой я былъ, да только слава, что одѣтъ... а кругомъ—васильки, васильки...

— О, бурнопламенный!

— Уѣду, говоритъ, на родину, въ причетники пойду. Можетъ, еще и въ дьяконы выскочу.

— Тогда на Аннѣ Модестовнѣ жениться нельзя: вдовица...

— А какъ же съ оперой, бурнопламенный?—спросила Ксенія Адріановна съ улыбкой.

— Охладѣлъ, сестричка,—сказалъ Олимпъ Ивановичъ полусерьезно.—Насытился... Не въ причетники... а ушелъ бы, кариссима, будетъ съ меня, достаточно. На кой лядъ она мнѣ,—опера ваша,—если у меня игры нѣтъ? Внутри чувствую, а передать не въ силахъ?

— За то голосъ...

— Голосъ, голосъ... А что изъ него? О голосѣ-то рара-Іозефъ вѣрно мнѣ предсказалъ: Сѣтовъ покойникъ, Іосифъ Яковлевичъ. Съ первой ноты, какъ послушалъ, такъ и говоритъ: у тебя, mon ânge, не голосъ, а голосина... голосинище! Но пѣвцомъ, mon ânge, никогда не будешь. Дубинорумъ ты, вотъ что. И останешься дубиной: такіе не прогрессируютъ. Сила звука сверхъестественная, а что изъ того? Сила звука, mon ânge, есть и у барабана. Прозорливый былъ маэстро Іо-

сифъ Яковлевичъ! Глянетъ на новичка, и всю судьбу его выложитъ, какъ на подносѣ...

Петръ Ильичъ сталъ прощаться, и Ксенія Адріановна пригласила его на завтра къ обѣду. Подражая ея любезной интонаціи, Олимпъ Ивановичъ затрубилъ на весь паркъ наподобіе военной зори:

— При-хо-ди-те, Петръ Иль-и-чъ!

А Петру Ильичу долго мерещился въ темнотѣ ночи наблюдательно-подозрительный взглядъ молчаливаго тенора.

На другой день Петръ Ильичъ явился къ обѣду въ назначенный часъ и узналъ, что обѣдать будутъ позже, потому что пріѣзжіе гости поздно встали и поздно завтракали. Дамы сидѣли съ Ксеніей Адріановной на террасѣ, въ тѣни, за зеленью хмѣля, мужчины отсутствовали: ушли поваляться на травѣ.

— Не стѣсняйтесь, Петръ Ильичъ, — предложила Ксенія Адріановна,—берите газеты, читайте. У насъ республика: кто что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Онъ взялъ газеты. Дамы продолжали прежній разговоръ. Христина Львовна, подрисованная щедрѣе вчерашняго, въ новомъ желтовато-бѣломъ платьицѣ, фасона bebé, съ зелеными бархатками, лежала въ креслѣ, обмахиваясь кружевнымъ вѣеромъ, на которомъ были изображены нарядныя пары въ бѣлыхъ парикахъ, танцующія менуэтъ. Анна Модестовна, одѣтая по будничному, вышивала по канвѣ манишку для мужской рубахи затѣйливымъ узоромъ въ строчку и въ гладь. Она говорила Ксеніи Адріановнѣ:

— Вы счастливая теперь... Свой кровъ надъ головою, сама себѣ хозяйка. Ни вагоновъ, ни гостиницъ, ни репетиціи... Штрафовъ, выговоровъ—ничего не знаете! Никуда ѣхать не надо, ни торопиться,—у себя, дома... Хотѣла бы я такъ пожить, хоть передъ смертью...

Ксенія Адріановна съ насмѣшливой печалью покачала головой. Она хотѣла возразить что-то, можетъ быть, сообщить, какъ много долговъ получено ею въ наслѣдство и какъ непрочно ея феодальное могущество. Но, раздумавъ, промолчала, а послѣ, шутя, замѣтила Анна Модестовнѣ:

— Единодушіе у васъ съ Олимпомъ Ивановичемъ! Онъ о Бобровскомъ уѣздѣ, вы о собственнымъ кровѣ.. Бросайте оперу, обзаводитесь кровомъ. Будете Олимпу Ивановичу огурчики солить, квасъ дѣлать...

— Куда ужъ! Легко сказать... На что мы съ нимъ теперь пригодны? Максимъ Николаевичъ—артистъ не чета намъ, а и тому негдѣ пристроиться...

— Ахъ, дорогая!—подхватила Христина Львовна:—что сдѣлалось съ Максомъ!

— Слышала я, еще зимою... Пошатнулся голосъ?

— Если бы только пошатнулся! Я не узнаю Макса, ну, просто не узнаю! Какъ характеръ у него испортился, злобный сталъ, завистливый...

— Максъ? Завистливый? Онъ—такой доброжелательный, это и враги его признавали...

— Всѣ мы доброжелательны, пока хорошо намъ самимъ! И къ тѣмъ, кого считаемъ ниже себя. А не дай Богъ—перемѣнятся роли, тогда и мы дѣлаемся иными. Ничего отъ прежняго Макса не осталось, дорогая: въ конецъ сорвался! скушала Москва бѣлокаменная. Вотъ тебѣ и императорскіе театры! А какъ рвался, какъ желалъ... было ради чего... На императорскую хорошо идти съ именемъ, и съ такимъ именемъ, чтобы тебя стерегли, оберегали. Не то—хуже капкана, да еще въ Москвѣ: театръ-махинище, а тебя и въ хвостъ, и въ гриву, во всѣ стороны!.. По четыре раза въ мѣсяцъ Пророка пѣлъ! Не считая другихъ партій. А сейчасъ... вотъ постойте, заставлю его пропѣть, увидите.

Ксенія Адріановна поморщилась.

— Не надо!—отказалась она съ соболѣзнующимъ испугомъ.—Пожалуйста, не заставляйте, не надо.

— На зиму до сихъ поръ у него ангажемента нѣтъ. Были, да капризничаетъ, все неподходящіе! Что съ нимъ будетъ, ума не приложу. Самолюбивый, балованный, съ норовомъ... привыкъ къ оваціямъ! Пока еще туда-сюда... Всетаки марка, артистъ императорскихъ. У Каракатова зимній сезонъ пѣлъ, условія—чудныя; а послѣ Каракатовъ, какъ раскусилъ, чуть волосы на себѣ не рвалъ! И мы въ сосьетэ наплакались... Носимся съ нимъ, понятно. На афишахъ въ красную строку: артистъ императорскихъ, артистъ императорскихъ... А этотъ императорскій—такимъ козломъ деретъ! Послѣдній спектакль, въ Тангейзерѣ... за него, дорогая, было стыдно. Въ публикѣ—только переглядываются... Въ Ростовѣ на Дону шикали! Въ Самсонѣ мы ужъ замяли, будто не замѣтилъ никто, а онъ дрожитъ весь... самъ, какъ безумный... Глаза... ну, совершенно дикіе! Но и пѣлъ же... „Далила! Я тебя люблю! О-божа-ю!“ А у самого: ку-ка-ре-е-ку!

— Несчастный!

— Алексѣя Алексѣевича—прямо возненавидѣлъ. А чѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ виноватъ? У Алексѣя Алексѣевича голосъ нетронутый... Ну, апплодируютъ, конечно... Въ Паяцахъ на bis... а Максъ изъ себя выскакиваетъ! За серенаду.

Христина Львовна разсказывала о порванномъ голосѣ Макса, смакуя каждое слово, съ злорадствомъ заурядности, радующейся тому, что кто-то, стоявшій несравнимо выше и ея самой, и ея Алексѣя Алексѣевича, вдругъ спустился съ вы-

соты, и спустился, можетъ быть, ниже Христины Львовны съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

— Несчастный-то онъ несчастный,—продолжала она, сжимая губы,—мнѣ тоже жаль его, дорогая! Сердечно жаль, какъ не жалѣть... Но надо же и честь знать. Не берись, если не можешь, не отнимай у другихъ... Алексѣй Алексѣевичъ—при его данныхъ—и на второмъ планѣ? Это уже какъ кому повезетъ... А Максъ... нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, лѣзть напроломъ, надо примириться. Вотъ—вы. Добровольно ушли, сейчасъ же, а развѣ вамъ легко было?

— Да, это очень тяжело.

Христина Львовна безцеремонно касалась самого больного мѣста Ксеніи Адріановны. Но Ксенія Адріановна выдерживала испытаніе съ самообладаніемъ. Она произнесла: „да, это тяжело!" почти безстрастно, констатируя наличность боли объективно, словно вопросъ касался хотя и ея личнаго горя, но такого, которое уже сдано въ архивъ воспоминаній. А Христина Львовна глядѣла на Ксенію Адріановну съ проникновенностью опытнаго натуралиста, пытливо наблюдающаго цѣнное явленіе. Безцеремонность Христины Львовны вовсе не исключала съ ея стороны даже симпатіи къ хозяйкѣ дома. Христина Львовна лишь не могла отказать себѣ въ удовольствіи побольнѣе кольнуть ближняго именно въ наболѣвшее мѣсто, взглянуть, какъ переноситъ ближній свою боль, а потомъ ужъ готова была посочувствовать и утѣшить добрымъ словомъ...

Самообладаніе Ксеніи Адріановны подзадоривало Христину Львовну, и она подбиралась все глубже и глубже къ слабымъ стрункамъ пріятельницы:

— Говорите „тяжело", дорогая? Ну, какъ не тяжело! Да что дѣлать?.. Когда надо спасовать, пасуешь... А Максъ не признаетъ необходимости... не хочетъ взглянуть въ глаза своему положенію. Хотя... только это между нами, дорогая,—мнѣ кажется, у него есть какіе то виды. Не думаетъ ли онъ насчетъ антрепризы, вмѣстѣ съ вами, дорогая? Ужасно настаивалъ ѣхать къ вамъ, больше всѣхъ... во что бы ни стало! И все разспрашивалъ о васъ, о вашемъ наслѣдствѣ. Онъ, какъ будто, надѣется на что-то... То есть, это мое предположеніе, мое впечатлѣніе, но...

Ксенія Адріановна сухо возразила:

— Не знаю, на что можетъ надѣяться Максимъ Николаевичъ? Что прошло, того не будетъ. И—сколько помнится—Максъ никогда не былъ разсчетливымъ.

— Ну, не одинъ же разсчетъ, дорогая! Прежняя... какъ это?—не ржавѣетъ? Но я поняла васъ, дорогая! О, я тоже... могу боготворить человѣка, но если онъ, хоть на минуту,

предпочелъ другую—онъ умираетъ для меня! Или я и никто, или всѣ, но не я... У меня тоже...

Ксенія Адріановна нахмурилась, холодно повела плечами и, не отвѣтивъ, заговорила съ Анной Модестовной о примадоннѣ Кованько.

XI.

За обѣдомъ отъ перекрестныхъ шутокъ и восклицаній у Петра Ильича шумѣло въ головѣ.

Это былъ не разговоръ, а несмолкаемый гомонъ, часто заглушаемый раскатистымъ басомъ Олимпа Ивановича.

Максимъ Николаевичъ и сегодня держался молчаливѣе другихъ. Когда же онъ говорилъ, въ его полутомной, полукокетливой минѣ сквозила большая избалованность общаго любимца, привыкшаго возбуждать вниманіе къ каждому, произносимому имъ, слову. Христина Львовна называла его Максикомъ и безбожно льстила ему тономъ любящей старшей сестры, которая хотя и постарше брата, но еще и сама молода. Теноръ принималъ ея комплименты за чистую монету, смотрѣлъ на ея лесть, какъ на приношеніе слѣдуемой ему дани. Самолюбивый, неумный, равнодушный рѣшительно ко всему, что не касалось его лично,—онъ казался Петру Ильичу ничтожнымъ. Въ этомъ «Максикѣ» не отыскивалось ничего цѣннаго, кромѣ его, дѣйствительно, рѣдкой красоты. И только, когда теноръ задумывался, полагая, что на него не смотрятъ, лицо его становилось болѣе одухотвореннымъ, благодаря отраженію ребяческой доброты и какой-то глубоко затаенной печали.

Припоминая ясный намекъ Христины Львовны, Петръ Ильичъ не могъ простить Ксеніи Адріановнѣ ея выбора. Хотя Ксенія Адріановна съ появленіемъ бравурно-шумной компаніи пѣвцовъ сама немедленно впала въ общій развязно-веселый тонъ, заговорила повышенно-громко, называя посторонних мужчинъ „голубчиками", но все же въ ней было что-то свое, выдѣлявшее ее изъ этого близкаго ей общества.

Передъ вечеромъ Христина Львовна пристала къ тенору:

— Максикъ! Вы должны спѣть. Для Ксеніи Адріановны. У нея чудесный рояль, я аккомпанирую... „Смѣйся, паяцъ", Максикъ? Или арію Германа... Германа, Германа! Ксенія Адріановна, дорогая, какіе у него оттѣнки въ Германѣ! Отдай все, и мало... Это: „Сегодня—ты! а завтра—я!"—неподражаемо. А что за безшабашность! „Что наша жизнь? Иг-ра! Такъ бросьте же борьбу! ловите"... Максикъ! милый? Для Ксеніи Адріановны?

Ксенія Адріановна, однако, не поддержала просьбы. Она даже попыталась облегчить Максику отступленіе:

— Тѣсно у меня... мягкой мебели много, потолокъ низкій. Какое пѣніе при такомъ резонансѣ?

Но Христина Львовна настаивала на своемъ; Максимъ Николаевичъ, подъ конецъ, согласился:

— Для Ксеніи Адріановны?—повторилъ онъ загадочно.— Тогда я спою „Минула страсть"...

— Максикъ, Максикъ! милый...

Олимпъ Ивановичъ неожиданно выступилъ союзникомъ Ксеніи Адріановны и поддержалъ ея намѣреніе сорвать предстоящій концертъ.

— Ми-ну-ла стра-а-асть!—задурачился онъ, комически-высоко выводя ноты.

И пылъ ея тревожный...

— Олимпъ Ивановичъ! помолчите.

— Уже не мучитъ сердца моего!

— Олимпъ Ивановичъ!!

Онъ бросился на полъ, къ ногамъ Христины Львовны и потрясъ кулаками:

— Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я...
Осталась та же... прежняя любовь!

— Старая пѣсня!—смѣясь, сказала Ксенія Адріановна.— Ужъ если пѣть старину, то съ сохраненіемъ стиля. Есть престаринный романсъ, мотивъ восемнадцатаго вѣка... „Oublions nous... oublions nous!" Не поете, Максимъ Николаевичъ?

Теперь и у нея былъ многозначительно-загадочный тонъ.

— Такого не знаю!

Максимъ Николаевичъ сердился. Видно было, что Ксенія Адріановна обинякомъ сказала тенору нѣчто обидно-досадное, и теноръ понялъ ее, и не могъ скрыть непривычное огорченіе.

Пѣніе не состоялось.

Вмѣсто недѣли артисты прожили въ Высокихъ Дубахъ двѣнадцать дней. Ксенія Адріановна была радушной хозяйкой, но минутами Петръ Ильичъ замѣчалъ, что ей, съ ея утомленными нервами, не подъ силу роль гостепріимной помѣщицы. Она невольно тяготилась шумными друзьями, необходимостью глядѣть на нихъ, угощать ихъ, разговаривать съ ними. Въ такія минуты она, вѣрно, мечтала о своемъ нарушенномъ одиночествѣ...

Подоспѣлъ день отъѣзда.

Пѣвцы размѣщались въ прежнемъ порядкѣ въ фаэтонахъ, выписанныхъ со станціи. Звучали поцѣлуи, восклицанія, сожалѣнія. Ксенія Адріановна стояла на травѣ возлѣ экипажей, цѣлуясь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей. Приблизился къ ней и Максимъ Николаевичъ, опять безъ шляпы, съ глубоко-почтительной миной.

— Прощайте!—укоризненно произнесъ онъ. Глаза его взглянули съ печалью.—Можетъ, не увидимся... не поминайте лихомъ!

— Прощайте, голубчикъ!—по-товарищески отвѣтила Ксенія Адріановна и поцѣловалась съ нимъ, какъ со всѣми.

Передъ Ильинымъ днемъ къ отцу Ильѣ пріѣхалъ братъ матушки, Семенъ Степановичъ Москитскій.

Послѣдній разъ онъ гостилъ въ Высокихъ Дубахъ лѣтъ двѣнадцать назадъ съ женою, Марьей Николаевной, молчаливой, холодно-сдержанной и бездѣтной женщиной, которая казалась не то заносчивой, не то недовольной, но скрывающей свое недовольство. Въ прошломъ году Семенъ Степановичъ овдовѣлъ, и теперь явился изъ Кисловодска послѣ Нарзана. Москитскій выглядѣлъ моложе и бодрѣе, чѣмъ въ предыдущій пріѣздъ. Онъ, сравнительно, похудѣлъ, какъ-то выпрямился, подтянулся, началъ обращать больше вниманія на свои костюмы и наружность, сѣдѣющую каштановую бороду носилъ не прямоугольникомъ, какъ прежде, а по-модному, клинообразную, коротко-пристриженную на полноватыхъ щекахъ. Даже походка у него видоизмѣнилась. Тогда онъ ходилъ словно нехотя, грузно, немного въ развалку, теперь же ступалъ легко и молодцевато.

По случаю пріѣзда гостя, пили чай не въ комнатѣ, а въ палисадникѣ, въ бесѣдкѣ. У Палладія наканунѣ опять былъ сердечный припадокъ, и возлѣ него дежурила Полюся. Петръ Ильичъ съ отцомъ Ильею разговаривали съ Москитскимъ. Отецъ Илья не любилъ шурина. И отъ того, что это былъ именно нелюбимый родственникъ, — отецъ Илья изъ гостепріимства относился къ нему съ чрезвычайной вѣжливостью, говорилъ Москитскому „вы“ и „Семенъ Степановичъ“.

— Зажились, Семенъ Степановичъ, на Кавказѣ, мы васъ ждали, ждали!—сѣтовалъ отецъ Илья.

— Закалялся... Нервы подготовлялъ. Зимой выборы, горячая предстоитъ кампанія.

— Опять васъ выбирать будутъ?

— И меня, и гласныхъ... И членовъ управы. Я и въ Кисловодскѣ по Высокимъ Дубамъ вздыхалъ; нѣтъ лучше

отдыха, какъ въ деревнѣ. Но лѣченье! Пришлось выдерживать курсъ, а теперь ужъ и отпуску моему скоро конецъ. Всего съ мѣсяцъ осталось...

— Надѣетесь быть избраннымъ?

— Возможно, что выберутъ. Но предрѣшать заранѣе не берусь. Противъ меня значительная партія.

— Отчего такъ?

— Хотятъ провести своего ставленника. Синицына нѣкоего. Ну, да цыплятъ по осени считаютъ... хотя за Синицына губернаторъ. Диворадовичъ.

— Это нашъ Диворадовичъ, изъ Высокихъ Дубовъ. Михаилъ Львовичъ, покойнаго Льва Павловича сынъ. Читалъ я въ „Биржевыхъ", когда назначили... Скажите! Кто бы могъ думать... Въ губернаторы прошелъ?..

— И дальше пойдетъ, человѣкъ съ будущимъ. Не знаю, есть ли ему сорокъ, а уже гофмейстеръ.

— Не въ отца, значитъ. Мм-дда. Кто бы подумалъ? Мальчишкой лядащій былъ. Я этого гофмейстера разъ чуть за уши не выдралъ. У дядюшки жилъ на каникулахъ, у Адріана Павловича... еще лицеистомъ. И выдумалъ себѣ забаву. Какъ вечеръ, подбѣжитъ съ дружками къ пустой церкви и оретъ, что есть мочи: „Кто соблазнилъ Адама?" Чтобы, значитъ, эхо отвѣчало ему изъ церкви: дама! Я его и прослѣди! Насилу удралъ тогда,—а ныньче поди-ты?..

По самоувѣренно-спокойному лицу Семена Степановича скользнула снисходительная улыбка.

— Нынче не закричалъ бы... Правовѣрный, набожный, возлѣ кабинета молельня устроена. Съ аналоемъ. Теперь среди нихъ православіе въ модѣ.

Отецъ Илья сурово взглянулъ на шурина. Но тотъ — и безъ этого предостерегающаго взгляда — не продолжалъ дальше.

— Стало быть, онъ противъ васъ? — возобновилъ рѣчь о губернаторѣ отецъ Илья.—Недоволенъ чѣмъ?

— Не противъ меня лично, но... Синицынъ ближе ему, чѣмъ я; онъ и оказываетъ давленіе въ пользу Синицына. Синицынъ для него — свой человѣкъ, женатъ на княжнѣ Коромысловой, губернаторъ чай пьетъ у него запросто...

— Это ужъ та-акъ! Свой своему—поневолѣ другъ. Губернаторамъ нынче власть дана крѣпкая... Полномочія у нихъ...

— Ну, мы еще поборемся. До Новаго года много времени. Что онъ подѣлаетъ со своими полномочіями, если за меня большинство? А не утвердить — нѣтъ повода... И не беззащитный я, хотя бы и въ Петербургѣ. Еще поборемся.

Подоспѣлъ день отъѣзда.

Пѣвцы размѣщались въ прежнемъ порядкѣ въ фаэтонахъ, выписанныхъ со станціи. Звучали поцѣлуи, восклицанія, сожалѣнія. Ксенія Адріановна стояла на травѣ возлѣ экипажей, цѣлуясь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей. Приблизился къ ней и Максимъ Николаевичъ, опять безъ шляпы, съ глубоко-почтительной миной.

— Прощайте!—укоризненно произнесъ онъ. Глаза его взглянули съ печалью.—Можетъ, не увидимся... не поминайте лихомъ!

— Прощайте, голубчикъ!—по-товарищески отвѣтила Ксенія Адріановна и поцѣловалась съ нимъ, какъ со всѣми.

Передъ Ильинымъ днемъ къ отцу Ильѣ пріѣхалъ братъ матушки, Семенъ Степановичъ Москитскій.

Послѣдній разъ онъ гостилъ въ Высокихъ Дубахъ лѣтъ двѣнадцать назадъ съ женою, Марьей Николаевной, молчаливой, холодно-сдержанной и бездѣтной женщиной, которая казалась не то заносчивой, не то недовольной, но скрывающей свое недовольство. Въ прошломъ году Семенъ Степановичъ овдовѣлъ, и теперь явился изъ Кисловодска послѣ Нарзана. Москитскій выглядѣлъ моложе и бодрѣе, чѣмъ въ предыдущій пріѣздъ. Онъ, сравнительно, похудѣлъ, какъ-то выпрямился, подтянулся, началъ обращать больше вниманія на свои костюмы и наружность, сѣдѣющую каштановую бороду носилъ не прямоугольникомъ, какъ прежде, а по-модному, клинообразную, коротко-пристриженную на полноватыхъ щекахъ. Даже походка у него видоизмѣнилась. Тогда онъ ходилъ словно нехотя, грузно, немного въ развалку, теперь же ступалъ легко и молодцевато.

По случаю пріѣзда гостя, пили чай не въ комнатѣ, а въ палисадникѣ, въ бесѣдкѣ. У Палладія наканунѣ опять былъ сердечный припадокъ, и возлѣ него дежурила Полюся. Петръ Ильичъ съ отцомъ Ильею разговаривали съ Москитскимъ. Отецъ Илья не любилъ шурина. И отъ того, что это былъ именно нелюбимый родственникъ, — отецъ Илья изъ гостепріимства относился къ нему съ чрезвычайной вѣжливостью, говорилъ Москитскому „вы“ и „Семенъ Степановичъ“.

— Зажились, Семенъ Степановичъ, на Кавказѣ, мы васъ ждали, ждали!—сѣтовалъ отецъ Илья.

— Закалялся... Нервы подготовлялъ. Зимой выборы, горячая предстоитъ кампанія.

— Опять васъ выбирать будутъ?

— И меня, и гласныхъ... И членовъ управы. Я и въ Кисловодскѣ по Высокимъ Дубамъ вздыхалъ; нѣтъ лучше

отдыха, какъ въ деревнѣ. Но лѣченье! Пришлось выдерживать курсъ, а теперь ужъ и отпуску моему скоро конецъ. Всего съ мѣсяцъ осталось...

— Надѣетесь быть избраннымъ?

— Возможно, что выберутъ. Но предрѣшать заранѣе не берусь. Противъ меня значительная партія.

— Отчего такъ?

— Хотятъ провести своего ставленника. Синицына нѣкоего. Ну, да цыплятъ по осени считаютъ... хотя за Синицына губернаторъ. Дивородовичъ.

— Это нашъ Дивородовичъ, изъ Высокихъ Дубовъ. Михаилъ Львовичъ, покойнаго Льва Павловича сынъ. Читалъ я въ „Биржевыхъ", когда назначили... Скажите! Кто бы могъ думать... Въ губернаторы прошелъ?..

— И дальше пойдетъ, человѣкъ съ будущимъ. Не знаю, есть ли ему сорокъ, а уже гофмейстеръ.

— Не въ отца, значитъ. Мм-дда. Кто бы подумалъ? Мальчишкой лядащій былъ. Я этого гофмейстера разъ чуть за уши не выдралъ. У дядюшки жилъ на каникулахъ, у Адріана Павловича... еще лицеистомъ. И выдумалъ себѣ забаву. Какъ вечеръ, подбѣжитъ съ дружками къ пустой церкви и оретъ, что есть мочи: „Кто соблазнилъ Адама?" Чтобы, значитъ, эхо отвѣчало ему изъ церкви: дама! Я его и прослѣди! Насилу удралъ тогда,—а нынче поди-ты?..

По самоувѣренно-спокойному лицу Семена Степановича скользнула снисходительная улыбка.

— Нынче не закричалъ бы... Правовѣрный, набожный, возлѣ кабинета молельня устроена. Съ аналоемъ. Теперь среди нихъ православіе въ модѣ.

Отецъ Илья сурово взглянулъ на шурина. Но тотъ — и безъ этого предостерегающаго взгляда — не продолжалъ дальше.

— Стало быть, онъ противъ васъ? — возобновилъ рѣчь о губернаторѣ отецъ Илья.—Недоволенъ чѣмъ?

— Не противъ меня лично, но... Синицынъ ближе ему, чѣмъ я; онъ и оказываетъ давленіе въ пользу Синицына. Синицынъ для него — свой человѣкъ, женатъ на княжнѣ Коромысловой, губернаторъ чай пьетъ у него запросто...

— Это ужъ та-акъ! Свой своему—поневолѣ другъ. Губернаторамъ нынче власть дана крѣпкая... Полномочія у нихъ...

— Ну, мы еще поборемся. До Новаго года много времени. Что онъ подѣлаетъ со своими полномочіями, если за меня большинство? А не утвердить — нѣтъ повода... И не беззащитный я, хотя бы и въ Петербургѣ. Еще поборемся.

Позже вечеромъ Петръ Ильичъ навѣдался къ Палладію.

Палладій лежалъ на кровати, закрывъ глаза, въ сторонѣ отъ него дремала въ креслѣ, не спавшая ночью, Полюся. Пахло лѣкарствомъ, было жарко при открытомъ окнѣ. Лампа, заслоненная тонкой тетрадью въ переплетѣ, оставляла комнату въ полусвѣтѣ, на подушкѣ вырисовывался рѣзкій профиль Палладія съ впалыми щеками.

— Кто тутъ?—тревожно приподымаясь, спросилъ Палладій Ильичъ, услыхавшій шаги брата.

— Я, я...—сказалъ Петръ Ильичъ успокоительно.—Какъ тебѣ теперь? Можетъ, отпустить Полюсю? Она спитъ, кажется... Не посидѣть ли съ тобою?

Полюся встала съ кресла, услышавъ голоса.

— И совсѣмъ я не сплю!

— Нѣтъ, не нужно, спасибо,—поблагодарилъ Палладій.—Послѣ дигиталиса мнѣ легче, ни удушья, ни боли, я и одинъ полежу, ничего. Слабѣю... самъ чувствую, какъ сила изъ меня выходитъ. Послѣдняя... Днемъ—будто дремлется, но не засну при солнцѣ, а ночью и вовсе не спится. Чуть забудусь,—такъ меня и подкинетъ всего! Толчокъ, внутри гдѣ-то, сердце забьется, и нѣтъ сна...

Палладій Ильичъ привсталъ и сѣлъ на кровати, спустивъ ноги на полъ.

— Сколько работалъ, готовился, сколько времени затратилъ, и все ни къ чему!—протянулъ онъ съ безнадежностью.—Не надолго... Слабѣю, не хватитъ силы... Взялся бы ты, братъ, вмѣсто меня? а? Попытайся. Я тебѣ и книжки мои, и выписки, и сноровку—все передамъ... Брось глупости, возьмись, поработай... Потомъ само пойдетъ.

— За сектантовъ взяться?

— Зубоскалить надо всѣмъ можно!—разсердился Палладій изъ-за тона Петра Ильича.—Дѣло вѣдь говорю ему, зубоскалу, а онъ...

— Да какъ же взяться за чужое дѣло?

— Чу-жо-ое? Такъ у тебя это *чужое*?

— Конечно. Ты, допустимъ, преданъ миссіонерству, считаешь его важнымъ, справедливымъ дѣломъ... А для меня оно—Талмудъ, схоластика... „Сколько ангеловъ на булавочной головкѣ"...

Палладій Ильичъ раздраженно и съ презрѣніемъ махнулъ рукой.

— Будетъ, будетъ! Прекрасно! Пусть и Талмудъ, и „сколько ангеловъ"... И я то: нашелъ съ кѣмъ!

Петръ Ильичъ и Полюся вышли на крыльцо.

На дворѣ не было ночной свѣжести, полный мѣсяцъ мед-

ленно плылъ вверху, бросая бѣловатый свѣтъ на истоптанный тропинками дворъ, на цвѣтники и амбары.

— Какъ ты поблѣднѣла, Полюся!—сказалъ Петръ Ильичъ.— Устала съ нимъ?

Онъ кивнулъ головой на окна Палладія.

— Нѣтъ... я не устала.

Полюся оживилась и весело сообщила:

— Знаешь, мы съ матушкой пойдемъ завтра къ Ксеніи Адріановнѣ. Приглашать на имянины... батюшка хочетъ, чтобы она тоже была... И Адріанъ Павловичъ каждый годъ бывалъ. Она пойдетъ? Какъ тебѣ кажется? Если бы пришла...

— Можетъ, и придетъ, не знаю. Зачѣмъ она тебѣ?

— Такъ... интересно. А меня она не звала больше? Не говорила, чтобы я пришла?

— Не звала. Догадалась, что тебя не пускаютъ.

Полюся помолчала.

— А тѣ актеры, которые у нея жили... они веселые? Тебѣ весело съ ними было?

Вопросъ былъ предложенъ съ отзвукомъ упрека, но Петръ Ильичъ не уловилъ этого.

— Ничего... веселые,—нехотя подтвердилъ онъ.

— И докторъ будетъ на именинахъ!—съ задоромъ произнесла Полюся, надѣясь поддразнить Петра Ильича.

Петръ Ильичъ сладко зѣвнулъ и послѣ паузы отвѣтилъ:

— Иди спать, Полюся... Поздно уже!

Именины отца Ильи были, по обыкновенію, многолюдные. Съѣхалось съ разныхъ концовъ уѣзда духовенство съ дѣтьми и женами. Нѣкоторые священники прибыли наканунѣ съ вечера и служили съ отцомъ Ильею вечерню, а на утро торжественнную обѣдню. Въ домѣ былъ открытъ парадный подъѣздъ съ улицы, всегда запертый и запыленный; всюду было тѣсно и жарко, въ прихожей не хватало мѣста для верхнихъ одеждъ. Обѣденные столы густо разставили въ залѣ и столовой; для молодежи былъ отведенъ отдѣльный столъ въ сосѣдней со столовой проходной комнаткѣ. Петръ Ильичъ съ Полюсей развлекали и угощали молодежь: барышенъ въ голубыхъ, красныхъ и розовыхъ кофточкахъ и молодыхъ, не женатыхъ семинаристовъ, окончившихъ и еще учащихся. Присоединился къ молодежи и земскій врачъ, Наважинскій, не старый, но обросшій бородой, съ закругленными глазами и профилемъ, напоминающимъ сову.

Съ утра до вечера много ѣли и еще больше пили за здоровье именинника. Смуглая Варвара Евграфовна, — дочь

зажиточнаго отца Евграфа,—была особенно любезна съ Петромъ Ильичемъ, а Полюся, какъ бы въ пику Петру Ильичу, выказывала предпочтеніе бородатому доктору, и докторъ замѣтно таялъ отъ ея любезности. Влюбленная въ доктора фельдшерица не пришла совсѣмъ, но Ксенія Адріановна явилась. Она занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ: за главнымъ столомъ между отцомъ Ильею и Москитскимъ. Москитскій, не переставая, разговаривалъ съ нею оживленно и съ интересомъ. Ксенія Адріановна—въ модномъ платьѣ изъ сѣраго съ чернымъ газа—была не такая простая, какъ всегда, а величественно-привѣтливая, немного важная. Она — точно чувствовала себя въ чужомъ, не совсѣмъ дружественномъ по отношенію къ ней кругу,—и была насторожѣ. Глядя на нее издали, Петръ Ильичъ подумалъ: должно быть, она принимала такую же мину и поступь, когда изображала оперныхъ королевъ...

Вечеромъ именинные гости, разбившись на группы, пили чай съ постилами, вареньемъ и конфектами. Москитскій былъ и теперь подлѣ Ксеніи Адріановны. Разговаривая съ нимъ, Ксенія Адріановна подозвала движеніемъ руки Петра Ильича. Петръ Ильичъ подошелъ, но Москитскій еще продолжалъ говорить о Z-мъ губернаторѣ, Диворадовичѣ.

— Непремѣнно кланяйтесь ему отъ меня, — сказала Ксенія Адріановна. — Мы съ нимъ не только кузены, но и старинные пріятели. Скажите, чтобы пріѣзжалъ въ Высокіе Дубы, когда впадетъ въ меланхолію. Когда-то я одна лишь имѣла даръ развлекать его въ грусти, какъ Давидъ Саула... Пусть пріѣдетъ, если загруститъ. И съ чего бы ему?.. Впрочемъ, меланхолія, какъ подагра. Чаще отъ избытка, чѣмъ отъ другихъ причинъ.

— А по внѣшности Михаилъ Львовичъ не похожъ на меланхолика,—возразилъ Москитскій.—Дѣятельный, добрый... хорошій администраторъ.

— Мишель? Администраторъ?

По удивленной интонаціи и по скептической улыбкѣ Ксеніи Адріановны можно было заключить, что у нея совсѣмъ иное мнѣніе объ этомъ хорошемъ администраторѣ.

— А жена его?—спросила она:—все не съ нимъ?

— Онъ одинъ въ Z. По слухамъ, не живетъ съ женою, она гдѣ-то въ имѣніи своемъ, подъ Тамбовомъ.

— Да, она богатая женщина. И кажется, говоря по просту, не хочетъ жить съ Мишелемъ. Ея я не знаю... а ему— передайте привѣтъ.

— При первомъ удобномъ случаѣ.

Ксенія Адріановна повернулась къ Петру Ильичу:

— Разыщите мнѣ мой шарфъ и зонтикъ: устала такъ...

еле на ногахъ держусь. Шарфъ гдѣ-то тамъ въ комнатѣ у Полины Васильевны, принесите, пожалуйста.

Москитскій пошелъ провожать Ксенію Адріановну, а на слѣдующій день побывалъ въ красномъ флигелѣ съ визитомъ.

XII.

Петръ Ильичъ цѣлый день бродилъ съ ружьемъ по лѣсу, и передъ вечеромъ шелъ домой. Въ полѣ за Высокими Дубами онъ встрѣтился съ Москитскимъ, который часто гулялъ здѣсь ради моціона.

— Охотился? — спросилъ Москитскій, останавливая племянника. — И ничего не убилъ?

— Д-да, — отвѣтилъ Петръ Ильичъ неохотно. Москитскій пошелъ рядомъ съ нимъ по направленію къ деревнѣ.

Солнце садилось, становилось не такъ жарко, какъ днемъ, но знойную духоту не смѣнялъ росистый вечеръ. Давно уже не было росы, выгорѣвшіе луга и сжатое поле лежали, запыленные, сѣрые. Гдѣ-то далеко горѣли лѣса, и вѣтеръ разносилъ пожарный дымъ по нѣсколькимъ губерніямъ. Отъ засухи и отъ этого издалека прилетающаго дыма въ воздухѣ стояла мгла. Даль заволакивало туманомъ, солнечный дискъ выступалъ на западѣ тускло-огненнымъ шаромъ безъ лучей, такъ что на него можно было глядѣть безпрепятственно.

— Ксенія Адріановна пеняетъ, отчего не заходишь? — сказалъ Москитскій.

— На охотѣ я...

Семенъ Степановичъ остановилъ на племянникѣ испытующе вопросительный взглядъ. На самомъ дѣлѣ, Петръ Ильичъ почти пересталъ ходить къ Ксеніи Адріановнѣ оттого, что, — когда бы онъ теперь ни заходилъ въ красный флигель,—постоянно заставалъ тамъ Москитскаго, щегольски одѣтаго и весело настроеннаго, — а Москитскій не нравился Петру Ильичу. Семенъ Степановичъ,—что называется,—молодился; особенно старался онъ подчеркнуть свою молодцеватость въ присутствіи Ксеніи Адріановны, и эта смѣшная черточка заслоняла въ глазахъ Петра Ильича остальныя качества Москитскаго.

— Она все вспоминаетъ, отчего не заходишь,—повторилъ Москитскій и добавилъ: — Хорошая женщина. Правдивая, прямая, но безъ прямолинейности.

— А прямолинейность, это—нехорошо?

Петръ Ильичъ не улыбался, но испытывалъ желаніе улыбнуться.

— Мало хорошаго.

— А мнѣ нравится прямолинейность. Больше, чѣмъ...

— Нѣтъ, ты не испыталъ вблизи. Попробовалъ бы... А я знаю. Марья Николаевна, жена моя, — умная была, добрая, но прямолинейность все портила. Не умѣла прощать... такой человѣкъ для всѣхъ тягостенъ: вѣдь каждому что-нибудь да приходится прощать? И какъ претендовать, что я, напримѣръ, до сѣдыхъ волосъ не остался студентомъ? Ежеминутно передъ тобой не жена, а праведный судія, не вѣдающій снисхожденія. Этакъ до ненависти дойдешь. Цѣльность натуры, конечно, прекрасно. Но могій вмѣстити да вмѣститъ. Не могій—не можетъ. Героевъ немного. Люди созрѣваютъ, примѣняются къ жизни, становятся практичнѣе.. Благородство юношескихъ мечтаній не всегда...

— А мнѣ кажется,—строптиво возразилъ Петръ Ильичъ,—что̀ и за прокъ въ благородствѣ мечтаній, если ихъ не примѣнять на практикѣ? Потому, можетъ быть, мечтанія такъ туго и проходятъ въ жизнь, что съ ними обращаются, какъ съ чѣмъ-то ненужнымъ! Отбываютъ, какъ симптомъ юности... Отдалъ дань мечтамъ, созрѣлъ, сталъ практичнѣй, и поскорѣе за дѣло: лѣзть въ чины, наживать деньгу... примѣняться.

— Молодъ ты еще, — улыбнулся Москитскій, проводя по усамъ рукою.—Я тебѣ протежировать собираюсь, а ты откровенничаешь со мною.

— Протежировать?

Въ голосѣ Петра Ильича слышалась досада.

— Сестра говорила, ты думаешь о службѣ въ Z?

— Мамаша поторопилась... я не рѣшилъ еще.

Въ дѣйствительности же, Петръ Ильичъ рѣшилъ не обращаться къ Москитскому съ просьбой о какой-нибудь должности въ Z. Есть люди—и часто даже не злые, а лишь откровенно-эгоистическіе, — у которыхъ тяжело просить чего бы то ни было. Такимъ человѣкомъ казался Петру Ильичу Москитскій при болѣе близкомъ знакомствѣ. Раньше Петръ Ильичъ зналъ Москитскаго больше по разсказамъ и отчасти идеализировалъ его, теперь идеализаціи не оставалось.

— Рѣшай, время терпитъ, — спокойно произнесъ Семенъ Степановичъ. — У меня въ управѣ будетъ мѣсто, только не сейчасъ. Не свободно еще. А мѣсто — приличное, управскаго секретаря... Теперешній секретарь въ чахоткѣ; послѣдній градусъ, не протянетъ долго, никакъ не дальше осени. Если хочешь, напиши докладную. И въ случаѣ чего,—я дамъ ей ходъ.

— Благодарю васъ,—холодновато отвѣтилъ Петръ Ильичъ.

— Аллилуія пѣть, значитъ, не имѣешь призванія? Огорчается отецъ Илья? А мать—за тебя. Она до смерти боится:

тутъ у васъ семинаристъ какой-то пустилъ себѣ пулю въ лобъ наканунѣ постриженія? Сестра этого забыть не можетъ... До того напугана,—сама за тебя ходатайствуетъ. Но почему ты не въ университетъ?

— Такъ...

— Находишь, что служба лучше?

— Не лучше, а...

Петръ Ильичъ замялся. Онъ видѣлъ, что Москитскій вызываетъ его на разговоръ, какъ на экзаменъ, заставляя высказаться безъ остатка и полагая, что достигнуть этого можно легко и быстро. Петру Ильичу не хотѣлось экзамена: символъ его вѣрованій во многомъ былъ неясенъ еще и для него самого, да и обижала его та незамаскированность, съ какою Семенъ Степановичъ хотѣлъ хозяйничать въ душѣ племянника, считая эту душу несложной и, можетъ быть, мелкой.

— Такъ ты за примѣненіе мечтаній къ жизни?—спросилъ Москитскій, не дождавшись отвѣта.—А-а... зна-аешь Гете?

— Мало...

— Напрасно. Величайшій поэтъ! Міровой. Какой умъ: ясный, трезвый, глубокій. Равновѣсіе души, знаніе человѣческаго сердца—изумительныя... И этотъ Гете говоритъ...

Семенъ Степановичъ выговорилъ нѣсколько словъ по-нѣмецки, но, вспомнивъ, что Петръ Ильичъ врядъ ли свѣдущъ въ нѣмецкомъ языкѣ, перебилъ самого себя:

— По русски это такъ будетъ: „Подъ тридцать лѣтъ распинать бы мечтателя каждаго надо: свѣтомъ и жизнью обманутый, станетъ, навѣрно, онъ плутъ“...

— Не каждый,—сказалъ Петръ Ильичъ.

— И еще есть у Гете: „Надо выситься иль падать, быть могучимъ или слабымъ, молотомъ иль наковальней...“ Или то, или другое: середины нѣтъ.

Петръ Ильичъ чуть усмѣхнулся.

Они вошли въ деревню. Высокіе Дубы были красиво освѣщены малиново-розовымъ отсвѣтомъ заката. На западѣ сіяла сплошная полоса краснаго и розоваго оттѣнковъ, отблескъ отъ нея падалъ на село, превращая всѣ предметы въ розовые. Только далеко на востокѣ оставалось не порозовѣвшимъ сине-сѣрое небо съ разбросанными по немъ бѣлыми облаками.

— А докладную записку ты, если хочешь, составь до моего отъѣзда,—напомнилъ Семенъ Степановичъ, миновавъ кладбище.—Я возьму съ собою.

— Хорошо,—согласился Петръ Ильичъ все еще неувѣренно.

Во второй половинѣ августа,—послѣ того, какъ уѣхалъ Москитскій,—пошли проливные дожди. Высокіе Дубы зазеленѣли наново. Покоробленные, сожженные засухой, листья облетѣли съ деревьевъ подъ первыми дождями. За то все, что уцѣлѣло отъ зноя, приняло яркій, сочный видъ поздняго расцвѣта. Позеленѣли дубы, ольхи, тополи, изъ земли поднялась бархатистая трава, зажелтѣли заросли по осеннему низкорослой львиной пасти, зацвѣлъ плоскій и круглый цвѣтокъ голубого цикорія.

Палладій Ильичъ хворалъ.

Припадки то проходили, то возобновлялись; докторъ навѣщалъ его всякій день и предписывалъ покой, какъ можно больше покоя. Палладій согласился не уѣзжать изъ дому до тѣхъ поръ, пока не возстановится его здоровье. Но здоровье не возстановлялось, и отецъ Илья послалъ Петра Ильича въ N—привезти домой библіотеку и вещи брата.

Петръ Ильичъ опять зачастилъ въ красный флигель читать газеты и книги Ксеніи Адріановнѣ. Для него время текло медленно: онъ жилъ въ ожиданіи дня, когда Москитскій позоветъ его въ Z.—на службу. Въ началѣ сентября пригрѣло солнце; холодные дожди стали потеплѣй, появилось много грибовъ, особенно груздей. Влажные и скользкіе, они хрупко ломались подъ ногами, прикрытые сверху размокшими прошлогодними листьями. Облака на ясномъ небѣ часто расцвѣчивались темнымъ узоромъ набѣгавшихъ тучъ, проносился студеный вѣтеръ, но сквозь тучи проглядывало солнце, и опять дѣлалось тепло.

Съ утра Ксенія Адріановна прислала Петру Ильичу записку, прося его понавѣдаться. Петръ Ильичъ пошелъ и встрѣтилъ Ксенію Адріановну въ паркѣ, недалеко отъ дома. Она была чѣмъ-то озабочена, молча поздоровалась съ Петромъ Ильичемъ и молча пошла рядомъ съ нимъ, удаляясь вглубь парка. Потомъ засмѣялась, изумленно пожала плечами и сообщила, со своей обычной простотой, безъ предисловій:

— У меня головоломная новость! Думаю, думаю... Не знаю, что дѣлать. Вашъ дядя предложилъ мнѣ стать вашей тетенькой! Что вы на это скажете? Хотите быть моимъ племянникомъ?

Петръ Ильичъ разсмѣялся отъ неожиданности. Предложеніе пожилого Москитскаго показалось ему, прежде всего, комическимъ.

— Нѣтъ, серьезно... какъ по вашему? Что за человѣкъ вашъ дядя?

Тонъ этого вопроса и какое-то,—не вполнѣ ясное, но кажущееся основательнымъ,—соображеніе подсказывало Петру

Ильичу, что Ксенія Адріановна относится къ своему вопросу серьезно. И хотя Петру Ильичу предложеніе Москитскаго продолжало казаться смѣшнымъ, но онъ уже не смѣялся и неопредѣленно отвѣтилъ:

— Я Семена Степановича почти не знаю... Прежде мало встрѣчался съ нимъ, и самъ былъ малъ. А теперь... тоже онъ не выяснился для меня. Какъ будто, дѣловой. Вѣрно, умный.

— Дѣловой—еще не умный,—возразила Ксенія Адріановна задумчиво.—Дѣловой—скорѣе настойчивый, энергичный... уравновѣшенный, если хотите. А умный—не то. Можно быть умнымъ и не дѣловымъ; даже такъ чаще бываетъ. Онъ же... его умъ... не знаю... Ужъ очень по житейски уменъ! Невеселый, должно быть, умъ, разсудочный, логичность въ поступкахъ, ходячее самосознаніе. Не могу представить его влюбленнымъ!

Ксенія Адріановна засмѣялась.

— Не привыкла я такъ смотрѣть на этотъ вопросъ...—сказала она и безпомощно развела руками:—съ точки зрѣнія благоразумія, какъ онъ говоритъ.

Петръ Ильичъ осторожно отозвался:

— Я и привыкать не пытался бы.

— Хорошо вамъ говорить!

Ксенія Адріановна озадаченно задумалась.

— И пишетъ такъ... основательно! — протянула она съ насмѣшливыми искорками въ глазахъ.—Такъ у него все это по пунктамъ выяснено, любо-дорого... Все: я, я, я!.. И о финансахъ моихъ плохихъ напоминаетъ, и пылкихъ чувствъ не требуетъ... Даже прошлое мое прощаетъ великодушно! У него это: „бракъ по благоразумію“, да мнѣ-то странно! Не привыкла я быть благоразумной.

Она опять помолчала въ раздумьи и начала:

— Хотя... съ другой стороны, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ скоро некуда будетъ дѣться! Тутъ-то онъ правъ, безъ сомнѣнія. Для меня это выгоднѣе, чѣмъ для него. А что ему за корысть—непостижимо! Не находка. Но... Tu l'as voulu, George Dandin! Для увлеченій—мы оба стары, это тоже такъ, безъ сомнѣнія. И тутъ онъ правъ. Я эту свою старость постоянно чувствую. Только поэты разсказываютъ: „на склонѣ нашихъ дней нѣжнѣй мы любимъ, суевѣрнѣй...“—на склонѣ дней не остается умѣнья воображать. Не идеализируешь, все видишь въ истинномъ свѣтѣ... Ну, и смѣшно!

Петръ Ильичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы не разсмѣяться снова. То, что Ксенія Адріановна колебалась, и колебалась серьезно, болѣе склоняясь къ утвердительному отвѣту, каза-

лось ему непростительнымъ малодушіемъ. По мнѣнію Петра Ильича, надо было отказать, и отказать безъ раздумья.

— Вамъ не нравится онъ? Дядюшка вашъ?—заподозрила Ксенія Адріановна.—Вѣдь не нравится?

— Не то, что не нравится, а... есть въ немъ что-то непріятное. Цинизмъ какой-то!

Ксенія Адріановна помолчала.

— Цинизмъ? — повторила она, подумавъ. — А что такое цинизмъ? Растяжимо. Такъ все перепутано кругомъ... и такъ нелегко иногда рѣшить, гдѣ кончается искренность, а гдѣ начинается цинизмъ. Да и когда поживешь уже на свѣтѣ... тогда трудно быть нециничнымъ... Семенъ Степановичъ хоть откровенный, не драпируется ни во что.

XIII.

На опушкѣ парка потемнѣло. Солнце исчезло съ нахмурившагося неба; подняли карканье вороны, предвѣщая близкій дождь. За полемъ, въ той сторонѣ, гдѣ текла рѣчка, нависъ туманъ, тамъ уже все было охвачено полосой дождя. Вскорѣ и на Петра Ильича упало нѣсколько капель. Сорвался вѣтеръ, закачалъ деревья, они зашумѣли тревожнымъ осеннимъ шумомъ, начался дождь, густой и мелкій. Отъ дождя и въ красномъ флигелѣ было полутемно, по-осеннему непривѣтливо. Ксенія Адріановна предложила Петру Ильичу прочитать вслухъ письмо Москитскаго. Петръ Ильичъ, немного смущаясь, взялъ письмо и началъ читать сперва съ запинкой, затѣмъ спокойнѣе:

„Уважаемая Ксенія Адріановна. Я поставилъ вопросъ прямо, вы отвѣтили уклончиво, какъ бы шутя, вскользь упоминая что-то о вашемъ прошломъ. Готовъ повторить еще разъ, что прошлое ваше, каково бы оно ни было (о немъ я даже и узнавать не имѣю намѣренія),—для меня безразлично. По моему, въ настоящемъ случаѣ важно не прошлое, а будущее; но за будущее, выражаясь въ вашемъ смыслѣ, я былъ бы вполнѣ покоенъ: вы принадлежите къ числу тѣхъ женщинъ, которымъ можно довѣриться безъ страха и оглядки. Но осуществимо ли мое предложеніе съ вашей точки зрѣнія? Это безпокоитъ меня больше всего остального. Если я не внушаю вамъ особо-непріятнаго впечатлѣнія, другими словами, если я не противенъ вамъ, то мое намѣреніе кажется мнѣ осуществимымъ. Мы оба не юноши и можемъ взглянуть на все это безъ юношескихъ иллюзій. Мы могли бы дополнить и, насколько возможно, скрасить жизнь другъ другу, не предъявляя одинъ другому невыполнимыхъ тре-

бованій: вы,—надѣюсь,—не потребовали бы отъ меня никакого героизма, я, въ свою очередь, не сталъ бы ждать отъ васъ ни пламенныхъ чувствъ, ни обожанія. Не вижу причинъ, мѣшающихъ намъ вступить въ такой благоразумно-дружественный союзъ. Вамъ угодно было спросить моего совѣта относительно имущественныхъ дѣлъ вашего отца. Ознакомившись съ документами, я сказалъ вамъ то, что есть: дѣла запутаны непоправимо. Отецъ вашъ относился къ своимъ интересамъ болѣе, чѣмъ безпечно, и если бы онъ прожилъ еще немного, его постигло бы то же, что вскорѣ постигнетъ васъ: крахъ окончательный. Не считайте черствой неделикатностью, что именно въ этомъ письмѣ я говорю о столь прозаическихъ вещахъ, какъ имущественные интересы. Но опять-таки мы съ вами не юноши, при томъ же вы вовсе не изъ числа женщинъ, которыхъ можно прельстить матеріальными выгодами, и я это понимаю. Указываю лишь на фактъ и позволяю себѣ напомнить, что при нѣкоторой долѣ благоразумія съ вашей стороны (если оно не претитъ вашимъ вкусамъ и чувствамъ),—вы можете уклониться отъ цѣлаго ряда меркантильныхъ заботъ. Можетъ быть, у васъ возникнетъ подозрѣніе, не желаю ли я породниться черезъ васъ съ губернаторомъ Д.? Не останавливайтесь на этой мелочной мысли. Не скрою, въ данный моментъ для меня, пожалуй, это было бы удобно, но ради одного этого не стоило бы предпринимать столь серьезный шагъ, какъ женитьба. Губернаторовъ много, сегодня — одинъ, завтра—другой, со всѣми не породнишься, и если бы вы не казались мнѣ подходящей для меня женою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, я и не подумалъ бы о родствѣ съ Диворадовичемъ. Не торопитесь отвѣтомъ, обдумайте и отвѣчайте категорически. Поручаю себя вашей снисходительности. Сердечно вашъ С. Москитскій".

Дочитавъ, Петръ Ильичъ обернулся къ Ксеніи Адріановнѣ: она сидѣла, глубоко задумавшись, и ничего не сказала о письмѣ. Петръ Ильичъ остался у нея обѣдать; за обѣдомъ снова заговорили о предложеніи Москитскаго, и снова Ксенія Адріановна то задумывалась, то шутила, напѣвая Петру Ильичу: „И встрѣтимся мы снова въ невѣдомой странѣ!"

Петръ Ильичъ вернулся домой, когда надъ намокшими Высокими Дубами надвигался вечеръ. Въ душѣ у Петра Ильича остался непріятный осадокъ отъ всего сегодняшняго дня. Петръ Ильичъ прошелъ въ свою комнату и прилегъ на кровати, надѣясь уснуть. На дворѣ опять моросилъ дождь, и шумѣлъ вѣтеръ, раскачивая въ палисадникѣ еще не осыпавшіеся топольки. Топольки все шевелились передъ

окномъ, то покачиваясь, то нагибаясь. Когда сумерки сгустились, стало казаться, будто въ движеніи тополевыхъ вѣтокъ есть нѣчто ритмическое, повторяющееся: не то онѣ танецъ какой-то танцуютъ, не то ведутъ разговоръ, наклоняясь другъ къ другу. Деревца принимали все болѣе и болѣе странныя очертанія и, наконецъ, слились съ темнотою ночи; а Петръ Ильичъ не переставалъ глядѣть въ потемнѣвшее окно и спрашивать у себя: почему же цинизмъ и жизнь, надо понимать, какъ одно и то же? И неужели это такъ?

Наступилъ сентябрь.

По ночамъ стояли легкіе морозы, днемъ сіяло бабье лѣто яркимъ солнцемъ и хрустально-прозрачнымъ воздухомъ. Тонкая паутина, сверкая, носилась всюду, опутывала кустарники и траву. Позолоченныя осенью, деревья наполовину оголились, дикій виноградъ давно сталъ красный, точно коралловый.

Петръ Ильичъ сидѣлъ у постели больного Палладія, когда отецъ Илья принесъ письмо, только что полученное отъ Москитскаго. Семенъ Степановичъ сообщалъ, что ѣдетъ въ Высокіе Дубы вѣнчаться, просилъ отца Илью позаботиться о документахъ Ксеніи Адріановны, а свои бумаги обѣщалъ привезти въ полной исправности. Событіе обсуждали на разные лады. Одинъ Палладій отнесся къ нему безучастно. Матушка была недовольна, отецъ Илья высказывалъ изумленіе, но самъ лично отправился въ красный флигель поздравить и переговорить о документахъ. Полюся,— недавно назначенная учительницей въ церковную школу къ отцу Ильѣ, — весь день, улыбаясь, поглядывала на Петра Ильича.

— Что же не идешь поздравлять? — спросила она вечеромъ.—Не ожидалъ?

— Чего? Что они женятся? Да я давно знаю.

— Зналъ? И не сказалъ намъ?

— Нужно было... Пришло время—и безъ меня узнали.

— Повлюблялися старцы!—комически произнесла Полюся съ язвительностью, которой трудно было отъ нея ожидать.— А я думала... ты все лѣто ходилъ, прогуливались вмѣстѣ... И вдругъ...

— Глупости ты думала! Кому что, а курицѣ просо. Поменьше бы ерунды всякой читала, какъ „онъ взглянулъ, а она поблѣднѣла, и уста ихъ слились въ роковомъ“...

— Совсѣмъ я не читаю такого! Ничего подобнаго...

— „На башнѣ святого Марка ударила полночь, а уста ихъ“...

— Оставь, оставь! не сочиняй!

— Начитаешься, тебѣ и мерещатся вездѣ романы. Вонъ ты третьяго дня съ докторомъ въ левадѣ гуляла? Такъ это— тоже не спроста?

— А можетъ и не спроста? Вольно же тебѣ считать меня уродомъ... Ты думаешь, что я никому ужъ не интересна?

— Напротивъ. Если такъ, то у доктора есть вкусъ.

— Тебѣ все только бы смѣяться! Правду говоритъ Палладій Ильичъ. Зубоскалъ...

— Погоди; уѣду—и зубоскала вспомните.

— Мы-то вспомнимъ, а ты перезабудешь. Всѣхъ насъ забудешь.

— Не забуду и я.

— Гдѣ ужъ!?

Полюся подождала, не возразитъ ли Петръ Ильичъ еще чего-нибудь, но онъ молчалъ, и Полюся печально сказала:

— Какой ты, право... ничего тебѣ не жаль! Вѣрно говорилъ батюшка: бросаешь живое, идешь искать мертваго. Птица—и та своего гнѣзда держится...

— И пусть держится... а я—не птица.

Черезъ недѣлю вѣнчали Ксенію Адріановну.

Петръ Ильичъ былъ шаферомъ у невѣсты, земскій докторъ—у жениха. Все обошлось по будничному, просто, даже невѣста была въ темномъ дорожномъ платьѣ. Послѣ вѣнчанья обѣдали у отца Ильи, обѣдали наскоро, съ опаской поглядывая на часы, какъ бы не опоздать къ поѣзду. Москитскій разсказывалъ, что они съ Ксеніей Адріановной намѣрены обновить старый домъ въ паркѣ, расчистить паркъ съ весны и пріѣзжать потомъ въ Высокіе Дубы на дачу.

— На тотъ годъ, въ эту пору, не узнаете ни дома, ни парка!—пообѣщалъ онъ.

— Дѣло хорошее! — любезно согласился отецъ Илья. — Домъ столѣтній, но стариннаго матеріалу... золото — не матеріалъ! На этотъ домъ положить тысченку-другую... то еще сто лѣтъ выстоитъ.

Ксенія Адріановна сидѣла за столомъ молчаливо и равнодушно, точно не объ ея домѣ шла рѣчь.

Петръ Ильичъ поѣхалъ провожать новобрачныхъ до станціи. Обратно въ Высокіе Дубы попалъ онъ лишь вечеромъ; звѣзды уже свѣтились на небѣ, холодный ночной вѣтеръ обвѣвалъ деревенскія улицы со стороны Рѣчища. Темной стѣной стоялъ у выгона паркъ Диворадовичей; сквозь деревья изъ краснаго флигеля не просвѣчивали комнатные огни, только въ кухнѣ у сторожа былъ свѣтъ въ окнѣ. Сла-

бый огонекъ то мерцалъ, то прятался за обнаженными деревьями. Глядя съ улицы на этотъ одинокій свѣтъ, Петръ Ильичъ ставилъ себя на мѣсто Ксеніи Адріановны съ ея привычкой къ иной жизни, къ инымъ, болѣе яркимъ огнямъ. Онъ подыскивалъ мотивы для оправданія, но не находилъ и повторялъ свой приговоръ:

— А всетаки—малодушно!

Позвали Петра Ильича въ Z. спустя еще около мѣсяца, лишь въ первыхъ числахъ октября, послѣ того, какъ въ Высокихъ Дубахъ отпраздновали храмовой праздникъ.

Проводы были грустные.

Служили напутственный молебенъ парадно, въ залѣ, но голосъ отца Ильи взволнованно дрожалъ, словно онъ не напутствовалъ, а отпѣвалъ кого-то...

— „Просите, и дастся вамъ,—торжественно читалъ отецъ Илья надъ головой сына, — ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вамъ: всякъ бо просяй пріем..."

Чтеніе внезапно прервалось: отецъ Илья плакалъ надъ Евангеліемъ.

Прощались всѣ съ Петромъ Ильичемъ ласково и сердечно, но онъ безъ труда угадывалъ за участливой сердечностью печаль и недовольство домашнихъ, общее осужденіе, сдержанное, но глубокое.

День былъ облачный, передъ тѣмъ выпалъ первый снѣгъ и уже растаялъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за облаковъ. Выглянетъ, освѣтитъ дорогу, блеснетъ въ чернѣющемъ полѣ остатками снѣговыхъ пятенъ и лужами—и спрячется. Зеленѣли озими, кое гдѣ еще пахали; Петръ Ильичъ ѣхалъ медленно по размякшей топкой дорогѣ. Ему было такъ грустно, какъ будто и онъ хоронилъ свои мечты... Послѣ ранняго золотистаго заката похолодало, морозъ сталъ стягивать дорожныя колеи ледянымъ налетомъ. Сумерками проѣзжали знакомое село: скрипѣли колодезные журавли передъ водопоемъ; надъ посѣрѣвшими отъ вечерняго свѣта хатами прямымъ столбомъ подымался изъ трубъ сѣрый дымъ; лаяли озябшія собаки, отвыкшія отъ зимняго холода, и далеко разносился ихъ лай въ холодѣющемъ воздухѣ. Грязь въ селѣ была непролазная, хуже, чѣмъ въ полѣ. Изъ земской школы выходили запоздалые ученики въ сѣрыхъ свиткахъ, съ торбами за плечами, съ усталыми лицами. Они остановились у дороги и по очереди усиленно кланялись Петру Ильичу, уже усвоивъ науку о почтеніи къ проѣзжающимъ. За деревней опять тянулось поле, и по краямъ его синѣла мгла. Передъ станціей, по полотну желѣзнодорожной насыпи

шелъ поѣздъ,—слышались свистки, равномѣрное: трахъ-та-та!—но самого поѣзда не было видно Его закрывали густые клубы дыма, рисуя въ воздухѣ сказочно-красивый, серебристый лѣсъ. И съ противоположной стороны мерещился въ морозной мглѣ другой лѣсъ, тоже полупрозрачный и какъ бы висящій въ воздухѣ, но не бѣлый, а дымчато-синій. Замелькали вокзальные огни, запахло каменноугольнымъ дымомъ, откуда-то потянуло махоркой, заблестѣла еще незамерзшая грязь на вымощенномъ камнемъ станціонномъ подъѣздѣ.

Петра Ильича охватило лихорадочное волненіе.

Леденящей струйкой прокрадывался въ душу страхъ передъ неизвѣстностью, боязнь ошибиться въ чемъ то, очень важномъ и существенномъ... Сейчасъ ему было болѣзненно жаль Высокихъ Дубовъ, плачущей матушки, отца Ильи съ его горестно сжатымъ ртомъ, укоризненно глядящей Полюси, всего, что оставалось тамъ, позади... Жаль было и сѣраго неба, и золотистыхъ закатовъ, грязнаго села со скрипучими колодцами, наивныхъ школьниковъ съ ихъ поклонами и тихихъ, повитыхъ туманами, деревень... Точно все это теперь уходило отъ Петра Ильича, чтобы никогда уже не вернуться.

Путь до станціи былъ конченъ.

А впереди лежалъ другой, казалось, безконечно-долгій, тревожный и страшный...

XIV.

Первымъ впечатлѣніемъ Петра Ильича въ Z. было впечатлѣніе удивленности: и самый городъ оказался гораздо обширнѣе, шумнѣе, многолюднѣе, чѣмъ предполагалъ Петръ Ильичъ, и еще изумила его показная роскошь обстановки, среди которой жилъ Москитскій. Петръ Ильичъ зналъ, что Москитскій человѣкъ состоятельный, даже богатый; но зналъ объ этомъ не точно, въ общихъ чертахъ. Теперь же Петра Ильича удивляло то, что онъ увидѣлъ. Семенъ Степановичъ занималъ особнякъ съ небольшимъ садикомъ. Кромѣ того, ему принадлежала огромная усадьба рядомъ, застроенная многоэтажными домами съ десятками квартиръ въ каждомъ домѣ. Внутри особнякъ Москитскаго былъ тщательно разукрашенъ и походилъ больше на музей, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Все было дорогое, красивое, но крикливо напоминающее о своей дороговизнѣ. Золоченый залъ, просторная гостиная въ стилѣ ампиръ, съ роялемъ изъ краснаго дерева съ бронзой, другая гостиная, съ модной мебелью бѣлаго

цвѣта, съ бѣлыми коврами и бѣлымъ піанино, солидный кабинетъ Москитскаго съ диваномъ, къ которому, какъ на катафалкъ, надо было идти вверхъ по ступенямъ, дальше гостиныя поменьше, разныхъ цвѣтовъ и стилей, съ вещами изъ розоваго, чернаго и краснаго дерева, — все говорило о томъ, что хозяинъ не жалѣлъ расходовъ на убранство своего жилища. Преобладали парадные покои; а комнатъ, предназначенныхъ для домашняго обихода, было совсѣмъ немного: двѣ, нарядно отдѣланныя, но небольшія спальни и крошечная комнатка возлѣ ванной, заставленная платяными шкафами, въ которой помѣстили Петра Ильича.

Когда Петръ Ильичъ пріѣхалъ, было часовъ одиннадцать утра. Москитскій и Ксенія Адріановна допивали чай. Москитскій,—въ сюртукѣ и темномъ галстухѣ,—собирался на службу. Въ немъ исчезли бравость и желаніе молодиться; наоборотъ, теперь Семенъ Степановичъ глядѣлъ дѣловито и серьезно. Петру Ильичу онъ привѣтливо сообщилъ, что — еще нѣсколько дней — и Петръ Ильичъ можетъ идти въ управу на службу; осталось выполнить незначительныя формальности, подождать, пока состоится управское утвержденіе. Ксенія Адріановна обрадовалась Петру Ильичу, забросала его вопросами о Высокихъ Дубахъ, словно она не вѣсть какъ давно уѣхала оттуда и успѣла соскучиться по деревнѣ. Видъ у нея былъ странный: не то угнетенно-растерянный, не то полусмущенный, будто она сознавала себя не на своемъ мѣстѣ. Ея фигура, въ черной юбкѣ и простой англійской кофточкѣ изъ пестрой фланели, терялась на фонѣ кричащецѣнной обстановки Москитскаго. Ксенія Адріановна была похожа не на хозяйку этого по-купечески роскошнаго дома, а на экономку или компаньонку изъ благородныхъ.

Къ подъѣзду подали гнѣдого рысака съ игрушечно-хорошенькой пролеткой, и Семенъ Степановичъ уѣхалъ.

Ксенія Адріановна и Петръ Ильичъ сперва помолчали въ столовой, сидя за массивнымъ столомъ, который сверкалъ серебромъ и посудой. Потомъ у Ксеніи Адріановны измѣнилось ея растерянное выраженіе лица, она опять стала прежней пѣвицей не у дѣлъ, какою зналъ ее Петръ Ильичъ въ Высокихъ Дубахъ. Добродушно засмѣявшись, она спросила:

— Удивлены? Не думали застать здѣсь этакое великолѣпіе?

Ксенія Адріановна повела глазами вдоль стѣнъ съ рѣзными буфетами.

— Не думалъ.

— И я не думала... До сихъ поръ не могу свыкнуться... Никакъ не предполагала, что дѣлаю столь блестящую пар-

тію! Что здѣсь все такъ en grand, съ такой помпой... Оказывается, у меня есть общественное положеніе, я должна помнить о представительствѣ... Но это вовсе не мое амплуа. И я себя—прескверно чувствую. Визиты, знакомства — все не по мнѣ. Лишь теперь понимаю, до какой степени я превратилась въ богему. По четвергамъ, когда у Семена Степановича журфиксы,—я просто мученица. Завтра четвергъ, вотъ увидите, пытка — пыткой... Оно, мятежное, — Ксенія Адріановна постучала рукой противъ сердца,—искало тихой пристани, покоя... а попало въ кипучую струю съ представительствомъ. Вотъ тебѣ и благоразуміе!

Петру Ильичу сдѣлалось такъ же легко съ Ксеніей Адріановной, какъ бывало въ Высокихъ Дубахъ.

— А Семенъ Степановичъ?—спросилъ онъ, не договаривая. Ксенія Адріановна поняла вопросъ, но отвѣтила не такъ, какъ ждалъ Петръ Ильичъ.

— Самъ-то? Самъ — еще ничего; выдержанный, деликатный, съ нимъ можно ужиться, но это представительство! Тяжело... И какъ я не сообразила? Пренеловкое положеніе! Семенъ Степановичъ такъ отъ души старается, чтобы мнѣ было хорошо. Я же при немъ, какъ связанная... Боюсь прорваться, боюсь показать недовольство... За что же его обижать? Чѣмъ онъ виноватъ, что я не въ свои сани полѣзла? И, конечно, не могу быть довольной... Все время насторожѣ, на политикѣ. И политика моя, кажется, ни къ чему не ведетъ. Она была бы хороша, но при одномъ условіи: если бы Семенъ Степановичъ не понималъ ея. А онъ—понимаетъ... Мнѣ ужъ и отпускъ обѣщанъ. Сбѣгу весной въ Высокіе Дубы, до самой осени; буду наблюдать за ремонтомъ и постройками... Ужъ то, что онъ самъ заговорилъ объ отпускѣ, и, такъ сказать, въ медовый мѣсяцъ?.. Правда, это показываетъ, что моя политика ни къ чему?

— Да... но, можетъ, вы еще привыкнете?

— Привыкнуть-то привыкну. Ко всему привыкаешь... Но трудно ужасно! Съ моими нервами что-то неладное; не хотятъ воспринимать новыхъ впечатлѣній, устали, что ли... Еще что-нибудь старое, прежнее: воспоминаніе или знакомство,—ну, ничего, оживешь на минуту, а все новое—какъ-то мимо! Такое отношеніе ко всему, какъ будто... будто я искусный шахматистъ: остановился этотъ шахматистъ возлѣ другихъ игроковъ и думаетъ: а погляжу-ка я, какъ вы ваши партіи разыгрываете? Стоитъ и отмѣчаетъ: вонъ тотъ недурной игрокъ, а этотъ — плохо... Самому же ему играть совсѣмъ не охота. Спѣлъ свою пѣсенку... Такъ и я... Я теперь о своемъ красномъ флигелѣ, какъ о потерянномъ раѣ, думаю...

Они ушли въ кабинетъ Ксеніи Адріановны и проговорили здѣсь вплоть до возвращенія Семена Степановича.

За обѣдомъ ѣли съ большей пышностью, чѣмъ за чаемъ. Кушанья подавалъ лакей въ перчаткахъ и съ образцово неподвижной физіономіей.

— Вечеромъ Мишель сегодня будетъ? — скороговоркой спросилъ Семенъ Степановичъ въ концѣ обѣда у Ксеніи Адріановны.

— Кажется, будетъ... обѣщалъ.

По лицу Ксеніи Адріановны пробѣжала насмѣшливая улыбка.

Москитскій обратился къ Петру Ильичу:

— Въ такомъ случаѣ, мы тебя сегодня еще не выпустимъ въ свѣтъ. Отдохни пока... до завтра. Мишель, — ея кузенъ, губернаторъ... избѣгаетъ смѣшиваться съ смертными. Я и самъ не всегда предстаю предъ его ясныя очи... Что дѣлать? Человѣческія отношенія не терпятъ равенства, какъ природа пустоты.

— Да, можетъ, и у меня нѣтъ желанія съ нимъ знакомиться?—возразилъ Петръ Ильичъ.

Москитскій усмѣхнулся иронически, и Петръ Ильичъ не могъ опредѣлить, смѣется ли Москитскій надъ разборчивымъ Мишелемъ, избѣгающимъ смѣшенія съ толпой, или надъ Петромъ Ильичемъ и его нежеланіемъ знакомиться съ губернаторомъ...

На слѣдующій вечеръ у Москитскихъ былъ журфиксъ.

Гости собирались поздно, послѣ десяти часовъ вечера. Ксенія Адріановна силилась быть привѣтливой, внимательной, и оттого, что она заботилась объ этомъ, ей,—всегда простой и привѣтливой,—теперь не удавалась ни любезность, ни привѣтливость обращенія. На лицѣ ея отражалась принужденность, улыбка выходила насильственной. Большинство гостей составляли мужчины, но и дамъ было достаточно. Судя по разговорамъ о приближеніи выборовъ, о думскихъ дѣлахъ и о предстоящей закладкѣ канализаціи, Петръ Ильичъ понялъ, что гости Москитскаго, главнымъ образомъ, домовладѣльцы, гласные думы, городскіе дѣятели.

Появился коренастый человѣкъ съ бѣлыми, пухлыми руками, лѣтъ за пятьдесятъ, съ просѣдью въ бородѣ, съ серьезно-задумчивымъ взглядомъ небольшихъ глазъ, съ порѣдѣвшими надъ лбомъ волосами и съ некрасивымъ лицомъ. Мужчины сгруппировались вокругъ него, заградивъ ему путь въ гостиную, къ хозяйкѣ дома. Къ нему видимо относились съ особымъ почтеніемъ.

— Николай Евгеньевичъ!

— Николаю Евгеньевичу!

Николай Евгеньевичъ пожималъ руки окружившимъ его и все посматривалъ на двери гостиной. Оттуда вышла Ксенія Адріановна.

— Николай Евгеньевичъ!—сказала и она, здороваясь, и сейчасъ же добавила: — вы—одинъ? А Лидія Григорьевна?

— Она попозже. Заѣдетъ съ концерта.

— Рейзенауэра слушаетъ?

— А концертъ развѣ Рейзенауэра? — спросилъ Николай Евгеньевичъ.—Кто онъ: пѣвецъ или музыкантъ?

Ксенія Адріановна засмѣялась.

Москитскій представилъ Петра Ильича Николаю Евгеньевичу, фамилія котораго была Рыбальцевъ.

— Племянникъ мой, Петръ Ильичъ... Принятъ управой въ секретари. Помните, я говорилъ?

— А! Очень радъ... Очень радъ, Петръ Ильичъ. Послужить желаете? Нужны, нужны молодые работники...

Рыбальцевъ съ большой простотой, почти по-родственному, немного поговорилъ съ Петромъ Ильичемъ. Къ словамъ Рыбальцева прислушивались: очевидно, онъ пользовался авторитетомъ, хотя держался весьма скромно. Съ его появленіемъ разговоръ мужчинъ окончательно сосредоточился на думскихъ выборахъ. Рыбальцевъ больше слушалъ другихъ, чѣмъ говорилъ самъ, но когда начиналъ говорить, рѣчь его лилась легко и непринужденно, какъ у оратора, привыкшаго выступать публично. Толковали о широкой агитаціи, организованной Синицынской партіей.

— У нихъ, что ни день, то подготовительныя собранія,— замѣтилъ кто-то изъ гостей.—Многолюдно у нихъ... Не пора ли и намъ, Николай Евгеньевичъ?

— А что-жъ, пора—такъ пора!—покорно согласился Рыбальцевъ, словно уступая чужому внушенію.—Милости просимъ ко мнѣ въ субботу. Я разошлю приглашенія... Поговоримъ, подготовимся и мы... Обсудимъ заблаговременно задачи новой думы, намѣтимъ людей... И голову себѣ намѣтимъ. А то и впрямь, какъ бы не приставили на плечи чужую? Съ чужой головой легко ли?..

Раздался смѣхъ, лицо Рыбальцева оставалось серьезнымъ.

— Несподручно, Николай Евгеньевичъ,—раздалось возлѣ него,—съ чужой головой несподручно жить!

— Я полагаю,—согласился Рыбальцевъ безъ улыбки.

Вокругъ него заговорили:

— У Синицына дѣятельная агитація! Притягиваетъ на свою сторону всѣ окраины...

— Пользуется антагонизмомъ между центромъ и захудалыми улицами...

Во второй половинѣ августа,—послѣ того, какъ уѣхалъ Москитскій,—пошли проливные дожди. Высокіе Дубы зазеленѣли наново. Покоробленные, сожженные засухой, листья облетѣли съ деревьевъ подъ первыми дождями. За то все, что уцѣлѣло отъ зноя, приняло яркій, сочный видъ поздняго расцвѣта. Позеленѣли дубы, ольхи, тополи, изъ земли поднялась бархатистая трава, зажелтѣли заросли по осеннему низкорослой львиной пасти, зацвѣлъ плоскій и круглый цвѣтокъ голубого цикорія.

Палладій Ильичъ хворалъ.

Припадки то проходили, то возобновлялись; докторъ навѣщалъ его всякій день и предписывалъ покой, какъ можно больше покоя. Палладій согласился не уѣзжать изъ дому до тѣхъ поръ, пока не возстановится его здоровье. Но здоровье не возстановлялось, и отецъ Илья послалъ Петра Ильича въ N—привезти домой библіотеку и вещи брата.

Петръ Ильичъ опять зачастилъ въ красный флигель читать газеты и книги Ксеніи Адріановнѣ. Для него время текло медленно: онъ жилъ въ ожиданіи дня, когда Москитскій позоветъ его въ Z.—на службу. Въ началѣ сентября пригрѣло солнце; холодные дожди стали потеплѣй, появилось много грибовъ, особенно груздей. Влажные и скользкіе, они хрупко ломались подъ ногами, прикрытые сверху размокшими прошлогодними листьями. Облака на ясномъ небѣ часто расцвѣчивались темнымъ узоромъ набѣгавшихъ тучъ, проносился студеный вѣтеръ, но сквозь тучи проглядывало солнце, и опять дѣлалось тепло.

Съ утра Ксенія Адріановна прислала Петру Ильичу записку, прося его понавѣдаться. Петръ Ильичъ пошелъ и встрѣтилъ Ксенію Адріановну въ паркѣ, недалеко отъ дома. Она была чѣмъ-то озабочена, молча поздоровалась съ Петромъ Ильичемъ и молча пошла рядомъ съ нимъ, удаляясь вглубь парка. Потомъ засмѣялась, изумленно пожала плечами и сообщила, со своей обычной простотой, безъ предисловій:

— У меня головоломная новость! Думаю, думаю... Не знаю, что дѣлать. Вашъ дядя предложилъ мнѣ стать вашей тетенькой! Что вы на это скажете? Хотите быть моимъ племянникомъ?

Петръ Ильичъ разсмѣялся отъ неожиданности. Предложеніе пожилого Москитскаго показалось ему, прежде всего, комическимъ.

— Нѣтъ, серьезно... какъ по вашему? Что за человѣкъ вашъ дядя?

Тонъ этого вопроса и какое-то,—не вполнѣ ясное, но кажущееся основательнымъ,—соображеніе подсказывало Петру

Ильичу, что Ксенія Адріановна относится къ своему вопросу серьезно. И хотя Петру Ильичу предложеніе Москитскаго продолжало казаться смѣшнымъ, но онъ уже не смѣялся и неопредѣленно отвѣтилъ:

— Я Семена Степановича почти не знаю... Прежде мало встрѣчался съ нимъ, и самъ былъ малъ. А теперь... тоже онъ не выяснился для меня. Какъ будто, дѣловой. Вѣрно, умный.

— Дѣловой—еще не умный,—возразила Ксенія Адріановна задумчиво.—Дѣловой—скорѣе настойчивый, энергичный... уравновѣшенный, если хотите. А умный—не то. Можно быть умнымъ и не дѣловымъ; даже такъ чаще бываетъ. Онъ же... его умъ... не знаю... Ужъ очень по житейски уменъ! Невеселый, должно быть, умъ, разсудочный, логичность въ поступкахъ, ходячее самосознаніе. Не могу представить его влюбленнымъ!

Ксенія Адріановна засмѣялась.

— Не привыкла я такъ смотрѣть на этотъ вопросъ...— сказала она и безпомощно развела руками:—съ точки зрѣнія благоразумія, какъ онъ говоритъ.

Петръ Ильичъ осторожно отозвался:

— Я и привыкать не пытался бы.

— Хорошо вамъ говорить!

Ксенія Адріановна озадаченно задумалась.

— И пишетъ такъ... основательно! — протянула она съ насмѣшливыми искорками въ глазахъ.—Такъ у него все это по пунктамъ выяснено, любо-дорого... Все: я, я, я!.. И о финансахъ моихъ плохихъ напоминаетъ, и пылкихъ чувствъ не требуетъ... Даже прошлое мое прощаетъ великодушно! У него это: „бракъ по благоразумію“, да мнѣ-то странно! Не привыкла я быть благоразумной.

Она опять помолчала въ раздумьи и начала:

— Хотя... съ другой стороны, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ скоро некуда будетъ дѣться! Тутъ-то онъ правъ, безъ сомнѣнія. Для меня это выгоднѣе, чѣмъ для него. А что ему за корысть—непостижимо! Не находка. Но... Tu l'as voulu, George Dandin! Для увлеченій—мы оба стары, это тоже такъ, безъ сомнѣнія. И тутъ онъ правъ. Я эту свою старость постоянно чувствую. Только поэты разсказываютъ: „на склонѣ нашихъ дней нѣжнѣй мы любимъ, суевѣрнѣй...“—на склонѣ дней не остается умѣнья воображать. Не идеализируешь, все видишь въ истинномъ свѣтѣ... Ну, и смѣшно!

Петръ Ильичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы не разсмѣяться снова. То, что Ксенія Адріановна колебалась, и колебалась серьезно, болѣе склоняясь къ утвердительному отвѣту, каза-

— Клянется вымостить всѣ предмѣстья и слободки чуть не торцовыми мостовыми...

— А за одно ужъ и освѣтить ихъ электричествомъ,— лишь бы его избрали. Говоритъ: Центральная улица—любимое, но незаконное дѣтище старой думы...

— Ужъ этотъ партикулярный патріотизмъ окраинцевъ! Локальные патріоты...

— Какой у нихъ курьезъ вышелъ! Третьяго дня... Ивицкій, воротила синицынскій, назначилъ собраніе въ домѣ Ниченка, а самого Ниченка забылъ предупредить. Восемь часовъ вечера, пьетъ Ниченко чай съ семействомъ,—звонокъ! Входитъ неизвѣстный господинъ, представился хозяину, говоритъ о погодѣ, садится... Ниченко ежится, онъ—нелюдимъ, конфузливъ, застѣнчивъ, какъ институтка... Опять звонокъ, еще гость, и опять незнакомый... Звонки—третій, четвертый, домъ наполняется людьми, и, какъ на грѣхъ, никого знакомаго съ хозяиномъ. Жена уже говоритъ Ниченкѣ по секрету: „ты бы, душечка, послалъ за городовыми. Богъ ихъ знаетъ, что у этого собранія на умѣ, не разбойники ли?..“

— Ха-ха!—раздался смѣхъ.

— Тутъ, къ счастью, пріѣхалъ забывчивый агитаторъ, и все выяснилось...

Рыбальцевъ выслушалъ разсказъ, слабо улыбаясь.

— Итакъ... слѣдовательно, до субботы? — сказалъ онъ, когда смѣхъ затихъ.—Я предложилъ бы избрать коммиссію для счета предварительныхъ предложеній въ гласные? И тогда пусть каждый предлагаетъ, кого хочетъ. По запискамъ... Во избѣжаніе навязыванья чужихъ мнѣній или кандидатовъ. А коммиссія подведетъ итоги предложеній. Записки же, въ присутствіи собранія, прошнуруемъ и опечатаемъ — чьей угодно печатью... Не такъ ли?

— Отлично!

— Затѣмъ, если вторичное собраніе одобритъ намѣченныхъ кандидатовъ, всѣ мы станемъ поддерживать ихъ на выборахъ. Согласны?

— Вполнѣ!

— Такъ милости прошу въ субботу; извѣщу всѣхъ, въ которомъ часу... И надѣюсь, мы будемъ солидарны въ главномъ? Потому что безъ солидарности—что же? Двѣ головни и въ полѣ дымятся, а одна и въ печи гаснетъ...

— Николай Евгеньевичъ!—добродушно взмолился Москитскій.—У меня журфиксъ, а не предвыборное собраніе. Собрались люди на чашку чаю, въ винтъ поиграть... а онъ—съ проектами... И какъ человѣку не надоѣстъ каждую минуту о городскихъ дѣлахъ думать? Когда вы успѣваете при этомъ еще и своей криминальной практикой заниматься?

— А и правда,—потвердилъ Николай Евгеньевичъ,—поиграть въ винтъ теперь благоразумнѣе.

Часть мужчинъ, въ томъ числѣ и Рыбальцевъ, сѣли за карты въ угловой гостиной, къ нимъ присоединились нѣкоторыя изъ дамъ. Послѣ чаю кто-то игралъ на піанино, кто-то пѣлъ, но въ общемъ было невесело. Москитскій занималъ разговоромъ не игравшихъ въ карты мужчинъ. Ксенія Адріановна сидѣла среди болѣе солидныхъ дамъ. Она прислушивалась къ тому, что говорили, подавала реплики, если дамская бесѣда замирала, и растерянно улыбалась.

XV.

Послѣ полуночи пріѣхала съ концерта жена Рыбальцева, Лидія Григорьевна; ее сопровождалъ молодой блондинъ во фракѣ, Демидовъ.

Рыбальцева,—хорошенькая женщина, лѣтъ двадцати семи, темная шатенка, почти брюнетка съ вьющимися волосами,— была одѣта по вечернему, съ открытой шеей и руками, въ ажурное бѣлое платье на зеленоватомъ чехлѣ съ художественно-разрисованными ирисами на зеленой ткани, вставленной медальонами среди бѣлаго ажура. На Лидіи Григорьевнѣ сіяли драгоцѣнности; браслеты звенѣли на ея рукахъ, какъ цѣпи, дрожащая брилліантовая эгретка ослѣпительно колыхалась въ темныхъ волосахъ, при каждомъ движеніи Рыбальцевой. Ея гибкая фигура двигалась, точно извиваясь, и это придавало ей сходство съ красивой змѣйкой. Изсине-сѣрые и очень выразительные глаза Лидіи Григорьевны, съ синевой вокругъ вѣкъ, смотрѣли плутовато и чуть-чуть пресыщенно; тонковатыя розовыя губы также выражали затаенную пресыщенность.

Рыбальцева внесла за собой струйку шума и оживленія въ скучно настроеную гостиную Москитскихъ.

Лидія Григорьевна развязно говорила вслухъ, повидимому, все, что приходило ей на умъ. Ее не стѣсняло опасеніе уколоть, обидѣть или задѣть кого-нибудь намекомъ, и она не церемонилась ни съ кѣмъ, не щадила иногда и самой себя. И какія бы рискованныя вещи ни говорила она, ей все прощалось и дозволялось, какъ избалованному, не знающему удержу, но всѣми любимому ребенку. Ее такъ и называли среди знакомыхъ: l'enfant terrible. Она уже отлично усвоила свой тонъ развязнаго ребенка и сумѣла заставить другихъ признать за нею право на безцеремонность. Семенъ Степановичъ обращался съ Рыбальцевой со свободной фамильярностью старшаго по возрасту; онъ говорилъ ей: „мой дружокъ“ и слегка

поддразнивалъ ее въ разговорѣ, какъ капризнаго ребенка. Рыбальцеву познакомили съ Петромъ Ильичемъ, и она звонко крикнула Москитскому:

— Вашъ племянникъ? Какой онъ у васъ красивый!

Петръ Ильичъ сконфузился.

— Только провинціалъ еще, — продолжала Рыбальцева, наивничая.—Семенъ Степановичъ, отдайте мнѣ племяшу въ науку? Отдадите? Я его въ свѣтъ вывозить буду.

— Берите, если пойдетъ,—съ скрытымъ значеніемъ словъ отвѣтилъ Москитскій.

— А онъ можетъ и не пойти? Упрямый?

— Кажется,—лукаво и все поддразнивая Рыбальцеву, сказалъ Москитскій.

— Тѣмъ лучше. То и цѣнно, что не дается въ руки...

Ксенія Адріановна, видя смущеніе Петра Ильича, измѣнила разговоръ.

— Какъ Рейзенауэръ? — спросила она у Рыбальцевой. — Хорошо игралъ?

— Спросите у Аркадія Павловича. Я вѣдь въ музыкѣ ничего не смыслю, ровнехонько ничего. Ударится звукъ объ ухо и отскочитъ, не проникаетъ дальше! Люди ѣздятъ по концертамъ, и я за людьми, что же мнѣ отставать отъ другихъ? Но сама, кромѣ цыганскихъ пѣсенокъ, никакой иной музыки не понимаю.

— А изъ вашихъ цыганскихъ пѣсенокъ споете намъ что-нибудь?—предложила Рыбальцевой Ксенія Адріановна ласково, какъ неправоспособному ребенку.

— Спою... но послѣ, теперь — чайку! Промочить горло хочется. И жара же въ дворянской залѣ!..

Ей подали чай съ сандвичами и фруктами. Она съ ребяческимъ аппетитомъ истребляла фрукты, выбирая, что посочнѣе, и не прекращала звонкой болтовни.

— Такая жарища тамъ! Не концертъ—мученье... А тутъ еще Аркадій Павловичъ со своими сентенціями. У Рейзенауэра, говоритъ, самое патетическое мѣсто, а вы зѣваете. А если мнѣ скучно и зѣвается? Говоритъ: должно остерегаться людей, которые не понимаютъ музыки...

— Ахъ, дерзкій!—шутя возмутился Москитскій.

— Дерзитъ, на каждомъ шагу дерзитъ. Подозрѣваю, не хочетъ ли онъ плѣнить меня системой дерзостей? Вы мнѣ надоѣли, Аркадій Павловичъ! Послѣдній разъ выѣзжаю съ вами.

Демидовъ, опустивъ глаза, не возражалъ и не оправдывался, только на губахъ его скользнуло выраженіе, напоминающее саркастическую усмѣшку.

— У мужа столько помощниковъ, столько этихъ... будущихъ криминалистовъ. И ни одинъ...

— Не годится въ рыцари къ патроншѣ?—весело подсказалъ Москитскій.

— Ни одинъ! Вотъ племяшу вашего брать съ собою буду... если поѣдетъ со мной. Поѣдете? Хотите провожать меня вмѣсто того господина?

Рыбальцева эксцентрично и упорно глядѣла въ глаза Петру Ильичу.

— Съ удовольствіемъ,—спокойно отвѣтилъ Петръ Ильичъ.

Онъ уже оправился отъ смущенія и упрямо сохранялъ самообладаніе подъ пристальнымъ взоромъ Лидіи Григорьевны, такъ что ей пришлось отвести глаза первой.

— Ксенія Адріановна, милая!—защебетала она,—скажите, если не секретъ... въ чемъ вы будете на закладкѣ канализаціи? Какой цвѣтъ?

— А я не рѣшила еще...

— Рѣшайте же. Чего раздумывать? Вашъ первый оффиціальный выходъ, надѣвайте бѣлое! И я — въ бѣломъ, чуточку съ желтизной, прелестный оттѣнокъ; тоненькое, тонюсенькое сукно, и шляпа подъ кокошникъ... Бѣлая, съ султаномъ. Вице-губернаторша всегда въ лиловомъ, но это мрачно. Надѣньте и вы бѣлое, чтобы мнѣ не быть одинокимъ пятномъ! Хорошо?

— Хорошо, извольте.

— Благодарю. Вы — прелесть, Ксенія Адріановна... Значитъ, мы въ бѣломъ? Только бы погода продержалась хорошая. Какъ размокропогодится къ тому времени! Ужъ подождали бы до весны, если не успѣли лѣтомъ. Какой смыслъ теперь закладывать? Черезъ мѣсяцъ земля замерзнетъ, все равно прекратятъ работы... Старая дума торопится, все хочетъ показать себя передъ выборами: а мы вамъ канализацію устроили!

Лидія Григорьевна сдѣлала вызывающе-коварную гримаску въ сторону Москитскаго.

— Надо имъ, чтобы на дощечкѣ зарыли въ землю на память потомству: при градскомъ головѣ такомъ-то, при такихъ-то и такихъ-то столпахъ общества, заложили канализацію...

Москитскій не смутился отъ укола.

— А хоть бы и такъ, дружокъ мой?—сказалъ онъ Рыбальцевой.—Нашъ посѣвъ, наша и жатва. И не только градского голову, и Николая Евгеньевича на первомъ мѣстѣ на память потомству выпишемъ. Канализація—прежде всего его дѣтище. Онъ предсѣдатель правленія канализаціи. Онъ один-

надцать лѣтъ руководилъ подготовительными работами, какъ гласный думы... Торжество не столько наше, сколько его.

— А о женѣ его не подумали? У васъ—торжество, а намъ, женамъ вашимъ, пачкай въ грязи платья.

— Грязи еще нѣтъ, дружокъ мой.

— Но можетъ быть къ тому времени? Осень на дворѣ. А знаете? Канализаціонныя акціи подымаются! Хотя всетаки еще не въ цѣнѣ. Но у нихъ есть будущее: онѣ пойдутъ въ гору, не смотря ни на какіе глупые слухи! Когда конку открывали, также были всякіе толки. И толковали сдуру! А сейчасъ къ акціямъ конки приступу нѣтъ! Не докупишься.

— Откуда у васъ, дружокъ мой, такія биржевыя познанія?

— А вѣдь я—одесситка. Вы забыли? А въ Одессѣ у насъ всѣ съ биржей знакомы. Всѣ спекулируютъ понемножку.— Лидія Григорьевна сдѣлала паузу, призадумалась, глаза у нея засмѣялись, и она докончила съ дѣтской наивностью:— И не въ одной Одессѣ. Спекуляція—вездѣ. Всякъ на что-нибудь да спекулируетъ.

— Понемножку?—засмѣялся Москитскій.—А пожалуй, и такъ, дружокъ мой.

— А вы? На что вы спекулируете, Семенъ Степановичъ?

— Я?—Москитскій приподнялъ вверхъ брови и наморщилъ лобъ, соображая, какая именно у него спекуляція.— Я?—повторилъ онъ и, наконецъ, нашелся:—На честность, дружокъ мой. Мы съ Николаемъ Евгеньевичемъ спекулируемъ на честность. Только на честность.

Лидія Григорьевна засмѣялась громко, звонко и весело.

— Вы—хорошіе спекулянты,—замѣтила она.—Дѣло прочное... хотя медлительное: выжидать долго приходится.

— Спѣшить некуда. И мы терпѣливы.

— А я—нѣтъ. Мнѣ—чтобы сію минуту было то, чего хочу. Подать немедленно!

— А коли не подадутъ?—поддразнилъ Москитскій.

— Сама возьму, отниму!

— Ого! Это уже не спекуляція, а разбой? Отнимаютъ только разбойники, мой дружокъ.

— Пусть разбой... пусть, что угодно. Но чтобы было то, чего я желаю!

— Вы, кажется, и спѣть намъ выразили желаніе?—любезно напомнила Рыбальцевой Ксенія Адріановна.

— Я помню.

Плутовскіе глазки Рыбальцевой остановились на Петрѣ Ильичѣ. Она улыбнулась, точно приласкавши Петра Ильича на разстояніи, и пошла къ піанино. Аккомпанировать сѣла

смуглая барышня въ черномъ платьѣ, высокая и тонкая, какъ тростинка. Голосокъ у Лидіи Григорьевны былъ мизерный, но пѣла она чрезвычайно выразительно, съ такимъ явнымъ оттѣнкомъ чувственности, что выразительность ея пѣнія не подлежала двоякому толкованію.

Чаръ твоихъ мнѣ не сбросить оковы,
Я во власти твоей красоты!—

пѣла она и въ упоръ глядѣла на Петра Ильича, какъ бы обращаясь къ нему. За этимъ романсомъ Рыбальцева исполнила другой, третій, еще нѣсколько,—всѣ одинаковаго пошиба. Ея пѣніе наэлектризовало гостиную. Даже у Семена Степановича заблестѣли его холодно-безучастные глаза; у дверей показались игроки, оставившіе карты—ради пѣнія. Польщенный и взволнованный, Петръ Ильичъ не могъ отдѣлаться отъ чувства неловкости за Рыбальцеву: ему было почти стыдно и за эту хорошенькую женщину, и за ея пѣсни...

Послѣ Лидіи Григорьевны упросили пѣть Демидова. У него оказался несильный, но пригодный для салоннаго пѣнія тенорокъ. Демидовъ выбралъ для исполненія: „Кто ты, плутовка, я не знаю“... Наивно-чистый мотивъ гармонировалъ со словами: „Но пѣснямъ я твоимъ внимаю въ моемъ убогомъ челнокѣ“...

Пропѣтая непосредственно вслѣдъ за репертуаромъ Рыбальцевой, вещица эта показалась Петру Ильичу чуть ли не идеаломъ чистоты.

„Про-сти до но-ва го сви-дань-я и но-выхъ пѣ-сенъ на-за-рѣ!“—слушалъ Петръ Ильичъ, и ему вспоминалось раннее утро въ Высокихъ Дубахъ надъ Рѣчищемъ и розовая Полюся съ ея ясными глазами, и еще что-то, не имѣющее названія, но полное свѣжести, радостнаго настроенія, поэзіи и чистоты... И Петру Ильичу казалось страннымъ, какъ это о такихъ, почти наивныхъ картинахъ, поетъ хотя и молодой, но, вѣроятно, успѣвшій шибко пожить мужчина съ преждевременными складками утомленія по сторонамъ полнаго, чувственно-очерченнаго рта, тогда какъ только что передъ нимъ молодая женщина изъ круга приличнаго общества безцеремонно распѣвала Богъ знаетъ о чемъ...

Гости начали разъѣзжаться къ тремъ часамъ ночи, послѣ обильнаго, поздняго ужина. За ужиномъ Рыбальцева очутилась возлѣ Петра Ильича. Не пытаясь больше его смутить, она задорно болтала, и ужинъ пролетѣлъ для него незамѣтно.

Къ концу вечера Ксенія Адріановна отъ усталости поблѣднѣла до синевы.

— Не по сердцу ей мои знакомые,—указалъ на нее Петру

Ильичу Москитскій, проводивши послѣдняго гостя.—Еле жива каждый разъ...

Онъ шутилъ, но что-то похожее на желчную укоризну было въ его шуткѣ.

Ксенія Адріановна поспѣшно превозмогла свое утомленіе.

— И всегда я такъ!—встрепенувшись, сказала она.—Помните, Петръ Ильичъ, какъ измучилась я лѣтомъ? Пріѣзжали мои же товарищи, артисты... до чего рада имъ была! А истомилась—не приведи Богъ.

— Я тогда думалъ, что вы сляжете! — смѣясь, добавилъ Петръ Ильичъ.

Москитскій повѣрилъ и сталъ веселѣе.

Ксенія Адріановна начала говорить съ умышленной оживленностью:

— Какой симпатичный Рыбальцевъ, мнѣ онъ нравится! И она, Лидія Григорьевна, мила. Много болтаетъ, правда, лишняго. Но, должно быть, только на словахъ такая экстравагантная...

Семенъ Степановичъ улыбнулся.

— Кажется, и на дѣлѣ разнузданная бабенка,—замѣтилъ онъ.—Не только на словахъ. Мужъ предоставляетъ дѣлать, что угодно, и ей все сходитъ съ рукъ. Рыбальцевъ относится къ ея поведенію по-философски.

— По-философски?—повторила Ксенія Адріановна, дѣлая видъ, будто ее интересуетъ это.—Какой онъ деликатный!

— Не большая еще деликатность не навязывать себя женщинѣ, которой ты въ тягость.

Въ словахъ Москитскаго слышался скрытый смыслъ, но Ксенія Адріановна разсѣянно не замѣтила этого. Москитскій договорилъ:

— Поскольку я его понимаю, онъ смотритъ на свой бракъ такъ: содѣялъ глупость и молчаливо переношу послѣдствія.

— Какъ? Какъ?—чистосердечно разсмѣялась Ксенія Адріановна.—Содѣялъ глупость и...?

Москитскій внимательно поглядѣлъ на нее, и ея смѣхъ оборвался. Насторожившись больше прежняго, она точно пыталась загладить какой-то свой промахъ и говорила о Рыбальцевыхъ:

— Они — не пара. Изъ разныхъ оперъ... И какъ его попутало жениться?

— Не онъ женился, его женили,—отвѣтилъ Москитскій безъ прежнихъ веселыхъ оттѣнковъ въ голосѣ.—Лидія Григорьевна гостила у тетки, а тетка жила на дачѣ у Николая Евгеньевича... Тамъ его изловили и окрутили. Рыбка крупная, стоило поймать...

— А онъ—что? Увлекся?

— Врядъ ли... не изъ увлекающихся, какъ будто, и не гимназистъ: отъ перваго брака дѣти взрослыя. Вѣрнѣе, просто не сумѣлъ отказать. А впрочемъ... можетъ, и увлекся. Его не разгадаешь. Необыкновенно скрытенъ. Со всѣми хорошъ, но ни съ кѣмъ не близокъ, въ душу къ себѣ никого не пуститъ. Можетъ, и увлекся.

Остатокъ ночи Петръ Ильичъ не спалъ, раздумывая о красивой, разнузданной Рыбальцевой, которая открыто высказывала, что онъ ей понравился...

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* * *

Не звонъ цѣпей меня пугаетъ,
Не своды каменной тюрьмы,
Не сила всегубящей тьмы
Мой умъ безсильемъ поражаетъ.

Разрушить можно тюремъ своды
И звенья цѣпи можно сбить,
Но тѣхъ нельзя освободить,
Кого пугаетъ видъ свободы!

Леонидъ Б.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

V. Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ. Послѣдніе годы.

I.

Первое тайное общество, въ которое вступилъ Рылѣевъ была масонская ложа. Попалъ онъ въ нее еще въ 1820 году, когда, только что женившись, на короткій срокъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ вступилъ въ это общество, какъ вступали тогда весьма многіе молодые люди, побуждаемый какими угодно мотивами, но едва ли политическими. Ложа называлась „Пламенѣющей Звѣздой", и дѣла, и пренія велись въ ней на нѣмецкомъ языкѣ. Рылѣевъ числился „братомъ первой степени". Какое участіе принималъ онъ въ масонской „работѣ" и часто ли онъ посѣщалъ свою ложу, мы не знаемъ, но есть основаніе думать, что эта работа была очень скромная и о личности Рылѣева сами „братья" имѣли представленіе довольно смутное *).

Со вступленіемъ въ тайное политическое общество, Рылѣеву, конечно, уже не оставалось времени для другой тайной работы.

Рылѣевъ былъ принятъ въ Петербургское или Сѣверное тайное общество въ началѣ 1823 года, когда общество состояло изъ немногихъ членовъ и готово было распасться. Начальникомъ общества сначала состоялъ Никита Муравьевъ, затѣмъ въ концѣ

---

*) Такъ, въ спискѣ членовъ онъ названъ „офицеромъ гвардіи" [*А. Пыпинъ* „Общественное движеніе при Александрѣ I, 1895, 318—9], тогда какъ онъ въ 1820 году офицеромъ уже не былъ и въ гвардіи никогда не служилъ. Д. Кропотовъ [„Нѣсколько свѣденій о Рылѣевѣ, 236] держится противнаго мнѣнія и говоритъ о *дѣятельномъ* участіи Рылѣева въ масонскихъ дѣлахъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ минуту ареста Рылѣевъ просилъ свою жену озаботиться истребленіемъ однѣхъ только масонскихъ бумагъ, лежавшихъ особо въ его кабинетѣ, которыя къ утру и были сожжены. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на масонскую дѣятельность Рылѣева и потому не можемъ даже утверждать, что, числясь въ нѣмецкой ложѣ, онъ тѣмъ самымъ былъ обязанъ знать хорошо нѣмецкій языкъ.

1823 года къ нему были присоединены князья Трубецкой и Оболенскій. Когда черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ Кіевъ, на его мѣсто членомъ директоріи или думы былъ назначенъ Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи директоры или правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ *).

Со времени вступленія Рылѣева въ думу, общество стало обнаруживать бо́льшую и болѣе безпокойную дѣятельность. Принимая во вниманіе характеръ Рылѣева, этому легко повѣрить, но въ чемъ именно заключалась дѣятельность Рылѣева 1823—1824 годовъ—объ этомъ свѣдѣній очень мало. Настоящая его дѣятельность началась только въ 1825 году, а до этого года время уходило, кажется, главнымъ образомъ на организацію совѣщаній и на споры о политическихъ программахъ. Рылѣевъ принималъ въ этихъ совѣщаніяхъ и спорахъ близкое участіе, образъ мыслей его становился все радикальнѣе и радикальнѣе, но дѣйствій пока не было, а были слова и, какъ увидимъ, достаточно неустойчивыя.

Общество расширялось, но очень медленно и даже ближайшее дѣло, которое само собой напрашивалось, т. е. объединеніе существующихъ тайныхъ обществъ сѣвернаго и южнаго, согласованіе ихъ дѣйствій—такъ и не двинулось впередъ до самаго критическаго момента, когда обѣ группы, вступивъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, стали дѣйствовать безъ всякаго соглашенія и выработаннаго сообща плана.

Рылѣевъ былъ однимъ изъ главныхъ, отстаивавшихъ такую независимость сѣвернаго общества по отношенію къ южному. Когда въ 1824 году П. И. Пестель — глава южнаго общества — пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ о взаимномъ соглашеніи, Рылѣевъ встрѣтилъ его недружелюбно. Причины ихъ несогласія, даже, кажется, ссоры, лежали частью въ несходствѣ ихъ политическихъ программъ, частью въ ихъ психической организаціи—въ паѳосѣ Рылѣева и въ разсчетливости Пестеля. „Пестель,—говорилъ самъ Рылѣевъ,—пріѣзжалъ въ Петербургъ съ разными предложеніями, но они всѣ были отвергнуты, ибо правила, принятыя здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) не сходствовали съ тѣми, кои служили основаніемъ предложеній Пестеля: онъ былъ совершенно противъ конституціи, написанной Никитою Муравьевымъ. Я видѣлся съ Пестелемъ одинъ разъ. Онъ говорилъ о необходимости соединенія здѣшняго общества съ южнымъ и о недостаткахъ конституціи Никиты Муравьева. Замѣтивъ въ немъ хитраго честолюбца, я уже больше не хотѣлъ съ нимъ видѣться“. Не-

---

*) Основныя свѣдѣнія о роли Рылѣева въ тайномъ обществѣ взяты изъ „Донесенія слѣдственной коммиссіи“ Спб. 1826, и изъ „Записки объ отставномъ подпоручикѣ Рылѣевѣ“, напечатанной у *Н. К. Шильдера*. „Императоръ Николай I“.

пріятное впечатлѣніе произвелъ Пестель не на одного только Рылѣева. Когда Рылѣевъ высказалъ свои подозрѣнія, что Пестель человѣкъ опасный и для Россіи, и для видовъ общества, и когда Рылѣевъ предлагалъ даже соединеніе обществъ, но съ опредѣленной цѣлью—чтобы не выпускать Пестеля изъ виду и наблюдать за нимъ—всѣ члены сѣвернаго общества съ этимъ согласились, хотя честолюбивые замыслы Пестеля такъ ихъ напугали, что отъ мысли объединиться съ южнымъ обществомъ они въ концѣ концовъ всетаки отказались *). Такимъ образомъ, была упущена возможность болѣе согласованнаго и рѣшительнаго дѣйствія, которымъ Пестель по природѣ своей способенъ былъ руководить, и которое должно было затормазиться и запутаться подъ руководствомъ такихъ совершенно не политическихъ и не организаторскихъ головъ, какими были Рылѣевъ и его сѣверные товарищи. Сами главари сѣвернаго общества признавали впослѣдствіи, что „общество находилось подъ вліяніемъ правителей ревностныхъ и дѣятельныхъ, но не успѣвшихъ еще пріобрѣсти опытность въ дѣлахъ“ **). Этой опытностью менѣе всего обладалъ Рылѣевъ, хотя въ минуты болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу и онъ понималъ всю слабость

*) Пестель,—говорилъ Рылѣевъ,—вѣроятно, желая вывѣдать меня, въ два часа разговора со мной былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской. Напримѣръ, онъ соглашался со мной, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть самый приличный и удобный для Россіи. Когда же я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, т. е. къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя нѣсколько времени онъ согласился со мной, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, что англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь, лордовъ, купцовъ, „да близорукихъ англикановъ“—подхватилъ Пестель. Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу испанскаго государственнаго устава и, наконецъ, зашла рѣчь и о Наполеонѣ. Пестель воскликнулъ: „вотъ истинно великій человѣкъ, по моему мнѣнію; ужъ если имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! сколько создалъ новыхъ фортунъ! онъ отличалъ незнатность и дарованія“. Понявъ, куда все это клонится, я сказалъ: „сохрани насъ Богъ отъ Наполеона. Да, впрочемъ, этого и опасаться нечего,—въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“. „Разумѣется—отвѣчалъ Пестель.—Я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему должно быть вторымъ Наполеономъ, а въ такомъ случаѣ всѣ мы останемся не въ проигрышѣ“ (См. „Донесеніе“ стр. 42). Въ Пестелѣ тогда многіе хотѣли видѣть будущаго Наполеона (Выраженіе Н. И. Тургенева—„Вашингтонъ—Рылѣевъ и Бонапарте—Пестель“ въ письмѣ къ братьямъ отъ 25 окт. 1826. „Русская Старина“ 1901. V, 258).

**) „Разборъ донесенія слѣдственной коммиссіи Н. Муравьева и Лунина“ „Записки Декабристовъ“ III. Лондонъ 1863, 115.

наличныхъ силъ, съ которыми приходилось дѣйствовать. Если въ частныхъ бесѣдахъ онъ стремился — какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ—„представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, чѣмъ они были, и въ подлинныхъ разговорахъ говорилъ о распространеніи числа членовъ“ *), то, какъ видно изъ его показаній, онъ всетаки не самообольщался насчетъ силы, какой всѣ они располагали. Тотъ же Н. Бестужевъ заставляетъ Рылѣева признать всю слабость ихъ организаціи **), а самъ Рылѣевъ въ бесѣдѣ съ Трубецкимъ признавался, что сѣверное общество „совершенно ничего не можетъ сдѣлать, если прочіе члены думы будутъ дѣйствовать по прежнему“. О себѣ же самомъ онъ говорилъ, что онъ будетъ „безполезная жертва“.

Не смотря на такой печальный взглядъ, энергія Рылѣева не ослабѣвала, и всѣ, кто помнитъ его на собраніяхъ,—сохранили въ своей памяти его восторженный обликъ и нервно напряженную рѣчь. Судьи отмѣтили въ своемъ обвиненіи эту его восторженность и суетливость, которыя дали имъ поводъ думать, что онъ былъ душой всего заговора. Рылѣевъ самъ укрѣпилъ ихъ въ этомъ мнѣніи, признавая себя главнымъ виновникомъ происшествій 14 декабря. „Я могъ все остановить,—говорилъ онъ своимъ судьямъ, и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности“ ***). Въ этомъ признаніи было, однако, гораздо больше желанія спасти другихъ, чѣмъ желанія сказать истину.

Если Рылѣевъ и кипятился, то само дѣло двигалось очень медленно, и Рылѣевъ не могъ ни поторопить, ни затормазить его.

Дѣятельность Рылѣева состояла, главнымъ образомъ, въ привлеченіи новыхъ членовъ и въ устройствѣ собраній. Онъ принялъ въ общество многихъ: А. Бестужева и Каховскаго (которые составляли его „отрасль“), Сутгофа, Кожевникова, князя Одоевскаго, Николая, Петра и Михаила Бестужевыхъ, Торсона, Батенкова, Панова, В. Кюхельбекера, Завалишина, Арбузова и другихъ ****).

---

*) „Воспоминаніе о Рылѣевѣ“ Н. Бестужева. Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 30.

**) Тамъ же, стр. 31.

***) Донесеніе, 62.

****) У Рылѣева была, кажется, мысль пристегнуть къ обществу Грибоѣдова и Хомякова. Трубецкой утверждалъ, что онъ слышалъ, будто Рылѣевъ принялъ Грибоѣдова въ члены. Рылѣевъ на судѣ отвергъ это, говоря, что Грибоѣдовъ „полагалъ Россію къ конституціонному правленію не готовою и съ неохотой входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ. Грибоѣдовъ же показалъ, что Рылѣевъ ему о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывалъ (Объ участи Грибоѣдова въ дѣлѣ декабристовъ смтр. *П. Е. Щеголевъ* „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“ Спб. 1904).

Что касается Хомякова, то „встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, Хомяковъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изо всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему

Будучи менѣе образованъ въ политическомъ смыслѣ, чѣмъ, напр., Никита Муравьевъ, Лунинъ, Батенковъ,Николай Тургеневъ (который, впрочемъ, тогда жилъ за границей), Рылѣевъ былъ среди нихъ наибольшій сангвиникъ и человѣкъ наиболѣе рѣзкаго слова. Уступалъ онъ въ этомъ отношеніи одному лишь Якубовичу, про котораго и слѣдственная коммиссія говорила, что онъ „сильно дѣйствовалъ на Рылѣева" *). Но такой сангвиническій темпераментъ въ спорахъ и рѣчахъ еще не указывалъ на такую же сангвиническую способность къ дѣйствію.

Кромѣ дѣятельной вербовки членовъ, Рылѣевъ былъ тогда занятъ и устройствомъ собраній и совѣщаній. Въ особенности част и многолюдны стали они въ ноябрѣ 1825 г. „Квартира ваша — гласило обвиненіе—сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній и сборища заговорщиковъ, откуда и исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію, которыя хотя дѣлались отъ имени Трубецкаго, но были непосредственно слѣдствія вашей воли". Рылѣевъ призналъ правильность обвиненія, согласился, что дѣйствительно его квартира сдѣлалась мѣстомъ совѣщанія, но говорилъ, что произошло это случайно, по причинѣ его болѣзни, которая не дозволяла ему выѣзжать **). Иначе, конечно, добавлялъ онъ, онъ не допустилъ бы у себя такихъ собраній, какъ ради собственной безопасности, такъ и безопасности самого общества.

Если на эти собранія заговорщики и не стекались „сотнями", какъ утверждалъ Пржецлавскій ***), то собранія были всетаки многолюдны. Послѣ смерти императора Александра члены собирались ежедневно и разговоры принимали все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Самыя бурныя собранія происходили 12 и 13 декабря, первое у Оболенскаго, второе и послѣднее у Рылѣева. На этомъ собраніи и былъ выработанъ планъ вывести войска на площадь и, въ случаѣ неудачи, отступить съ ними къ Новгороду и поднять военныя поселенія ****).

Кромѣ этой роли хозяина и оратора на столичныхъ собра-

что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу". *В. Лясковскій.* А. С. Хомяковъ. М. 1897, 12. „Хомяковъ,—говоритъ П. Бартеневъ,—бывалъ у Рылѣева въ 1825 г. и однажды до того раздразнилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру. „*П. Б.*" „Русскій Архивъ" 1893. II, 119.

*) „Донесеніе" 58.

**) Съ 26 ноября 1825 онъ двѣ недѣли не выѣзжалъ изъ дома. У него была жаба.

***) „Русская Старина" 1874. Декабрь 677.

****) „14-ое декабря" И Пущина. „Всемірный Вѣстникъ" 1903. VI—VII, 228, 231 срв. „А. М. Булатовъ" „Русская Старина" 1887. Январь, 213. Объ этихъ собраніяхъ зналъ генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, но не обратилъ на нихъ вниманіе, полагая, что это собранія „редакціонныя" при „Полярной Звѣздѣ".

ніяхъ, Рылѣевъ исполялъ также иногородныя порученія. Лѣтомъ 1825 года онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ съ цѣлью устроить тамъ филіальное отдѣленіе общества.

Былъ онъ въ этомъ же году и въ Москвѣ, гдѣ вращался въ кружкѣ архивныхъ юношей, кажется, тоже съ цѣлью пропаганды. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что на вечерѣ у М. М. Нарышкина онъ слушалъ, какъ Рылѣевъ читалъ свои „Думы“ и „рѣзко выражался“. Впечатлѣніе отъ рѣчей и стиховъ Рылѣева было очень сильное. Кошелевъ подѣлился этимъ впечатлѣніемъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновымъ и Рожалинымъ, и молодые московскіе философы стали итересоваться русской политикой *), къ которой раньше были равнодушны.

О какой-либо другой работѣ Рылѣева въ обществѣ—у насъ нѣтъ свѣдѣній. Если не считать его стихотвореній, „Думъ“ и вышеупомянутыхъ революціонныхъ пѣсенъ,—то Рылѣевъ, кажется, не принималъ участія въ какихъ-либо письменныхъ трудахъ общества. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ Александромъ и Николаемъ Бестужевыми занимался составленіемъ прокламацій къ войску; они хотѣли тайно разбросать ихъ по казармамъ, но признали это неудобнымъ и прокламаціи изорвали **).

Отъ сочиненія конституціоннаго манифеста—на случай удачи—Рылѣевъ также отказался и поручилъ это дѣло бар. Штейнгелю.

Наконецъ, обвиненіе ставило Рылѣеву въ вину сочиненіе „Катехизиса вольнаго человѣка“, начатаго Н. Муравьевымъ. Рылѣевъ, однако, показывалъ, что онъ только обѣщалъ продолжать этотъ катехизисъ, но за разными обстоятельствами исполнить этого не успѣлъ и возвратилъ Муравьеву катехизисъ неоконченнымъ.

Изъ всѣхъ этихъ краткихъ свѣдѣній видно, что роль Рылѣева до 14 декабря ограничивалась, главнымъ образомъ, тѣмъ экзальтирующимъ вліяніемъ, какое онъ оказывалъ на товарищей. Онъ былъ „душой“ заговора въ этомъ именно смыслѣ. Мы увидимъ дальше, что и въ выработкѣ политической программы онъ участвовалъ больше своимъ темпераментомъ, тѣмъ политическимъ глубокомысліемъ.

Этотъ темпераментъ поддерживалъ въ немъ энергію въ самыя критическія минуты: казалось, ничто не могло его обезкуражить. Когда, наканунѣ 14 декабря, членамъ общества стало извѣстно, что в. к. Николай Павловичъ знаетъ объ ихъ заговорѣ изъ доклада І. И. Ростовцева, Рылѣевъ, при встрѣчѣ съ Ростовцевымъ, велъ себя

---

*) *М. Веневитиновъ.* „Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова“, „Русскій Архивъ“ 1885 I, 115. *А. И. Кошелевъ* „Записки“ Берлинъ, 13.

**) *Н. Бестужевъ.* „Воспоминаніе о Рылѣевѣ“. Сочиненія Рылѣева, Берлинъ 1861, 32.

совсѣмъ какъ сентиментальный герой любой романтической драмы и не хотѣлъ понять всей важности совершившагося факта *). Такую же политическую слѣпоту обнаружилъ онъ и при конечной оцѣнкѣ силъ, съ какими намѣревался дѣйствовать на площади. Когда Трубецкой съ наивностью говорилъ ему, что для совершенія ихъ намѣреній вполнѣ довольно одного полка, Рылѣевъ успокоился и отвѣчалъ, что тогда и хлопотать нечего, потому что ужъ два полка выйдутъ навѣрное. А когда тотъ же Трубецкой, уступая законнымъ сомнѣніямъ, сказалъ: „что, если выйдетъ мало войска? рота или двѣ? зачѣмъ идти и другихъ вести на гибель"?— Рылѣевъ, какъ будто соглашался съ нимъ, но потомъ замѣтилъ: „если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними" **).

Странно, однако, что при такой бѣшеной храбрости и рѣшимости, Рылѣевъ отклонилъ отъ себя руководящую роль въ самомъ возмущеніи. Дитаторомъ былъ назначенъ, какъ извѣстно, князь Трубецкой, и при томъ по предложенію Рылѣева. Одинъ современникъ утверждаетъ, что Рылѣевъ имѣлъ нужду въ имени Трубецкаго, за которымъ онъ намѣревался скрыть собственный авторитетъ — что будто бы и призналъ Трубецкой при допросѣ ***). Но зачѣмъ было скрывать авторитетъ въ самый рѣшительный моментъ, это — непоятно. Вѣрнѣе предположить, что выборъ палъ на Трубецкого потому, что сѣверное общество въ эту критическую минуту разсчитывало дѣйствовать сообща съ южнымъ, гдѣ у Трубецкого было больше связей, чѣмъ у Рылѣева. Но во всякомъ случаѣ поведеніе Рылѣева въ этотъ самый опасный моментъ не соотвѣтствуетъ той энергіи и рѣшимости, съ какой онъ выступалъ на собраніяхъ. Тотъ аргументъ, что онъ былъ статскій, а Трубецкой — гвардейскій офицеръ, едва ли можетъ быть принятъ во вниманіе, такъ какъ диктаторъ могъ руководить своими ближайшими помощниками и не обязанъ былъ вступать въ непосредственное сношеніе съ войсками. Кромѣ того, выборъ Трубецкого, котораго Рылѣевъ зналъ довольно

*) 13 декабря 1825 въ 5 часовъ вечера Ростовцевъ отдалъ Оболенскому въ присутствіи Рылѣева переписанное имъ самимъ письмо къ Великому Князю и записанный ихъ разговоръ [„Русская Старина", 1889, сентябрь 618, 636. „Письмо Я. И. Ростовцова къ Е. И. Оболенскому 1858 г."]. Рылѣевъ сказалъ при этомъ Оболенскому: „нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности, но какое имѣлъ ты основаніе быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствоваль по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью идя къ Великому Князю [какъ извѣстно, Ростовцовъ при докладѣ не назвалъ ни одного изъ участниковъ заговора по имени], вновь жертвуетъ жизнью, придя къ намъ: ты толженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка". Оболенскій сказалъ на это: „я бы желалъ задушить его въ моихъ объятіяхъ". „Изъ бумагъ. I. И. Ростовцова" „Русскій Архивъ" 1873, 473.

**) Schnitzcer „Histoire intime de la Russie" 1854 I, 213.

***) „Донесеніе", 73.

близко, указываетъ лишній разъ на политическую недальновидность нашего поэта.

И въ поэтической натурѣ Рылѣева, пожалуй, и кроется разгадка всѣхъ этихъ вопросовъ.

Въ мечтахъ и планахъ смѣлый, онъ для дѣла былъ мало пригоденъ. Нервный человѣкъ, онъ рисковалъ ослабѣть въ самую нужную минуту, и онъ, дѣйствительно, палъ духомъ тотчасъ же, какъ очутился на площади.

Съ какими же планами шелъ онъ на сенатскую площадь и каковы были тѣ политическія убѣжденія или просто мысли, на которыхъ онъ остановился послѣ трехлѣтнихъ жаркихъ споровъ?

II.

Рылѣевъ не оставилъ намъ письменнаго изложенія своей политической проповѣди; онъ высказывался лишь при случаѣ, несистематично, иногда сбивчиво, и потому категорическая оцѣнка его политическаго ученія при наличномъ матеріалѣ невозможна.

Съ увѣренностью можно намѣтить лишь самыя общія положенія. Они изложены связно и документально въ біографическомъ очеркѣ Рылѣева, написанномъ А. Сиротининымъ, и намъ остается только повторить ихъ *). Программа Рылѣева была „та же самая программа, что и у другихъ членовъ общества: онъ также желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостнаго права, свободы въ выборѣ занятій, равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ; но онъ подходилъ къ этимъ вопросамъ съ своей особенной, демократической точки зрѣнія, и эта демократичность его убѣжденій всего рѣзче и яснѣе выступала въ сравненіи съ мнѣніями его сотоварищей. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія на преобразовательный проектъ Никиты Муравьева гораздо болѣе склоннаго къ аристократическимъ началамъ. Оба, напримѣръ, одинаково желали, чтобы народъ самъ избиралъ себѣ представителей; но Муравьевъ думалъ ограничить какъ самое право быть избираемымъ, такъ и право избирать установленіемъ особаго имущественнаго ценза: избираемые должны были имѣть или недвижимое имѣніе въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое въ 3000 фунтовъ, а избиратели—недвижимое въ 250 фунтовъ, а движимое въ 500 фунтовъ. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, заявляя, что „это не согласно съ за-

---

*) *А. Сиротининъ.* „К. Ѳ. Рылѣевъ" „Русскій Архивъ" 1890, іюнь 165—6.

конами нравственными". Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ *) опять проглядываетъ его демократическая жилка, и въ то время, какъ иные стояли лишь за личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, а Муравьевъ за оставленіе имъ въ собственность только домовъ и огородовъ, Рылѣевъ желалъ полнаго освобожденія съ землей, не только огородной, но и полевой. Даже самыя мелкія обстоятельства политической его дѣятельности носятъ на себѣ эту своеобразную демократическую печать. Такъ, поступивъ въ члены тайнаго общества, онъ уже предлагаетъ принимать въ него и купцовъ, и мѣщанъ. Правда, это предложеніе не удалось, такъ какъ рѣшили, что „это невозможно, что наши купцы — невѣжды"; но для насъ важно уже то обстоятельство, что вездѣ и всюду Рылѣевъ являлся истиннымъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ аристократическихъ замашекъ своихъ товарищей".

Къ этому общему обзору мнѣній Рылѣева нужно добавить еще его патріотическую тенденцію. Онъ не раздѣлялъ политическихъ польскихъ симпатій своихъ товарищей и о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года не думалъ **).

На допросѣ онъ по этому поводу показывалъ: „О существованіи тайныхъ обществъ въ Польшѣ слышалъ я отъ Трубецкого, при чемъ онъ говорилъ, что южное общество чрезъ одного изъ своихъ членовъ имѣетъ съ оными постоянныя сношенія; что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей отъ Россіи завоеванныя провинціи: Литву, Подолію и Волынь. Я сильно возставалъ противъ сего, утверждая, что никакое общество не въ правѣ сдѣлать подобнаго условія, что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ. Говорилъ, что и настоящее правительство наше дѣлаетъ великую погрѣшность, называя упомянутыя провинціи въ актахъ своихъ „польскими" или вновь присоединенными отъ Польши, и впродолженіе 30 лѣтъ ничего не сдѣлавъ—даже нравственно присоединить оныя къ Россіи; что границы Польши собственно начинаются тамъ, гдѣ кончается нарѣчіе малороссійское и русское или по-польски хлопское; гдѣ же большая часть народа говоритъ упомянутыми нарѣчіями и исповѣдуетъ греко-россійскую или уніатскую религію, тамъ Русь, древнее достояніе наше".

Таковы общія политическія и общественные взгляды Рылѣева. Въ нихъ противорѣчій и колебаній нѣтъ, но противорѣчія оказались, когда ему пришлось задуматься о частностяхъ, и при томъ самыхъ важныхъ.

Приступая къ обзору этихъ частностей, не будемъ, однако, упу-

---

*) „При вступленіи моемъ въ общество, показывалъ Рылѣевъ, мнѣ сказано было, что свобода крестьянъ есть одно изъ первѣйшихъ условій общества и что въ обязанности каждаго члена склонять умы въ пользу оной".

**) *Д. Кропотовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 237.

-скать изъ виду всей скудости свѣдѣній, какими мы располагаемъ.

На сторонѣ какой формы правленія стоялъ Рылѣевъ?

Цѣль общества—говорилъ онъ въ своихъ показаніяхъ—было установленіе конституціонной монархіи. На вопросъ генералъ-адъютанта барона Толя (при первомъ допросѣ 14 декабря): „не вздоръ ли затѣваетъ молодость? не достаточны ли для нихъ примѣры новѣйшихъ временъ, гдѣ революціи затѣваютъ для собственныхъ разсчетовъ?"—Рылѣевъ холодно отвѣчалъ: „Не взирая на то, что я вамъ всѣхъ виновныхъ выдалъ (?), я вамъ скажу, что я для счастія Россіи полагаю конституціонное правленіе самымъ выгод нѣйшимъ и остаюсь при семъ мнѣніи". Въ письмѣ къ Государю отъ 16 декабря 1826 г. онъ говоритъ тоже самое, только, конечно, въ другихъ выраженіяхъ: „Мы надѣялись, пишетъ онъ, что дѣло кончится безъ кровопролитія, что другіе полки пристанутъ къ намъ, и что мы въ состояніи будемъ посредствомъ сената предложить Вашему Величеству или Государю Цесаревичу о собраніи великаго собора, на который должны были съѣхаться выборные изъ каждой губерніи, съ каждаго сословія по два. Они должны были рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Приговору великаго собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасностьо Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно б ыл представить народному собору, какъ проектъ".

Рѣчь идетъ, очевидно, о конституціонной монархіи, которую Рылѣевъ и въ частныхъ бесѣдахъ признавалъ наиболѣе желательной формой правленія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что „во второй арміи въ южномъ обществѣ хотятъ демократіи: „это вздоръ, говорилъ онъ, невозможное дѣло: мы желаемъ монархіи ограниченной". Но почти въ тоже время онъ при Батенковѣ восклицалъ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ; что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся, и самая Англія, въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія: „южные отвергаютъ монархію, ихъ мнѣніе принято и здѣсь" *).

Если и предположить, что Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ имѣлъ нѣкоторое основаніе затемнять свой „республиканскій" образъ мыслей, то такія слова, сказанныя въ частной бесѣдѣ, всетаки показываютъ, что главнаго вопроса о формѣ правленія Рылѣевъ себѣ какъ будто не выяснилъ. Рылѣевъ самъ чувствовалъ это и выдвигалъ въ свою защиту аргументъ очень вѣскій: онъ утверждалъ, что установленіе новаго порядка не должно было быть дѣломъ

---

*) „Донесеніе", 59.

частныхъ лицъ, а могло принадлежать лишь волѣ народа *). Но дѣло идетъ не объ установленіи правленія, а о взглядахъ самого Рылѣева, и эти взгляды, насколько они намъ извѣстны, были очень неустойчивы. По его словамъ, онъ въ частныхъ бесѣдахъ всегда придерживался того мнѣнія, что Россія еще *не созрѣла для республиканскаго правленія*, онъ всегда защищалъ ограниченную монархію, хотя *душевно* и предпочиталъ ей образъ правленія Сѣверо-АмериканскихъСоединенныхъ Штатовъ, предполагая, что образъ правленія сей республики есть самый удобный для Россіи по обширности ея и разноплеменности населяющихъ ее народовъ. Онъ склонялъ даже Никиту Муравьева сдѣлать въ написанной имъ конституціи нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь устава Соединенныхъ Штатовъ, *оставивъ, однако жъ формы монархіи.*

Объ англійской конституціи онъ говорилъ, что она устарѣла и имѣетъ множество пороковъ. Введеніе въ Россіи устава Штатовъ онъ также признавалъ возможнымъ лишь при условіи, если вмѣсто президента будетъ императоръ, такъ какъ онъ для Россіи нуженъ.

Но въ концѣ концовъ, съ самаго своего вступленія въ общество до 14 декабря, онъ всегда говорялъ одно, что никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выбраннымъ отъ народа представителямъ, рѣшенію коихъ повиноваться безпрекословно есть обязанность каждаго **).

Изъ этихъ словъ видно, что Рылѣевъ позволялъ себѣ иногда помечтать о республикѣ, и что эти мечты запутывали и туманили его понятіе о монархіи конституціонной, въ возможности осуществить которую онъ не сомнѣвался.

Такое же колебаніе, въ данномъ случаѣ вполнѣ законное и понятное, замѣтно и въ его мысляхъ о способѣ осуществленія переворота.

Степень участія Рылѣева въ выработкѣ самого плана возмущенія установить почти невозможно. Планъ выработывался сообща, подвергался многимъ измѣненіямъ и до самаго 14 декабря, кажется, не былъ установленъ, за исключеніемъ лишь одного пункта, именно—рѣшенія воспользоваться военной силой для его проведенія.

При совѣщаніи о средствахъ возмущенія солдатъ, какъ говоритъ обвиненіе, Рылѣевъ полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами; что цесаревичъ отъ престола не отказывается, что,

*) „Донесеніе“, 60.

**) „Донесеніе“, 60.

присягнувъ одному государю, присягать другому черезъ нѣсколько дней—грѣхъ. Мнѣніе сіе было принято единодушно и поручено было офицерамъ, принадлежавшимъ къ обществу, привести оное въ исполненіе. Рылѣевъ думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ по причинѣ негодованія ихъ противъ взыскательности начальства.

Но тотъ же Рылѣевъ, какъ мы знаемъ, минутами смотрѣлъ очень скептически на силу такихъ рѣшительныхъ капитановъ. Онъ предполагалъ возможность неудачи и въ этомъ случаѣ предлагалъ отступить съ войсками къ военнымъ новгородскимъ поселеніямъ, а если бы и тамъ не удалось, то стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ „вольности" *).

Все это казалось Рылѣеву, очевидно, весьма легко достижимымъ, и въ особую тревогу его не повергало **). Онъ всетаки надѣялся, что дѣло обойдется какъ-нибудь само собой, и, вѣроятно, какъ Трубецкой, думалъ: „Только бы удалось, а тамъ явятся люди".

Но былъ одинъ вопросъ, стоявшій на первой очереди, въ рѣшеніи котораго ему не помогало ни его легковѣріе, ни его возбужденность; этотъ вопросъ его мучилъ, потому что требовалъ отъ него жестокаго поступка ***).

Это былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ царемъ и его семействомъ? Различныя мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами общества, послужили главнѣйшимъ пунктомъ, на которомъ „Донесеніе" слѣдственной коммиссіи строило свое обвиненіе. Составитель донесенія при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ „злодѣйскій" умыселъ заговорщиковъ—истребить царя и всю его фамилію.

Такой умыселъ былъ, но, какъ вѣрно замѣчаютъ Н. Муравьевъ и Лунинъ, онъ не входилъ въ программу „тайнаго

*) Приложеніе къ докладу слѣдственной коммиссіи. „Русскій Архивъ", 1875, III, 437 (Имѣя этотъ планъ въ виду, Рылѣевъ совѣтывалъ Каховскому идти служить въ военныхъ поселеніяхъ).

**) Нѣкоторые его планы поражаютъ своей наивностью. „Созвать великій соборъ—признавался онъ—мы надѣялись посредствомъ сената, а сенатъ принудить къ тому силою. Зная то высокое уваженіе, какое имѣетъ народъ лишь къ сенату, мы увѣрены были, что достаточно одного сенатскаго указа, чтобы созвать соборъ".

***) Рылѣевъ былъ вообще противъ мѣръ отчаянныхъ и такихъ, которыя могли бы бросить неблаговидную тѣнь на начинаніе общества. „Когда Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынесть изъ какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу, Оболенскій и другіе согласились съ этимъ предложеніемъ, основаннымъ на опытѣ Якубовича о русскомъ солдатѣ, которому нужны средства для возбужденія къ дѣйствію. Но Рылѣевъ первый возсталъ противъ сей мысли, говоря, что мы „подвизаемся за дѣло великое и не должны употреблять такія средства" [„Донесеніе" 62].

союза“ „Тайный союзъ,—писали они,—имѣлъ особенно въ виду охранить Россію отъ междуусобныхъ браней и отъ судебныхъ убійствъ, ознаменовавшихъ лѣтописи двухъ великихъ народовъ Англіи и Франціи. При обсужденіи таковыхъ вопросовъ, въ частныхъ разговорахъ или въ настоящихъ совѣщаніяхъ, нѣкоторые члены могли излагать неправильныя мнѣнія или даже предаваться порыву страстей. На этихъ-то изъявленіяхъ коммиссія и основывается, чтобы приписать тайному союзу предположенія о цареубійствѣ. Надлежитъ, однако-жь, взять въ уваженіе, что союзъ, не имѣя понудительной власти, не могъ подлежать отвѣтственности за временныя отклоненія нѣкоторыхъ его членовъ. При томъ главные дѣйствователи принуждены были иногда для виду уступать страстямъ, возникавшимъ въ союзѣ, чтобы направить его къ высокой цѣли своей... Тайный союзъ не могъ ни одобрять, ни желать покушеній на царствующія лица, ибо таковыя предпріятія даже подъ руководствомъ .. не приносятъ у насъ никакой пользы и несовмѣстны съ началами, которыя союзъ огласилъ и въ которыхъ заключалось все его могущество. Союзъ стремился водворить въ отечество владычество законовъ, дабы навсегда отстранить необходимость прибѣгать къ средству противному и справедливости, и разуму. Обвиненіе въ помыслѣ на цареубійство основано лишь на отдѣльныхъ изреченіяхъ, случайныхъ разговорахъ и на мечтаніяхъ разстроенныхъ умовъ“ *).

Насколько Рылѣевъ предавался порыву своихъ страстей въ обсужденіи этихъ плановъ, — можно установить съ достаточной ясностью по его показаніямъ на судѣ **).

Мысль о цареубійствѣ возникла еще въ концѣ царствованія Александра Павловича и затѣмъ, послѣ его смерти, мѣтила въ его брата. Зародилась она, кажется, въ южномъ обществѣ и была сообщена членамъ сѣвернаго, большинство которыхъ съ ней согласилось. Согласившіеся находили удобнѣе привести эту мысль въ исполненіе отдѣльнымъ заговоромъ, какъ бы внѣ общества, и для сего хотѣли составить отдѣльную партію, подъ названіемъ „une cohorte perdue“, и поручить оную подполковнику Лунину. Среди согласныхъ на эту мѣру былъ и Рылѣевъ. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, его обвиняли. Онъ самъ отвергъ это обвиненіе, сказавъ, „что обо всемъ этомъ, можетъ быть, говорено было до его вступленія въ общество или на тѣхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ онъ не участвовалъ. О cohorte perdue онъ никогда ни отъ кого ничего не слышалъ“. Едва ли, однако, Рылѣевъ въ данномъ случаѣ говорилъ правду,—не слышать о безспорно

*) Разборъ донесенія тайной слѣдственной коммиссіи Никиты Муравьева и Лунина. „Записки Декабристовъ“ II, III, Лондонъ 1863, 110—111.

**) Сущность ихъ изложена въ „Донесеніи“, стр. 59, 60, 66, 68 и въ „Запискѣ“ у *Шильдера*.

существовавшемъ проектѣ онъ не могъ, но что онъ не одобрялъ его вначалѣ, на это есть прямыя доказательства.

Въ одномъ изъ собраній еще при жизни императора Александра Павловича, Якубовичъ высказалъ рѣшительно и возбужденно свое намѣреніе убить императора Александра. „Тогда пользуйтесь случаемъ, сказалъ онъ товарищамъ, дѣлайте, что хотите; созывайте вашъ великій соборъ и дурачьтесь досыта". „Слова его, голосъ, движенья, говоритъ Рылѣевъ, произвели сильное на меня впечатлѣніе, которое я, однако-жъ, старался сокрыть отъ него и представлялъ ему, что подобный поступокъ можетъ его обезславить, что съ его дарованіями и сдѣлавъ себѣ уже имя въ арміи, онъ можетъ для отечества своего быть полезнѣе и удовлетворить другія страсти свои. На это Якубовичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ только двѣ страсти, которыя движутъ міръ: это благодарность и мщеніе; что всѣ другія не страсти, а страстишки, что онъ словъ на вѣтеръ не пускаетъ, что онъ дѣло свое совершитъ непремѣнно и что у него для сего назначено два срока: маневры или праздникъ Петергофскій. Въ это время кто-то вошелъ и прервалъ разговоръ нашъ. Я ушелъ съ А. Бестужевымъ и на дорогѣ говорилъ ему, что надо будетъ стараться всячески остановить Якубовича. Бестужевъ былъ согласенъ, и мы уговорились на другой же день увидѣться съ нимъ опять. Въ тотъ же день я увѣдомилъ о намѣреніи Якубовича: Оболенскаго, Н. Муравьева и Бригена. Всѣ были того мнѣнія, что надо всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, что и возложено было на меня. Увидѣвшись съ Якубовичемъ, я опять представлялъ ему, сколь обезславитъ его цареубійство, но онъ повторялъ всегда одно и то же, что онъ рѣшился на это и что никто и ничто не отклонитъ его отъ сего намѣренія, что онъ восемь лѣтъ носитъ и лелѣетъ оное въ своей груди. Пробившись съ нимъ около двухъ часовъ, я вышелъ въ чрезвычайномъ волненіи и негодованіи. При этомъ были: А. Бестужевъ и Одоевскій; сей послѣдній почелъ Якубовича сумасшедшимъ, и пустымъ говоруномъ. Я утверждалъ противное и почиталъ Якубовича самымъ опаснымъ человѣкомъ и для общества нашего, и для видовъ онаго. Мы долго объ этомъ говорили и разсуждали, какія бы взять мѣры, дабы не допустить Якубовича къ совершенію своего намѣренія, и помню, что я сказалъ, прощаясь съ Одоевскимъ и Бестужевымъ: „я рѣшился на все: его (т. е. Якубовича) завтра же вышлютъ. Прощайте, господа!" На другой день рано и Бестужевъ, и Одоевскій приходятъ ко мнѣ и первый говоритъ: „Рылѣевъ, на что ты рѣшаешься? Подумай, любезный, ты обезславишь себя. Чѣмъ доносить, не лучше ли взять какія-нибудь другія мѣры? Лучше драться съ Якубовичемъ". Я отвѣчалъ, что Якубовича я избить не хочу, что я еще испытаю средство остановить его, но, въ случаѣ неудачи, прибавилъ я, повторяю—

я готовъ на все. Потомъ предложилъ я стараться, по крайней мѣрѣ, уговорить Якубовича отложить свое намѣреніе на нѣкоторое время, поставивъ ему причиною, будто общество рѣшилось воспользоваться убійствомъ государя, но что оно еще теперь не готово. Всѣ согласились на это и въ то же время отправились къ Якубовичу, и послѣ продолжительныхъ убѣжденій, наконецъ, склонили его отложить свое намѣреніе на годъ, а впослѣдствіи я успѣлъ его уговорить отложить оное на неопредѣленное время".

Такъ потерпѣлъ неудачу первый проектъ цареубійства. Приблизительно та же сцена, которая произошла между Рылѣевымъ и Якубовичемъ повторилась у Рылѣева и съ Каховскимъ." Каховскій—показывалъ Рылѣевъ—пріѣзжалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно случайно познакомился со мною. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего, ни силы, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими несромными вопросами, но это самое было причиной, что я рѣшился навсегда оставить его въ невѣдѣніи. Въ началѣ 1824 года, Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ: „Послушай, Рылѣевъ, я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшился убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ, пусть она назначитъ мнѣ срокъ". Я въ смятеніи вскочилъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему: „что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество. И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе"? За симъ старался я отклонить его отъ сего намѣренія, доказывая, сколь оно можетъ быть пагубно для цѣли общества, но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я насчетъ общества не безпокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы онъ на самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему: „любезный Каховскій, подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня бывалъ часто. Я общества не открою, но вспомни, что я—отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?" Каховскій прослезился и сказалъ: „Ну дѣлать нечего, ты убѣдилъ меня". „Дай же мнѣ честное слово—продолжалъ я,—что ты не исполнишь своего намѣренія!" Онъ далъ мнѣ оное. Но послѣ сего разговора онъ

часто сталъ задумываться. Я охладѣлъ къ нему, мы часто стали спорить другъ съ другомъ, и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и настоятельно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга... Между тѣмъ, при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи, и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого кромѣ него не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора".

Изъ показаній Рылѣева видно, что дня за два до 14 декабря Каховскій опять возобновилъ свое предложеніе, но что Рылѣевъ и на этотъ разъ его успокоилъ.

Члены общества долго и подробно дебатировали также вопросъ о томъ, какъ поступить съ царской семьей въ случаѣ удачи возмущенія, и взгляды Рылѣева въ этихъ дебатахъ мѣнялись, сообразно степени его возбужденности. „Въ рѣшительномъ совѣщаніи,— признавался Рылѣевъ, — никогда не полагали истребить императорскую фамилію и провозгласить республику. Равно и того, что если на нашей сторонѣ будетъ только перевѣсъ, то чтобы послать депутацію къ государю цесаревичу съ просьбою царствовать съ нѣкоторыми ограниченіями. Положено же было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора, который долженствовалъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ".

„А что дѣлать съ императоромъ,—спрашивалъ Рылѣевъ своихъ товарищей, — если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?" Всѣ были озадачены этимъ вопросомъ и Рылѣевъ, воспользовавшись мнѣніемъ Пестеля, сказалъ: „не вывезти-ли за границу?" Проектъ этотъ всѣмъ понравился, и отъ членовъ Думы возложено было на Рылѣева порученіе стараться приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько морскихъ надежныхъ офицеровъ. Къ выполненію этого порученія Рылѣевъ и приступилъ. „При свиданіи съ Торсономъ, говоритъ онъ, я спрашивалъ его: „можно ли имѣть фрегатъ съ надежнымъ капитаномъ и офицерами"? На вопросъ же его: „Для чего это?" я отвѣтилъ: „Чтобы отправить въ случаѣ надобности царствующую фамилію за границу". Торсонъ находилъ это опаснымъ и полагалъ, что даже лучше оставить императорскую фамилію во дворцѣ. Тутъ она подъ надзоромъ. Я же точно сказалъ на это: „Нѣтъ! въ Петербургѣ нельзя; развѣ въ Шлиссельбургѣ.

Тамъ можно приставить старый Семеновскій полкъ. Въ случаѣ же возмущенія, примѣръ Мировича" *).

До сихъ поръ теченіе мыслей Рылѣева по данному вопросу представляется выдержаннымъ и спокойнымъ.

Но вдругъ, 13 декабря, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій, происходитъ совсѣмъ неожиданная сцена. По показанію Оболенскаго **)—который, правда, утверждаетъ, что Рылѣевъ находился въ изступленіи—„Рылѣевъ 13 декабря ввечеру обнимаетъ Каховскаго и говоритъ ему: „любезный другъ! Ты сиръ на сей землѣ, я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби царя!" На вопросъ Каховскаго, какія можетъ онъ найти къ тому средства, Рылѣевъ предлагаетъ ему надѣть офицерскій мундиръ и рано поутру, прежде возмущенія, идти во дворецъ и тамъ убить государя или на площади, когда выйдетъ его величество" ***). Спрошенный по этому поводу, Рылѣевъ показываетъ: „13 декабря ввечеру я дѣйствительно предлагалъ Каховскому убить нынѣ царствующаго государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади. Поутру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился я, если нынѣ царствующій государь императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно принести его на жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія".

Въ заключеніе—кончаетъ свое показаніе Рылѣевъ—„дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Полагалъ я, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи и взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ, да и самъ, наконецъ, рѣшительно

*) „Донесеніе" стр. 60, 66.

**) „Донесеніе" 66.

***) Есть указаніе, что Рылѣевъ питалъ „сильную ненависть" къ великому князю Николаю Павловичу. „Изъ бумагъ І. И. Ростовцова", „Русскій Архивъ 1873, 473". Объ этой ненависти, однако, ни изъ словъ самого Рылѣева, ни изъ того, что о немъ другіе говорили, ничего не извѣстно.

обратился къ прежней мысли своей, что участь царствующаго дома, а равно и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи, въ правѣ только рѣшить великій соборъ, что постоянно и старался внушать всѣмъ извѣстнымъ мнѣ членамъ".

Показаніе это—во всякомъ случаѣ вполнѣ искреннее, такъ какъ никто его не требовалъ—свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль объ убійствѣ, впервые высказанная товарищами, хоть и мелькала въ головѣ Рылѣева, но не переходила въ рѣшеніе; онъ всегда былъ противъ нея и, только въ самый разгаръ своей революціонной изступленности, онъ ухватился за эту мысль и, дѣйствительно, какъ изступленный, бросался на шею тому человѣку, котораго самъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ считалъ сумасшедшимъ *).

Во всякомъ случаѣ никакого опредѣленнаго и выработаннаго плана цареубійства у Рылѣева не было, и на площадь онъ пошелъ, вѣроятно, съ тою же мыслію, на которой часто останавливался, когда сталкивался съ какимъ-нибудь необычайно сложнымъ вопросомъ: „обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно" **).

III.

„Всѣ изъ присутствовавшихъ (на послѣднемъ собраніи),—разсказываетъ баронъ Розенъ,—были готовы дѣйствовать, всѣ были восторжены, всѣ надѣялись на успѣхъ и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: „можно ли положиться навѣрное на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка?" и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: „да, мало видовъ на успѣхъ, но всетаки надо, всетаки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды". Еще теперь слышу звуки, интонацію: „всетаки надо". То сказалъ мнѣ Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ" ***).

---

*) Показанія Рылѣева до того разсердили Каховскаго, что онъ самъ на допросѣ сталъ безъ стѣсненія оговаривать Рылѣева; онъ приписывалъ ему планъ убіенія цесаревича Константина, планъ заключить въ крѣпость царскую фамилію съ цѣлью тамъ умертвить ее, или умертвить ее въ Москвѣ при коронаціи; онъ говорилъ, что Рылѣевъ думалъ послѣ убіенія цесаревича Константина распустить слухъ, что это убійство совершено по приказанію императора Николая Павловича; онъ приписывалъ ему планъ поджечь городъ, чтобы и праха нѣмецкаго не было; говорилъ, что онъ, Рылѣевъ, снабдилъ его, Каховскаго, кинжаломъ...

Рылѣевъ, отвѣчая на эти пункты обвиненія, утверждалъ, что все, показанное Каховскимъ, преисполнено несправедливости и клеветы, и во всемъ видно явное намѣреніе мстить ему, Рылѣеву, за сдѣланныя на него, Каховскаго, показанія.

**) „Донесеніе", 68.

***) *Б. Розенъ*. „Записки декабристовъ". Лейпцигъ, стр. 86—87.

Это смутное состояніе духа Рылѣева, наканунѣ рѣшительнаго шага—состояніе, идущее въ разрѣзъ съ общимъ приподнятымъ, экзальтированнымъ настроеніемъ, въ какомъ онъ находился на совѣщаніяхъ, отмѣтилъ и Н. Бестужевъ: „лучше быть взятымъ на площади, — говорилъ Рылѣевъ, — нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали". „Судьба наша рѣшена, къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется" *).

14 декабря Рылѣевъ вышелъ изъ дому очень рано **).

Опасенія его оправдались, и на площади его ожидало полное разочарованіе; впрочемъ, онъ на самой площади оставался очень недолго. „14 декабря, прежде присяги, показываетъ онъ, былъ я у воротъ Московскаго полка вмѣстѣ съ Пущинымъ, но въ роты не входили мы и ни одного офицера, ни солдата не видѣли; пріѣзжали же узнать, что дѣлается. Потомъ проѣзжали мы мимо Измайловскаго полка къ казармамъ экипажа, но послѣ возвратились на мою квартиру. Послѣ сего я еще ѣздилъ къ лейбъ-гренадерскимъ казармамъ, но, не доѣхавъ до нихъ, встрѣтился я съ Корниловичемъ и, узнавъ отъ него, что Сутгофъ со своей ротой уже пошелъ на площадь, воротился. На площади же увидѣвъ безначаліе и неустройство, отправился искать Трубецкого и болѣе уже не возвращался". Съ этимъ показаніемъ согласно и то, что разсказываетъ И. Пущинъ. Онъ говоритъ, что онъ и Рылѣевъ пріѣхали утромъ на сборное мѣсто, но, не нашедши тамъ никакихъ войскъ, отправились въ казармы Измайловскаго полка. Встрѣтили они по дорогѣ мичмана Чижова, который ихъ увѣрилъ, что никакая попытка поднять Измайловскій полкъ не можетъ быть удачна. Они возвратились тогда вспять, и на этотъ разъ нашли на сборномъ мѣстѣ двухъ Бестужевыхъ и Щепина впереди солдатъ. Пущинъ примкнулъ къ нимъ, а Рылѣевъ сказалъ, что онъ отправится въ Финляндскій полкъ, и потомъ никто его уже болѣе не видалъ. „Рылѣевъ,—говоритъ Пущинъ,—былъ всегда готовъ служить тайному обществу и словомъ, и дѣломъ, но въ рѣшительную минуту онъ потерялся, конечно, не изъ опасенія за свою жизнь" ***).

Баронъ Розенъ толкуетъ, впрочемъ, нѣсколько иначе эту суетливость Рылѣева. „Рылѣевъ, какъ угорѣлый,—говоритъ, онъ,—бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать

---

*) Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ", Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 36.

**) Н. Бестужевъ описываетъ раздирающую сцену прощанія Рылѣева съ женой и дочерью, но сцена эта могла быть присочинена Н. Бестужевымъ.

***) 14 декабря, И. Пущина. „Всемірный Вѣстникъ", 1903, VI—VII, 233.

больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками". „Ему незачѣмъ было долго оставаться на сенатской площади, потому что онъ дѣятельнѣе всѣхъ другихъ собиралъ силы со всѣхъ сторонъ, искалъ отдѣльныхъ лицъ, не явившихся къ сборному мѣсту. Онъ только не могъ принять начальства надъ войскомъ, не полагаясь на свое умѣнье распорядиться, и еще наканунѣ избралъ для себя обязанность рядового [1]). Быть можетъ, Рылѣевъ дѣйствительно старался собирать, если не силы, которыми онъ не располагалъ, то отдѣльныхъ лицъ [2]), но во всякомъ случаѣ онъ на площади не игралъ никакой видной роли. Сталъ ли онъ на нѣкоторое время въ ряды солдатъ, съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ, какъ онъ хотѣлъ [3])—неизвѣстно; отходилъ ли онъ въ сторону, чтобы привѣтствовать Н. Бестужева первымъ цѣлованіемъ свободы и сказать ему, что послѣднія ихъ минуты близки [4]); старался ли онъ оградить какого-то „почетнаго чиновника" отъ насильственнаго завлеченія въ каре бунтующихъ [5]); говорилъ ли онъ Ѳ. Глинкѣ, иронизируя надъ самимъ собой, „посмотрите, что затѣяли" [6])—все это провѣрить теперь невозможно. Но во всякомъ случаѣ, Рылѣевъ не „стрѣлялъ, не билъ прикладомъ и не кололъ штыкомъ генераловъ, офицеровъ и другихъ, посланныхъ отъ государя для увѣщанія солдатъ",—какъ это утверждалъ во всемъ безцеремонный А. Ѳ. Воейковъ [7]), Совсѣмъ вѣроятно также, что, встрѣтивъ командира Семеновскаго

---

[1]) *Б. Розенъ.* „Записки декабристовъ", Лейпцигъ 1870, 97, 147.

[2]) Какъ, напр., кн. Трубецкого, который на площадь не явился.

[3]) Рылѣевъ предполагалъ даже надѣть русскій кафтанъ, „чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы"—какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ (Воспоминаніе, 40). Намѣренія своего онъ, впрочемъ, не исполнилъ, хотя его костюмъ, кажется, бросался въ глаза. „Со словъ одного очевидца, случайно зашедшаго на площадь во время своей утренней прогулки,—площадь представляла зрѣлище совершенно своеобразное. Тутъ были лица, какихъ никогда не видать въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ массами: старинныя фризовыя шинели со множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полушубки при круглыхъ шляпахъ. Алыя полотенца, вмѣсто кушаковъ, и тому подобное,—цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Въ рядахъ мелькали по временамъ А. Бестужевъ, Рылѣевъ и другіе (*М. Корфъ.* Восшествіе на престолъ императора Николая I, Спб. 1857, 147, 148). Участники возмущенія произвели, во всякомъ случаѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ, извѣстную сенсацію. „Ротами начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ,—сказано было въ прибавленіи къ № 100, „Спб. Вѣдомостей" 1825 г.—къ нимъ присоединились нѣсколько человѣкъ „гнуснаго" вида во фракахъ" („Русскій Ахивъ" 1881, II. 337).

[4]) „Памяти братьевъ Бестужевыхъ", Лейпцигъ, 38.

[5]) „Записки протоіерея Іоанна Виноградова". „Русская Старина", 1878, VIII, 575.

[6]) *Сиротининъ,* 178.

[7]) „Письмо Воейкова къ кн. Е. А. Волконской, отъ 14 декабря". „Русскій Архивъ", 1894, II, 294.

полка Шипова на площади, Рылѣевъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Видите, Сергѣй Павловичъ, я отъ нихъ отсталъ“—хоть это и разсказывалъ самъ Шиповъ П. Бартеневу *).

Въ ту минуту, когда „выстрѣлы разсѣяли безумцевъ съ полярною звѣздою“ **)—Рылѣева на площади не было.

„Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ,—пишетъ Гречъ,—но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько героевъ того дня, между прочимъ баронъ Штейнгель: они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ Рылѣеву часовъ въ восемь и нашелъ честную компанію преспокойно сидящею за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, преспокойно отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой. Я погибъ, прости! Не оставляй жены моей и ребенка“. Поцѣловалъ онъ его и выпроводилъ изъ дому“ ***). Ничего подобнаго, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ не было; Булгаринъ послѣднее время, надо думать, обѣгалъ за версту квартиру Рылѣева, но, послѣ смерти Рылѣева, могъ всю эту трогательную сцену выдумать и разсказать ее Гречу, если самъ Гречъ ее не выдумалъ. Въ разсказѣ вѣренъ только одинъ фактъ, подтвержденный и показаніемъ Рылѣева: вечеромъ, 14 декабря, нѣкоторые члены общества дѣйствительно собрались у Рылѣева, съ какой цѣлью—неизвѣстно. Д. Кропотовъ ****), разсказываетъ объ этомъ послѣднемъ вечерѣ иначе, и хоть разсказъ его и нельзя провѣрить, но онъ, по крайней мѣрѣ, правдоподобенъ. „Вечеромъ, 14 декабря,—разсказываетъ онъ,—Рылѣевъ явился домой пасмурнымъ и печальномъ. Напившись чаю, сказалъ женѣ: „Худо, мой другъ, всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу, вѣроятно не избѣгнуть и мнѣ общей участи“. Отправившись въ свой кабинетъ, онъ улегся на диванѣ. Послѣ полуночи, пріѣхалъ оберъ-полицiймейстеръ и объявилъ ему повелѣніе объ арестованіи его. Рылѣевъ одѣлся наскоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился къ двери“.

Рылѣевъ былъ отвезенъ прямо во дворецъ, откуда послѣ допроса у царя,—былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость и помѣщенъ въ 17 № Алексѣевскаго равелина.

„Присылаемаго Рылѣева,—писалъ Государь,—посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывать рукъ; дать ему бумагу

---

*) „Русскій Архивъ“, 1890 VI, 178.

**) „Письма Карамзина къ Дмитріеву“, Спб. 1866, 411.

***) *Гречъ*. „Записки о моей жизни“, Спб. 1886, 376—7.

****) „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 242.

для письма и что будетъ писать ко мнѣ, собственноручно мнѣ приносить ежедневно" *).

IV.

Для Рылѣева началась томительная и грустная жизнь въ заключеніи. Послѣ пережитыхъ волненій, такая беззвучная жизнь должна была ускорить тотъ нервный кризисъ, который былъ неизбѣженъ при его впечатлительной натурѣ; слишкомъ сентиментальна была въ основѣ своей эта натура, слишкомъ въ ней было много мечтательнаго элемента, чтобы она на долгій срокъ могла выдержать такое напряженіе, въ какомъ она находилась въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ. При всей своей воспламеняемости и рѣзкости въ сужденіяхъ, Рылѣевъ не былъ настоящимъ боевымъ человѣкомъ,—человѣкомъ сильной воли, выдержанныхъ рѣшеній ума и стойкой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Онъ въ рѣчахъ и стихахъ былъ смѣлѣе, чѣмъ на дѣлѣ, и когда онъ созналъ, что дѣло проиграно, онъ могъ разрѣшить себѣ тотъ душевный покой, который онъ всегда любилъ, какъ поэтъ и мечтатель. Конечно, говорить о „покоѣ" заключеннаго, не знающаго, какая участь его ожидаетъ, человѣка, озабоченнаго судьбой друзей и семьи,—нельзя. Но есть покой высшаго порядка, который возможенъ и при большихъ волненіяхъ сердца; это покой въ сознаніи того, что то, что считалъ нужнымъ — сдѣлано, сдѣлано съ напряженіемъ всѣхъ силъ, которыя были въ распоряженіи, и что печальная развязка этого дѣла уже не въ моей власти.

Рылѣевъ пришелъ къ этому сознанію необычайно быстро и очень покорно примирился съ развязкой. Этимъ примиреніемъ объясняется его поведеніе на допросахъ, его показанія и та очень искренняя религіозность, которая во все продолженіе его тюремной жизни служила для него источникомъ утѣшенія.

Дальнѣйшая борьба стала невозможной, оставалось только спасать пострадавшихъ. Этимъ Рылѣевъ и руководствовался при своихъ отвѣтахъ и показаніяхъ. Существуетъ мнѣніе, что признанія осужденныхъ были не всегда добровольны; что власть употребляла всевозможныя средства къ тому, чтобы вынудить признаніе, какое ей было нужно, что заключенныхъ лишали спокойствія тѣла и духа, и разными средствами, даже очень крайними, заставляли оговаривать другихъ товарищей **). Сколько въ этомъ утвержденіи

*) „Нѣсколько словъ въ память императора Николая I". „Русская Старина", 1896, VI, 459.

**) Такъ утверждаютъ Н. Муравьевъ и Лунинъ. „Разборъ Донесенія" „Записки Декабристовъ", II, III, Лондонъ 1863, 104. Подтверждаетъ это и Тургеневъ, „La Russie et les Russes" I, 236—7.

истины, сколько вымысла — провѣрить трудно, но можно съ увѣренностью сказать, что къ Рылѣеву мѣры принужденія не примѣнялись, и его откровенность на допросѣ была не вынужденная, а добровольная. Что онъ говорилъ царю въ ночь на 15 декабря, мы не знаемъ, но, вѣроятно, говорилъ откровенно, потому что царь пожелалъ имѣть ежедневныя свѣдѣнія отъ него. На первомъ допросѣ передъ комитетомъ, показанія его были „отрывисты" *), а затѣмъ очень подробны и обстоятельны. Товарищъ его, Н. Бестужевъ, говоритъ такъ объ его поведеніи на допросахъ **):

„Вотъ поведеніе Рылѣева по комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе—то, что мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ, и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ своею мыслью, чтобы знали, чего хотѣло наше общество, онъ открылъ многія вещи, которыя открывать бы не надлежало. Со всѣмъ тѣмъ это не были ни ложныя показанія на лица, ни какія-нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе; впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже страшали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены. Я зналъ черезъ стараго солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ государя прощеніе, ежели онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его было сказано то же; позволены были свиданія, переписка, все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысль не приходило. Я, признаюсь, обманутый самъ обѣщаніемъ царскимъ, зная за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву, и зная его намѣреніе представить въ важнѣйшемъ видѣ вещи, думалъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній, сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно

*) *А. Д. Боровковъ.* „Автобіографическія записки". „Русская Старина" 1898, XI, 336.

**) „Изъ записокъ Н. А. Бестужева". „Памяти братьевъ Бестужевыхъ", Лейпцигъ 1880, 39—41.

въ началѣ дѣла, когда я еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это, и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева, онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно. Это было видно изъ его записки, посланной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда; она начиналась слѣдующими словами: „красные кафтаны (т. е. сенаторы) горячатся и присудили намъ смертную казнь, но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди“—окончанія не помню“.

Что Рылѣевъ надѣялся на „благополучный“ исходъ дѣла,—на это есть намеки и въ его письмахъ изъ каземата; непонятно только, какъ, надѣясь на это, онъ могъ представлять все дѣло болѣе серьезнымъ и сложнымъ, чѣмъ оно было. Онъ этого, вѣроятно, и не дѣлалъ, но чтó онъ безспорно преувеличивалъ—такъ это свою собственную роль во всемъ заговорѣ. Возвеличивалъ же онъ себя на счетъ другихъ съ очень опредѣленной цѣлью: онъ хотѣлъ взять на себя наибольшую часть вины, чтобы она не такой тяжестью легла на плечи товарищей.

Баронъ Розенъ разсказываетъ, что Рылѣевъ на допросахъ излагалъ очень смѣло свои взгляды на положеніе Россіи и былъ очень откровененъ въ обличеніи ея недостатковъ. Кн. Трубецкой утверждаетъ, что онъ велъ даже „развязный“ разговоръ (правда, до допроса) о „временномъ правленіи“ съ однимъ изъ своихъ судей, княземъ А. Н. Голицынымъ *). Эти смѣлыя и обличительныя рѣчи Рылѣева остались не записанными **), но что онъ могъ произносить ихъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно: подавали же А. Бестужевъ и Штейнгель длинныя донесенія самому царю, въ которыхъ не щадили русскіе порядки.

Если Ник. Муравьевъ и Н. Тургеневъ могутъ быть заподозрены въ стремленіи представить движеніе отнюдь не серьезнымъ ***), то показанія Рылѣева писаны съ полнымъ сознаніемъ важности того дѣла, которому онъ служилъ.

Быть можетъ, ему и не слѣдовало бы говорить такъ увѣренно и открыто о силахъ южнаго общества, о руководящей роли, которую въ немъ игралъ Пестель; быть можетъ, онъ напрасно просилъ своихъ судей „принять всевозможныя предосторожности и какъ можно скорѣе, чтобы опять не пролилась кровь и не погибли люди, достойные, можетъ быть, лучшей участи“. Такія слова могли исказить заранѣе точку зрѣнія судьи на того или другого подсудимаго и заставить судью предполагать очень важное и значитель-

*) Записки кн. Трубецкого. Лейпцигъ, 1874, 67.

**) Въ „Донесеніе“ эти обличительныя рѣчи не попали. Срв. Schnitzler Histoire intime de la Russie II, 135.

***) М. Муравьевъ въ разборѣ „Донесенія“ и Н. Тургеневъ въ Mémoires d'un proscript.

ное тамъ, гдѣ этого, можетъ быть, и не было *),—но излишняя откровенность Рылѣева вытекала опять-таки не изъ чувства самообороны, а изъ сентиментальнаго міросозерцанія, которое допускало, что побѣдитель можетъ стать нѣжнымъ опекуномъ, а грозный судья превратиться въ милостиваго родителя.

Къ этой милости Рылѣевъ и взывалъ съ самыхъ первыхъ дней заключенія. Сначала онъ подыскивалъ оправданіе для такой возможной милости и писалъ: „открывъ откровенно и рѣшительно, что мнѣ извѣстно, я прошу одной милости: пощадить молодыхъ людей, вовлеченныхъ въ общество, и вспомнить, *что духъ времени—такая сила, передъ которою они не въ состояніи были устоять*". Затѣмъ онъ обращается уже прямо къ царю, безъ всякой попытки самозащиты. „Что повелѣвала совѣсть, я сказалъ все,—пишетъ онъ ему.—Прошу объ одной милости: будь милосердъ къ моимъ товарищамъ; они всѣ люди съ отличными дарованіями и съ прекрасными чувствами. Твое милосердіе содѣлаетъ изъ нихъ самыхъ ревностныхъ вѣрноподданныхъ твоихъ и обезоружитъ тѣхъ, кои пожелаютъ идти по слѣдамъ нашимъ. Государь! Ты началъ царствованіе свое великодушнымъ подвигомъ: ты отрекся отъ престола въ пользу старшаго брата своего. Совокупивъ же съ великодушіемъ милосердіе, кого, государь, не привлечешь къ себѣ ты навсегда?" О себѣ онъ говорилъ царю только одно, что онъ—отецъ семейства.

Скромный, когда дѣло шло о просьбѣ, онъ не щадилъ себя, когда оно касалось обвиненія **). Судьи, главнымъ образомъ, по его же собственнымъ признаніямъ, хотѣли видѣть въ немъ главаря и организатора сѣвернаго общества. „Комитету извѣстно,—говорили они,—что до 1823 года сѣверное тайное общество, состоявшее изъ немногихъ людей и безъ всякаго дѣйствія, готово было само собой уничтожиться, но вы, вступивъ въ оное и какъ одинъ изъ пламенныхъ и рѣшительныхъ членовъ, возстановили общество и при посредствѣ южныхъ членовъ, возбуждавшихъ здѣсь взаимное рвеніе, быстро умножали число членовъ, управляя ихъ волею и одушевляя ихъ либеральными понятіями и слѣпою готовностью къ преобразованію, распространили и утвердили преступный кругъ дѣятельности тайнаго общества и, наконецъ,

*) Кажется, что это иногда и случалось. Трубецкой пишетъ въ своихъ „Запискахъ" (стр. 66—67): „Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ. Его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего бы не долженъ былъ, а именно, я по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ, и что, можетъ быть, подвергло строжайшему осужденію этихъ лицъ".

**) За исключеніемъ вопроса о цареубійствѣ, иниціативу котораго онъ съ полнымъ правомъ не хотѣлъ признать за собой.

вы первые предприняли намѣреніе воспользоваться переприсягою государю императору Николаю Павловичу, преклонили къ тому и другихъ и содѣлались главною причиною происшествія 14 декабря“. На это обвиненіе—съ дѣйствительностью не вполнѣ согласное (такъ какъ Рылѣевъ не возстановлялъ общества, съ южными членами не дружилъ и главной причиной происшествія не былъ) — Рылѣевъ отвѣтилъ полнымъ признаніемъ. „Признаюсь чистосердечно, — писалъ онъ, — что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо я могъ остановить оное, — и не только того не подумалъ сдѣлать, а, напротивъ, еще преступною ревностью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ее заслуживаю, и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, отечеству и доброму государю Его великодушіемъ и милосердіемъ“. Это онъ говорилъ 24 апрѣля 1826 г., когда слѣдствіе по его дѣлу приходило къ концу и когда ему самому нужно было произнести окончательную самооцѣнку его собственной роли. Какіе бы мы ни подыскивали мотивы такой готовности взять все на себя,—желаніе ли спасти другихъ или, какъ думаютъ, потребность искупить свою вину передъ тѣми, которые изъ-за него пострадали,—но, во всякомъ случаѣ, съ момента своего заключенія въ крѣпость, въ Рылѣевѣ не осталось и тѣни „революціоннаго“ духа, о которомъ такъ часто говорили его позднѣйшіе судьи. Врожденный ему сентиментализмъ взялъ верхъ надъ всѣми другими душевными склонностями.

Этотъ сентиментализмъ въ особенности замѣтенъ въ письмахъ, которыя Рылѣевъ писалъ женѣ изъ крѣпости. Рылѣевъ бесѣдуетъ съ женой какъ бы безъ свидѣтелей (а письма эти шли, конечно, черезъ чужія руки), вникая въ разныя хозяйственныя мелочи *), довѣряя ей свои очень интимныя мысли,—мысли, преимущественно покаянныя и религіозныя, и ободряя ее видами на благополучный исходъ дѣла. Любопытно, что во всѣхъ этихъ письмахъ нельзя совсѣмъ уловить ни одной фальшивой, разсчитанной на извѣстное впечатлѣніе фразы. Все очень просто и необычайно сердечно и искренно. Приходится признать, что Рылѣевъ, дѣйствительно, съ необычайной довѣрчивостью относился къ тѣмъ людямъ или, вѣрнѣе, къ тому лицу, отъ котораго зависѣла его участь. Впрочемъ, императоръ самъ позаботился о томъ, чтобы укрѣпить въ Рылѣевъ это довѣріе; Рылѣевъ не испытывалъ, напр., никакихъ чрезвычайныхъ стѣсненій въ своемъ заключеніи, если не считать слишкомъ рѣдкихъ свиданій съ женой; а главное царь облегчилъ ему сразу его за-

---

*) Финансовыя дѣла его очень заботили, такъ какъ они были крайне запутаны. Долговъ было много и имѣніи нужно было продавать спѣшно.

боту о матеріальномъ положеніи его семьи. На другой день арестованія Рылѣева, императоръ приказалъ кн. А. Голицыну навести справку о положеніи его семейства. Голицынъ писалъ государю, что на вопросъ, не имѣетъ ли жена Рылѣева въ чемъ нибудь нужды, она отвѣчала, что у нея осталось еще 1000 руб. и „она ни о чемъ не заботится, имѣя одно желаніе увидѣться съ мужемъ". Это желаніе было удовлетворено не сразу, но 19 декабря 1825 г. царь прислалъ женѣ Рылѣева въ подарокъ 2000 руб. и затѣмъ 22 декабря въ день имянинъ дочери она получила отъ императрицы Александры Θеодоровны—1000 руб. *). Очень тактично и искренне, безъ лишнихъ словъ, писалъ Рылѣевъ женѣ, когда узналъ объ этомъ подаркѣ. „Милосердіе государя и поступокъ его съ тобой потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ, молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впредь, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ государемъ и императрицею, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ" **).

Большой поддержкой въ тюрьмѣ было для Рылѣева его религіозное чувство, которое охватило его необычайно быстро и сильно почти съ перваго же дня его заключенія. Особенно религіозенъ Рылѣевъ не былъ ***), и этотъ подъемъ религіознаго настроенія должно, конечно, приписать обстановкѣ. Ошибочно было бы видѣть въ этой религіозности страхъ передъ судьбой, такъ какъ Рылѣеву до послѣднихъ дней его участь рисовалась не въ очень мрачныхъ краскахъ; нельзя также приписать эту религіозность какимъ-либо разсчетамъ, такъ какъ она за все продолженіе тюремной жизни Рылѣева не заставила его написать ни одной фальшивой, неискренней, или шаблонной фразы.

Религія была единственнымъ исходомъ, къ которому должна была придти эта сентиментальная натура, когда всякій способъ и предлогъ къ проявленію энергіи былъ у нея отнятъ, и когда она, истомленная, сама на себѣ сосредоточилась. Почти съ первыхъ же дней своего заключенія, Рылѣевъ почувствовалъ по-

---

*) Нѣсколько словъ въ память Николая Павловича. „Русская Старина", 1896, VI, 461.

**) *Мазаевъ*, 164, 165. Существовало мнѣніе, что эти подарки были не вполнѣ безкорыстны; что они были разсчитаны на то, чтобы сдѣлать Рылѣева болѣе откровеннымъ. Но онъ и безъ нихъ былъ откровененъ, а главное, эти подарки не изсякли и послѣ смерти Рылѣева. Съ 1826 по 1831 годъ вдова Рылѣева получала ежегодно 3000 рублей, а когда она вышла замужъ за отставного поручика Куколевскаго, то эти же 3000 руб. отдавались ей до совершеннолѣтія ея дочери, которой при выходѣ замужъ было также оказано пособіе. „Русская Старина", 1896, VI, 461—2.

***) На это, по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній въ его стихахъ и письмахъ

требность въ мирномъ настроеніи и просилъ жену вмѣстѣ съ 11-ю томами исторіи Карамзина прислать ему книгу „О подражаніи Христу“, переводъ М. М. Сперанскаго. Онъ углубился въ эту книгу, и она стала „питать его“; „въ часы скорби она научаетъ внятнѣе и высокія истины ея тогда доступнѣе“—пишетъ онъ, и письма его мало-по-малу переполняются религіозными размышленіями. Рылѣевъ молится, выписываетъ себѣ въ тюрьму образъ, которымъ его благословила мать на смертномъ одрѣ, заботится объ образахъ, которые имъ обѣщаны въ деревенскую церковь, пріобщается, хочетъ жертвовать деньги въ церковь съ тѣмъ, чтобы священникъ ежегодно служилъ панихиды у гроба его матери... онъ въ полной власти всевозможныхъ религіозныхъ ощущеній. Иногда это настроеніе выливается въ формѣ цѣлаго богословскаго разсужденія и онъ пишетъ женѣ: „О милая душой подруга! О милый другъ, твой духъ скорбитъ и мнѣ скорбнѣе стало. Я... *) не нашелъ душѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремились къ нравственному, духовному міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ Единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же Онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотію своей, онъ пріобщилъ тебя духовной, безпредѣльной сущности своей — міру духовному; нетлѣнной кровію своей, онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истина, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и къ лучшему концу приводитъ, всему учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она явилась міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца, и она неизъяснимо тебя утѣшитъ... Ты любовью соединился съ миромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ, и соединивъ въ себѣ два міра, всей душою подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, милый другъ, предназначеніе наше. Мы должны любовью подчинить Христу физическій міръ и въ Немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу ради Бога, по любви Христа. **).

Во всѣхъ письмахъ звучитъ одинъ призывъ — къ покорности воли Божіей, одно желаніе—самому и одному испить свою чашу. „Я пишу тебѣ то, говоритъ онъ женѣ, что мнѣ внушаютъ чувства, и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты—мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божію и милосердіе государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по сію

*) Не разобрано.
**) *Мазаевъ*, 178.

пору обращаются со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно, и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и, чтобы ни постигло меня, прими все съ твердостью и покорностью Его святой волѣ".

Хоть надежда, какъ видимъ, и не покидала Рылѣева, но заставить его любить жизнь она была минутами безсильна. И въ эти грустные часы онъ свыкался съ мыслью о смерти. Это была не страшная, не тревожная, а очень умиротворенная религіозная мысль, хотя источникъ ея и коренился не столько въ любви къ небесному, сколько въ усталости отъ жизни земной. Эта тоска по иной жизни и продиктовала Рылѣеву два послѣднихъ его стихотворенія. „Передъ окнами его равелина,—разсказываетъ бар. Розенъ,—въ близкомъ разстояніи отъ нихъ стояла высокая каменная стѣна, а внутри равелина, гдѣ не было ни одного окна въ зданіи, стояло нѣсколько деревьевъ кленовыхъ въ тѣсномъ треугольномъ пространствѣ, куда изрѣдка поочереди приводили заключенныхъ поодиночкѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тутъ Рылѣевъ сорвалъ кленовые листья и за неимѣніемъ бумаги написалъ на нихъ стихотвореніе:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ, какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ:
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Стихотвореніе было передано его товарищу по заключенію кн. Оболенскому, который не замедлилъ отвѣтить Рылѣеву письмомъ, въ которомъ также излилъ свои религіозныя чувства. „Любезный другъ,—писалъ ему въ отвѣтъ Рылѣевъ,—какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я Ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ, за весь міръ. Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь, скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, такъ

какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества".

На тѣхъ же кленовыхъ листахъ написалъ Рылѣевъ Оболенскому второе посланіе, какъ бы поясняя стихами свое туманное письмо:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
„Васъ будутъ гнать и предавать,
„Осмѣивать и дерзостно безславить,
„Торжественно васъ будутъ убивать;
„Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить;
„И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
„Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
„Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
„Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ".
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орелъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Наважъ,
Увидитъ край обѣтованный *).

Этотъ обѣтованный край Рылѣеву пришлось увидать очень скоро.

---

*) Въ тюрьмѣ кромѣ этихъ стихотвореній Рылѣевъ другихъ не писалъ, и тѣ, которыя ходили потомъ по рукамъ, какъ бы написанныя имъ въ крѣпости—ему не принадлежатъ (ср. *Д. Кропотовъ*. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 244).

IV.

Въ маѣ 1826 года слѣдствіе по дѣлу 14 декабря было закончено и коммиссія, избранная для основаній разрядовъ, на которые, по степени ихъ виновности, должны были быть раздѣлены осужденные, представила въ іюнѣ мѣсяцѣ свой докладъ верховному уголовному суду.

„Сколь ни тяжки вины—говорилось въ этомъ докладѣ—въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, которыя по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему рязряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ, силой примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Коммиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ".

Къ числу этихъ лицъ былъ причисленъ и Рылѣевъ. Виновность его опредѣлялась слѣдующимъ образомъ *): „Отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ 32 лѣтъ. По собственному признанію:

1. По первому пункту (цареубійства). Умышлялъ на цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства.

2. По второму пункту (бунтъ). Усилилъ дѣятельность сѣвернаго общества: управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинять манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ.

3. По мятежу (воинскому). Пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

> *Примѣчаніе.* Воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію: разбить питейные дома, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ.

Верховный судъ приговорилъ Рылѣева вмѣстѣ съ Каховскимъ, Пестелемъ, С. И. Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ къ четвертованію, которое потомъ было замѣнено казнью черезъ повѣшеніе.

Рылѣевъ, если вѣрить одному свидѣтелю, не обнаружилъ ни

*) «Донесеніе коммиссіи разрядовъ» стр. 11—12.

малѣйшаго признака смущенія на своемъ лицѣ, при выслушаніи приговора *). Хоть онъ и надѣялся на относительно благополучный исходъ дѣла и долго не терялъ надежды, но, вѣроятно, ко дню рѣшенія успѣлъ помириться съ ужасной мыслью **). Всѣ, кто его видѣлъ въ эти послѣдніе дни, отмѣчали его покорное примиреніе съ судьбою. Отецъ Мысловскій, который часто посѣщалъ его въ тюрьмѣ, говорилъ, что призналъ въ немъ истиннаго христіанина, готоваго положить душу свою за други своя ***). Боясь поколебать этотъ душевный миръ, столь облегчавшій ему послѣдніе часы страшнаго испытанія, Рылѣевъ отказался отъ послѣдняго свиданія съ женой, щадя и ее, и себя. Передъ самой казнью онъ написалъ ей письмо,—свое прощальное благословеніе и послѣднее признаніе.

13 іюля, 1826.

Богъ и государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптал во все время моего заключенія, и за то Духъ Святой давно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять прича-

*) Дневникъ П. Г. Дивова. «Русская Старина» 1897, III, 485.

*) Есть извѣстіе, что жена Рылѣева обратилась къ царю съ прошеніемъ о помилованіи и получила отвѣтъ «никто не будетъ обиженъ». «Записки кн. Трубецкого» Лейпцигъ, 1874, 68. Но это извѣстіе едва ли достовѣрно.

***) „Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго“, 32—33.

стить. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства — и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля.

Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

У меня осталось здѣсь 530 р.; можетъ быть, отдадутъ тебѣ.

Такая же покорность судьбѣ видна и въ томъ письмѣ, которое Рылѣевъ послалъ или собирался послать царю, когда исходъ дѣла сталъ ему вполнѣ ясенъ. Онъ писалъ государю:

Около 21 іюня, 1826 г.

Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно, но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія моего въ думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной.

Подлинность этого письма стояла одно время подъ вопросомъ *), но если сравнить его съ показаніями Рылѣева на судѣ,

*) Розенъ „Записки“, 143.

Д. Кропотовъ утверждаетъ положительно, что оно было написано Рылѣевымъ и говоритъ, что въ его присутствіи оно было вручено женѣ Рылѣева лицомъ, завѣдывавшимъ перепиской съ заключенными. („Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 243).

то видишь, что оно въ сущности есть простое повтореніе всего, что Рылѣевъ говорилъ передъ судьями, и что писалъ въ своемъ первомъ донесеніи государю. Что же касается отреченія отъ „заблужденій и политическихъ правилъ", то въ этомъ признаніи нѣтъ отказа отъ идеаловъ, какими жилъ человѣкъ, или отъ политическихъ ученій, которыхъ онъ держался теоретически. Слова Рылѣева должно понимать, какъ добровольное отреченіе лишь отъ того способа проведенія ихъ въ жизнь, какой былъ избранъ этими горячими головами.

Во всякомъ случаѣ, черновое письмо Рылѣева къ царю не имѣло за собой никакихъ иныхъ побужденій, кромѣ искренняго выраженія пылкой мысли, примиренной съ несчастіемъ.

V.

Спокойно и твердо взошелъ Рылѣевъ и на эшафотъ. „Положите мнѣ руку на сердце,—сказалъ онъ будто бы священнику—и посмотрите, скорѣе ли оно бьется" *). Если оно и билось сильнѣе, то во всякомъ случаѣ не отъ страху.

О послѣднихъ минутахъ Рылѣева существуетъ много разсказовъ. Расходясь въ мелочахъ, всѣ эти показанія единогласно говорятъ о стойкости, съ какой Рылѣевъ встрѣтилъ кончину **).

---

*) Изъ записокъ Н. А. Бестужева, Лейпцигъ, 42.

**) Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ описаній.

„Приведеніе приговоровъ въ исполненіе на обширномъ полѣ, простиравшемся позади Петропавловской крѣпости, назначено было на 13 іюля 1826 года, на разсвѣтѣ. При этомъ должны были присутствовать отряды изъ всѣхъ войскъ гвардіи. Въ городѣ никто, или почти никто, не зналъ ни о времени, ни о мѣстѣ экзекуціи. Я узналъ объ этомъ случайно, и съ товарищемъ моимъ отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкаго моста, далѣе стража насъ не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска были уже на своихъ мѣстахъ; постороннихъ зрителей было очень немного: не болѣе 150—200 человѣкъ...

Былъ уже пятый часъ утра, когда приступили къ казни главныхъ преступниковъ. Ихъ поставили на скамейку въ рядъ, въ разстояніи другъ отъ друга на какіе-нибудь полъ-аршина. На голову надѣли колпаки, которые насунули на лица, закрывъ ихъ совсѣмъ, начиная съ шеи, и во всю длину ногъ надѣли бѣлые фартуки и сзади завязали ихъ вверху и внизу такъ, что руки и ноги были фартукомъ спеленуты. Наконецъ, наложили на шеи петли, которыя должны были затянуться и удержать казненныхъ на воздухѣ, когда изъ-подъ ихъ ногъ отнята будетъ скамейка. Но тутъ и послѣдовалъ извѣстный потрясающій эпизодъ. Веревки были новы и туги; когда оттолкнули скамейку, то головы двухъ среднихъ въ ряду осужденныхъ просунулись внизъ сквозь незатянувшіяся петли, и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Паденіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣ приготовились видѣть пять человѣкъ, заслужившихъ смертную казнь повѣшенными, но никто не предвидѣлъ случившагося такъ неожиданно и продолжившаго предсмертную агонію двухъ несчастныхъ. Это были Рылѣевъ и

Судя по этой стойкости и вообще по настроенію Рылѣева, какъ оно намъ открывается въ его послѣднихъ письмахъ, труд-

---

Бестужевъ. Говорятъ, что упавши, Рылѣевъ воскликнулъ: „намъ во всемъ неудача“! Прошло около четверти часа, пока ихъ снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тѣмъ повисшіе до того вертѣлись на веревкахъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Стража окружала висѣлицу, но по прошествіи получаса, стали всѣхъ пускать, и толпа любопытныхъ нахлынула. Казненные висѣли уже неподвижно. Прошло еще полчаса—мертвецовъ сняли и отнесли въ крѣпость.

„Воспоминаніе О. А. Пржецлавскаго“. „Русская Старина“ 1874. XII, 681—682.

„Всѣ они были очень покойны, отказались имѣть послѣдніе свиданіе съ родными (Рылѣевъ съ женой), чтобы не разстроить ихъ и себя. Говорили не много между собой и ожидали послѣдняго часа съ твердостью. Ихъ вывели рано до свѣту заковавъ прежде въ желѣзо. Выходя въ корридоръ, они обнялись другъ съ другомъ и пошли, сопровождаемые священникомъ и окруженные карауломъ къ тому мѣсту, гдѣ мы видѣли столбы. Тутъ ихъ помѣстили на время въ какомъ-то пороховомъ зданіи, гдѣ были уже приготовлены шесть гробовъ. Протоіерей Мысловскій былъ при нихъ до послѣдней минуты. У двоихъ изъ нихъ, кажется, Пестеля и Каховскаго, оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали, что дѣлать, но по знаку Чернышева ихъ подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафотъ. Потомъ, когда увѣрились, что всѣ пятеро уже не существуютъ, сняли ихъ и отнесли туда, гдѣ находились гробы, и, положивши въ нихъ тѣла, оставили ихъ до слѣдующей ночи. Потомъ свезли въ ночное время на устроенное для животныхъ кладбище (называемое Голода), и тамъ неизвѣстно гдѣ закопали. Говорятъ, что будто бы протоіерей Мысловскій хотѣлъ было воспротивиться второй казни двухъ упавшихъ, но что Чернышевъ настоялъ на этомъ“.

„Записки Н. В. Басаргина“ 55. Изданіе „Русскаго Архива“.

„Руки и ноги были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе только шаги. Кандаловъ не было, только ремни. Ремнями были связаны и руки, и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо... Они были совершенно спокойны, точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку...

Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается (на мѣстѣ казни), подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Они пятеро сидѣли все время на травѣ и тихо между собой разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они, на колѣняхъ, молча помолились Богу, смотря на небо. Потомъ на нихъ надѣли мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса; на шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски, съ именами и виной ихъ... Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Мѣшки имъ очень не понравились, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: „Господи! къ чему это!“ Палачи имъ стянули руки покрѣпче, одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрагивались палачи. Схоронили ихъ на Смоленскомъ кладбищѣ за нѣмецкимъ и армянскимъ, въ концѣ переулка на взморьѣ“.

„Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго“ (будто бы очевидецъ), 37, 38, 40—47.

но предположить, чтобы въ послѣднія минуты жизни онъ рѣшился бросить запоздалый вызовъ тому порядку или тѣмъ лицамъ, въ борьбѣ съ которыми онъ погибъ. „Рылѣевъ не сказалъ ни слова при казни“, утверждаетъ Якушкинъ, и можно предположить, что дѣло дѣйствительно такъ и происходило *).

VI.

Такова была трагическая участь поэта. Никто по началу его дѣятельности не могъ ожидать, что онъ такъ кончить. Что-то роковое было въ его жизни; и тѣ, кому пришлось вспомнить о немъ, естественно останавливались надъ вопросомъ, что это была за личность—дѣйствительно ли самой природой подготовленная для революціонной агитаціи или случайно попавшая въ ряды революціонеровъ? О случайности въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. Рылѣевъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и подготовлялъ себя къ дѣйствію — гораздо болѣе сознательно, чѣмъ весьма многіе изъ участниковъ заговора. Но была ли это, въ самомъ дѣлѣ, революціонная натура? Обладала ли она всѣми каче-

---

„Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ сказалъ, сохраняя все присутствіе духа: „Господа, надо отдать послѣдній долгъ“, и съ этимъ они стали всѣ на колѣни, глядя на небо, крестились. Рылѣевъ одинъ—желалъ благоденствія Россіи. Потомъ встали, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цѣлуя крестъ и руку его, при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику: „Батюшка! помолитесь за наши грѣшныя души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь“; перекрестясь, взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочіе...

„Казнь“ 14—XII 1825 со словъ присутствующаго по службѣ при казни“.

„До произнесенія смертнаго приговора они не были скованы, но потомъ были обременены самыми тяжелыми кандалами. Кандалы и были причиною паденія съ висѣлицы троихъ.

Трупы сложили въ большую телѣгу, но хоронить не повезли, ибо было уже совершенно свѣтло, и народу собралось вокругъ тьма-тьмущая. Поэтому телѣга была отвезена въ запустѣлое зданіе училища торговаго мореплаванія, лошадь отпряжена и извозчику наказано прибыть съ лошадью въ слѣдующую ночь. Въ слѣдующую ночь извозчикъ явился съ лошадью въ крѣпость и оттуда повезъ трупы по направленію къ Васильевскому острову, но когда онъ довезъ ихъ до Тучкова моста, изъ будки вышли воруженные солдаты и, овладѣвъ возжами, посадили извозчика въ будку. Черезъ нѣсколько часовъ спустя, телѣга возвратилась къ тому же мѣсту; извозчикъ былъ заплоченъ и поѣхалъ домой. О мѣстѣ, которое приняло въ себя трупы казненныхъ, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что ихъ зарыли на островѣ Голодаѣ, другіе увѣряли, что тѣла были отвезены на взморье и тамъ брошены, съ привязанными къ нимъ камнями, въ глубину водъ“.

Н. Рамазановъ. „Казнь декабристовъ. Разсказы современниковъ“ „Русскій Архивъ“ 1881, II, 344—346. Этотъ разсказъ принадлежитъ В. И. Беркопфу, начальнику кронверка въ Петропавловской крѣпости.

*) «Записки Якушкина», Лейпцигъ, 147.

ствами, необходимыми для осторожной, послѣдовательной, обдуманной и смѣлой агитаціи? Смѣлость, положимъ, была, но всѣ остальныя необходимыя качества—мы могли въ этомъ убѣдиться—отсутствовали.

Нѣкоторымъ современникамъ Рылѣевъ могъ казаться воплощеннымъ революціонеромъ, такъ какъ они судили о немъ только по его рѣчамъ и по тому возбужденному состоянію, въ какомъ онъ произносилъ свои рѣчи. А всѣ до одного, кто зналъ его, замѣчали за нимъ эту способность быстро воспламеняться и говорить съ крайнимъ возбужденіемъ *). Его выразительные глаза остались у всѣхъ въ памяти. Но едва ли эта внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ внутреннему содержанію.

Если одинъ изъ товарищей обозвалъ его на судѣ „коварнымъ злодѣемъ“ **), другой обвинялъ въ большомъ властолюбіи, въ умышленномъ желаніи окружать себя бездарностями, чтобы первенствовать *); если другой современникъ говорилъ, что онъ въ душѣ революціонеръ, сильный характеръ, безкорыстный, честолюбивый, ловкій, ревностный, рѣзкій на словахъ и на письмѣ, если онъ его считалъ пружиной возмущенія, человѣкомъ, воспламенявшимъ своею настойчивостью и своимъ воображеніемъ ****); если, наконецъ, Гречъ называлъ его не формальнымъ революціонеромъ, а фанатикомъ, слабоумнымъ человѣкомъ, одурѣвшимъ отъ либеральныхъ мечтаній *****) — то всѣ эти отзывы либо от-**

---

*) „Росту онъ былъ средняго; черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другой; волоса у него были черные, слегка завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята той внутренней жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась во вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности“ (слова кн. Оболенскаго). „Въ его взглядѣ, въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣжденна“ (слова бар. Розена). „Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою (слова Н. Бестужева)“.

**) „Донесеніе“, 53.

***) *Завалишинъ.* „Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ“, „Древняя и Новая Россія“ 1879, I, 319.

****) *Л. Д. Боровковъ.* „Автобіографическія Записки“, „Русская Старина“ 1898, XI, 337—338.

*****) *Гречъ.* „Записки о моей жизни“, 369, 366.

клики собственныхъ преувеличенныхъ признаній Рылѣева, либо голосъ вражды, либо, наконецъ, голословная брань, съ несовсѣмъ чистыми намѣреніями.

Вся жизнь Рылѣева показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ фанатикомъ, не съ принципіальнымъ революціонеромъ, не съ коварнымъ, не съ властолюбивымъ человѣкомъ, не съ вождемъ возстанія, а именно съ „пѣвцомъ" его, съ Тиртеемъ, съ сентиментальной натурой, легко воспламенимой, но крайне невыдержанной и нервной, которая вскипала и выкипала очень быстро *).

Но каковы бы ни были недостатки Рылѣева, какъ политическаго мыслителя и практика, какъ судьи своего времени, какъ вождя и оратора, наконецъ, какъ сентиментальнаго мечтателя въ минуту пораженія, — общій рыцарскій характеръ его, какъ дѣятеля и человѣка, стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній и признанъ даже строгими судьями **). Въ этомъ характерѣ было, безспорно, много донкихотства, но въ самомъ возвышенномъ, трагическомъ и гуманномъ смыслѣ.

Какъ человѣкъ, Рылѣевъ былъ, говорятъ, рѣдкой доброты и отзывчивости ***).

„Ко всѣмъ качествамъ сердечнаго человѣка,—говоритъ одинъ

---

*) Изъ всѣхъ качествъ настоящаго заговорщика онъ обладалъ и то слегка только однимъ. Онъ умѣлъ скрывать тайну своего общества. Это отмѣчаетъ Д. Кропотовъ („Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 230). Н. Бестужевъ также говоритъ, что онъ былъ „осторожнымъ", скрытнымъ и предпріимчивымъ заговорщикомъ („Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ—Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ 1861, 10. Но онъ же говоритъ (стр. 23), что важнѣйшимъ недостаткомъ Рылѣева было его слишкомъ открытое и довѣрчивое сердце, что онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и, обманутый, не переставалъ вѣрить, что опытность ни къ чему для него не служила"). Кажется, что многое въ этой скрытности Рылѣева зависѣло отъ минутнаго настроенія. Тайну общества онъ довѣрялъ, напр., Кюхельбекеру и скрывалъ ее отъ гораздо болѣе трезваго Муханова (см. „Русская Старина" 1872, II, 336).

**) См. *Богдановичъ*. „Исторія царствованія императора Александра I", Спб., 1871, VI, 432—433.

***) А. В. Никитенко, который былъ ему обязанъ своимъ выкупомъ изъ крѣпостной зависимости, такъ вспоминалъ о немъ: „Я не знавалъ другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ-бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться при болѣе близкомъ знакомствѣ. Стоило улыбкѣ озарить его лицо, а вамъ самимъ поглубже заглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ, безвозвратно отдаться ему. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія, глаза эти горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ сосредоточенной силы и огня. Но такимъ я узналъ его позже. Въ мое первое посѣщеніе, я, главнымъ образомъ, испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты и, вызванный на откровенность, повѣдалъ ему всю печальную исторію моихъ стремленій.

современникъ,—Рылѣевъ присоединялъ большое дарованіе ума. Обладая скорѣе принципами, чѣмъ страстями, онъ дѣйствовалъ разсудительно—по теоріи и по отвлеченнымъ формуламъ, если хотите, но безкорыстно и какъ бы исполняя долгъ... Мягкій, человѣчный, врагъ раздора и пролитія крови, онъ умѣлъ быть твердымъ и повелительнымъ, когда обстоятельства этого требовали... онъ любилъ прямую дорогу и его честность презирала другія“ *).

„Въ то время,—пишетъ Д. Кропотовъ,—носился въ городѣ слухъ, очень похожій на истину, будто по разсмотрѣніи доклада, представленнаго верховнымъ судомъ императору, Николай Павловичъ выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: „Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же—всѣхъ добродѣтелей“ **).

Императоръ могъ имѣть свое особое мѣрило для оцѣнки своихъ враговъ, и, конечно, Рылѣевъ былъ для него врагъ менѣе непріятный, чѣмъ Пестель, но характерно, что императоръ заговорилъ о „добродѣтеляхъ“ тѣхъ лицъ, которымъ таковыхъ, въ его, по крайней мѣрѣ, глазахъ, имѣть не надлежало.

А для насъ—если этотъ разсказъ не вымышленъ—цѣнно то, что именно Рылѣевъ заставилъ царя вспомнить о такихъ, заговорщику присущихъ, добродѣтеляхъ.

Н. Котляревскій.

---

*) „Schnitzler. Histoire intime de la Russie“. 1854, I, 206, 207, 214.

**) *Д. Кропотовъ.* „Изъ жизни гр. М. Н. Муравьева“, „Русскій Вѣстникъ“ 1874, I, 64.

Материнская любовь,

какъ факторъ въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью.

Въ основѣ ошибки, по которой общество и государство имѣютъ своимъ исходнымъ моментомъ семью, лежатъ двѣ идеи, высказанныя передовыми мыслителями XIX вѣка: Дарвиномъ и Контомъ. Доктрина перваго изъ нихъ обыкновенно формулируется такимъ образомъ: „Материнская любовь женщинъ всѣхъ націй, какъ и самокъ всѣхъ животныхъ, въ своей основѣ представляютъ явленія тождественныя"; а идея Конта, формулированная Литре, заключается въ томъ, что—*альтруистическія чувства*, обусловливающія нравственность и служащія цементомъ, объединяющимъ членовъ даннаго общества въ одно цѣлое, *„координированы вокругъ различія половъ"*.

Въ связи съ этими доктринами стоитъ, несомнѣнно, и извѣстная гипотеза Бланшара, по которой материнская любовь у животныхъ развита тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сложнѣе и выше психика данной группы животныхъ; гипотезу эту авторъ подтверждаетъ примѣрами изъ класса птицъ, утверждая, что психика выводковыхъ, которыхъ птенцы съ первыхъ же дней способны добывать себѣ пищу (куриныя, плавающія), ниже психики птенцовыхъ, которыхъ птенцы болѣе или менѣе продолжительное время требуютъ тщательнаго за собой ухода родителей.

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что доктрины эти нуждаются въ очень существенныхъ оговоркахъ и поправкахъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію относящагося сюда матеріала, скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ представляютъ авторы самый процессъ закладки семьи на почвѣ материнскаго чувства и тѣхъ біологическихъ данныхъ, которыя получили свои формулы въ приведенныхъ выше доктринахъ Дарвина, Конта—Литре.

Вотъ какъ разсуждаетъ по поводу первыхъ моментовъ зарождающагося материнскаго чувства Рибо *).

---

*) *Рибо.* Психологія чувства. Переводъ съ французскаго. Изд. Ф. А. Іогансона, стр. 245.

Ссылаясь на книжку Эспинаса (Les sociétés animals), авторъ пишетъ:

самкѣ въ моментъ, когда она производитъ на свѣтъ себѣ подобныхъ малютокъ, не стоитъ никакого труда распознавать въ нихъ плоть отъ плоти своей; чувство, которое она испытываетъ къ нимъ, полно симпатіи и состраданія, но отсюда нельзя исключить идеи собственности, какъ одну изъ прочныхъ основъ симпатіи. Она чувствуетъ и понимаетъ до извѣстной степени, что эти крошки, являющіяся частью ея самой, принадлежатъ въ то же время ей; любовь къ самой себѣ, распространенная на тѣхъ, которые происходятъ отъ нея, мѣняетъ эгоизмъ въ симпатію и инстинктъ собственности въ нѣжный импульсъ. Подобно тому, какъ половая любовь предполагаетъ идею о взаимной собственности, материнская любовь предполагаетъ идею о подчиненной собственности, что происходитъ вслѣдствіе того, что другое „я“ является такимъ слабымъ, что участіе, которое ему оказываешь, носитъ характеръ состраданія.

Далѣе, дѣло, по словамъ проф. Жиро, котораго книжка „Общества у животныхъ“ была встрѣчена съ сочувствіемъ иностранными учеными, и появилась въ русскомъ переводѣ,—идетъ такимъ образомъ:

Дѣтенышъ растетъ; мало по малу, между матерью и имъ устанавливается обмѣнъ впечатлѣній, совмѣстная жизнь и общіе интересы порождаютъ между обоими существами близкія семейныя отношенія.

Материнская любовь и дѣтскія привязанности,—продолжаетъ Жиро,—создаются совокупностью особыхъ условій. Имѣютъ ли эти условія психологическую основу?—спрашиваетъ авторъ далѣе, и отвѣчаетъ:

Мать испытываетъ пріятное чувство удовлетворенія, видя, какъ, при ея помощи, крѣпнутъ слабыя новорожденныя существа; она шагъ за шагомъ слѣдитъ за послѣдовательными стадіями ихъ физическаго и духовнаго развитія; во время этихъ наблюденій зарождается симпатія, которая переходитъ въ любовь предѣльной интенсивности, въ непобѣдимое чувство, заставляющее мать жертвовать жизнью для спасенія дѣтенышей *).

Выяснивъ генезисъ чувства родителей къ дѣтямъ, авторъ переходитъ къ выясненію источника симпатіи дѣтей къ родителямъ и дѣтей другъ къ другу...

Что касается перваго, то оно, по мнѣнію автора, вытекаетъ изъ:

признательности молодого поколѣнія къ тѣмъ, которые о немъ заботятся и доставляютъ ему пищу; у дѣтенышей сначала зарождается симпатія, которая растетъ отъ привычки и количества оказанныхъ матерью услугъ **).

Затѣмъ, что касается любви молодыхъ особей другъ къ другу, то источникъ этой любви, по мнѣнію автора, заключается въ слѣдующемъ:

Дѣти не рождаются, одинаково одаренными физически и духовно; это неравенство обусловливаетъ постепенно возрастающее превосходство болѣе

*) Стр. 61 и 62,.

**) Стр. 62.

приспособленныхъ индивидовъ. Болѣе сильные, подчиняясь отцу, покровительствуютъ своимъ братьямъ и начинаютъ къ нимъ относиться, какъ родители къ дѣтямъ. Болѣе слабые индивиды цѣнятъ эти услуги и выражаютъ свою признательность; взаимная симпатія, развиваясь подъ вліяніемъ привычки, превращается въ настоящую братскую любовь *)

Когда возникшая, такимъ образомъ, семья увеличивается въ числѣ своихъ членовъ, то альтруистическое чувство, сначала элементарное, становится все болѣе и болѣе сложнымъ и разностороннимъ; въ концѣ концовъ, оно даетъ начало *нравственности*, которая, по увѣренію многихъ авторовъ, у общественныхъ насѣкомыхъ достигаетъ поразительно высшей степени развитія. Такъ у муравьевъ и пчелъ, по утвержденію Летурно, **) складываются такія *воззрѣнія на собственность*, которыя не только затмѣваютъ всѣхъ другихъ животныхъ, но превосходятъ, и даже очень значительно, низшія расы человѣчества.

Геккель идетъ еще дальше и утверждаетъ, что „соціальные инстинкты животныхъ, *на которыхъ мы основываемъ ученіе о нравственности* (напримѣръ, удивленію достойное *чувство долга* у муравьевъ), могутъ быть названы вполнѣ христіанскими въ лучшемъ смыслѣ этого слова“.

Такимъ представляется авторамъ генезисъ и развитіе общества: материнская любовь, тождественная для всѣхъ животныхъ—созидаетъ семью, семья, разрастаясь и развивая въ себѣ элементы альтруизма, ведетъ къ образованію общества и государства.

Посмотримъ теперь, насколько сказанная гипотеза находитъ себѣ основаніе и подкрѣпленіе въ явленіяхъ жизни сначала *безпозвоночныхъ*, а потомъ позвоночныхъ *животныхъ* и человѣка.

Мы увидимъ сейчасъ, что противъ этой гипотезы прежде всего говорятъ:

I) *критика общихъ соображеній*, которыми ее старается обосновать Эспинасъ и его послѣдователи; II) *детальное изученіе жизни одиночныхъ животныхъ* съ ясно выраженнымъ „материнскимъ чувствомъ“ и III) *таковое же изученіе жизни такъ называемыхъ общественныхъ насѣкомыхъ*, которыя, какъ извѣстно, принимаются за лучшій примѣръ, подтверждающій гипотезу развитія общества изъ семьи указаннымъ выше путемъ.

---

*) Стр. 63 и 64, курсивъ нашъ.

**) L'èvolution de la propieté.

II.

Я уже упомянулъ о томъ, что Дарвинъ (словами Вьюэлля) говоритъ слѣдующее: „Можетъ ли тотъ, кто читалъ трогательные примѣры материнской любви, разсказываемые такъ часто про женщинъ всѣхъ націй и про самокъ всѣхъ животныхъ, сомнѣваться, что основанія этихъ поступковъ тождественны въ обоихъ случаяхъ? *).

Эта идея, вовсе не доказанная даже въ такихъ условныхъ предѣлахъ, въ какихъ она высказывалась Дарвиномъ, послужила исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда трактатовъ, въ которыхъ ей придается уже гораздо болѣе широкій смыслъ, и болѣе общее значеніе.

Эспинасъ **), особенно тщательно разработавшій вопросъ о материнскомъ чувствѣ, является однимъ изъ представителей такой точки зрѣнія на предметъ,—съ него поэтому мы и начнемъ.

„Мы *должны*, пишетъ авторъ, *начинать* изученіе материнскаго чувства съ *низшихъ ступеней зоологической лѣстницы, т. е. съ существъ, лишенныхъ мыслительной способности, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, у которыхъ присутствіе ея весьма сомнительно—съ безпозвоночныхъ, самыхъ несовершенныхъ въ „смыслѣ организаціи“*; только одинъ этотъ путь рѣшенія вопроса читаемъ мы далѣе и можетъ быть признанъ научнымъ“. Такая задача Эспинаса: во что бы то ни стало *вывести* материнское чувство человѣка путемъ эволюціи этого чувства отъ низшихъ животныхъ, ставитъ автора въ необходимость разыскивать такія причины его у этихъ послѣднихъ, которыя могли бы служить хотя бы намекомъ на лежащія въ основѣ материнской любви высшихъ млекопитающихъ животныхъ. Но какими нитями связать, напримѣръ, материнскую любовь насѣкомыхъ съ тѣмъ же чувствомъ человѣка, когда яйцо у нихъ переживаетъ мать, которая сама вышла изъ яйца, пережившаго ея родителей? Какъ объяснить себѣ, что насѣкомое можетъ предвидѣть будущее по неизвѣстному прошедшему? или что оно можетъ узнавать самого себя въ существахъ, имѣющихъ совершенно отличную отъ него форму и даже при отсутствіи въ немъ всякой живой формы (когда любовь направлена на яйца)? или, наконецъ, какъ объяснить заботы матери о такихъ нуждахъ дѣтенышей, о которыхъ она не имѣетъ никакого понятія, такъ какъ этихъ нуждъ не знаетъ. Очевиднымъ казалось бы, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями въ значитель-

*) Происхожденіе человѣка. Переводъ подъ редакц. Сѣченова. 1871 г. Стр. 38 и 39.

**) Эспинасъ. Les sociétés animals.

ной степени отличающимися отъ тѣхъ, которыя видимъ у человѣка и высшихъ животныхъ,—отличающимися и по своему происхожденію, и по своему характеру; что задача на той почвѣ, на которой она дебатируется, не разрѣшима. „Но,—говоритъ Эспинасъ,—*задача требуетъ настоятельнаго рѣшенія въ указанномъ смыслѣ*, безъ чего „соціологія лишается своей основы“... и онъ приступаетъ къ ея рѣшенію попытками—устранить противорѣчія неустранимыя.

Условія существованія видовъ, — говоритъ Эспинасъ,—могли появиться позднѣе, чѣмъ появилась материнская любовь. Такъ насѣкомыя, напримѣръ, не всегда могли проходить всѣ фазы превращеній (гусеница, куколка и взрослое животное), какія проходятъ теперь, и, такимъ образомъ, могли сначала заготовлять своему потомству ту самую пищу, которой питаются сами, а потомъ сохранили привычку, не смотря на измѣненіе образа жизни.

Предположеніе это, однако, не объясняетъ того, какимъ же образомъ насѣкомое выработало въ себѣ способность заботиться о яйцахъ, какъ о живыхъ существахъ. Для этого оказалось необходимымъ новое предположеніе о томъ, что насѣкомыя сначала были живородящими. Эта новая гипотеза рѣшила бы дѣло; на бѣду, однако, по заключенію самого автора ея, она встрѣчаетъ возраженіе въ самой эволюціонной теоріи. „Насѣкомыя,—говоритъ онъ,—произошли отъ червей, а нѣкоторые кольчатые черви проявляютъ уже заботливость о яйцахъ“. Словомъ, никакъ не выходитъ того, что нужно, и создать гипотезу, согласную съ фактами самыми пестрыми и разнохарактерными, оказывается совершенно невозможнымъ. И вотъ, въ результатѣ многочисленныхъ предположеній и болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, Эспинасъ,—и не одинъ онъ,—приходитъ къ слѣдующему неутѣшительному для него, но совершенно естественному заключенію: „мы пытались,—говоритъ онъ (на стр. 337),—отыскать причину материнской любви у безпозвоночныхъ (аналогичныя таковымъ у животныхъ высшихъ) и *должны были въ концѣ концовъ отказаться отъ своего намѣренія*“. Только напрасно онъ надѣется, что „другіе психологи будутъ счастливѣе“ относительно его изслѣдованія „въ томъ же духѣ“; можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ духѣ задача будетъ неразрѣшимой, кто бы за нее ни брался. Ключъ къ рѣшенію ея лежитъ въ другомъ мѣстѣ.

Покончивъ такъ неудачно съ первой половиной задачи и не отыскавъ требуемыхъ причинъ, авторъ переходитъ къ другой: къ вопросу о такомъ развитіи и постоянномъ осложненіи материнскаго чувства въ животномъ царствѣ, которое въ концѣ концовъ могло бы насъ привести къ материнскому чувству высшихъ животныхъ.

Само собою разумѣется, что по смыслу задачи необходимо

представить развитіе этого чувства такъ, чтобы оно шло параллельно съ усложненіемъ организаціи животныхъ существъ, чтобы по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся съ одной низшей зоологической ступени на слѣдующую, высшую, материнская любовь становилась бы все болѣе и болѣе сложной и сильной.

Къ несчастію, и здѣсь факты никакъ не хотятъ укладываться въ требуемую рамку; этого мало: и здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются непреодолимыя затрудненія.

Тогда остается одинъ выходъ: минуя факты, детальное выясненіе которыхъ предоставляется будущему, взять различныя формы *проявленія материнской любви* въ животномъ царствѣ и расположить ихъ въ раціональномъ порядкѣ, то есть въ порядкѣ, вытекающемъ изъ возрастающей сложности этого чувства *). Сначала, поэтому, разсматриваются группы животныхъ, у которыхъ „мать относится безразлично къ откладываемымъ ею яйцамъ"; затѣмъ разсматриваются „различныя степени особенностей, вытекающихъ изъ болѣе и болѣе активной роли самки, которая, вопервыхъ, дѣлаетъ выборъ мѣста, благопріятствующаго вылупленію дѣтенышей изъ яицъ, во вторыхъ, выбираетъ помѣщеніе, удобное для ихъ сохраненія, въ-третьихъ, находитъ цѣлесообразныя средства для ихъ прикрѣпленія или зарыванія, въ-четвертыхъ, строитъ для нихъ особую защиту, въ-пятыхъ, кладетъ яйца возлѣ веществъ, способныхъ служить пищей для личинокъ или вылупившихся дѣтенышей, доставляя имъ кормъ или въ обыкновенномъ видѣ, или же въ видоизмѣненной формѣ", и т. д. **)

Поднимаясь все выше и выше, мы доходимъ, наконецъ, до появленія „обществъ" (у насѣкомыхъ), у которыхъ животная техника дѣлаетъ быстрые успѣхи и производитъ „неожиданныя чудеса". „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ авторъ,—до сихъ поръ матеріалъ и орудія для своей защиты большинство низшихъ животныхъ заимствовало изъ веществъ своего собственнаго тѣла. Защита (напримѣръ, коконовъ) была лишь продолженіемъ организма, изъ котораго она исходила, точно также и орудія: напримѣръ, тенета паука—являлись какъ бы распространеніемъ животнаго, занимающаго его центръ. Напротивъ, если мы взглянемъ на продукты общественной техники, то увидимъ, что они построены изъ матеріаловъ, такъ сказать, постороннихъ составнымъ веществамъ рабочаго, и обработываемыхъ съ внѣшней стороны исключительно механическими средствами" (Стр. 298, 299).

Такимъ образомъ, получается требуемый рядъ ступеней постепеннаго усложненія и развитія материнскаго чувства, какъ будто бы дѣйствительно существующаго въ природѣ. Правда, фактовъ, подтверждающихъ такой восходящій порядокъ его развитія, не

---

*) Эспинасъ. Ibid. стр. 228.

**) Стр. 298.

существуетъ. Мало этого: часто они и по заявленію самого Эспинаса стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ этой лѣстницей,— но... говорятъ намъ, съ одной стороны факты эти еще очень не полно изучены, а съ другой — „трудно допустить, чтобы логика вещей, столь согласная во многомъ съ логикой ума, отходила слишкомъ далеко отъ такого разумнаго плана и такой теоретически установленной послѣдовательности“ (стр. 288).

Факты, дѣйствительно, изучены недостаточно полно и недостаточно хорошо, и логика теоретическихъ разсужденій, поэтому, является тѣмъ болѣе заманчивой, что, какъ мы видѣли выше, сдѣлать желательные выводы изъ систематическаго изученія фактовъ оказалось безусловно невозможнымъ. За то, миновавъ препятствія въ систематическомъ матеріалѣ „и ограничившись главными проявленіями материнской любви“, мы съ большею легкостью получаемъ возможность не только установить теоретически послѣдовательный рядъ усложненія и развитія материнскаго чувства, но даже подобрать для каждаго проявленія и соотвѣтствующіе примѣры. Случилось, однако, что и на этотъ разъ, какъ это, по свидѣтельству исторіи нашей науки, случалось много разъ прежде, логика фактовъ разошлась съ логикой ума; ближайшее изученіе дѣла тотчасъ же доказываетъ, что „разумный планъ“ вовсе не совпадаетъ съ дѣйствительностью.

Факты эти, какъ мы сейчасъ увидимъ, подтверждаютъ, что материнская любовь, въ предѣлахъ даннаго класса животныхъ безпозвоночныхъ, иногда не только можетъ не усложняться и не увеличиваться параллельно съ генетической эволюціей составляющихъ его группъ и семействъ, но можетъ систематически падать и, наконецъ, вовсе исчезать. Факты доказываютъ затѣмъ, что не только въ предѣлахъ семейства, но даже и одного рода, могутъ быть весьма различно развитыя степени материнскаго чувства; наконецъ, что постройки гнѣздъ изъ сторонняго матеріала вовсе не составляютъ признака животныхъ общественныхъ, а встрѣчаются и у тѣхъ самыхъ пауковъ, между прочимъ, которые выставляются примѣрами животныхъ, не обладающихъ способностями къ такимъ постройкамъ, и т. д., и т. д. Словомъ, оказывается, что проявленія материнскаго чувства не представляютъ никакой восходящей лѣстницы усложненія, и что эта лѣстница рушится при первомъ прикосновеніи ея съ фактами.

III.

По свидѣтельству всѣхъ авторовъ,—среди низшихъ (безпозвоночныхъ) животныхъ — пауки (Araneina) представляютъ классъ, въ которомъ материнская любовь достигаетъ высшихъ предѣловъ. Этотъ классъ животныхъ поэтому мы и возьмемъ для рѣшенія

вопроса о тождествѣ основъ материнскаго чувства у животныхъ всѣхъ ступеней зоологической лѣстницы, и на возможность, вслѣдствіе этого, *„вывести“* сложное чувство материнской любви у высшихъ животныхъ изъ простѣйшей формы этого чувства у низшихъ животныхъ.

Наблюденій, которыми доказывается существованіе „материнской любви“, у пауковъ — очень много, и, оставляя въ сторонѣ психологическую оцѣнку, дѣлаемую авторами этому чувству, не можетъ подлежать сомнѣнію. По свидѣтельству англійскихъ энтомологовъ Кэрби и Спенсъ, часто цитируемыхъ Дарвиномъ,—способность этихъ животныхъ питать нѣжнѣйшія чувства любви къ своимъ дѣтямъ поистинѣ изумительна *).

Подтверждая сказанное, авторы разсказываютъ, между прочимъ, объ извѣстномъ опытѣ Боннета, который, чтобы испытать силу привязанности одного паука (Lycosa), бросилъ его вмѣстѣ съ кокономъ въ логово „муравьинаго льва“. Животное это схватило коконъ, а вслѣдъ затѣмъ и самку паука, которая не хотѣла оставить свою драгоцѣнную ношу и предпочла погибнуть вмѣстѣ съ нею, чѣмъ спасти свою жизнь бѣгствомъ. Профессоръ Hemtz, говоря о материнскомъ инстинктѣ Lycosidae вообще, отмѣчаетъ, что „мать защищаетъ свое потомство до послѣдней крайности“, и что „можно отрывать у нея ногу за ногой прежде, чѣмъ она оставитъ свое сокровище; такъ велика можетъ быть материнская любовь въ существахъ, безпощадныхъ къ своему собственному виду и даже къ полу, который даетъ жизнь ея потомству“, заключаетъ авторъ.

Про Dolomedes Albineus разсказываютъ слѣдующій случай: самка была проткнута булавкой, потомъ посажена въ стеклянный сосудъ, гдѣ рана скоро зажила. Черезъ три дня она сдѣлала коконъ и снесла яйца; она держала его постоянно въ челюстяхъ, но силы ея ослабли; рана открылась, кровь потекла свободно и самка постепенно теряла свои силы, но при всемъ этомъ она до послѣдней минуты жизни не выпускала кокона.

Я могу присоединить къ разсказамъ авторовъ еще одинъ интересный фактъ. Молодые паучки Theridium pictum въ неволѣ, при недостаткѣ корма, иногда открыто нападаютъ на свою мать и съѣдаютъ ее, хоть этой жертвѣ ничего не стоило бы самой полакомиться крохотными созданіями, трусливыми и не осмѣливающимися нападать даже на мухъ, которыхъ мать умерщвляетъ прежде, чѣмъ дѣти примутся за эту добычу; а тутъ они смѣло взбираются на тѣло своей матери, не отступающей въ обычное время отъ борьбы съ пчелою и всегда остающейся побѣдительницей, и вонзаютъ свои челюсти обреченной на смерть добровольной жертвѣ; милыя ея сердцу дѣти скоро обсыпаютъ ее,

*) Кэрби и Спенсъ, перев. А. Мина, стр. 328—329.

какъ бисеромъ, и высасываютъ безъ остатка. Дальше этого чувство материнской любви идти уже, разумѣется, не можетъ.

Какова же природа этого чувства, и соотвѣтствуетъ ли оно материнскому чувству высшихъ позвоночныхъ, какъ это утверждаютъ весьма многіе арахнологи и натуралисты вообще?

Ближайшее изученіе явленій устанавливаетъ, прежде всего, что *сила материнской любви у пауковъ далеко не одинакова за весь періодъ времени* выхаживанія молоди. Вездѣ мы видимъ, что сначала эта любовь бываетъ, относительно говоря, очень слабою, по мѣрѣ же того, какъ приближается время выхода молодыхъ изъ яичекъ, сила материнской любви, направленная *не на одушевленный предметъ, а на коконъ*, становится все большею и большею. Ко времени выхода молоди, чувство это достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, но съ этого же момента начинается и его пониженіе.

Чѣмъ болѣе подрастаетъ молодь, тѣмъ индифферентнѣе относится къ нимъ самка, а къ тому времени, когда молодые достигаютъ возраста, въ который могутъ производить самостоятельную охоту,—материнская любовь исчезаетъ совсѣмъ.

Изучая внимательно всѣ градаціи этого чувства и его постепеннаго исчезновенія, не знаешь иногда, чему удивляться,—біологической ли цѣлесообразности самаго факта, или изумительной точности соотвѣтствія между силою, такъ называемаго, материнскаго чувства, съ одной стороны, и потребностью въ этомъ чувствѣ для сохраненія вида—съ другой, въ каждый данный періодъ времени.

Это строгое соотвѣтствіе можетъ быть формулировано такъ: *паукъ особь проявляетъ свою любовь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значеніе кокона въ интересахъ вида больше*; а значеніе это становится большимъ съ каждымъ днемъ развитія молоди, ибо съ каждымъ днемъ шансы на успѣшное развитіе потомства увеличиваются. *)

Я, не боясь преувеличенія, считаю возможнымъ признать значеніе этого факта, въ вопросѣ объ оцѣнкѣ истинной природы разсматриваемыхъ явленій,—огромнымъ.

Другая, не менѣе характерная и не менѣе важная черта материнской любви у пауковъ заключается въ томъ, что она продолжается въ теченіе только опредѣленнаго періода времени, съ истеченіемъ котораго, исчезаетъ, безъ всякой связи и зависимости отъ состоянія объекта любви.

---

*) Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ (конечно, приблизительно), что число ежедневныхъ опасностей отъ враговъ (у кокона—своихъ спеціальныхъ) равняется 10, и что, такимъ образомъ, заключенныя въ коконѣ яйца рискуютъ въ теченіе пятнадцати дней, необходимыхъ для ихъ развитія, подвергнуться опасности 150 разъ.

Ясно, что цѣнность только что сдѣланнаго кокона для интересовъ вида почти въ 150 разъ меньше, чѣмъ та, которую будетъ имѣть коконъ, счастливо избѣжавшій опасности до пятнадцатаго дня развитія.

Вотъ фактъ, доказывающій справедливость сказаннаго.

Отнимемъ коконъ, напримѣръ, у тарантула на 7-й и 8-й день послѣ того, какъ онъ имъ былъ сдѣланъ, и будемъ наблюдать. Тарантулъ,—этотъ образецъ чадолюбія,—повергается въ страшное безпокойство; съ необыкновенною тщательностью и энергіей начинаетъ обыскивать свое помѣщеніе, перерываетъ всю землю около своей норы, и успокоивается, т. е. оставляетъ поиски, лишь окончательно потерявъ силы. Дотрогивайтесь до него въ это время пальцемъ, толкайте съ мѣста,—онъ или остается безъ движенія, или, еле ступая, сдѣлаетъ два-три шага, чтобы снова остановиться. Возвратите коконъ, и онъ бросится на него съ горячностью, которая не оставляетъ сомнѣнія въ интенсивности руководящаго имъ чувства. Этого мало. Потребность носить въ это время коконъ такъ велика, что пауки легко поддаются обману, и тѣмъ легче, чѣмъ ближе къ моменту наивысшаго развитія материнскаго чувства совершаются эксперименты. Дайте самкѣ Theridium pictum втрое большій коконъ Theridium lineatum, какъ я это много разъ дѣлалъ,—и паукъ помѣщаетъ его къ себѣ въ гнѣздо; дайте два такихъ кокона и онъ сдѣлаетъ то же: онъ соберетъ ихъ цѣлую кучу и будетъ охранять съ одинаковою заботливостью опредѣленный періодъ времени.

Вложите въ коконъ Sycosae вмѣсто яицъ дробинку, какъ это дѣлали г-нъ и г-жа Pekham, при чемъ вѣсъ кокона сдѣлается втрое большимъ, и дайте его пауку, — онъ тотчасъ же схватываетъ коконъ и, послѣ большихъ трудовъ, прикрѣпляетъ его къ прядильнымъ органамъ.

Подложите вмѣсто коконовъ похожіе на нихъ предметы, и пауки семейства Lycosidae легко вводятся въ обманъ.

Но время идетъ; изъ кокона выходятъ молодые паучки. Казалось бы, тутъ-то и сказаться материнскому чувству, а на дѣлѣ выходитъ, что оно быстро идетъ на убыль и скоро исчезаетъ совсѣмъ. И вотъ что изумительно и характерно: періодъ времени, обнимающій всю гамму сначала восходящаго, а потомъ нисходящаго чувства материнской любви у паука, стоитъ, какъ было сказано, внѣ зависимости и связи съ дѣйствительными измѣненіями, которыя претерпѣваетъ развивающееся молодое поколѣніе.

Объясню это фактами, много разъ мною провѣренными. Возьмемъ паука рода Lycosa, который носитъ свой коконъ, положимъ, отъ 12 до 15 дней. Къ концу этого срока материнское чувство достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта; къ этому же времени, при нормальныхъ условіяхъ развитія, изъ кокона выходятъ молодые; самка бросаетъ пустой коконъ и переноситъ свои чувства на молодыхъ паучковъ.

Далеко не всѣ коконы, однако, достигаютъ благополучнаго развитія; содержимое многихъ изъ нихъ уничтожается паразитами. Какъ же поступаютъ пауки въ такомъ случаѣ? *Они носятъ опу-*

сидѣвшій коконъ до истеченія опредѣленнаго времени (до 15—20 дней) и затѣмъ бросаютъ его, никогда не изслѣдуя его содержимаго.

Авторамъ, дѣлающимъ оцѣнку явленій психологіи животныхъ по аналогіи съ человѣкомъ, все въ описанныхъ фактахъ совершенно ясно: паукъ носитъ коконъ, „ожидая выхода молоди“, онъ *знаетъ* приблизительно *срокъ* ихъ выхода, *знаетъ*, что иногда могутъ быть *несчастныя случайности*, вслѣдствіе которыхъ молодые паучки не развиваются, и потому, проносивши коконъ соотвѣтствующій періодъ времени, бросаетъ его, *увѣренный*, что изъ такого кокона ничего уже не выйдетъ.

При такомъ разсужденіи, — явленія эти, конечно, совершенно ясны. Болѣе тщательное изученіе ихъ, однако, тотчасъ же выдвигаетъ на очередь факты, которые дѣлаютъ такую ясность все меньшею и меньшею, пока, наконецъ, „истина“ не окажется сплошною ошибкою.

Въ самомъ дѣлѣ, случается иногда, что (вслѣдствіе какихъ-либо патологическихъ причинъ, разумѣется),—паукъ, приготовивъ часть кокона, которая необходима къ моменту кладки яицъ, таковыхъ не откладываетъ, а, посидѣвъ въ той позѣ, въ которой они откладываются, столько времени, сколько, согласно инстинкту, это требуется, продолжаетъ слѣдующую по очереди работу, т. е. завершаетъ, задѣлываетъ этотъ коконъ до конца. Я наблюдалъ такія явленія у тарантуловъ: самка относилась къ пустому кокону совершенно такъ же, какъ къ нормальному: носила его, берегла, не разставалась съ нимъ, и сила ея материнской любви текла, развиваясь и понижаясь, какъ всегда течетъ въ періодъ гнѣздовья.

Фактъ поразительный, если его оцѣнить по достоинству.

Такимъ образомъ, пониженіе и повышеніе материнскаго чувства паука совершается безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному состоянію того объекта, на который это чувство направлено; оно происходитъ исключительно въ зависимости отъ того значенія, которое эта „любовь“ имѣетъ для интересовъ „вида“, при чемъ допустить сознательное представленіе о такомъ значеніи у животнаго, которое производитъ свои дѣйствія одинаково совершенно какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе раза, — независимо отъ наученія и опыта,—разумѣется, невозможно.

Самка паука совершаетъ свои процессы сама по себѣ, ея поколѣніе — само по себѣ. Они связаны чисто формально и лишь въ теченіе опредѣленнаго періода времени.

Нормально совершаются тѣ физіологическіе и біологическіе процессы, изъ которыхъ часть предшествуетъ, а другая сопровождаетъ развитіе молоди,—и дѣятельность самки представляется изумительно цѣлесообразной, и до извѣстной степени аналогичной дѣятельности человѣка и высшихъ животныхъ; не нормально — и

всѣ эти дѣйствія представляютъ рядъ „безсмысленнѣйшихъ актовъ“, которые неукоснительно продѣлываются самкой въ однажды установленномъ порядкѣ и послѣдовательности, и которые, въ сущности, совершенно такъ же „осмыслены“, какъ и тѣ, которые намъ таковыми кажутся.

Отъ сдѣланной характеристики *материнскаго чувства особи*, перейдемъ къ *характеристикѣ этого чувства у класса пауковъ въ его цѣломъ*.

Первое, что мы узнаемъ здѣсь, и что нѣсколько расходится съ представленіемъ о материнскомъ инстинктѣ, какъ о чувствѣ общераспространенномъ у этихъ животныхъ, это то, что у нѣкоторыхъ пауковъ такого чувства не наблюдается вовсе, или по крайней мѣрѣ не больше, чѣмъ у червей.

Далѣе: изученіе гнѣздъ пауковъ *), въ связи съ материнскимъ чувствомъ развертываетъ передъ нами нижеслѣдующую картину.

Входящія въ составъ этого класса, животныя составляютъ генетически связанные другъ съ другомъ ряды формъ, въ которыхъ могутъ быть указаны, какъ исходныя, такъ и конечныя звенья. Строительный инстинктъ представителей каждаго изъ этихъ звеньевъ цѣпи Araneina далеко не одинаковъ. Формы первичныя (Scytodidae, Pholcidae) надѣлены очень несовершеннымъ строительнымъ инстинктомъ. Чѣмъ дальше отстоитъ данное звено цѣпи отъ ея исходнаго пункта, тѣмъ индустрія ея выше. Другими словами, пауки, по мѣрѣ своего генетическаго развитія, выработываютъ все болѣе и болѣе совершенные строительные инстинкты. Эволюція этихъ послѣднихъ совершается въ двухъ направленіяхъ: одна группа пауковъ совершенствуетъ гнѣздо, т. е. такую постройку, которая служитъ для помѣщенія кокона и паука вмѣстѣ; другая — совершенствуетъ одинъ коконъ, т. е. постройку, предназначаемую спеціально для охраны только будущаго потомства; эта послѣдняя группа пауковъ не устроиваетъ гнѣзда вовсе.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоитъ чувство, такъ называемой, материнской любви пауковъ къ только что указанному прогрессу индустріи: остается ли оно неизмѣннымъ, какъ нѣчто самостоятельное и всѣмъ этимъ животнымъ одинаково присущее чувство, или оно подвергается колебаніямъ и ничего самостоятельнаго не представляетъ? Факты насъ учатъ, что эта любовь является наиболѣе развитою тамъ, гдѣ уходъ матери за ея потомствомъ необходимъ, т. е. тамъ, гдѣ постройка кокона несовершенна, гдѣ отсутствіе гнѣзда, или иныхъ способовъ защиты потомства, влечетъ за собою почти неизбѣжную его гибель, если

*) W. Wagner. L'industrie des Araneina. Mèm. d. l'Acad. Imp. de St.-Petersburg. T. LXII. № 11.

самка, хотя бы на самый короткій срокъ, оставила его на произволъ судьбы. Таковы, напримѣръ, Pholcidae, пауки, таскающіе за собою свои жалкіе коконы, нити которыхъ даже не прикрываютъ яицъ; таковы Licosidae, вслѣдствіе своего бродячаго образа жизни, таскающіе съ собою свои коконы, хотя и очень хорошо устроенные, но которые, вслѣдствіе особенностей ихъ архитектуры, дѣлаютъ непрерывныя заботы и уходъ за ними неизбѣжными и т. д. Здѣсь именно, въ этихъ группахъ пауковъ и ихъ ближайшихъ родичей, черпаются авторами тѣ факты, которые служатъ имъ основаніемъ для разсказовъ о поразительной материнской любви пауковъ.

И факты эти, какъ мы видѣли, дѣйствительно, поразительны.

Сила „материнской любви", такимъ образомъ, достигаетъ наибольшаго развитія у исходныхъ пунктовъ генетическихъ рядовъ класса, т. е. у пауковъ, носящихъ съ собою свои коконы и не разстающихся съ ними ни на минуту.

Чѣмъ дальше отъ этихъ исходныхъ пунктовъ стоитъ данная форма, чѣмъ совершеннѣе становится архитектура ихъ построекъ, тѣмъ слабѣе и слабѣе становятся заботы матери о потомствѣ и любовь ея къ дѣтямъ. Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда совершенство строительныхъ инстинктовъ достигаетъ такой высоты, при которой цѣлость потомства гарантируется защищающимъ его гнѣздомъ или кокономъ, безъ особенныхъ о немъ хлопотъ самки, во время развитія въ яйцѣ и въ первое время по выходѣ изъ яйца.

Что же дѣлается съ „материнскою любовью" въ такомъ случаѣ?

Она уже не понижается, а *вовсе исчезаетъ, если образъ жизни паука можетъ стѣсняться какими-нибудь, хотя бы минимальными, заботами о потомствѣ.* Таковы, напримѣръ, пауки рода Agraeca (сем. Agelenidae), у которыхъ проявленіе материнскаго чувства ограничивается только устройствомъ гнѣзда для яицъ, и которые, закончивъ эту постройку, удивительную по своему совершенству,—покидаютъ ее навсегда.

Такимъ образомъ, *развитіе строительныхъ инстинктовъ у пауковъ, при равенствѣ остальныхъ условій, стоитъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ силѣ материнской любви: чѣмъ выше и сложнѣе эти инстинкты, тѣмъ слабѣе и проще заботы матери о потомствѣ.*

Материнская любовь всегда на лицо, когда архитектура построекъ и другія біологическія условія одни, безъ ея содѣйствія, не гарантируютъ цѣлости вида; но лишь только самка получаетъ возможность сложить съ себя эти заботы, она оставляетъ свое потомство въ тотъ же часъ, какъ отстроила для нихъ помѣщеніе. Другими словами, *материнская любовь, разсматриваемая у класса Araneina въ его цѣломъ, представляетъ признакъ, совер-*

шенно аналогичный многимъ морфологическимъ признакамъ, которые, по мѣрѣ надобности, то находятся въ наличности, то исчезаютъ. Какъ нѣкоторые черви, напримѣръ, въ извѣстный періодъ жизни, получаютъ особенно развитые глаза, олени—рога, которые потомъ отпадаютъ и т. д., и т. д., точно такъ же материнская любовь пауковъ, представляя простой видовой признакъ, закрѣпляется подборомъ за каждою данною формою лишь въ такой мѣрѣ, и въ такомъ случаѣ, гдѣ и сколько онъ можетъ быть полезенъ виду въ его борьбѣ за существованіе. Этого мало: материнская любовь не только исчезаетъ тогда, когда особь найдетъ возможнымъ сложить свои заботы на усовершенствованную архитектуру кокона, но *къ этому усовершенствованію, съ цѣлью освободить себя отъ заботъ о потомствѣ (если онѣ сколько-нибудь стѣснительны) направлена вся совокупность эволюціоннаго процесса строительныхъ инстинктовъ.*

Нужно ли доказывать, послѣ сказаннаго о материнскомъ чувствѣ у пауковъ, что оно вовсе не тождественно тѣмъ чувствамъ, которыя подъ этимъ терминомъ разумѣются у высшихъ животныхъ и человѣка? и что изъ психологіи материнскаго чувства пауковъ нельзя „*вывести*“ сложнаго материнскаго чувства высшихъ животныхъ?

Ничего не даютъ факты изъ жизни пауковъ и для того, чтобы утверждать, будто материнская любовь на первыхъ же ступеняхъ жизни животныхъ порождаетъ альтруистическія чувства членовъ семьи другъ къ другу: молодые вышедшіе изъ яйца паучки не нападаютъ другъ на друга только въ томъ уголкѣ, въ которомъ вышли на свѣтъ. Стоитъ имъ, однако, немного разойтись въ стороны (хотя бы временно), какъ сильнѣйшіе открыто нападаютъ на слабыхъ и ихъ поѣдаютъ. Позднѣе, когда они расходятся совсѣмъ и начинаютъ вести самостоятельный образъ жизни—они уже неизмѣнно нападаютъ другъ на друга, со всѣми пріемами этихъ хищниковъ, какъ они нападаютъ на всякую другую добычу.

IV.

О „любви“ и высоко развитомъ чувствѣ альтруизма у членовъ одного „государства“ или одной „общины“, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ писали тѣмъ больше и тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ меньше знали ихъ біологію *), а такъ какъ она и до сихъ поръ очень многимъ продолжаетъ быть мало извѣстной, то разсужденія на эту тему продолжаютъ писаться до нашихъ дней и будутъ писаться, вѣроятно, еще долгіе годы, хотя число принципіальныхъ противниковъ такого воззрѣнія на пред-

*) Пальма первенства въ этомъ отношеніи остается за Метерлинкомъ.

метъ съ каждымъ годомъ растетъ. Посмотримъ, что говорятъ факты.

Я приведу ихъ изъ моего изслѣдованія біологіи шмелей и на ихъ основаніи постараюсь выяснить тѣ же вопросы, которые подлежали нашему изслѣдованію по матеріалу, доставленному намъ жизнью одиночныхъ суставчатоногихъ животныхъ, а именно:

1) *Можетъ ли материнское чувство, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ признаваться тождественнымъ таковому животныхъ высшихъ?*

2) *Чувство, которое принимается за материнское у, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ*, порождаетъ ли оно у нихъ широкій альтруизмъ между членами семьи, какъ объ этомъ говорятъ авторы, усматривающіе въ муравейникѣ и пчелиномъ роѣ—сложную общину.

Когда рѣчь идетъ о материнской любви у высшихъ животныхъ, то обладателями такихъ чувствъ предполагаются только самки, а самое чувство направлено только на дѣтей. У, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ этими инстинктами либо неодинаково, а существенно различно надѣлены двѣ стазы изъ трехъ, либо только одна изъ нихъ, при чемъ надѣлена этимъ чувствомъ не столько самка-мать, сколько особи, никогда не бывшія матерями, то есть рабочіе. Но и это еще не все: надѣлены эти особи не то материнской, не то братской любовью такъ, что не знаешь, какой изъ инстинктовъ здѣсь выраженъ сильнѣе и опредѣленнѣе: тотъ ли, который характеризуется внѣшними признаками альтруизма, привязанности и расположенія, или какъ разъ противоположный инстинктъ: „жестокости каннибализма“ или „преступнаго равнодушія“, не мѣшающаго при извѣстныхъ условіяхъ „любовно воспитывающимъ“ рабочимъ покойно бросать на произволъ судьбы горячо любимыхъ питомцевъ. Разберемъ поближе явленія, подлежащія нашей оцѣнкѣ.

Проявленіе *материнской любви* у шмелей начинается съ постройки гнѣздъ для будущей семьи, къ которому она приступаетъ послѣ зимовки.

Окончивъ постройку, самка строитъ восковыя ячейки для запасовъ меда и собираетъ пищевой матеріалъ для личинокъ.

На подробныхъ описаніяхъ этой дѣятельности я останавливаться не буду, такъ какъ она по своему характеру представляетъ дѣятельность не общественнаго, а одиночнаго насѣкомаго,—ибо вся „община“ въ это время представлена одной только самкой.

Скажу потому лишь, что, сравнивая эту одиночную дѣятельность самки шмелей, съ соотвѣтствующей дѣятельностью одиночныхъ Hymenoptera, вообще мы должны будемъ признать инстинкты послѣднихъ не менѣе сложными и не менѣе совершенными, чѣмъ инстинкты, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ.

Переходя отъ постройки гнѣзда къ *уходу за молодью*, мы видимъ, что этотъ уходъ позднѣе составляетъ дѣло не столько самки, сколько рабочихъ. Такимъ образомъ, для выясненія вопроса о существованіи материнской любви у общественныхъ насѣкомыхъ, намъ приходится говорить не столько о явленіяхъ въ жизни самки-матери, сколько о явленіяхъ, наблюдаемыхъ у рабочихъ особей. На эту характерную особенность въ проявленіяхъ заботы взрослыхъ о подрастающемъ поколѣніи я обращаю особенное вниманіе читателя. Далѣе, рабочіе шмели, которые, какъ извѣстно, яичекъ не откладываютъ, тщательно ухаживаютъ не только за молодью, но и за помѣщеніемъ, въ которомъ она развивается, ни разу, однако, не имѣя возможности видѣть личинокъ; другими словами, рабочіе шмели кормятъ и ухаживаютъ за чѣмъ-то, о чемъ не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого понятія, такъ какъ восковая оболочка съ перваго и до послѣдняго момента *сплошь* облекаетъ личиночникъ. Еще интереснѣе то обстоятельство, что заботы о подрастающемъ поколѣніи бываютъ неустанными, непрерывными день и ночь,—но продолжаются онѣ лишь до того момента, какъ развившійся изъ личинки шмель появляется изъ своего кокона.

Какъ только это случилось, и представитель молодого поколѣнія показывается изъ коконовъ, то есть какъ разъ въ тотъ моментъ, начиная съ котораго шмели получаютъ возможность „узнавать въ нихъ себѣ подобныхъ",—такъ тотчасъ же всякія заботы о немъ прекращаются, и прекращаются *сполна*. Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить истинный характеръ той любви особей семьи къ молодому поколѣнію, которую мы имѣемъ здѣсь передъ собою.

Но еще точнѣе, еще очевиднѣе опредѣляется этотъ характеръ материнской любви у „общественныхъ" насѣкомыхъ фактомъ истребленія личинокъ шмелями въ теченіе лѣта. Фактъ этотъ въ такой степени расходится съ точкой зрѣнія на психику общественныхъ насѣкомыхъ, какъ на животныхъ, преисполненныхъ взаимной симпатіей и „самоотверженною любовью" къ „дѣтямъ", что остается либо безъ всякаго объясненія и авторы заносятъ его въ число „таинственностей", либо отмѣчается въ такихъ выраженіяхъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Роменсъ *): „съ приближеніемъ зимы у осъ *внезапно вспыхиваетъ негодованіе* **) противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ, вслѣдствіе чего онѣ поголовно и уничтожаются",—въ выраженіяхъ, которыя, очевидно, не только ничего не объясняютъ, но еще болѣе запутываютъ дѣло.

---

*) *Роменсъ*. „Умъ животныхъ", перев. подъ редакціей Холодковскаго.
**) Мой курсивъ.

Факты доказываютъ, что истребленіе личинокъ всегда является слѣдствіемъ безкормицы.

Необходимо имѣть въ виду, впрочемъ, что безкормица для личинокъ у шмелей не всегда представляетъ собою безкормицу для нихъ самихъ.

Гнѣздо шмелей, принесенное сегодня и получившее въ подкормокъ пчелиный медъ, который тотчасъ же перетаскивается шмелями въ свои ячейки, лишенное возможности вылетать за кормомъ для дѣтвы, принимается истреблять личиночники, иногда почти закончившія свое развитіе: сами шмели имѣютъ корму болѣе чѣмъ достаточно, но это не кормъ для всѣхъ личинокъ вообще.

Можетъ случиться, что шмели, сегодня вечеромъ принесенные въ комнату и завтра утромъ получившіе свободу вылетать за взяткомъ,—все же уничтожаютъ личинокъ.

Причиной явленія—та же безкормица, но вытекаетъ она изъ другого источника и потому не такъ очевидна, а именно, *она является слѣдствіемъ нарушенія нормальнаго отношенія между количествомъ приплода, или, говоря иначе, количествомъ ртовъ и рабочей силой семьи.* Какъ только эти отношенія нарушаются—и корму становится недостаточно, по той ли причинѣ, что шмелямъ возбраняется полетъ за взяткомъ, или, вслѣдствіе того, что шмели, будучи перенесены въ новое мѣсто безъ выдержки въ гнѣздѣ, вылетая за взяткомъ, не возвращаются болѣе въ новое мѣсто, а либо улетаютъ въ прежнее, либо теряются, не находя дороги въ новое жилище. Происходящее, вслѣдствіе этого, ослабленіе семьи немедленно сказывается на установившемся отношеніи между спросомъ на работу и ея предложеніемъ и ведетъ за собою излишнее сокращеніе ртовъ.

Необходимо имѣть въ виду также, что *истребленіе личинокъ* у шмелей отнюдь не представляетъ собою ихъ убиванія; дѣло ограничивается только тѣмъ, что при безкормицѣ личинки и яички осторожно берутся рабочими въ челюсти и выносятся прочь изъ гнѣзда. Случается иногда, что тонкая и нѣжная оболочка яйца лопается, содержимое попадаетъ въ ротъ и шмели его начинаютъ сосать, такъ какъ содержимое, очевидно, имъ кажется вкуснымъ. Но это бываетъ рѣдко и является *всегда* дѣломъ случайнымъ, о чемъ я считаю въ правѣ заключить потому, что шмели—прежде всего, взявши яйцо—тащатъ его прочь изъ гнѣзда, и принимаются сосать его содержимое тамъ и лишь тогда, гдѣ и когда оболочка яйца почему-нибудь прорвется. Если бы истребленіе яицъ дѣлалось для того, чтобы воспользоваться „лакомымъ кусочкомъ“, то оно производилось бы *тотчасъ же*, какъ только шмель получилъ возможность завладѣть яйцомъ, чего никогда не бываетъ.

Такъ же рѣдко удавалось мнѣ наблюдать случаи уничтоже-

нія шмелями личинокъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Одинъ изъ такихъ случаевъ я наблюдалъ у Bombus terrestres. Рабочій шмель сначала тащилъ личинку изъ гнѣзда, а потомъ началъ ее высасывать. Явленіе это, принимая во вниманіе исключительную его рѣдкость, совершенно случайное, и вполнѣ аналогичное тому, что было сказано о высасываніи яйца рабочимъ шмелемъ. Личинка, очевидно, была ранена шмелемъ, и когда сладковатый ея сокъ попалъ ему въ ротъ, то онъ нашелъ его годнымъ для пищи.

Къ сказанному мнѣ остается присоединить, что я однажды имѣлъ случай наблюдать такое истребленіе *личинокъ, производящееся самою самкой Bombus terrestris*. Фактъ, съ несомнѣнностью удостовѣряющій, *что материнскій инстинктъ* у самокъ по своей психологической природѣ ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видимъ и у рабочихъ. Вся серія фактовъ этого рода прекрасно освѣщаетъ психологію „материнской любви“ у шмелей и психологію ихъ альтруизма, выражающагося въ ихъ заботахъ о молодыхъ поколѣніяхъ.

Другой вопросъ: существуетъ ли психологическая связь между причиной, порождающей дѣтоубійство и ея слѣдствіемъ?—факты отвѣчаютъ, что такой связи нѣтъ и что мы имѣемъ дѣло съ двумя независимыми инстинктами, всегда слѣдующими другъ за другомъ только потому, что причины, ихъ обусловливающія, всегда слѣдуютъ другъ за другомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы будемъ искать объясненія явленія въ логикѣ общественныхъ насѣкомыхъ *), то мы тотчасъ же очутимся передъ цѣлымъ рядомъ несообразностей.

Въ такомъ именно положеніи оказывается Роменсъ, недоумѣвающій надъ тѣмъ, съ какой стати осы истребляютъ личинокъ передъ зимой, когда онѣ и сами погибнутъ вслѣдъ за ними, ибо осы, подобно шмелямъ, не перезимовываютъ?

„Если бы все человѣчество,—глубокомысленно разсуждаетъ почтенный натуралистъ,—за исключеніемъ немногихъ женщинъ, было обречено на періодическую гибель, напримѣръ, въ тысячу лѣтъ разъ, то что бы выиграло оно, уничтожая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ концомъ каждаго тысячелѣтія всѣхъ больныхъ, сумасшедшихъ и другіе „безполезные рты“?

Вопросъ и соображенія совершенно безплодные, какъ согласится читатель.

Оцѣнивая же явленія не ad hominem, они получаютъ весьма простое объясненіе: наличность корма и другихъ соотвѣтствующихъ факторовъ вызываетъ у шмелей опредѣленную работу:

*) Допустивъ у нихъ способность къ такому, напримѣръ, разсужденію: личинокъ нечѣмъ кормить, онѣ могутъ умереть, а разложенія ихъ труповъ повлечь вредныя послѣдствія для другихъ личинокъ, вслѣдствіе чего выгоднѣе ожертвовать частью приплода, чѣмъ рисковать всей общиной.

доставка корма въ извѣстное мѣсто, сотовъ и пр.; отсутствіе корма или невозможность по тѣмъ или другимъ причинамъ *поставить личинки (и яйца)* въ требуемыя условія вызываетъ къ дѣятельности другую,—такъ же точно наслѣдственно опредѣленную,—работу.

Съ этой точки зрѣнія (а ея справедливость устанавливаетъ множество фактовъ самыхъ разнородныхъ формъ дѣятельность шмелей), въ истребленіи личинокъ нѣтъ ничего непостижимаго. Осы принимаются истреблять личинки вовсе не потому, что не вѣсть съ чего у нихъ „*внезапно вспыхиваетъ негодованіе противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ*“, а просто потому, что причина явленія—„голодовка“—наступаетъ съ „внезапною“ силою и ощутительностью, именно въ это время, а съ этимъ вмѣстѣ, какъ и у шмелей, внезапно замѣняются и одни инстинкты другими.

Таковы факты, выясняющіе намъ психическую природу дѣятельности шмелей (и другихъ общественныхъ насѣкомыхъ), которая выражается въ ихъ заботахъ и уходѣ за молодью; они даютъ намъ основаніе полагать, что материнскія чувства эти такъ же существенно отличаются отъ аналогичныхъ чувствъ у высшихъ животныхъ, какъ они отличаются и у одиночныхъ животныхъ.

V.

Переходя отъ безпозвоночныхъ животныхъ къ позвоночнымъ, мы были бы въ правѣ ожидать хоть здѣсь подтвержденія дарвиновой доктрины, по которой материнское чувство животныхъ и человѣка тождественны въ своихъ основныхъ свойствахъ, и здѣсь искать основаній, чтобы „вывести“ чувство человѣка изъ материнской любви у животныхъ. Факты доказываютъ, однако, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, качественно различными.

Начать съ того, что у низшихъ позвоночныхъ, какъ у безпозвоночныхъ животныхъ, чувство это направлено не на живой предметъ, а на яйцо.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Эспинасъ:

„Въ жизни каждаго животнаго, обладающаго сколько-нибудь сложной организаціей, существуютъ два періода: одинъ, когда его сохраненіе обезпечивается процессомъ явленій, почти исключительно механическаго (безсознательнаго), порядка, и другой—когда его развитіе совершается подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ интеллекта или представленій“ (стр. 340). „Возможность вліянія психическихъ явленій“, читаемъ мы далѣе, возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія лѣстницы организмовъ, и въ концѣ концовъ, это вліяніе дѣлается такимъ значительнымъ, что, если, напримѣръ, выдѣленіе питательной жидкости зобными железами голубей, ко

торою они кормятъ своихъ птенцовъ, первоначально было автоматическимъ, то позднѣе это отдѣленіе саморазвивалось, вслѣдствіе психическихъ причинъ, т.-е. материнской любви".

Допустимъ на минуту, что эта, болѣе чѣмъ сомнительная, догадка справедлива, и посмотримъ, что говорятъ и какъ согласуются съ нею факты.

Оказывается, что въ огромномъ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рыбы вовсе лишены материнскаго чувства, которое составляетъ здѣсь крайне рѣдкое исключеніе. Оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни по сложности своего образа жизни, ни по разнообразію инстинктовъ, тѣ рыбы, которыя не проявляютъ материнскаго чувства, не только не стоятъ ниже тѣхъ, которыя имъ надѣлены, но часто безусловно превосходятъ послѣднихъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, стало быть, что, если материнская любовь есть дѣло сознанія, то ея отсутствіе есть тоже актъ сознанія.

Гдѣ же и въ чемъ искать причину такого явленія съ точки зрѣнія эволюціи материнскаго чувства? Этотъ вопросъ оставляется авторомъ безъ отвѣта.

Далѣе, оказывается, что, поскольку мы знаемъ, развитіе этого чувства стоитъ внѣ всякаго отношенія къ генезису рыбъ и, представляясь исключительнымъ видовымъ признакомъ, не даетъ возможности построить никакой восходящей лѣстницы. Наконецъ, оказывается—и это пунктъ, особенно затруднительный,—что тамъ, гдѣ заботы о потомствѣ существуютъ, „роли родителей перемѣшаны", и материнское чувство проявляется не самкою, а самцомъ. Самцы, такъ называемыхъ, морскихъ иголъ и морскихъ коньковъ носятъ яички, отложенныя самками, въ особомъ выводковомъ мѣшкѣ; гнѣздо „прѣсноводнаго бычка" (Cottus gobio) устраивается самцомъ; самцы пинагора или круглопера охраняютъ яйца, снесенныя самками, и выводятъ на своей спинѣ дѣтенышей въ открытое море; самцы колюшекъ (gasterosteus) не только строятъ гнѣзда, но вталкиваютъ въ нихъ беременныхъ самокъ и загоняютъ молодыхъ рыбокъ въ случаѣ опасности; по наблюденіямъ Карбонье, самецъ гуарама (одна изъ лабиринтовыхъ рыбъ), подобно морскимъ конькамъ, помогаетъ своимъ самкамъ метать икру и помѣщаетъ ее на гнѣздѣ плавающихъ пузырьковъ, которые онъ сопровождаетъ и поддерживаетъ вплоть до вылупленія молоди.

Мы знаемъ, наконецъ, даже такія оригинальныя формы „материнской заботливости" самца: въ Тиверіадскомъ озерѣ существуютъ рыбы gromis paterfamillias, самцы которыхъ сохраняютъ и выхаживаютъ до двухсотъ молодыхъ рыбокъ въ своей глоткѣ и жаберной полости; по изслѣдованіямъ Лорте, когда самка снесетъ яйца въ тростникѣ, самецъ приближается къ этому мѣсту и посредствомъ всасыванія заставляетъ ихъ войти къ себѣ въ ротъ,

а затѣмъ—въ промежутокъ между жаберными лепестками; почти то же наблюдается у цейлонской Arias Bookei и у одной амазонской рыбы.

Какъ же быть съ этими фактами? Какъ уложить хотя бы (по мнѣнію автора) и сознательную материнскую любовь рыбъ въ основу материнской любви высшихъ позвоночныхъ животныхъ? Вотъ какъ это дѣлаетъ Эспинасъ.

„Родители животныхъ, стоящихъ ниже млекопитающихъ и птицъ,—говоритъ авторъ,—знаютъ нѣчто о томъ, что содержитъ въ себѣ яйцо, и это нѣчто служитъ опредѣленнымъ импульсомъ сложныхъ актовъ, которыми проявляется любовь“ (стр. 344). „Руководясь смутной идеей,—продолжаетъ авторъ,—рыбы считаютъ яйца такими же живыми существами, какъ онѣ сами, и, слѣдовательно, нуждающимися, какъ онѣ сами, въ извѣстной охранѣ и уходѣ“.

На очередь, однако, выступаютъ новыя затрудненія: во первыхъ, почему же, допустивъ у рыбъ наличность такихъ познаній о содержимомъ яйца, авторъ категорически отрицаетъ ее у животныхъ безпозвоночныхъ? „У низшихъ животныхъ,—говоритъ онъ,—напримѣръ, у асцидій, сохраняющихъ яйца подъ своимъ мѣшкомъ, и у морскихъ звѣздъ, отводящихъ имъ мѣста подъ центральной частью своего тѣла, *просто немыслимо* объяснить данное явленіе какимъ-либо опредѣленнымъ представленіемъ, а тѣмъ менѣе предусмотрѣніемъ“.—Авторъ, разумѣется, не даетъ отвѣта на вопросъ:—почему же такое допущеніе представляется по отношенію къ асцидіямъ немыслимымъ, а по отношенію къ рыбамъ не только мыслимымъ, но и необходимымъ; да такого отвѣта и нельзя дать вовсе!

Другой пунктъ затрудненія еще существеннѣе. Если рыбы знаютъ нѣчто о содержаніи яицъ, то почему же не самки, которыя ихъ откладываютъ, проявляютъ по отношенію къ нимъ материнскую любовь, какъ это слѣдовало бы заключить изъ такого знанія, а самцы?

Недоразумѣніе это такъ существенно, что для того, чтобы изъ него выйти, автору понадобилось къ предположенію объ эмбріологическихъ познаніяхъ у рыбъ присоединить еще одно предположеніе, не менѣе рискованное и еще болѣе голословное.

Извѣстно, что оплодотвореніе у рыбъ происходитъ не внутри тѣла самки, а внѣ его: самцы приплываютъ къ отложеннымъ самкою яичкамъ и обливаютъ ихъ оплодотворяющею жидкостью. Такъ вотъ, въ этихъ-то оплодотворяющихъ тѣльцахъ, по мнѣнію Эспинаса, а за нимъ и Жиро, самцы тоже видятъ части самихъ себя, какъ самки видятъ эти части въ откладываемыхъ ими яйцахъ, и, вслѣдствіе этого, стараются объ ихъ охраненіи, ибо считаютъ ихъ живыми.

Но, спрашивается, почему же именно на самца, а не на самку

падаютъ материнскія заботы, если самка тоже считаетъ живыми отложенныя ею яйца и тоже видитъ въ нихъ часть самой себя?

„А потому,—отвѣчаетъ Эспинасъ,—что самецъ послѣднимъ извергаетъ воспроизводящую жидкость на яйца, а самка, которую этотъ процессъ нѣсколько удаляетъ отъ нихъ, не можетъ болѣе распознать своей икры въ неустойчивой средѣ, гдѣ она ее метала“ (стр. 346, 347).

Но если такъ, то, во всѣхъ случаяхъ, когда самка видитъ отложенныя ею яички, и когда ничто не мѣшаетъ проявленію ея материнской любви, она должна будетъ таковую имѣть и проявлять.

Выводъ этотъ, очевидно, неизбѣженъ; оказывается, однако, что и здѣсь факты рѣшительно не укладываются съ гипотезой.

Одни изъ этихъ фактовъ доказываютъ намъ, что, при внутреннемъ оплодотвореніи, самецъ, хоть и не видитъ оплодотворяющей жидкости, однако заботится о потомствѣ, а съ другой стороны, многіе примѣры доказываютъ намъ, что самки, при томъ же внутреннемъ оплодотвореніи, хотя и видятъ откладываемыя яички, и хотя никто не мѣшаетъ имъ оставаться при нихъ безотлучно, однако не обнаруживаютъ по отношенію къ нимъ никакого материнскаго чувства.

Такимъ образомъ, всѣ разсужденія авторовъ о томъ, что яйца охраняются рыбами, земноводными, пресмыкающимися и птицами потому, что животныя эти имѣютъ „смутную идею о ихъ содержаніи“ и заботятся о нихъ потому, что видятъ въ нихъ части самого себя — безусловно расходятся съ фактами. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что общая идея авторовъ о томъ, что будто бы причиною материнской любви позвоночныхъ является интересъ, который всякое живое существо питаетъ къ самому себѣ и своимъ частямъ, а, стало быть, къ выдѣляемымъ ими половымъ продуктамъ,—не выдерживаетъ критики.

Мы полагаемъ, вслѣдствіе этого, что по отношенію къ указанной группѣ позвоночныхъ животныхъ возможно только одно толкованіе причины материнскаго чувства, а именно чувство это у низшихъ (мы увидимъ потомъ, что и у высшихъ) позвоночныхъ, какъ и у всѣхъ безпозвоночныхъ есть чувство исключительно инстинктивное; что въ основѣ его лежатъ органическіе импульсы, далеко не всегда и во всѣхъ группахъ тождественные; что эти основы, какъ и многообразныя формы проявленія материнскаго чувства, представляютъ не болѣе, какъ одинъ изъ видовыхъ признаковъ, въ которомъ ни сознаніе, ни воля не играютъ никакой роли. И, быть можетъ, только у птицъ, уже послѣ того, какъ вылупились молодые птенцы, къ дѣятельности инстинктивной присоединяются немногіе моменты сознанія и воли не столько въ самомъ чувствѣ любви, сколько въ пріемахъ охраненія молодыхъ отъ опасности.

Намъ остается, такимъ образомъ, для выясненія причины материнской любви и ея природы у человѣка, разсматривать одинъ только классъ, — млекопитающихъ, составляющій каплю въ морѣ животныхъ существъ, навсегда отказавшись отъ выведенія этого чувства отъ низшихъ, не только безпозвоночныхъ, но и позвоночныхъ животныхъ.

Обращаясь къ классу млекопитающихъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, что у всѣхъ нихъ материнская любовь существуетъ всегда; у всѣхъ самка, кромѣ monotremata, рождаетъ живыхъ дѣтенышей и, наконецъ, всѣ онѣ кормятъ ихъ выдѣленіемъ млекоотдѣлительныхъ железъ.

Что же можетъ быть признано основою ихъ материнской любви, ея причиною?

Эспинасъ, разумѣется, утверждаетъ, что эта причина лежитъ въ томъ, что дѣти, будучи похожими на мать (утвержденіе — не совсѣмъ точное: у ехидны и утконоса его нѣтъ вовсе, ибо это животныя не живородящія, а яйцекладущія; у сумчатыхъ такое сходство безконечно далекое) здѣсь уже безъ труда узнаются ею, и что самка, такимъ образомъ, любитъ въ нихъ часть самой себя. Этимъ способомъ разсужденія получается требуемая связь материнскаго чувства высшихъ позвоночныхъ съ низшими; получается даже желаемая лѣстница въ связи съ эволюціей животнаго царства. Сначала сознаніе и идея о томъ, что икринка есть существо живое и составляетъ часть самки, смутны и неясны, потомъ они становятся все яснѣе и опредѣленнѣе. Материнское чувство вытекаетъ, по мнѣнію Эспинаса, изъ *симпатіи* и *сознательнаго состраданія* или участія къ тому, что составляетъ „плоть отъ плоти“ матери-самки. Въ семьѣ эти чувства порождаютъ привязанность и любовь другъ къ другу. Факты свидѣтельствуютъ намъ, однако, что чувство материнской любви у млекопитающихъ животныхъ является такимъ же инстинктивнымъ, какъ и у другихъ животныхъ; они свидѣтельствуютъ, далѣе, о томъ, что причины этого послѣдняго чувства, какъ и у всѣхъ остальныхъ животныхъ, лежатъ въ органическихъ импульсахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе здѣсь, — въ предѣлахъ класса млекопитающихъ, представляются тождественными, а потому и самый инстинктъ общераспространеннымъ и сходнымъ. Однимъ изъ такихъ органическихъ импульсовъ должно считать, вѣроятно, кормленіе дѣтенышей молокомъ матери.

VI.

Къ какимъ же конечнымъ выводамъ приводятъ насъ изложенные въ настоящей статьѣ факты и соображенія, сверхъ тѣхъ, которые уже были сдѣланы выше?

Выводы эти можно формулировать въ рядѣ нижеслѣдующихъ положеній.

1) Материнское чувство, разумѣя подъ этимъ терминомъ разнородныя формы отношеній матери къ потомству, не можетъ считаться чувствомъ общераспространеннымъ. Болѣе того: принимая во вниманіе, что во многихъ отдѣлахъ животныхъ съ огромнымъ числомъ представителей материнское чувство составляетъ видовой признакъ далеко не всѣхъ, а иногда очень немногихъ, мы получаемъ основаніе полагать, что для большинства группъ оно является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

2) Генезисъ и развитіе материнскаго чувства въ разныхъ группахъ животнаго царства различны, и потому задача „вывести" эволюціоннымъ путемъ причины материнскаго чувства одной группы животнаго царства изъ другой представляется въ такой же степени плодотворной и научной, какъ если бы кто-нибудь на основаніи общности біологическихъ задачъ и условій возникновенія половыхъ признаковъ, какими являются, напримѣръ— рога самцовъ, ихъ голосъ, ихъ блестящее опереніе, съ цѣлью овладѣть самкой, пожелалъ бы вывести ихъ генетически другъ отъ друга. Явленіе того, что называется материнскимъ чувствомъ *въ области психологіи*, представляется почти въ такой же степени различнымъ, какъ указанные половые признаки въ области морфологіи.

3) Даже тамъ, гдѣ эти генезисы и развитіе могутъ считаться сходными (въ предѣлахъ одного класса, напримѣръ), степень развитія материнскаго чувства далеко не всегда имѣетъ такую связь съ восходящей въ эволюціонномъ порядкѣ цѣпью органическихъ существъ данной группы, какую за ней предполагаютъ авторы, желающіе вывести материнскую любовь человѣка изъ этого чувства у низшихъ животныхъ. Мало того, мы располагаемъ фактами, которые доказываютъ, что, по мѣрѣ развитія группъ класса, у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ материнское чувство можетъ не усложняться и усиливаться, а шагъ за шагомъ слабѣть и, наконецъ, исчезнуть вовсе, какъ мы это видимъ у пауковъ.

4) Тотъ фактъ, что, рядомъ съ классами животныхъ, въ которыхъ материнская любовь, по мѣрѣ генетической эволюціи, систематически слабѣетъ, существуютъ другіе классы, изъ которыхъ одни представляютъ примѣры съ развитымъ чувствомъ материнской любви, или его полнымъ отсутствіемъ, безъ всякаго отно-

шенія къ генезису класса (какъ это мы видимъ, напримѣръ, у насѣкомыхъ), а другіе—примѣры всегда наличнаго и неизмѣнно усиливающагося чувства материнской любви по мѣрѣ генетическаго развитія класса (какъ мы это видимъ у млекопитающихъ),—фактъ этотъ, въ свою очередь, служитъ доказательствомъ того, что генезисъ и развитіе материнской любви, въ разныхъ группахъ животнаго царства, различны: въ то время, какъ у однихъ, благодаря этимъ причинамъ, возможны однѣ формы и одинъ путь развитія этого чувства, у другихъ должны были явиться другія формы и другіе пути.

5) У млекопитающихъ животныхъ одною изъ причинъ материнскаго чувства является кормленіе дѣтенышей отдѣленіемъ млечныхъ железъ; и такъ какъ этотъ стимулъ является у всѣхъ нихъ, безъ исключенія, однимъ и тѣмъ же, то и причина материнской любви млекопитающихъ животныхъ можетъ считаться однородной.

6) Природа материнскаго чувства млекопитающихъ животныхъ (какъ и всѣхъ другихъ) безспорно инстинктивная, и только у высшихъ представителей класса къ инстинктамъ, составляющимъ ея основу и сущность, присоединяются элементы разума.

7) Материнская любовь человѣка—чувство сложное: поскольку она является инстинктивною, она не только сходна, но и тождественна съ тѣмъ, что мы видимъ у родственныхъ человѣку группъ животныхъ. Она отличается отъ материнскаго чувства этихъ послѣднихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число инстинктивныхъ актовъ въ ея проявленіи замѣняется актами разумными.

Вотъ въ этомъ то моментѣ и лежитъ одинъ изъ мощныхъ источниковъ борьбы элементовъ антисоціальныхъ съ элементами общественности въ человѣчествѣ. Доктрины ученыхъ мыслителей *), которыхъ мы имѣли въ виду при изложеніи предмета и которыя лежатъ въ основѣ воззрѣній на природу материнскаго чувства и на ея роль въ созиданіи семьи и общественности, рисуютъ передъ нами картину эволюціи, далеко не соотвѣтствующую дѣйствительности. Судя о явленіяхъ съ ихъ точки зрѣнія, мы, среди безчисленнаго числа тяжелыхъ вопросовъ цивилизаціи, можемъ себя чувствовать покойными, хотя бы въ сферѣ тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ въ связи и обусловливаются указанными доктринами.

Материнская любовь—это великое, обнимающее весь животный міръ чувство, таящее въ себѣ залогъ общественности; вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства, она одинаково прекрасна и, развиваясь всегда въ одномъ направленіи, въ концѣ концовъ, приводитъ къ прекраснѣйшему изъ того, чѣмъ обладаетъ общество людей: братской любви ихъ другъ къ другу, взаимопомощи и ши-

*) Дарвина, Конта-Литре.

рокому альтруизму, которое является надежнѣйшимъ цементомъ высшей формы общественности—государства.

Для своего времени и самыя эти идеи, и резюме, къ которому онѣ приводятъ, и задачи, которыя ими намѣчаются, все это было ново, все было несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ господствовавшіе до этого теологическія и метафизическія воззрѣнія писателей того времени. По мѣрѣ накопленія научнаго матеріала, становилось, однако, все болѣе очевиднымъ, что многое, казавшееся истиной гуще и гуще поддергивается дымкой сомнѣнія, а тамъ, гдѣ стояла непреложная доктрина возникаетъ вопросъ. Тщательный и подробный анализъ материнскаго чувства въ царствѣ животныхъ, а не простая аналогія этого чувства съ тѣмъ, что мы привыкли связывать съ нимъ въ человѣческой жизни (вѣрнѣе, навязывать ему по причинамъ и соображеніямъ, лежащимъ внѣ самого явленія),—приводитъ насъ къ заключенію, что картина генезиса и эволюціи этого чувства, нарисованная на фонѣ данномъ такими мыслителями, какими были Дарвинъ и Контъ, грѣшитъ и въ рисункѣ, и въ композиціи, по исправленіи которыхъ совершенно и радикально измѣняетъ свой смыслъ.

Не душевное спокойствіе порождаетъ она, послѣ такихъ поправокъ; не базисъ, на которомъ съ увѣренностью и надеждой можно было бы строить „основы жизни", обращаясь къ которымъ, мы всегда можемъ получить твердую гарантію въ справедликомъ рѣшеніи спорного и больнаго вопроса; не благодушіе, а тревогу возбуждаетъ истина, не успокоеніе, а борьбу ведетъ она за собою, борьбу тяжелую, ибо, въ концѣ концовъ, она сводится къ космическому принципу борьбы центробѣжнаго начала съ центростремительнымъ. Материнское чувство,—въ своей основѣ, у всѣхъ животныхъ, глубоко различаясь по своему генезису и развитію, по своей психологической природѣ и своему біологическому значенію, имѣетъ одну очень важную черту сходства, о которой я умышленно еще ни разу не говорилъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда чувство это можетъ быть констатировано, — оно сопровождается чѣмъ-то, что авторы называютъ *чувствомъ собственности*: „мать смутно чувствуетъ (въ яичкахъ) часть самой себя"; „въ чувствѣ матери нельзя исключать *идеи собственности*, какъ одну изъ прочныхъ основъ симпатіи. „Материнское чувство предполагаетъ идею о подчиненной собственности" и т. д., и т. д.

Правда, чувство это отмѣчается авторами попутно, и для того, главнымъ образомъ, чтобы, при его помощи, объяснить предполагаемое съ этимъ вмѣстѣ чувство „состраданія къ слабымъ существамъ", „чувство симпатіи любви" и пр.

Мы видѣли, однако, что у безпозвоночныхъ животныхъ о состраданіи, о симпатіи и любви говорить серьезно нѣтъ ни малѣйшаго основанія: такихъ чувствъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и потому не мудрено, что писатели, особенно тщательно ихъ разы-

скивающіе, видятъ эти чувства въ явленіяхъ совершенно различныхъ, и толкуютъ о нихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ. Одно у всѣхъ остается неизмѣннымъ—это элементъ материнскаго чувства, который они называютъ то *идеей* собственности, то *чувствомъ* собственности, то какимъ-нибудь аналогичнымъ терминомъ.

И факты свидѣтельствуютъ намъ, что явленія, о которыхъ говорятъ авторы, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто. Я не могу только назвать этого чувства идеей собственности. Объ „идеяхъ" у червей, у таракановъ, у слизняковъ я, по крайней мѣрѣ, не считаю возможнымъ говорить вовсе.

На самомъ дѣлѣ, эта „идея" животныхъ представляетъ собою элементъ того же космическаго начала, которое одни изъ авторовъ называютъ началомъ центростремительнымъ, въ противоположность центробѣжному, другіе—закономъ „*аггрегаціи*" въ противоположность „разсѣянію" (*dispersion*).

Вотъ нѣкоторые примѣры, разъясняющіе сказанное.

Вещество, составляющее солнце и планеты, какъ извѣстно, находилось первоначально въ разсѣянномъ состояніи; затѣмъ, вслѣдствіе *тяготѣнія атомовъ*, ихъ стремленія *другъ къ другу*, произошло ихъ центростремительное движеніе, ихъ *интеграція*. Съ первыхъ же шаговъ на пути этого центростремительнаго движенія явились и элементы, въ которыхъ позднѣе найдетъ свое выраженіе начало центробѣжное, и котораго послѣдствіемъ будетъ отдѣленіе отъ центральной массы—частей, образующихъ въ нашей солнечной системѣ-планеты и ихъ спутниковъ. Разъединившись, тѣла, однако, продолжаютъ „стремиться" другъ къ другу, по установленному еще Ньютономъ закону притяженія.

Тѣ же принципы, которые мы видимъ въ космическихъ явленіяхъ, находятъ свое мѣсто и въ явленіяхъ біологическихъ.

Прогрессъ въ сферѣ этихъ послѣднихъ, какъ это впервые, сколько я знаю, отмѣтилъ Спенсеръ *), не исчерпывается однѣми только послѣдовательными дифференціаціями (началомъ центробѣжнымъ): онѣ въ извѣстныхъ моментахъ сопровождаются явленіями интеграціи (началомъ центростремительнымъ).

Вотъ нѣкоторые примѣры изъ числа указываемыхъ Спенсеромъ. Низшіе суставчатые (черви) характеризуются большимъ числомъ составляющихъ ихъ сегментовъ, доходящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до нѣсколькихъ сотъ; но по мѣрѣ того, какъ станемъ передвигаться къ высшимъ суставчатымъ,—стоножкамъ, ракамъ, насѣкомымъ, паукамъ,—мы найдемъ число это значительно уменьшившимся, до двадцати двухъ, тринадцати и даже еще менѣе; и уменьшеніе это сопровождается укорачиваніемъ

*) Трансцендентальная физіологія. Научные, политическіе и философскіе опыты. Перев. подъ редакцію Н. Л. Тиблена. Спб. 1866 г., стр. 97 и слѣд.

или интеграціей цѣлаго тѣла, достигающимъ у крабовъ и пауковъ крайняго предѣла.

Въ развитіи позвоночныхъ мы встрѣчаемъ разные примѣры такой же интеграціи. Соединеніе нѣсколькихъ позвонковъ для образованія черепа—одинъ изъ такихъ примѣровъ. То же встрѣчается и въ копчиковой кости, происшедшей отъ сліянія нѣсколькихъ хвостовыхъ позвонковъ; хорошій примѣръ представляетъ также сліяніе крестцовыхъ позвонковъ птицы. Приведенные примѣры являются случаями, такъ называемой, продольной интеграціи.

А вотъ нѣсколько примѣровъ интеграціи поперечной, въ развитіи нервной системы суставчатоногихъ животныхъ. Замѣчено, что характеристическую особенность эта система у низшихъ представителей этого класса и у личинокъ высшихъ, — за исключеніемъ тѣхъ, по большей части несовершенныхъ, формъ, у которыхъ нѣтъ явственныхъ узелковъ, — составляетъ *двойную* цѣпь нервныхъ узелковъ, идущихъ отъ одного конца тѣла къ другому; между тѣмъ, какъ у болѣе совершенно сформированныхъ суставчатыхъ эта двойная цѣпь сливается въ большей или меньшей степени въ одну. Ньюпортъ описалъ ходъ этой концентраціи у насѣкомыхъ, а Ratke прослѣдилъ ее у ракообразныхъ. Въ ранней стадіи развитія у Astacus fluriatilis или обыкновеннаго (рѣчного) рака встрѣчается пара отдѣльныхъ узелковъ въ каждомъ кольцѣ тѣла. Изъ четырнадцати паръ, принадлежащихъ головѣ и груди, три пары сливаются впереди рта въ одну массу, образуя головной мозгъ. Между тѣмъ изъ остальныхъ первыя шесть паръ соединяются особо по средней линіи, прочія же остаются болѣе или менѣе раздѣльными. Изъ шести парныхъ узелковъ, формирующихся такимъ образомъ, переднія четыре сливаются въ одну массу, остальные два въ другую, а затѣмъ эти двѣ массы соединяются уже въ одну. Здѣсь мы видимъ поперечную и продольную интеграцію, совершающіяся одновременно; у высшихъ раковъ обѣ онѣ идутъ еще далѣе.

Число примѣровъ, выясняющихъ и подтверждающихъ, что въ процессѣ біологической эволюціи начало центробѣжное (дифференціація) смѣнится (а въ сложныхъ процессахъ совершается и параллельно) съ началомъ центростремительнымъ (интерціаціей),—могло бы быть увеличено по желанію. Приведенныхъ для нашей цѣли, однако, совершенно достаточно.

Тѣмъ же принципомъ, наконецъ, объясняется и стремленіе къ соединенію однородныхъ органовъ другъ съ другомъ. Такъ, у зародыша человѣка, какъ у низшихъ позвоночныхъ, глаза размѣщены по одному на каждой сторонѣ головы. Съ теченіемъ развитія они сближаются и при рожденіи находятся уже на передней части лица, хотя у ребенка европейца, какъ и у взрослаго

дикаря, расходятся въ стороны сравнительно болѣе, нежели впослѣдствіи.

Это сближеніе въ нормальныхъ случаяхъ не идетъ дальше, вслѣдствіе того, что промежуточное строеніе не допускаетъ полнаго слитія этихъ органовъ. Если же это препятствіе отсутствуетъ, или сильно ослабляется, какъ это бываетъ въ случаяхъ уродливости,—то два глаза сливаются въ одинъ, образуя, такъ называемую, циклопію.

Наконецъ, въ томъ же принципѣ (центростремительнаго начала) находимъ мы объясненіе и для тѣхъ случаевъ двойного уродства, на которые впервые указалъ Жофруа Сентъ-Илеръ въ его извѣстной статьѣ „Loi de soi pour soi" *).

Въ немногихъ словахъ законъ этотъ заключается въ томъ, что „les deux sugets, qui composent un monstre, complétement ou partiellement double, sont *toujour unis* par les foces homologiques de leurs corps; c'est-á-dire opposés côté à côté, se regardont mutuellement, ou bien adossés d'un à l'autre.

Причину этого явленія знаменитый противникъ Г. Кювье видитъ въ законѣ, который опредѣляетъ формулой: l'attraction de soi pour soi, и который ученый натуралистъ ставитъ въ связь съ ньютоновскимъ закономъ притяженія.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, конечно, что въ основѣ всѣхъ этихъ, только что мною указанныхъ, космическихъ и біологическихъ явленій интеграціи, явленій центростремительнаго начала, *идея собственности*, какую бы степень элементарности мы въ ней ни допустили, мѣста имѣть не можетъ.

Въ основѣ материнскаго чувства лежитъ то же начало, тотъ же законъ attraction de soi pour soi, и потому видѣть въ немъ проявленіе „идеи" собственности, какъ его называютъ авторы,— такъ же основательно, какъ видѣть ее въ біологическихъ процессахъ вообще.

Источникъ центростремительнаго начала въ материнскомъ чувствѣ, это—„чувство *своего въ другомъ*", „чувство принадлежности"; оно составляетъ основаніе и въ то же время единственный признакъ, общій животному чувству материнской любви, если этимъ терминомъ могутъ быть названы безконечно разнообразныя по формѣ и по смыслу отношенія самокъ къ потомству на всѣхъ ступеняхъ зоологической классификаціи, до человѣка включительно.

Но это центробѣжное начало стоитъ въ антагонизмѣ съ началомъ центробѣжнымъ, которое лежитъ въ основѣ общественности...

Отсюда глубокая, вѣковѣчная борьба между материнскимъ

---

*) См. его книгу: „Etudes progressives d'un naturaliste" etc. Geoffroy Saint-Hilaire. Paris. 1835.

чувствомъ (которое на вершинѣ зоологической лѣстницы обосновываетъ появленіе семьи), съ одной стороны, и явленіями общественности—съ другой: онѣ тѣмъ рѣзче расходятся между собою, чѣмъ *больше въ этомъ чувствѣ унаслѣдованнаго, животнаго инстинкта „собственности“*, и *чѣмъ меньшую активность проявляютъ элементы разумные, благопріобрѣтенные, общественные.*

Тысячи преступленій, тысячи несчастныхъ и разбитыхъ жизней имѣютъ своимъ источникомъ ошибки не контролируемой разумомъ материнской любви, руководимой тѣми противообщественными инстинктами, которые создаютъ кадры поколѣній, разслабленныхъ тѣломъ, слабыхъ духомъ и волей.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью, въ борьбѣ, возникающей на почвѣ материнскаго чувства,—истина стоитъ не на сторонѣ индивидуальности,—выводъ весьма поучительный для тѣхъ, кто полагаетъ, что въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью мы *всегда*, и во всѣхъ случаяхъ, должны быть или только на одной, или только на другой сторонѣ.

Представляетъ ли собою, однако, борьба эта нѣчто роковое, неизбѣжное, неотвратимое?

Современная культура даетъ намъ на этотъ вопросъ не только опредѣленный отвѣтъ, но указываетъ и на средство, и на путь, которымъ нужно идти впередъ, чтобы справиться со зломъ: надо не отнять у дѣтей ихъ мать, какъ это предлагаютъ французскіе авторы, сторонники „соціальнаго воспитанія“, а надо перевоспитать мать, поднявъ ея умственное развитіе на ту высоту, съ которой ей были бы видны послѣдствія инстинктивнаго чувства, унаслѣдованнаго ею отъ того прошлаго, когда рубежъ, отдѣляющій человѣка отъ животнаго, былъ еще очень смутнымъ.

Этотъ путь въ рѣшеніи задачи не только смягчитъ антисоціальную роль наслѣдственнаго чувства, но—что еще важнѣе,—онъ дастъ намъ возможность воспользоваться могучей силой материнской любви, направивъ ее въ сторону общечеловѣческаго прогресса, который, такимъ образомъ, пріобрѣтетъ въ своемъ противникѣ величайшаго союзника.

Владиміръ Вагнеръ.

У ЗЫРЯНЪ.

(Очерки).

---

1. Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.

— Ва-ла... Ва-ла... Ва-ла...

Кто-то кричалъ протяжно, монотонно... Словно мулла забрался на вышку своего минарета и сзываетъ оттуда правовѣрныхъ на молитву...

Я устало раскрываю глаза. Надо мной высокая крыша на деревянныхъ стропилахъ, съ которыхъ несется веселое чириканье воробьевъ и гуканье голубей. Откуда-то сбоку падаетъ узкая полоска яркаго солнечнаго свѣта, переливается всѣми цвѣтами радуги въ спустившейся сверху длинной паутинѣ и бѣжитъ по крышѣ, ломаясь при встрѣчѣ со стропилами...

Подо мною шуршитъ ароматное сѣно... Чтобы дѣлать дальнѣйшія наблюденія, нужно повернуться, но во всемъ организмѣ чувствуется усталость и истома, и нѣтъ силъ шевельнуться... Глаза невольно снова закрываются.

— Ва-ла, ва-ла, ва-ла *)! — неумолчно звучитъ въ моихъ ушахъ, прогоняя послѣднія грезы. Я быстро вскакиваю съ сѣна, спѣшу одѣться и узнать, — откуда несутся эти странные звуки? Открываю скрипящія ворота сѣновала, и въ лицо мнѣ кидается снопъ мягкихъ, ласкающихъ солнечныхъ лучей. Солнце еще мало поднялось надъ горизонтомъ. На травѣ блеститъ крупная роса. Воздухъ дышетъ утренней прохладой. Передо мною обширныя поля съ чахлой растительностью. За полями виднѣется лѣсъ, весь затканный синею дымкой. Среди лѣса, на высокомъ холмѣ, бѣлѣетъ нѣсколько большихъ церквей.

Воздухъ чистъ и прозраченъ,—церкви ясно и красиво вырисовываются среди сосноваго бора, хотя до нихъ далеко.

---

*) За водой, за водой, за водой!

Это Усть-Вымъ—древняя каѳедра велико-пермскихъ епископовъ, центръ религіозной жизни зырянскаго края...

Выхожу изъ сѣновала.

Странные звуки, которые меня разбудили, издаютъ зырянскія женщины. На задворкахъ домовъ, недалеко отъ сѣноваловъ, расположенъ рядъ колодцевъ. Около нихъ стоятъ зырянки, черпаютъ воду, сливаютъ ее въ колоды и криками приглашаютъ своихъ коровъ на водопой. Изъ хлѣвовъ высовываютъ морды и важно выступаютъ къ колодамъ маленькія безрогія коровки.

Главная деревенская улица по одной сторонѣ застроена банями, по другой—хорошими бревенчатыми домами; часто три и даже четыре дома соединены вмѣстѣ: это постройки многочисленныхъ, еще не раздѣлившихся семей. Начавшись двумя большими каменными церквями, село протягивается длиннымъ порядкомъ, спускается подъ гору и заканчивается часовнею, на низенькой колокольнѣ которой виситъ цѣлое множество колоколовъ, такихъ маленькихъ, что загулявшіе рекруты иногда снимаютъ ихъ съ колокольни и привязываютъ къ дугамъ своихъ лошадей, къ великому соблазну степенныхъ зырянъ. За часовнею начинается болото съ густо поросшимъ ельникомъ.

Теперь вдоль всей улицы скрипитъ и движется масса телѣгъ. Много лошадей съ телѣгами привязаны къ церковной оградѣ и изгородямъ. Около телѣгъ толпятся зыряне и о чемъ-то возбуждебно толкуютъ. Выраженіе лицъ озабоченное, серьезное...

На крытомъ крыльцѣ большого и высокаго, раздѣляющагося на двѣ половины, дома, принадлежащаго зажиточному мужику, церковному старостѣ Дань-Сеню *), я вижу самого хозяина, съ которымъ уже видѣлся мелькомъ, по пріѣздѣ. Онъ стоитъ, прислонившись къ дверному косяку, лѣвой рукой чешетъ затылокъ, правой креститъ ротъ и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ разговору мужиковъ.

— Кыче мунанъ **)?—кричитъ онъ мнѣ обычный первый зырянскій вопросъ, соотвѣтствующій русскому привѣтствію.

— Гуляйтны,—отвѣчаю я.—А зачѣмъ, Дань-Сень, сегодня такъ много народу сюда понаѣхало?

— За хлѣбомъ,—говоритъ онъ, сходя ко мнѣ съ крыльца.—Парохода недѣли двѣ уже ждемъ. Говорятъ, сегодня пріѣдетъ... Ѣсть совсѣмъ нечего. У меня хлѣба всѣхъ больше на селѣ, и то уже на исходѣ.

— Неурожай у васъ?

*) Дань-Сень—Семенъ Даниловичъ.

**) Куда идешь?

— Особеннаго неурожая нѣтъ. У насъ такъ каждый, почитай, годъ. Никогда хлѣба не хватаетъ. Передъ новымъ все съ корой пополамъ ѣдимъ. Мука давно уже два рубля за пудъ. А теперь и за эти деньги не достанешь... Народъ, видѣлъ ты,—кучами по селу шатается,— работы ищутъ изъ одного хлѣба... Сѣмена, у кого были, всѣ ужъ съѣли...

Распрощавшись съ Дань-Сенемъ, я направился къ рѣкѣ и скоро погрузился въ холодную прозрачную воду Вычегды.

— Ой, ножку укололъ!—услышалъ я позади себя довольно пріятный тенорокъ, когда, выкупавшись, поднимался отъ рѣки по косогору къ деревнѣ.

Я сразу же понялъ, что это крикъ до нѣкоторой степени тенденціозный, имѣющій цѣлью обратить на себя мое вниманіе, и потому тотчасъ же обернулся. Шагахъ въ пятнадцати прыгалъ на одной ногѣ, схвативши другую въ руку, худощавый, низкорослый человѣчекъ съ черноволосой, остриженной и ничѣмъ не прикрытой головой, босой, одѣтый въ старыя брюки, изъ-подъ которыхъ виднѣлись синіе порты, и въ изорванный, черезчуръ короткій пиджакъ. Увидѣвъ, что я повернулся къ нему, человѣчекъ быстро заскакалъ ко мнѣ, и я уже могъ хорошо разсмотрѣть его загорѣвшую физіономію, съ слѣдами синяковъ, съ маленькими, нѣсколько насмѣшливыми и вмѣстѣ заискивающими черными, воспаленными, узкими глазками...

— Купаться изволили, ваша милость? — заговорилъ онъ, поровнявшись со мной.

— Да.

— А по какому случаю къ намъ пожаловали, ваше благородіе?

— Въ гости къ учителю, да и сторону здѣшнюю посмотрѣть.

— А?! Къ Ивану Николаевичу? Какъ же, ваше высокородіе, знаю, знаю. Добрѣйшей души человѣкъ, первый мой пріятель; только съ нимъ съ однимъ и разговариваю. Умственному человѣку здѣсь очень, можно сказать, прискорбно. А смотрѣть здѣсь, позвольте вамъ объяснить,—совсѣмъ не на что, развѣ на дикость здѣшнюю? Народъ необразованный, понятій никакихъ не имѣетъ и, кромѣ кулака, ничего, можно сказать, даже и не признаетъ, то есть никакой политики...

Я еще разъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ своего собесѣдника, и у меня явилось невольное предположеніе, что упоминаніе насчетъ политики кулака имѣетъ, пожалуй, автобіографическій характеръ.

Мы уже шли вдоль деревни. Народъ спѣшилъ на работы, отъ села то и дѣло отплывали челноки съ мужиками и бабами на противоположный берегъ. Въ домахъ виднѣлись одни

ребята, которые усиленно кричали намъ въ догонку изъ окошекъ: „кыче мунанъ"?

— Вотъ видите здѣшнюю необразованную глупость!—возмутился мой новый знакомый.—И чего, спрашивается, кричатъ? Я ихъ, положимъ, отучилъ, а къ вашей милости вотъ и пристаютъ. И все здѣсь одна, можно сказать, дичь. Возьмемъ, напримѣръ, дьякона: повѣрите, мужикомъ на плотахъ ходилъ! Богъ его знаетъ, какъ и въ дьякона, то попалъ. Насчетъ умственности и не спрашивай. Какъ встрѣтится съ образованнымъ человѣкомъ, такъ и начнетъ къ каждому слову прибавлять: „такимъ образомъ"... Думаетъ, вотъ удивилъ!..

Мой спутникъ сѣменилъ ногами, забѣгалъ впередъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Пономарь нашъ,—послѣ небольшой передышки снова началъ онъ, вдругъ какъ-то печально поникнувъ головой,— драться очень любитъ.

При этихъ словахъ онъ такъ трусливо сталъ озираться по сторонамъ, точно боялся, что пономарь вотъ-вотъ выскочитъ откуда-нибудь изъ-за угла и начнетъ насъ тузить.

— Позавчера у насъ одна статья вышла. Захотѣлъ пономарь сапоги себѣ шить; поймалъ сапожника изъ Оквада, да и учителя сманилъ: закажемъ, говоритъ, вмѣстѣ,— дешевле возьметъ. Сапожникъ взялъ съ нихъ по рублю на товаръ. А потомъ пономарь съ сапожникомъ послали за водкой, я тутъ случился—и меня въ компанію приняли, и начали мы въ карты, въ три листика играть. Думаю: отчего не поиграть? Игра почтенная, благородные люди въ нее играютъ. Только пономарь выпилъ, сейчасъ и въ азартъ, а сапожнику это на руку. Дошло до драки. Сапожникъ его знатно отвалялъ, да еще въ барышѣ остался.

— Какой же тутъ барышъ?—засмѣялся я.

— А какъ же?.. А два-то рубля задатка? Вѣдь ужъ теперь, какъ они въ ссорѣ,—сапожникъ ни за что шить не станетъ... Два рубля въ карманѣ... Ну, хорошо,—сказалъ онъ, вдругъ оживившись:—ну, побилъ онъ его. Теперь спрашивается: виноватъ я въ этомъ? А? Какъ вы думаете?

Я рѣшительно не зналъ, что отвѣтить, но мой спутникъ и не ждалъ отвѣта.

— Всякій умственный человѣкъ скажетъ, что не виноватъ— рѣшилъ онъ самъ.—А по его выходитъ, что виноватъ. Какъ сапожникъ ушелъ, онъ вдругъ на меня: „Ты, говоритъ, зачѣмъ смалодушествовалъ?.." Это значитъ: не защищалъ его. А какъ мнѣ защищать, коли я, изволите видѣть, тщедушенъ, а сапожникъ человѣкъ силы необыкновенной. Я туда, сюда... Помилуйте, говорю, пономарю то есть,—даже пословица

говорится: „Двѣ собаки дерутся, третья не приставай“.—„А, такъ ты, говоритъ, меня въ моемъ священномъ чинѣ къ собакѣ приро вня лъ?..“ Ну, и... выволокъ меня изъ избы на улицу. Ладно еще, урядникъ случился, отбилъ. Такъ вѣдь тотъ, скотина необразованная, тоже противъ меня: „Опять, говоритъ, напился, орешь на всю улицу.“—Видишь, говорю, какъ меня пономарь обезпокоилъ...—Слушать не хочетъ... Да меня же въ холодную при правленіи засадили на три дня; положимъ, я убѣжалъ черезъ сутки, а всетаки въ работѣ застой... Да-съ, вотъ какіе у насъ люди, ваше благородіе! Нелегко въ здѣшнихъ мѣстахъ жить... Къ тому же, надо сказать, пономарь этотъ еще и большой язычникъ: ты ему слово,—а онъ тебѣ двадцать, да и то самыхъ язвительныхъ... Ваше благородіе,— вдругъ снова возвысилъ голосъ мой спутникъ, — можетъ рабочій человѣкъ выпить? Можетъ!—немедленно же отвѣтилъ онъ самъ себѣ.—Конечно, выпить благородно, не какъ какой-нибудь зырякъ. Вонъ, изволите слышать, какъ подобная скотина реветъ...

До моего слуха, дѣйствительно, донеслись невообразимо дикіе звуки: кто-то „благимъ матомъ“ выводилъ самыя невозможныя варіаціи.

— Это, ваше благородіе, одинъ зырякъ загулялъ. Вотъ ужъ третью недѣлю сряду. Онъ, видите ли, второй жены лишился, и хоть ему ужъ 60 лѣтъ, а и въ третій разъ хочетъ жениться. Теперь ходитъ пьяный по селу и кричитъ: „Кто за меня замужъ хочетъ“. Сватался къ поповой кухаркѣ, та кочевряжится... Вотъ и запилъ. Сначала корову пропилъ,—все равно, говоритъ, доить некому; потомъ всѣ рыболовныя снасти спустилъ, а теперь домъ началъ пропивать. Значитъ, на зло поповой кухаркѣ: „выходи скорѣе за меня замужъ,—а то все пропью“. А мы нечто такъ пьемъ?— добавилъ онъ съ сознаніемъ своего превосходства.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ я, такъ какъ мы прошли всю деревню, а новый знакомый не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія оставить меня.

— Да я портной Леонтій... Можетъ изволили уже слышать?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Но вѣдь и портному надо гдѣнибудь жить?—сказалъ я.

— Да сегодня шилъ у Иво-Вася *), теперь надо къ писарю перебираться,—у него работа есть, давно проходу не даетъ; деньги впередъ забраны... А здѣсь ужъ такой народъ необразованный: чуть задолжаешь, — пристаютъ съ ножомъ къ горлу. Вчера три бабы пристали,—едва отдѣлался. Глупый народъ, никакъ не пойметъ, что ихъ много, а я одинъ..

*) Василій Ивановичъ.

Надо теперь имѣнье переносить,—закончилъ онъ, немного помолчавъ, и быстро побѣжалъ къ крайнему дому. Я повернулъ назадъ.

Но я ошибся, думая, что разстался съ словоохотливымъ портнымъ.

— А вотъ я и готовъ! — послышался черезъ минуту его голосъ.

— А гдѣ же ваше имѣніе?

— А вотъ оно,—и портной Леонтій протянулъ обѣ руки: въ одной былъ желѣзный аршинъ, въ другой—утюгъ.

Я невольно разсмѣялся.

— Значитъ, у васъ и квартиры нѣтъ?

— Зачѣмъ, ваше благородіе, портному квартира? Зимой, гдѣ шью, тамъ и ночую, а лѣтомъ на бережку ночки коротаю, потому не могу я въ погожую пору въ душной зырянской избѣ спать: душа у меня, ваше благородіе, не такая. Какъ настанетъ вечеръ, такъ у меня подъ сердцемъ что-то и засосетъ: тянетъ на вольный воздухъ... Уйду на бережокъ, огонекъ разложу, удочки закину, стану купаться и той порой рачковъ наловлю. Потомъ вздремнешь немного, глядь—уже и зорька начинается. Любите вы, ваше благородіе, рыбку ловить?—спросилъ онъ вдругъ.

— Да, люблю.

— Такъ вотъ какъ-нибудь соберемся на ночку? Хорошее я мѣсто знаю, — верстъ за пять. Достану по лодочкѣ, чайничкомъ запасемся... ну, и еще можно кое-что взять... Чудесно время проведемъ... Тэ... тэ... тэ...—вдругъ издалъ онъ странный звукъ и со всѣхъ ногъ бросился въ сторону.

Я посмотрѣлъ по тому направленію, куда побѣжалъ Леонтій. На задворкахъ большого дома, около колодца, собралась большая толпа зырянъ, преимущественно бабъ. Всѣ о чемъ-то очень энергично разсуждали. По срединѣ толпы вертѣлся громадный рыжій мужикъ, который никого не слушалъ и, казалось, ничего не понималъ. Онъ только дико поводилъ глазами и что-то кричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ, всплескивая руками.

Леонтій тотчасъ же врѣзался въ средину толпы, и бабы, перебивая другъ друга, начали что-то ему разсказывать. Леонтій дѣятельно разспрашивалъ и сосредоточенно выслушивалъ отвѣты. Потомъ глубокомысленно приставилъ палецъ ко лбу и задумался. Бабы глядѣли на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Йокышъ! *)—вдругъ произнесъ онъ громко и увѣренно.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я, подходя.

*) Иокышъ—собственно, значитъ окунь.

— Да вотъ, видите, ваше благородіе,—украли двои гачи *). Вотъ та рыжая тетеря — Леонтій указалъ на бѣснующагося мужика — развѣсилъ на огородѣ, а они и пропали. Безпремѣнно Йокышъ стянулъ, — больше некому... А! вонъ ведутъ голубчика!—радостно закончилъ онъ.

Два зырянина, дѣйствительно, вели подъ руки упиравшагося, оборваннаго и тщедушнаго мужиченка. Скоро обвиняемый стоялъ въ срединѣ толпы и клялся самыми ужасными клятвами, что никакихъ гачей не видалъ, и его невинно оклеветали. Со стороны становилось жаль бѣднягу... Бабы, какъ будто, начинали сдаваться; мужики, кромѣ потерпѣвшаго, относились къ факту пропажи гачей болѣе или менѣе спокойно. Но Леонтій, принимавшій въ событіи живѣйшее участіе, подбѣжалъ внезапно къ мужиченкѣ, схватилъ его за руку и потащилъ за колодецъ, къ тому мѣсту, гдѣ прежде висѣли похищенные гачи. Тутъ на влажной глинѣ виднѣлся довольно ясный слѣдъ человѣческой ноги. Леонтій сталъ на колѣни и водрузилъ ногу Йокыша въ одинъ изъ этихъ отпечатковъ.

— Вѣрно,—его дѣло!—коротко отрѣзалъ онъ. — Смотрите сами.

Толпа заревѣла отъ удовольствія. Йокышъ вдругъ присмирѣлъ и совершенно неожиданно согласился принести похищенные гачи.

Минутъ черезъ пять гачи были, дѣйствительно, принесены и вручены рыжему мужику, который теперь сіялъ отъ удовольствія и дружески хлопалъ по плечу и Леонтія, и Йокыша. Йокышъ тоже добродушно улыбался и тоже хлопалъ Леонтія по плечу. Удовлетворенныя бабы тотчасъ же разошлись.

— Дуракъ ты Йокышъ, — поучалъ дружескимъ тономъ Леонтій. — Коли бы и не поймали теперь, куда бы ты гачи дѣвалъ?

— Трудно, ваше благородіе, воровать въ этой сторонѣ,— пояснилъ онъ мнѣ,—все на виду...

Долгъ правдиваго бытописателя заставляетъ меня добавить, забѣгая нѣсколько впередъ, что уличенный въ воровствѣ Йокышъ на другой же день сидѣлъ вмѣстѣ съ другими въ избѣ рыжаго мужика и, какъ ни въ чемъ не бывало, разсуждалъ о разныхъ крестьянскихъ дѣлахъ.

Теперь Леонтій съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на меня.

— Да, ваше благородіе, Леонтій здѣсь сила!—съ достоинствомъ проговорилъ онъ.

---

*) Гачи—порты.

Однако, торжество моего новаго знакомаго было непродолжительно. Гордый взглядъ его вдругъ омрачился, и глаза тревожно забѣгали, — словно искали защиты отъ нападающаго врага. По деревнѣ быстро бѣжали двѣ бабы: одна старая, но достаточно бодрая, другая молодая.

Увидѣвъ Леонтія, онѣ бросились прямо къ намъ, и бѣдняга, не успѣвъ моргнуть глазомъ, уже былъ буквально атакованъ. ими. Бабы стремились поймать его за руки и осыпали цѣлымъ градомъ упрековъ и ругательствъ: „пьяница, лѣшакасъ, дьяволасъ, шкареда, обманщикъ“ и т. д. Леонтій сначала пытался сохранить достоинство и съ величавымъ спокойствіемъ объяснялъ бабамъ, что не онѣ однѣ у него заказчицы, и что не у нихъ только онъ взялъ деньги впередъ... Поэтому каждый долженъ соблюдать свой чередъ. Но бабы не были доступны убѣжденіямъ, и только усилили нападеніе. Леонтій шмыгнулъ было за колодецъ, но и съ этой позиціи былъ скоро выбитъ. Теперь ему оставалось лишь прижаться къ огороду и усиленно дѣйствовать руками и ногами, отбиваясь отъ нападеній непріятеля. Но вдругъ энергія его ослабѣла, и онъ безпомощно опустилъ руки... Послѣдняя отчаянная попытка — прыгнуть чрезъ городьбу — не удалась, — бабы крѣпко вцѣпились въ его руки и оттащили отъ огорода. Тогда онъ покорно послѣдовалъ за ними, бросая робкіе взгляды по направленію къ церкви. Тамъ, въ перспективѣ улицы, виднѣлась фигура пономаря. Онъ шелъ, правда, не совсѣмъ твердыми шагами, но все же самое появленіе этого человѣка, повидимому, лишало портного всякой энергіи...

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ уже издали,—я къ вамъ зайду! Освобожусь вотъ отъ этихъ вѣдьмъ, развѣ онѣ понимаютъ настоящее обращеніе... Дичь!.. Ивану Николаевичу почтеніе!

II. Зырянскій учитель.

Прошла уже цѣлая недѣля съ моего пріѣзда въ N. Народъ все прибывалъ въ село, въ ожиданіи парохода. Были люди изъ отдаленныхъ деревень, которые, не дождавшись парохода, возвращались домой и опять пріѣзжали. Многіе уже нѣсколько дней совсѣмъ не ѣли хлѣба, лица у всѣхъ вытянулись. Съ утра до вечера, въ ту сторону рѣки, откуда долженъ былъ появиться пароходъ, были обращены сотни глазъ.

Настроеніе у всѣхъ было крайне тяжелое. А парохода все

не было. У учителя, у котораго я гостилъ, мука тоже была на исходѣ, приходилось соблюдать экономію.

Между тѣмъ, каждодневно насъ осаждали цѣлыя толпы нищихъ, и не хватало духу отказывать въ кускѣ хлѣба этимъ голоднымъ, страдающимъ людямъ.

Былъ прекрасный, теплый іюльскій вечеръ.

Мы сидѣли, въ грустномъ настроеніи, на балконѣ школы и пили чай. Зданіе школы было большое двухэтажное, съ прекраснымъ видомъ на рѣку, но въ сущности очень плохо приспособленное не только для школы, но и вообще для человѣческаго жилья. Жить здѣсь можно было только лѣтомъ, а во время занятій учителю приходилось нанимать квартиру на свои собственныя скудныя средства.

Этотъ учитель былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, по виду почти мальчикъ, изъ студентовъ духовной семинаріи. Теперь онъ повѣствовалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Оно было не изъ веселыхъ; впрочемъ, довольно было посмотрѣть на измученный видъ учителя, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— По окончаніи семинаріи я могъ бы поѣхать въ академію, — тихо разсказывалъ онъ, — но мнѣ захотѣлось послужить народу. Кончилъ я семинарію и подалъ прошеніе объ опредѣленіи въ какую-нибудь церковно-приходскую школу на жалованье рублей 20 въ мѣсяцъ. Школы съ такимъ большимъ жалованьемъ нашлись только въ зырянскомъ краѣ, потому что здѣсь земство передало свои школы въ духовное вѣдомство, сохранивши за ними свои субсидіи. Меня опредѣлили, но денегъ на дорогу не дали. Была дождливая, поздняя осень и ужасная бездорожица, когда я получилъ извѣщеніе, что опредѣленъ въ здѣшнюю школу и обязанъ немедленно же явиться на мѣсто назначенія. Цѣлую недѣлю я искалъ денегъ на дорогу,—наконецъ, нашлись добрые люди, дали взаймы; не безъ труда удалось выхлопотать и „подорожную“ на пару лошадей. Поѣхалъ я вмѣстѣ со старухой матерью. Дорога была невозможная: дождь и днемъ, и ночью лилъ непрестанно... Нѣсколько разъ насъ вываливало изъ тарантаса, все время пронизывалъ до костей холодный вѣтеръ... Жилье, гдѣ бы можно было обогрѣться, встрѣчалось очень рѣдко. Въ деревняхъ насъ встрѣчали, какъ невиданныхъ звѣрей. По зимней дорогѣ здѣсь никто не ѣздитъ; у кого есть нужда посѣтить этотъ непривѣтливый край, тотъ старается поѣхать лѣтомъ, воспользовавшись пароходомъ. Въ избу, гдѣ я останавливался, вваливалась масса народу, щупали мой чемоданъ, смотрѣли, что я ѣмъ. Въ одной деревнѣ, когда я досталъ колбасу, мужикъ попросилъ отрѣзать и ему и, попробовавъ, спросилъ: „что

же,—это растетъ?"—Нѣтъ, не растетъ,—поправилъ другой,—а вотъ огурцы, говорятъ, растутъ.

— Черезъ недѣлю всевозможныхъ мытарствъ и мученій я, совершенно истомленный, съ больной матерью подъѣхалъ къ рѣкѣ Вычегдѣ. Оставалось только переправиться черезъ нее, и я былъ на мѣстѣ назначенія. Рѣка уже начинала замерзать. Ямщикъ сталъ кричать, чтобы подавали перевозъ, но въ отвѣтъ слышались только стоны вѣтра. Долго кричалъ ямщикъ, пока не охрипъ, потомъ принялся кричать и я,—какъ можетъ только кричать погибающій,—потому что я, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ себя погибающимъ: грудь моя надрывалась отъ кашля, отъ рѣзкаго вѣтра окоченѣли всѣ члены. Одѣяло, которымъ я закрывался въ дорогѣ, пришлось отдать матери, чтобы она не замерзла... Порой мнѣ казалось, что на темной рѣкѣ скрипятъ весла, но всякій разъ приходилось убѣждаться, что нѣтъ ничего, кромѣ воя вѣтра и всплеска волнъ. Такъ прошла вся ночь. Я дрожалъ самъ и боялся за мать... Никогда въ жизни я такъ не радовался, какъ услыхавъ, наконецъ, дѣйствительно всплескъ на рѣкѣ и потомъ различивъ движущійся паромъ... Ровно двѣнадцать часовъ стояли мы на берегу рѣки...

Учитель замолчалъ, и его блѣдное, печальное лицо было грустнѣе обыкновеннаго. Передъ нами разстилалась восхитительная картина. Вычегда казалась гигантскою синею лентой; правый ея берегъ, высокій и голый, состоящій изъ разноцвѣтныхъ пластовъ, съ исполинскою щетиной елей на верху, теперь весь горѣлъ, озаренный лучами заходящаго солнца; тогда какъ лѣвый, луговой берегъ облекся уже въ мягкія полутѣни. Широкая, могучая рѣка словно заснула. Въ воздухѣ стояла удивительная тишь, нарушаемая лишь отдаленною зырянскою пѣсней, похожей на русскую дубинушку. Это плоты сѣли на мель, и теперь ихъ стаскивали. Отъ села то и дѣло бѣжали къ рѣкѣ мужики; туда уже пронесли нѣсколько четвертей водки, и послѣ каждой четверти суетня увеличивалась, пѣсня становилась громче и нескладнѣе. Вся эта картина была намъ довольно отчетливо видна съ балкона школы...

— Да, — продолжалъ учитель свою грустную повѣсть, — невесело было начало, да мало хорошаго ждало меня и на мѣстѣ. Вы, вотъ, осмотрѣли уже нашу школу. Постройка ея задумана еще земствомъ, но достраивалась она уже послѣ передачи въ церковное вѣдомство и на церковныя средства. Средствъ не хватило, поэтому мезонинъ остался безъ пола, нижній этажъ не достроенъ, и тамъ теперь находятъ пріятное отдохновеніе деревенскія свиньи. Въ то время, когда я пріѣхалъ, эта послѣдняя квартира, которую мнѣ и

предложили, была до потолка занесена снѣгомъ, а единственными двумя удобными для жилья комнатами завладѣлъ пономарь. Для классовъ остались, какъ видите, двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ я и долженъ былъ заниматься съ сотнею слишкомъ учениковъ и ученицъ. За постройкой школы долженъ былъ наблюдать священникъ, но въ то время священники часто смѣнялись, между уходомъ одного и назначеніемъ другого были большіе промежутки, и наблюденія за работами никакого не было. Немудрено, что зимой у насъ бывало частенько два градуса мороза даже во время занятій... Отопленіе возложено на обязанность сторожа, который получаетъ за это 20 рублей. Результаты понятны: сторожъ старался экономить...

— Нужно писать—чернила замерзли... По школѣ прогуливается вѣтеръ, свиститъ въ не проконопаченныя стѣны... Руки у учениковъ посинѣли отъ холода, и кожа на рукахъ растрескалась до крови. Повѣрите, иной разъ я самъ плакалъ, какъ мальчикъ... Добавьте къ этому, что ни одинъ изъ младшихъ моихъ учениковъ ни слова не понималъ по-русски, а я ни слова не зналъ по-зырянски. Затѣмъ, учить было рѣшительно не по чему. Я осмотрѣлъ школьную библіотеку и пришелъ въ отчаяніе: не было ни одного учебника, одобреннаго для церковно-приходскихъ школъ. Было, правда, нѣсколько хорошихъ руководствъ и пособій, предназначенныхъ для земскихъ школъ, но вы знаете: для церковно-приходскихъ школъ они запрещены; нашлись еще два сломанныхъ пера и кусокъ грифеля,—больше ничего. Съ горя я написалъ бумагу въ училищный совѣтъ, гдѣ изобразилъ всю эту горькую правду. Моя бумага, слава Богу, произвела впечатлѣніе, и, хотя не очень скоро и не въ желаемомъ количествѣ, я получилъ всетаки книги и письменныя принадлежности Только подъ Рождество можно было, наконецъ, приступить къ занятіямъ. Программа зырянскихъ школъ не меньше, чѣмъ въ русскихъ, курсъ былъ тоже двухгодичный (теперь увеличенъ до трехъ лѣтъ), а мнѣ приходилось еще учить дѣтей русскому языку... Дѣло это очень трудное: зырянскій языкъ не знаетъ родовъ, поэтому мои первые ученики не перестаютъ еще писать, что „мальчикъ гуляла, писала“, что онъ „сучкой уколола ногу“ и т. п... А тутъ еще и самому мнѣ приходилось учиться по зырянски. Черезъ полтора мѣсяца я сталъ понимать немного зырянскую рѣчь; съ учениками занимался утромъ и вечеромъ; для взрослыхъ устроилъ праздничныя чтенія... Въ концѣ концовъ, мнѣ удалось все таки выпустить въ первый же годъ восемъ человѣкъ со свидѣтельствомъ на льготу; большинство зырянъ стало послѣ этого относиться ко мнѣ съ радушіемъ... Но за то къ Пасхѣ

у меня показалась изъ горла кровь, и теперь при малѣйшемъ напряженіи грудь жжетъ точно огнемъ.

Юноша замолчалъ и поникъ головой.

— Жизнь здѣсь, должно быть, недорога, и теперь вамъ хватаетъ на все?—спросилъ я...

— Да, а всетаки я кругомъ въ долгу: пришлось выплачивать заемъ, сдѣланный на поѣздку сюда... А затѣмъ... Знаете, кому я больше всего переплатилъ здѣсь денегъ? Вы, пожалуй, не повѣрите: кабатчику!..

— Какъ? Да вѣдь вы, кажется, совсѣмъ не пьете?

— Да, не пью, а кабацкую повинность, тѣмъ не менѣе, долженъ нести исправно. Теперь, положимъ, энергично отъ нея освобождаюсь, но сначала не хватало духу. Неопытенъ былъ... Съ перваго же дня пріѣзда ко мнѣ появилась масса визитеровъ... Прежде всего — хозяинъ квартиры. „Вотъ, говоритъ, прежній учитель, ахъ, хорошій человѣкъ была, знала, чѣмъ нашего брата уважить: завсегда водка была...“ За нимъ—дьяконъ: „Иду это я мимо и думаю: дай посмотрѣть на новаго учителя... Фу, какъ холодно на дворѣ!..“—Не хотите ли, говорю, чаю?—„Чаю?!.. Чаемъ развѣ согрѣешься? Вотъ и видно, что неопытный человѣкъ, опытный не то бы предложилъ...“ — А тамъ писарь, фельдшеръ, пономарь... И всѣ изо дня въ день, болѣе или менѣе откровенно, высказываютъ одно неизмѣнное желаніе... Теперь, впрочемъ, начинаютъ убѣждаться, что „учитель нелюдимъ, веселой компаніи не уважаетъ; ходить къ нему не стоитъ, развѣ ужъ совсѣмъ некуда больше дѣваться.“ Я, конечно, этому отъ души радъ... Да вотъ одинъ изъ постоянныхъ моихъ посѣтителей,—легокъ на поминѣ...

Дверь на балконъ быстро растворилась, и въ ней показался Леонтій. Видъ у него былъ не совсѣмъ нормальный: онъ растерянно поводилъ глазами и виновато улыбался. Въ костюмѣ еще произошла перемѣна: брюкъ не было вовсе, ихъ замѣняли зырянскія „гачи“.

— Что съ тобой? Гдѣ же брюки, которыя я тебѣ далъ?—спросилъ учитель.

— Какія брюки?...—спросилъ Леонтій съ притворнымъ удивленіемъ...—Ахъ, да!... Такъ вѣдь онѣ, Иванъ Николаевичъ, совсѣмъ старыя... Да, притомъ, въ брюкахъ теперь и ходить неудобно...

— Это еще почему?

— Потому жарко... По нынѣшнему сезонту, можно сказать, совершенно лишняя одежа... Я ихъ и уступилъ Федору Федосѣичу.

— Кто такой Федоръ Федосѣичъ?—полюбопытствовалъ я.

— Одинъ тутъ у насъ... человѣкъ такой есть... При всемъ

прочемъ, большой скаредъ, — заминаясь, объяснилъ Леонтій.

— Кабатчикъ, говорилъ бы прямо!—пояснилъ учитель.— И какъ тебѣ не стыдно Леонтій? Портной безъ брюкъ! Ну, чѣмъ ты теперь отличаешься отъ зырянина?

Учитель попалъ, очевидно, въ больное мѣсто Леонтія.

— Ахъ, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ онъ не безъ нѣкотораго смущенія,—попа и въ рогожѣ узнаютъ... Меня здѣсь, я тебѣ скажу, обязаны почитать во всякомъ видѣ: уйди я отсюда, такъ вѣдь всѣ въ звѣриныхъ шкурахъ останутся. А мнѣ развѣ легко жить тутъ, среди необразованности?.. Это вѣдь тоже нужно понимать и цѣнить... Иванъ Николаевичъ, дайте гривенничекъ!—неожиданно закончилъ Леонтій свою защитительную рѣчь.

— Денегъ нѣтъ,—отвѣтилъ учитель.

— Записку напишите Ироду, чтобъ въ долгъ шкаликъ отпустилъ... Мнѣ—это все равно...

— И писать не стану... И то ужъ три записки далъ.

— Иванъ Николаевичъ! Я вѣдь умру, ей-Богу!.. — И Леонтій легъ на полъ къ ногамъ учителя.—Не сойду съ этого мѣста, пока не дадите!—рѣшительно заявилъ онъ.

— Ну, что же, лежи, если хочется...

— Дай!... Утроба горитъ, ой, ой, ой!..—вдругъ, закативъ глаза, дикимъ голосомъ заревѣлъ Леонтій.—Помираю!..

— Вотъ вѣдь люди нонче какіе,—обратился онъ ко мнѣ тономъ глубокой горечи и тотчасъ же опять заревѣлъ неистовымъ голосомъ:—ой-ой-ой!..

— Погоди, я вотъ сейчасъ пономаря позову,— погрозилъ учитель.

— А что мнѣ пономарь?—сказалъ Леонтій, приподнимая голову..—Пономарь купаться ушелъ. Ой, ой, ой!!.. Смерть моя приходитъ.

— Ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать?—съ отчаяніемъ сказалъ учитель.

— Напиши, Иванъ Николаевичъ, записку къ Федосѣичу, сейчасъ уйду,—подсказалъ Леонтій, опять приподнимая голову. — А я вотъ тебѣ фокусъ покажу...

И вдругъ, присѣвъ на полу, загнулъ самымъ невѣроятнымъ образомъ ногу и почесалъ ею за ухомъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что учитель взялъ клочекъ бумажки и написалъ записку. Но тутъ у Леонтія возникли нѣкоторыя сомнѣнія...

— Иванъ Николаевичъ, а вѣдь Иродъ не повѣритъ.

— Чему не повѣритъ?

— Да что вы записку написали... Человѣкъ-то очень ужъ невѣроятный... Давеча долго не хотѣлъ вѣрить: гдѣ это

ты, говоритъ, дураковъ нашелъ, что станутъ тебя на свои деньги поить? Поддѣлалъ, говоритъ, записку. Извѣстное дѣло, — необразованный грубіянъ... Такъ ужъ вы бы того... сказали бы ему, что записка ваша.

— Ну, нѣтъ! Въ кабакъ я не пойду.

— Такъ я его вонъ къ тому углу приведу... у Дань-Сенина дома. Вы ему только головой съ балкона кивнете, онъ и пойметъ.

Леонтій уже отворилъ дверь, чтобы выйти съ балкона, какъ вдругъ съ противоположной стороны за ручку двери взялась тоже чья то рука. Дверь отворилась, и на порогѣ показался пономарь. Леонтій моментально какъ-то съежился и даже испустилъ легкій стонъ.

Пономарь былъ здоровенный дѣтина съ окладистой рыжей бородой, съ плечами въ косую сажень и злыми глазами. Замызганный коричневый кафтанъ его изъ „чортовой кожи“ намѣревался лопнуть по всѣмъ швамъ, такъ какъ былъ необычайно для него узокъ. Видъ пономаря былъ мраченъ, и онъ тотчасъ же впился глазами въ Леонтія, который, подъ вліяніемъ этого взгляда, сразу какъ-то потускнѣлъ и стушевался.

— Ты, скотина, зачѣмъ здѣсь?—внушительно спросилъ пономарь.

— Я вамъ, Василій Васильичъ, удочки приготовилъ, завтра преподнесу, — стараясь увильнуть отъ прямого отвѣта, сказалъ Леонтій.

— Не нужно мнѣ твоихъ удочекъ, у меня свои есть. Ты отвѣчай, что спрашиваютъ: зачѣмъ ты опять сюда пришелъ? Вѣдь я тебѣ воспретилъ? Говори: воспретилъ?

— Это точно, что воспретили,—покорно согласился Леонтій и попятился къ двери, съ явнымъ намѣреніемъ выскользнуть изъ комнаты.

— Стой, стой!—окликнулъ его пономарь:—Что это у тебя въ рукахъ?

Леонтій проворно засунулъ записку за воротъ рубахи.

— Опять записку къ Федосѣичу? Опять выманилъ, разбойникъ? Зайди ты еще сюда разъ,—я тебѣ покажу кузькину мать. И какъ это хочется вамъ, Иванъ Николаевичъ, съ такою швалью связываться?—обратился пономарь къ учителю.—Угостить, такъ ужъ угостить человѣка хорошаго... Это я понимаю!—скромно добавилъ онъ.

— А ты, Левоха, когда мнѣ сорокъ копѣекъ отдашь?—грозно приступилъ онъ опять къ Леонтію.

— Скоро, Василій Васильевичъ, ей-ей, скоро. На дняхъ ужъ совсѣмъ приготовился отдавать, да Иво-Васиху встрѣтилъ. Такая взбалмошная баба,—отдай да отдай ей долгъ.

Ну, я и отдалъ. Думаю, чтó съ темной бабой связываться. Василій Васильичъ, думаю,—человѣкъ образованный, подождетъ: два класса семинаріи, какъ бы то ни было, прошелъ!—сказалъ Леонтій, обращаясь ко мнѣ.

Но пономарь не поддался на эту лесть...

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай... Лучше подай-ка сюда записку! — сказалъ онъ рѣшительно, направляясь къ Леонтію.

Но тотъ, по мѣрѣ приближенія пономаря, пятился къ двери и, наконецъ, ощупавъ скобу, моментально вылетѣлъ изъ комнаты и кубаремъ скатился по лѣстницѣ. Черезъ минуту онъ уже бѣжалъ вдоль деревни, къ кабаку.

Пономарь тяжело опустился на стулъ и мрачно уставился въ полъ.

— Тяжело мнѣ, учитель!—пробурчалъ онъ.

— Почему же, Василій Васильичъ?—участливо спросилъ учитель.

— Вчера попову кухарку съ просвирней побилъ,—мрачно пояснилъ пономарь.

— Гмъ! Такъ вѣдь тяжело-то въ такихъ случаяхъ бываетъ побитому?—усомнился учитель.

— Ну, что имъ!.. Попова кухарка съ утра къ благочинному побѣжала и рубаху, подлая, захватила... Изорвалъ я на ней рубаху вчера... А все вѣдь изъ-за попа...

— Какъ? Развѣ отецъ Иванъ уже пріѣхалъ?

— Нѣтъ, сегодня пріѣдетъ...

— Такъ какъ же вы, говорите, изъ-за него съ кухаркой и просвирней... разсорились?

— Какое разсорился? И не думалъ ссориться... Что я—звѣрь, въ самомъ дѣлѣ, какой, чтобы со всѣми ссориться?—вдругъ обидѣлся пономарь.

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, что отецъ Иванъ поручилъ мнѣ приглядывать за домомъ... Поняли? Ну, вотъ, иду... Иду это я вчера мимо его дома, а тамъ этотъ аспидъ — просвирня сидитъ. Ну, я немного, признаться, выпивши былъ; мнѣ и покажись, что кухарка койташъ *) устроила на батюшкино добро... Ну, я и того... поучилъ немного кухарку... А тутъ и просвирня, чортъ ее знаетъ какъ, подвернулась,—добавилъ онъ со вздохомъ...—Должно быть, и ту задѣлъ. Такъ, не очень... Одна только бѣда: пригрозилъ ей съ пьяну: „не попадайся, говорю, во второй разъ, а то и совсѣмъ убью!"—А она, язва, собрала народъ, встала на колѣни и кричитъ: „Слушайте, говоритъ, православные,—если найдете, говоритъ, мое мертвое

---

*) Койташъ—пирушка.

тѣло, то такъ и знайте, что меня пономарь порѣшилъ"... Вотъ вѣдь стерва! А вдругъ, чортъ ее возьми, она и впрямь окачурится: вѣдь ей ужъ за 60 перевалило... Я долженъ тогда отвѣтить... Учитель, будь другъ, посовѣтуй, что дѣлать?—хриплымъ басомъ закончилъ пономарь.

— Не знаю, право...—сказалъ учитель.—Нужно бы водку перестать пить,—это главное. Да нужно, конечно, купить новую рубаху кухаркѣ.

— Ну, что же, чортъ съ ней, пожалуй, куплю,—рѣшилъ пономарь.

— Потомъ успокоить просвирню и у обѣихъ попросить прощенія...

— Этого не могу!—отвѣтилъ пономарь съ мрачной рѣшительностью.

— Почему же? Вѣдь вы признаете себя виноватымъ?

— Виноватъ-то, пожалуй, попъ, а не я...

— Дрался-то кто?

— Да развѣ это драка? Думаете, я ихъ билъ, какъ слѣдуетъ?..

Пономарь вдругъ воодушевился, вскочилъ со стула и засучилъ рукавъ.

— Да если бы я разъ далъ, какъ слѣдуетъ, то однимъ бы взмахомъ...—при этомъ онъ потрясъ своимъ громаднымъ кулачищемъ передъ носомъ учителя,—тутъ бы и конецъ... А я... я... деликатно!—скромно докончилъ онъ, опуская кулакъ.

— Ну, какъ знаете. По моему, разъ оскорбилъ человѣка и хочешь съ нимъ помириться, такъ нужно просить прощенія.

— Гмъ!..—пробурчалъ пономарь: — это у бабъ прощенія просить?.. Пожалуй, послѣ укорять... А не помирись, — отъ благочиннаго достанется. Иванъ Николаевичъ, — закончилъ онъ неожиданно:—сходи ужъ ты, попроси прощенія.

— Да вѣдь дрался-то не я, а вы.

— Ну, это все равно. Скажи, дескать, и я то же самое думаю... Понялъ? Что ты говоришь, я это самое думаю...

— Нѣтъ, не годится... Развѣ ужъ вмѣстѣ?—сказалъ учитель.

Пономарь опять уставился глазами въ полъ, подперся руками и сталъ издавать какіе-то звуки, похожіе на рычаніе.

— Э-эхъ!—крякнулъ онъ съ досадой...—Ну, сходимъ, когда такъ, завтра... сегодня не хочется, нездоровъ.

— Нѣтъ, ужъ идти, такъ сейчасъ.

— Не могу, ноги не несутъ... Вотъ что: сходи ты, учитель, напередъ, поговори и узнай, какъ онѣ примутъ. А то вѣдь, въ случаѣ чего, — я прямо тебѣ говорю: конфузу не вынесу... опять побью!— фаталистически заключилъ пономарь.—Сдѣлайте милость, Иванъ Николаевичъ, ужъ сходите!

— Ну, хорошо,—согласился учитель,—будетъ свободное время,—схожу.

Пономарь просіялъ, а учитель посмотрѣлъ на меня и глубоко вздохнулъ.

III. На рѣкѣ.

На рѣкѣ все шла работа съ плотами, которые стали на мель. Солнце уже садилось, было тихо, и только съ рѣки отчетливо доносилась нескладная зырянская пѣсня. Но вотъ, она вдругъ затихла. Плоты, видимо, снялись съ мели. Но суетня на нихъ не только не прекратилась, а, стала, какъ будто, еще сильнѣе. Мужики, сдвинувшіе плоты, одинъ за другимъ вползали на нихъ изъ воды, и дремавшіе берега огласились взрывомъ ругательствъ и криковъ, которые гулко понеслись по рѣкѣ.

— Спорятъ о чемъ-то?—спросилъ я у пономаря.

— А это, должно полагать, еще водки просятъ... — отвѣтилъ тотъ.—Вонъ подрядчикъ, въ кумачной рубахѣ и поддѣвкѣ, стоитъ, руками размахиваетъ,—вѣрно больше давать не хочетъ.

Крики и ругательства усиливались. Вдругъ на плотахъ все зашевелилось и слилось въ общую кучу... Въ воздухѣ, надъ головами галдящей толпы, показались чьи-то ноги, потомъ мелькнула человѣческая фигура и грузно полетѣла въ воду, за ней другая, третья... Въ одно мгновеніе рѣка вспѣнилась отъ летящихъ въ воду человѣческихъ тѣлъ, выплывавшихъ, снова лѣзшихъ на плоты и опять сбрасываемыхъ оттуда. На рѣкѣ происходила настоящая битва. Противники бросали и толкали другъ друга въ воду. Смѣшанный гулъ ругательствъ стоялъ надъ мѣстомъ битвы...

— Вонъ, въ бѣлыхъ гачахъ—это наши, а въ синихъ—плотовщики!—объяснилъ мнѣ пономарь.

Синіе усиленно толкали бѣлыхъ въ воду, но и бѣлые не унывали: чрезъ минуту они выплывали опять на поверхность рѣки и, отфыркиваясь, лѣзли на абардажъ. Синіе тоже нерѣдко описывали параболы въ воздухѣ и шлепались въ воду. Подрядчикъ дѣятельно управлялъ плотовщиками и самъ участвовалъ въ битвѣ. Онъ сбросилъ съ себя поддѣвку, и видно было, какъ отъ его мощныхъ рукъ направо и налѣво ныряли бѣлыя гачи.

— Здорово дерутся... Ловко... Вотъ какъ наши, вотъ какъ наши... Молодцы... Не выдавай, не выдавай... Жары!.. Ха, ха, ха...—все болѣе и болѣе воодушевлялся пономарь, слѣдя за

ходомъ битвы. Онъ сжималъ кулаки, топтался на мѣстѣ и вообще выказывалъ знаки величайшаго волненія, словно находился на самомъ мѣстѣ битвы, которая, между тѣмъ, продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Вдругъ бѣлыя гачи придумали новый маневръ: онѣ не ползли уже на плоты, а, дружно схватившись за края плотовъ и за веревки, которыми недавно стаскивали плоты съ мели, теперь потянули ихъ обратно... Опять послышалась нескладная пѣсня...

На плотахъ скоро поняли маневръ враговъ, но сопротивленіе было напрасно. Бѣлыя гачи, какъ муравьи, копошились около плотовъ, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ караванъ, видимо, тронулся опять въ сторону мели.

— Батюшки! — вскричалъ пономарь, — опять на мель тащутъ... Вотъ это ловко!

Было очевидно, что маневръ удастся. Разгоряченные выпитой уже водкой и дракой, зыряне озвѣрѣли и, издавая дикіе крики, похожіе на вой голодныхъ волковъ, съ удивительною быстротой уничтожали все, что было достигнуто такими продолжительными трудами; плоты все приближались къ берегу, гдѣ выдавалась большая песчаная коса. Видно было, какъ на плотахъ, въ отчаяніи, метался приказчикъ: онъ уже не кричалъ, а только безсмысленно топтался на одномъ мѣстѣ... Прошло минуты три, и передовые плоты уткнулись въ песокъ. Приказчикъ соскочилъ съ плотовъ въ воду, за нимъ выскочили плотовщики. Завязалась отчаянная свалка, въ которой уже ничего нельзя было разобрать.

Скоро изъ деревни къ берегу примчался на лошади урядникъ.

Въ это время въ противоположной сторонѣ рѣки, далеко, почти на самомъ горизонтѣ, показался дымокъ. Изъ церковной ограды выбѣжалъ сторожъ, все время, съ ранняго утра, сидѣвшій на колокольнѣ и смотрѣвшій на рѣку. Онъ направился къ телѣгамъ, стоявшимъ близъ церкви и огородовъ, и звонко кричалъ на всю деревню: „Пароходъ идетъ!“

Деревня вдругъ ожила. По улицѣ забѣгали бабы, ребята, оставшіеся дома мужики; пріѣхавшіе изъ другихъ деревень быстро запрягали лошадей. Скоро вся деревня огласилась скрипомъ телѣгъ, ржаньемъ застоявшихся лошадей и веселымъ говоромъ народа. Телѣги начали спускаться къ берегу рѣки, за ними валилъ народъ. Впереди всѣхъ, обгоняя лошадей, мчалась босая, бѣлоголовая и всегда веселая зырянская „челядь“ *). Большая толпа зырянъ двигалась отъ плотовъ; очевидно, и тамъ замѣтили приближеніе парохода...

*) Челядь—ребята до 18 лѣтъ.

Весь берегъ оживился, точно наступилъ великій праздникъ. Общее настроеніе невольно сообщилось и намъ, непосредственнымъ зрителямъ страданій сидѣвшаго безъ хлѣба народа. Мы одѣлись и тоже пошли на рѣку.

Берегъ уже весь былъ уставленъ телѣгами и усыпанъ толпой. Нѣкоторыя домовитыя зырянки успѣли запастись молокомъ, сметаною, яйцами и, въ надеждѣ выгодной продажи, энергично пробирались черезъ густую стѣну народа. Челядь лежала на пескѣ или сидѣла на берегу, свѣсивши ноги въ воду. Сотни глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ были устремлены въ ту сторону, откуда виднѣлся дымокъ. Шли оживленные, но негромкіе разговоры.

— Ну, а что, какъ пароходъ муки не везетъ?— говоритъ по-зырянски истощенный голодомъ, желтый, скуластый зырянинъ въ бѣломъ азямѣ, пріѣхавшій изъ дальней деревни.

— Какъ такъ не везетъ?—протестуетъ другой:—говорили, пароходъ будетъ съ хлѣбомъ, недѣлю назадъ самъ въ Усть-Вымѣ слышалъ.

— Отчего же, если такъ, за пароходомъ баржи не видно?— продолжаетъ сомнѣваться желтый мужикъ.—Одинъ пароходъ много ли привезетъ?.. Эй, Тимо-Вась *),—обращается онъ къ сторожу,—видѣлъ ты съ колокольни: ведетъ за собой пароходъ, или нѣтъ?

— Вотъ ужъ, господа честные, не могу этого вамъ доподлинно сказать, — отвѣчаетъ по-русски сторожъ, бывшій солдатъ, — не видно этого... Только слышалъ, что будетъ пароходъ Ельцова, и безпремѣнно съ мукой. Вотъ теперь, значитъ, надо смотрѣть по трубѣ: ежели есть на трубѣ бѣлая полоса, значитъ — пароходъ Ельцова, стало-быть, съ мукой.

Зыряне молчаливо смотрятъ вдаль... Пароходъ, сначала казавшійся точкой, постепенно растетъ.

— Бѣлая полоса!—радостно вскрикиваетъ желтый зырянинъ.

Минуты черезъ три пароходъ медленно выплываетъ на середину рѣки. Теперь его уже совсѣмъ видно; онъ ведетъ за собой небольшой паузокъ **). Паузокъ сильно загруженъ,—бока его чуть-чуть возвышаются надъ водой. На берегу оживленіе растетъ. Сомнѣнія исчезли... Челядь начиняетъ громко визжать, прыгать, кататься по землѣ.

— А вѣдь павузокъ-то малъ, — скептически замѣчаетъ опять желтый мужиченко,—хлѣба, пожалуй, на всѣхъ и не хватитъ?

*) Василій Тимоѳеевичъ.

**) „Паузокъ"—родъ баржи.

— И что это, братцы, за чирей такой, — вдругъ возмущается сторожъ,—такъ и свербитъ, такъ и колетъ. Что ты народъ обезкураживаешь раньше время? Ежели бы и зналъ, что муки нѣтъ, такъ говорить долженъ, что есть, для поддержанія духу! Понимаешь? Злобный ты человѣкъ!

Злобный человѣкъ съ виноватымъ видомъ скребетъ у себя подъ шапкой и еще болѣе сосредоточенно вглядывается въ приближающійся пароходъ. Пароходъ, описывая по рѣкѣ большой полукругъ, идетъ къ нашему берегу. На носу приготовляютъ якорь и чалку. Немногочисленные пассажиры скучились около капитанской будки, на мостикѣ; впереди всѣхъ стоитъ духовное лицо въ широкополой шляпѣ. „Попасъ пріѣхалъ",—объясняетъ мнѣ сосѣдъ. Палуба парохода и паузокъ загружены кулями муки. Мужики радостно переминаются, пробираются впередъ. Повеселѣлъ и желтый мужикъ: онъ самодовольно потираетъ руки и расталкиваетъ сосѣдей, стараясь выбраться поближе къ пароходу. Раздается свистокъ, и пароходъ медленно пристаетъ къ берегу. Громко визжитъ цѣпь спускаемаго въ воду якоря; на берегъ летитъ чалка, которую быстро подхватываетъ зырянская челядь и съ крикомъ и смѣхомъ тащитъ вверхъ по косогору къ развѣсистой березѣ. Подается трапъ. Паузокъ тоже пристаетъ къ берегу.

Зыряне быстро кинулись по трапу, едва онъ былъ перекинутъ на берегъ.

— Постой, не лѣзь, куда прешь, зырье проклятое? — кричитъ изъ своей будки капитанъ, высокій, рыжебородый мѣщанинъ, въ кожаномъ пиджакѣ.—Дай пассажиру пройти... Не пускать! Бей ихъ въ морду!—обращается онъ къ матросамъ, стоящимъ у борта.

Капитанская команда немедленно приводится въ исполнеиіе, и первые изъ достигшихъ уже борта парохода, оторопѣло, почесывая въ затылкахъ, пятятся назадъ подъ ударами матросовъ.

По трапу сходятъ на берегъ пассажиры: студентъ, два солдата и еще нѣсколько неопредѣленныхъ личностей. Всѣ устремляются къ зырянкамъ, стоящимъ съ молокомъ и яйцами; завязывается оживленный торгъ.

Въ заключеніе, появляется мѣстный батюшка, нагруженный всевозможными свертками. Пассажиры вышли уже всѣ; трапъ свободенъ. Зыряне опять одинъ за другимъ тѣснятся къ пароходу; передовые осторожно начинаютъ подниматься по трапу.

— Сказано вамъ: не ходить сюда!—опять грозно кричитъ капитанъ.—Жарь ихъ, во что попало!—говоритъ онъ матросамъ.

Но на этотъ разъ зыряне уже держатъ себя осторожнѣе: на самый пароходъ они уже не всходятъ, а лишь жмутся на трапѣ,—поэтому „жарить“ не приходится.

— Мучки бы намъ, ваше степенство! — тоскливо говорятъ они.

— Погодите, чего торопитесь?—отвѣчаетъ капитанъ.—Небось, давно голодаете, да не поколѣли, а теперь полчаса подождать не можете. Идите на павузокъ, оттуда вамъ отпустимъ. Эта мука въ городъ.—Зыряне сходятъ съ трапа и объясняютъ заднимъ, въ чемъ дѣло. Всѣ направляются теперь къ паузку.

Оставивъ Ивана Николаевича разговаривать съ пріѣхавшимъ священникомъ, я пошелъ вслѣдъ за мужиками.

По паузку важно расхаживалъ „довѣренный“ купца, отправившаго хлѣбъ, съ засаленною книжкою въ рукахъ, и повѣрялъ кули съ мукой.

— Ну, что, комьясъ, за мукой?—говоритъ онъ зырянамъ:— Не лѣзьте, не лѣзьте, погодите, дайте срокъ... Смотри у меня,— я те покажу! Дай вотъ этому по шапкѣ!—приказываетъ онъ рулевому...

— Господи, Боже мой,—слышу я унылую зырянскую рѣчь,— когда же намъ хлѣбушка дадутъ? Лошади совсѣмъ изморились, у самихъ кишки подводитъ; хоть бы за-свѣтло привелъ Господь домой пріѣхать.

— Ну, комьясъ,—кричитъ, наконецъ, съ паузка „довѣренный“, пряча книжку въ карманъ,—теперь можете покупать муку. Проголодались, небось, сукины дѣти? Молите Бога за нашего хозяина. Совсѣмъ было отдумали муку къ вамъ везти, да случайно прослышали, что скоро съ голоду подохнете. Мука дешевая: по рублю семи гривенъ съ пудика.

— Дороговато, ваша милость,—осмѣливается замѣтить все тотъ же желтый зырянинъ (на этотъ разъ онъ говоритъ порусски).—Я слышала, хлѣбъ въ У. много дешевле.

„Довѣренный“ принимаетъ обиженный видъ.

— Ты слышала? — кричитъ онъ.—Эхъ, ты, зырье! „Слышала“,—ну, такъ и отправляйся въ У., покупай тамъ. Развѣ тебѣ кто насильно муку навязываетъ? Хошь,—я тебѣ муки не дамъ? Хошь, али нѣтъ?—подскакиваетъ „довѣренный“ къ протестанту.

— Воля ваша.. Я такъ только сказала...—говоритъ желтый мужикъ упавшимъ голосомъ.

— Слышала... сказала...—передразниваетъ „довѣренный“:— Вамъ добро дѣлаютъ, а вы не понимаете... А ты, вотъ, еще и народъ мутишь.. Смотри у меня... Ну, комьясъ, комьясъ, берите муку, вынимайте деньги,—въ каждомъ кулѣ по восьми пудовъ.

Начинается продажа муки. Зыряне достаютъ изъ кармановъ, отвязываютъ съ ворота кошели и тряпицы съ деньгами и бережно пересчитываютъ свои капиталы; взваливаютъ другъ другу кули на спину и торжественно сходятъ съ ними по трапу на берегъ. Иногда кули покупаются компаніей человѣка въ два, три. На берегу и на паузкѣ идутъ оживленные переговоры между компаньонами по покупкѣ. Около перенесенныхъ на берегъ кулей стоятъ кучки мужиковъ съ чадами и домочадцами. Весь берегъ покрывается мучною пылью. Она же покрыла спины зырянскихъ азямовъ и легла замѣтнымъ слоемъ на многія лица.

— Да ты пощупай, ткни ты рукой въ середку: вѣдь вся-то она, какъ есть, сырая,—услышалъ я знакомый голосъ. Говорилъ опять неугомонный желтый зырянинъ. Онъ по локоть опустилъ свою руку въ раскупоренный куль муки и увѣщевалъ сдѣлать то же своего компаньона по покупкѣ— сѣдого старика.

— Ужъ если раскупорили, то не возьмутъ назадъ,—флегматично замѣтилъ старикъ. — Надо ѣсть, какую дали. И то слава Богу... Недѣлю безъ хлѣба питались рыбой да ягодами. А мука вѣрно, что сыровата...

Старикъ досталъ горсть муки и глубокомысленно сталъ жевать.

— Если намъ не дадутъ, то пусть другіе настоящую муку получатъ,—не унимался протестантъ.—Комьясъ,—закричалъ онъ четыремъ запоздавшимъ зырянамъ, которые быстро бѣжали къ паузку, отирая на ходу струившійся потъ:—Комьясъ! Хорошая мука на пароходѣ, просите тамъ. Здѣсь сырая.

Спѣшившіе остановились, затоптались на мѣстѣ и не знали, что предпринять.

— Идите, идите туда. Пойдемъ вмѣстѣ. Комьясъ!—громко обратился онъ уже ко всѣмъ, суетившимся вокругъ него зырянамъ,—пойдемъ просить капитана, чтобы намъ обмѣнили муку. Что же это такое? Ждали, ждали, заплатили хорошія деньги, а намъ, вонъ, что дали!

— Вѣрно, вѣрно, сырая мука,—согласились кругомъ.

Вскорѣ слова „сырая“ и „подмоченная“ облетѣли весь берегъ. По адресу желтаго зырянина со всѣхъ сторонъ послышались одобрительныя восклицанія...

— Вѣрно говоритъ Иво-Вась-зять *), молодецъ Иво-Вась-зять... Надо просить другой муки... Мы деньги платимъ!— слышалось всюду.

Скоро желтаго зырянина окружили тѣсною толпой; всѣ двинулись къ пароходу. Тамъ сейчасъ же замѣтили прибли-

*) Иво-Васъ-зять—зять Василія Ивановича.

женіе зырянъ и, очевидно, хорошо поняли, въ чемъ дѣло. Капитанъ спустился внизъ и остановился у трапа, принявши грозный, боевой видъ. Около него собралась кучка служащихъ на пароходѣ; видны были даже колпакъ повара и жирная фигура буфетчика.

Желтый мужикъ выдѣлился изъ толпы и взошелъ на трапъ; за нимъ потянулись мужики, не успѣвшіе купить муки.

— Ваше степенство,—робко началъ желтый мужикъ,—вотъ эти мужики хотятъ муки купить.

— Идите на паузокъ, сказано вамъ?—сердито крикнулъ капитанъ.

— Тамъ, ваше степенство, мука сырая, никуда не годится.

Лицо капитана мгновенно багровѣетъ.

— Что? Что ты сказалъ? Мука не годится? Ты народъ смутьянить?—Капитанъ схватилъ за воротъ желтаго зырянина и сталъ трясти его изо всѣхъ силъ.—Вы, собаки, съ голоду поколѣвали, мы вамъ помогли, а вы вонъ что?! Мука—вамъ не мука. Круглый годъ кору съ деревьевъ лопаютъ, а тутъ и прихоти пошли... Чортъ ты этакой! Что ты, говорю, народъ смутьянишь? Въ Сибирь захотѣлъ? Я те покажу... Я тебя упеку...—И капитанъ съ каждымъ словомъ энергично потрясалъ воротомъ Иво-Вась зятя, вдругъ принявшаго видъ человѣка, ко всему равнодушнаго и покорнаго судьбѣ.

— Сходите за урядникомъ!—обратился капитанъ къ матросамъ, все не выпуская изъ рукъ бѣднаго зырянина.

— Я ничего худого не говорила, ваше степенство,—обратился желтый зырянинъ къ капитану, съ трудомъ выговаривая слова (такъ крѣпко сжала его шею капитанская рука).— Я только сказала, мука сырая, и она вѣрно, что сырая... Освободите, ваше степенство!

Зырянинъ казался въ эту минуту безконечно жалкимъ. Но капитанъ былъ неумолимъ и еще сильнѣе затрясъ его воротомъ.

Зыряне, шедшіе вмѣстѣ съ Иво-Вась-зятемъ къ пароходу, теперь въ испугѣ жались на берегу. Не успѣвшіе купить муки съ понурыми головами направились къ паузку. Всѣмъ было не по себѣ, а при упоминаніи объ урядникѣ у многихъ зачесалось въ затылкѣ... Послышались даже ругательства по адресу Иво-Вась зятя, который вѣчно-де впутаетъ въ какую-нибудь исторію.

— Не пускай его, ребята, за урядникомъ!—крикнулъ пьяный голосъ, принадлежавшій, очевидно, одному изъ сражавшихся на плотахъ.—Слова эти относились къ матросу,

который, по приказанію капитана, отправился по направленію къ селу.

Нѣсколько человѣкъ загородили дорогу матросу; но немедленно же раздались голоса, порицавшіе такой образъ дѣйствій: матросъ свободно прошелъ между зырянами и побѣжалъ къ деревнѣ.

Вскорѣ на пароходѣ показался „довѣренный".

— Чего они тутъ галдятъ?—обратился онъ къ капитану, грозно осматривая мужиковъ.

— Да вотъ, говорятъ, хлѣбъ не хорошъ...

— Сволочи!—искренно вознегодовалъ довѣренный.—Ихъ отъ голодной смерти спасаютъ, а они вонъ что выдумали...

— Лѣзутъ, галдятъ... Бунтъ настоящій... Вотъ самый первый смутьянъ,—онъ ихъ настроилъ: самъ своими ушами слышалъ!—говорилъ капитанъ, тыкая свободною рукой въ желтаго зырянина.

— Ты знаешь, что за бунтъ полагается?—приступилъ „довѣренный" къ зырянину.—Мы тебѣ покажемъ, что значитъ народъ смущать!

Иво-Вась-зять теперь принялъ окончательно жалкій видъ и тоскливо бормоталъ что-то въ свое оправданіе.

— Смотрите вы у меня! Я васъ всѣхъ упеку!—кричалъ „довѣренный" уже всѣмъ мужикамъ, собравшимся около парохода.

— Мы что... мы ничего не дѣлали,—послышались робкіе голоса.—А что мука подмочена, такъ вѣдь это видно сейчасъ...

— А? Такъ вы все свое?—закричалъ, выходя изъ себя, „довѣренный".—Ну, хорошо. Вы за это отвѣтите. Всходили они на пароходъ? Можетъ, сломали что-нибудь? Ничего не сломали? Жалко. А вотъ у трапа перила шатаются... Хорршо-съ... Послали за урядникомъ?

— Послано,—сказалъ капитанъ.

— Отлично!—одобрилъ „довѣренный". Мы сдадимъ этого голубчика уряднику и составимъ протоколъ. Завтра я напишу приставу... Бунтовать? Трапы портить? Мы вамъ покажемъ кузькину мать... Маршъ отъ парохода. Десятскіе здѣсь?

— Вотъ десятскій, ваше степенство,—отвѣчало нѣсколько голосовъ, указывая на желтаго зырянина.

— А, такъ ты еще и десятскій? Ты, значитъ, другихъ долженъ порядку да покорности учить, а ты самъ бунтуешь? Ну, попадетъ тебѣ за это!—злобно говорилъ „довѣренный".

— Я сотскій, ваше степенство,—сказалъ, вылѣзая изъ толпы тучный, рыжій зырянинъ.

— Держи его пока, а потомъ мы его уряднику сдадимъ.—Капитанъ передалъ сотскому желтаго зырянина, который теперь едва держался на ногахъ отъ страха и голода.

— Эхъ, Иво-Вась-зять,—говорилъ сотскій, сводя желтаго зырянина по трапу, — напрасно ты всегда лишка говоришь.

Въ это время раздался женскій визгъ. Всѣ, не исключая сердитаго капитана и „довѣреннаго", невольно обратили свои взоры въ ту сторону, откуда несся визгъ.

Бабы казались чѣмъ-то крайне обезкураженными; онѣ съ неистовствомъ махали руками и прятали за спины своихъ дочерей, посылая по чьему-то адресу самые нелестные эпитеты. Слышались слова „пропойца", „безстыдникъ" и многія другія, еще болѣе крѣпкія. Я также оглянулся, и обомлѣлъ.

Мой знакомый „умственный" портной Леонтій, въ костюмѣ Адама до грѣхопаденія, несся во весь духъ чрезъ толпу зырянъ, нарочно выбирая мѣста наибольшого скопленія бабъ и дѣвокъ. Онъ былъ мокръ, на немъ еще блестѣла вода; очевидно, онъ купался и только что выскочилъ изъ воды. Завидѣвъ меня, Леонтій немедленно же устремился въ мою сторону, издавая торжествующіе клики: видно было, что онъ былъ очень доволенъ своей оригинальной идеей,—и даже ждалъ сочувствія.

Мое положеніе было незавидное. Напрасно я оглядывался кругомъ, въ надеждѣ какъ-нибудь ускользнуть отъ взоровъ своего оригинальнаго знакомаго; чрезъ нѣсколько мгновеній я рисковалъ попасть въ его мокрыя объятія, но на этотъ разъ судьба сжалилась надо мной. Нѣсколько бурлаковъ выскочило изъ толпы и преградило дорогу Леонтію. Его немедленно подвели къ мѣсту, гдѣ лежали гачи и рубаха, натянули эти статьи туалета на надлежащія части тѣла и сдали Леонтія подоспѣвшему сотскому.

Вдали показался на взмыленной лошади урядникъ. Навстрѣчу ему сотскій потащилъ Леонтія.

— Что надѣлалъ?—коротко и грозно спросилъ урядникъ десятскаго, утирая рукавомъ обильно струившійся потъ съ багрово-мѣднаго лица. Урядникъ былъ сильно взволнованъ, лицо его передергивало; было очевидно, что онъ поработалъ уже довольно.

— Нагишомъ, ваше благородіе, при народѣ бѣгала!—отрапортовалъ десятскій.

— Въ холодную при волостномъ... на трое сутокъ!—отрѣзалъ урядникъ.

Леонтію этотъ приговоръ не понравился. Онъ гордо поднялъ голову и заявилъ:

— Трои сутки—много... Разсержусь!

Къ моему удивленію, заявленіе Леонтія произвело впечатлѣніе на урядника, онъ задумался и уже значительно мягче произнесъ:

— Вѣдь накуралесилъ, значитъ—и отсиживай. Какъ же иначе?

— Разсержусь,—упрямо настаивалъ Леонтій.—Не люблю на одномъ мѣстѣ сидѣть: характеръ у меня не такой... Много трои сутки... Что я такое сдѣлалъ? Эка бѣда: нагишомъ пробѣжалъ! Кого стыдиться-то? Зырья? Такъ они сами ходили бы, можетъ, голыми, кабы не я. Нѣтъ, не серди ты меня, Иванъ Семенычъ. Разсердишь,—ни за какія деньги шить не зазовешь...

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это объясненіе, но прибѣжавшій съ парохода матросъ пригласилъ урядника для разбирательства дѣла съ желтымъ зыряниномъ и прочими бунтовщиками.

Урядникъ, очевидно, радъ былъ поскорѣе развязаться съ Леонтіемъ. Оставивъ Леонтія съ сотскимъ, онъ поворотилъ свою лошадь къ пароходу. Леонтій былъ крайне недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Долго слышались его ругань и угрозы по адресу урядника, когда онъ поднимался въ гору вмѣстѣ съ мужикомъ, крѣпко державшимъ его за руку.

— Вотъ какова наша служба,—обратился ко мнѣ урядникъ.—Это не то, что ваше дѣло—въ книжкѣ читать. Сейчасъ только съ плотовъ возвратился: цѣлый часъ воевалъ, а тутъ вотъ опять дѣла... Видѣли, что на плотахъ-то творилось?

Я сказалъ, что видѣлъ драку, и что плоты снова посажены на мель.

— Только и видѣли? Ну, такъ это, скажу вамъ, далеко не все...

Урядникъ остановилъ лошадь:

— Какъ только наши черти плоты на мель натащили, такъ плотовщики съ нихъ и сбѣжали въ лѣсъ. Ищи вѣтра въ полѣ. Подрядчикъ хлѣба не давалъ,—негдѣ было взять... А плоты стали ужъ три дня назадъ; сначала подрядчикъ думалъ своими средствами обойтись, да не тутъ-то было: у голоднаго какая сила? Да и въ песокъ очень ужъ засѣли. Вотъ теперь, значитъ, какъ плоты опять на мели очутились, плотовщики и рѣшили, что лучше бѣжать, чѣмъ сидѣть тутъ, Богъ знаетъ—сколько время, да еще на голодное брюхо.

— Что же вы теперь станете дѣлать?—спросилъ я.

— Что же дѣлать? Вотъ протоколъ составлю... а больше дѣлать нечего... Подрядчика дѣло плохое. Онъ имъ впередъ больше половины денегъ отдалъ, а плоты взялся доставить на срокъ. Теперь неустойку придется заплатить! Раззоръ форменный. Очумѣлъ вовсе: бросился было бѣжать вдогонку, а потомъ подперъ голову руками, да такъ и замеръ: сидитъ себѣ на плотахъ, какъ статуй какой... Правда, паспорты у него, да скоро ли взыщешь по нимъ, а вѣрнѣе, что и пла-

тить-то многимъ нечѣмъ... Одначе, до свиданья! Вотъ тутъ, говорятъ, опять этотъ Иво-Вась-зять бѣдъ натворилъ. — И урядникъ вдругъ принялъ мрачный и угрожающій должностной видъ.

Я, воспользовавшись случаемъ, остановилъ урядника еще на нѣсколько минутъ и разсказалъ ему все, чему былъ свидѣтелемъ.

— Такъ, говорите, Иво-Вась-зять ничего особеннаго не сдѣлалъ? — спросилъ урядникъ, замѣтно остывая. Я еще разъ подтвердилъ полную невинность желтаго зырянина.

— Ну, хорошо! Такъ я его только попугаю... Ужъ безъ энтого нельзя... уваженія никакого не будетъ... Ладно, что вотъ вы попали, а то пришлось бы опять протоколъ составлять... Оно и то правда: оченно этотъ народъ пароходскій фордыбачитъ... Боюсь, чтобы и на меня не нажалобились: приставъ имъ первый другъ-пріятель.—И урядникъ поѣхалъ къ пароходу.

Я отправился домой, полный тяжелыхъ впечатлѣній, но довольный тѣмъ, что избавилъ ни въ чемъ неповиннаго Иво-Вась-зятя отъ протокола и сидѣнія въ холодной послѣ такого продолжительнаго голоданія.

Священника и учителя уже не было на берегу; они ушли домой. Было поздно. Солнце уже давно закатилось. Надъ рѣкой поднялся легкій туманъ, несло сыростью... Съ парохода раздался послѣдній свистокъ.

— Купи ягоды!—услыхалъ я сзади и, обернувшись, увидѣлъ догонявшую меня босую бѣлобрысую дѣвчонку, лѣтъ тринадцати.

— Что стоитъ?

— Дасъ уръ *) — отвѣтила дѣвчонка, подсовывая мнѣ чашку съ земляникой.

Я сталъ втупикъ.

— Десять копѣекъ?

— Нѣтъ, дасъ уръ,—твердила она.

Я вынулъ изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ монетъ и, разложивъ ихъ на рукѣ, предложилъ продавщицѣ:

— Возьми, сколько тебѣ нужно.

Та посмотрѣла на деньги и отрицательно замотала головой.

— Дасъ уръ, — настойчиво повторяла она. Въ это время къ намъ подбѣжалъ мальчишка, тоже босоногій, съ живыми синими глазами.

— Ивъ, Ивъ, — радостно закричала дѣвчонка, — локъ таче **)!

*) Дасъ уръ—десять бѣлокъ.

**) Иванъ! Иди сюда.

Мальчишка снялъ передо мной шапку и бойко спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Эхъ ты, живая душа, денегъ считать не умѣешь,—съ пренебреженіемъ сказалъ онъ дѣвчонкѣ.—А почто въ училище перестала ходить?

— Проситъ три копейки,—обратился ко мнѣ мальчуганъ.— Она изъ Тырмаса; тамъ деньги еще на бѣлки считаютъ. И у насъ старики тоже на бѣлки считаютъ.

— А дѣдушка говоритъ, что въ прежнее время всѣ такъ считали.

Я далъ дѣвчонкѣ, къ нескрываемому ея удовольствію, пятакъ и, забравши ягоды, продолжалъ путь. Мальчуганъ съ достоинствомъ зашагалъ рядомъ со мной.

— Видали, какой дуракъ Леонтій? — началъ онъ разговоръ.—Вишь, какую срамоту выдумалъ: нагимъ бѣгать. Ладно, пономаря не было, — онъ бы ему показалъ. Пономарь больно Леонтія не любитъ... Его да еще просвирню.

— А просвирню за что? — полюбопытствовалъ я.

— Штука одна Рождествомъ у насъ случилась,—серьезно разсказывалъ мой маленькій спутникъ, довольно правильно говоря по-русски.—Поѣхали мы славить,—я при попѣ всегда состою. Когда славить ѣздятъ, такъ у каждой подводы по двое ребятъ, чтобы наславленное въ мѣшки убирать, а подводъ много; въѣдемъ въ деревню, по всей улицѣ растянемся, будто обозъ въ Питеръ съ рябками *) идетъ. Первая подвода — попа, вторая — дьяконова, третья — пономаря, четвертая—просвирни, пятая—сторожа, шестая — другого сторожа, седьмая — старой попадьи, восьмая — стараго пономаря. У всѣхъ ребята на подмогу. У хозяевъ и столъ такъ накрывается. На каждомъ столѣ восемь кучъ: первая самая большая попу, а другимъ все меньше. Ежели попу положатъ пять ярушниковъ, пять шанегъ, пять яицъ, то старому пономарю полъ-ярушника, шаньгу, одно яичко да и только. И водкой вездѣ тоже по порядку угощаютъ. Просвирня водки не пьетъ, такъ съ собой посудинку возитъ и туда сливаетъ. Вотъ, въ одномъ домѣ прославили, и каждый за своей кучей потянулся. Вдругъ пономарь какъ дернетъ кулакомъ просвирню по рукѣ... „Что ты, говоритъ, воровка этакая, дѣлаешь? Развѣ, говоритъ, не вижу я, какъ ты изъ моей кучи яйцо заграбастала?“ Просвирня ревѣтъ: „Это, говоритъ, пономарь нарочно меня осрамить захотѣлъ“. Ладно, тутъ попъ на нихъ прикрикнулъ, они и унялись. А какъ изъ дому вышли, и давай ругаться. Пономарь, правда, не больно умѣетъ ругаться, онъ все рукой больше норовитъ...

*) Съ рябчиками.

А за то ужъ просвирня, — та умѣетъ: часа два безъ передышки, почитай, ругалась, и ничего, даже не охрипла. Сторожъ Тимо-Вась говоритъ ей: „Какъ тебѣ тяжко отъ этакой ругани не дѣлается?“ А она ему: „Мнѣ, говоритъ, совсѣмъ напротивъ: легче, когда я этого пса смердячаго отчитаю“. Такъ послѣ той поры и воюютъ. Самъ благочинный мирилъ... Говоритъ имъ: „Поцѣлуйтесь!“—а пономарь отвѣчаетъ: „Боюсь, ваше высокоблагословеніе, какъ бы она мнѣ носъ не откусила, лучше я три мѣсяца въ монастырѣ отсижу“. Такъ ничего и не вышло. Не помирились...

— Въ школѣ учишься?—спросилъ я мальчика, когда онъ замолчалъ.

— Окончилъ уже, — не безъ гордости отвѣтилъ мальчуганъ.—Скоро, вотъ, свидѣтельство на льготу получимъ... Вторымъ кончилъ!—добавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я похвалилъ. Мальчуганъ стыдливо засмѣялся.

— Первымъ бы кончилъ, да въ ариѳметикѣ слабѣе Сандра оказался; его первымъ и поставили, а по-русски — самъ учитель сказалъ, что я могу лучше Сандра говорить.

— А не надоѣло тебѣ учиться?—спросилъ я.

— Какое надоѣло,—еще бы поучился. Всѣ ребята у насъ училище любятъ, — бойко отвѣтилъ мальчуганъ, шагая рядомъ со мной.—Въ этомъ году у насъ случай вышелъ. Сторожъ возьми ключъ да и унеси. Пришли мы утромъ къ училищу, а оно заперто. Посмотрѣли на солнышко, видимъ, — скоро пора ученье начать. Вотъ и начали мы думать, какъ въ училище попасть. Думали, думали, да и вздумали. Одинъ за другимъ поползли по углу на балконъ, а съ балкона въ училище. Усѣлись и сидимъ. А учитель прибѣжалъ, видитъ—училище заперто; подумалъ, что, значитъ, ребята разбѣжались, пошелъ сторожа разыскивать. Отыскалъ сторожа, пришелъ съ ключемъ, отперъ, входитъ, а мы всѣ на своихъ мѣстахъ сидимъ. Учитель просто даже диву дался. „Да какъ вы, говоритъ, попали?“ Мы ему и разсказали, какъ попали. Учитель радъ былъ, долго смѣялся.

— Мы всѣ грамоту любимъ,—началъ снова мальчуганъ.— Грамоту какъ не любить? Вотъ возьмемъ хоть, къ примѣру, пароходъ, паромъ двигается... Заберешься иной разъ на пароходъ... Матросы не пускаютъ... Ну, украдкой посмотришь: точно, въ машинѣ паръ. Вотъ и про желѣзную дорогу читалъ,— тамъ тоже паръ. А бабушка у насъ, старый человѣкъ, сердится. Какой тутъ паръ, говоритъ; сама своими глазами видѣла, какъ въ Кіевъ ходила: запряженъ, говоритъ, дьяволъ, глазищи у него красные, кровью налились, а къ хвосту привязаны телѣжки. Я говорю: это никакъ не можетъ быть,

а она: „молодепекъ ты, говоритъ, со мною спорить, и учитель вашъ мальчишка. Какъ стали ребята учиться, и хлѣбъ родиться пересталъ. Голода пошли“...

Мы незамѣтно подошли уже къ самой деревнѣ.

— А на Иво-Вась-зятя составили таки протоколъ,—внезапно перешелъ онъ къ деревенской злобѣ дня.—Сначала урядникъ велѣлъ освободить. А капитанъ съ приказчикомъ и говорятъ: намъ становой знакомъ, мы и самого тебя отъ мѣста уволить можемъ. Урядникъ испугался и составилъ протоколъ...

Умный мальчуганъ быстро исчезъ изъ моихъ глазъ, поворотивши за уголъ дома, къ которому мы подошли. Это былъ домъ священника. Окна были освѣщены,—очевидно, въ домѣ еще не спали. На крыльцѣ я разсмотрѣлъ сидѣвшую фигуру. Это былъ самъ батюшка. Онъ подперся рукой и задумчиво смотрѣлъ на рѣку.

— А, вотъ и вы!—радостно заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.—Я васъ поджидаю. Пожалуйте чайку напиться; Иванъ Николаевичъ тоже у меня сидитъ.

Я съ удовольствіемъ принялъ любезное приглашеніе, и черезъ минуту пилъ чай съ ромомъ и прекраснымъ поляничнымъ вареньемъ. Батюшка пространно повѣствовалъ намъ о городскихъ новостяхъ и о своемъ путешествіи.

— Съ нашимъ пароходомъ маленькое несчастье приключилось, — говорилъ онъ пріятнымъ бархатнымъ баритономъ.—Доѣхали мы до Усть-Выма,—тутъ крутой такой поворотъ рѣка дѣлаетъ, а пароходъ на всѣхъ парахъ шолъ. Паузокъ, какъ сами изволили видѣть, маленькій; какъ пароходъ завернулъ за мысъ, такъ паузокъ на одинъ бокъ и повалило; думали—совсѣмъ затонетъ. Однако, ничего, только дюже воды зачерпнулъ. Ну, мука-то ужъ не знаю во что обратилась... Довѣренный вмѣстѣ съ нами на пароходѣ ѣхалъ. Я и говорю ему: „вотъ вѣдь вамъ изъянъ большой“... А онъ мнѣ: „ничего, говоритъ, мы этотъ изъянъ разложимъ на зырянъ“. Каково? Остроумецъ, право остроумецъ...

П. Щукинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ.

Повѣсть *Висенте Бласко Ибаньеса.*

Пер. съ испанскаго **М. В. Ватсонъ.**

Необъятная долина разстилалась подъ голубоватымъ сіяніемъ дня, занимавшагося широкой полосой со стороны моря.

Медленно глохли звуки, наполнявшіе ночь: журчаніе канавъ для орошенія полей, шопотъ камыша, лай бдительныхъ дворнягъ.

Деревня просыпалась. Крикъ пѣтуха передавался изъ дома въ домъ, съ колоколенъ громко раздавался звонъ къ ранней обѣднѣ, вторившій далекому звону церквей въ Валенсіи; изъ крестьянскихъ задворковъ несся нестройный концертъ: ржаніе лошадей, мычаніе благодушныхъ коровъ, блеяніе овецъ, хрюканіе свиней—шумное пробужденіе скотины, почуявшей ѣдкій запахъ растительности и потому рвавшейся поскорѣй на просторъ.

Воздухъ былъ наполненъ свѣтомъ—тѣни исчезали, а въ легкомъ предразсвѣтномъ туманѣ вырисовывались очертанія блестящей бѣлой шелковицы и плодовыхъ деревьевъ, волнистыя заросли тростника, заботливо вспаханныя красноватыя поля.

По дорогамъ, будто вереницы муравьевъ, двигались къ городу ряды черныхъ точекъ. Тутъ и тамъ, въ разныхъ концахъ долины раздавался скрипъ колесъ, звукъ лѣнивой пѣсни, прерываемой окрикомъ, понукающимъ животныхъ, и время отъ времени, словно трубный звукъ зари, разсѣкая воздухъ, несся отчаяннный ослиный ревъ, — протестъ четвероногаго парія противъ чрезмѣрныхъ требованій, обрушивающихся на него, лишь только зарождается день.

Вмѣстѣ со свѣтомъ и жизнь заливала всю долину, проникая во внутрь домовъ.

Двери скрипѣли, открываясь, а за ними виднѣлись про-

сыпающіяся бѣлыя фигуры, съ руками, закинутыми за шею; широко раскрывались хлѣва, выпуская изъ своихъ нѣдръ коровъ, овецъ, малорослыхъ лошадей.

У дверей крестьяне, отправляясь въ городъ, прощались съ остающимися.

— Добрый день!

— Добрый день!

И, поздоровавшись съ важностью людей, въ жилахъ которыхъ течетъ мавританская кровь, и которые не могутъ произносить привѣтствіе иначе какъ торжественнымъ тономъ, крестьяне умолками, если проходившій былъ незнакомъ; если же онъ былъ другомъ, ему поручали купить въ Валенсіи какую нибудь мелочь для домашнихъ надобностей.

Въ лачугу Тони, извѣстнаго во всей округѣ подъ прозвищемъ Пименто (Перецъ), вошла его жена Пепета, еще молодая и живая, но худая и блѣдная, истощенная малокровіемъ. Это была самая работящая женщина во всемъ селѣ. Вставала она въ три часа, навьючивала на себя корзины съ зеленью и овощами, собранными наканунѣ ея мужемъ съ причитаніями и проклятіями несчастной жизни, въ которой приходится столько работать—и въ темнотѣ, отыскивая ощупью дорогу, отправлялась въ Валенсію. А Пименто, этотъ удалецъ и забіяка, стоившій ей такъ дорого, продолжалъ храпѣть на супружеской постели въ теплой половинѣ, плотно закутавшись одѣяломъ.

Городскіе перекупщики хорошо знали эту женщину, которая еще до разсвѣта являлась на базаръ въ Валенсію и, сидя на своихъ корзинахъ, дрожа отъ холода подъ тонкой и изношенной накидкой, съ безсознательной завистью глядѣла на тѣхъ, кто пилъ кофе, и терпѣливо ждала покупателя.

Продавъ зелень, Пепета бѣгомъ возвращалась домой.

Здѣсь у нея было еще одно дѣло: послѣ продажи зелени — продажа молока. Выгнавъ изъ хлѣва рыжую корову, отъ которой не отставалъ ни на шагъ ея рыжій теленокъ, она вновь отправлялась съ нею въ городъ, съ прутомъ подъ мышкой и жестяной мѣркой въ рукахъ.

Толпа рабочаго люда, вливающагося въ Валенсію, переполняла мосты. Пепета прошла мимо рабочихъ съ котомками на плечахъ, остановилась у конторы сборщика для полученія квитанціи на нѣсколько грошей, которые ей ежедневно приходилось уплачивать, и затѣмъ отправилась по пустыннымъ улицамъ, оживляемымъ лишь однообразнымъ звономъ бубенчиковъ „Рыжей“. Покупатели были разсѣяны по всему городу. Пепета переходила изъ одной улицы въ другую, останавливаясь передъ запертыми дверьми, стуча здѣсь, и тамъ и не переставая издавать громкій и пронзительный

крикъ, который, казалось, не могъ исходить изъ ея плоской, изнуренной груди: „Молоко, молоко!“. Съ кувшиномъ въ рукахъ, заспанная, съ растрепанными волосами, въ туфляхъ спускалась къ ней служанка взять у нея молоко, или же его брала старая привратница въ мантильѣ, надѣтой на голову, чтобы идти къ обѣднѣ.

Въ восемь часовъ утра всѣ постоянные покупатели были уже удовлетворены. Пепета находилась теперь вблизи мрачнаго квартала „Рыбаковъ“, гдѣ пріютился дешевый развратъ.

И тутъ у нея бывалъ сбытъ: бѣдная крестьянка храбро проникала въ грязные закоулки, казавшіеся въ этотъ ранній часъ вымершими. Входя сюда, она всегда чувствовала какое-то безпокойство, какое-то инстинктивное отвращеніе; но она привыкла брать верхъ надъ этимъ ощущеніемъ и шла дальше съ нѣкоторымъ удовлетвореннымъ высокомѣріемъ, съ гордостью цѣломудренной женщины, утѣшая себя тѣмъ, что она, пригнетенная нуждой, все же стоитъ выше другихъ.

Изъ запертыхъ и безмолвныхъ домовъ неслось дыханіе шумнаго, дешеваго, не замаскированнаго распутства—запахъ вина и пота,—а изъ полуоткрытыхъ дверей, казалось, доносилось грубое и прерывистое дыханіе тяжелаго сна послѣ ночи, проведенной среди животныхъ ласкъ.

Кто-то окликнулъ Пепету. Въ дверяхъ, за которыми виднѣлась узенькая лѣстница, ей дѣлала знаки рослая дѣвушка, съ неприкрытой грудью, некрасивая, съ еще влажными отъ сна глазами, съ пятнами наложенныхъ накапунѣ румянъ на щекахъ.

Крестьянка, сжавъ губы съ выраженіемъ высокомѣрія и пренебреженія, подчеркивая этимъ разницу положеній, принялась выдаивать въ кувшинъ, поданный ей дѣвушкой, молоко „Рыжей“. Между тѣмъ, дѣвушка не отрывала глазъ отъ крестьянки.

— Пепета...—проговорила она съ неувѣренностью въ голосѣ, точно сомнѣваясь, она это или нѣтъ.

Пепета подняла голову, впервые взглянувъ на дѣвушку.

— Росаріо, это ты?

Да, это была она: она подтвердила это печальнымъ кивкомъ головы. Ужасъ и изумленіе охватили Пепету. Росаріо... Она здѣсь — дочь такихъ почтенныхъ родителей! — Какой стыдъ, Господи Боже!

Проститутка хотѣла было отвѣтить цинической улыбкой на негодующее восклицаніе крестьянки, съ апломбомъ человѣка, проникшаго въ тайну жизни и ни во что не вѣрящаго, но неподвижно устремленный на нее взглядъ ясныхъ глазъ Пепеты устыдилъ ее, и она опустила голову.

Нѣтъ, она не виновата.—Она работала на фабрикахъ, была горничной, но ея сестры, уставъ голодать, подали ей примѣръ, и вотъ она пріютилась здѣсь, то получая ласки, то принимая удары, пока, наконецъ, не издохнетъ... Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ нѣтъ отца и матери, семья обыкновенно кончаетъ такъ. Во всемъ виноватъ землевладѣлецъ, донъ Сальвадоръ, который теперь, навѣрное, горитъ въ аду.—Этакій вѣдь разбойникъ... погубилъ цѣлую семью!..

Пепета забыла свою первоначальную сдержанность и холодность, и тотчасъ же присоединилась къ негодованію дѣвушки. Это правда, какъ нельзя болѣе правда: — виноватъ тотъ скряга. Объ этомъ знаетъ вся округа. Господи Боже— какъ это погибаетъ цѣлая семья!.. А что за хорошій человѣкъ былъ бѣдный дядя Барретъ! —Еслибъ онъ поднялъ теперь голову изъ могилы и посмотрѣлъ на своихъ дочерей!.. Всѣмъ извѣстно, что несчастный ихъ отецъ умеръ два года тому назадъ, въ Сеутѣ, а бѣдная старуха-мать кончила жизнь на больничной койкѣ.

— Чего только не случается на свѣтѣ за какія-нибудь десять лѣтъ!—Кто бы могъ сказать ей и ея сестрамъ, жившимъ дома, какъ королевы, что онѣ кончатъ такимъ образомъ?—Боже, Боже, избави насъ отъ злого человѣка!

Воодушевившись разговоромъ, Росаріо, казалось, помолодѣла; ея мертвые глаза разгорѣлись при воспоминаніи о прошломъ. Что избушка ихъ?.. Что ихъ поля?.. Все еще продолжаютъ оставаться заглушенными — не такъ ли? — Это ее радуетъ—пусть же издохнутъ отъ злобы сыновья этого негодяя Сальвадора. Одно это ее утѣшаетъ — она очень, очень благодарна Пименто и всѣмъ имъ въ селѣ за то, что они не позволили никому обрабатывать поля, которыя по праву принадлежатъ ея семьѣ. И если бы кто пожелалъ овладѣть ими, средство уже найдено...—Выстрѣлъ изъ ружья—и все кончено.

Дѣвушка разгорячилась: въ ея глазахъ сверкали искры жестокости... Въ проституткѣ, привыкшей къ слѣпому подчиненію и ударамъ, просыпалась дочь полей, которая едва родится, — уже видитъ ружье, стоящее за дверями, а въ праздники съ наслажденіемъ вдыхаетъ пороховой дымъ.

Послѣ разговора о печальномъ событіи, любопытство, воскресшее въ Росаріо, наконецъ, устремилось на Пепету. Бѣдняга! Тѣломъ она настоящій скелетъ, а въ свѣтло-золотистыхъ ея волосахъ уже цѣлые пряди сѣдины, когда ей еще нѣтъ и тридцати лѣтъ. Какая ея жизнь съ Пименто? — Все такой же пьяница и тунеядецъ? Она сама виновата. Мужчина онъ бойкій, это вѣрно — передъ нимъ всѣ стушевываются въ трактирѣ „Чарка“, когда онъ въ воскресенье

вечеромъ играетъ на билліардѣ, но дома онъ, должно быть, невыносимъ. Хотя, въ сущности, всѣ вѣдь мужчины одинаковы. Ей это хорошо извѣстно! Всѣ они собаки.

Громкій крикъ донесся сквозь отверстіе узенькой лѣстницы:

— Элиза!.. Неси скорѣй молока! Сеньоръ ждетъ!

Росаріо расхохоталась.—Теперь ее зовутъ Элизой!—Однако, несмотря на веселость, она поспѣшила удалиться, упрашивая Пепету, чтобы та иногда проходила мимо ихъ дома.

Еще болѣе часу бубенчики „Рижей" уныло позванивали по улицамъ Валенсіи; изъ засохшаго вымени ея было выжато до послѣдней капли безвкусное молоко—и, наконецъ, Пепета пустилась въ обратное путешествіе.

Бѣдная крестьянка шла печально и задумчиво. Встрѣча съ Росаріо взволновала ее. Она вспомнила,—точно это было вчера,—страшную трагедію, разыгравшуюся съ дядей Барретомъ и всей его семьей.

Съ того времени его поля, болѣе ста лѣтъ кормившія предковъ бѣднаго крестьянина, стояли заброшенными на краю дороги. Его лачуга, гдѣ никто не жилъ, медленно разрушалась—соломенная крыша провалилась и стѣны покривились.

Постоянно проходя въ теченіе десяти лѣтъ мимо этой развалины, крестьяне уже не обращали на нее вниманія. Сама Пепета давно уже не замѣчала старой избы, интересовавшей только однихъ мальчишекъ. Унаслѣдовавъ ненависть отцовъ, они бомбардировали домишко каменьями, пробивая широкія бреши въ заколоченной двери, или же заваливали землей колодецъ.

Но въ это утро, подъ вліяніемъ недавней встрѣчи, Пепета взглянула на развалину и даже остановилась на дорогѣ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее.

Поля дяди Баррета или, вѣрнѣе, дона Сальвадора и его безбожныхъ наслѣдниковъ были *оазисомъ* запущенія и заброшенности среди плодородной, прекрасно обработанной, словно смѣющейся долины. Десять лѣтъ заброшенности сдѣлали почву твердой, жесткой, вызвали изъ безплодныхъ нѣдръ земли всѣ чужеядныя растенія, всѣ плевелы, созданныя Богомъ въ наказаніе земледѣльцу. Низкорослый, безобразный, перепутанный кустарникъ покрывалъ эти поля, съ ихъ зыбью странныхъ зеленыхъ отливовъ, испещренныхъ тутъ и тамъ рѣдкими, таинственными цвѣтами, изъ тѣхъ, что растутъ только на развалинахъ и кладбищахъ.

Посреди этихъ полей запущенія вставала или, вѣрнѣе говоря, разваливалась лачуга съ своей растрепанной соломенной крышей, выставивъ наружу, черезъ отверстія, про-

битыя дождемъ и вѣтромъ, источенный червями деревянный остовъ. На ободранныхъ стѣнахъ лишь кой-гдѣ выступали чуть видныя бѣлыя пятна, указывавшія на то, что когда-то эти стѣны были выбѣлены известью. Дверь, прогрызенная снизу крысами, была изборождена вдоль и поперекъ большими трещинами и разсѣлинами. Двѣ-три рамы, которыя трепалъ юго-западный вѣтеръ, висѣли на одной лишь петлѣ, грозя упасть при первомъ хорошемъ толчкѣ вѣтра.

Пепета только что собралась идти въ свою избу, уже виднѣвшуюся изъ за деревьевъ, какъ ей пришлось посторониться, чтобы дать проѣхать сильно нагруженной повозкѣ, ѣхавшей, повидимому, изъ города.

При видѣ повозки ея женское любопытство пробудилось.

Старую рабочую телѣгу везла тощая кляча, которой въ плохихъ мѣстахъ помогалъ рослый человѣкъ, шедшій рядомъ съ лошадью и подбодрявшій ее криками и хлопаніемъ кнута.

Одѣтъ онъ былъ по-крестьянски, но платокъ на головѣ былъ обвязанъ иначе, а брюки и другія подробности туалета указывали на то, что онъ не изъ ихъ округи, гдѣ крестьянскій костюмъ уже мало по малу извратился городской модой. Это былъ мужикъ изъ какого-нибудь дальняго округа, быть можетъ, даже другой провинціи.

На телѣгѣ былъ сложенъ въ видѣ пирамиды всевозможный домашній скарбъ. Очевидно, переселялась цѣлая семья. Тощія подушки, холщевые мѣшки, набитые истертой маисовой соломой, ломаные буковые стулья, кастрюли, котлы, тарелки, корзины, зеленыя скамьи, все это, наваленное на телѣгу, грязное, испорченное, нищенское—указывало на голодъ и отчаянное бѣгство, точно несчастіе по пятамъ преслѣдовало семью. Наверху этой груды вещей сидѣли, обнявшись, трое дѣтей; они разглядывали поля, широко раскрывъ глаза, точно изслѣдователи, которые впервые посѣщаютъ страну.

Позади телѣги, присматривая, не упало бы что оттуда, шла женщина и высокая, тонкая, стройная дѣвушка, казавшаяся ея дочерью. По другую сторону лошади, — помогая, когда телѣга останавливалась въ плохихъ мѣстахъ дороги, на рытвинахъ и колеяхъ—шелъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати: его серьезное лицо говорило что ребенокъ, привыкъ бороться съ нуждой и чувствуетъ себя взрослымъ въ тѣ годы, когда другія дѣти еще заняты играми. Грязная и запыхавшаяся собаченка замыкала шествіе.

Опираясь на крупъ коровы, смотрѣла Пепета, какъ телѣга приближалась, и все болѣе разгоралось въ ней любопытство. Куда переселяются эти бѣдные люди?

Но любопытство ея увѣнчалось совершенно неожиданнымъ

открытіемъ. Пресвятая Богородица! Свернувъ съ дороги телѣга поѣхала по бревенчатому мостику, который велъ къ проклятому участку земли, и двинулась дальше по полямъ дяди Баррета, сплющивая своими колесами для всѣхъ неприкосновенный терновникъ.

Семья шла позади телѣги, выражая жестами и громкими восклицаніями свое удивленіе страшному запущенію; однако они напрямикъ направлялись къ развалившейся лачугѣ, какъ люди, вступающіе во владѣніе своею собственностью.

Пепета не хотѣла ничего больше видѣть. Она кинулась со всѣхъ ногъ къ своему дому, бросивъ впопыхахъ корову и теленка, которые, ни мало не тревожась людскими заботами, продолжали спокойно брести, увѣренные, что впереди у нихъ надежное пристанище—хлѣвъ.

Пименто лежалъ въ растяжку около своей избы, лѣниво покуривая и устремивъ глаза на три прута, выставленные на солнце и намазанные птичьимъ клеемъ; около нихъ кружилось нѣсколько птицъ. Это было барское занятіе.

Увидавъ прибѣжавшую жену, у которой въ глазахъ свѣтился ужасъ, Пименто перемѣнилъ положеніе, чтобы получше слышать, предупредивъ однако Пепету, что не слѣдуетъ приближаться къ прутьямъ.

— Ну, что такое случилось? Ужъ не украли ли корову?

Вслѣдствіи волненія и усталости, Пепета лишь съ трудомъ могла произнести нѣсколько несвязныхъ словъ:

— Поля Баррета... цѣлая семья... пріѣхала обрабатывать ихъ... жить въ лачугѣ... сама видѣла.

— Сто тысячъ чертей!

Съ этимъ восклицаніемъ онъ, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать, не ожидая дальнѣйшихъ разъясненій.

Пепета видѣла, какъ онъ несся поперекъ поля до коноплянника, рядомъ съ проклятымъ участкомъ земли. Здѣсь онъ растянулся на животѣ, чтобы лучше все высмотрѣть, какъ бедуинъ на стражѣ, и нѣсколько минутъ спустя опять принялся бѣжать, исчезнувъ въ лабиринтѣ тропинокъ, изъ которыхъ каждая вела къ какой-нибудь лачугѣ или къ какому-нибудь полю, на которомъ пахари работали, согнувъ спину и сверкая въ воздухѣ стальными кирками.

Долина оставалась все такой же ясной и улыбающейся, пронизанной блескомъ и свѣтомъ, какъ будто уснувшей подъ ливнемъ золотыхъ лучей утренняго солнца.

Но вдали раздавались крики и возгласы: съ поля на поле, изъ лачуги въ лачугу переносилось неожиданное извѣстіе,—и трепетъ смятенія, безпокойства и негодованія про-

бѣжалъ по всей округѣ, словно вернулось далекое прошлое и вновь распространилась вѣсть о появленіи у морского берега галеры пиратовъ изъ Алжира для захвата живого груза...

II.

Когда въ пору жатвы дядя Барретъ смотрѣлъ на четвероугольники разнородныхъ посѣвовъ, на которые были раздѣлены его поля, онъ не могъ удержаться отъ чувства гордости и, глядя на высокіе хлѣбные колосья, или на гряды капусты съ ея свѣтлой кудрявой сердцевиной, на дыни, пригибающія къ землѣ свой плодъ, на перецъ и томаты, почти скрытые листьями, — онъ восторгался добротностью своей земли и трудами, положенными на нее его предками, чтобы сдѣлать изъ нея лучшій участокъ во всей округѣ.

Пять или шесть поколѣній Барретовъ провели здѣсь всю свою жизнь, воздѣлывая эти поля, вспахивая ихъ, удобряя навозомъ, заботясь о томъ, чтобы жизненные ихъ соки не уменьшились, работая—гдѣ киркой, гдѣ плугомъ, и поливая каждый клочекъ земли своимъ трудовымъ потомъ.

Барретъ нѣжно любилъ свою жену и даже прощалъ ей ту ея оплошность, что она родила ему четырехъ дочерей и ни одного сына, который могъ бы помогать ему въ работѣ. Не менѣе жены любилъ онъ своихъ четырехъ дѣвочекъ, — этихъ ангеловъ Божьихъ, проводившихъ дни за шитьемъ, сидя у дверей избы, распѣвая пѣсни, а иногда и отправляясь въ поле, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ бѣдному отцу. Но самой страстной любовью крестьянина была его любовь къ этому участку земли, на которомъ протекла однообразная и скромная исторія всего его рода.

Много, много лѣтъ тому назадъ, еще когда дядя Томба—теперь почти слѣпой старикъ, присматривавшій за стадомъ одного мясника изъ Альборая—скитался по бѣлому свѣту въ отрядѣ, стрѣляя изъ ружья въ французовъ, земли эти принадлежали монахамъ San Miguel de los Beyes, жирнымъ, дубоватымъ сеньорамъ съ лоснящимися лицами; они не очень настаивали на взносѣ арендной платы и довольствовались тѣмъ, что по вечерамъ бабушка Барретъ—въ то время красивая, молодая дѣвушка—усиленно угощала ихъ чашкой шоколада и первыми плодами своего сада. А раньше того, гораздо раньше, владѣльцемъ всѣхъ этихъ земель былъ знатный сеньоръ, который, умирая, завѣщалъ и грѣхи, и помѣстья свои монастырской общинѣ. Теперь же—увы—эти земли принадлежали нѣкоему донъ-Сальвадору, крѣпкому еще старику, который жилъ въ Валенсіи, былъ мучителемъ дяди Баррета и являлся ему даже во снѣ.

Бѣдный крестьянинъ скрывалъ свое горе не только отъ чужихъ, но даже и отъ собственной семьи. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, энергичный, непьющій. Если онъ и заходилъ въ воскресенье вечеромъ въ трактиръ „Чарка“, гдѣ собирался народъ со всей округи, то только для того, чтобы посмотрѣть на бильярдныхъ игроковъ и досыта посмѣяться надъ похвальбой и громовыми рѣчами Пименто и другихъ деревенскихъ крикуновъ. Но никогда не подходилъ онъ къ стойкѣ, чтобы заплатить за стаканъ вина, и если, случалось что-либо пилъ, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда угощалъ кто-нибудь изъ выигравшихъ.

Работалъ онъ, какъ негръ — съ разсвѣта до самой поздней ночи. Всѣ еще спали въ селѣ, когда онъ при неясномъ свѣтѣ чуть забрезжившаго дня уже шелъ въ поле, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждаясь, что ему здѣсь не управиться со всей работой. Ахъ, если бы у него былъ сынъ!..

Изъ почтенія къ своимъ предкамъ онъ скорѣй согласился бы умереть подъ тяжестью непосильнаго труда на своемъ участкѣ земли, чѣмъ дожить до того, чтобы часть этой земли перешла въ чужія руки. Не будучи въ состояніи справиться со всей работой, онъ оставлялъ не вспаханнымъ половину поля, надѣясь обработкой другой половины содержать семью и платить аренду хозяину.

Это была глухая, отчаянная, упорная борьба съ требованіями жизни и слабостью силъ.

Онъ желалъ лишь одного: чтобы дочери не знали о его затрудненіяхъ, чтобы никто въ домѣ не подозрѣвалъ о мукахъ и горестяхъ отца, чтобы не омрачалось ясное веселіе его жилища, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня раздавались смѣхъ и пѣніе четырехъ сестеръ, бывшихъ погодками. И въ то время, какъ онѣ стали уже привлекать вниманіе деревенскихъ парней и въ своихъ прекрасныхъ шелковыхъ платкахъ и накрахмаленныхъ, шуршащихъ юбкахъ веселились на сельскихъ празднествахъ и просыпались на зарѣ, чтобы босикомъ и въ одной рубашкѣ взглянуть черезъ отверстіе ставни, кто, ухаживая за ними, поетъ имъ „серенаду“ или же наигрываетъ на гитарѣ—бѣдный дядя Барретъ, которому все менѣе и менѣе удавались его планы, вынималъ червонецъ за червонцемъ изъ той пригоршни золота, которую, скопивъ грошъ за грошемъ, оставилъ ему отецъ. Только этимъ путемъ могъ онъ удовлетворить донъ-Сальвадора.

Дядя Барретъ не могъ бы имѣть худшаго хозяина. Во всемъ селѣ шла о немъ самая худая слава. Закутавшись въ старый плащъ, точно скаредный нищій, провожаемый

проклятіями и угрожающими жестами, онъ каждый вечеръ отправлялся въ село.

Увидавъ его издали, собаки неистово лаяли, точно приближалась смерть; дѣти смотрѣли на него съ гнѣвнымъ бѣшенствомъ, мужчины прятались, чтобы избѣжать унизительныхъ извиненій, а женщины выходили къ дверямъ домовъ, опустивъ глаза въ землю, съ заготовленною заранѣе ложью, упрашивая донъ-Сальвадора потерпѣть еще немного и отвѣчая слезами на его окрикъ и угрозы.

Пименто, который былъ чѣмъ-то вродѣ странствующаго рыцаря всей округи, обѣщалъ избить дона Сальвадора и бросить его въ канаву. Но сами жертвы скупца удерживали его отъ ссоры съ этимъ человѣкомъ, который проводилъ всякое утро въ судѣ и имѣлъ вездѣ друзей. Съ такого рода господами бѣднымъ людямъ плохо тягаться.

Изъ всѣхъ его арендаторовъ лучшимъ былъ дядя Барретъ: хотя и цѣной тяжелыхъ усилій, онъ ему ничего не былъ долженъ. И старикъ, приводившій его въ примѣръ другимъ своимъ арендаторамъ, увеличилъ ему арендную плату. Барретъ протестовалъ и даже всплакнулъ, вспомнивъ о заслугахъ предковъ, положившихъ жизнь, чтобы сдѣлать эти поля лучшими во всей округѣ. Но донъ Сальвадоръ былъ неумолимъ. Поля эти лучше всѣхъ.—Стало быть онъ долженъ платить больше.—И Барретъ уплатилъ: онъ отдалъ бы скорѣй свою кровь, чѣмъ отказаться отъ земли, которая мало по малу его убивала.

У него уже не было больше сбереженій; скрывъ отъ семьи истинное положеніе дѣлъ, онъ улыбался, когда жена и дочери совѣтывали ему поменьше себя утруждать.

Онъ не спалъ, вставалъ по ночамъ, работалъ ощупью въ темнотѣ, и страшно исхудалъ, сгорбился, какъ восьмидесятилѣтній старикъ; глаза у него провалились. Худшее же для него было то, что это излишество труда, это невыносимое утомленіе приводило лишь къ тому, что онъ могъ уплатить половину аренды ненасытному дону Сальвадору. Даже кляча дяди Баррета, работавшая днемъ и ночью съ крестьяниномъ, не выдержала и рѣшила лучше умереть.

Дядя Барретъ увидѣлъ, что онъ погибъ. Съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на поле, которое не могъ болѣе обрабатывать, на ряды свѣжихъ овощей, которыя городской людъ поѣдалъ равнодушно, не подозрѣвая о мукахъ, доставляемыхъ ихъ произрастаніемъ бѣдному отцу семейства въ безпрерывной борьбѣ съ землей и нищетой.

Однако, Провидѣніе, никогда, говорятъ, будто бы не покидающее бѣдняковъ, проявило себя на этотъ разъ черезъ посредство дона Сальвадора. Невыносимый скаредъ, хищный ростов-

щикъ, вдругъ съ отеческой нѣжностью предложилъ крестьянину свои услуги. Сколько понадобится ему, чтобы купить другую лошадь? Пятьдесятъ дуросъ? Онъ ихъ и дастъ ему, чтобы доказать, какъ несправедливы тѣ, которые ненавидятъ и ругаютъ его.

И онъ, дѣйствительно, далъ деньги взаймы Баррету, но только подъ маленькимъ условіемъ: потребовалъ его подписи (дѣла остаются дѣлами) подъ какой-то бумагой, гдѣ шла рѣчь о процентахъ, о накопленіи ихъ и объ отвѣтѣ за долгъ всѣмъ имуществомъ—домашней обстановкой, полевыми орудіями, включая сюда и скотину.

Купивъ лошадь, Барретъ съ новой энергіей вернулся къ убивавшему его труду.

Все, что давала земля, шло на прокормленіе семьи, и пригоршни мѣдяковъ, вырученныхъ отъ продажи овощей на базарѣ въ Валенсіи, быстро изразсходовались; никакъ не удавалось набрать необходимую сумму для удовлетворенія дона Сальвадора.

Эти терзанія дяди Баррета изъ-за долга, котораго онъ не былъ въ состояніи уплатить, пробуждали въ его душѣ нѣкоторый инстинктъ мятежа, вызывали въ его недалекомъ умѣ неопредѣленныя и смутныя представленія о справедливости. Отчего поля не принадлежатъ ему? Всѣ его предки положили свою жизнь на этомъ участкѣ земли, онъ весь былъ политъ ихъ потомъ... Еслибъ не они, земля эта была бы столь же безплодна, какъ и морской берегъ... А теперь ему сжимаетъ горло и убиваетъ его своими приставаніями этотъ бездушный старикъ, который является его хозяиномъ, хотя не умѣетъ взять въ руки лопату и во всю жизнь не сгибалъ спины надъ полевой работой... Іисусе Христе!.. Какъ же это люди устраиваютъ свои дѣла!

На Рождество Барретъ могъ внести донъ-Сальвадору лишь незначительную часть арендной платы, а къ Петрову дню не могъ отдать ни гроша. Жена бѣдняги лежала больная, и, чтобы добыть на расходы, онъ продалъ даже семейное сокровище—серьги съ подвѣсками и ожерелье.

Старый скряга оказался неумолимъ. Нѣтъ, Барретъ, такъ нельзя... Онъ человѣкъ добрый (хотя этому и не вѣрятъ люди), онъ не можетъ позволить, чтобы крестьянинъ убивалъ себя, обрабатывая поле, которое ему не подъ силу. Онъ не можетъ согласиться на это, онъ предупреждаетъ Баррета, чтобы тотъ покинулъ свой участокъ. Ему очень жаль его, но онъ и самъ бѣденъ... Кромѣ того, вѣдь наступилъ срокъ уплаты долга.

Бѣдный крестьянинъ до того смутился, услыхавъ приказаніе покинуть свою землю, что разрыдался, какъ дитя и бро-

сился на колѣни передъ старикомъ, умоляя не губить его.

Но донъ Сальвадоръ оставался глухъ ко всѣмъ мольбамъ. Ему очень жаль Баррета — но что же дѣлать: и онъ тоже бѣденъ и долженъ думать о своихъ дѣтяхъ.

Крестьянинъ усталъ молить о пощадѣ. Отчаяніе вернуло ему энергію. Хозяинъ не желаетъ выслушивать его, запираетъ передъ нимъ дверь? Что же,—онъ въ своей лачугѣ, у себя дома; если что-либо желаютъ получить отъ него, пусть явятся туда къ нему. Посмотримъ, найдется ли такой безумецъ, который посмѣлъ бы выгнать его изъ его жилища? И онъ продолжалъ обрабатывать поле... А когда его вызвали въ судъ, онъ не пошелъ туда.

Однажды его извѣстили, что вечеромъ должностныя лица явятся къ нему на домъ выселять его изъ избы, и вмѣстѣ съ тѣмъ опишутъ за долгъ и все его имущество.

Это показалось до того невозможнымъ дядѣ Баррету, что онъ недовѣрчиво улыбнулся. Гдѣ же видано, чтобы такъ поступили съ честнымъ человѣкомъ, задолжавшимъ одинъ лишь годъ аренды.

Но когда подъ вечеръ онъ увидѣлъ идущихъ по дорогѣ сеньоровъ, одѣтыхъ въ черное, съ бумагами подъ мышкой, то уже больше не сомнѣвался. Это былъ врагъ. Его собирались ограбить.

Почувствовавъ въ душѣ слѣпую отвагу мавра, приходящаго въ неистовство, когда у него отнимаютъ его собственность, Барретъ побѣжалъ домой, схватилъ ружье, всегда стоявшее у него заряженнымъ за дверью, и, ставъ за виноградными шпалерами, рѣшилъ всадить двѣ пули въ перваго изъ этихъ разбойниковъ.

Больная жена и четыре дочери бросились къ нему, какъ безумныя, стараясь вырвать изъ рукъ ружье и издавая такіе крики, что всѣ сосѣди сбѣжались.

Пименто удалось выхватить у Баррета ружье, и онъ поспѣшно понесъ его къ себѣ домой. Барретъ шелъ за нимъ вслѣдъ, ругая его и вырывая у него ружье, но его удержали отъ этого нѣсколько парней. Барретъ выбивался изъ ихъ рукъ и кричалъ:

— Пименто... Воръ!.. Отдай ружье!

Но парень лишь добродушно улыбался и довелъ такимъ образомъ Баррета до своей избы. А здѣсь онъ и его друзья задержали старика, совѣтуя не дѣлать глупостей. Слѣдуетъ быть осторожнымъ, дядя Барретъ, — вѣдь это же судейскіе: бѣдный человѣкъ всегда останется въ проигрышѣ, впутавшись съ ними въ дѣло.

А въ это время люди, одѣтые въ черное, писали и

писали бумаги въ лачугѣ Баррета, безстрастно разглядывая и оцѣнивая обстановку, одежду и все находящееся у него на дворѣ и въ хлѣвѣ, между тѣмъ какъ жена и дочери крестьянина громко рыдали, а толпа, собравшаяся у дверей избы, съ ужасомъ слѣдили за всѣми дѣйствіями судебной власти и старалась утѣшить бѣдныхъ женщинъ, втихомолку осыпая проклятіями донъ-Сальвадора и этихъ людей, которые могли согласиться быть исполнителями требованій подлой собаки.

Когда настала ночь, Барретъ, точно впавшій въ оцѣпенѣніе, послѣ охватившаго его взрыва бѣшенства, увидѣлъ лежащій на землѣ узелъ съ одеждой, и услышалъ металлическій звукъ упавшаго къ его ногамъ мѣшка, въ которомъ находились полевыя орудія. Это было все, что ему оставили.

— Отецъ... отецъ...—рыдали возлѣ него дрожащіе голоса

Это были дочери, бросившіяся въ его объятія; и вмѣстѣ съ ними бѣдная жена, больная, дрожащая отъ лихорадки, а вдали, точно хоръ трагедіи, — стояли односельчане.

Все кончено—его выселили... Люди, одѣтые въ черное, заперли его домикъ, увезя съ собой ключи, и не оставивъ имъ ничего, кромѣ вотъ этого свертка поношеннаго платья и мѣшка съ полевыми инструментами.

— Еще найдется время для разговоровъ,—вмѣшался Пименто:—теперь пора ужинать. У насъ въ селѣ народъ добрый... Дядю Баррета и его семью всѣ любятъ... Кто же не согласится раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба... если не окажется ничего другого.

Жена и дочери бѣднаго крестьянина разбрелись по сосѣдямъ, чтобы провести ночь въ ихъ избахъ, а дядя Барретъ остался у Пименто, подъ его надзоромъ.

Они сидѣли при зажженной свѣчкѣ до десяти часовъ вечера, выкуривая сигару за сигарой.

Бѣдный старикъ казался обезумѣвшимъ. Онъ отвѣчалъ сухими, односложными словами, повторяя:

— Пименто, отдай мнѣ ружье!

И Пименто улыбался нѣсколько удивленно. Его поражало внезапное бѣшенство старика, котораго все село считало такимъ смирнымъ и тихимъ. Отдать ему ружье?—Пусть подождетъ... Не трудно по прямой морщинкѣ, которая легла у него между бровями, отгадать непоколебимое рѣшеніе...

Барретъ волновался все больше и больше. У него нѣтъ друзей, онъ это ясно видитъ—всѣ они неблагодарные въ родѣ донъ-Сальвадора, онъ не хочетъ здѣсь спать, онъ задыхается тутъ. И, пошаривъ въ мѣшкѣ съ полевыми орудіями,

онъ вынулъ оттуда серпъ, заткнулъ его себѣ за поясъ и вышелъ изъ дому.

Въ такіе часы онъ ничего не можетъ сдѣлать, пусть же спитъ себѣ въ полѣ, если ему такъ хочется. Заперевъ двери своей лачуги, Пименто улегся спать.

Дядя Барретъ отправился прямо къ себѣ на поле и, какъ брошенная собака, сталъ кружиться около своего жилища.

Заперто... заперто навсегда! Стѣны дома были возведены еще дѣдомъ, самъ же онъ ихъ ежегодно подправлялъ, а дочери его бѣлили ихъ; дворъ, хлѣвъ, закуты для свиней построены его отцомъ, а соломенную крышу, такую высокую, красивую вывелъ онъ же взамѣнъ старой.

Дѣломъ рукъ его былъ также навѣсъ надъ колодцемъ, столбы виноградныхъ шпалеръ, и плетень, кругомъ котораго разрослась гвоздика, и иные цвѣты... И все это будетъ собственностью другого, потому что такъ захотѣли люди?..

Поискавъ за кушакомъ, онъ вынулъ оттуда коробку спичекъ, чтобы поджечь соломенную крышу. Пусть же все идетъ къ чорту... Въ дѣйствительности все вѣдь принадлежитъ ему, это извѣстно Богу... и онъ въ правѣ уничтожить свое имущество, прежде чѣмъ отдать его въ руки грабителей.

Но когда онъ собрался уже поджечь свой старый домъ, чувство ужаса охватило его, точно передъ нимъ встали трупы всѣхъ его предковъ—и онъ бросилъ спички на землю.

Однако, неотвязная мысль все разрушить не покидала его и съ серпомъ въ рукахъ бросился онъ на свое поле.

Цѣлые часы продолжалось здѣсь дѣло разрушенія. Подъ ударами валились дугообразныя шпалеры, вокругъ которыхъ вились зеленые стебли нѣжнаго фасоля и сахарнаго гороха,—летѣли во всѣ стороны бобы, разсѣченные бѣшеными взмахами серпа, а пучки соломы и кочны капусты такъ и скакали, точно срѣзанныя головы, подъ острой сталью, разсыпая кругомъ себя широкіе листья... Пусть же никто не воспользуется его трудами... Почти до разсвѣта рубилъ и уничтожалъ онъ такимъ образомъ все вокругъ бѣшеными ударами, извергая хулу, тѣшась громкими проклятіями, пока, наконецъ, утомленіе не усмирило бѣшенства, и онъ не бросился на гряды, обливаясь, какъ ребенокъ, слезами и думая о томъ, что отнынѣ постелью ему будетъ служить лишь земля, и остается лишь одно—ходить просить милостыню на большой дорогѣ.

Его разбудили первые солнечные лучи, сверкавшіе прямо въ глаза, и веселое чириканье птицъ, прыгавшихъ возлѣ него.

Онъ поднялся, оцѣпенѣвшій отъ утомленія и сырости. Пименто и его жена издали звали его поѣсть что-нибудь,

но Барретъ отвѣтилъ съ презрѣніемъ: „Воръ!“—за то, что Пименто забралъ его ружье... И онъ побрелъ по дорогѣ въ Валенсію, дрожа отъ холода, не зная, куда идетъ.

Проходя мимо трактира „Чарка“—онъ зашелъ туда. Извозчики изъ ближнихъ селъ заговорили съ нимъ, выражая ему сочувствіе въ его несчастіи, и пригласили выпить съ ними стаканчикъ вина. Онъ съ удовольствіемъ согласился. Ему хотѣлось чего-нибудь выпить: холодъ впивался въ старыя кости. И онъ, такой воздержный, проглотилъ одинъ за другимъ два большихъ стакана водки, которые точно огненной волной залили его ослабѣвшій желудокъ.

Лицо Баррета раскраснѣлось, но потомъ краска смѣнилась смертельной блѣдностью и глаза налились кровью. Съ извозчиками, которые его жалѣли, онъ былъ разговорчивъ и довѣрчивъ, почти какъ счастливый человѣкъ. Онъ называлъ ихъ „дѣти мои“, увѣрялъ, что ни мало не огорченъ такими пустяками. Вѣдь не все же онъ потерялъ: у него осталось лучшее въ домѣ—серпъ его дѣда, драгоцѣнность, которую онъ не отдалъ бы и за двѣсти четвериковъ муки. И онъ вынималъ изъ-за пояса стальной серпъ, ясный и блестящій, такой острый и такъ закаленный, что онъ—увѣрялъ дядя Барретъ—рѣжетъ въ воздухѣ тонкую папиросную бумагу.

Расплатившись въ трактирѣ, извощики, подгоняя своихъ муловъ, потянулись по направленію къ Валенсіи, наполняя воздухъ скрипомъ колесъ.

Барретъ оставался еще больше часа въ трактирѣ, разговаривая самъ съ собой, чувствуя, что въ головѣ у него неладно; наконецъ, обезпокоенный непріязненными взглядами хозяевъ, которые догадывались, въ какомъ онъ состояніи, почувствовалъ смутное ощущеніе стыда и, не простившись, вышелъ, шатаясь, изъ трактира.

Онъ не могъ изгнать изъ своихъ мыслей одного упорнаго представленія. Съ закрытыми глазами видѣлъ онъ большой садъ апельсинныхъ деревьевъ, находившійся на разстояніи часа ходьбы между Бенимаклетомъ и моремъ. Онъ бывалъ тамъ не разъ по своимъ дѣламъ и туда же шелъ и теперь. Не будетъ ли такъ услужливъ дьяволъ, не устроитъ-ли ему тамъ встрѣчу съ хозяиномъ, который почти ежедневно отправлялся въ садъ.

Барретъ добрался до сада послѣ двухчасовой ходьбы. Водка овладѣла имъ всецѣло.—Онъ не зналъ уже, зачѣмъ забрался сюда, въ такую даль, и кончилъ тѣмъ, что свалился въ конопляникъ, у края дороги. Вскорѣ среди зеленыхъ, высокихъ стеблей раздался тяжелый, пьяный храпъ.

Когда онъ проснулся, уже вечерѣло. Барретъ чувствовалъ

тяжесть въ головѣ и пустоту въ желудкѣ. Въ ушахъ у него шумѣло, а во рту была отвратительная горечь. Что онъ дѣлаетъ вблизи сада донъ-Сальвадора? Какъ попалъ онъ сюда?

Но, поднимаясь на ноги, онъ увидѣлъ на дорогѣ человѣка въ плащѣ, медленно направляющагося въ садъ.

Барретъ почувствовалъ, какъ вся кровь ударила ему въ голову. Онъ быстро выдернулъ изъ-за пояса серпъ.

Старый ростовщикъ колебался, выходить ли ему сегодня изъ дому или нѣтъ. Его нѣсколько безпокоило происшествіе съ Барретомъ: мало ли въ селѣ головорѣзовъ? Но страхъ, что его отсутствіемъ могутъ воспользоваться, взялъ верхъ надъ опасеніями.

Донъ-Сальвадоръ уже видѣлъ свой садъ и смѣялся надъ своими опасеніями, какъ вдругъ передъ нимъ мелькнулъ выскочившій изъ коноплянника дядя Барретъ, который показался ему страшнымъ демономъ съ краснымъ лицомъ и распростертыми руками. Прижавъ его къ краю канавы, идущей вдоль дороги, крестьянинъ отрѣзалъ ему всякій путь къ бѣгству. Смятеніе и ужасъ ростовщика были такъ велики, что онъ заговорилъ прерывистымъ госомъ:

— Барретъ... другъ мой... все это было лишь шуткой... Успокойся... Я хотѣлъ только пугнуть тебя немного... больше ничего... Земля останется за тобой... Зайди ко мнѣ завтра... мы поговоримъ съ тобой... Ты будешь мнѣ платить, сколько хочешь...

Онъ весь извивался, стараясь, чтобы дядя Барретъ не приблизился къ нему—пытался спастись, уйти отъ ужаснаго серпа, на лезвіѣ котораго преломлялся солнечный лучъ и отражалась небесная синева. Но такъ какъ сзади была канава, ему некуда было двинуться, и, откинувъ тѣло назадъ, онъ прикрывалъ себя судорожно сжатыми руками.

Крестьянинъ улыбался, какъ гіена, показывая свои острые и бѣлые зубы.

— Врешь... врешь!—отвѣчалъ онъ голосомъ, казавшимся шипѣніемъ.

И размахивая серпомъ изъ стороны въ сторону, онъ искалъ мѣста, куда бы ударить, избѣгая худыхъ и судорожно сжатыхъ рукъ, вытянутыхъ впередъ.

— Барретъ... сынъ мой... что жъ это такое... Брось свой серпъ... не играй имъ... Вѣдь ты же честный человѣкъ... Вспомни о своихъ дочеряхъ... Говорю тебѣ, что все было лишь шуткой... Зайди ко мнѣ завтра... и я отдамъ тебѣ клю... Аа-ай...

Это былъ ужасающій ревъ, крикъ раненаго звѣря. Уставъ

встрѣчать препятствія, серпъ однимъ взмахомъ отрѣзалъ одну изъ судорожно сжатыхъ рукъ. Она висѣла лишь на кожѣ и мускулахъ, и изъ краснаго обрубка потокомъ лилась кровь, обдавъ брызгами Баррета, который вскрикнулъ, почувствовавъ на лицѣ эту горячую струю.

Старикъ зашатался, но не успѣлъ еще грохнуться на землю, серпъ, ударивъ его по шеѣ, разомъ отдѣлилъ голову отъ туловища.

Донъ Сальвадоръ упалъ въ канаву, а ноги, судорожно подергиваясь, остались на берегу. Изъ головы лилась кровь, и покраснѣвшая вода канавы продолжала течь съ тихимъ журчаніемъ, оживлявшимъ торжественное молчаніе вечера.

Барретъ въ оцѣпенѣніи стоялъ на краю канавы... Сколько крови въ этомъ разбойникѣ! И, охваченный ужасомъ, онъ пустился вдругъ бѣжать, точно опасаясь, что потокъ крови, разлившись, можетъ потопить его.

Не кончился еще день, какъ распространилась всюду страшная вѣсть, точно пушечный выстрѣлъ, взволновавшая всю округу. Видѣли ли вы лицемѣрное движеніе и радостное молчаніе, которымъ народъ встрѣчаетъ вѣсть о гибели правителя, притѣснявшаго его? Такъ оплакивало и все село смерть донъ-Сальвадора. Всѣ угадывали руку дяди Баррета, и никто не сказалъ ни слова. Для него всѣ лачуги открыли бы самыя потаенныя свои убѣжища.

Но убійца, какъ безумный, скитался по долинѣ, убѣгая отъ людей, забираясь подъ мосты, кидаясь со всѣхъ ногъ черезъ поля отъ лая собакъ, пока, наконецъ, на слѣдующій день полиція не захватила его, соннаго, въ сараѣ.

Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ селѣ только и было разговоровъ, что о дядѣ Барретѣ.

По воскресеньямъ мужчины и женщины отправлялись, точно на богомолье, въ тюрьму въ Валенсію, чтобы тамъ черезъ рѣшетку посмотрѣть на „освободителя", все болѣе и болѣе худѣвшаго, съ провалившимся глазами и безпокойнымъ взглядомъ.

Насталъ, наконецъ, день суда, и Барретъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Извѣстіе это переполошило всю округу. Сельскіе священники и алькальды рѣшили дѣйствовать, чтобы избѣжать такого срама: ихъ односельчанинъ приговоренъ къ смертной казни! И такъ какъ Барретъ былъ всегда въ числѣ покорныхъ, смирныхъ, подчинявшихся ихъ приказаніямъ, то не полѣнились съѣздить въ Мадридъ, чтобы спасти его жизнь — и добились помилованія.

Крестьянинъ вышелъ изъ тюрьмы живымъ трупомъ и былъ отправленъ въ Сеуту, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя.

Семья же его разсѣялась, какъ горсть отрубей на вѣтру.

Дочери, одна за другой, покинули пріютившія ихъ семьи, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ въ Валенсіи въ качествѣ служанокъ, а бѣдная старуха-мать, уставъ безпокоить сосѣдей своими недугами, ушла въ больницу, гдѣ вскорѣ и умерла.

Обыватели села, съ свойственной всѣмъ людямъ склонностью забывать чужое несчастіе, едва-едва уже помнили о страшной трагедіи, разыгравшейся съ дядей Барретомъ, никто не думалъ о томъ, что сталось съ его дочерьми,

Но никто не забылъ полей и избушки Баррета, остававшихся въ томъ же положеніи, въ какомъ они были, когда судъ выселилъ оттуда несчастнаго арендатора.

Это было молчаливое соглашеніе всего села, общій заговоръ, на подготовку котораго едва ли было потрачено много словъ, но въ которомъ, казалось, принимали участіе даже деревья и тропинки.

Въ самый день катастрофы Пименто сказалъ:—Посмотримъ, кто осмѣлится взяться за обработку этихъ полей!..

И всѣ жители села, не исключая женщинъ и дѣтей, взглядомъ взаимнаго пониманія, какъ будто, отвѣтили ему: „Да, посмотримъ!“

Проклятое поле, которое дядя Барретъ опустошилъ въ ту ночь, стало покрываться терновникомъ и всякими чужеядными растеніями.

Сыновья дона Сальвадора—такіе же скупые богачи какъ и отецъ ихъ—считали себя разоренными, потому что этотъ принадлежавшій имъ участокъ земли оставался непроизводительнымъ.

Крестьянинъ изъ чужого округа, человѣкъ жадный на землю, прельстившись низкой платой, согласился было взять въ аренду поле, внушавшее всѣмъ страхъ.

Съ ружьемъ за плечами отправился онъ на пашню: и онъ самъ, и его поденщики смѣялись надъ тѣмъ одиночествомъ, къ которому ихъ присуждали сосѣди; двери запирались, когда онъ проходилъ мимо нихъ, и издали слѣдили за нимъ враждебные взгляды.

Крестьянинъ держался на сторожѣ, предчувствуя засаду; но осторожность не привела ни къ чему, такъ какъ однажды вечеромъ, когда онъ возвращался домой одинъ, еще не кончивъ запашки, въ него дважды выстрѣлили, такъ что онъ не видѣлъ стрѣлявшаго и только чудомъ спасся отъ пуль, просвиставшихъ мимо ушей.

На дорогѣ никого не было видно—нигдѣ не было свѣжихъ слѣдовъ. Въ него стрѣляли изъ какой-нибудь канавы, и стрѣлявшій сидѣлъ въ засадѣ среди камыша.

Съ такими врагами нельзя было бороться, и храбрецъ въ ту же ночь отнесъ ключи отъ дома хозяевамъ.

Нужно было слышать жалобы сыновей дона Сальвадора. Неужто нѣтъ въ странѣ ни правительства, ни охраны для законныхъ правъ собственности?

Виновникъ покушенія былъ, несомнѣнно, Пименто,—онъ, препятствовавшій тому, чтобы обрабатывалось поле; полиція арестовала удальца и посадила въ тюрьму.

Но когда наступилъ моментъ давать показанія, вся округа прошла передъ судьей, утверждая невиновность Пименто, и ни у кого изъ этихъ деревенскихъ плутовъ нельзя было вырвать ни единаго противорѣчиваго показанія.

Всѣ повторяли заученный урокъ. Даже больныя старухи, никогда не выходившія изъ своихъ лачугъ, показывали, что въ тотъ день и какъ разъ въ тотъ самый часъ, когда раздались два выстрѣла, Пименто былъ въ трактирѣ Альборая, пируя тамъ съ своими друзьями.

Ничего нельзя было подѣлать съ людьми, которые, съ невиннымъ видомъ младенцевъ почесывали себя въ затылкѣ и лгали всѣмъ такъ самоувѣренно. Пимента должны были выпустить на свободу, и изъ всѣхъ лачугъ вырвался вздохъ радости и торжества.

Опытъ былъ сдѣланъ—и теперь всѣмъ стало извѣстно, что за обработку этого участка придется платить жизнью.

Скупые владѣльцы не угомонились—они рѣшили сами обрабатывать свою землю и наняли поденщиковъ изъ числа тѣхъ покорныхъ и выносливыхъ крестьянъ, отъ которыхъ разитъ нищетой, и которые, погоняемые голодомъ, спускаются въ поискахъ за работой съ далекихъ пограничныхъ горъ Аррагоніи.

Въ селѣ жалѣли бѣдныхъ поденщиковъ. Несчастные! Они работаютъ поденно,—въ чемъ же ихъ вина? И позднимъ вечеромъ, когда они съ лопатой на плечахъ, шли съ работы, находились добрые люди, зазывавшіе ихъ въ трактиръ „Чарка". Тутъ выпивали съ ними, и говорили имъ на ухо, съ хмурымъ лицомъ, но добрымъ, отеческимъ тономъ, въ родѣ того, какъ говорятъ съ дѣтьми, которымъ совѣтуютъ избѣгать опасности. И результатъ былъ тотъ, что покорные бѣдняги на слѣдующій же день вмѣсто того, чтобы отправиться на работу, гурьбой являлись къ владѣльцамъ земли и говорили:

— Господинъ, мы пришли, чтобы ты намъ заплатилъ.

Тщетны были всѣ доводы хозяевъ, приходившихъ въ бѣшенство.

— Господинъ,—отвѣчали поденщики на всѣ уговоры:— мы люди бѣдные, но дорожимъ своей жизнью.

И они не только бросали работу, но и предупреждали

своихъ земляковъ, чтобы тѣ избѣгали поденщины на поляхъ дяди Баррета, какъ избѣгаютъ дьявола.

Владѣльцы проклятаго поля обращались за покровительствомъ даже къ газетамъ. И полицейская стража являлась въ село, рыскала, подсматривала на дорогахъ, слѣдила за жестами и разговорами, все безъ малѣйшаго результата.

Шелъ день за днемъ. Женщины шили и пѣли пѣсни, сидя надъ виноградными шпалерами, мужчины уходили на поле, гдѣ съ согнутой спиной, съ глазами, устремленными въ землю, не давали роздыха своимъ рукамъ. Пименто лежалъ, какъ знатный сеньоръ, растянувшись передъ прутьями, намазанными птичьимъ клеемъ, поджидая птицъ, или же лѣниво и неуклюже помогая Пепетѣ въ огородѣ; а въ трактирѣ „Чарка" нѣсколько стариковъ грѣлись на солнцѣ или же играли на бильярдѣ. Весь пейзажъ дышалъ тишиной, спокойствіемъ и добродѣтелью. Однако, знавшіе, въ чемъ дѣло, не довѣряли этому покою, и ни одинъ крестьянинъ не соглашался даже даромъ взять въ аренду злосчастный участокъ.

Наконецъ, владѣльцамъ пришлось отказаться отъ своихъ попытокъ.

Вся округа съ трепетомъ удовольствія наблюдала какъ терялось это достояніе, и наслѣдники дона Сальвадора оказывались безсильными.

Это было громадное наслажденіе. Должны же бѣдные когда, нибудь взять верхъ надъ богатыми, а богатые подчиниться имъ. И сухой хлѣбъ казался вкуснѣе, вино лучше, трудъ не столь изнурительнымъ при мысли о бѣшенствѣ скупцовъ, которые, несмотря на всѣ свои деньги, должны выносить насмѣшки крестьянъ надъ ними.

Къ тому же, это темное пятно запущенія и разоренія среди цвѣтущей долины напоминало и другимъ владѣльцамъ, чтобы они были менѣе требовательны, не увеличивали арендной платы и терпѣливо ждали ея взноса.

Заброшенныя поля были какъ бы талисманомъ, оберегавшимъ тѣсную связь между жителями села; вѣчнымъ памятникомъ ихъ власти надъ хозяевами; чудомъ солидарности бѣдноты въ борьбѣ съ законами и богатствомъ тѣхъ, кто владѣетъ помѣстьями, не обрабатывая ихъ и не поливая своимъ потомъ.

Все это смутно представлялось крестьянамъ, заставляя ихъ думать, что въ тотъ день, когда поля дяди Баррета будутъ снова обрабатываться, всякаго рода напасти обрушатся на ихъ село. И никто не ждалъ, чтобы послѣ десятилѣтняго промежутка могъ ступить на запущенный участокъ земли

кто-либо, кромѣ дяди Томба, бывшаго „гверильеро“, а теперь слѣпого и робкаго пастуха, который, за неимѣніемъ другихъ слушателей, каждый день повторялъ передъ стадомъ грязныхъ овецъ разсказъ о своихъ былыхъ подвигахъ.

Вотъ почему слышались восклицанія изумленія и бѣшенства всего села, когда Пименто съ поля на поле и изъ лачуги въ лачугу передавалъ извѣстіе о томъ, что нашелся арендаторъ на земли Баррета,—незнакомецъ, который осмѣлился явиться со всей семьей и теперь преспокойно устраивается, какъ будто все это принадлежитъ ему!

III.

Осмотрѣвъ запущенное поле, Батистъ сказалъ себѣ, что тутъ у него будетъ не мало дѣла.

Но это не испугало его. Онъ былъ человѣкъ предпріимчивый, энергичный, привыкшій къ тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба. А тутъ онъ можетъ раздобыть его себѣ вдоволь. Не разъ бывалъ онъ еще въ худшихъ передрягахъ.

Когда онъ женился, то былъ работникомъ на мельницѣ, въ окрестностяхъ Сагунта. Работалъ онъ, какъ волъ, заботясь, чтобы не было нехватокъ въ домѣ, и Богъ, въ награду за трудолюбіе, посылалъ ему ежегодно по ребенку—чудныя созданія, повидимому, рождавшіяся съ зубами, судя по той поспѣшности, съ какой они бросали материнскую грудь, чтобъ цѣлый день просить хлѣба.

Въ результатѣ Батисту пришлось отказаться отъ работы на мельницѣ и пойти въ извозъ, въ надеждѣ на большій заработокъ.

Но неудача преслѣдовала его и здѣсь. Никто такъ заботливо, какъ онъ, не ухаживалъ за скотиной, никто не былъ такимъ исполнительнымъ. Никогда не рѣшался онъ, подобно товарищамъ, заснуть въ телѣгѣ, предоставивъ лошади идти, куда ей вздумается, всегда шелъ впереди ея, выбирая дорогу, избѣгая рытвинъ и ямъ, — и, тѣмъ не менѣе, если опрокидывался какой-нибудь возъ, то непремѣнно его,—если какое-нибудь животное заболѣвало, то непремѣнно его,—несмотря на отеческую заботливость, съ которой онъ спѣшилъ прикрывать бока своихъ лошадей попонами изъ дерюги, лишь только начиналъ накрапывать дождь.

Цѣлый рядъ лѣтъ странствованій по большимъ дорогамъ, вѣчнаго недоѣданья, ночевокъ подъ открытымъ

небомъ, страданій долгой разлуки съ семьей, которую онъ боготворилъ сосредоточенною любовью человѣка молчаливаго и суроваго — Батистъ терпѣлъ одни лишь убытки, и положеніе его еще болѣе ухудшилось.

Бросивъ занятіе извозомъ, онъ взялъ въ аренду клочокъ земли близъ Сагунта—красное, песчаное, вѣчно засушенное поле.

Здѣсь вся его жизнь проходила въ постоянной борьбѣ съ засухой, въ безпрерывномъ наблюденіи за тѣмъ что дѣлается на небѣ—и всякій разъ онъ дрожалъ отъ волненія, лишь только темное облако показывалось на горизонтѣ.

Дождей выпадало мало, урожаи были плохи въ теченіе четырехъ лѣтъ, и Батистъ не зналъ уже, что ему дѣлать и куда дѣться, когда, въ одно изъ своихъ путешествій въ Валенсію, познакомился тамъ съ сыновьями дона Сальвадора, добрѣйшими сеньорами (да благословитъ ихъ Господь!), которые предложили ему взять у нихъ эту плодородную землю даромъ, не платя аренды въ теченіе двухъ лѣтъ, пока поля не придутъ въ первоначальное состояніе.

Кой-что слышалъ, правда, и Батистъ о причинахъ, принудившихъ владѣльцевъ оставить втунѣ прекрасную землю. Но все это было такъ давно!.. Къ тому же, у нужды нѣтъ ушей — поля эти подходятъ ему, и онъ ихъ взялъ. Что ему за дѣло до старыхъ исторій дона Сальвадора и дяди Баррета!..

Онъ всѣмъ этимъ пренебрегъ и все забылъ, осматривая свое поле. Вотъ такъ настоящая земля — вѣчно покрытая зеленью, съ неутомимыми нѣдрами, рождающими жатвы одну за другой, и красноватой водой, словно животворная кровь, бѣгущей здѣсь безпрерывно по безчисленнымъ канавамъ, бороздящимъ поверхность земли, точно сложная сѣть венъ и артерій. И, при воспоминаніи о запущенныхъ поляхъ близъ Сагунта, его прошлое казалось ему какимъ-то адомъ, отъ котораго онъ счастливо избавился.

Батистъ былъ такъ занятъ осмотромъ своего участка, что едва обратилъ вниманіе на любопытство, проявленное его сосѣдями.

Просунувъ головы изъ-за камыша, или лежа на животѣ на буграхъ дороги, смотрѣли на него мужчины, дѣти и даже женщины изъ ближнихъ хатъ.

Батистъ не обращалъ на это вниманія. Это только любопытство, непріязненное отношеніе, внушаемое вновь прибывшими. Ему это хорошо извѣстно, но со временемъ они привыкнутъ. Къ тому же, онъ былъ теперь всецѣло занятъ мыслями, какъ

сгоритъ вся эта нечисть, которая накопилась въ полѣ за десять лѣтъ.

Съ помощью жены и дѣтей онъ сжегъ на другой же день послѣ пріѣзда всю чужеядную растительность, покрывавшую его участокъ.

Затѣмъ, не теряя времени, Батистъ приступилъ къ обработкѣ поля. Земля была жесткая, но онъ, какъ опытный земледѣлецъ, рѣшилъ ее воздѣлывать по частямъ, и, отдѣливъ вблизи дома четыреугольникъ, съ помощью всей семьи принялся разрыхлять затвердѣвшую почву.

Сосѣди говорили о вновь прибывшихъ съ насмѣшкой и ироніей, въ которыхъ сквозило глухое раздраженіе. Вотъ такъ семейка!.. Настоящіе цыгане, спящіе подъ мостами. Пріютились въ старой лачугѣ, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе примащиваются къ разбитому судну, законопативъ дыру здѣсь, забивъ отверстіе тамъ и подперевъ на скорую руку разваливающуюся соломенную крышу.

Относительно же ихъ трудолюбія нельзя было сказать ничего дурнаго. Жена Батиста, Тереса, и старшая дочь Росета, захвативъ юбки между ногъ, съ лопатой въ рукахъ, копали землю куда съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ поденщики, отдыхая лишь на мгновеніе, чтобы откинуть волосы, падавшіе на вспотѣвшій и покраснѣвшій лобъ. Старшій сынъ то и дѣло путешествовалъ съ сплетенной изъ ковыля корзиной за спиной въ Валенсію, принося оттуда навозъ и отбросы, которые онъ складывалъ у входа въ избу въ двѣ кучи, точно двѣ почетныя колонны. А трое малышей—серьезные и трудолюбивые—какъ будто понимая положеніе семьи, ползали на четверенькахъ за копавшими землю, вырывая жесткіе корни сожженнаго кустарника.

Подготовительная работа продолжалась болѣе недѣли, причемъ вся семья трудилась, не покладая рукъ, отъ зари до поздняго вечера.

Половина поля была готова—и тогда Батистъ сталъ вспахивать и боронить его съ помощью старой, но еще бодрой лошаденки, которая, казалось, тоже была какъ бы членомъ семьи.

Наступило время для посѣва. Батистъ раздѣлилъ свою землю на три части: самая большая подъ пшеницу, участокъ поменьше подъ бобы, а третій участокъ подъ клеверъ, такъ какъ нельзя же было забывать „Моррута“ —старой любимой лошаденки.

Съ радостнымъ волненіемъ, точно экипажъ корабля, который послѣ труднаго морского плаванья видитъ передъ собою гавань—принялась за посѣвъ вся семья. Теперь бу-

дущность ихъ обезпечена: такая земля не можетъ обмануть и дастъ имъ хлѣбъ на весь годъ.

Вечеромъ, когда кончился посѣвъ, они увидѣли на ближней тропинкѣ стадо овецъ, которое, дойдя до края поля, испуганно остановилось.

За стадомъ шелъ старикъ съ пожелтѣвшимъ, точно пергаментнымъ лицомъ, съ глазами, провалившимися въ глубокія впадины, и ртомъ, окруженнымъ вѣнкомъ морщинъ. Онъ шелъ медленными, но твердыми шагами, выставивъ впередъ посохъ, какъ бы нащупывая имъ дорогу.

Вся семья смотрѣла пристально на него: онъ былъ единственный человѣкъ, рѣшившійся, въ теченіе двухъ недѣль, которыя они здѣсь прожили, подойти къ ихъ землѣ. Замѣтивъ, что овцы его остановились, старикъ крикнулъ на нихъ, чтобы они шли впередъ.

Батистъ вышелъ навстрѣчу дѣду. Нельзя проходить здѣсь—поле теперь вспахано...

Что-то такое слышалъ дядя Томба, но послѣднія двѣ недѣли пасъ стадо на далекомъ пастбищѣ и мало заботился объ этихъ поляхъ... Значитъ, они дѣйствительно воздѣланы теперь?

И старый пастухъ вытягивалъ шею, стараясь, какъ можно лучше разглядѣть угасшими глазами смѣльчака, дерзнувшаго осуществить то, что вся округа считала невозможнымъ. Онъ долго молчалъ и, наконецъ, грустно сталъ бормотать: очень это нехорошо... Въ молодости и онъ былъ такъ же смѣлъ, и ему нравилось идти противъ всѣхъ. Но если враговъ такъ много... Очень это нехорошо: Батистъ поставилъ себя въ очень тяжелое положеніе. Эта земля проклята послѣ дяди Баррета,—и пусть онъ повѣритъ ему, человѣку старому и опытному—она принесетъ ему несчастіе.

И, отозвавъ свое стадо, пастухъ погналъ его по другой дорогѣ, но прежде чѣмъ удалиться, откинулъ свой плащъ и, поднявъ вверхъ исхудалыя руки, съ интонаціей кудесника, предсказывающаго будущность, или же пророка, предвѣщающаго горе,—крикнулъ Батисту:

— Вѣрь мнѣ, сынъ мой—земля эта принесетъ тебѣ несчастіе!

Встрѣча съ пастухомъ оказалась лишь новымъ поводомъ для негодованія всего села.

Теперь дядя Томба послѣ десятилѣтняго мирнаго пользованія пастбищемъ не могъ уже выгнать своихъ овецъ на запущенное поле.

Окончивъ посѣвъ, Батистъ и его семья принялись за исправленіе дома.

Соломенную крышу они подняли и выпрямили, подпра-

вали и выбѣлили стѣны, выкрасили новую дверь и окна голубой краской; проработавъ недѣлю, очистили колодецъ отъ камней и земли, набросанныхъ туда мальчишками въ теченіе десяти лѣтъ, и воротъ колодца снова накачивалъ чистую и свѣжую воду.

Съ безмолвнымъ бѣшенствомъ слѣдили сосѣди, какъ исправлялась лачуга дяди Баррета. Это имъ казалось вызовомъ и издѣвательствомъ.

За два мѣсяца Батистъ всего лишь пять-шесть разъ вышелъ изъ своего участка. Онъ вѣчно копался у себя за работой, которая точно опьяняла его, — и лачуга Баррета имѣла теперь такой веселый и кокетливый видъ, какого не знала никогда при прежнемъ владѣльцѣ.

Дворъ, обнесенный раньше лишь сгнившимъ частоколомъ, былъ окруженъ теперь заборомъ, выбѣленнымъ бѣлой краской. На площадкѣ передъ окнами цвѣла гвоздика и вились ползучія растенія; рядъ разбитыхъ горшковъ, выкрашенныхъ въ голубой цвѣтъ, служилъ украшеніемъ скамейки изъ краснаго кирпича, а въ открытую дверь можно было разсмотрѣть новыя голубыя полки, на которыхъ были разставлены кувшины, покрытые зеленой глазурью.

Въ возрастающемъ негодованіи, почти все село перебывало у Пименто. Что думаетъ предпринять удалой супругъ Пепеты?

Пименто почесывалъ лобъ, выслушивая съ нѣкоторымъ смущеніемъ своихъ односельчанъ.

Что онъ думаетъ предпринять?—Онъ намѣренъ сказать два словечка негодяю-пришлецу, который сталъ обрабатывать не принадлежащія ему земли. Онъ съ нимъ поговоритъ серьезно, посовѣтуетъ не быть дуракомъ и убраться по добру, по здорову въ свою сторону, такъ какъ тутъ ему нечего дѣлать. Но этотъ дьяволъ не выходитъ со своего поля, а идти къ нему на домъ съ угрозами не слѣдуетъ, въ виду того, что можетъ впослѣдствіи случиться... Надо быть осторожнымъ и подкараулить его, когда онъ выйдетъ изъ дому. Словомъ, надобно еще немного запастись терпѣніемъ. Единственное, что онъ можетъ теперь же утверждать, это — что пришлецъ не соберетъ ни пшеницы, ни бобовъ, ни всего того, что онъ посѣялъ и посадилъ на поляхъ дяди Баррета. Все это пойдетъ къ чорту.

Слова Пименто успокоили его односельчанъ, внимательно слѣдившихъ за дѣятельностью ненавистной семьи.

Однажды вечеромъ Батистъ возвращался изъ Валенсіи, очень довольный результатомъ своего путешествія. Онъ не желалъ имѣть у себя въ домѣ безполезныхъ рукъ. Когда старшій мальчикъ, Батистетъ, не работалъ въ

полѣ—у него находилось другое занятіе: онъ отправлялся въ городъ за навозомъ. Оставалась дочь, Росета, которой послѣ домашней уборки, уже нечего было дѣлать. Благодаря протекціи сыновей дона Сальвадора, какъ нельзя болѣе довольныхъ новымъ своимъ арендаторомъ—Батисту только что удалось пристроить дочь на шелкопрядильную фабрику.

Недалеко отъ трактира „Чарка", Батистъ увидѣлъ, что человѣкъ, вышедшій изъ ближайшаго тростника, медленно направляется къ нему.

Батистъ остановился, мысленно сожалѣя о томъ, что у него при себѣ нѣтъ ни ножа, ни серпа. Однако, съ виду онъ казался невозмутимымъ и спокойнымъ, и, высоко поднявъ круглую голову съ тѣмъ властнымъ выраженіемъ въ лицѣ, котораго такъ боялась его семья, онъ скрестилъ на груди свои мускулистыя руки.

Батистъ зналъ идущаго навстрѣчу человѣка, хотя никогда не говорилъ съ нимъ—это былъ Пименто.

Наконецъ, состоялась та встрѣча, которой онъ такъ боялся.

Деревенскій удалецъ измѣрилъ взглядомъ ненавистнаго незнакомца, втершагося въ село, и заговорилъ съ нимъ мягкимъ голосомъ, стараясь придать угрозамъ видъ добродушнаго совѣта.

Онъ желалъ бы ему сказать два слова, давно уже желалъ, но какъ же было сказать, если сосѣдъ никогда не выходитъ со своего поля?

— Два словечка, и больше ничего.

И онъ сказалъ эти два словечка, совѣтуя, какъ можно скорѣе, отказаться отъ земли дяди Баррета. Онъ долженъ послушаться совѣта людей, которые желаютъ ему лишь добра. Его присутствіе тутъ—оскорбленіе для всего села, а починка дома—нѣчто вродѣ угрозы.

Батистъ иронически улыбался, слушая Пименто, который, повидимому, былъ смущенъ хладнокровіемъ противника и пораженъ тѣмъ, что нашелся человѣкъ, который не испытываетъ передъ нимъ страха.

Уйти отсюда—нѣтъ того головорѣза, который могъ бы принудить Батиста это сдѣлать, принудить его бросить то, что ему принадлежитъ, и что полито трудовымъ его потомъ. Онъ, правда, человѣкъ миролюбивый, но если пристанутъ къ нему, онъ сумѣетъ, не хуже другого, постоять за себя. Пусть же всякій занимается своимъ дѣломъ и оставитъ другихъ въ покоѣ.

И, пройдя мимо забіяки, онъ продолжалъ свой путь, съ пренебреженіемъ повернувшись спиной.

Пименто, привыкшій, чтобы все село трепетало передъ нимъ, при видѣ хладнокровія Батиста терялся болѣе и болѣе.

— Это послѣднее ваше слово? — крикнулъ онъ ему вслѣдъ, когда тотъ отошелъ уже на нѣкоторое разстояніе.

— Да, послѣднее! — отвѣтилъ Батистъ, не оборачиваясь.

И онъ пошелъ впередъ, исчезая за поворотомъ дороги. Вдали, въ старой лачугѣ дяди Баррета, залаяла собака, почуявъ приближеніе своего господина.

Когда Пименто остался одинъ, къ нему вновь вернулось его высокомѣріе. Іисусе Христе!.. Какъ же насмѣялся надъ нимъ этотъ пришлецъ!.. Сквозь зубы пробормоталъ онъ нѣсколько проклятій и, сжавъ кулакъ, угрожающе потрясъ имъ по направленію того поворота дороги, на которомъ исчезъ Батистъ.

— Ты мнѣ заплатишь за это, заплатишь, негодяй!

И въ его голосѣ, дрожащемъ отъ бѣшенства, звучала какъ бы ненависть всего села.

IV.

Былъ четвергъ, и, по обычаю, считавшему за собой пять вѣковъ, въ Валенсіи, близъ воротъ храма, называемыхъ воротами Апостоловъ, должно было состояться судбище Водъ.

Часы городской башни показывали болѣе десяти часовъ утра, и жители села собирались здѣсь, стоя кучками или же усѣвшись вокругъ сухого бассейна, украшавшаго площадь, образуя кругомъ него живую гирлянду изъ бѣлыхъ и голубыхъ плащей, красныхъ и желтыхъ платковъ и пестрыхъ ситцевыхъ юбокъ.

Нѣкоторые крестьяне являлись сюда съ корзинами, наполненными навозомъ, который они собирали на улицахъ города, другіе пріѣзжали въ пустыхъ телѣгахъ, упросивъ полицейскихъ дозволить имъ остаться здѣсь. Пока старики разговаривали съ женщинами, молодежь, чтобы убить время, шла въ ближайшій трактиръ и сидѣла тамъ за рюмкой водки, покуривая копѣечныя сигары.

Жители села, считавшіе себя обиженными и искавшіе правосудія, были всѣ уже здѣсь; они жестикулировали, съ нахмуренными лицами, и говорили о своихъ правахъ, нетерпѣливо ожидая синдиковъ или „судей семи каналовъ“, чтобы излить передъ ними нескончаемый потокъ жалобъ.

Альгвасилъ (приставъ) этого судилища, пробывшій при немъ болѣе пятидесяти лѣтъ, устанавливалъ въ тѣни стрѣльчатаго портала собора обширный диванъ съ старой шелковой

обивкой и низенькую рѣшетку, отдѣлявшую внутреннее пространство, долженствовавшее изображать залу суда.

Ворота Апостоловъ,—старые, побурѣвшіе отъ времени, подточенные вѣками—выставляли на солнечный свѣтъ свое полинявшее великолѣпіе, составляя подходящій фонъ для этого древняго судилища—учрежденія, имѣвшаго за собой цѣлыхъ пять вѣковъ.

Глядя на многочисленныя поврежденія въ воротахъ Апостоловъ, не трудно было догадаться, что здѣсь бушевало когда-то возстаніе. Около этого зданія собралось и смѣшалось цѣлое населеніе города, здѣсь раздавался въ былые вѣка дерзкій и бѣшеный голосъ мятежныхъ сыновъ Валенсіи, и изувѣченные и стертые, какъ египетскія муміи, барельефы святыхъ на воротахъ храма, поднявъ къ небу разбитыя свои головы, казалось, еще прислушивались къ революціонному звону колоколовъ „Союза“ или къ ружейнымъ выстрѣламъ инсургентовъ.

Альгвасилъ, приведя въ порядокъ мѣсто судбища, всталъ у входа рѣшетки, ожидая судей.

Торжественно приближались эти богатые земледѣльцы,—въ черныхъ одѣяніяхъ, въ бѣлыхъ башмакахъ, съ головами, обвязанными шелковыми платками. За каждымъ изъ судей шла свита изъ надзирателей каналовъ и просителей, которые еще до суда старались расположить судей въ свою пользу.

Крестьяне относились съ большимъ уваженіемъ къ этимъ судьямъ, выбраннымъ изъ ихъ же среды; на приговоръ не было никакой апелляціи. Они были хозяева Водъ и держали въ рукахъ жизнь цѣлыхъ семей — орошеніе полей, своевременную ихъ поливку, недостатокъ которой губитъ жатву. И обитатели обширной долины, раздѣленной рѣкой на двѣ части, называли своихъ судей по именамъ тѣхъ семи каналовъ, завѣдывать которыми они были поставлены.

Судьи, поздоровавшись другъ съ другомъ, какъ люди, не видѣвшіеся въ теченіе недѣли, говорили, стоя у дверей собора, о своихъ дѣлахъ.

Въ одиннадцать съ половиною часовъ,—по окончаніи поздней обѣдни, когда уже никто не выходилъ изъ собора, за исключеніемъ какой-нибудь запоздавшей старухи—началось судбище.

Всѣ семь судей усѣлись рядомъ на старомъ диванѣ съ шелковой обивкой, сняли шляпы, положили руки на колѣни, опустили глаза въ землю—и старѣйшій изъ нихъ произнесъ обычную фразу:

— Судъ открытъ.

Полнѣйшая тишина кругомъ. Храня благоговѣйное молчаніе, вся толпа стояла на открытой площади, какъ въ храмѣ.

Стукъ экипажей. ѣзда конокъ, весь шумъ и грохотъ современной жизни проходилъ мимо этого древняго учрежденія, не коснувшись его и не волнуя, и оно продолжало дѣйствовать здѣсь, нечувствительное ко времени, не обращая вниманія на радикальныя перемѣны въ окружающемъ мірѣ, неспособное къ какой бы то ни было реформѣ.

Крестьяне гордились своимъ судомъ. Это-то вотъ и значитъ творить судъ: къ наказанію приговариваютъ разомъ, не марая бумагъ, которыми, какъ извѣстно, и уловляютъ въ сѣти честныхъ людей.

Отсутствіе гербовой бумаги болѣе всего нравилось крестьянамъ. Не было здѣсь ни секретаря, ни перьевъ, не надо было проводить полныя тревоги дни въ ожиданіи приговора, — не было и наводящей ужасъ полицейской стражи, не было ничего, кромѣ словъ.

Судьи, храня въ памяти показанія, изрекали свой приговоръ съ спокойствіемъ людей, увѣренныхъ въ томъ, что ихъ рѣшенія будутъ приведены въ исполненіе. Если кто-нибудь держался на судѣ дерзко, его присуждали къ штрафу,— если же кто-либо отказывался подчиниться приговору судей, у него навсегда отнимали воду, и онъ погибалъ. Съ этимъ патріархальнымъ судомъ нельзя было шутить.

Народъ, бывшій на площади—мужчины, женщины и дѣти— не желая терять ни единаго слова, такъ тѣснились къ рѣшеткѣ, что чуть не задыхались. Обвинителя же и обвиняемаго вводили по ту сторону рѣшетки, гдѣ стоялъ диванъ, столь же древній, какъ и само учрежденіе.

Альгвасилъ отбиралъ у введенныхъ за рѣшетку палки и трости, считая эти предметы не соотвѣтствующими уваженію къ суду,—и затѣмъ, проталкивая ихъ впередъ, ставилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судей, съ плащами, сложенными у нихъ на рукахъ. Если же кто-либо забывалъ снять шапку, альгвасилъ мигомъ срывалъ ее у него съ головы — вѣдь съ такими олухами, говорилъ онъ, нельзя же обращаться иначе.

Передъ судьями вставалъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, которые они рѣшали съ поразительной быстротой.

Сторожа каналовъ и *атандадоры*, т. е. тѣ, на обязанности которыхъ лежало распредѣлять очередь и часы орошенія полей, излагали свои обвиненія, а обвиняемому предотавлялось защищаться отъ взведеннаго на него обвиненія. Старики передавали свою защиту сыновьямъ, болѣе энергично и умѣло владѣвшимъ словомъ, — вдова являлась въ сопровожденіи какого-нибудь друга покойнаго мужа, который бралъ на себя защиту ея интересовъ.

Слушая взводимыя на него обвиненія, обвиняемый часто

не могъ сдержаться: „Это ложь! Это гнусно — тутъ явный заговоръ!“

Но семеро судей встрѣчали подобные перерывы свирѣпыми взглядами. Никто не имѣетъ права говорить, пока не наступитъ его очередь; за слѣдующій перерывъ придется платить штрафъ. И находились упрямцы, которые платили штрафъ за штрафомъ, увлекаемые страстнымъ бѣшенствомъ, не позволявшимъ имъ молчать передъ обвинителемъ.

Не покидая своего дивана, судьи, сблизивъ головы, нѣсколько секундъ шепчутся между собою, и затѣмъ старѣйшій спокойнымъ и торжественнымъ голосомъ произноситъ приговоръ.

Было уже болѣе полудня, и семеро судей стали уже утомляться обильнымъ потокомъ своего правосудія, когда альгвасилъ громкимъ голосомъ вызвалъ Батиста Боруля, обвиняемаго въ нарушеніи правилъ орошенія полей.

За рѣшетку были введены Пименто и Батистъ, и слушатели-крестьяне, стоявшіе на площади, стали еще тѣснѣе прижиматься къ рѣшеткѣ. Среди нихъ можно было разглядѣть многихъ изъ жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ прежними полями Баррета.

Дѣло это возбуждало интересъ. Пименто — атандадоръ своего участка — обвинялъ вторгшагося къ нимъ ненавистнаго пришельца.

Батистъ былъ взволнованъ несправедливымъ обвиненіемъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ негодованія и съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на всѣ эти знакомыя ему лица, на всѣхъ этихъ людей, которые, насмѣхаясь надъ нимъ, тѣснились у рѣшетки, и на врага своего Пименто, который развязно переваливался съ ноги на ногу, какъ человѣкъ, который привыкъ являться въ судъ и которому была присвоена небольшая доля столь неоспоримаго авторитета.

— Ваша очередь говорить,—сказалъ, обращаясь къ Пименто, старшій изъ судей, выставивъ въ то же время по направленію къ нему свою ногу, такъ какъ, по вѣковому обычаю, судьи эти, вмѣсто того, чтобы указывать рукой, указывали обутой въ бѣлую сандалію ногой.

Пименто приступилъ къ своему обвиненію. Вотъ этотъ человѣкъ, стоящій съ нимъ рядомъ,—быть можетъ, потому, что онъ недавно лишь прибылъ въ село,—думалъ, вѣроятно, что раздача воды лишь шутка, и что онъ въ правѣ дѣлать все, что ему угодно.

Онъ, Пименто, *атандадоръ*, назначилъ Батисту часъ для поливки, — именно два часа ночи, — но, вѣроятно, сеньоръ этотъ, не желая вставать такъ рано, пропустилъ свою очередь и лишь въ пять часовъ утра, когда поливка принадле-

жала другому, — поднявъ безъ всякаго позволенія шлюзъ (первый проступокъ), укралъ воду у своихъ сосѣдей (второй проступокъ) и намѣревался полить свое поле, сопротивляясь силой приказанію атандадора, — что составляетъ третій и послѣдній его проступокъ.

Трикратный преступникъ, то краснѣвшій, то блѣднѣвшій, возмущенный словами Пименто, не могъ сдержаться.

— Ложь, и трижды ложь!—воскликнулъ онъ.

Судьи возмутились недостаткомъ почтительности къ суду и энергіей, съ которой протестовалъ этотъ человѣкъ.

Если онъ не замолчитъ, его оштрафуютъ. Но какое было дѣло до штрафовъ этому миролюбивому человѣку, разгорѣвшемуся гнѣвомъ? Онъ продолжалъ протестовать противъ несправедливости людской и противъ суда, служителемъ котораго можетъ быть такой плутъ и обманщикъ, какъ Пименто.

Судъ взволновался, — всѣ семь судей пришли въ негодованіе.

— Сорокъ сентимовъ штрафа.

Давъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, Батистъ замолчалъ, испугавшись, что его еще оштрафуютъ, между тѣмъ какъ въ публикѣ раздался смѣхъ и громкіе радостные возгласы враговъ.

Онъ стоялъ неподвижно, съ опущенной головой и глазами, наполненными слезами ярости, въ то время какъ Пименто оканчивалъ излагать свое обвиненіе.

— Ваша очередь говорить, — обратился затѣмъ судъ къ Батисту. Но во взорахъ судей легко было прочесть, какъ мало они чувствуютъ симпатіи къ человѣку, своимъ протестомъ прервавшему торжественное теченіе судбища.

Батистъ заговорилъ, дрожа отъ гнѣва, заикаясь, не зная, съ чего начать свою защиту, именно потому, что считалъ себя, какъ нельзя болѣе, правымъ.

Онъ былъ обманутъ. Пименто обманщикъ и заклятый его врагъ. Онъ говорилъ ему, что его очередь въ пять часовъ утра, а теперь утверждаетъ, будто сказалъ, что въ два часа ночи—все это лишь для того, чтобы его выжить, чтобы погубить его урожай, отъ котораго зависитъ жизнь всей его семьи. Имѣетъ ли значеніе слово честнаго человѣка для суда? Все сказанное имъ—одна чистая правда, хотя онъ и не можетъ представить свидѣтелей. Не можетъ быть, чтобы сеньоры-судьи, столь хорошіе люди, повѣрили такому плуту, какъ Пименто!

Бѣлая сандалія предсѣдателя суда задвигалась по направленію къ говорившему, и онъ сказалъ: „замолчите“.

И Батистъ замолчалъ въ то время, какъ семиголовый судъ, отклонившись на диванъ, шептался, подготовляя приговоръ.

— Судъ присуждаетъ...—промолвилъ старѣйшій изъ судей и кругомъ водворилось глубокое молчаніе.

У всѣхъ, тѣснившихся за рѣшеткой, можно было прочесть въ глазахъ нѣкоторую тревогу, точно приговоръ касался ихъ лично, и всѣ взоры были прикованы къ устамъ стараго судьи.

— Батиста Бэруля уплатить десять пезетъ пени за его проступокъ и сорокъ сентимовъ штрафа.

Раздался шопотъ удовольствія, а одна старуха стала даже аплодировать.

Батистъ покинулъ судъ внѣ себя отъ негодованія. Онъ шелъ съ опущенной головой, сжавъ кулаки, и если бы передъ нимъ не посторонились, онъ, навѣрное, пустилъ бы въ ходъ свои сильные кулаки.

Онъ шелъ прямо въ домъ своихъ хозяевъ, чтобы разсказать имъ о томъ, что случилось, о непримиримой враждѣ къ нему крестьянъ, старающихся отравить ему существованіе; часъ спустя, уже нѣсколько успокоенный добрыми словами своихъ сеньоровъ, онъ направился въ обратный путь.

Прохожіе, которыхъ онъ встрѣчалъ на большой дорогѣ, молчали, дѣлая усилія, чтобы сохранить серьезность, хотя въ ихъ глазахъ блестѣло злорадство. Но лишь только онъ удалялся, за его спиной тотчасъ же раздавался дерзкій смѣхъ, а одинъ парень, передразнивая торжественный тонъ предсѣдателя суда, крикнулъ:

— Сорокъ сентимовъ штрафа!

У дверей трактира „Чарка", Батистъ увидѣлъ издали врага своего Пименто съ стаканомъ вина въ рукахъ, окруженнаго друзьями. Онъ жестикулировалъ и смѣялся, какъ будто передразнивая протестъ и жалобы Батиста. Его осужденіе было радостной темой для разговора всего села—всѣ смѣялись.

Господи Іисусе! Теперь онъ—человѣкъ мирный и добрый отецъ семейства—понимаетъ, отчего люди убиваютъ.

По сильнымъ его рукамъ пробѣгала дрожь, и онъ чувствовалъ, что онѣ у него чешутся. Замедливъ шагъ, подходилъ онъ къ трактиру—ему хотѣлось видѣть, отважатся ли они смѣяться ему прямо въ лицо. И даже неслыханная вещь—онъ подумалъ о томъ, не войти ли ему въ трактиръ выпить стаканъ вина на виду у своихъ враговъ. Но штрафъ стоялъ у него поперекъ горла, и онъ не рѣшился израсходовать еще нѣсколько лишнихъ грошей.

Онъ зналъ объ угрозахъ Пименто, который, поддержи-

ваемый всѣмъ селомъ, клялся, что посѣявшій пшеницу на землѣ Баррета не соберетъ ея, и опасался за свою жатву, за пшеницу—надежду семьи, за ростомъ которой всѣ слѣдили жаднымъ взоромъ.

Молчаливая и напряженная ненависть провожала его неизмѣнно. Женщины сторонились отъ него, сжавъ губы и не удостаивая привѣтствія, обмѣниваться которымъ принято въ деревнѣ; мужчины, работавшіе въ полѣ, вблизи его участка земли, перебрасывались дерзкими восклицаніями, косвенно относившимися къ Батисту, а дѣти кричали издали: „бродяга! Дрянь!"

Если бъ Батистъ не былъ одаренъ сильными кулаками и могучими плечами въ косую сажень, какъ скоро расправилось бы съ нимъ село!—Но каждый надѣялся, что ненавистный сосѣдъ первый отважится напасть, а пока довольствовались тѣмъ, что враждовали съ нимъ издали.

Среди тоски, вызванной этимъ отчужденіемъ, Батистъ испыталъ также легкое ощущеніе удовольствія. Уже подходя къ своему дому, онъ увидѣлъ молодого парня, сидѣвшаго на бугоркѣ у дороги съ пилой между ногъ, подлѣ груды распиленнаго хвороста. Молодой человѣкъ всталъ:

— Добрый день, сеньоръ Батистъ.

И поклонъ этотъ, и трепетный голосъ застѣнчиваго юноши произвели на Батиста пріятное впечатлѣніе.

Онъ дружески заглянулъ парню въ большіе голубые глаза и старался припомнить, кто бы это могъ быть. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что это внукъ дяди Томба, хорошій парень, служившій работникомъ у мясника, за стадомъ котораго присматривалъ его дѣдушка.

— Спасибо, парень, спасибо!—прошепталъ Батистъ.

У дверей лачуги стояла его жена, окруженная малышами, нетерпѣливо ждавшая его, такъ какъ уже было время обѣда.

Батистъ посмотрѣлъ на свое поле,—и все, что ему пришлось вытерпѣть во время суда точно бѣшеной волной хлынуло къ мозгу.

Его поле жаждетъ поливки — это было ясно — всѣ листья съежились, блестящій и зеленый цвѣтъ ихъ пожелтѣлъ, сталъ прозрачнымъ. Имъ не хватало воды, которой Пименто лишилъ ихъ хитрымъ обманомъ. Теперь ему дадутъ воду не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, такъ какъ ея уже стало мало, а въ довершеніе несчастія надо еще платить пеню и штрафъ. О, Господи!..

Обѣдая безъ аппетита, разсказывалъ онъ женѣ о случившемся на судѣ.

Уронивъ ложку въ рисовую кашу, бѣдная женщина

всхлипывала, глотая слезы. Затѣмъ, вспыхнувъ внезапнымъ бѣшенствомъ и устремивъ глаза на ту часть долины, которая была видна черезъ открытую дверь со всѣми бѣлыми домиками и зелеными полями, она, простирая руки, воскликнула: „Изверги, изверги!"

Дѣти, испуганныя хмурымъ лицомъ отца и крикомъ матери, не принимались за ѣду. Они смотрѣли другъ на друга, нерѣшительные и изумленные, и кончили тѣмъ, что послѣдовали примѣру матери—расплакались надъ рисомъ.

Взвинченный этимъ общимъ хоромъ всхлипываній, Батистъ вскочилъ въ ярости и, почти опрокинувъ ударомъ мощнаго кулака маленькій столъ, — выбѣжалъ вонъ изъ лачуги.

Батисту показалось, что солнце жжетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и одна мысль ужаснѣе другой проносилась у него въ головѣ. До слѣдующей поливки поле не можетъ устоять, оно погибнетъ — жатва пропадетъ, и у семьи не будетъ хлѣба.

Наконецъ, когда солнце сѣло, Батистъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, точно солнце зашло навсегда, и его пшеница спасена.

Онъ ушелъ съ поля и, отходя все дальше и дальше, незамѣтно, медленнымъ шагомъ спустился внизъ, по направленію къ трактиру. Батистъ не думалъ уже о томъ, что на свѣтѣ есть полиція, и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ представлялъ себѣ возможность встрѣтиться здѣсь съ Пименто.

Навстрѣчу ему, по возвышенному краю дороги, шла быстрымъ шагомъ толпа дѣвушекъ, которыя съ корзинами въ рукахъ возвращались съ фабрикъ.

Батистъ увидѣлъ и свою дочь идущую отдѣльно отъ товарокъ. Но она была не одна. Ему показалось, что она разговариваетъ съ человѣкомъ, шагающимъ по тому же пути, что и она, хотя и нѣсколько поодаль, какъ всегда ходятъ въ селѣ женихи: вѣдь близость считается признакомъ грѣха.

Увидавъ Батиста, этотъ человѣкъ отсталъ нѣсколько и остался позади, между тѣмъ какъ Росета подошла къ отцу.

Этотъ послѣдній продолжалъ стоять неподвижно, желая, чтобы незнакомецъ прошелъ мимо, и онъ бы его могъ узнать.

— Доброй ночи, сеньоръ Батистъ.

Это былъ тотъ же робкій голосъ, который привѣтствовалъ его среди дня.

Онъ взглянулъ на дочь, покраснѣвшую до корней волосъ.

— Домой ступай, домой... ужо я покажу тебѣ!

И онъ зашагалъ домой съ испуганной Росетой, кото-

рая вся дрожала и была увѣрена, что ей не избѣжать грозы.

Но она ошиблась. У бѣднаго ея отца не было въ ту минуту другихъ дѣтей, кромѣ поля, — несчастной, поблекшей, жаждущей поливки пшеницы, требующей поскорѣе воды, чтобы не умереть.

Онъ только объ этомъ и думалъ, пока жена приготовляла ужинать, а Росета ходила по избѣ, дѣлая видъ, что она чѣмъ-то занята.

Батистъ смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ семья истребляетъ ѣду, и никогда еще не понималъ такъ ясно, какое бремя лежитъ у него на плечахъ. Всѣ они останутся безъ хлѣба, если погибнетъ жатва. Мысль о канавѣ, протекавшей съ тихимъ журчаніемъ вблизи поля, мучила и терзала его. Вдругъ онъ вскочилъ какъ, человѣкъ, принявшій рѣшеніе, для выполненія котораго готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ угодно.

— Поливать, поливать поле!

Тереса испугалась, тотчасъ же понявъ всю опасность такого отчаяннаго рѣшенія...

— Побойся Бога, Батистъ! Тебя присудятъ къ еще болѣе значительному штрафу, а можетъ быть, и навсегда лишатъ воды... Ужъ лучше бы подождать.

Но гнѣвъ Батиста былъ гнѣвомъ сдержанныхъ, флегматичныхъ людей, которые, потерявъ обычное хладнокровіе, не такъ-то скоро приходятъ въ себя.

— Поливать, поливать поле!

И Батистетъ, весело повторяя слова отца, схватилъ лопаты и вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи сестры и малышей.

Всѣ они желали принять участіе въ работѣ, которая имъ казалась праздникомъ.

Ихъ охватило возбужденное веселье народа, возвращающаго себѣ свободу мятежомъ.

Всѣ двинулись по направленію къ канавѣ, тихо журчавшей въ тѣни. Необъятная долина точно терялась въ голубоватыхъ сумеркахъ,—темныя массы волнующагося тростника шумѣли и шептались, а звѣзды мигали на небѣ.

Батистъ вошелъ въ канаву и поднялъ шлюзъ, между тѣмъ какъ сынъ, жена и даже дочь счищали бугорки лопатами и открывали проходъ, черезъ который вода била веселымъ ключемъ.

Вся семья наслаждалась, какъ будто утоляя *свою* жажду.

Земля жадно пила, съ громкими звуками *глу-глу*, которые всѣмъ радовали сердце. Пей, пей, бѣдняга. И они ходили, нагнувшись, по всему полю, чтобы убѣдиться, всюду ли доходитъ вода.

Батистъ былъ на верху блаженства!.. Какое бремя свалилось у него съ плечъ!.. Пусть теперь приходятъ всякіе ставленники суда и дѣлаютъ, что хотятъ. Его поле спасено, а это главное.

И такъ какъ ему, съ его тонкимъ слухомъ человѣка, привыкшаго къ одиночеству, показалось, будто въ сосѣднихъ тростникахъ раздаются какіе то странные звуки, онъ побѣжалъ въ домъ и немедленно вернулся оттуда съ новымъ, недавно купленнымъ ружьемъ въ рукахъ.

Прижавъ пальцемъ курокъ, онъ такъ простоялъ больше часу на берегу канавы.

Вода уже не текла тамъ, а ушла вся въ поле Батиста.

Быть можетъ, сосѣди негодуютъ и жалуются; быть можетъ, Пименто, какъ атандадора, уже увѣдомили о случившемся, и онъ ходитъ вблизи, негодуя на столь дерзкое нарушеніе закона. Но Батистъ продолжалъ стоять, какъ стражъ своего поля, какъ рѣшительный борецъ за существованіе семьи. Въ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ неподвижно среди канавы, чувствовалось такое твердое рѣшеніе выстрѣлить въ перваго, кто явится сюда, что никто не вышелъ изъ ближайшихъ тростниковъ, и поле Батиста вбирало въ себя воду въ теченіе цѣлаго часа безъ малѣйшей помѣхи.

Еще болѣе странно было то, что въ слѣдующій четвергъ атандадоръ не вызвалъ его на судбище Водъ.

Жители села убѣдились, что въ старой лачугѣ дяди Баррета имѣется теперь одна цѣнная вещь—двуствольное ружье, и что ненавистный пришелецъ со страстностью уроженца Валенсіи готовъ отказаться отъ куска хлѣба, лишь бы только имѣть за дверью жилища новое ружье, возбуждающее зависть и внушающее уваженіе.

V.

Ежедневно Росета, дочь Батиста, вскакивала на разсвѣтѣ изъ постели и, выгибая руки граціознымъ движеніемъ, отъ котораго трепетало все ея гибкое тѣло, шла отворять дверь дома.

Скрипѣлъ воротъ колодца, съ радостнымъ лаемъ прыгала некрасивая собаченка, проводившая ночь на дворѣ, и Росета, при мерцаніи послѣднихъ, догорающихъ звѣздъ, обливала себѣ лицо и руки холодной водой. Затѣмъ она зажигала свѣчку, быстро причесывалась, одѣвалась, клала себѣ на обѣдъ въ корзину остатки ужина, повязывалась платкомъ и, бросивъ прощальный взглядъ на малышей,

спавшихъ со старшимъ братомъ на полу, выходила изъ лачуги, говоря: „прощайте до вечера".

День уже занимался, и при голубоватомъ его свѣтѣ видны были на тропинкахъ и на дорогѣ цѣлыя вереницы тружениковъ, направлявшихся къ городу.

Росета шла одна. Бѣдняжка хорошо знала чувства къ ней ея товарокъ—дочерей и сестеръ тѣхъ, кто такъ сильно ненавидѣлъ ея семью.

Многія изъ этихъ дѣвушекъ работали на той же фабрикѣ, что и она; не разъ приходилось ей выносить отъ нихъ оскорбленія и терпѣть нападки.

Въ первое время Росета испытывала страхъ, когда наступали сумерки, и нужно было уходить съ фабрики. Боясь подругъ, шедшихъ по той же дорогѣ, Росета оставалась еще нѣкоторое время на фабрикѣ, пока не уходили всѣ. Затѣмъ она лѣниво бродила по городу, дѣлая нѣкоторыя закупки, порученныя ей матерью, останавливаясь въ изумленіи передъ выставками въ окнахъ магазиновъ, которые начинали освѣщаться, и, наконецъ, перейдя мостъ, шла по темнымъ переулкамъ предмѣстья, чтобы выйти на дорогу.

До сихъ поръ все еще шло хорошо. Но тутъ начинались страхи. Не темнота и безлюдье пугали ее. Къ нимъ она привыкла. Если-бъ она могла быть увѣрена, что никого не встрѣтитъ по дорогѣ—она была бы спокойна. Не привидѣнія, не мертвецы пугали ее, какъ нѣкоторыхъ изъ ея товарокъ, а живые. Съ дрожью вспоминала она о разсказахъ, слышанныхъ на фабрикѣ.

Дома Росета ничего не говорила. Бѣдная дѣвушка не хотѣла, чтобы отецъ выходилъ ей навстрѣчу. Ей была извѣстна вся ненависть къ нему сосѣдей, а трактиръ „Чарка" съ его посѣтителями, внушалъ ей настоящій ужасъ.

Однажды вблизи города Росетѣ встрѣтился по дорогѣ молодой человѣкъ, который пошелъ рядомъ съ ней.

— Доброй ночи!—привѣтствовалъ онъ ее.

Прядильщица шла по высокому краю дороги, а молодой человѣкъ шелъ внизу, посрединѣ дороги. Это былъ Тонетъ, внукъ дяди Томба, добрѣйшій парень, надъ которымъ прядильщицы шелка вѣчно смѣялись, глядя, какъ онъ краснѣетъ и отворачиваетъ лицо при ихъ довольно-таки рискованныхъ шуткахъ.

Онъ не курилъ, былъ всего два или три раза въ своей жизни въ трактирѣ „Чарка", а по воскресеньямъ, если у него случалось нѣсколько свободныхъ часовъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть, какъ играютъ въ мячъ парни, онъ уходилъ въ поле и восторженно прислушивался къ пѣнію птицъ.

Сельскіе обыватели видѣли въ немъ чудака, также,

какъ и въ пастухѣ, его дѣдушкѣ. Его считали „несчастненькимъ“.

Розета оживилась въ обществѣ молодого парня. Теперь ей нечего бояться. Тонетъ внушалъ ей полнѣйшее довѣріе.

Она заговорила съ нимъ, спрашивая, откуда онъ идетъ, а онъ отвѣчалъ неопредѣленно, съ обычной своей застѣнчивостью: „оттуда... оттуда“... И потомъ замолчалъ, точно эти немногія слова стоили ему величайшихъ усилій.

Молча, прошли они всю дорогу, разставшись только возлѣ самаго дома.

— Доброй ночи, и спасибо!—сказала дѣвушка.

— Доброй ночи!—отвѣтилъ онъ и исчезъ, повернувъ въ городъ.

Теперь она вспомнила, что встрѣчалась съ нимъ иногда и утромъ, идя въ городъ, и ей казалось, что Тонетъ старался всегда идти съ ея стороны дороги, хотя и нѣсколько поодаль, чтобы не привлечь вниманія насмѣшливыхъ прядильщицъ, и, кромѣ того, она припомнила, что когда ей случалось неожиданно повернуть голову, его глаза оказывались всегда устремленными на нее.

На слѣдующій день утромъ, отправляясь въ Валенсію, она не встрѣтила его, но вечеромъ, на возвратномъ пути, дѣвушка не чувствовала страха, хотя сумерки наступили темныя и дождливыя. Она предчувствовала появленіе спутника, придававшаго ей такую бодрость. И дѣйствительно, онъ встрѣтился ей почти въ томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ.

Онъ и на этотъ разъ велъ себя такъ же, какъ всегда.— „Доброй ночи“,—а затѣмъ молча пошелъ рядомъ.

Росета была болѣе разговорчива. Откуда онъ идетъ? Что за случайность—два дня къ ряду они встрѣчаются. А онъ, запинаясь, точно слова стоили ему величайшихъ усилій,— отвѣчалъ, какъ всегда: „оттуда, оттуда“.

Дѣвушка, отъ природы столь же застѣнчивая, какъ и онъ, чувствовала, однако, желаніе смѣяться надъ его смущеніемъ. Она разсказала ему о своихъ страхахъ, и Тонетъ, довольный тѣмъ, что можетъ оказать услугу дѣвушкѣ, раскрылъ, наконецъ, ротъ, чтобы сообщить ей, что онъ будетъ часто ее сопровождать, такъ какъ у него всегда есть хозяйскія порученія въ село.

На другое утро она проснулась съ страннымъ чувствомъ. День былъ воскресный, и ей не надо было спѣшить на фабрику. Какъ птичка весело распѣвая, вынула она изъ большого семейнаго сундука свой праздничный нарядъ и разложила его на постели.

Росета очень любила воскресенья—когда можно было по-

дольше поспать утромъ, ничего не дѣлать днемъ и отправиться съ матерью къ обѣднѣ. Но это воскресенье казалось ей лучше остальныхъ: солнце свѣтило какъ-то ярче, птицы пѣли болѣе звонко, въ окошечко врывался такой славный душистый воздухъ, однимъ словомъ — это утро имѣло въ себѣ что-то новое, необычайное.

Впервые Росетѣ захотѣлось принарядиться. Мать часто пушила ее за небрежное, беззаботное отношеніе къ своей внѣшности. Въ шестнадцать лѣтъ дѣвушкѣ ужъ слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы понравиться людямъ. Какъ глупо она дѣлала, смѣясь надъ матерью, когда та называла ее неряхой.

Теперь она будетъ заботиться о себѣ. И въ первый разъ въ жизни просидѣла она болѣе четверти часа за крохотнымъ зеркальцемъ, подареннымъ ей отцомъ, стараясь получше причесаться. Затѣмъ надѣла корсетъ—жестокій панцырь валенсіанскихъ крестьянокъ, раздавливающій грудь,—облеклась въ свое воскресное ситцевое платье и заботливо приколола на головѣ мантилью.

Вечеръ прошелъ скучно. Съ порога избы Росетѣ нѣсколько разъ казалось, что она видитъ Тонета, скитающагося по отдаленнымъ тропинкамъ и прячущагося въ тростникѣ, чтобы оттуда смотрѣть на нее. Прядильщицѣ хотѣлось, чтобы скорѣй насталъ понедѣльникъ, когда она пойдетъ на фабрику, и на возвратномъ пути ее будетъ провожать Тонетъ.

Такъ оно и было. Онъ ее встрѣтилъ еще ближе къ городу, чѣмъ въ тѣ разы:—Доброй ночи!

Но, сказавъ эти слова, онъ не умолкъ, какъ всегда, а принялся говорить, хотя и съ усиліемъ, волнуясь. Онъ радъ, что она такъ хорошо выглядитъ (Росета улыбнулась и тихо прошептала: „спасибо"!), — было ли ей весело въ воскресенье? Молчаніе... Онъ этотъ день плохо провелъ... Ему было скучно... Вѣрно оттого, что... чего-то ему недоставало... понятно, онъ уже привыкъ по вечерамъ ходить по большой дорогѣ... нѣтъ, не то... ему нравилось провожать ее...

Тутъ онъ остановился.

Долго шли они затѣмъ молча, и дѣвушка ничего ему не отвѣтила... Но когда прошло нѣкоторое время, она страшно смутила его, задавъ вдругъ вопросъ: — Зачѣмъ онъ провожаетъ ее? Что скажутъ люди? Если ея отецъ узнаетъ объ этомъ, ей достанется...

— Зачѣмъ ты дѣлаешь это?—спрашивала дѣвушка.

И молодой парень, — все болѣе печальный и робкій, точно уличенный преступникъ, который долженъ выслушать приговоръ,—ничего не отвѣтилъ. Онъ шелъ тѣмъ же шагомъ, какъ и она, но немного въ сторонѣ отъ нея, спо-

тыкаясь о край дороги. Росетѣ показалось, что онъ готовъ расплакаться.

Но уже вблизи дома, когда имъ приходилось разстаться, Тонетъ вдругъ, съ неожиданной рѣшительностью заговорилъ, отвѣчая на вопросъ дѣвушки, какъ будто она только что задала его:

— Затѣмъ... Затѣмъ, что я тебя люблю.

Онъ сказалъ это, приблизившись къ ней, такъ что его дыханіе касалось ея лица, глаза его горѣли,—точно вся истина исходила изъ нихъ, — а затѣмъ, снова раскаявшись, испуганный, уничтоженный, онъ бросился бѣжать, точно ребенокъ.

Итакъ, онъ любитъ ее... Уже два дня дѣвушка ждала этихъ словъ, и, тѣмъ не менѣе, они поразили ее, какъ неожиданное открытіе.—И она тоже любитъ его!—Всю ночь и даже во снѣ ей слышался тысячу разъ шепотъ:

„Оттого, что я тебя люблю“.

Тонетъ не сталъ ждать слѣдующаго вечера. Росета увидѣла его на разсвѣтѣ: онъ спрятался за стволомъ бѣлой шелковицы и смотрѣлъ оттуда на нее съ тревогой, какъ ребенокъ, который боится выговора за проказу.

Но прядильщица, покраснѣвъ, только улыбнулась—и ни слова. Все было сказано.—Они не сказали еще разъ, что любятъ другъ друга, но то, что съ этой минуты они женихъ и невѣста—было дѣло рѣшенное.

Отношенія ихъ были невинныя. Они шли по почти пустынной дорогѣ, въ ночныя сумерки, и само это уединеніе, казалось, удаляло изъ ихъ мыслей всякое нечистое желаніе.

Однажды Тонетъ нечаянно дотронулся до таліи Росеты и покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

Прядильщица, передъ тѣмъ такъ желавшая появленія долгихъ, свѣтлыхъ вечеровъ, съ тревогой увидѣла, что они уже настали. Теперь, когда она шла съ своимъ женихомъ, на дорогѣ попадались ея товарки, которыя, увидавъ ихъ вмѣстѣ, ехидно улыбались.

На фабрикѣ дѣвушки стали донимать ее насмѣшками, иронически спрашивая, когда же ея свадьба, и прозвали ее *пастушкой,* оттого что за ней ухаживаетъ внукъ дяди Томба.

Бѣдная Росета испытывала величайшую тревогу. Достанется ужъ ей! Когда-нибудь извѣстіе дойдетъ и до слуха отца. Въ это то время и случилось, что Батистъ увидалъ ее, идущую по дорогѣ въ обществѣ Тонета.

Однако, ничего худого не вышло. Счастливый случай съ поливкой поля спасъ ее. Батистъ, радуясь, что его жатва внѣ опасности, ограничился тѣмъ, что нѣсколько разъ взглянулъ на дочь, сдвинувъ брови и предупредивъ ее мед-

леннымъ движеніемъ указательнаго пальца, чтобы впредь она возвращалась съ фабрики одна, если не желаетъ получить хорошей встрепки.

И цѣлую недѣлю она возвращалась одна. Тонетъ боялся сеньора Батиста и довольствовался тѣмъ, что скрывался гдѣнибудь вблизи дороги, чтобы смотрѣть на проходившую прядильщицу или слѣдовать за нею издали.

Однажды въ воскресенье вечеромъ Росета, уставъ прогуливаться взадъ и впередъ безъ дѣла у дверей дома, взяла кувшинъ и сказала матери, что пойдетъ за водой къ источнику Королевы.

Мать пустила ее. Надо же развлечься бѣдной дѣвушкѣ—и такъ-то у нея нѣтъ подругъ, а молодость должна же взять свое.

Источникъ Королевы былъ гордостью всего села. По словамъ Пименто, этотъ источникъ—мавританскаго происхожденія, а по мнѣнію дяди Томба, которое онъ высказывалъ съ торжественностью оракула, это былъ памятникъ еще отъ тѣхъ временъ, когда апостолы странствовали по свѣту, чтобы крестить разныхъ плутовъ и негодяевъ.

Источникъ королевы представлялъ изъ себя четыреугольный водоемъ со стѣнками изъ пожелтѣвшаго камня и водой, стоящей ниже уровня почвы. Нужно было спуститься къ ней внизъ по шести ступенькамъ, всегда скользкимъ и зеленымъ отъ сырости. На передней стѣнѣ каменнаго прямоугольника виднѣлся барельефъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать. Должно быть, это была Богородица, окруженная ангелами, грубое и наивное произведеніе искусства Среднихъ Вѣковъ, но нѣкоторыя фигуры были вовсе стерты, другія же покрыты слоемъ штукатурки, такъ что на камнѣ можно было разглядѣть лишь безформенный образъ женщины—*королевы*, давшей имя источнику: королевы мавровъ, какъ непремѣнно должно гласить всякое сельское преданіе.

По воскресеньямъ, вечеромъ, тутъ обыкновенно бывала давка. Въ этотъ вечеръ здѣсь собралось около тридцати дѣвушекъ съ кувшинами. Каждая изъ нихъ желала первая набрать воды, но никто не спѣшилъ уходить. Онѣ толкались по узенькой лѣстницѣ, захвативъ юбки между ногъ, чтобъ наклониться и опустить кувшины въ большой бассейнъ, поверхность котораго была покрыта пузырями.

Дѣвушки, набравшія уже воды въ свои кувшины, разсѣлись вокругъ бассейна.

Шумное сборище у источника замолкло, увидавъ Росету. Зачѣмъ это пришла сюда эта нищенка?

Росета поклонилась двумъ или тремъ дѣвушкамъ, кото-

рыя вмѣстѣ съ нею работали на фабрикѣ; тѣ, сжавъ губы, едва отвѣтили ей на поклонъ и продолжали разговоръ, какъ будто ничего не случилось.

Росета спустилась къ источнику, наполнила водой свой кувшинъ и, приподнявъ голову, окинула изъ-за стѣны источника тревожнымъ взглядомъ всю долину.

— Смотри себѣ... смотри—онъ все равно не придетъ!

Эти слова крикнула ей чернушка, племянница Пименто, дѣвушка дерзкая, нервная, гордившаяся тѣмъ, что она единственная дочь, и что ея отецъ не арендаторъ, такъ какъ четыре поля, которыя онъ обрабатывалъ, были его полной собственностью.

— Да, да—пускай себѣ смотритъ сколько угодно, онъ не придетъ. Всѣмъ вѣдь извѣстно, кого она ждетъ — своего жениха, внука дяди Томба.

— Вотъ такъ парочка—нечего сказать!

И тридцать жестокихъ устъ смѣялись, и смѣялись такъ, точно кусались, и не потому, чтобы самый сюжетъ ихъ очень забавлялъ, а только для того, чтобы досадить дочери ненавистнаго Батиста.

— Пастушка!.. Божественная пастушка!

Росета равнодушно пожала плечами. Ничего иного она и не ждала; притомъ же, насмѣшки на фабрикѣ уже притупили ея чувствительность.

Она взяла свой кувшинъ и стала подниматься вверхъ по ступенькамъ.

— Однако, какъ эта піявка присасывается! Только нѣтъ: не выйдетъ она замужъ за внука дяди Томба, — говорила чернушка.—Хоть онъ и „несчастненькій" и голъ, какъ соколъ, но все же человѣкъ честный, не породнится съ воровской семьей.

Росета чуть не выронила кувшина изъ рукъ. Она вспыхнула такой яркой краской, точно эти слова, ударивъ ее по сердцу, заставили всю кровь отхлынуть къ лицу, и тотчасъ же затѣмъ поблѣднѣла, какъ мертвецъ.

— Кто воръ? Кто? — спросила она дрожащимъ голосомъ, вызвавшимъ смѣхъ у всѣхъ дѣвушекъ.

— Кто? Твой отецъ. Дядѣ Пименто это хорошо извѣстно, а въ трактирѣ только и разговоровъ, что объ этомъ. Вы думали, что прошлое останется скрытымъ? Вы бѣжали изъ своего села, потому что были слишкомъ хорошо извѣстны тамъ; явились сюда завладѣть тѣмъ, что вамъ не принадлежитъ. Говорятъ даже, будто сеньоръ Батистъ высиживалъ въ тюрьмѣ за свои хорошія дѣла...

Такъ держала свою рѣчь чернушка, выкладывая все слышанное ею дома и на селѣ—всю ложь, измышленную

обычными завсегдатаями трактира „Чарка“, — цѣлую сѣть клеветы, изобрѣтенную Пименто, который съ каждымъ разомъ чувствовалъ все меньше расположенія напасть лицомъ къ лицу на Батиста и старался преслѣдовать его и утомить путемъ оскорбленій.

Твердость отца тотчасъ же проявилась и въ Росетѣ, трепещущей, запинающейся отъ бѣшенства, съ глазами, налитыми кровью. Она выронила изъ рукъ кувшинъ. Онъ разлетѣлся въ дребезги, обливъ водой сидѣвшихъ по близости дѣвушекъ, которыя хоромъ протестовали, обозвавъ ее скотиной. Но станетъ она обращать вниманіе на такой вздоръ!

— Мой отецъ?..—кричала она, наступая на дерзкую дѣвушку.— Мой отецъ воръ? Повтори-ка это еще разъ, и я разобью тебѣ въ дребезги башку.

Но чернушкѣ не пришлось повторить свои слова, такъ какъ прежде, чѣмъ она могла раскрыть ротъ, она получила по лицу увѣсистый ударъ, и пальцы Росеты вцѣпились ей въ косу. Инстинктивно и она схватилась за свѣтлые волосы прядильщицы, и нѣсколько минутъ продолжалась бѣшеная потасовка. Но Росетѣ, какъ болѣе сильной или болѣе взбѣшенной, удалось вырваться изъ рукъ противницы, и она уже собралась нанести ей рѣшительный ударъ, такъ какъ свободной рукой уже сняла деревянный башмакъ съ ноги, какъ вдругъ произошло нѣчто неслыханное, страшное, позорное.

Безъ словъ и предварительнаго уговора,—какъ будто ненависть ихъ семействъ, всѣ рѣчи и проклятія, раздававшіяся дома, внезапно проснулись въ нихъ,—всѣ дѣвушки разомъ набросились на дочь Батиста.

— Воровка, воровка!..

И Росета исчезла въ кучѣ гнѣвно поднятыхъ рукъ. Лицо ея покрылось царапинами, удары такъ и сыпались на нее, и перебрасываемая то въ ту, то въ другую сторону, она, наконецъ, упала, скатившись внизъ по ступенькамъ, и ударилась лбомъ о каменный выступъ.

— Кровь!..

Это слово подѣйствовало, точно камень брошенный въ дерево, усѣянное птицами. Дѣвушки разбѣжались въ разныя стороны съ кувшинами на головахъ, и вблизи источника не осталось никого, кромѣ Росеты, которая, съ растрепанными волосами, разорваннымъ платьемъ, выпачканнымъ кровью и пылью лицомъ, съ плачемъ поплелась домой.

Увидавъ дочь, Батистъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ, устремивъ взглядъ на избу Пименто, крыша которой выдѣлялась изъ тростника.

Но онъ сдержался и кончилъ тѣмъ, что сталъ нѣжно

бранить дочь свою. Случившееся научитъ ее не ходить больше по селу. Имъ надо избѣгать всякаго соприкосновенія съ сосѣдями; дружно и тихо должны они жить въ своей избушкѣ и не уходить съ поля, отъ котораго зависитъ все ихъ существованіе. Придти же къ нимъ на домъ — крестьяне не рѣшатся.

VI.

Проходя мимо мельницы Кадена, по дорогѣ, ведущей къ морю,—поселяне утромъ и вечеромъ слышали что-то вродѣ гудѣнья осинаго гнѣзда.

Медленный и однообразный шумъ, который, казалось, несся изъ-за деревьевъ, исходилъ изъ школы дона Іоакима.

Никогда еще знаніе не пользовалось такимъ плохимъ помѣщеніемъ, хотя и вообще-то оно рѣдко обитаетъ во дворцахъ.

Тутъ оно пріютилось въ старой лачугѣ, куда свѣтъ проникалъ только черезъ дверь и расщелины въ крышѣ; стѣны были сомнительной бѣлизны, такъ какъ жена учителя, — толстуха, которая почти не вставала съ соломеннаго стула, цѣлый день ничего не дѣлая, лишь восхищаясь и слушая своего мужа. — Въ школѣ было всего нѣсколько скамеекъ, три листа грязной, рваной азбуки, прилѣпленной къ стѣнѣ разжеваннымъ хлѣбнымъ мякишемъ.

Во всемъ домишкѣ можно было найти лишь одну новую вещь: — гибкую и крѣпкую камышевку, которую учитель держалъ за дверями и черезъ каждые два дня мѣнялъ на новую, благо ему ничего не стоило срѣзать ее въ ближайшемъ тростникѣ.

Въ школѣ едва ли можно было найти три книжки:— одинъ и тотъ же букварь ходилъ по всѣмъ рукамъ. Но чего же больше? Здѣсь примѣнялся мавританскій методъ обученія: пѣніе и повтореніе до тѣхъ поръ, пока постояннымъ зазубриваніемъ знаніе не вбивалось въ крѣпкія головы учениковъ.

И оттого съ утра до вечера въ старой лачугѣ раздавалось скучное завываніе: „От... че... нашъ... иже... еси... на небеси... Пресвятая дѣва... Дважды два... четыре..."

Время отъ времени хоръ дѣтей умолкалъ, и раздавался величественный голосъ дона Іоакима, изливавшаго передъ ними потокъ своего знанія.

— Сколько дѣлъ милосердія?

— Сколько будетъ два изъ семи?

Учитель рѣдко бывалъ доволенъ полученными отвѣтами.

— Вы всѣ болваны—и слушаете меня такъ, какъ будто я говорю на греческомъ языкѣ. А еще подумать, что я съ вами обращаюсь такъ утонченно-вѣжливо, какъ въ городскихъ гимназіяхъ, стараюсь научить васъ хорошему обхожденію и умѣнью говорить по-людски! И то правда, что вамъ есть на кого походить—вы такіе же грубіяны, какъ и ваши отцы, которые вѣчно лаются, а, имѣя деньги на посѣщеніе трактира, изобрѣтаютъ тысячи предлоговъ, чтобы по субботамъ не уплатить мнѣ два сентима за школу.

И онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, исполненный негодованія.

Одѣтъ онъ былъ какъ-то странно: снизу, на ногахъ, у него были надѣты рваныя плетенки изъ веревокъ, всегда въ грязи, панталоны старыя, полуплисовыя; руки его были шаршавыя, жесткія, Но вверху сказывался сеньоръ, и видно было „званіе священнослужителя просвѣщенія“, какъ онъ выражался, — то, что его отличало отъ всего населенія деревни: именно, пестрый галстухъ на груди грязной рубахи, длинные, щетинистые усы, дѣлившіе пополамъ красное лицо, съ толстыми щеками, и голубая фуражка съ клеенчатымъ козырькомъ—память объ одной изъ многихъ должностей, которыя онъ занималъ въ своей жизни, наполненной приключеніями.

Одно только это и утѣшало его въ горестной жизни — въ особенности же галстухъ, котораго никто не носилъ во всей окрестности, и которымъ онъ щеголялъ, какъ знакомъ высочайшаго отличія, чѣмъ-то вродѣ деревенскаго Золотого Руна.

Чего только не видѣлъ этотъ человѣкъ!.. Гдѣ только не странствовалъ!.. Былъ онъ и желѣзнодорожнымъ служащимъ, былъ чиновникомъ по сбору податей въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Испаніи; ходилъ даже слухъ, будто онъ занималъ должность полицейскаго въ Америкѣ—словомъ, этотъ человѣкъ стоялъ когда-то высоко, а затѣмъ спустился внизъ.

И кумушки села уважали его, какъ выдающагося человѣка, что, однако, не мѣшало имъ немного посмѣиваться надъ зеленымъ казакиномъ съ клѣтчатыми фалдами, который онъ надѣвалъ по праздникамъ, когда пѣлъ за поздней обѣдней въ церковномъ хорѣ.

Нужда загнала его, вмѣстѣ съ громоздкой толстухой-женой, въ это село, какъ могла загнать и въ другое мѣсто. Здѣсь онъ помогалъ сельскому секретарю, когда у того оказывались чрезвычайныя занятія,—приготовлялъ изъ извѣстныхъ только ему травъ снадобья, творившія чудеса въ деревушкахъ, такъ какъ всѣ признавали его за очень *знаю-*

щаго человѣка; безъ всякаго диплома учителя, но за то и безъ страха, что у него отнимутъ школу, не дающую даже на хлѣбъ, онъ путемъ зубренія и ударовъ камышевки добивался того, что ученики читали по складамъ, и въ школѣ смирно просиживали тѣ самыя ребята отъ пяти до десяти лѣтъ, которыя въ праздничные дни бросали каменьями въ птицъ, таскали фрукты изъ садовъ и преслѣдовали собакъ на проселочныхъ улицахъ.

Каждое слово, которое его ученики плохо выговаривали (а они ни одного не выговаривали хорошо), вызывало у дона Іоакима припадки гнѣва, заставляя съ негодованіемъ вздымать руки кверху, такъ что онъ касался ими закопченнаго потолка лачуги. Болѣе всего гордился донъ-Іоакимъ утонченностью своего обращенія съ учениками, которыхъ то и дѣло величалъ сеньорами.

— Вы должны, сеньоры, смотрѣть на эту скромную лачугу,—ораторствовалъ донъ-Іоакимъ передъ тридцатью ребятишками, слушавшими его со смѣсью скуки и страха передъ камышевкой, — какъ на храмъ учтивости и утонченнаго обращенія. Что я говорю, храмъ! Это яркій свѣточъ, который сверкаетъ и разгоняетъ мракъ варварства въ селѣ. Что были бы вы безъ меня? А теперь вы, съ помощью Божіей, выйдя отсюда, будете людьми, какъ слѣдуетъ, и сумѣете всюду хорошо выказать себя, потому что имѣли счастье встрѣтить такого учителя, какъ меня, не правда ли?..

Дѣти отвѣчали усиленными кивками головы.

Иногда слышался возлѣ избы однообразный звонъ бубенчиковъ, и всю школу охватывало радостное волненіе. Это приближалось стадо дяди Томба, а ученики знали, что когда является старый пастухъ со своимъ стадомъ,—на ихъ долю выпадаетъ часа два отдыха.

Донъ-Іоакимъ чувствовалъ большую симпатію къ старому пастуху, такъ много видѣвшему и знавшему. Усѣвшись вдвоемъ на скамейкѣ у дверей лачуги, учитель и пастухъ принимались болтать и разсуждать о всякой всячинѣ, вызывая молчаливое удивленіе доньи-Іосефы и старшихъ учениковъ, окружавшихъ скамью, чтобы послушать, о чемъ идетъ рѣчь.

Пастухъ жаловался на теперешнія плохія времена въ Испаніи, сообщалъ разсказы лицъ, прибывшихъ изъ Валенсіи, говорилъ о томъ, что плохое правительство виновато въ плохихъ жатвахъ, и всегда кончалъ однимъ и тѣмъ же припѣвомъ:

— Мои времена, дядя Іоакимъ, были совсѣмъ другія. Вы не знали ихъ, но и ваше время было лучше теперешняго.

Кругомъ все становится хуже и хуже. Чего только не увидятъ эти малыши, когда вырастутъ!

Затѣмъ начинались нескончаемые разсказы о томъ, какъ онъ участвовалъ въ партизанскомъ отрядѣ *Фраимъ*, сражался съ французами, и о томъ, сколько онъ ихъ собственноручно уложилъ, причемъ число жертвъ росло съ каждымъ разомъ.

Но жалобное блеянье овецъ привлекало, наконецъ, вниманіе учителя.

— Сеньоры мои, — кричалъ онъ дерзкимъ ребятишкамъ, одновременно хватаясь за камышевку:—Всѣ сюда! Не воображаете ли вы, что можно цѣлый день проводить въ играхъ и развлеченіяхъ? Здѣсь надо работать.

И чтобы доказать это собственнымъ примѣромъ, онъ изо всѣхъ силъ махалъ камышевкой, загоняя въ овчарню знанія стадо разыгравшихся шалуновъ.

— Съ вашего позволенія, дядя Томба. Мы проболтали съ вами больше двухъ часовъ. Я долженъ продолжать урокъ!

Когда солнце садилось, дѣти пѣли послѣдній гимнъ, благодаря Господа за то, что Онъ „излилъ на нихъ свой свѣтъ". Каждый бралъ свой пустой мѣшокъ для ѣды, такъ какъ, вслѣдствіе большихъ разстояній, дѣти уходили изъ дому съ провизіей, чтобы провести цѣлый день въ школѣ. И враги дона Іоакима говорили даже, что онъ весьма склоненъ наказывать учениковъ отнятіемъ у нихъ части ихъ запасовъ, чтобы такимъ путемъ восполнять пробѣлы въ стряпнѣ доньи Іосефы.

Въ группѣ учениковъ, путь которыхъ лежалъ по дорогѣ въ Альбарая,—были и трое сыновей Батиста. Для нихъ обратный путь домой часто превращался въ путь горечи и мукъ.

Взявшись за руки, всѣ трое шли позади остальныхъ ребятъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ, чтобы задѣвать ихъ.

Два старшихъ сына Батиста умѣли защищаться и, получивъ въ битвѣ большее или меньшее количество синяковъ, выходили нерѣдко даже побѣдителями. Но младшій, Паскуалетъ, полненькій, краснощекій малютка, которому было всего лишь пять лѣтъ, и котораго мать боготворила за его кротость и нѣжность, поднималъ страшный ревъ всякій разъ, какъ братья вступали въ битву съ товарищами.

Каждый вечеръ, лишь только донъ Іоакимъ, стоявшій на порогѣ школы, исчезалъ изъ виду, рябятишки начинали скакать вокругъ трехъ братьевъ, со смѣхомъ гоняясь за ними, лицемѣрно стараясь погладить по головѣ, а на самомъ дѣлѣ толкая и роняя въ каналъ, протекавшій на краю дороги.

— Воры! Воры!

Эта клевета, выдуманная врагами отца, выводила изъ себя сыновей Батиста.

Двое старшихъ, бросивъ Паскуалета, который, плача, прятался за стволомъ дерева, хватали съ земли камни, и сраженіе начиналось среди дороги.

Камни летѣли въ вѣтки деревьевъ, сбивая съ нихъ листву и ударяясь о стволы и о бугры дороги; деревенскія собаки выбѣгали съ ожесточеннымъ лаемъ, привлеченныя шумомъ борьбы, а женщины съ порога домовъ поднимали руки къ небу, съ негодованіемъ восклицая:

— Каторжники, черти!

Сраженіе кончалось лишь тогда, когда какой-нибудь проѣзжій возчикъ выхватывалъ кнутъ, или же изъ ближней избы выходилъ старикъ съ ремнемъ въ рукахъ—и тогда нападающіе убѣгали, страшась, чтобы донъ Іоакимъ не узналъ объ ихъ продѣлкѣ.

Между тѣмъ, трое братьевъ продолжали свой путь, почесывая синяки, полученные въ битвѣ.

Однажды вечеромъ бѣдная жена Батиста пришла въ ужасъ, увидавъ въ какомъ состояніи вернулись ея мальчики.

На этотъ разъ сраженіе было тяжкое. Ахъ, они разбойники! Двое старшихъ были въ крови и въ синякахъ—вещь не столь важная, но за то малютка вымокъ съ ногъ до головы, горько плакалъ и дрожалъ отъ испуга и холода.

Жестокіе школьники столкнули его въ каналъ, и братья вытащили его оттуда, всего покрытаго черной и липкой грязью.

Мать уложила его въ постель, но бѣдняга продолжалъ дрожать и въ ея объятіяхъ:

— Мама, мама!...

— Господи, дай намъ терпѣніе!.. Насъ, видно, всѣхъ рѣшили загубить здѣсь.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ переписки Глѣба Успенскаго.

Познакомился я лично съ Гл. Ив. Успенскимъ только въ началѣ 1883 года, когда мы уже давно знали другъ друга, какъ писатели Передъ этимъ три года я провелъ въ Восточной Сибири, а въ семидесятыхъ годахъ, когда я бывалъ, частью даже живалъ въ Петербургѣ, Успенскій жилъ то за границею, то въ деревнѣ, и встрѣтиться намъ не пришлось. Теперь же въ началѣ 1883 года мы встрѣтились въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ и у С. Н. Кривенка и скоро стали близкими пріятелями, такъ что возникшая на почвѣ этой близости переписка заключала въ себѣ черты душевной жизни Успенскаго, имѣющія біографическій интересъ. Посовѣтовавшись съ товарищами, которые могутъ безпристрастнѣе меня оцѣнить интересъ ниже предлагаемыхъ вниманію читателей писемъ Гл. Ив. Успенскаго, и получивъ поощреніе отъ нихъ для опубликованія, я считаю нужнымъ предпослать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Письма объемлютъ періодъ отъ 1883 до 1889 года. Начальная дата переписки объясняется началомъ знакомства. Успенскій умеръ въ 1902 году, но съ 1892 г. страдалъ тѣмъ мучительнымъ недугомъ, который отнялъ его геній у родной литературы и затѣмъ свелъ въ могилу. За эти десять лѣтъ страдальческой жизни я имѣю отъ Успенскаго всего только коротенькую надпись на фотографіи, снятой уже въ больницѣ и помѣченной 26 октября 1894 г.,—его послѣдній у меня автографъ. Передъ явнымъ обнаруженіемъ его болѣзни, я два года провелъ въ странствованіяхъ по Дальнему Востоку и тропической Азіи, поневолѣ прервавъ сношенія съ родиною. Къ тому же, уже въ 1890 г. Успенскій былъ сильно нервно боленъ, страдалъ галлюцинаціями и велъ болѣе уединенный образъ жизни. Такимъ образомъ, конечная дата этихъ писемъ завершаетъ собою послѣднее время послѣдняго свѣтлаго періода жизни нашего великаго писателя.

Отъ Успенскаго я получалъ много писемъ, но большею частью это были коротенькія записки, никакого біографическаго значенія

не имѣющія, если не считать такимъ значеніемъ обнаруживаемую ими хроническую нужду въ деньгахъ. Наши финансовыя операціи, впрочемъ, были очень скромнаго масштаба, большею частью отъ 3 и не больше 10 р. Конечно, эти записочки, какъ и многочисленныя указанія на встрѣчи, свиданія и пр., я не сохранялъ, откладывая лишь болѣе содержательныя. Такихъ нашлось всего четырнадцать за семь лѣтъ... Отдѣльно прочитанныя на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, эти письма не оставляли глубокаго впечатлѣнія. Тотъ ужасъ надвигающейся болѣзни, который вѣетъ отъ многихъ изъ нихъ, тогда не былъ такъ замѣтенъ, потому что черезъ какой-нибудь день, другой послѣ мучительнаго письма, Успенскій являлся тѣмъ же веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, озарявшимъ все своимъ свѣтлымъ юморомъ и заставлявшимъ забывать страдальческія строки, передъ тѣмъ прочитанныя. Теперь же эти письма, помѣщенныя одно за другимъ и освѣщенныя послѣдующими событіями, пріобрѣтаютъ біографическій интересъ, какъ продромы надвигающагося рокового недуга.

Если рядомъ съ этими предвѣстниками болѣзни, лишившей русскую литературу одного изъ крупнѣйшихъ ея представителей, читатель найдетъ въ этихъ строкахъ Успенскаго новыя черты, чтобы охарактеризовать душевную чистоту и нѣжную заботливость ихъ автора, не забывающаго нуждъ товарищей и всякаго человѣческаго существа, то тѣмъ лучше онъ дорисуетъ въ своемъ представленіи прекрасный образъ нашего, такъ безвременно и трагически, умолкшаго писателя.

Даты на письмахъ Успенскій ставилъ очень рѣдко. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я выставлялъ дату при полученіи; въ другихъ пришлось установить хронологію по разнымъ соображеніямъ. Изъ четырнадцати сохранившихся у меня писемъ Успенскаго, я не помѣщаю ниже пяти: три небольшія пріятельскія записки съ приглашеніемъ зайти, записку вышеупомянутаго финансоваго характера и небольшую записку объ авансѣ въ „Сѣв. Вѣстникѣ“, которая потребовала бы длинныхъ комментаріевъ, здѣсь едва ли подходящихъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о первомъ письмѣ. Оно является отзвукомъ бесѣды, происходившей наканунѣ въ нашемъ небольшомъ обществѣ. Кромѣ Успенскаго и меня, были Михайловскій и Шелгуновъ, быть можетъ, и еще кто-нибудь. Во время бесѣды, коснулись Малороссіи и малороссіянъ. Успенскій, воспитывавшійся въ черниговской гимназіи и потому недурно знакомый съ бытовыми чертами моихъ украинскихъ земляковъ, началъ разсказывать разные эпизоды изъ своихъ черниговскихъ воспоминаній, которые сначала вызывали общій смѣхъ, а потомъ нѣсколько утомили, и я началъ подавать реплики, будучи, къ тому же, изъ числа присутствовавшихъ единственный малороссъ. Ни я и никто изъ присутствовавшихъ не считалъ, чтобы Успенскій меня обидѣлъ.

Однако, на слѣдующій день я получилъ покаянное письмо. Здѣсь есть уже и ссылка на нервное разстройство, и покаянное настроеніе, столь характеристичное впослѣдствіи для его недуга.

ПИСЬМА ГЛ. ИВ. УСПЕНСКАГО.

№ 1 (1883).

Сергѣй Николаевичъ! Я вчера наговорилъ Вамъ какой-то ерунды, не сердитесь ли Вы? Вы, пожалуйста, не обращайте вниманія на мою болтовню и знайте, что вотъ именно отъ такого-то нервнаго разстройства я и лѣчусь. Будьте, пожалуйста, снисходительны къ этому. Вотъ почему я предпочитаю въ такія минуты быть одинъ или уѣзжать въ деревню. Не думаю, однако, чтобы я могъ чѣмъ-нибудь серьезно Васъ оскорбить, потому что уважаю Васъ искренно и говорю это безъ всякихъ фокусовъ. И, стало быть, что я могу имѣть противъ Васъ? Напротивъ, Вы очень добры ко мнѣ, и я Вамъ глубоко за это благодаренъ. Стало быть, ничего и нѣтъ. Если же въ *самомъ дѣлѣ* я Васъ обидѣлъ,—прошу извинить мнѣ отъ чистаго сердца.

Вашъ Г. Успенскій.

И, если можно, оставить все это безъ малѣйшаго вниманія.

№ 2 (1884).

Милый мой и дорогой Сергѣй Николаевичъ, замучилъ я Васъ своими долгами и займами, но скоро, скоро все будетъ улажено хорошо. Пріѣзжайте ко мнѣ. Посмотримъ Некрасовскую дачу, которая теперь отдается со всею превосходною мебелью, обстановкой и сторожемъ *за 15 руб. въ мѣсяцъ.* Я бы тотчасъ переѣхалъ на Вашемъ мѣстѣ съ З. М. и Колей. Въ Петербургѣ оспа, а скоро будетъ и холера. Дачу можете покинуть, когда угодно, проживете мѣсяцъ, два, три. Если у Васъ есть намѣреніе нанять, то пріѣзжайте *сейчасъ*, потому что сейчасъ я дома (*т. е. въ Сябринцахъ, въ деревнѣ*). А. В.*) въ Петербургѣ, а то и мнѣ прійдется уѣхать въ Петербургъ на цѣлую недѣлю. Пріѣзжайте пожалуйста. Вашъ Г. Успенскій.

№ 3 (1885).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Ангелъ мой! Я такъ ужасно разстроенъ духомъ вообще все послѣднее время, а сегодня до того убитъ и измученъ, что рѣшительно готовъ наложить на себя руки; конечно, не наложу, но мое душевное состояніе ужасно поистинѣ, говорю Вамъ. Повѣрьте мнѣ Бога ради, что я испытываю адскія мученія, о которыхъ никто не имѣетъ понятія. Я никакъ не могу

*) Супруга Успенскаго.

придти, рѣшительно не могу! Простите же меня пожалуйста, ради Бога.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 4 (1885).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Были-ли Вы у Ник. Конст. Михайловскаго? Если Вы не были, то вотъ его просьба, которую долженъ бы былъ передать Вамъ я, если бы у меня было время забѣжать къ Вамъ,—но я пробылъ тамъ всего нѣсколько часовъ.

Онъ желаетъ, чтобы Вы прислали ему письмо Маркса и статью Боборыкина для того, чтобы написать (независимо отъ Вашей статьи) въ „Русскія Вѣдомости". Это очень хорошо и пожалуйста исполните его просьбу. Надобно же, чтобы онъ, наконецъ, началъ работать. Скоро буду въ Петербургѣ надолго и разумѣется увидимся. Вашъ Г. Успенскій *).

Сейчасъ получилъ отъ Соболевскаго телеграмму—онъ будетъ у меня въ субботу, — пріѣдетъ и Ник. Констант., пріѣзжайте и Вы пожалуйста — проведемъ 1 день какъ нибудь.

Пожалуйста.

Вашъ Г. Успенскій.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

Съ начала текущаго осенняго сезона каждый литераторъ, идущій или ѣдущій къ другому литератору въ гости, обязывается заходить или заѣзжать по пути въ какой-либо винный погребъ и покупать бутылку, или двѣ, смотря по состоянію, вина, краснаго или бѣлаго, такъ какъ курсъ рубля упалъ ниже кармана штановъ, и потому иногда въ карманѣ совершенно ничего не оказывается.

№ 5 (1885).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ! Нельзя мнѣ пріѣхать въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока я не окончу всѣхъ моихъ здѣшнихъ дѣлъ съ лавочниками, плотниками и т. д. Все это окончится на дняхъ, т. е. никакъ впрочемъ не раньше какъ чрезъ недѣлю и къ 1-му окт. я буду уже въ Питерѣ. Къ тому же 1-му окт. я и уплату произведу долга. Что Вы ко мнѣ не вздумаете пріѣхать? Но если кошелекъ Вашъ не опустошенъ при моемъ содѣйствіи до дна,—то убѣдительно просилъ-бы Васъ купить мнѣ при случаѣ двѣ книжки, Фаричная инспекція Янжула и еще другого (по Влад. губ.), а также книгу Описаніе Петергоф. уѣзда, которую я Вамъ оста-

---

*) Это было осенью 1885 года. Михайловскій съ весны 1884 г., когда были закрыты „Отечественныя Записки", нигдѣ не печатался, что очень огорчало всѣхъ насъ, и что ярко отразилось въ этой запискѣ Успенскаго.

вилъ. Алек. Вас. зайдетъ за ними къ Вамъ. Если же кошелекъ опустошенъ, тогда только Петергофскій уѣздъ передайте ей, а она мнѣ перешлетъ его сюда, буфетчику (ст. Чудово) Петру Ивановичу. Заѣзжайте-ко! Вотъ еще что: не хочетъ ли послѣ выхода изъ тюрьмы Протопоповъ пожить у меня вмѣстѣ съ женой? Домъ пустой и весь въ ихъ распоряженіи можетъ находиться, кромѣ одной комнаты для меня. Если не хочетъ, то всетаки я былъ бы ужасно радъ, если бы онъ и Вы заѣхали ко мнѣ.

На-дняхъ получу изъ Рус. Мысли отвѣтъ насчетъ Вашихъ работъ.

Простите меня за то, что задержалъ деньги и поздно написалъ въ Рус. М. Ал. Вас. вручитъ вамъ мой 5-ый томъ.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 6 (1886).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Я все еще не уѣхалъ—мало денегъ и много долговъ! Сейчасъ я пишу для Сѣв. Вѣст. три разсказа и прошу Васъ убѣдительно, сдѣлать милость, если увидите Анну Михайловну, сказать ей что къ марту будетъ моя работа не менѣе $2^1/_2$ листовъ. Я думаю, что, покрывъ ею мой долгъ, я могу взять опять сколько-нибудь денегъ и тогда поѣду уже спокойно. Завтра въ субботу я посылаю 2 разсказа, третій еще не оконченъ.

Масляницу всю провелъ безъ гостей и безъ всякихъ увеселеній. Думаю отпраздновать ее на 1-ой недѣлѣ, когда уже рѣшительно соберусь ѣхать.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 7 (1886).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Нѣтъ, просто не могу придти,—такъ чувствую себя глупо и подло и не знаю, чѣмъ все это кончится.

Вотъ что: на дняхъ въ Петербургѣ будетъ графиня Толстая, жена Льва Ник., и какъ только она пріѣдетъ, тотчасъ же Анна Михайловна получитъ телеграмму за подписью *Бирюкова* (съ которымъ прошу ее познакомить и Васъ), и пусть она тотчасъ же ѣдетъ къ этой самой графинѣ и торгуетъ у нее разсказъ Льва Николаевича, который у нее будетъ съ собой... Можетъ быть, что Бирюковъ, вмѣсто телеграммы, пріѣдетъ самъ къ А. М. и пусть она не удивляется.

Вашъ Г. Успенскій.

Какъ мнѣ получить книжки Худ. журн. отъ Людм. Ник.

№ 8 (1888)

Сергѣй Николаевичъ!

Я такъ нездоровъ, что рѣшительно не могу прійти слу-

шать г. Карпова *). Да если-бы и пришелъ, — то при моемъ нездоровьи проку было бы мало. Если-бы г. Карповъ былъ такъ добръ, что далъ бы мнѣ прочесть его піесу одному, я былъ бы ему благодаренъ. Въ Пале-Роялѣ всегда есть посыльные. Если онъ пришлетъ мнѣ свое произведеніе часовъ на 5 хоть въ концѣ сегодняшняго вечера, — то утромъ онъ будетъ имѣть ее у себя. Что я буду думать о его произведеніи, то и напишу.

Г. Успенскій.

№ 9 (7 окт. 1889—дата самого Успенскаго).

Сергѣй Николаевичъ! Н. К. сказалъ мнѣ (съ Вашихъ словъ), что въ какомъ-то англійскомъ литературномъ обозрѣніи помѣщена замѣтка и о моихъ соч. Нельзя-ли мнѣ получить этотъ № обозрѣнія дня на два, чтобы перевести замѣтку? И если это можно сдѣлать, то Ив. Ив., который принесетъ эту записку, зайдетъ къ Вамъ за этимъ №, — когда Вы ему назначите. Если нельзя получить самый №, то нельзя ли хотя узнать только №.

Буду Вамъ глубоко благодаренъ
преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Въ 1889 г. Успенскій уже значительно поддался приближавшейся болѣзни и невольно останавливалъ вниманіе своимъ невеселымъ видомъ, подчасъ и раздражительностью, а затѣмъ недолго еще сохраняло ясность это постепенно меркнувшее сознаніе, такъ уяснившее проблеммы русской дѣйствительности.

С. Южаковъ.

---

*) Съ г. Евтих. Карповымъ я познакомился въ Сибири; въ февралѣ 1888 г., по его возвращеніи, онъ читалъ у меня свою драму, въ присутствіи Михайловскаго, Кривенка и др.

„Безъ образовательнаго ценза“...— „Газетъ!!!“

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Мѣсяцъ назадъ, проѣздомъ изъ Ялты, мнѣ пришлось остановиться на маленькой станціи въ центрѣ Россіи, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ, жившихъ на дачѣ въ пяти верстахъ. Мнѣ захотѣлось пройтись пѣшкомъ, и я попросилъ носильщика отыскать мнѣ провожатаго. Явился человѣкъ въ фуражкѣ и тужуркѣ съ желтымъ кантомъ, очевидно—изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ; я даже обезпокоился и спросилъ, извѣстно ли ему, сколько я заплачу. Онъ снялъ галантно фуражку и пояснилъ:

— Не извольте безпокоиться... Конечно, я шелъ купаться,— онъ указалъ на узелокъ подъ мышкой,—но погода пріятная, думаю, отчего не прогуляться.

Мы пошли. Онъ объяснялъ мнѣ долго и сложно, что онъ, собственно, не телеграфистъ, но въ родѣ этого; я занятъ былъ своими мыслями и плохо слушалъ — что онъ смотритъ въ какія-то окошечки и подаетъ сигналы, что его дѣятельность очень важна „для прохожденія поѣздовъ“ (онъ, видимо, гордился своимъ постомъ).

— Только вотъ образовательнаго цензу нѣтъ!

Изъ дальнѣйшаго вытекало, что онъ превосходно устроился, получаетъ двадцать руб. въ мѣсяцъ и имѣетъ казенную квартиру,—отдѣльную комнату и при ней хорошую кухню, такъ что выходитъ, въ родѣ, какъ двѣ комнаты, а при квартирѣ сарай, гдѣ корову держать можно, а при сараѣ еще сѣновалъ, въ которомъ мало-мало два воза сѣна уложить можно. И обращеніе хорошее.

— Могу сказать, доволенъ своей службой...—И опять прибавилъ:—Только что, вотъ, безъ образовательнаго ценза.

— Вы развѣ нигдѣ не учились?—спросилъ я.

— Прошелъ земское училище,—отвѣтилъ онъ, и съ чув-

ствомъ скромной гордости добавилъ:—и учительница настоящая была, и могу сказать—не изъ послѣднихъ учениковъ... Только развѣ это образовательный цензъ? Теперь вотъ, скажемъ, телеграфъ, — могу я къ телеграфу опредѣлиться? Никуда податься нельзя.

Я что-то сказалъ о книжкахъ и газетахъ. Оказалось, что газеты онъ читаетъ ежедневно, и знаетъ почти всѣ московскія и петербургскія газеты, такъ какъ приходится читать то, за чѣмъ позже присылаютъ господа.

— Нападешь иной разъ и на хорошую газету... — замѣчаетъ онъ:—А только что есть такія, въ которыхъ совсѣмъ мало образовательнаго ценза...

Онъ довольно вѣрно и точно перечисляетъ газеты съ „малымъ образовательнымъ цензомъ“. Не знаю почему, у меня вырвался вопросъ:

— А у васъ тутъ не бунтуютъ?

Онъ взглянулъ на меня въ бокъ сторожкимъ, мужицкимъ взглядомъ и неохотно отвѣтилъ:

— Не слыхать... у насъ смирно.—И потомъ прибавилъ:— Сказываютъ,—подписываютъ бумагу наши въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а только у насъ смирно.

Былъ онъ плотный, широкоплечій, съ короткими ногами, съ большой головой и свѣтлыми сѣрыми глазами, смотрѣвшими ясно и увѣренно. Говорилъ медлительно, спокойнымъ голосомъ, раздумчиво складывая фразы, и весь онъ, не смотря на бритый подбородокъ и желтый кантъ, выглядѣлъ мужикомъ, однимъ изъ тѣхъ, кого въ деревнѣ называютъ степеннымъ мужикомъ, хозяиномъ. И говорилъ, словно косулей борозду проводилъ, и въ концѣ борозды говорилъ какъ-то особенно твердо и неукоснительно: „образовательный цензъ“, а потомъ начиналъ новую борозду..

Я хорошо зналъ эти мѣста — въ такихъ же я родился и выросъ—зналъ эти темные молчаливые лѣса, раздѣляемые болотцами, медленно текущими лѣсными рѣчонками, съ ржавой мутной водой, близко зналъ этихъ лѣсныхъ людей, съ медлительной рѣчью, медлительной мыслью, вѣками крѣпко и устойчиво складывавшихъ свои деревенскіе устои,— этихъ истинныхъ собирателей Россіи, прирожденныхъ государственниковъ. Но я зналъ ихъ—кажется, это такъ недавно было,—въ тѣ далекія времена, когда лѣса были темнѣе и гуще, и болота были больше и менѣе проходимы; я помнилъ времена, когда нечистая сила наполняла ихъ въ несмѣтномъ количествѣ и сидѣла и въ лѣсахъ, и въ болотахъ, и въ глубокихъ омутахъ темныхъ ржавыхъ рѣчекъ, и въ хлѣвахъ, и въ темныхъ углахъ деревенской избы и стерегла темныя деревенскія души... Я помню времена—если черные тараканы по-

кидали избу, бабы ревѣли, а мужики тревожно чесали затылки и всячески улещали таракановъ вернуться, и если тараканы возвращались, всѣ успокаивались, такъ какъ, по тогдашнимъ временамъ и понятіямъ, присутствіе таракановъ въ избѣ было самой надежной формой деревенскаго страхованія отъ огня. Я давно покинулъ такія мѣста, и теперь, послѣ экспансивныхъ, торопливыхъ людей юга, мнѣ пріятно было встрѣтить своего человѣка, пріятно было слушать эту медлительную рѣчь, пѣвучую, немножко на *о*, такую твердую и неукоснительную, вдумываться въ этотъ своеобразный укладъ мысли. И потомъ, такъ было удивительно, среди всеобщаго недовольства, встрѣтить довольнаго своимъ положеніемъ человѣка и смирнаго среди, кажется, всѣхъ, сдѣлавшихся несмирными русскихъ людей.

— Какъ же, крестьянинъ, природный крестьянинъ!—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.—Вотъ и церковь наша.

Изъ-за ближайшаго перелѣска весело выглядывалъ золотой крестъ надъ голубой главой церкви. И съ этой стороны все обстояло превосходно. Деревня близко; отдежурилъ на станціи двѣнадцать часовъ—побѣжишь домой, съ косой поработать, вспахать, заборонить. И родителямъ жить ладно — два брата при дѣлѣ: одинъ въ Петербургѣ артельщикомъ, а другой въ Москвѣ, въ большомъ магазинѣ, подручнымъ у самого главнаго приказчика. Живутъ превосходно. И опять борозда окончилась, и твердая рѣшительная реплика:

— Только что безъ образовательнаго цензу! Ходу нѣтъ...

А благополучіе, окружавшее его семью, развертывалось все шире. Должно быть, младшій братъ былъ любимецъ: мой спутникъ сообщилъ о его необыкновенно блестящей карьерѣ, сообщилъ, что братъ на красной горкѣ женился, и по-мужицки долго и подробно объяснялъ, какая необыкновенная была свадьба въ деревнѣ, сколько было поѣзжанъ, во что обошлось вѣнчанье и балъ, на которомъ присутствовалъ хозяиновъ братъ и главный приказчикъ.

— Только что невѣстка уѣхала отъ насъ, два дня гостила... Такой, скажу вотъ, характеръ превосходный,—и не видывалъ! Тамбовская она, въ услуженіи жила въ Москвѣ у хорошихъ господъ,—но сколь себя образовала! Такая пріятная и деликатная дама,—можно сказать, выбралъ себѣ Ваня супругу!

— А вы женаты?—полюбопытствовалъ я.

Онъ понялъ и то, что стояло за моимъ вопросомъ, и охотно, съ тѣмъ же чувствомъ скромной гордости и съ удовольствіемъ отъ благополучія жизни, которая окружала его, отвѣтилъ:

— Четверо ребятъ... Я на свою супругу жаловаться не могу. Даже прямо нужно сказать—лучше и не надо!

Шестнадцать лѣтъ прожили—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ—дурного слова промежъ насъ не было сказано. Только что, конечно,—меланхолично добавилъ онъ,—безъ образовательнаго цензу...

Мнѣ сдѣлалось очень весело, но я степенно и серьезно замѣтилъ, что это дай Богъ всякому, хотя бы и съ образовательнымъ цензомъ. Стало очевидно, что я не понималъ во всемъ объемѣ его „образовательнаго ценза".

Мы уже не шли, а стояли около желѣзнодорожной насыпи, рядомъ съ которой бѣжала все время наша тропинка, и онъ, уже волнуясь и спѣша, размахивая руками, съ порозовѣвшими щеками, объяснялъ мнѣ:

— А по какому случаю, позвольте васъ спросить, я пришитъ къ своему дѣлу и не могу, напримѣръ, по телеграфной части пойти? Или, скажемъ,—братъ петербургскій... Старостой хотѣли его выбрать, а образовательнаго цензу не хватаетъ,—значитъ нельзя. Или Ваню взять, московскаго... Безъ бухгалтеріи ходу ему нѣтъ, ну, вотъ онъ занимается самъ по себѣ, а много ли самъ дойдешь? Вотъ мы три брата, непьющіе, и глупостей разныхъ за нами не водится, и могу сказать—не изъ послѣднихъ дураковъ, а кругъ жизни намъ закрытъ! Вотъ, скажемъ, канава, ну, еще черезъ нее можно перешагнуть, а тутъ рельсы, дальше ужъ нельзя...—Онъ оживленно размахивалъ руками.—Вотъ, значитъ, и стой всю жизнь по сю сторону, на той линіи, на которой родился!

— Вотъ, вы спрашивали давеча насчетъ деревни, надѣла и все прочее... Дѣдушка у меня три года какъ кончился; сказывалъ про барскія времена—совсѣмъ ни къ чему тогда былъ образовательный цензъ въ деревнѣ... А возьмите сейчасъ! Къ примѣру, травосѣяніе пошло,—очень одобряютъ, которые пытали, или взять теперь удобреніе... или, напримѣръ, съ земскимъ у насъ теперь склока идетъ. Говорю я имъ на сходѣ—до правительственнаго сената доходить надо,—а они мнѣ: „шея-то у насъ, чать, своя, не купленная..." А я знаю, что можно бы,—примѣры были, въ газетахъ читалъ. По-моему, въ нее, въ деревню, образовательнаго цензу подпустить надо. Тогда дѣйствительно.. Такъ ли я говорю?

Мы было двинулись, но снова остановились.

— И вотъ, напримѣръ, про жену... Дѣвочка у меня, по четырнадцатому году, старшенькая. Матери помогаетъ, потому трое еще малыши... Ну, кончила, земское училище—и все тутъ. А дѣвочка, можно сказать, на удивленіе, такая къ книжкѣ старательная. Даетъ ей телеграфистъ нашъ, Иванъ Петровичъ, но только все книжки легкія, все больше романы, вотъ что къ „Нивѣ" приложены, а такихъ, чтобы, значитъ, съ образовательнымъ цензомъ—понимать не можетъ.

И теперь мать,—зимой вечера длинные, а помочь не можетъ, разъяснить, напримѣръ, кругъ жизни. Въ бѣлошвейки или тамъ въ портнихи я ее—умру, не отдамъ! Такъ и проживетъ, какъ мы съ женой,—безъ образовательнаго ценза.

Мой спутникъ волновался, сѣрые глаза стали темнѣе и уже.

— Я такъ понимаю, господинъ, чтобы всякій человѣкъ имѣлъ вполнѣ образовательный цензъ, чтобы кругъ жизни ему былъ вольный, — онъ обернулся и сдѣлалъ широкій жестъ руками,—чтобы куда угодно податься могъ человѣкъ: хочетъ—въ лѣсъ, хочетъ—въ лугъ, за рельсы эти, а не то чтобы всю жизнь за прилавкомъ или, скажемъ, въ окошечко смотрѣть...

Медленно, неуклюже, тяжело громыхая, проползъ длинный и скучный товарный поѣздъ. Мы снова шли; расширившійся, разбуженный кругъ жизни развертывался все шире и шире въ головѣ моего спутника.

— Взять теперь слова эти,—послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ онъ.

— Какія слова?

— Вообще, что въ газетахъ теперь пишутъ. Что говорить,—слова правильныя, хорошія, насчетъ, напримѣръ, правъ, земли управленія, и все прочее, а только настоящаго слова нѣтъ.

— Какого слова?

— Насчетъ образовательнаго цензу. Пишутъ, напримѣръ, всеобщее обученіе, а какое обученіе, что обозначаетъ—не говорятъ. Ежели, напримѣръ, насчетъ грамоты, такъ никакого тутъ ценза нѣту. Ты говори прямо,—какое всеобщее! Я такъ понимаю,—все вообще... На доктора, напримѣръ, учиться или, скажемъ, по адвокатской части, насчетъ телеграфа, инженеромъ или кѣмъ тамъ тебѣ охота будетъ... Задарма, конечно... Ну, разложи по душамъ, никому не обидно, всѣмъ лестно. Есть у тебя тутъ сила-мочь—онъ дотронулся до своего лба—достигай чего любо, нѣтъ силы-мочи—оставайся въ старомъ званіи... Взять, теперь, адмирала Макарова?—неожиданно вставилъ онъ...—Писали, совсѣмъ изъ мелкаго званія...

...— Совсѣмъ мало въ Россіи образовательнаго цензу...—все говорилъ мой спутникъ.—Былъ я, напримѣръ, на службѣ,—около Вильны,—въ саперахъ... Родъ оружія, можно сказать—не пѣхота,—все умственное; мосты, напримѣръ, подкопы, минная часть... Въ три-то года какое бы образованіе я могъ получить,—а много-ли я знаю, хоть и унтеръ-офицеромъ вышелъ! Фельдфебель насъ училъ, а онъ у другого фельдфебеля учился, а тотъ у третьяго,—а чтобы офицеръ, какъ

должно, занялся,—ни Боже мой! Придетъ, взглянетъ,—и нѣтъ его. Потому—некогда:—въ офицерское собраніе надо, дамскій полъ, напримѣръ, все прочее. И скучно насъ деревенскихъ дураковъ оболванивать... Совсѣмъ мало образовательнаго цензу у господъ офицеровъ!..—заключилъ онъ.

Мы подходили къ усадьбѣ. Въ темной аллеѣ онъ остановился и, вытирая потный лобъ, заговорилъ:

— А какъ вы, господинъ, понимаете насчетъ войны?

Вопросъ былъ для меня неожиданный, и я отвѣтилъ:

— А вы какъ? Вы вѣдь, вотъ, военный человѣкъ...

Темная аллея была пуста, но мы говорили тихо, пониженными голосами, какъ заговорщики. Отвѣтъ у моего спутника былъ, очевидно, давно готовъ, и говорилъ онъ торопливо, видимо спѣша выложить всѣ мысли, какія у него были.

— Тутъ дѣло короткое... Я такъ, конечно, понимаю, что у насъ образовательнаго цензу мало,—вотъ въ чемъ исторія! Тамъ, въ газетахъ, пишутъ,—война зряшная, ни къ чему, артиллерія да флотъ противъ японскихъ не выстоятъ, генералы да адмиралы ослабѣли и, напримѣръ, воры вездѣ,—это все правильно, а только центра не въ этомъ... Сила вся—образовательный цензъ! Взять теперь ихняго унтеръ-офицера? Читаешь въ газетахъ,—въ плѣнъ взяли, или мертваго обыскивали,—у него и карта, у него и диспозиція и все, что требуется. Скажемъ, перебьютъ офицеровъ,—онъ сейчасъ можетъ команду принять,—онъ тебѣ и понтонъ наведетъ, онъ тебѣ не хуже офицера въ бой поведетъ... Да что я скажу, братецъ ты мой!—переходя на интимный тонъ еще тише говорилъ мой спутникъ:—Солдатъ у нихъ—и то всякій свое мѣсто понимаетъ и какая, напримѣръ, диспозиція! А нашего взять, убьютъ офицера—овца овцой... Я такъ понимаю,—торопливо говорилъ онъ,—нѣтъ у тебя образовательнаго цензу—и сиди за печкой, не лѣзь! Это, братъ, не съ туркой воевать! И сколько ты войска или, скажемъ, кораблей ни посылай,—все это ни къ чему,—все въ прорву уйдетъ. Такъ ли я говорю? Вы какъ понимаете?

Я отвѣтилъ, что понимаю именно такъ—и насчетъ войны, и насчетъ „всего вообще“, и мы разстались вполнѣ дружественно.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обернулся еще разъ и окрикнулъ меня:

— Въ нее, въ Россію, образовательнаго цензу подпустить надо! Тогда дѣйствительно...

Мы кивнули головами, въ знакъ совершеннѣйшаго согласія, и разошлись.

II.

Въ ту же ночь я выѣхалъ въ Петербургъ. Было какъ-то особенно легко и мирно. Послѣ южнаго моря съ вѣчно мѣняющимися красками, ослѣпительнаго солнца, темно-синяго неба, послѣ сѣрыхъ скалъ, черныхъ кипарисовъ и лиловыхъ глициній, мягкіе тона сѣвера трогали и умиляли,—и луга, и перелѣски, и волнующаяся зеленая рожь, и прохладныя облака. Мирно и благодушно улыбаясь, вспоминалъ я, засыпая, весь этотъ день, какъ-то по особенному ласковый, зеленый день, лѣсную рѣчку, почти недвижимую въ зеленыхъ берегахъ, моего степеннаго спутника съ медлительной вдумчивой рѣчью, его превосходную жену „безъ образовательнаго ценза"... И вдругъ я вздрогнулъ и поднялся, и сонъ убѣжалъ отъ меня. Все такъ же мѣрно, убаюкивая, пѣлъ поѣздъ однотонную, своеобразную пѣсню, а въ груди у меня заныло, и снова, недавно пережитое, жуткое чувство захватило меня. Только два дня назадъ. Я такъ же засыпалъ днемъ, утомленный безконечной, недвижной и безмолвной степью, убаюканный той же однотонной пѣсньго поѣзда, и вдругъ безпрерывный тревожный, жуткій вопль разбудилъ меня. Я бросился къ открытому окну вагона. На насыпи, впереди и сзади, куда только могъ окинуть глазъ, стояли и бѣжали за поѣздомъ люди и кричали:

— Газетъ! Газетъ!

Пожилые люди бросали свои заступы и лопаты, протягивали руки и глухими, старыми голосами вопили:

— Газетъ!.. Газетъ!.. Газетъ!..

Молодые бѣжали рядомъ съ поѣздомъ и звонко, какъ птицы въ высокомъ небѣ, кричали:

— Газетъ! Газетъ!

И крикъ былъ уже заученный, привычный, одинъ изъ тѣхъ заученныхъ мотивовъ, сдѣлавшихся всеобщими, какимъ народъ аукается въ темномъ лѣсу, проситъ милостыню подъ окнами.

Помню въ особенности одного юношу, съ бѣлыми зубами и блестящими черными глазами, съ непокрытой головой. Онъ летѣлъ, какъ птица, не отставая отъ поѣзда; онъ уже успѣлъ схватить одинъ выброшенный изъ вагона номеръ газеты и, прижимая его къ груди, все бѣжалъ и, я не знаю, какъ сказать,—яростный, жадный, молящій,—коротко, сдавленнымъ голосомъ, выкрикивалъ:

— Газетъ! Газетъ!

Пришла станція, и все было тихо. Опять шелъ поѣздъ, и опять непрерывающимся крикомъ кричала степь.

Я не сразу догадался, что то были ремонтные рабочіе, поправлявшіе размытый наканунѣ путь, — мнѣ казалось, что то кричитъ степь, что эти люди сбѣжались оттуда, изъ глубины ея, изъ-за старыхъ могилъ, съ низкихъ балокъ, отъ печальныхъ ракитъ, изъ бѣленькихъ и голубенькихъ домиковъ, сгрудившихся, какъ овцы, такъ печально и безпомощно затерянныхъ въ степи, что она, безмолвная и недвижимая, закричала и бросилась къ намъ — и было что-то жуткое и напряженное въ этомъ немолчномъ, однотонномъ воплѣ этихъ бѣгущихъ за поѣздомъ людей. Казалось, они догоняютъ насъ, хотятъ остановить бѣшеный курьерскій поѣздъ, и молятъ, и требуютъ, чтобы мы отдали, наконецъ, газеты, которыя читаемъ мы одни и которыя нужны имъ, какъ птицѣ крылья, какъ хлѣбъ голодному. И, очевидно, это жуткое и напряженное чувствовалось не мной однимъ. Я видѣлъ, какъ пассажиры торопливо рылись въ чемоданахъ, въ карманахъ своихъ пальто, разыскивая газеты, какъ торопливо бросали они въ окна и только что купленные, еще не развернутые номера газетъ.

Была глубокая ночь, вагонъ спалъ, тревожно стучалъ поѣздъ, неслись деревья, темныя, съ мохнатыми лапами, стоялъ странный свѣтъ въ лѣсу, — прозрачный и призрачный свѣтъ сѣверной ночи,— а предо мной ярко, какъ тò солнце, вставала та южная картина.

Сотни людей съ протянутыми руками; несется поѣздъ, справа и слѣва летятъ въ окна газеты и, не долетая до земли, схватываются жадными руками, и помню, одна развертывалась на лету, словно чьими-то руками, и, какъ птица съ широкими бѣлыми крыльями, долго неслась надъ высоко протянутыми руками, передъ жадно слѣдившими за ней глазами.

Да, я не ошибся,—то степь пришла требовать отъ курьерскаго поѣзда газетъ. Я выходилъ на станціи запасаться газетами (къ сожалѣнію, тамъ были все больше газеты съ малымъ образовательнымъ цензомъ) и видѣлъ, какъ толпа свитокъ гуськомъ тянулась къ столику съ газетами и вынимала пятаки; и когда уже не было ремонтныхъ рабочихъ, и мы проѣзжали мимо печальныхъ ракитъ и бѣлыхъ домиковъ, на насыпи насъ ждали люди въ свиткахъ и кричали: „Газетъ!"—а съ деревенской улицы неслись босоногіе мальчишки и съ развѣвающимися волосами кричали, какъ галчата:

— Газетку! Газетку!

Я уснулъ подъ утро. Къ намъ приближался Петербургъ съ хмурымъ небомъ, съ туманомъ, встававшимъ между деревьями,—сѣрый, холодный Петербургъ, который все не хочетъ расширять „кругъ жизни", не хочетъ давать Россіи образовательнаго ценза, не пускаетъ газетъ въ ту степь.

С. Елпатьевскій.

одышки, душевнаго страха и лихорадочнаго жара. Въ это время что-то зашумѣло въ кухнѣ, и пара тяжелыхъ сапогъ полетѣла въ комнату. За ней послѣдовалъ возгласъ:

— Тысяча чертей! Эта исторія мнѣ надоѣла, наконецъ, Кончится эта проклятая болтовня или нѣтъ?

Въ комнату вошелъ, шатаясь, долговязый человѣкъ, съ всклокоченный свѣтлой бородой, растрепенными волосами и застрявшими въ нихъ перьями изъ подушки, съ отекшимъ лицомъ и стеклянными глазами. Желтая рубашка его была разстегнута на косматой груди, рукава засучены поверхъ локтей.

— Чортъ меня возьми и его бабушка! — закричалъ онъ, остановившись съ широко разставленными ногами и упершись руками въ бока, при видѣ Готхольда, — что здѣсь за кутерьма? Жидовская синагога, что ли, что не даютъ честному христіанину вздремнуть?

Готхольдъ медленно поднялся и съ трудомъ освободилъ свою руку изъ рукъ больной.

Съ гнѣвно сверкавшими глазами пошелъ онъ на встрѣчу гиганту, бывшему на цѣлую голову выше его и смотрѣвшему на него теперь съ добродушно-насмѣшливой улыбкой своихъ заспанныхъ глазъ.

— Молчать! — сказалъ Готхольдъ, — я запрещаю вамъ произносить такія непристойныя рѣчи. Я—новый духовникъ здѣшняго прихода и пришелъ проповѣдывать слово Божіе въ жилищахъ, гдѣ живетъ нищета и бѣдность, потому что въ нихъ поселилось невѣріе и отчужденіе отъ Бога. Я молюсь съ этой больной и принесъ ей небесное утѣшеніе.

— Аминь!—вставилъ Мютцель, съ комично-притворнымъ смиреніемъ, поднявши глаза къ небу.—Громъ небесный! Было ли здѣсь что-нибудь подобное? Убѣждаете Рику молитвой!—онъ жестко засмѣялся.—Но знаете ли, не слѣдуетъ становиться поперекъ дороги человѣку, когда онъ хочетъ по своему проводить время, г. пасторъ, кандидатъ или кто вы тамъ... Когда я дома и хочу спать, тогда, примите это къ свѣдѣнію, я запрещаю кричать. Приходите, пожалуйста когда меня нѣтъ дома... Я не ревнивъ... Ну, собирайтесь чтобы опять придти. Вонъ тамъ плотникъ оставилъ дыру!—онъ указалъ на выходъ, съ отвратительнымъ смѣхомъ.

Кровь бросилась въ лицо Готхольда.

— Не богохольствуйте! — сказалъ онъ угрожающимъ тономъ, — вы также должны будете предстать передъ Божіимъ судомъ. Развѣ вы не думаете о возмезді и? На ва шей совѣсти такъ много грѣховъ, что у васъ есть всѣ осно ванія трепетать передъ вѣчнымъ правосудіемъ.

— Да,—протянулъ Мютцель разставляя ноги еще шире.—

Вы думаете? Развѣ Рика наболтала вамъ?.. Ну, знаете ли, мои дѣла не должны огорчать васъ... Понимаете? Трепещу я или нѣтъ, вамъ должно быть все равно... Ваша особа меня также не интересуетъ. Что вамъ вообще нужно здѣсь, милый человѣкъ? Мнѣ совсѣмъ нечего дѣлать съ попами. Я—атеистъ и соціалистъ. Намъ пальца въ ротъ не клади. Страхомъ ничего не подѣлаешь... Однимъ словомъ, скажу вамъ, смотрите, пожалуйста, нашъ дворецъ снаружи: съ улицы онъ гораздо красивѣе. Ну-съ, вопреки правиламъ гостепріимства я долженъ, просить васъ уйти, или я вынужденъ буду доставить васъ вмѣстѣ съ вашими лицемѣрными глупостями въ судъ... Ну?

Больная, съ возрастающимъ страхомъ, звала уже нѣсколько разъ: — Люде! Люде! — и одновременно бросала на Готхольда, стоявшаго съ плотно сжатыми губами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, умоляющіе взгляды, смягчавшіе его гнѣвъ. Онъ наклонился къ ней и взялъ ея руки.

— Вы хотите, чтобы я ушелъ?

— Да, пожалуйста, прошу васъ. Если онъ теперь еще больше разозлится, то станетъ ломать стулья и неистовствовать. Съ нимъ дѣлается нѣчто въ родѣ бѣлой горячки.

Готхольдъ медлилъ. Онъ бросилъ мрачный взглядъ на Мютцеля, стоявшаго съ оскаленными зубами и поднятыми кулаками.

— Не придти ли мнѣ опять?—тихо спросилъ онъ больную.

— Да, я очень прошу васъ объ этомъ, г. пасторъ. Мнѣ стало такъ хорошо. Завтра, если можете. Да? До обѣда его большею частью не бываетъ.

— А вы, между тѣмъ, молитесь, чтобы Богъ былъ милосердъ къ вамъ! — Онъ отошелъ отъ кровати и безстрашно направился на встрѣчу рабочему, который смотрѣлъ на него съ наклоненной впередъ головой и налитыми кровью глазами, точно готовый къ нападенію быкъ.

— Вамъ я еще не сказалъ послѣдняго слова,—проговорилъ онъ. — Теперь я ухожу, потому что ваша жена такъ хочетъ. Но я еще приду и разсчитаюсь съ вами. Будьте въ этомъ увѣрены.

Онъ пошелъ, погладивъ съ состраданіемъ головки дѣтей, сидѣвшихъ на полу, и закрылъ за собою дверь.

— Буду ужасно польщенъ этой честью! — услышалъ онъ позади себя.—Такое вѣжливое обращеніе не каждый день видишь!

И комната задрожала отъ страшнаго смѣха; казалось, что старикъ на подоконникѣ провалится вмѣстѣ съ нимъ.

Съ противорѣчивыми чувствами поднялся Готхольдъ по лѣстницѣ подвала.

Печаль и отвращеніе поднились въ его душѣ. Онъ спрашивалъ себя, не долженъ ли онъ былъ остаться? Быть можетъ, грубый забулдыга отмститъ больной женщинѣ за то, что она молилась съ нимъ? Не смотря на то, что у этой заблудшей души, готовящейся предстать передъ Богомъ, слова его упали на благопріятную почву, и ему казалось, что здѣсь, можетъ быть, онъ быстро достигнетъ своей цѣли, у него не было чувства удовлетворенія.

Онъ усталъ и былъ подавленъ... Одна изъ тысячъ! И та умирающая. А всѣхъ другихъ, которые, вѣроятно, также захотятъ закрыть передъ нимъ двери, какъ будетъ онъ обращать къ Богу?

„Атеистъ и соціалистъ!“ — хвасталъ про себя пьяница. Почему они такіе? Почему они отталкиваютъ отъ себя исцѣленіе, могущее облегчить ихъ бѣдность и нужду,—единственное средство, знакомое человѣчеству? Почему они не хватаются съ жадностью за это исцѣленіе? Здѣсь вѣдь источникъ, гдѣ они могли бы утолить свою жажду и успокоить горящія раны. Но они не склоняютъ къ нему своихъ устъ, не освѣжаютъ въ немъ своихъ ранъ. Гораздо больше трудятся они надъ тѣмъ, чтобы загрязнить чистыя воды этого источника и впускать по каплямъ разъѣдающій ядъ въ свои гноящіяся раны. Почему? Кто объяснитъ это непонятное?

IV.

Медленно шелъ Готхольдъ по улицамъ прирѣчнаго квартала. Онъ былъ недоступенъ новымъ впечатлѣніямъ; то, что онъ видѣлъ и слышалъ, еще слишкомъ сильно волновало его. Онъ едва заглянулъ въ міръ, съ которымъ намѣревался вступить въ борьбу, но этотъ единичный случай, развернувшійся передъ нимъ во всей своей наготѣ, символизировалъ сотни другихъ, о которыхъ ему предстоитъ узнать въ будущемъ. Ненависть и зависть къ хозяевамъ, тупое прозябаніе безъ Бога, безъ вѣры въ лучшее на томъ свѣтѣ—вотъ въ чемъ всѣ они походятъ другъ на друга. И въ этой тьмѣ онъ долженъ зажечь свѣточъ вѣчной истины!

Рабочій кварталъ, погруженный въ послѣобѣденный отдыхъ, остался позади. Среди безчисленнаго множества рабочихъ виллинговскихъ заводовъ, встрѣчавшихся ему по дорогѣ, онъ зналъ многихъ; ему казалось страннымъ, что большинство изъ нихъ ведетъ подъ руку нарядныхъ женщинъ, не смотря на то, что—Готхольдъ зналъ это—они не женаты. Вся эта яркая, нарядная толпа направлялась къ загородному саду. Онъ вспомнилъ, что сказала ему чахоточная:

она и Люде не могли обвѣнчаться, потому что по уставу виллинговскихъ заводовъ имъ запрещалось жениться, и они жили въ незаконномъ бракѣ. Не поступаютъ ли также и эти всѣ? Все ли обстоитъ благополучно въ этомъ „образцовомъ порядкѣ“, какъ онъ самъ думалъ и какъ думаютъ, будто бы другіе?

Когда Готхольдъ вошелъ въ переулокъ, онъ увидѣлъ наверху паркъ и виллу своего дяди. Онъ вспомнилъ о бѣдности роднаго дома. Уже его дѣдъ не могъ удержать за собою стараго родового имѣнія Венденъ. Трудно было сказать, что привело къ раззоренію: упадокъ ли сельскаго хозяйства вообще, грѣхи ли отца, растратившаго свою жизнь и деньги на военной службѣ, расточительный ли образъ жизни этого гордаго фонъ-Вендена, обязаннаго, какъ онъ полагалъ, вести жизнь большого барина, въ то время, какъ хлѣбъ еще на корню закладывался кредиторамъ: можетъ быть, все вмѣстѣ взятое.

Изъ стараго раззореннаго Венденскаго замка, расположеннаго недалеко отъ Балтійскаго моря и уже перешедшаго къ кредиторамъ, фабрикантъ Гербертъ Виллингъ взялъ себѣ тогда въ жены баронессу Констанцію. Удалось ли бы это ему при другихъ обстоятельствахъ, осталось весьма сомнительнымъ. Какъ самоувѣренный человѣкъ, онъ и тогда, видимо идя въ гору, чувствовалъ себя и держалъ, какъ богачъ. Вендены всегда строго слѣдили за чистотой своей крови и особенно, со времени своего постепеннаго паденія, крѣпко держались за старые завѣты и предразсудки своего рода. Тому, что съ давнихъ временъ было признано справедливымъ, они слѣдовали съ желѣзной твердостью, и ничто не могло заставить ихъ свернуть съ дороги, если бы даже имъ угрожала нужда и опасность. Ихъ упрямство и настойчивость, какъ въ хорошемъ, такъ въ дурномъ, были общеизвѣстны. Крушеніе ли венденскаго благополучія и блеска, вызвавшее, почти одновременно, у стараго барина ударъ, оставившій параличъ половины тѣла, поколебало венденовскую неумолимость; или другая причина (многіе въ тихомолку говорили, что богатый зять, получившій еще до брака съ Констанціей фонъ-Венденъ дворянское достоинство, своими деньгами покрылъ нѣкоторыя сомнительныя финансовыя операціи барона, грозившія поколебать довѣріе къ имени Венденъ), такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Старый баронъ недолго прожилъ послѣ раззоренія своего дома и брака своей дочери. Онъ былъ избавленъ отъ того, чтобы видѣть, какъ его единственный сынъ, отецъ Готхольда, несъ послѣдствія этихъ событій. Не будучи въ состояніи жить съ женою и дѣтьми на офицерское жалованье, онъ, какъ

мнимый богатый наслѣдникъ, женился на очень бѣдной дѣвушкѣ, дочери знатнаго генерала, имѣвшаго много дѣтей; отказался отъ службы и получилъ мѣсто инспектора въ благотворительномъ учрежденіи въ одномъ маленькомъ городкѣ, вдали отъ общества, гдѣ онъ, какъ молодой морской офицеръ, не могъ разсчитывать на успѣхъ. Въ атмосферѣ постоянныхъ огорченій, искусственно замаскированной бѣдности и строгой религіозности, замѣнявшей всѣ блага міра и являвшейся какъ бы щитомъ противъ соблазновъ жизни, выросъ Готхольдъ. Въ домѣ его отца гораздо чаще молились, чѣмъ ѣли. Въ особенности мать изливала въ молитвахъ разочарованія, постигшія ее въ жизни и сдѣлавшія ее суровой и скрытной. Отецъ же становился все апатичнѣе и смиреннѣе. Наконецъ, этого тихаго человѣка не стало слышно въ домѣ: въ одинъ прекрасный день нашли его мертвымъ въ постели. Врачъ констатировалъ разрывъ сердца; оказалось, что умершій носилъ въ себѣ тяжелое сердечное страданіе уже много лѣтъ, не проронивъ никогда слова жалобы и не дѣлая упущеній въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ. До послѣдняго часа служилъ онъ вѣрно на своемъ посту, не принимая никогда помощи, откуда бы она ни предлагалась. Прежде всего онъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи не пользоваться какой бы то ни было помощью отъ своего богатаго зятя, неустанно предлагавшаго ее со свойственной ему широко-рыцарской готовностью.

Такъ умеръ онъ, какъ настоящій Венденъ, и Готхольдъ сохранилъ глубокое благоговѣніе къ умершему, хотя не былъ съ нимъ никогда близокъ при жизни.

Нужда сдѣлалась постоянной гостьей въ домѣ.

Теперь зять, назначенный опекуномъ осиротѣвшихъ дѣтей, долженъ былъ принять въ нихъ участіе, тѣмъ болѣе, что мать была совершенно неопытна въ жизни и изъ-за дѣлъ своего религіознаго кружка пренебрегала часто заботами о домѣ. Возведенный въ дворянское достоинство, коммерціи совѣтникъ, богатство и значеніе котораго все возрастало, хотѣлъ пустить Готхольда по военной дорогѣ. „Венденъ долженъ носить военный мундиръ“,—былъ его постоянный припѣвъ. Но Готхольдъ проявилъ настойчивость. Отецъ не разъ предостерегалъ его на счетъ блестящаго мундира, вмѣстѣ съ которымъ взваливается на плечи цѣлая масса предразсудковъ и часто невыполнимыя, соотвѣтствующія положенію, обязанности. Онъ хотѣлъ предостеречь его отъ этого блестящаго убожества и предрасполагалъ къ духовному поприщу. И самъ Готхольдъ, подъ вліяніемъ атмосферы, царившей въ родительскомъ домѣ, въ своихъ мысляхъ о будущемъ такъ свыкся съ этимъ самопожертвованіемъ, что пугался

всякой новой возможности устроить жизнь иначе. Въ немъ жило горячее стремленіе дѣйствовать и приносить пользу. Въ его крови были капли другой крови, побуждавшей его отдаленныхъ предковъ строить свои укрѣпленные замки вблизи моря и пытаться мѣшать многочисленнымъ набѣгамъ однихъ на владѣнія другихъ, чтобы этимъ путемъ множить свои имѣнія и помѣстья. Можетъ быть, въ немъ была часть крови властелиновъ, сидѣвшихъ такъ долго на земляхъ Венденъ и правившихъ, какъ маленькіе короли. Ничто земное не привлекало его, за то онъ желалъ пріобрѣсти власть надъ духомъ и стать руководителемъ тѣхъ, кто алчетъ и жаждетъ вѣчнаго исцѣленія, среди убожества міра. Его жизнь должна принадлежать бѣднымъ и несчастнымъ. И съ чисто венденской непоколебимостью и послѣдовательностью шелъ онъ къ своей цѣли, одобренной матерью и разсматриваемой имъ, какъ послѣднее желаніе отца. Коммерціи совѣтникъ также долженъ былъ, въ концѣ концовъ, согласиться съ его планами. Къ тому же, вовсе не составляло рѣдкости, что сыновья старинныхъ, знатныхъ фамилій появлялись на церковныхъ каѳедрахъ; у католиковъ уже давно вошло въ обычай, что они надѣваютъ священническія ризы или монашескую рясу. Одинъ изъ Венденовъ въ санѣ духовнаго лица можетъ легко сдѣлаться могучей защитой для находящагося въ опасности патріархальнаго порядка вещей, когда распространяющееся по всей странѣ невѣріе мощно подниметъ свою голову. При этомъ коммерціи совѣтникъ думалъ также и о своихъ интересахъ. Соціальный вопросъ начинаетъ занимать широкіе круги, и въ непрерывно растущихъ рядахъ рабочихъ начинается броженіе. Четвертое сословіе развернуло свое знамя, и это знамя окрашено кровью.

Готхольдъ уловилъ мысли, высказанныя мимоходомъ его дядей, когда они посѣтили однажды промышленный участокъ: здѣсь, гдѣ проповѣдуется „новое ученіе“ объ общей собственности и неправотѣ владѣющихъ землею, духовному отцу слѣдуетъ дѣйствовать съ увлеченіемъ, и жадной зависти неимущихъ и сокрушительному ихъ стремленію противопоставить Крестъ, какъ заклинательную формулу и путь къ единственному исцѣленію. Прежде всего, конечно, придется серьезно углубиться въ науку. Безъ сомнѣнія, самому прилежному студенту теологіи она достается гораздо труднѣе, чѣмъ достанется послѣднему барону фонъ-Венденъ. Его учителя старались удержать его на профессорскомъ поприщѣ, но онъ былъ твердъ: его жизнь должна принадлежать страждущему человѣчеству. Онъ хотѣлъ дѣйствовать, какъ миссіонеръ, но не въ далекихъ частяхъ свѣта, а проповѣдывать евангеліе среди

своихъ братьевъ, удалившихся отъ Бога, внести свѣтъ святой истины во тьму, гдѣ гнѣздится несчастіе и безнадежность, горе и возмущеніе.

Вооруженный всѣми знаніями богословской науки, онъ оставилъ университетъ, чтобы на первыхъ порахъ занять мѣсто священника въ деревенскомъ приходѣ и имѣть досугъ для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Поэтому Готхольдъ охотно принялъ мѣсто, предложенное ему его дядей въ Цюльховѣ, близь Штетина. Къ этому времени умерла его мать, и онъ взялъ къ себѣ сестру.

Съ этими воспоминаніями Готхольдъ шелъ по дорогѣ къ виллѣ коммерціи совѣтника. Пройдя липовой аллеей отъ рѣшатчатой калитки до главнаго входа въ домъ, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собой старый замокъ Венденъ. Странно, что только теперь ему бросилось въ глаза, насколько его дядя, при постройкахъ въ имѣніи, бралъ за образецъ родовой домъ Венденовъ. Хотя самъ Готхольдъ былъ тамъ одинъ разъ въ гостяхъ у своего дѣдушки, этого стараго, красиваго господина съ большой, бѣлой бородой и съ блестящими молодыми глазами, но онъ очень хорошо помнитъ тѣнистую аллею изъ старыхъ липъ, ведущую отъ полуразрушенныхъ, украшенныхъ гербами каменныхъ воротъ къ замку. И какъ эта бѣлая вилла, онъ также былъ окруженъ зеленой рамкой подстриженныхъ деревьевъ. Но только тамъ все было старо, ветхо и носило отпечатокъ грусти, а здѣсь все блестѣло и сіяло свѣжестью. Миновало время старыхъ феодальныхъ замковъ, уступившихъ мѣсто роскошнымъ вилламъ королей промышленности. Ливрейный лакей, встрѣтившій Готхольда, доложилъ ему, что господа теперь въ паркѣ и что сейчасъ только пили кофе на террассѣ; не проводить ли г. пастора? Готхольдъ отклонилъ предложеніе, прошелъ въ садъ по широкому корридору, вымощенному цвѣтными каменными плитами, и вышелъ на террассу, обставленную олеандрами и лимонными деревьями въ деревянныхъ кадкахъ. Стѣна виллы была увита здѣсь цвѣтущими глициніями. Надъ благоухающими лиловыми кистями кружилось безчисленное множество шмелей. Глазамъ открывалась картина простора сквозь верхушки деревьевъ, покрывавшихъ всѣ неровности холмистой почвы волнующимся моремъ зелени. Въ огромной китайской клѣткѣ щебетали и летали пестрыя экзотическія птицы. Видъ на городъ совершенно закрывался высившейся на противоположной сторонѣ цѣпью холмовъ; шума заводовъ совершенно не было слышно; слѣва виднѣлась, сверкавшая среди зелени луговъ, часть рѣки, со скользящими по ней большими бѣлыми судами; прямо выступала постройка новой церкви, въ рамкѣ фрук-

товыхъ деревьевъ. Только сегодня въ первый разъ Готхольдъ подумалъ, какъ здѣсь все хитро задумано и устроено. Здѣсь чувствовалось, — будто живешь на свободной, далекой вершинѣ, уединенной и удаленной отъ свѣта, среди обаянія свѣжей весенней природы, окруженный всевозможнымъ утонченнымъ комфортомъ, а тамъ внизу давитъ своимъ стономъ и плачемъ суровая жизнь, которую онъ только что наблюдалъ съ сердечнымъ ужасомъ.

— Наконецъ-то!—привѣтствовалъ его коммерціи совѣтникъ, державшій между пальцами сигару и чашку мокко въ рукѣ.— Ты долго заставилъ себя ждать!

Готхольдъ пробормоталъ извиненіе, здороваясь съ его женой, сидѣвшей въ плетенномъ креслѣ. Блѣдная и молчаливая, какъ всегда, она все еще была красивой, представительной женщиной, съ чисто венденской наружностью, съ сильно выдающимся лбомъ и мягкимъ выраженіемъ губъ. Но въ ея темныхъ глазахъ, такъ красиво гармонировавшихъ съ волнистыми посѣдѣвшими волосами, было совсѣмъ не венденское выраженіе страха или ужаса передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Въ противоположность твердой повелительной фигурѣ мужа, во всемъ ея существѣ было что-то нѣжное и робкое.

Рядомъ съ нею сидѣла дочь ея, Валеска, настоящій портретъ отца, быть можетъ, черезчуръ плотная и сильная для своего пола и восемнадцати лѣтъ. Ее можно было назвать очень красивой, но было что-то слишкомъ наивное въ большихъ, слегка выпуклыхъ, голубыхъ глазахъ и въ румяномъ, дышащемъ здоровьемъ, полномъ лицѣ. Въ ея обращеніи сквозило простодушное ухарство, губы казались всегда готовыми смѣяться. На ней былъ костюмъ для тенниса изъ бѣлой шерстяной матеріи, оставлявшій открытой прекрасной формы шею. Перегнувшись черезъ столъ, она, не обращая вниманія на Готхольда, поддерживала разговоръ въ очень веселомъ тонѣ съ двумя молодыми людьми, сидѣвшими противъ нея. Коммерціи совѣтникъ представилъ одного изъ нихъ, г. фонъ-Бренкендорфа, поручика квартировавшаго въ городѣ пѣхотнаго полка, маленькаго подвижного офицерика, съ ординарнымъ лицомъ, черными усами и въ пенснэ на носу. Во второмъ, сидѣвшемъ неподвижно и сосредоточено, въ черезчуръ элегантномъ костюмѣ, съ рубцомъ на щекѣ и моноклемъ въ глазу, Готхольдъ узналъ секретаря правленія, Губерта Виллинга, племянника коммерціи совѣтника. Онъ поднялся съ изысканнымъ достоинствомъ, чтобы протянуть Готхольду три пальца согнутой подъ прямымъ угломъ руки, и пробормоталъ: „Чрезвычайно пріятно!"—Затѣмъ онъ снова сѣлъ, выпрямившись, какъ прежде, погла-

живая рукой то вьющіеся рыжіе волосы, съ проборомъ по серединѣ, то проводя по бритымъ усамъ и прислушиваясь къ разговору между Валеской и поручикомъ. Сознаніе своего превосходства отражалось на его умномъ лицѣ, съ удивительно безстрастными глазами.

— Нашъ Теодоръ такого же возраста,—сказала фрау Виллингъ, указывая на племянника, — я нахожу, что они очень похожи другъ на друга, какъ внѣшностью, такъ и внутренними достоинствами. Теодоръ совсѣмъ другой, чѣмъ Валеска... Но представь себѣ, Готхольдъ: мальчикъ не желаетъ уѣзжать изъ Англіи! Вѣроятно, тамъ онъ чувствуетъ себя лучше.—Она посмотрѣла на него печальными глазами.

По широкому выпуклому лбу коммерціи совѣтника, казалось, мелькнула тѣнь, когда онъ заговорилъ:

— Ну, что жъ такое? Для насъ, промышленныхъ людей, тамъ безконечно многому можно научиться. И я послалъ его туда именно для ученія. Эта страна и этотъ народъ замѣчательны тѣмъ, что имъ или отдаешься душою и тѣломъ, или дѣлаешься ихъ врагомъ. Середины, кажется, не бываетъ... Во всѣхъ англичанахъ есть что-то удивительно притязательное, какое-то желаніе имѣть все для себя, все приноравливать къ себѣ. Теодоръ сдѣлался современнымъ англичаниномъ... Каждаго слѣдуетъ предоставить его собственнымъ вкусамъ.

— Но вѣдь онъ у насъ единственный! — печально проговорила фрау Виллингъ.—И у меня какое-то предчувствіе, Гербертъ, какое-то предчувствіе...—Ея глаза становились все неподвижнѣе.

— Ахъ, твои вѣчныя предчувствія!

— Онъ навѣрное не вернется, Гербертъ. Ты увидишь.

Коммерціи совѣтникъ злобно засмѣялся:

— Это было бы недурно! Я спрашиваю: почему? Вѣдь ему здѣсь, кажется, не плохо... — Онъ привѣтливо улыбнулся.

Фрау Виллингъ сложила свои худыя, бѣлыя руки, потеревъ одну о другую, и уставилась на нихъ неподвижнымъ взглядомъ. Ее какъ будто знобило.

— Пока все не рухнетъ въ одно прекрасное утро,—пробормотала она,—пока тѣ тамъ не проснутся и не придутъ сюда, Гербертъ... Теодоръ это также предвидитъ, какъ и я. Поэтому онъ и не вернется.

Виллингъ покачалъ головой не то съ состраданіемъ, не то съ гнѣвомъ.

— Изумительно!—произнесъ онъ со вздохомъ.—Всегда одна и та же навязчивая идея, изъ которой вытекаетъ у тебя все остальное. Ахъ, если бы тебя можно было сразу вылѣчить

отъ нея! Я спрашиваю, развѣ на моихъ заводахъ все такъ мерзко, что можно принимать рабочихъ за голодныхъ собакъ, готовыхъ сорваться съ цѣпи каждую минуту и напасть на насъ? Пусть тебѣ скажетъ любой, кто наблюдалъ своими собственными, безпристрастными глазами. Тебя вѣдь не уговоришь и не убѣдишь, и мнѣ ты не вѣришь.

Фрау Виллингъ бросила испытующій взглядъ на Готхольда, прислушавшагося съ изумленіемъ къ разговору и заговорившаго теперь тономъ состраданія:

— Неужели, дорогая тетя,—ты такъ боишься? Ты совершенно неправильно рисуешь положеніе дѣлъ? Нѣтъ никакихъ основаній для страха. Мнѣ кажется, что тамъ, внизу, думаютъ о чемъ угодно, только не о возстаніи и мятежѣ. И затѣмъ, я могу себѣ позволить сказать опредѣленно, что на виллинговскихъ заводахъ все устроено такъ прекрасно, что рабочимъ трудно найдти поводъ къ недовольству.

— А если бы что случилось, сударыня, то вѣдь мы тоже еще здѣсь, такъ сказать,—вскричалъ поручикъ фонъ-Бренкендорфъ. — Пока у насъ есть еще патроны, можете быть спокойны. При первой командѣ: пли!—вся эта глупая толпа разлетится въ разныя стороны. Мнѣ это знакомо. Я стоялъ въ Вестфаліи, когда, два года тому назадъ, начались большіе безпорядки въ рудникахъ... Эти мужики удирали, какъ овцы, только пятки сверкали, при чемъ самые большіе болтуны бѣжали впереди всѣхъ... Все это пустяки! Ручаюсь, сударыня, что безъ капли крови мигомъ спроважу этотъ сбродъ, если только что-нибудь случится...

— Совершенно вѣрно,—прервалъ секретарь холоднымъ, беззвучнымъ голосомъ, вынувъ монокль изъ глаза.—Главное— не шутить, не шутить въ такихъ случаяхъ! Показать примѣръ немедленно. Тогда эти люди сразу поймутъ... Собственно, нельзя даже понять, чего они хотятъ? Правительство провело соціально-политическія реформы высокой важности; его величество самъ интересуется этими вопросами. У насъ есть страхованіе на случай старости, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ; эти люди прекрасно устроены; взгляните, наконецъ, на дядюшкину расцѣнку: тутъ просто нежеланіе работать! Я хотѣлъ бы знать, почему нужно соображаться съ требованіями этихъ людей?.. Нашъ братъ, послѣ многолѣтняго ученія, послѣ долгой подготовительной службы, послѣ двухъ испытаній и Богъ знаетъ какой обременительной работы, все-таки не получаетъ еще отъ государства и мѣднаго гроша! А вѣдь дѣлаетъ немножко больше, чѣмъ эти блузники... Но объ этомъ эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго представленія...

Фонъ-Виллингъ закурилъ новую сигару.

— Да, вполнѣ справедливо,—сказалъ онъ, выпуская изо рта голубое облачко дыма,—для нихъ дѣлаютъ достаточно. И обязаны дѣлать. Это христіанскій долгъ, не только справедливо со стороны государства, но и связано съ его выгодой, потому что необходимы дѣльныя рабочія руки, чтобы идти впередъ. Владѣлецъ фабрики, содержащій плохо своихъ рабочихъ или обращающійся худо съ ними, вредитъ самому себѣ. Все обусловливается взаимной, дружной работой: рабочій долженъ интересоваться фабрикой, ему должно быть тамъ хорошо, тогда онъ дорожитъ мѣстомъ и старается. Высокое вознагражденіе и хорошее обращеніе всегда оплачиваются.

— Не забывайте дисциплины, г. фонъ-Виллингъ!—вскричалъ поручикъ.—Дисциплина необходима! Эти мужики обязаны повиноваться! Исполнять свои обязанности мы вѣдь всѣ должны!.. Царь небесный! Я не понимаю, почему съ этимъ народомъ обращаются такъ бережно!

Даже совѣтникъ покачалъ головой.

— При гуманныхъ принципахъ, преслѣдуемыхъ тобою, дядя, не должно возникать никакого соціальнаго вопроса!—замѣтилъ Готхольдъ.

— Къ тому же онъ страшно надоѣлъ,—перебила, смѣясь, Валеска.—День и ночь только и говорятъ, что о немъ. Романы, драматическія произведенія, газеты—все наполнено соціальнымъ вопросомъ. Хоть волоса на себѣ рви!.. Что за односторонность! Вѣчно однѣ и тѣ же фразы—и ни шагу впередъ! Какъ есть, такъ и должно быть, какъ было всегда, такъ и будетъ. Надо же, наконецъ, это понять! Къ тому же этимъ людямъ совсѣмъ не плохо. Какъ много для нихъ сдѣлано! Иногда я смотрю на все и прямо горжусь. Если бы я случайно не была дочерью коммерціи совѣтника, я хотѣла бы быть рабочимъ у папы.

Поручикъ и секретарь засмѣялись.

— Ну, ну, ну,—погрозилъ пальцемъ коммерціи совѣтникъ.

Готхольдъ не выразилъ удивленія, а фрау Виллингъ покачала головой съ выраженіемъ испуга.

— Въ самомъ дѣлѣ, — настаивала Валеска, опершись своимъ бѣлымъ и круглымъ подбородкомъ на руку,—я вовсе не шучу. Народъ стоитъ на первомъ планѣ общественныхъ интересовъ; все вертится вокругъ него. Чего мы ни устроили для рабочихъ: столовыя, магазины для снабженія одеждой, больницы—ужъ не знаю еще что. Вездѣ шумятъ о благотворительныхъ обществахъ. И вездѣ надо быть!.. Настоящій спортъ!.. Я твердо убѣждена, что черезъ нѣкоторое время нуждающихся будутъ искать черезъ газетныя объявленія, иначе не найдутъ. Нѣтъ, имъ хорошо! Недавно въ нашей народной столовой мы съ Дорой Мартенсъ пробовали карто-

фельный супъ,—прямо великолѣпный! Такого вкуснаго намъ Христина никогда не подаетъ на столъ.

— Завтра попробую непремѣнно,—объявилъ поручикъ.— У насъ въ Казино ничего подобнаго нѣтъ. А въ солдатской кухнѣ, гдѣ приходится ѣсть, когда бываешь тамъ дежурнымъ— брр! Мужики, конечно, чувствуютъ себя превосходно. Да, и желудки ихъ... Мы всегда судимъ по себѣ. Точно этотъ сортъ людей имѣетъ тѣ же потребности, тѣ же чувства, что и мы! Неправильныя сужденія и приводятъ къ современной сентиментальности. Они ни въ чемъ не нуждаются, потому что ничего другого не знали. Вотъ, если бы мы были въ ихъ положеніи, съ нашими утонченными нервами и чувствами,— о! à la bonne heure! Тогда можно было бы горевать. Какъ вы думаете, г. фонъ-Виллингъ?

— Отчасти справедливо,—отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ разсѣянно, и на его лбу появилась складка.—Главное дѣло въ томъ, что соціальный вопросъ не есть только вопросъ желудка; какъ таковой, мы его разрѣшили, насколько возможно при несовершенствѣ на землѣ,—это прямо можно сказать. Теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ религіозный. Народу снова нужно дать религію: иначе не будетъ удовлетворенія. И это то, чего мы ждемъ отъ ближайшаго будущаго, какъ здѣсь, такъ и повсюду...

Его послѣднія слова звучали почти торжественно. Слушатели молчали. Поручикъ смотрѣлъ на столъ, а секретарь кивалъ головою. Госпожа Виллингъ сложила руки и закрыла глаза.

— Дай Богъ!—прошептала она.

Валеска безпокойно двигалась на своемъ стулѣ. Послѣ приличной паузы, она воскликнула:

— Ну, что-жъ, господа, какъ же съ нашимъ теннисомъ? Теперь какъ разъ время...

Оба молодыхъ человѣка вскочили.

— Какъ прикажете, сударыня,—сказалъ поручикъ, приставивъ два пальца къ козырьку фуражки,—хотя моя форма...

Валеска засмѣялась своимъ задорнымъ смѣхомъ.

— Вотъ идея! Конечно, вы оба должны переодѣться. Губертъ, ты вѣдь знаешь, куда идти. Проведи г. фонъ-Бренкендорфа въ гардеробную. Только, пожалуйста, поскорѣе, господа!—И она захлопала въ ладоши, какъ бы для того, чтобы поскорѣе прогнать ихъ.

Когда они скрылись, она подошла къ Готхольду.

— Тебя, надѣюсь, нечего приглашать участвовать въ игрѣ. Конечно, не прилично?

— Я не видѣлъ бы въ этомъ грѣха,—возразилъ Готхольдъ, смотрѣвшій передъ собою сосредоточено и безмолвно все время разговора,—но я не знаю этой игры, и не найду въ

ней удовольствія. Кромѣ того, пока вы будете играть, я поговорю кое о чемъ съ твоимъ отцомъ: мнѣ нужно о многомъ переговорить.

Она кивнула головой, какъ будто хотѣла сказать: „я такъ и думала“, и прибавила:

— Надѣюсь, ты не сердишься, что я не была сегодня у тебя въ церкви? Знаешь, я охотно ходила бы даже изъ одного любопытства. Но я совершенно не переношу этого помѣщенія. Этотъ запахъ рабочихъ... фи! Право, можетъ сдѣлаться дурно. Не требуй отъ меня! Вотъ, когда будетъ готова новая церковь, ты будешь видѣть меня каждое воскресенье. Тамъ у насъ будетъ собственное мѣсто, и легче будетъ выносить... Конечно, на всякій случай буду захватывать съ собою пульверизаторъ съ о-де-колономъ...

— Валеска, какъ ты легкомысленна!—вскричала ея мать.— Развѣ можно смѣяться надъ честнымъ трудовымъ потомъ!..

— Конечно, нѣтъ, но не зачѣмъ и нюхать его, мама! Вѣдь этимъ никакой пользы имъ не принесешь. Когда мы идемъ въ народную столовую, мы всегда сильно душимся, иначе не вытерпишь при раздачѣ... Скажи, пожалуйста, Готхольдъ, я хотѣла спросить тебя: ты—строго вѣрующій?

Мать нахмурила брови.

— Почему тебя интересуетъ этотъ вопросъ?—спросилъ Готхольдъ.—И что ты понимаешь подъ этимъ словомъ? Я— служитель нашей церкви, дѣйствительно исповѣдующій нашу религію. Я думаю, ты не сомнѣваешься въ этомъ?

— Та-акъ!—протянула она, и на ея открытомъ лицѣ отразилось нѣкоторое разочарованіе.—Я думала собственно...

— Ну, что еще за глупости?—спросилъ коммерціи совѣтникъ.

— Что дѣлать, папа! Я нахожу, что свободомыслящіе священники гораздо интереснѣе... И я думаю, что молодые должны быть всегда свободомыслящими.

— Благодареніе Богу, нѣтъ!—возразилъ Готхольдъ.—И я рѣшительно не понимаю, такъ называемаго, церковнаго либерализма, милая кузина! Или вѣрить въ то, что предписываетъ намъ наша церковь, или совсѣмъ не вѣрить. Но выбирать по собственному благоусмотрѣнію то, чему хочешь вѣрить и чему не хочешь, этого нельзя. Кто уничтожитъ своими дерзкими руками самый малый изъ сихъ камней, тотъ поколеблетъ все зданіе. Какъ эти, болѣе интересные для тебя, свободомыслящіе пасторы справляются со своей совѣстью, какъ они согласуютъ свое свободомысліе съ обѣтомъ священства,—я не знаю. Если бы я былъ на ихъ мѣстѣ, я зналъ бы, что мнѣ, какъ честному человѣку и христіанину, остается одно: снять рясу и отказаться отъ мѣста. Никакого компромисса здѣсь быть не можетъ!

— Браво! Браво!—вскричалъ коммерціи совѣтникъ.—Что отдалило массы пролетаріевъ отъ религіи, какъ не эти сами дерзкіе новаторы въ рясахъ, съ самаго начала разъяснившіе имъ, что не во все слѣдуетъ вѣрить, и толкнувшіе ихъ на путь невѣрія? Безразсудная толпа увидѣла, или, лучше, безсовѣстные подстрекатели, живущіе тѣмъ, что смущаютъ народъ, подсказали ему: если можно часть выбросить за бортъ и всетаки стоять на церковной каѳедрѣ, то почему же не отказаться отъ цѣлаго? То и другое было достойно довѣрія. Значитъ, зачѣмъ же нуженъ священникъ! Вотъ что и сдвинуло камни. Такъ и пошло. Невѣрующая, отдалившаяся отъ Бога чернь стала хорошимъ матеріаломъ для агитаторовъ; взамѣнъ потеряннаго Евангелія царствія Божія, она воспринимала новое, соціалистическое, о царствіи Божьемъ на землѣ, болѣе близкомъ, желанномъ, и потому пробуждающимъ всѣ порочныя и низкія страсти. Религія требовала отъ людей терпѣнія и отреченія, а новое ученіе распространяется объ ихъ мнимыхъ правахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ энергичнѣе выставляются требованія. Разъ надежды на загробную жизнь исчезли, слѣдуетъ стараться устроиться на землѣ вдвойнѣ удобнѣе, безъ всякаго опасенія отвѣтственности въ будущемъ за избранныя для того средства. Такимъ образомъ, паденіе нравовъ все шло впередъ и впередъ, и, наконецъ, получилось то, что мы видимъ сейчасъ... Толчекъ дала либеральная теологія. Она явилась источникомъ соціалъ-демократіи, анархизма и всего революціоннаго движенія въ народѣ. Разъ началось колебаніе на rocher de bronce вѣры, удержаться нельзя. Пробуждаются всѣ животные инстинкты; все, что до сихъ поръ было прочно, свято и казалось непоколебимымъ, неудержимо и безпорядочно рушится. Соціальный вопросъ, повторяю, есть вопросъ религіи. Сюда и должны быть направлены наши взоры. То, что современный либерализмъ испортилъ въ теологіи, то можетъ и должна исправить ортодоксія. На ней и только на ней зиждется надежда нашего будущаго. Она возвратитъ заблудшихся, а постоянно ищущихъ и не находящихъ внутренняго успокоенія въ новомъ ученіи соберетъ вновь подъ знаменемъ Креста. На этотъ счетъ я не опасаюсь. Христіанская религія переживала болѣе тяжелые кризисы, чѣмъ современный. Мы побѣдимъ, какъ сказано въ апостольскихъ дѣяніяхъ: „нѣтъ бо исцѣленія внѣ Его“!

Онъ говорилъ горячо, и голосъ его усилился до проповѣдническаго паѳоса. Еще юношей онъ хотѣлъ сдѣлаться проповѣдникомъ, и слуги ихъ дома слушали его цѣлыми часами, разинувъ рты, когда онъ въ кухнѣ, забравшись на скамейку, наставлялъ ихъ. „Нашъ маленькій пасторъ“ называли они

его. Но смерть старшаго брата заставила его, по волѣ отца, взяться за управленіе виллинговскими заводами, ставшими тогда же его собственностью. Его либеральные противники въ тихомолку еще и до сихъ поръ зовутъ его: „великій промышленникъ въ рясѣ“.

Теперь онъ всталъ, провелъ слегка своимъ носовымъ платкомъ по лбу, съ блестѣвшими на немъ каплями пота.

Валеска, раскрывши глаза, все время прислушивалась къ его рѣчи, отчасти какъ бы не понимая, отчасти не довѣряя, между тѣмъ какъ мать, сидѣвшая у стола, со своими сложенными руками, тихо шевеля губами, какъ будто все время шептала молитвы.

Готхольдъ также всталъ, подошелъ къ дядѣ и молча пожалъ его руки. Онъ былъ тронутъ. Только послѣ продолжительной паузы онъ могъ сказать вполголоса:

— Ты правъ, дядя. И я говорю вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: мы исповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для эллиновъ безуміе. Для призванныхъ же, іудеевъ и эллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость!..

Оба молодыхъ человѣка вернулись въ фланелевыхъ костюмахъ для тенниса и прервали наступившее молчаніе. Валеска, видимо, осталась недовольна. Когда они уходили, она шепнула Губерту Виллингъ:

— Послушай, а вѣдь кузенъ Готхольдъ совсѣмъ черный!

Секретарь кивнулъ ей со свойственнымъ ему достоинствомъ скороспѣлки.

— Это хорошо. Такіе люди намъ теперь нужны, какъ борцы за тронъ и алтарь. Теперь не время для нерѣшительности и равнодушія. Необходимо, видишь ли, натянуть поводья какъ можно сильнѣе... и *ракеты впередъ!*

Коммерціи совѣтникъ взялся опять за свою потухшую было сигару, позвонилъ и приказалъ пришедшему лакею приготовить въ кабинетѣ двѣ бутылки штейнбергера во льду.

— Лучшій напитокъ въ такой жаркій лѣтній день,—сказалъ, онъ улыбаясь. — А пока пройдемся, если хочешь, по парку.

Готхольдъ охотно согласился. Когда они уходили, онъ замѣтилъ, какой испуганный взглядъ бросила имъ вслѣдъ тетка, и какъ она поспѣшно скрылась въ домъ, точно изъ боязни остаться одной на террасѣ.

— Тетя Констанція всегда такая?—спросилъ Готхольдъ.

Коммерціи совѣтникъ оглянулся.

— Это—болѣзненное состояніе,—сказалъ онъ съ видимымъ неудовольствіемъ,—нервное страданіе. Безпричинный страхъ. Въ послѣднее время вообще очень плохо, въ особенности по воскресеньямъ, когда она не слышитъ ни малѣйшаго шума

съ заводовъ и не видитъ дыма изъ заводскихъ трубъ. Это ее пугаетъ. Она, видимо, увѣрена, что никакая опасность не грозитъ до тѣхъ поръ, пока заводы поглощаютъ всѣ силы рабочихъ. Но какъ только работа прекращается, ей дѣлается страшно. Въ это время она за всѣмъ слѣдитъ, ко всему прислушивается...

— Давно это такъ? — спросилъ Готхольдъ, очень удивленный.

Фонъ-Виллингъ пожалъ плечами, и складка на его переносьи углубилась.

— Не знаю. Думаю, съ тѣхъ поръ, какъ мы выстроили здѣсь виллу. При постройкѣ, забота объ ея личныхъ удобствахъ и покоѣ была у меня, конечно, не на послѣднемъ планѣ. Но ей казалось все черезчуръ дорогимъ, слишкомъ роскошнымъ, явно кричащимъ. Она боялась, что постройка поглотитъ слишкомъ много средствъ; распространится и будетъ раздражать молва, что я, какъ grand seigneur, усѣлся здѣсь наверху, точно мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что творится внизу, на заводѣ и т. п. Ворчанью не было конца. Никакіе разумные доводы не помогали. Тогда, вѣроятно, и началось. Но я не вижу здѣсь серьезной болѣзни.

— А что говорятъ врачи?

— Что могутъ сказать эти господа? Все и ничего. Сначала говорили: навязчивая идея; при общемъ укрѣпленіи организма все должно исчезнуть. Былъ выдержанъ курсъ лѣченія, примѣнялись минеральныя воды, діэтетическое лѣченіе. Ничто не помогло. Наконецъ, мы рѣшили ничего больше не пробовать, и несчастная женщина не чувствуетъ себя хуже. Такъ, какъ сегодня, она страдаетъ не всегда. Бываютъ дни, когда ничего нельзя замѣтить. Многіе изъ посѣщающихъ насъ и не подозрѣваютъ ея состоянія. Даже Валеска не догадывается, что здѣсь — болѣзнь, и подсмѣивается надъ матерью по поводу ея преувеличенной трусости. Я тоже держу себя такъ, будто и не предполагаю ничего другого.

— Это какъ бы наказаніе Божіе, — пробормоталъ Готхольдъ, — и напоминаніе тебѣ не забывать тѣхъ, кто работаетъ на тебя.

Коммерціи совѣтникъ ничего не отвѣтилъ. Его омрачившееся лицо постепенно прояснялось, по мѣрѣ того, какъ они медленно подвигались по аллеямъ парка, и между стволами деревьевъ, увитыхъ вьющимися растеніями, открывался прелестный видъ то на далекія зеленыя лужайки, то на пестрыя цвѣточныя клумбы, а дальше — на зеленыя нивы, тихо волнуемыя вѣтромъ. Взглядъ его выражалъ удовольствіе отъ радостнаго сознанія, что онъ — обладатель всего окружающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ строгій осмотръ. Ни одно

ничтожнѣйшее отступленіе отъ его приказаній не осталось незамѣченнымъ. Иногда онъ останавливалъ вниманіе Готхольда на особенно рѣдкомъ экземплярѣ дерева, на чужеземномъ растеніи, на уютномъ уголкѣ подъ тѣнистыми вершинами, манящемъ къ отдыху. Но Готхольдъ оставался ко всему безучастнымъ.

— Я нахожу, что ты сегодня чѣмъ-то разстроенъ? — сказалъ фонъ-Виллингъ.

— Можетъ быть. Я нахожусь подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній. Я былъ въ рабочемъ кварталѣ.

— А!—Повидимому, это извѣстіе не понравилось коммерціи совѣтнику.—Кто водилъ тебя?

— Я пошелъ наудачу.

— Гм. Тамъ, конечно, можно испытать многое. — Онъ закусилъ свои усы.

Готхольдъ остановился.

— Я знаю теперь, гдѣ мое мѣсто. Среди этихъ невѣрующихъ и погибшихъ. На твоихъ заводахъ едва ли во мнѣ нуждаются; я могу ждать, пока меня позовутъ. Но тамъ! Тамъ ужаснѣе, чѣмъ можно встрѣтить у дикарей, если бы меня послали къ нимъ въ качествѣ миссіонера. Тѣ хоть ничего не знаютъ о Христѣ, а здѣсь знаютъ о Немъ и отъ Него отреклись.

Виллингъ пожалъ плечами.

— Чему ты удивляешься? Единицы здѣсь мало значатъ, и я не могу быть всюду. Къ тому же, если бы всѣ хотѣли того же, чего и я, если бы мы всѣ входили въ тѣсный союзъ; но здѣсь многіе фабриканты придерживаются иной точки зрѣнія: они согласны платить своимъ рабочимъ по заслугамъ, но до всего остального, до ихъ благополучія и несчастія, до ихъ нуждъ и потребностей, имъ нѣтъ никакого дѣла. А есть и фабрики, находящіяся въ рукахъ акціонерныхъ обществъ; тутъ ужъ не существуетъ никакихъ отношеній между работодателемъ и рабочими. Къ тому же всѣ эти уволенные рабочіе слишкомъ слабы, слишкомъ лѣнивы, слишкомъ непокорны или слишкомъ нерадивы, чтобы искать себѣ новой работы. Тутъ настоящій чумный очагъ!.. Кто долженъ заботиться объ этомъ народѣ? Государство можетъ помочь здѣсь такъ же мало, какъ и городское общество, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ... Такъ выростаетъ поколѣніе, не знающее ничего о Богѣ, изрыгающее ненависть и зависть по адресу всѣхъ имущихъ, совращающее и отравляющее своимъ ядовитымъ дыханіемъ лучшіе элементы. Тутъ удивляться не чему! Надо имѣть тысячи глазъ и тысячи рукъ, а прежде всего, если хочешь помочь, располагать безчисленными милліонами... У насъ дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ округахъ, скорѣе—лучше.

— Всѣ должны соединиться во едино и помогать, каждый по мѣрѣ возможности... Никто не долженъ оставаться безучастнымъ.

Коммерціи совѣтникъ вздохнулъ нетерпѣливо.

— Да, да, да. Хорошо, прекрасно. Проповѣдуй имъ! Но заставишь-ли? Наконецъ, все имѣетъ свои границы. Если сами рабочіе не идутъ на встрѣчу имущимъ, если они всегда только угрожаютъ, выражаютъ ненависть и возмущеніе, — все будетъ напрасно. Улучшеніе положенія должно начаться именно съ самаго корня возмущенія; оно не можетъ быть принесено извнѣ. Иначе рискуешь наполнять бочку Данаидъ безъ малѣйшей надежды на благодарность. Постоянное требованіе все большаго и большаго, растущая притязательность, какъ будто на той сторонѣ всѣ права... Нѣтъ предѣла домогательствамъ! Вѣрь мнѣ, я знаю это дѣло. Новичекъ, знакомящійся съ нимъ въ первый разъ, чувствуетъ сначала одно только жгучее состраданіе. Онъ говоритъ себѣ: „здѣсь необходима помощь во что бы то ни стало"—и готовъ немедленно взвалить на фабрикантовъ обязанность помогать и упрекаетъ ихъ, какъ они могли довести до этого. Но помощь должна идти отъ самихъ рабочихъ. Съ однѣми деньгами здѣсь безусловно ничего не подѣлаешь. Они должны учиться смиренію, покорности и вернуться къ Богу. Тогда имъ всѣ протянутъ братскую руку. Помогать избѣгающей работы дерзкой, безбожной сволочи, показывающей намъ свои грязные кулаки, не только не составляетъ нашей обязанности, но было бы даже преступленіемъ, обращающимъ насъ въ соучастниковъ этихъ озвѣрѣлыхъ людей!—Онъ сильно ударилъ палкой по попавшемуся на дорогѣ камню, чтобы отшвырнуть его въ сторону. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, чувствующаго желаніе примѣнить избытокъ своихъ силъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Въ его лицѣ появилось что-то жесткое. Онъ старался подавить желаніе высказать еще что-то, что осталось недосказаннымъ.

— Почему никто здѣсь никогда не заботился о спасеніи душъ?—спросилъ Готхольдъ.

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Настоятель—болѣзненный человѣкъ и старъ; Мейнертъ—сухой кабинетный ученый; ты это самъ знаешь. Не достаетъ свѣжихъ силъ. Годебушъ, хотя и невыносимый ябедникъ, и на мѣстѣ консисторіи я давно отрѣшилъ бы его отъ должности, но, какъ личность, онъ самый подходящій проповѣдникъ, чтобы вліять на рабочихъ. Но онъ не въ нашей епархіи. Своихъ „маленькихъ людей" онъ прекрасно ведетъ на веревочкѣ, они всѣ его обожаютъ, и при этомъ всѣ съ нимъ на „ты"... Впрочемъ, ты долженъ имѣть въ виду, что здѣсь,

въ рабочемъ кварталѣ, существуютъ теченія, способныя въ высокой мѣрѣ вредить полезному и душеспасительному воздѣйствію.

— Ты подразумѣваешь соціалъ-демократическую агитацію?

— Именно. Она будетъ твоимъ сильнымъ противникомъ. Соціалъ-демократическая партія враждебна обществу и Богу и не знаетъ никакой пощады. Я старался держать этого волка подальше отъ своихъ владѣній, но другіе не послѣдовали моему примѣру, и въ рѣчномъ кварталѣ онъ хозяйничаетъ безпрепятственно. Сумѣешь убить его—ты побѣдишь. Если власти покинутъ насъ въ борьбѣ съ соціализмомъ, если законы не укажутъ возможности вырвать съ корнемъ это ядовитое растеніе, конца не предвижу... Не понимаю, почему всѣ правящіе элементы не протянутъ намъ руки и не заключатъ тѣснаго союза, чтобы задушить это животное! Точно тутъ могутъ быть какія-нибудь колебанія и разсужденія! Для всѣхъ насъ эта борьба одинакова важна, и мы всѣ одинаково терпимъ отъ этой современной эпидеміи... А теперь даже теологія дѣлается соціалъ-демократической. Что такое это христіанско-соціалистическое движеніе, возвѣщенное двумя-тремя честолюбивыми пасторами, какъ не переходная ступень, какъ не ублюдокъ соціализма, наряженный въ благочестивую мантію? Соціалъ-демократы только посмѣиваются въ кулакъ, сознавая, что пробужденіе народнаго энтузіазма будетъ имъ на руку: рано или поздно, а безумная, алчная шайка достанется имъ. Даже антисемитизмъ, какъ онъ выражается теперь, имѣетъ соціалъ-демократическую окраску, такъ какъ травитъ евреевъ только потому, что они богаты. А эта агитація въ деревняхъ и въ промышленныхъ центрахъ! Есть молодые теологи, допускающіе совмѣстимымъ со своимъ саномъ и обязанностями организовывать оппозицію рабочихъ и крестьянъ противъ помѣщиковъ, хвастаясь потомъ, что они „спасители и защитники бѣдныхъ". Другіе проповѣдуютъ вполнѣ откровенно богатымъ фабрикантамъ, что они обязаны улучшить положеніе своихъ рабочихъ. Едва вѣришь своимъ глазамъ, когда читаешь что либо подобное. Одинъ забрался даже на фабрику, переодѣвшись рабочимъ, чтобы потомъ распространять различную сенсаціонную ложь изъ жизни своихъ бѣдныхъ „товарищей рабочихъ". Все это происходитъ изъ страсти къ рекламѣ, изъ честолюбія, изъ желанія играть роль. Иначе чѣмъ объяснить? Что за духъ вселился въ нашихъ теологовъ! Если все это встрѣчается здѣсь, если демагогія распространилась и въ этомъ кругу, гдѣ же тогда границы? Какая польза въ томъ, что эти замаскированные соціалъ-демократы, вооруженные подходящими изрече-

ніями изъ библіи, за свою проповѣдь, подъ личиной благочестія, возмущенія и алчности подвергнутся потомъ дисциплинарному наказанію или увольненію? Сѣмя брошено и даетъ всходы; тѣмъ болѣе, что сами они обращаются въ мучениковъ. Если нѣтъ надежды на такихъ, казалось бы, безусловныхъ борцовъ за нравственность и порядокъ, религію и монархію, тогда, конечно, имѣются всѣ основанія мрачно смотрѣть на будущее. Что съ нашихъ университетскихъ каѳедръ возвѣщается соціалистическое ученіе, это—уже не новость: тутъ „свобода" науки. И ту же „свободу" хотятъ насадить теперь и въ проповѣдь о словѣ Божіемъ!

Всю эту рѣчь, произнесенную съ возраставшей страстностью, Готхольдъ прослушалъ, опустивъ голову, ни словомъ, ни движеніемъ не выразивъ согласія. Только послѣ нѣкоторой паузы, когда они медленно пошли впередъ, онъ спросилъ:

— Есть здѣсь соціалистическіе агитаторы?

Коммерціи совѣтникъ желчно засмѣялся.

— А гдѣ же ихъ нѣтъ! Эти люди существуютъ вездѣ. И мы имѣемъ здѣсь образцовый экземпляръ такого рода. Наиопаснѣйшій негодяй, блестяще оправдывающій своей дѣятельностью всѣ мои соображенія! Этому подлецу поклоняются въ рабочемъ кварталѣ, какъ полубогу, и онъ никто иной, какъ недоучившійся студентъ богословія...

— Какъ его зовутъ? — спросилъ заинтересованный Готхольдъ.

— Ты хочешь познакомиться съ нимъ?

— Безусловно. Если не начать съ корня, то какъ уничтожить дерево?

— Съ этимъ фанатикомъ ненависти и невѣрія отложи всякое попеченіе объ исправленіи! Онъ, какъ и всякій ренегатъ, до крайности упоренъ въ своемъ заблужденіи. Совершенно пропащій субъектъ, какъ я слышалъ. Зовутъ его Вельманнъ, Куртъ Вельманнъ.

У Готхольда вырвался крикъ изумленія.

— Съ однимъ Куртомъ Вельманномъ я былъ вмѣстѣ въ университетѣ... Мы были друзьями. Съ тѣхъ поръ я много лѣтъ ничего не слыхалъ о немъ. Неужели онъ?..

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Весьма возможно. Едва ли онъ старше тебя. Печальный образецъ заблужденій!.. Повернемъ теперь налѣво! Я хочу показать тебѣ превосходное мѣсто, прежде чѣмъ мы вернемся домой.

Они подошли къ засѣяннымъ нивамъ, волновавшимся, на подобіе ярко зеленаго моря, на вершинахъ холмовъ и въ долинѣ, и повернули къ высокой площадкѣ, подъ старымъ ду-

бомъ, съ обложеннымъ кирпичами исполинскимъ стволомъ, далеко раскинувшемъ свои могучія вѣтви. Готхольдъ погрузился въ глубокое размышленіе. Неужели это тотъ самый Куртъ Вельманнъ, съ которымъ они вмѣстѣ учились въ Грейфсвальдѣ и въ Берлинѣ и вмѣстѣ мечтали?.. Оба они были одушевлены страстнымъ желаніемъ учиться, оба были исполнены одинаковыми идеалами будущаго. Проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ, спасать колеблющихся, возвращать заблудшихъ—таковы были ихъ планы и надежды. И они оба, во имя этихъ цѣлей, оставили безъ колебаній ученое поприще вопреки требованію своихъ учителей, цѣнившихъ ихъ, какъ своихъ лучшихъ учениковъ. А теперь... возможно ли? Могъ ли этотъ пылкій юноша, съ такимъ прекраснымъ направленіемъ, отзывчивый на все хорошее и высокое, рожденный какъ бы для того, чтобы быть мученикомъ, готовый, казалось, скорѣе быть пригвожденнымъ къ кресту за свои убѣжденія, чѣмъ отречься отъ нихъ, могъ ли онъ уклониться такъ далеко отъ своей стези и такъ безпомощно запутаться на тернистомъ пути жизни? Оба, мечтавшіе стоять плечо къ плечу, они должны стать теперь противниками? Готхольдъ видѣлъ передъ собою своего прежняго бѣлокураго, стройнаго друга. И этого чистѣйшаго изъ чистыхъ теперь онъ долженъ признать недоучкой, апостоломъ-подстрекателемъ пролетаріата, жаждущимъ переворота? Въ такомъ случаѣ перваго, кого онъ долженъ спасти, это потеряннаго друга своей юности!

Они дошли до мѣста, куда велъ его коммерціи совѣтникъ. Не смотря на свою задумчивость, Готхольдъ не могъ подавить радостнаго возгласа изумленія. Взору открылась чудная картина. На заднемъ планѣ ея виднѣлся лѣсъ, гдѣ въ темной зелени, освѣщенной заходящимъ солнцемъ, могъ потонуть глазъ; впереди разстилались виллинговскія владѣнія во всей своей обширности; сзади нихъ—рѣка съ ея лугами; далѣе, направо—панорама города съ крышами и башнями и налѣво—далекое холмистое пространство съ постройкой церкви. Коммерціи совѣтникъ наслаждался восторгомъ Готхольда, и въ глазахъ его блеснуло сознаніе собственнаго достоинства. Онъ сѣлъ на березовую скамейку, подъ гигантскимъ дубомъ, и произнесъ:

— Я не могъ бы сказать тебѣ, какъ властелинъ Самоса: „признаюсь, я самый счастливый изъ людей!“, потому что не достигъ всего, что задумалъ. Я нахожусь еще въ началѣ выполненія своихъ плановъ.

— У тебя еще большіе планы въ жизни?

— Да! Сегодня я—еще большой, важный владѣлецъ фабрикъ и заводовъ, какъ и другіе. Я достигъ всего собствен-

ными силами. Производство отцовскаго завода я увеличилъ разъ въ десять, создалъ ему силу и славу. Но всего этого для меня далеко не достаточно. У меня есть конкурренты, и я хочу быть первымъ между ними; этого я еще не достигъ. Продукты моего производства должны заслужить всемірную славу, а не пользоваться лишь мѣстной извѣстностью. Я хочу конкуррировать въ Англіи и Америкѣ и одержать верхъ. Я не только хочу строить локомотивы и машины, но хочу, чтобы съ моей верфи спускались всѣ военныя суда нашей и другихъ націй, потому что съ качествомъ и дешевизной моихъ произведеній не можетъ тягаться никакой другой машиностроительный заводъ въ мірѣ. Я хочу господствовать на міровомъ рынкѣ. И все уже подготовлено, это—не фантазія, не мечта, а весьма близко къ осязательной дѣйствительности, — что я могу доказать простымъ подсчетомъ. Въ моихъ рукахъ будутъ сходиться всѣ нити, расходящіяся теперь по всему свѣту; я буду направлять тысячи и тысячи рукъ, которыя должны будутъ двигаться и шевелиться по моимъ указаніямъ и для выполненія моихъ идей. Ни съ кѣмъ другимъ я не раздѣлю власти, какъ только съ моимъ сыномъ и наслѣдникомъ!.. Виллинговскія машины получатъ міровое значеніе, и съ этимъ должны будутъ считаться; никакой конкурренціи онѣ не должны знать... Ты смотришь съ удивленіемъ, какимъ я вдругъ предсталъ предъ тобою при дневномъ свѣтѣ? Ты вообще первый, кому я высказываюсь. И ты долженъ помочь мнѣ, Готхольдъ!..

— Я? Я!

Готхольдъ все время выслушивалъ широкіе, гигантскіе планы дяди со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и страха. Внезапный порывъ этого исполненнаго силъ человѣка возбуждалъ въ немъ горькое чувство.

„Сколько жизней безжалостно растопчетъ этотъ человѣкъ, чтобы достичь цѣли, быть впереди другихъ!"—думалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ показался ему воплощеніемъ желѣзнаго духа времени, эгоистично прокладывающаго свой путь кровью и разрушеніемъ для пріобрѣтенія власти... И этой насильственно пріобрѣтенной властью онъ думаетъ дѣлать добро другимъ! Трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.

— Я?—повторилъ онъ.—Я могу помочь тебѣ?

— Ты. Потому что ты рѣшишь, кто изъ рабочихъ на моихъ заводахъ будетъ заинтересованъ, когда предполагаемое грандіозное расширеніе ихъ вступитъ въ жизнь. Въ новичкахъ я не могу быть такъ увѣренъ, какъ въ старыхъ, коренныхъ своихъ рабочихъ; они внесутъ съ собою неудовольствіе и жадность. И ты будешь, какъ говорится, стоять на своемъ посту, если не допустишь разрушать внизу того, что мы

будемъ строить наверху. Ты долженъ обуздать эту ватагу словомъ Божіимъ. Я надѣюсь на тебя.

По ясному лбу Готхольда промелькнула тѣнь.

— Я всегда буду дѣлать то, что велитъ мнѣ моя совѣсть,—сказалъ онъ тихо и опредѣленно.

Они встали и пошли дальше. Коммерціи совѣтникъ продолжалъ развивать своему спутнику планы и строить грандіозныя, величественныя зданія своихъ видовъ на будущее. Въ эту минуту у него внезапно вырвалась потребность свалить съ себя сразу тяжесть молчанія. Онъ хотѣлъ внушить уваженіе къ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заглушить нѣчто, возбуждавшее въ немъ тревогу и опасеніе.

Все грандіознѣе открывались перспективы, подъ вліяніемъ его краснорѣчивыхъ описаній. Уже былъ видѣнъ исполинскій броненосецъ, спускавшійся съ верфи, при радостныхъ крикахъ тысячной толпы, слышался гулъ безчисленнаго множества молотовъ, красовались развѣвающіеся пестрые вымпела и флаги на всѣхъ крышахъ верфи и на всѣхъ судахъ, крейсирующихъ по рѣкѣ съ клеймомъ виллинговскихъ заводовъ. Ложе рѣки будетъ расширено, зашумитъ цѣлый рядъ землечерпательныхъ машинъ для углубленія русла. Рѣка будетъ соединена съ моремъ посредствомъ широкаго канала, откуда суда безъ задержки будутъ попадать черезъ заливъ въ море. Министры иностранныхъ государствъ, высокіе военные чины, инженеры, даже государи пріѣдутъ осматривать виллинговскіе заводы и фабрики, первые въ мірѣ. И всѣ они преклонятся передъ человѣкомъ, своими собственными силами поднявшимся до такой высоты, откуда онъ можетъ предписывать законы и устанавливать цѣны на рынкахъ; всѣ съ завистью будутъ толпиться вокругъ него.

— И тогда пойдутъ также бароны фонъ-Виллинги, милый Готхольдъ! Жаль, что старые бароны фонъ-Вендены, твой отецъ и твой дѣдъ, не дожили до этого времени. Они бы не жаловались тогда на mesalliance представительницы ихъ рода.

Его лицо пылало, глаза блестѣли, онъ совершенно погрузился въ будущее. И онъ шелъ туда, какъ человѣкъ, имѣющій впереди цѣлую жизнь. Готхольдъ подумалъ невольно: „А сынъ его не хочетъ возвращаться домой, и жена боится рабочей массы, сжимающей въ карманахъ свои мозолистые кулаки, массы, которую я долженъ укротить Евангельскимъ ученіемъ!“

Они спускались теперь по склону, недалеко отъ виллы и видѣли внизу зеленую площадку тенниса, съ его сѣтками и мелькавшими между ними тремя молодыми фигурами, одѣтыми въ свѣтлые костюмы. Мячи летали во всѣ стороны, смѣхъ и восклицанія звучали въ вечерней тишинѣ.

Въ эту минуту поднялся какой-то споръ, Валеска съ раздраженіемъ бросила свою лопатку и отвернулась. Поручикъ фонъ-Бренкендорфъ вдругъ опустился передъ ней на колѣни, подалъ лопатку и какъ бы съ мольбой протянулъ къ ней сложенныя руки. Валеска со смѣхомъ потянула его за руки кверху.

— Здѣсь, повидимому, что-то зарождается,—сказалъ, улыбаясь, Готхольдъ.

Но коммерціи совѣтникъ сдвинулъ брови.

— Еще бы! Выкупать поручика, обремененнаго долгами, какъ разъ входитъ въ мои планы. Нѣтъ, этотъ спортъ я предоставляю разнымъ parvenus; онъ довольно-таки вульгаренъ. Мои деньги нужны мнѣ для другого употребленія, какъ тебѣ извѣстно. Валеска знаетъ мои желанія. Она почти уже помолвлена съ моимъ племянникомъ, Губертомъ. Это—очень дѣльный человѣкъ и настоящій Виллингъ. Я увѣренъ, что ему предстоитъ блестящая карьера.

Молча, сдѣлали они остальной путь. Смѣхъ и возгласы съ площадки лаунъ-тенниса доносились къ нимъ все время, пока они не дошли до виллы. Тамъ Готхольдъ простился, не смотря на уговоры коммерціи совѣтника, не понимавшаго, что можетъ племянника гнать отсюда. Готхольдъ вдругъ почувствовалъ невозможность остаться. Послѣ того, что онъ видѣлъ сегодня послѣ обѣда, каждый кусокъ, проглоченный имъ среди этой роскошной обстановки, остановился бы у него въ горлѣ.

— Я, серьезно, долженъ уйти,—сказалъ онъ:—Мнѣ необходимо еще сдѣлать визитъ. Я ни разу не былъ у пастора Гадебуша, а его можно застать только вечеромъ... Кстати, еще одинъ вопросъ: кто такая фрейлейнъ Леръ?

— Леръ? Это—дочь сумасшедшаго доктора, атеиста.

— Атеиста?

— Да. Одного изъ этихъ современныхъ людей, не вѣрующихъ ни въ Бога, ни въ чорта, подводящихъ весь міръ подъ дѣйствіе чисто механическихъ законовъ и, вмѣсто Бога, клянущихся силой и матеріей. Впрочемъ, безвредный дуракъ, надо полагать. Свою дочь онъ вовсе не крестилъ, и она хвастаетъ своимъ язычествомъ. Въ нашемъ кругу эти люди не бываютъ... Что тебѣ пришло въ голову спросить о нихъ?

— Въ рабочемъ кварталѣ они, кажется, желанные гости и дѣлаютъ много добра.

Виллингъ пожалъ плечами.

— Тоже, или простое хвастовство, или они хотятъ пробраться къ Господу Богу черезъ черный ходъ! Но это вздоръ. Во всякомъ случаѣ, такіе люди дѣйствуютъ пагубно, а когда они окружаютъ себя лучезарнымъ вѣнцомъ без-

корыстныхъ благотворителей,—то бьютъ навѣрняка. Даже самою своею благотворительностью они создаютъ оппозицію... Но ты, конечно, будешь держаться вдали отъ нихъ. Обратить такого сорта людей не возможно; лучше поэтому избѣгать ихъ.

Готхольдъ ничего не отвѣтилъ. Они вошли въ домъ, чтобы отыскать фрау Виллингъ: Готхольдъ хотѣлъ съ ней проститься. Они нашли ее въ будуарѣ. Нѣсколько сплошныхъ стеклянныхъ дверей изъ комнаты открывались въ паркъ, на прямую, обсаженную кустарникомъ, дорогу въ лѣсъ. Она стояла у одной изъ этихъ запертыхъ дверей и смотрѣла вдаль. Готхольдъ подумалъ, что она такъ устроила себѣ комнату для того, чтобы каждое мгновеніе, въ случаѣ надобности, можно было немедленно скрыться; иначе она не вынесла бы страха, безпрестанно сжимавшаго ей сердце. Въ эту минуту она какъ бы успокоивала себя возможностью бѣгства, и когда Готхольдъ, прощаясь съ ней, взялъ ея горячую руку, она, показывая на улицу, сказала ему съ торжествующимъ выраженіемъ въ глазахъ:

— Не правда ли? Здѣсь можно во время убѣжать отъ нихъ.

— Всѣ мы въ рукахъ Божіихъ, милая тетя,—отвѣтилъ Готхольдъ строго и, поцѣловавъ ея руку, вышелъ.

Коммерціи совѣтникъ проводилъ его до рѣшетчатой калитки. По пути онъ не проронилъ ни слова. На прощанье онъ сказалъ:

— Какъ видишь, мнѣ не нужно бояться „зависти боговъ", какъ Поликрату!

Съ этими словами онъ грустно кивнулъ головой и заперъ калитку.

V.

Церковь Петра и Павла была построена на старомъ крѣпостномъ валу, въ южной части города. Она считалась самой старой христіанской постройкой во всей провинціи и первоначально была католической. Но реформація, задержавшая почти до новѣйшихъ временъ распространеніе католицизма въ странѣ, завладѣла этой церковью. Теперь это была ветхая и, по современнымъ требованіямъ, невидная церковка, какъ бы устало прислонившаяся къ сплошной массѣ старинныхъ построекъ, примкнувшихъ къ ея стѣнѣ. Зданія производили впечатлѣніе несимметрично построенныхъ казармъ, съ большими промежутками между ними. Въ дѣйствительности здѣсь когда-то былъ монастырь, не законченный постройкой и отчасти разрушенный въ военное время; впослѣдствіи онъ кое-какъ былъ приведенъ въ порядокъ. Теперь здѣсь

помѣщался пріютъ для старыхъ дѣвицъ, и въ нижнемъ этажѣ жилъ пасторъ.

Было уже почти темно, когда Готхольдъ позвонилъ у церковнаго дома и спросилъ пастора Гадебуша. Старуха, отворившая дверь, встрѣтила его съ далеко не привѣтливымъ лицомъ. Она проворчала что-то въ родѣ: „ни минуты покоя, и поѣсть даже не дадутъ“, — и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, не спросивъ ни званія, ни имени, ввела Готхольда въ сѣни и, толкнувъ дверь, закричала:

— Г. пасторъ, здѣсь опять кто-то пришелъ!

Она пропустила впередъ медлившаго Готхольда и заперла за нимъ дверь.

Готхольдъ очутился въ большой, почти пустой комнатѣ, наполненной густымъ табачнымъ дымомъ. Нѣсколько мгновеній онъ различалъ только очертанія мебели и невысокаго, плотнаго, стараго господина, сидѣвшаго съ дымившейся трубкой, передъ громаднымъ, заваленнымъ книгами и бумагами письменнымъ столомъ. Глиняная пивная кружка и тарелка съ остатками бутербродовъ стояли передъ нимъ. Полки съ книгами и стулья дополняли обстановку комнаты; нѣкогда бѣлыя тюлевыя занавѣски на высокихъ окнахъ сдѣлались буровато-желтыми, и вся комната производила впечатлѣніе, точно ея жилецъ не имѣлъ никакого представленія объ удобствахъ, или такъ рѣдко пользовался ими, что безпорядокъ и неуютность даже не бросались ему въ глаза.

Когда Готхольдъ назвалъ себя, пасторъ Гадебушъ быстро всталъ, отставилъ въ сторону трубку и пошелъ ему на встрѣчу съ протянутой рукой.

— Salve confrater!—сказалъ онъ громко, выразительнымъ голосомъ, и съ видимой привычкой чаще говорить на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи,—salve! Мнѣ очень пріятно, что вы навѣстили стараго медвѣдя въ его берлогѣ.

Онъ такъ сильно пожалъ руку Готхольду, что тотъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. Широкоплечая, коренастая фигура стояла передъ нимъ, растопыривъ ноги, и разглядывала его съ наивнымъ спокойствіемъ. Его громадная голова обросла сѣдыми волосами. Умные, веселые, сѣрые глаза на безбородомъ лицѣ, щурясь, осматривали посѣтителя со всѣхъ сторонъ, а широкій, почти беззубый ротъ ласково улыбался.

— Ишь, ишь!—говорилъ онъ, положивъ на плечи Готхольда обѣ сильныя руки. — Такъ, вотъ каковъ г. баронъ!.. Какая честь для меня! Садитесь!.. Подождите-ка, сейчасъ мы это устроимъ.

Онъ безжалостно сбросилъ груду брошюръ съ одного изъ стульевъ прямо на полъ.

— Позволите курить?

— Пожалуйста!

— Благодарю. Мнѣ было бы очень трудно отказаться. Вечеромъ безъ трубки—сущее чистилище... Слава Богу, еще не погасла.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ затяжекъ, опять окутавшихъ его густымъ дымомъ, откуда выдѣлялась только его бѣлая голова.

— Да, чѣмъ же васъ угостить? Избытка у меня нѣтъ. Но стаканъ пива могу приказать принести для васъ. Кульмбахское—свѣжее, прямо изъ бочки, очень рекомендую.

Готхольдъ, поблагодаривъ, отказался.

Гадебушъ взялъ свою кружку, сдѣлалъ большой глотокъ и со стукомъ опустилъ цинковую крышку.

— Жаль! И не курите также? Совсѣмъ святой!

Онъ засмѣялся своимъ особеннымъ смѣхомъ, лукаво прищуривъ глаза, и уютно усѣлся въ своемъ плетеномъ креслѣ.

— Большой роскоши у меня тоже, конечно, нѣтъ. Засвидѣтельствовать можетъ моя старая Регина! Скатерть бываетъ только въ обѣдъ, а для ужина часто не хватаетъ времени. Но мнѣ все, какъ видите, идетъ впрокъ. — Онъ снова засмѣялся. — Ну, а вы? Вы собираетесь начинять голодные рты пролетаріевъ библейскими изреченіями?.. Ничего больше не поможетъ, care confrater. Они—больше не дѣти. Они выросли и переросли насъ на цѣлую голову. — Онъ махнулъ трубкой въ воздухѣ, какъ будто хотѣлъ показать, насколько переросли.

Лицо Готхольда омрачилось.

— Вы хотите сказать, что моя дѣятельность не будетъ имѣть результата?—спросилъ онъ съ горечью.

— Будетъ зависѣть отъ того, что вы станете дѣлать,—возразилъ тотъ спокойно, среди облаковъ дыма.—Если вмѣсто хлѣба, станете обѣщать царствіе небесное, и при томъ на условіи, чтобы они храбро продолжали голодать и дѣлать пріятное лицо, дабы никто ничего не замѣтилъ,—не многіе будутъ слушать. Это дѣло надо вести нѣсколько реальнѣе. Мы, духовенство, что можемъ вообще сдѣлать? Напримѣръ, съ фабричными рабочими мнѣ совсѣмъ нечего дѣлать. Одинъ изъ ложныхъ взглядовъ, будто соціальный вопросъ имѣетъ въ виду только фабричныхъ рабочихъ. Какой чортъ! Имъ во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ остальному рабочему люду: въ деревнѣ владѣльцы усадебъ жалуются, что не могутъ найти людей, потому что все бѣжитъ въ городъ и на фабрики. А эти мелкіе ремесленники, убитые большими предпріятіями, всѣ служащіе въ разныхъ предпріятіяхъ, мужчины

и женщины, принужденные надрываться за грошовое вознагражденіе и рискующіе ежедневно очутиться безъ хлѣба, такъ как предоставлены произволу капиталистовъ, развѣ это—не обездоленные?.. Есть еще цѣлая рать такихъ, и ни одинъ человѣкъ не говоритъ о нихъ. Ну, а я окруженъ ими, они составляютъ большую часть моего прихода. То тутъ, то тамъ я сумѣю ввернуть словечко, если дѣло коснется соціальнаго вопроса. Нищета, мой милый confrater, нищета, куда ни взглянешь! Но изъ-за этого... не слѣдуетъ терять хорошаго настроенія.—Онъ выпилъ до дна свою кружку и вытеръ губы волосатою кистью руки.

— А что вы дѣлаете какъ духовный пастырь?—спросилъ Готхольдъ:—вѣдь въ этомъ ваше призваніе.

Гадебушъ хитро улыбнулся.

— Я проповѣдую о царствіи Божіемъ, любезный confrater, но не бѣднымъ и голодающимъ, а богатымъ и сытымъ. Этихъ я всегда запугиваю, если они не хотятъ открыть свой кошелекъ, и обѣщаю имъ вѣчное блаженство, если они открываютъ его широко. Бѣдные сами сдѣлаются религіозными и покорными, когда увидятъ, что имъ помогаютъ. До тѣхъ же поръ все— одни слова. Наша дорога—къ богатымъ.

Готхольдъ слегка покачалъ головой.

— Вы вспомните, — продолжалъ Гадебушъ:„—легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому попасть въ царствіе небесное“? Именно поэтому, дорогой собратъ, наша святая обязанность—освѣщать имъ дорогу.—Онъ громко засмѣялся.

— Какая польза въ томъ, что богатые будутъ благотворить только изъ страха, многоуважаемый товарищъ?—спросилъ Готхольдъ.—Такіе дары одинаково ничтожны по существу, какъ для дающихъ, такъ и для получающихъ. Я знаю атеистовъ, раздающихъ милостыню. Въ этихъ условіяхъ помощи бѣдные становятся алчными, видятъ свое право тамъ, гдѣ проявляется лишь милосердіе.

Гадебушъ выпустилъ огромное сѣрое облако дыма и одновременно издалъ нѣчто въ родѣ свиста.

— Фью! А я того мнѣнія, что хлѣбъ есть хлѣбъ, и кто голодаетъ, тотъ хочетъ быть сытымъ и не справляется, еврей или турокъ печетъ хлѣбъ, спасающій его отъ голодной смерти. Я беру его тамъ, гдѣ могу достать. А что касается алчности бѣдныхъ, то объ этомъ еще можно спорить: не имѣютъ ли они, дѣйствительно, правъ на то, что имъ даютъ такъ неохотно? Во всякомъ случаѣ, любезный confrater, въ одинъ прекрасный день эти люди докажутъ свои права, быть можетъ, съ ужасающей ясностью, и всѣ наши слова тогда не помогутъ... Но изъ за этого не слѣдуетъ терять хорошаго на-

строенія.. Онъ поковырялъ въ своей трубкѣ.--Впрочемъ, мнѣ было бы любопытно узнать, какъ иначе могу я заставить богатыхъ раскрыть свои карманы, если не спекулировать на ихъ страхъ? Я не знаю ничего другого для возбужденія ихъ отзывчивости... Они придерживаются взгляда: „блаженни нищіе“, и могутъ не захотѣть ни за какія блага лишить бѣдныхъ ихъ правъ на первенство въ царствіи небесномъ.

— Они должны благотворить и подавать милостыню бѣднымъ, во имя Іисуса Христа,—строго возразилъ Готхольдъ.

Гадебушъ рѣзкимъ ударомъ выколотилъ свою трубку.

— Да, да!—сказалъ онъ флегматично.—Это было бы хорошо, превосходно... Но пока я найду такихъ, всѣ мои бѣдняки перемрутъ съ голоду.—Онъ погладилъ свой сѣдой хохолъ.—Если бы позволяло время — чего лучше? Проповѣдывать Евангеліе имущимъ—вѣдь это то, что намъ нужно, дорогой собратъ!.. И было бы совершенно по моему вкусу. Я нагналъ бы на нихъ такого страха, что въ концѣ концовъ присмирѣли бы... Вы не хотите слышать о моей теоріи устрашенія, но безъ него не достигнешь желательныхъ результатовъ, г. confrater!

Онъ всталъ, нѣсколько разъ расправилъ свои руки и глубоко вздохнулъ своей могучей грудью. Движеніемъ рукъ онъ какъ будто пробывалъ силу своихъ мышцъ. Повидимому, непривычное долгое сидѣнье очень тяготило его.

— Вы, очевидно, придерживаетесь того мнѣнія, что среди богатыхъ встрѣчается больше невѣрія и идолопоклонства, чѣмъ среди бѣдныхъ?—спросилъ Готхольдъ.

— Такъ и думаю,—вскричалъ Гадебушъ, набивая снова свою трубку.—Невѣріе! Идолопоклонство!.. Лицемѣры они и мошенники! Ихъ Богъ—деньги; имъ не нужно другого. Бѣдные... что у нихъ есть? Эти цѣпляются еще за остатки религіи, какъ они ее понимаютъ, хотя и здѣсь примѣшивается не малая доля служенія идолу. Но когда они отрекаются отъ религіи, то ужъ, дѣйствительно, попадаютъ въ отчаянное, совершенно безпомощное положеніе. Ихъ нельзя ругать за это: они, простофили, достойны только сожалѣнія... Богатые держатся за религію потому, что видятъ въ ней намордникъ для бѣдныхъ, дабы тѣ не кусались—и больше ничего. Сами же они, въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, съ религіей никогда не считаются. И въ церковь ходятъ, и закатываютъ кверху глаза только для того, чтобы „дать хорошій примѣръ“ пролетаріямъ, яко-бы тонущимъ въ пучинѣ грѣха. Страхъ, одинъ только страхъ и разсчетъ дѣлаетъ религіозными этихъ ханжей. Изъ страха и выгоды они раскрываютъ свои карманы, когда нужда взываетъ къ небу ужъ слишкомъ громко. Евангелія они совершенно не хотятъ знать—увѣряю

васъ. Самый ярый соціалъ-демократъ болѣе христіанинъ, чѣмъ всѣ они... Впрочемъ, изъ за этого не стоитъ терять хорошаго настроенія...

Онъ подержалъ у трубки горящій трутъ и закричалъ своимъ львинымъ голосомъ:

— Ре-ги-на!

Старуха просунула голову въ дверь.

— Регина, принеси мнѣ еще кружку пива! Сегодня воскресенье, и у меня пересохло въ глоткѣ отъ разговоровъ.

Старуха схватила пустую кружку съ письменнаго стола.

— Вѣдь это возмутительно, г. пасторъ, что они себѣ позволяютъ!—проговорила она своимъ неяснымъ, ворчливымъ голосомъ.—И чѣмъ дальше, тѣмъ больше!.. Воскресенье ли, будни, никто съ этимъ не справляется... Вѣдь эта Гельбка опять уже здѣсь!.. Точно для всего свѣта вы должны стоять на караулѣ, и каждому стоитъ только постучаться, чтобы вы тотчасъ же явились покорнѣйшимъ слугой. Хорошо тянутъ деньги изъ вашего кармана—нечего сказать! Грѣшно и стыдно! Вѣдь такъ не возможно жить духовному лицу!

Она сердито махнула кружкой и хотѣла уйти.

— Ну, ну, Регина!—отвѣтилъ онъ со своимъ милымъ смѣхомъ, открывшимъ нѣсколько жалкихъ зубныхъ корешковъ, и погладилъ ее по плечу.—Будь по прежнему доброй! Совсѣмъ не такъ ужъ плохо...

— Нѣтъ!—проворчала она и, наклонивъ голову, взглянула на него искоса, съ выраженіемъ состраданія и превосходства.—Въ дѣйствительности хуже въ тысячу разъ, г. пасторъ, и это вы сами хорошо знаете, хотя и не сознаетесь. Боже, какъ изъ васъ извлекаютъ пользу и какъ васъ надуваютъ!.. всякій чернорабочій менѣе безпомощенъ. Я не могу больше терпѣть, г. пасторъ, не могу больше видѣть, и ухожу... я предупреждала васъ.

— Да, да, Регина, предупреждала, но никогда не исполняла свой угрозы. И въ будущемъ не сдѣлаешь, потому что безъ тебя я совсѣмъ пропаду, а я этого не желаю...

Онъ продолжалъ гладить ее. Она все еще ворчала.

— Регина?

— Ну, что еще?

— Чего хочетъ эта Гельбка?

— Чего ей хотѣть? Денегъ хочетъ, картошки хочетъ,— всѣ они хотятъ одного и того же.

— Ты ей, конечно, дала, Регина,—а?—Онъ толкнулъ ее локтемъ въ бокъ.

— Что же станешь дѣлать? Иначе не избавишься отъ нихъ!.. Въ концѣ концовъ вы сами будете побираться, г. пасторъ!.. Гельбкѣ я все же сказала правду, что она одна изъ

тѣхъ, что грабятъ васъ, и что скоро у васъ не будетъ ни одной цѣлой рубашки надѣть, и все хозяйство ваше развалится... Они должны зарубить себѣ это на носу, негодяи!.. Кстати, не зайдете ли сегодня вечеромъ еще разъ къ Лезе, если вообще сбираетесь куда-нибудь. Во всякомъ случаѣ убытка не будетъ... Впрочемъ, разъ туда попадете, васъ не дождешься до поздней ночи. Ужъ извѣстно!

— А какъ поживаетъ Лезе, Регина? А? Что сказала Гельбка?

— Ахъ, Господи, старая пѣсня! Все то же и ничего не подѣлаешь! Противъ этого еще не придумано никакихъ средствъ: еще такой травы не выросло. Къ тому же, кажется, вы — не докторъ? Эта божья тварь находится въ состояніи вѣчнаго страха, и нужно ли тутъ для исцѣленія присутствіе духовнаго отца,—не сообразишь.—Она провела по глазамъ голубымъ ситцевымъ передникомъ. — Однако, гдѣ же ваше пиво, г. пасторъ!..

Регина выбѣжала изъ комнаты и захлопнула за собою дверь.

Пасторъ Гадебушъ ворчливо засмѣялся ей вслѣдъ. Затѣмъ снова взялся за свою трубку, пососалъ ее съ минуту и, повернувшись къ Готхольду, сказалъ:

— Да, какой тутъ толкъ въ безбрачіи, дорогой confrater? „Лучше не жениться", говоритъ апостолъ, но и это не спасаетъ отъ башмака, какъ видите... Прошу извинить за маленькую домашнюю сцену.

Готхольдъ сдѣлалъ дружеское отрицательное движеніе. Онъ все время чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается злоба противъ этого здороваго крикуна: въ духовномъ облаченіи, онъ всетаки не могъ отречься отъ инстинктивной ненависти къ имущимъ пролетарія, какимъ былъ пасторъ Гадебушъ по рожденію и происхожденію. Онъ хотѣлъ въ бѣдныхъ видѣть истинно-невинныхъ страдальцевъ, считая вполнѣ справедливой даже ихъ беззастѣнчивую зависть. Аристократическая кровь Готхольда возмущалась; въ немъ пробудилось внезапно отвращеніе, даже враждебность противъ плебеевъ. Теперь его трогала безпомощная застѣнчивость старика: словоохотливая служанка выболтала его интимнѣйшія тайны, и онъ, почти со страхомъ, старался узнать по выраженію лица своего гостя о произведенномъ на него впечатлѣніи. Добрый человѣкъ этотъ старый болтунъ; безъ сомнѣнія, добрѣйшая душа. Можетъ быть, слишкомъ добрый. Но священникъ—едва ли хорошій. Вѣроятно, плохой священникъ, потому что считаетъ религіозное утѣшеніе совершенно безцѣльнымъ для бѣдныхъ и желаетъ для нихъ только хлѣба; онъ смѣется даже надъ тѣми, кто съ надеждой на силу религіи хочетъ бороться, дѣйствовать и побѣдить. Онъ и Михаэль Мейнертъ—не настоящіе борцы во имя Христа. Онъ,

Готхольдъ, слѣдовательно, останется одинокимъ въ своей борьбѣ. Въ существѣ, конечно, не одинокъ тотъ, кто идетъ на борьбу во имя Іисуса Христа...

Старуха принесла кружку пива и удалилась. Гадебушъ ходилъ по комнатѣ, покуривая трубку, и по временамъ мурлыкалъ про себя что-то невнятное. Готхольдъ все сидѣлъ молча. Только, когда старикъ подошелъ къ столу, взялъ свою кружку и со словами: „ваше здоровье, товарищъ", поднесъ ее къ губамъ, онъ сказалъ, вставая:

— Я вижу, наши пути расходятся, многоуважаемый товарищъ. Я вѣрю въ Христа, указавшаго бѣднымъ и нуждающимся на полевыя лиліи: онѣ не заботятся о грядущемъ днѣ и всетаки ихъ питаетъ Отецъ Небесный. Онъ велѣлъ отдать все свое имущество, взять на себя свой крестъ и слѣдовать за Нимъ.

Гадебушъ кивнулъ головою. Углы его рта подергивались.

— Если бы вы только знали, какъ легко могутъ отдать все свое имущество живущіе въ подвалахъ и на задворкахъ, товарищъ!—сказалъ онъ:—Милосердый Богъ облегчилъ ихъ. Они могутъ отправиться въ Царствіе Небесное безъ всякаго багажа.

— Если только они не возьмутъ грѣха на душу, которому уступаютъ всѣ тѣлесные грѣхи, бѣдность и несчастіе... Дорогой товарищъ!.. — Готхольдъ подошелъ вдругъ близко къ старику, посмотрѣлъ ему въ лицо своими вспыхнувшими темными глазами; его узкая дрожащая рука нервно сжимала грубые пальцы: — вы отдаете бѣднымъ послѣднее и заставляете богатыхъ открывать свои кошельки... но проповѣдуете ли вы истину тѣмъ, кто ея алчетъ и жаждетъ?

Гадебушъ поставилъ свою трубку у спинки стула и глубоко вздохнулъ. Его красное веселое лицо сразу сдѣлалось строгимъ.

— Что есть истина? — произнесъ онъ тихо, почти грустно.

— Такъ спросилъ Пилатъ! — вспыльчиво возразилъ Готхольдъ. — Мы же исповѣдуемъ распятаго Христа, который Самъ есть истина.

— Мы?—повторилъ Гадебушъ тѣмъ же тономъ.—Но какъ мало окажется нашихъ единомышленниковъ при внимательномъ изслѣдованіи огромной массы человѣчества? Вѣдь всѣ молятся своему Богу, называютъ ли они Его Аллахъ или Іегова, называются ли ихъ пророки и основатели религіи Буддой, Конфуціемъ, Магометомъ, и каждый изъ нихъ непоколебимъ въ своемъ убѣжденіи, что именно онъ есть единственный обладатель истины, и счастливъ въ своей увѣренности. Во имя ея онъ борется, страдаетъ, во имя ея убиваетъ въ священномъ гнѣвѣ и

усердіи своихъ враговъ, вѣрящихъ иначе. Господь Богъ тамъ, наверху, долженъ, конечно, знать, зачѣмъ Онъ допускаетъ все это и почему вѣрующихъ во Христа меньше, чѣмъ другихъ. Мы вѣримъ, мы проповѣдуемъ. Но другіе, эти тысячи, эти милліоны даютъ себя мучить, убивать изъ-за своей вѣры, умираютъ въ священномъ упованіи, что они-то и есть вѣчная истина. Дорогой собратъ, я—не ученый теологъ, а простой человѣкъ. Вы должны быть снисходительны ко мнѣ, если я, по моему крайнему разумѣнію, дѣлаю собственныя предположенія, внушающія мнѣ смиреніе.

— Смиреніе? — живо прервалъ Готхольдъ, — да, но я думаю, также и гордость. Другіе ищутъ истины, а мы знаемъ ее.

Гадебушъ медленно качалъ головою, устремивъ глаза въ полъ.

— Мы думаемъ, что знаемъ ее, какъ и всѣ тѣ, которые молятся другимъ богамъ.

Готхольдъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи и вдругъ остановился передъ Гадебушемъ, мрачно сдвинувъ брови:

— Ваша вѣра не есть твердое убѣжденіе въ томъ, на что можно только надѣяться, а не видѣть, многоуважаемый собратъ. Развѣ вы вѣрите, что Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ составляютъ единое, и что Онъ сказалъ: „все предано Мнѣ Отцомъ моимъ и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца“. Вѣрите ли вы въ единороднаго Сына Божія?

Старикъ быстро поднялся, глаза его сверкнули. Упершись руками въ бедра, онъ произнесъ сильнымъ голосомъ:

— Молодой человѣкъ! Развѣ вы явились сюда допрашивать сѣдаго старика, копаться въ его душѣ? На это вамъ никто не далъ права. Приходите въ мою церковь и слушайте мою проповѣдь, идите къ моимъ прихожанамъ и спросите ихъ о томъ, какъ я живу: моя жизнь и дѣятельность открыты для всѣхъ. Если что-нибудь возбудить ваше подозрѣніе, готовьте орудія пытки и костры, со всѣми новѣйшими приспособленіями инквизиціи, разсчитанными на то, чтобы вернуть народъ къ религіи,—я не боюсь. Я исполняю свои обязанности по совѣсти, хотя... или именно потому, что не знаю, что есть истина... Такъ-то! Идите и донесите объ этомъ въ консисторію, если хотите. Я еще никогда не обращалъ своего сердца въ разбойничій притонъ.

Готхольдъ снова заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, склонивши голову и заложивъ за спину руки. Его волновали противоположныя чувства.

— Какъ можно проповѣдывать Евангеліе,—спросилъ онъ,

наконецъ, съ замѣтной сдержанностью,—не вѣря твердо въ истину, воплотившуюся въ образѣ Іисуса Христа и сошедшую на землю?

— Но кто же вамъ говоритъ,—прервалъ Гадебушъ,—что для меня ученіе Христа не есть истина? Для меня—конечно. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы я имѣлъ право осуждать тѣхъ, кто видитъ истину въ другомъ? Развѣ есть абсолютная истина? Дорогой собратъ, своего Христа я люблю съ пламеннымъ энтузіазмомъ, служу Ему по своему, съ безграничной преданностью и стараюсь жить по Его слову и ученію, насколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы. Но когда другой также дѣлаетъ добро, хотя и во имя пророка Магомета, и далеко меня превосходитъ во всемъ великомъ и высокомъ; или когда совсѣмъ не вѣрующій въ Бога всетаки дѣлаетъ добро, побуждаемый къ тому только своею совѣстью и сознаніемъ нравственной обязанности, представляетъ изъ себя чистаго и благороднаго человѣка, какимъ не бываетъ иной, именующій себя христіаниномъ,—долженъ ли я въ этихъ случаяхъ, какъ фарисей, бить себя въ грудь и восклицать: „благодарю Тебя, Боже, что я не такой, какъ онъ? Я, только я одинъ обладаю истиной!“ Дорогой собратъ, этого я не могу.

И онъ опять принялся за свою трубку. Его послѣднія слова звучали уже кротко и ласково, и, какъ бы съ сознаніемъ своей печальной слабости, онъ пожалъ плечами:

— Впрочемъ, не будемъ сердиться,—прибавилъ онъ, дѣлая усиліе засмѣяться, и сталъ зажигать у лампы трутъ, чтобы раскурить свою трубку.

Готхольдъ тихо покачалъ головой. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ молча, потомъ подошелъ къ Гадебушу и протянулъ ему руку.

— Мы не договоримся сегодня до конца, товарищъ. Вамъ еще предстоитъ навѣстить больную, а теперь уже поздно. До слѣдующаго раза!

Гадебушъ пускалъ клубы дыма, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. Ему, какъ будто, было досадно, что онъ еще разъ выложилъ свою душу: этого навѣрное не нужно было дѣлать, и ни къ чему не поведетъ такая откровенность.

— Надѣюсь, вы не потянете меня, стараго осла, въ судъ?—проговорилъ онъ съ жесткимъ смѣхомъ.—Вы, насколько я замѣтилъ, изъ нетерпимыхъ, входящихъ снова въ моду и желающихъ вернуть народу уваженіе къ религіи. Вѣрны ли ваши средства? Мы настроены на болѣе мягкій тонъ, хотя и не кажемся такими. Каждый поступаетъ такъ, какъ ему думается справедливымъ, и каждый долженъ отвѣчать за самого себя!.. Подождите, я иду съ вами.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько затяжекъ изъ своей трубки,

поставилъ ее въ уголъ съ видимой неохотой, нахлобучилъ на себя темную войлочную шляпу, взялъ витую кленовую палку, стоявшую у двери, и пропустилъ Готхольда черезъ порогъ. Въ корридорѣ, при свѣтѣ керосиновой лампочки, онъ изслѣдовалъ содержимое своихъ кармановъ.

— Богъ знаетъ что,—ворчалъ онъ,—я совершенно вытрясъ свой кошелекъ! Отъ Регины ничего не получишь сегодня. Кассы ссудъ закрыты, взаймы мнѣ никто не дастъ... Послушайте, товарищъ, не можете ли вы помочь мнѣ въ нуждѣ? И всего-то нужно три несчастныхъ марки! Вѣроятно, вы получите ихъ когда-нибудь обратно. Но безъ мѣднаго гроша мнѣ невозможно показаться туда. Мнѣ стыдно будетъ смотрѣть въ глаза людямъ.

Готхольдъ вынулъ свое портмоне и протянулъ ему. Но пасторъ бросилъ испуганный взглядъ въ сторону кухни и, схвативъ портмоне, все время держалъ его обѣими руками, пока они спускались по лѣстницѣ.

— Ради самого неба, пусть никто не видитъ, дорогой собратъ! Иначе васъ возьмутъ подъ опеку. Давать мнѣ взаймы— плохое дѣло. Нѣтъ, нѣтъ, больше пяти марокъ... ну, десяти... я не возьму. У меня не останется ни гроша... Такъ!.. Благодарю. И, какъ сказано: прежде всего... если только не забуду и не буду имѣть болѣе настоятельныхъ долговъ...

Готхольдъ сдѣлалъ рукою отрицательный жестъ и спряталъ кошелекъ.

— Вы не должны, впрочемъ, думать,—продолжалъ Гадебушъ, быстро шагая рядомъ съ Готхольдомъ,—что женщина, къ которой я иду, ждетъ денегъ или проситъ ихъ. Нѣтъ, эта не такая, нѣтъ! Она желаетъ совсѣмъ другого. Но Регина права: я—не докторъ... Царь Небесный, какая бѣдность! И какъ она страдаетъ!.. Сердечные припадки отъ переутомленія и душевныхъ страданій. О, Боже! Боже! какая тяжелая обязанность— жизнь!.. Иногда совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, сохранить бодрое настроеніе духа.

Онъ указалъ на развалины громадной, средневѣковой башни, расположенной въ концѣ переулка и входившей, какъ часть постройки, въ переднюю стѣну высокаго разрушеннаго строенія. Можно было еще ясно видѣть зубцы башни и отверстія окошекъ.

— „Позади башни“, какъ они называютъ это мѣсто,—настоящее жилище рабочихъ,—сказалъ онъ:—Башня уцѣлѣла еще отъ тѣхъ временъ, когда венды и германцы таскали здѣсь другъ друга за волосы, конечно, тоже изъ-за религіозныхъ вопросовъ, пока, наконецъ, христіанскій Богъ не оказался болѣе сильнымъ. Что за груда страданій скопилась въ этихъ запутанныхъ переулкахъ, ходахъ, дворахъ!.. — Онъ

прервалъ себя.—А... а! — вскричалъ онъ.— Патеръ Гегелеръ!

Изъ дома, къ которому они приближались, легкой походкой вышла поспѣшно темная, тощая фигура и, согнувшись, намѣревалась обогнуть уголъ улицы. Крикъ Гадебуша поневолѣ заставилъ ее остановиться и обернуться къ пастору. Готхольдъ тотчасъ же узналъ въ фигурѣ католическаго патера, котораго онъ недавно видѣлъ выходившимъ изъ дома Мейнерта. Онъ показался ему только еще болѣе худымъ и своими манерами выражалъ еще больше смиренія и угнетенности. Со шляпой въ рукѣ, съ растерянной улыбкой на поблекшихъ губахъ, онъ подошелъ къ Гадебушу своими нетвердыми шагами.

— Ну, какъ дѣла? Какъ дѣла?—вскричалъ пасторъ.

Патеръ пожалъ плечами, бросивъ быстрый и неувѣренный взглядъ на Готхольда.

— Плохо,—сказалъ онъ своимъ печальнымъ, прерывающимся голосомъ.—Фрейлейнъ... но вы увидите сами...

— Почему вы не остались на верху? — спросилъ Гадебушъ.

— Фрейлейнъ ждетъ васъ... Къ тому же я думалъ... такъ лучше...

— Ну, ну, г. Гегелеръ!—сказалъ Гадебушъ и добродушно похлопалъ его по плечу.

— Да, такъ лучше... лучше,—пробормоталъ онъ.—И я не хочу васъ больше задерживать... Добрый вечеръ! — Онъ сдѣлалъ Готхольду неуклюжій поклонъ и быстро ушелъ, точно обратился въ бѣгство.

Гадебушъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, качая головой.

— Несчастный человѣкъ! — сказалъ онъ какъ бы про себя. — И такой добрый! Слишкомъ мягкое дерево. Ничего изъ него не выстрогаешь.

— Что общаго у васъ съ этимъ представителемъ другой религіи, многоуважаемый товарищъ?—спросилъ Готхольдъ.— Къ своему изумленію, я вижу, что и вы, какъ пасторъ Мейнертъ, очень... терпимы.

Гадебушъ бросилъ на Готхольда особенно пренебрежительный взглядъ.

— Въ своей откровенной бесѣдѣ съ вами я не оставилъ, мнѣ кажется, по этому поводу никакихъ сомнѣній, товарищъ... А что касается терпимости моего добраго Михаэля Мейнерта... объ этомъ въ другой разъ. Теперь мнѣ нужно идти наверхъ... Этого „представителя другой религіи", уважаемый собратъ, я научился понимать у постели больного и научился любить по дѣламъ милосердія; намъ обоимъ, какъ и многимъ другимъ протестантамъ, онъ можетъ слу-

жить образцомъ человѣчности,—увѣряю васъ. Кстати, католическіе священники также убѣждены, что исключительно владѣютъ истиной... Очень сложная вещь, уважаемый товарищъ!.. Не слѣдуетъ только терять изъ-за этого бодрости духа... Спокойной ночи!..

И онъ ушелъ большими шагами.

Готхольдъ повернулъ домой. По улицѣ тянулись толпы людей, возвращавшихся съ воскресныхъ прогулокъ. Всѣ шли съ веселыми лицами, сохранившими еще отблескъ дневного солнца, длинными рядами, многіе подъ руку, съ разговорами и пѣснями. Нѣкоторые несли на рукахъ спящихъ дѣтей. Тамъ и сямъ, у дверей домовъ стояли пары—держались за руки и шептались. Въ улицахъ замѣчалось таинственное весеннее движеніе. Въ тихомъ воздухѣ распространялось благоуханіе.

Видъ Готхольда оставался мрачнымъ. Чувство одиночества давило его. Въ какую борьбу, въ какой омутъ сомнѣній хотятъ здѣсь втолкнуть его! И гдѣ тотъ, съ кѣмъ онъ намѣревался идти плечо къ плечу? Онъ покачалъ головою съ горькимъ разочарованіемъ.

„Вѣдь возможна только одна истина, — думалъ онъ, — и эта истина—Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій... Такъ будь Ты моимъ спутникомъ, — молился онъ въ тишинѣ,—моимъ руководителемъ, моимъ соратникомъ, моимъ утѣшеніемъ и моей силой, Господи Боже мой!"

VI.

— Здѣсь живетъ г. Куртъ Вельманнъ? — спросилъ Готхольдъ вторично у старой зеленщицы, увидѣвъ ее на верхней ступенькѣ подвальнаго этажа; старуха сидѣла, скорчившись надъ своими корзинами съ сельдереемъ, петрушкой и картофелемъ.—Мнѣ указали на этотъ домъ.

Она была глуха. Положивъ въ сторону сѣрый чулокъ, она встала и приставила руку къ уху.

— Что вы сказали? Есть ли у меня бѣлый картофель?—спросила она, безпомощно глядя на него своими мутными глазами.

Онъ повторилъ свой вопросъ въ третій разъ совсѣмъ у ея уха. Наконецъ, она разслышала, что ему нужно, и съ большимъ изумленіемъ измѣрила его, съ головы до ногъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Вельманнъ?—повторила она.—Вы, вѣрно, спрашиваете о другомъ Вельманнѣ. Здѣсь живетъ красный Вельманнъ, соціалистъ.

— Совершенно вѣрно; его-то я и ищу. Въ какомъ этажѣ онъ живетъ?

— Во второмъ; только его нѣтъ дома. Собственно, онъ никогда не бываетъ дома въ это время; онъ обыкновенно на Артусбергѣ произноситъ свои рѣчи. — Она показала по направленію къ новой лютеранской церкви.

— А вы тоже соціалистка?—спросилъ Готхольдъ.

— Я?—старуха махнула своей искривленной рукой, испещренной черными бороздами.—Избави Богъ! Съ этимъ новомоднымъ товаромъ мнѣ нечего дѣлать. Это — для молодыхъ. Они за него стоятъ. Мои дѣти тоже. Что подѣлаешь? Да я многого и не слышу, что они говорятъ. Я много теряю съ своей глухотой и больше догадываюсь. Но о томъ, что слышу, много думаю, и кажется—все дѣйствительно могло бы быть хорошо... но, конечно, такъ никогда не будетъ.

— Почему же вы такъ думаете?

— Потому, что въ самой натурѣ человѣка сидитъ зло. Такъ написано въ Библіи, и это вѣрно.

— Меня очень радуетъ, что вы держитесь священнаго писанія. Съ нимъ однимъ можно прожить всю жизнь. Но боюсь, въ этомъ кварталѣ очень немногіе такъ поступаютъ.

Старуха задумчиво склонила голову. Затѣмъ, осмотрѣвъ его своими мигающими глазами, спросила, пытаясь улыбнуться:

— Вы—не новый ли пасторъ?

— Да.

— Благодарю за честь, г. пасторъ, — отвѣтила она, присѣдая.—Проповѣди вашей не слыхала, да и вообще теперь не могу слышать. Мнѣ надо говорить прямо въ уши.

— Я буду часто приходить къ вамъ и говорить о Богѣ, если вы хотите. Я именно для этого здѣсь.

— Чувствительно благодарю васъ. Да, это было бы хорошо. Но видите ли, г. пасторъ, я хочу, чтобы въ домѣ у меня былъ миръ, и думаю, что съ меня достаточно каждое воскресенье читать свой молитвенникъ: милосердый Богъ зачтетъ мнѣ и это въ послѣдній часъ.

Готхольдъ нахмурился.

— Вы боитесь, что слово Божіе внесетъ вражду въ вашу семью... Фрау...

— Заутеръ... Эмилія Заутеръ къ вашимъ услугамъ, г. пасторъ... Видите ли, говорить это, конечно, грѣшно. Но я скажу вамъ: мои дѣти живутъ вмѣстѣ со мною, и у всѣхъ у нихъ своя новомодная религія... Боже! не хочется вѣдь и ихъ обижать. Они оставляютъ меня въ покоѣ, а я—ихъ. Ссоръ у насъ не бываетъ, да и не изъ-за чего. Согласитесь, что если г. Вельманнъ для нихъ пророкъ и бываетъ въ моемъ

домѣ, то не могу же я принимать у себя пастора, разъ изъ за этого можетъ выйти исторія. Не сердитесь, г. пасторъ! Покоя хочется прежде всего. Это нужно принять во вниманіе. Милосердый Богъ знаетъ, для чего все это нужно, иначе Онъ, навѣрно, не допустилъ бы разной вѣры.

Готхольдъ удержался отъ рѣзкихъ словъ, готовыхъ сорваться у него съ языка.

— Тогда приходите ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Мы поговоримъ о старомъ, вѣчно живомъ Богѣ.

Старуха задумалась.

— Иначе, какъ въ воскресенье послѣ обѣда, я не могу оставить своей лавки, г. пасторъ. У дѣтей свои дѣла; хочется и мнѣ что-нибудь дѣлать, пока здорова. Нельзя, чтобы они кормили меня. Да имъ и не до того. Вильгельмъ, видите ли... однако, я и такъ уже наболтала вамъ цѣлую кучу, г. пасторъ: вамъ, навѣрно, надоѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ. Продолжайте! Я охотно слушаю васъ. Какъ духовный пастырь, я долженъ знать обо всѣхъ прихожанахъ.

— Ахъ, Богъ мой, если бы дѣйствительно вы могли! Но едва ли многіе захотятъ имѣть съ вами дѣло? Теперь вѣдь совсѣмъ не то, что прежде. Никакіе пасторы, ни церкви больше не нужны. Я ничего не могу понять, моя голова слишкомъ стара для этого. Сужу по моему Вильгельму; онъ говоритъ, что проповѣди г. Вельманна въ тысячу разъ лучше пасторскихъ: нашъ братъ ихъ понимаетъ, и все такъ ясно, хоть бери руками. Не обижайтесь, г. пасторъ, я вѣдь спроста болтаю. Мой Вильгельмъ, знаете ли, несчастнѣйшій человѣкъ. Ему машиной оторвало руку и ногу. Кое-какъ его опять сшили, но онъ всетаки полу-человѣкъ послѣ того, что пережилъ. Онъ почти не показывается въ люди; сидитъ себѣ, завернувшись въ большой, черный платокъ, и прячетъ половину своего туловища, чтобы никто не пугался... Видъ, и правда, страшный: такъ онъ искалѣченъ! — Она вытерла глаза ладонью.

— Очень печально, — сказалъ Готхольдъ.—Но не надо забывать, что такое страшное несчастіе приближаетъ его къ Богу.

Старуха мрачно покачала головой.

— О! нѣтъ, нѣтъ, г. пасторъ. Совершенно наоборотъ. Несчастіе такъ озлобило его и привело въ такое отчаяніе, что онъ говоритъ: „если бы существовалъ милосердый Богъ и любилъ насъ, Онъ не могъ бы допустить этого“. Онъ ужъ былъ обрученъ, получалъ хорошее жалованье, былъ жизнерадостнымъ, счастливымъ человѣкомъ; скоро должна была

состояться свадьба. А тутъ однимъ ударомъ...—Она безпомощно пожала плечами.—Все кончено.

— Но фабрика должна вознаградить его. По крайней мѣрѣ, онъ не долженъ испытывать никакихъ лишеній.

— Какъ бы не такъ: сыну отвѣтили, что его нельзя подвести подъ законъ о несчастныхъ случаяхъ, потому что Вильгельмъ былъ выпивши; будь иначе—несчастья не могло бы даже случиться. Но это неправда. Мой Вильгельмъ наканунѣ вечеромъ былъ дѣйствительно навеселѣ, потому что его освободили отъ военной службы: у него кривой палецъ на ногѣ. Заводъ съ нимъ судился, и Вильгельмъ совсѣмъ озлился: вѣдь богатые люди могутъ идти далеко... Наконецъ, они помирились. При этомъ, конечно, Вильгельму перепало немного и, если бы онъ не научился, своей единственной рукой, плести корзинки,—вотъ чудо!—то онъ могъ бы умереть съ голода. Бываетъ, впрочемъ, и теперь близко къ тому... Ну, всѣ эти бѣдствія очень ожесточили Вильгельма, тѣмъ болѣе, что Мице онъ сильно любилъ и вотъ... да, я хотѣла сказать да забыла: г. Вельманнъ поддержалъ его и сдѣлалъ совершенно другимъ человѣкомъ. Что правда,—то правда. Съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ сталъ соціалистомъ и ковыляетъ къ г. Вельманну, своему учителю, онъ совершенно примирился со своимъ положеніемъ. „Матушка, его ученіе справедливо, — говоритъ онъ, — оно даетъ успокоеніе, и я знаю, что будетъ лучше жить на свѣтѣ. Этого не сказалъ мнѣ еще ни одинъ пасторъ. Тѣ всегда обнадеживаютъ небеснымъ блаженствомъ. Но никто не утѣшается, и ни одинъ человѣкъ не знаетъ, будетъ ли дѣйствительно это блаженство. Не сердитесь г. пасторъ: это мой сынъ такъ говоритъ. Я не отвѣчаю ни „да“, ни „нѣтъ“: онъ же чувствуетъ себя много лучше отъ этихъ разговоровъ, они доставляютъ ему удовольствіе, бѣднягѣ. Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія!

Она сложила руки на груди. Готхольдъ пристально смотрѣлъ впередъ. По его неподвижному лицу нельзя было прочесть его мыслей. Черезъ минуту онъ спросилъ:

— У васъ есть еще другія дѣти?

— Конечно,—отвѣтила старуха.—Есть еще Гертруда, самая старшая. Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, она беретъ дѣтей на воспитаніе. Вотъ тоже ремесло: труда и заботъ много, а пользы мало! Но для нея это самое пріятное занятіе, потому что ея собственныя дѣти всѣ—на погостѣ. Есть много злыхъ женщинъ, умышленно спроваживающихъ своихъ питомцевъ въ могилу, и есть родители, желающіе избавиться отъ дѣтей или по бѣдности, или отъ стыда предъ свѣтомъ. Моей Трудѣ всегда жаль дѣтей, и она беретъ этихъ козявокъ чуть не даромъ,—многихъ даже за шесть марокъ въ мѣ-

сяцъ, если знаетъ, что мать настолько бѣдна, что больше платить не можетъ. Конечно, Труда не въ силахъ спасти всѣхъ дѣтей, умираетъ ихъ все же очень много: всего, что нужно этимъ бѣдняжкамъ, дать нельзя. И кто знаетъ, можетъ быть, къ лучшему? На свѣтѣ такъ много людей и большинство ихъ очень несчастно. Милосердый Богъ знаетъ, что дѣлаетъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Готхольда; точно онъ хотѣлъ что-то стряхнуть съ себя.

— И всѣ они живутъ тутъ внизу, въ подвалѣ? — спросилъ онъ.

— Да, да, — отвѣтила старуха. — Тамъ ихъ много. Лена тоже тамъ, моя другая дочь. Она ходитъ гладить. Съ нею же ея маленькій Ласъ, любимецъ Вильгельма. Онъ, дѣйствительно, прелестный мальчуганъ. Мой Вильгельмъ говоритъ: „изъ него выйдетъ нѣчто крупное, онъ поможетъ этому проклятому свѣту перевернуться". Это сынъ говоритъ.

— Какъ, вы сказали, зовутъ мальчика?

— Ласъ. Видите, какъ это вышло: родители, во что бы то ни стало, хотѣли записать его „Лассалемъ". Но чиновникъ въ ратушѣ не согласился: видно, запрещено; нужно было выбрать христіанское имя, хотя мой Вильгельмъ говоритъ, что родители могутъ назвать своего ребенка, какъ угодно, а если не разрѣшаютъ—значитъ государство совсѣмъ не цивилизованное, нѣтъ въ немъ никакой гражданской свободы: все подъ опекой полиціи. Записали они его Гансомъ Заутеромъ, а зовутъ всетаки Лассалемъ; а чтобы не такъ длинно, то просто „Ласъ", и никто не зоветъ его иначе.

— Ваша вторая дочь—тоже вдова? — спросилъ Готхольдъ.

Старуха покачала головой.

— Нѣтъ, до свадьбы дѣло не дошло... Богъ мой, что тутъ подѣлаешь? Такая молодая; цѣлый день у гладильной доски, съ горячимъ утюгомъ, въ вонючемъ воздухѣ,—и приходится смотрѣть сквозь пальцы.

— Значитъ, обольщенная?

— Ну, этого сказать нельзя. Вѣдь это всегда взаимно, я думаю. И онъ женился бы на ней, если бы можно было. Но виллингскіе рабочіе не могутъ жениться до тѣхъ поръ, пока не начнутъ заработывать достаточныхъ средствъ для семьи. Потому всегда такъ и случается. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ отсюда, о немъ ничего не извѣстно. Можетъ быть, даже гдѣ-нибудь и женился... Ну, да Лена давно могла бы имѣть другого, не смотря на Ласа: она такая красивая и работящая. Да вотъ застрялъ у нея Вельманнъ въ головѣ: сущее наказаніе Божіе!

— И она тоже соціалъ-демократка?

— Еще бы! И Труда тоже, хоть я ей говорю всегда: „то, что ты дѣлаешь для несчастныхъ малютокъ, ты вѣдь дѣлаешь изъ любви къ Богу, потому что въ душѣ ты хорошая христіанка, хотя сама объ этомъ не знаешь“. Но все остается по прежнему: они оставляютъ меня въ покоѣ съ моей вѣрой, а я не мѣшаю имъ... Лена превозноситъ этого Вельманна прямо до небесъ, какъ святого, и ни объ одномъ мужчинѣ въ мірѣ знать не хочетъ. Правда, не одна она такая, но все же это несчастье. Охъ! родители не могутъ избавиться отъ заботъ о своихъ дѣтяхъ, въ какомъ бы возрастѣ они ни были... Ужъ такова жизнь.

Готхольдъ охотно разспросилъ бы ее еще о многомъ, но принужденъ былъ прекратить разговоръ: съ верхней ступеньки подвала мужской голосъ снизу спрашивалъ уже нѣсколько разъ:

— Съ кѣмъ ты тамъ болтаешь, мама?

Слышался и дѣтскій крикъ. Готхольдъ протянулъ старухѣ руку.

— Храни васъ Богъ! Не забудьте словъ апостола: „я не стыжусь Евангелія Христова“. Помните, что рядомъ съ Нимъ не должно быть другихъ боговъ. Будьте здоровы. До свиданія!

Старуха присѣла и хотѣла поцѣловать у него руку, но онъ не далъ и, дружески кивнувъ ей, ушелъ. Онъ повернулъ въ направленіи къ Артусбергу, отчасти инстинктивно, потому что былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ Курта Вельманна, отчасти изъ желанія остаться одному.

Что онъ здѣсь долженъ дѣлать? Всегда, послѣ посѣщенія рабочаго квартала, у него являлось чувство утомительнаго разочарованія и недовольства. Сегодня его совсѣмъ не впустили къ этой „Мютцельшѣ“. Мужъ былъ дома и, видимо, сильно пьянъ; онъ съ грубой насмѣшкой указалъ ему на дверь: женѣ его будто бы дѣлается хуже, когда Готхольдъ приходитъ и молится вмѣстѣ съ ней; это сильно волнуетъ ее; вообще съ тѣхъ поръ, какъ этотъ попъ пробрался къ ней, она точно сошла съ ума. Одного недоставало, чтобы этотъ „Люде“ хватилъ Готхольда кулакомъ и вытолкалъ на лѣстницу. Онъ и сдѣлалъ бы это, если бы не цирюльникъ Бедовъ, позванный на помощь къ напуганной этой отвратительной сценой Мице. Къ счастью, онъ явился во время и успокоилъ буяна. Готхольдъ, не знавшій страха, не уступилъ бы ему добровольно, но Мице умоляла его уйти и шепнула, что или придетъ сама, или сообщитъ, когда Люде уйдетъ и воздухъ нѣсколько очистится; можетъ быть, даже завтра. Цирюльникъ тоже обратилъ его вниманіе на то, что онъ будетъ

виноватъ въ нарушеніи семейнаго мира, если не уйдетъ сейчасъ же: этимъ шутить нельзя! Какой стыдъ и униженіе! Ему нечѣмъ даже утѣшить себя. Онъ страдаетъ, конечно, во имя Христа, и позоръ, взятый имъ на себя, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какой принялъ на себя Самъ Господь въ образѣ человѣка, и не позоръ жжетъ его душу, а сознаніе безцѣльности его дѣлъ и невозможности вліянія.

Онъ зашелъ къ швеѣ Притцке, жившей въ томъ же домѣ и считавшейся религіозной. Она уже нѣсколько разъ останавливала его на улицѣ, прося сдѣлать и ей честь посѣтить ее: вѣдь онъ бываетъ у всѣхъ трудящихся и несчастныхъ.

Притцке была сухая, остроносая и косоглазая старая дѣва. На Готхольда она произвела впечатлѣніе лицемѣрки, умѣющей скрывать свое страшное любопытство, любовь къ сплетнямъ и злорадство. Но она такъ охотно давала ему свѣдѣнія обо всемъ, что онъ спрашивалъ, съ такимъ трогательнымъ сочувствіемъ относилась къ его намѣреніямъ, что онъ счелъ невозможнымъ оттолкнуть ее. Все, что онъ узналъ, рисовало окружающее въ болѣе печальномъ свѣтѣ, чѣмъ ему казалось раньше. По ея словамъ, весь рабочій кварталъ—Содомъ и Гоморра, и Небо по справедливости уже давно должно бы послать сюда смоляной и сѣрный дождь. Едва ли есть на свѣтѣ порокъ, который не находилъ бы себѣ здѣсь сторонниковъ, готовыхъ еще хвастаться передъ всѣмъ свѣтомъ. Ни одинъ человѣкъ не считаетъ это дурнымъ, потому что, въ сущности, никто не живетъ лучше. Всѣ эти молодые люди съ фабрикъ имѣютъ своихъ „дѣвицъ", имѣютъ также и дѣтей, но о женитьбѣ думаютъ весьма немногіе. Развратъ—не рѣдкость; и вѣчно ножъ пускается въ дѣло! Въ особенности по воскресеньямъ вечеромъ, когда послѣ получки жалованья, всѣ напиваются. Въ этихъ кабакахъ и трактирахъ дѣлается нѣчто ужасное!.. А Мице Теденъ, что живетъ въ подвалѣ, въ связи не только со своимъ зятемъ съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла его жена,—или какъ ее тамъ называютъ,—но занимается еще открыто постыднымъ ремесломъ, чѣмъ поддерживаетъ свое хозяйство. У нея всегда есть лишнія деньги на различныя бездѣлушки и украшенія, которыми она себя обвѣшиваетъ. Невыразимая гадость! Впрочемъ, въ другихъ домахъ не лучше. Всѣ здѣсь живутъ, какъ язычники, какъ животныя. И вполнѣ естественно, когда нѣтъ никакой религіи... На вопросъ Готхольда о Куртѣ Вельманнѣ, Притцке отвѣтила сдержаннѣе. Богъ мой, что о немъ скажешь? Бунтовщикъ, совратитель народа, опасный демагогъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Рано или поздно, а ужъ засадятъ его въ исправительный домъ, это вѣрно; въ тюрьмѣ онъ уже сидѣлъ. Но когда его видишь и слышишь... она, ко-

нечно, ничего этимъ не хочетъ сказать въ его пользу, — то почти становится понятнымъ, почему всѣ люди превращаются, подъ его вліяніемъ, въ необузданныхъ поклонниковъ... да, это совершенно понятно!.. И Притцке вздохнула, какъ влюбленный подростокъ. Даже докторъ Леръ и фрейлейнъ хорошаго мнѣнія о Куртѣ Вельманнѣ. Другіе о немъ говорятъ худо: будто онъ пьетъ и временами съ нимъ бываетъ даже очень скверно. Злые языки болтаютъ, что у него была несчастная любовь, почему теперь онъ не допускаетъ къ себѣ ни одной женщины; хотя очень многія льнутъ къ нему. Вѣроятно, все—сплетни.

Наконецъ, Готхольдъ освободился отъ словоохотливой собесѣдницы, чтобы самому повидать Курта Вельманна. По дорогѣ къ его дому, стоявшемъ ближе къ фабрикамъ, онъ зашелъ еще въ кой-какія квартиры, гдѣ, какъ онъ думалъ, есть больные и нуждающіеся въ помощи. Но почти вездѣ онъ встрѣчалъ одно и то-же: отъ него ничего не хотѣли принимать, въ его утѣшеніи никто не нуждался. Часто ему грубо указывали на дверь, или принимали смущенно, недовѣрчиво, рѣзко обнаруживая разочарованіе, если онъ не давалъ денегъ, а обѣщалъ какую-либо поддержку. То онъ встрѣчалъ озлобленіе, издѣвательство и угрозы по адресу фабрикантовъ и богатыхъ вообще; то—тупую и глубокую покорность или рѣзкій смѣхъ равнодушнаго легкомыслія; очень рѣдко—покой и довольство: отовсюду на встрѣчу ему неслись жалобы, благодарность связывалась лишь съ именами доктора и фрейлейнъ; только къ нимъ питали уваженіе, только они имѣли здѣсь значеніе. За ними слѣдовалъ неизбѣжно Куртъ Вельманнъ. Кормить онъ никого не могъ: у него едва хватало на самого себя, но въ то, что онъ говорилъ, эти люди вѣрили слѣпо. Готхольду случалось видѣть на лицахъ тяжко больныхъ, несчастныхъ и изможденныхъ рабочихъ радостную улыбку, при одномъ упоминаніи его имени. „О, онъ! онъ! Если бы всѣ люди были такими, какъ онъ, тогда можно было бы жить, можно было бы терпѣть на этомъ свѣтѣ. Ну, да придетъ же когда-нибудь всей неправдѣ конецъ! Богатые должны твердо помнить это, а онъ, пасторъ, обязанъ съ церковной каѳедры говорить имъ, чтобы они опомнились. Бѣдняки не нуждаются въ его проповѣдяхъ“.

И всегда скрытые намеки на день страшной расплаты! Это было своего рода евангеліе, откуда они, обездоленные, черпали утѣшеніе и за что цѣплялись въ своей болѣзни и нуждѣ охотнѣе и усерднѣе, чѣмъ за крестъ Искупителя. И такое евангеліе проповѣдывалъ имъ Куртъ Вельманнъ! Когда Готхольдъ станетъ лицомъ къ лицу съ лучшимъ другомъ своей юности, онъ спроситъ у него, что отвлекло его отъ

исканія единственной истины и единственнаго пути спасенія, чему они оба посвящали всѣ силы своихъ юныхъ душъ! Онъ предвидитъ, что среди тѣхъ, къ кому его послалъ Господь, онъ ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать Если они не будутъ ходить слушать его проповѣди, если они не будутъ посѣщать устроенныхъ имъ религіозныхъ бесѣдъ, если не будутъ пускать его въ свои дома, къ постелямъ больныхъ,—какое вліяніе можетъ онъ оказать на ихъ закоснѣлыя сердца и заблудшія души? Куртъ Вельманнъ, имѣющій надъ ними власть, долженъ помочь ему. Если онъ сохранилъ свою прежнюю отзывчивость, онъ сдѣлаетъ это даже и въ томъ случаѣ, если ему будетъ грозить опасность утратить свое значеніе и единовластіе. Совершенно отпасть отъ Бога онъ, конечно, не могъ и несомнѣнно создастъ возможность товарищу своей юности насадить среди невѣрующихъ слово Божіе даже и въ томъ случаѣ, если онъ самъ не сочувствуетъ и не раздѣляетъ его взглядовъ и цѣлей. Тогда сдѣлается возможной между ними и духовная борьба; теперь же дѣло Курта представляется легкой игрой, при чемъ противной партіи не дается даже слова. Какъ захотѣлось Готхольду этой борьбы! Ему казалось, что всѣ тревоги и сомнѣнія, зашевелившіяся въ немъ гдѣ-то глубоко, подъ массой нахлынувшихъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, замолкнутъ и исчезнутъ въ жаркой борьбѣ за истину.

VII.

Когда Готхольдъ поднялся на холмъ и собирался повернуть къ Артусбергу, онъ вдругъ услышалъ звонкій дѣтскій смѣхъ, побудившій его измѣнить направленіе. Обыкновенно здѣсь бывало тихо, когда въ послѣобѣденный часъ онъ искалъ тутъ уединенія. Направо тянулся виллингскій паркъ въ своемъ торжественномъ молчаніи; удары молотовъ и стукъ на церковной постройкѣ были единственными отзвуками жизни въ этой тиши полей и лѣсовъ. Готхольдъ приблизился къ опушкѣ лѣса, и глазамъ его представилась чудная картина. Цѣлая толпа дѣвочекъ рѣзвилась на зеленой лужайкѣ, между ржанымъ полемъ и серебристосѣрыми буками. Крѣпко держась за руки, онѣ танцовали и пѣли. Солнечный свѣтъ тысячью дрожащихъ пятенъ проникалъ сквозь верхушки старыхъ деревьевъ, освѣщая веселое общество. Готхольдъ съ улыбкой наблюдалъ толпу и, только минуту спустя, замѣтилъ, что здѣсь веселились дѣти рабочихъ. Нѣкоторыя были босикомъ, въ разорванныхъ или заплатанныхъ платьяхъ, но блескъ солнца и беззаботная веселость играю-

щихъ скрашивали всѣ недостатки. Вскорѣ онъ замѣтилъ сидѣвшую въ сторонѣ, на дерновой скамейкѣ, подъ деревьями, дѣвушку, внимательно слѣдившую за игрой. Она громкими возгласами руководила дѣтьми и одобрительно хлопала въ ладоши. Готхольдъ рѣшилъ, что она надзираетъ за молодой толпой по своей обязанности. Шляпа ея лежала на травѣ, и солнечный свѣтъ свободно игралъ на ея золотисто-каштановыхъ волосахъ. Когда Готхольдъ разсмотрѣлъ ближе гибкую, исполненную прелести фигуру въ свѣтломъ платьѣ, выдѣлявшуюся на темно-зеленомъ фонѣ картины, онъ узналъ въ ней Гельгу Леръ, дочь „сумасшедшаго“ доктора, „фрейлейнъ“, какъ звали ее всѣ въ рабочемъ кварталѣ. Послѣ короткаго раздумья, онъ подошелъ къ ней и, поклонившись, снялъ шляпу.

Тотчасъ же, по ея движенію, онъ почувствовалъ, что эта встрѣча ей непріятна. Но поклонъ ея былъ привѣтливъ, и тихая, спокойная ясность, озарявшая тонкія черты и проникавшая все ея существо, не покидали ея. Когда онъ спросилъ, не она ли привела сюда дѣтей, она отвѣтила просто:

— Да, конечно. Удивительно, какъ городскимъ дѣтямъ самимъ не приходитъ въ голову ничего подобнаго. Думаю, что большинство этихъ маленькихъ людей и не выходило за предѣлы рѣчного квартала, пока я не привела ихъ сюда. Здѣсь они точно увидѣли впервые свѣтъ и отъ радости не знали, что дѣлать. А теперь ватага растетъ съ каждымъ разомъ, какъ только я иду гулять. Для нихъ это истинное удовольствіе.

— Безъ сомнѣнія, ваше дѣло угодно Богу, фрейлейнъ,— сказалъ Готхольдъ. — Дѣтей всегда слѣдуетъ пріучать благоговѣть передъ Господомъ путемъ созерцанія его твореній.— Онъ пристально смотрѣлъ на нее, произнося эти слова.

„Неужели она не покраснѣетъ?“—думалъ онъ. Но лицо ея не измѣнило своего выраженія.

— Я дѣлаю это для бѣдныхъ дѣтишекъ, чтобы доставить имъ побольше радостей въ жизни, г. пасторъ,—сказала она, спокойно слѣдя за хороводомъ дѣтей.—Для ихъ физическаго развитія играть на просторѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ постоянно быть въ душныхъ комнатахъ или даже на воздухѣ, но въ узкихъ переулкахъ. Многія изъ нихъ должны уже работать дома, помогать въ хозяйствѣ, нянчить маленькихъ сестеръ и братьевъ и т. п. Здѣсь они отдыхаютъ и снова чувствуютъ себя дѣтьми.

— Вы, кажется, пользуетесь вліяніемъ у обитателей рабочаго квартала, фрейлейнъ Леръ?

— Вліяніемъ?—въ лицѣ ея появилось выраженіе смущен-

наго недоумѣнія.—Не думаю. Я живу съ ними, вотъ и все. Быть наставницей у меня нѣтъ таланта, какъ и вообще никакихъ другихъ.

— Если не ошибаюсь, вы хотите сказать, что, благодаря вамъ, эти люди не дѣлаются ни лучше, ни хуже, и что влiять на нихъ не входитъ даже въ вашу задачу? Но вы поймете, конечно, что я могу только сожалѣть объ этомъ.

Она медленно покачала головой.

— Почему? Кому хорошо живется, тому не трудно быть хорошимъ. Вѣдь все, что можно сдѣлать—это лишь незначительно облегчить имъ тяжесть жизни. Остальное придетъ само собою.

— Вы думаете, одна благодарность можетъ сдѣлать ихъ добрыми и религiозными?

— Благодарность? Но у нихъ нѣтъ никакого повода благодарить.

— Какъ нѣтъ повода? — Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленiемъ. Что это, собственно, за существо? Какъ спокойно и ясно звучатъ ея слова, не смотря на скромность, съ какой она говоритъ,—что особенно привлекательно. Она не производитъ впечатлѣнiя, будто желаетъ „хвастать своимъ язычествомъ". Но онъ не поддастся ни ея влiянiю, ни спокойному солнечному свѣту вокругъ нея, ни музыкѣ дѣтскаго смѣха

Такъ или иначе, между ними должно быть все выяснено; здѣсь у него врагъ, и онъ долженъ съ нимъ бороться.

— Если я васъ понимаю,—прибавилъ онъ съ разстановкой, — вы того мнѣнiя, что тотъ, кто помогаетъ бѣднымъ, исполняетъ только свою обязанность?

— Не знаю, вѣрно ли такое опредѣленiе, — отвѣтила она послѣ нѣкотораго раздумья.—Полагаю, что помогать—врожденное стремленiе: иначе нельзя. Можетъ быть, это родъ стаднаго инстинкта, безсознательное чувство зависимости другъ отъ друга, способъ самосохраненiя; но ставить его себѣ въ особую заслугу нѣтъ никакихъ основанiй. Если я встрѣчаю благодарность, мнѣ становится стыдно. Я чувствую, что не имѣю на нее права, она причиняетъ мнѣ только горечь. И они, и я постепенно привыкли находить все естественнымъ и принимать все просто. Понятiе о благодѣянiи совершенно исчезло для обѣихъ сторонъ.

Готхольдъ нѣсколько разъ неодобрительно покачалъ головой.

— Со своей точки зрѣнiя, я могу только сожалѣть объ этомъ, фрейлейнъ,—сказалъ онъ.—Нуждающiйся обязанъ сознавать, что ему дѣлаютъ добро, и благодарность должна внушать ему благочестiе и смиренiе.

— Наоборотъ, благодарность часто ожесточаетъ и пугаетъ

его; онъ или принимаетъ помощь съ досадой, или совсѣмъ отказывается отъ нея: считать помощь „незаслуженнымъ" благодѣяніемъ значитъ напоминать себѣ о „незаслуженномъ" пренебреженіи, о томъ, что онъ обойденъ при распредѣленіи богатствъ въ этомъ мірѣ... Вы говорите: смиреніе?—Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ,—„дѣтскими глазами", — невольно подумалъ онъ. — Почему? Смиреннымъ долженъ быть имущій, видя, насколько малымъ, часто не жалуясь, довольствуется другой. Имущій долженъ сознавать, что богатствомъ онъ обязанъ вовсе не своимъ какимъ-то заслугамъ, а случайности. Я нахожу, что бѣдный имѣетъ менѣе всего причинъ быть смиреннымъ. Стыдиться должны мы каждую минуту.

Готхольдъ невольно покраснѣлъ, и долженъ былъ сознаться въ душѣ, что эта дѣвушка стоитъ на гораздо болѣе высокой точкѣ зрѣнія, чѣмъ онъ. Но именно это признаніе и вывело его изъ равновѣсія, сдѣлало безпокойнымъ и рѣзкимъ.—„Софистка,—думалъ онъ,—видимо начиненная своимъ отцомъ, Дарвиномъ, Шопенгауэромъ и еще Богъ знаетъ какимъ современнымъ ученымъ хламомъ! На своей холодной высотѣ она чувствуетъ себя такой увѣренной и недоступной всему обыденному и чему вѣритъ весь міръ!"

Имъ овладѣлъ гнѣвъ.

— Значитъ то, что руководитъ вами, не есть состраданіе?—спросилъ онъ почти насмѣшливо.

Она покачала головой съ мечтательнымъ видомъ.

— Я могу повторить только то, что сказала раньше: думаю, тутъ естественное стремленіе. Можно назвать, конечно, какъ угодно. Добро и зло — съ естественно-научной точки зрѣнія не существуютъ вовсе; въ природѣ этихъ понятій совсѣмъ нѣтъ, и созданы они только людьми. Поэтому я совсѣмъ не знаю, есть ли состраданіе добро. Можетъ быть, благодѣяніями хотятъ удовлетворить самихъ себя, доставить себѣ удовольствіе; можетъ быть, хотятъ убить непріятное чувство, испытываемое богатымъ при видѣ нищеты. Въ такомъ случаѣ, все дѣлается изъ чистаго эгоизма, и тогда богатый долженъ благодарить бѣднаго, а не наоборотъ. Вы видите, куда это приводитъ. Состраданіе? Можетъ быть, это и есть настоящее слово: страдаешь вѣдь съ равными себѣ; они могутъ жить такъ, какъ мы, это и заставляетъ насъ помогать имъ ради самихъ себя. Любовь къ самому себѣ несомнѣнно играетъ здѣсь роль: отъ нея не уйдешь. Вотъ почему заботу о людяхъ я называю просто естественной, инстинктивной, человѣческой...

— Но почему вы не называете это стремленіе божественнымъ, фрейлейнъ Леръ?

Наше общественное пробужденіе съ соціально-экономической точки зрѣнія.

Бѣглыя замѣтки.

V.

Позволяемъ себѣ небольшое отступленіе. Какое-нибудь явленіе можетъ быть вызвано великимъ множествомъ причинъ, въ одномъ случаѣ сочетаніемъ однѣхъ, въ другомъ — другихъ, а результатъ можетъ получиться одинаковый. Смерть, напримѣръ, можетъ произойти отъ тысячъ причинъ, а результатъ одинъ — прекращеніе жизнедѣятельности. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы знать причину, надо доискиваться и изучить условія, которыя привели организмъ изъ состоянія бытія къ небытію, къ прекращенію жизнедѣятельности. То же самое надо имѣть въ виду при изученіи хозяйственной жизни. Намъ уже не разъ приходилось указывать на огромную важность пониманія этого обстоятельства, которое, къ сожалѣнію, очень и очень часто упускается изъ виду. При изученіи какого-нибудь явленія, говорили мы, стараются опредѣлить его закономѣрность, т. е. выяснить тѣ условія, при которыхъ оно происходитъ. Этимъ путемъ открывается законъ явленія. Это значитъ, что совокупность такихъ-то и такихъ-то условій неизбѣжно приводитъ къ такому-то явленію, къ закономѣрности такого-то явленія; говорятъ, что явленіе подчиняется такому-то закону. Вотъ, въ этомъ-то для лицъ, недостаточно научно дисциплинированныхъ, и открывается возможность стать на ложную дорогу. Законъ явленія есть абстракція, а человѣческій умъ склоненъ всякую абстракцію превращать въ деспотическую сущность. Между тѣмъ, законъ явленія въ научномъ смыслѣ не обладаетъ реальнымъ существованіемъ, это не есть реальность, а наше мысленное отношеніе къ внѣшнимъ реальностямъ. Представленіе о принудительности научнаго закона—представленіе ошибочное, оно напоминаетъ о принудительности юридическаго закона, вызываетъ представленіе о какой-то волѣ, о какомъ-то законодателѣ. Принудительность же надо искать не въ абстракціи, не внѣ фак-

товъ, а въ нихъ самихъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они обнаруживаются какъ во времени, такъ и въ пространствѣ.

Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ больше возможностей отклоненія отъ такъ называемаго закона, имъ управляющаго, тѣмъ болѣе условій, видоизмѣняющихъ его обнаруженіе. Это, въ особенности, можно отнести къ явленіямъ общественной жизни вообще, и въ частности—къ хозяйственной жизни. Но, независимо отъ этого, какое-нибудь явленіе можетъ быть вызвано разнороднымъ сочетаніемъ условій. Промышленный кризисъ, напримѣръ, выражается въ отсутствіи сбыта изготовленныхъ на продажу товаровъ. Но это отсутствіе сбыта, при разныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, вызывается разными причинами. Въ странахъ, гдѣ капиталистическое производство получило наибольшее развитіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, напримѣръ въ Англіи, промышленный кризисъ есть непосредственный результатъ этого развитія, такъ какъ капиталистическое производство со своей конкурренціей, погоней за покупателемъ, требуетъ усовершенствованія способовъ производства для удешевленія товара, производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. А для этого рынокъ долженъ постоянно расширяться. Между тѣмъ, платежная потребительная способность націи, самими условіями развитія капитализма, значительно отстаетъ отъ потребности расширенія капитала, отъ роста его производительныхъ силъ, и наступаетъ моментъ перепроизводства, кризиса.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ капитализмъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности достигъ такого развитія, какъ нигдѣ, проявленію періодическихъ промышленныхъ кризисовъ, вызываемыхъ англійскими хозяйственными условіями, мѣшалъ огромный постоянно расширявшійся внутренній рынокъ. Поглощательная способность его росла вмѣстѣ съ количественнымъ и качественнымъ ростомъ земледѣльческой промышленности. Этотъ ростъ потребительной способности земледѣльческаго населенія отвѣчалъ потребности капиталистическаго производства въ расширеніи рынка. Земледѣльческое населеніе, фермерство, имѣло возможность продавать свои продукты на міровомъ рынкѣ, вслѣдствіе увеличивавшейся производительности своего труда, дешевле своихъ конкуррентовъ, по цѣнѣ, опредѣлявшейся на всемірномъ рынкѣ, которая, однако, по самымъ условіямъ производства, большей производительности земледѣльческаго труда, была *выше* ихъ индивидуальной стоимости. Американскіе фермеры наживались, между прочимъ, насчетъ русскаго крестьянства, которое принуждено было продавать земледѣльческіе продукты *ниже* ихъ индивидуальной стоимости. Можно сказать, что развитіе американскаго капитализма отчасти совершалось насчетъ обѣднѣнія русскаго крестьянства.

Вотъ это-то обстоятельство отчасти смягчало, а отчасти и во-

все устраняло ту непосредственную причину, которую вызывалъ промышленный кризисъ въ Англіи. Непосредственною причиною американскаго кризиса бывалъ неурожай, въ особенности, если онъ сопровождался паденіемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, какъ это было въ 1893—1896 годахъ.

У насъ въ Россіи капитализмъ развивался исключительно насчетъ крестьянства, ничего не давая ему взамѣнъ. Какъ продавецъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, крестьянинъ долженъ былъ терять отъ малой успѣшности своего труда, вслѣдствіе обѣднѣнія и отъ невозможности повысить его производительность, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для этого знаній, отъ которыхъ его намѣренно удаляли. Поэтому его покупательная способность все болѣе и болѣе ограничивалась. Развитіе капитализма могло происходить только по мѣрѣ количественнаго распространенія его вліянія на крестьянство, по мѣрѣ того, какъ большее и большее число ихъ втягивалось въ область торговаго обмѣна. Поэтому кризисы русской капиталистической промышленности обусловливаются, во первыхъ, размѣрами урожая и денежнымъ его выраженіемъ, т. е. цѣнами, по которымъ онъ реализуется. Во-вторыхъ, уменьшеніемъ покупательной способности крестьянства, обусловленной способомъ развитія капитализма, а также вслѣдствіе того, что бремя растущихъ государственныхъ потребностей падаетъ, главнымъ образомъ, на него же.

Такимъ образомъ, въ Англіи промышленный кризисъ возникаетъ вслѣдствіе условій, присущихъ капиталистическому способу производства, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ — отчасти отъ этихъ же условій, но, главнымъ образомъ отъ лежащихъ внѣ его съ теченіемъ времени первыя получаютъ преобладаніе надъ послѣдними. У насъ въ Россіи развитіе капитализма шло и идетъ на счетъ земледѣльческой промышленности, и промышленные кризисы обусловливаются причинами, лежащими исключительно въ этой послѣдней; а такъ какъ крестьянство, по общему признанію, прогрессивно бѣднѣетъ, то нечего удивляться, что вмѣстѣ съ этимъ надвигался и надвигается промышленный кризисъ, все болѣе и болѣе затяжной.

Изъ этого видно, насколько важно для пониманія наблюдаемыхъ явленій изучать условія, при которыхъ они происходятъ, то, что ихъ вызываетъ. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, промышленный кризисъ вызывается различными хозяйственными условіями, ибо происходитъ въ средѣ исторически различной.

Но, съ другой стороны, сочетаніе одинаковыхъ хозяйственныхъ условій приводитъ къ одинаковымъ результатамъ: одинаковыя общественно-хозяйственныя условія, достигнувъ до извѣстной степени развитія, требуютъ измѣненія всѣхъ другихъ общественныхъ отношеній, которыя служатъ правовымъ, политическимъ

и инымъ выраженіемъ измѣненія общественно-хозяйственныхъ условій.

VI.

Итакъ, весь строй нашей общественно-хозяйственной жизни формировалъ общественные классы, хотя и объединенные каждый въ отдѣльности общностью интересовъ, но не имѣющіе возможности реагировать сознательно, какъ классы, на условія, способствующія и тормазящія ихъ развитіе. Вырабатывались общественно-хозяйственные психологическіе типы, съ совершенно противоположными интересами, одинъ отъ другого разобщенные, а потому не имѣвшіе ни случаевъ, ни возможности урегулировать свои взаимныя отношенія. Мало того. Возникшія общественно-хозяйственныя условія стихійно требовали объединенія лицъ съ общими имъ всѣмъ интересами, чтобы сознательно, цѣлесообразно защищать общіе имъ всѣмъ интересы. Этому препятствовала бюрократія, то есть классъ, стоящій совершенно внѣ сферы борьбы, совершенно не понимающій всѣ детали интересовъ борющихся классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ насильственно преграждающій способы выраженія этихъ интересовъ.

Свободу собраній, свободу слова, свободу печати, всѣ эти необходимѣйшія условія общественнаго развитія бюрократія совершенно не признаетъ. На всякое проявленіе общественной и личной иниціативы она смотритъ, какъ на посягательство на ея прерогативы. Жизнь всѣхъ классовъ общества окутывается сѣтью всевозможныхъ стѣсненій. Всякое выраженіе недовольства немедленно карается. Въ общественной жизни воцаряется тишина, но тишина могилы,—какъ это было у насъ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія,—тишина, которую и теперь съ восхищеніемъ вспоминаетъ бюрократія и ея идеологи. Въ то время, дѣйствительно, воцарилась такая тишина, что—по выраженію извѣстной сказки Щедрина—„слышно было, какъ ползутъ по землѣ клеветническіе шопоты".

Стѣсненные во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности, не имѣющіе возможности воспрепятствовать вліянію условій, тормазящихъ развитіе ихъ индивидуальныхъ и общественныхъ силъ, часто не знающіе, гдѣ искать причину ухудшенія своего положенія, вслѣдствіе стѣсненія распространенія образованія, всѣ классы начинаютъ все глубже и глубже проникаться недовольствомъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствовать на себѣ гнетъ бюрократіи, всѣ классы начинаютъ проникаться сознаніемъ, что интересы ихъ никто не можетъ понять и защитить лучше, чѣмъ они сами; что нація не можетъ развиваться, если общественные классы и отдѣльныя лица лишены возможности не только отстаивать свои интересы, но даже обсуждать ихъ открыто, устно и при помощи печати; всѣ классы начинаютъ сознавать, что одна изъ при-

чинъ обѣднѣнія народа кроется въ его невѣжествѣ, неспособности и неумѣніи понять и оцѣнить усложняющіяся его отношенія къ средѣ природной и общественной, и видѣть, что препятствія народному самопознанію ставитъ бюрократія.

Подъ вліяніемъ этихъ и многихъ другихъ причинъ, недовольство существующими общественными отношеніями растетъ во всѣхъ классахъ, но оно не находитъ еще случая обнаружиться, оно растетъ глухо, только иногда проявляясь въ острой формѣ. Налицо нѣтъ еще такого событія, которое объединило бы всѣ классы въ этомъ отношеніи, сдѣлало бы очевиднымъ для всѣхъ невозможность дальнѣйшаго существованія всего народа, какъ народа самостоятельнаго, при существующемъ бюрократическомъ порядкѣ законодательства и управленія. Этимъ событіемъ стала, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, несчастная война, вызванная бюрократіей и обнаружившая ея полную несостоятельность въ управленіи полутораста-милліоннымъ населеніемъ при помощи законовъ, не отвѣчающихъ общественнымъ жизненнымъ потребностямъ и опирающихся на физическую силу.

VII.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ исходъ крымской войны заставилъ обратить вниманіе всѣхъ классовъ общества на неизбѣжную необходимость покончить съ тѣмъ тормазомъ, который лежалъ на пути къ общественному развитію, и который привелъ къ севастопольскому погрому, именно—съ крѣпостнымъ правомъ. Императоръ Александръ II прекрасно понималъ положеніе дѣла, когда послѣ крымской войны, обращаясь къ московскому дворянству сказалъ, что лучше произвести дѣло освобожденія крестьянъ сверху, чѣмъ ждать, когда оно произойдетъ снизу... Крѣпостное право пало...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ. За эти полстолѣтія весь строй общественной жизни измѣнился. Возникли новые общественные классы съ новыми потребностями, съ своими собственными интересами, которые они, однако, не имѣли возможности не только удовлетворять, но даже и высказывать. Крѣпостное право, павшее въ его грубой формѣ, осталось неприкосновеннымъ во всѣхъ остальныхъ своихъ проявленіяхъ и продолжало по прежнему стѣснять развитіе производительныхъ силъ націи, развитіе общественности, развитіе умственныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе силъ нравственныхъ.

Съ соціологической точки зрѣнія общество тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе формы и направленія, которыя въ немъ проявляются, и чѣмъ (во всемъ обществѣ, какъ цѣломъ) увеличивается солидарность, — словомъ, чѣмъ болѣе раз-

вивается общественность. Развитіе нравственности, т. е. способа реагированія отдѣльныхъ лицъ и классовъ на вліянія общественной среды, обусловливается развитіемъ общественности. А этому-то развитію препятствуетъ бюрократія. Мало того, при стѣсненіи развитія общественности, когда бюрократія беретъ на себя рѣшать сложныя общественныя задачи, не справляясь съ мнѣніемъ тѣхъ, кого эти задачи непосредственно касаются, она даетъ предписанія, которыя являются не соотвѣтствующими требованіямъ жизни, а такъ какъ послѣднія сильнѣе, то во имя ихъ предписанія обходятся. Другими словами, всюду сознательно воцаряется ложь, и всѣ это знаютъ, всѣ оправдываютъ *)...

Ужасный погромъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ севастопольскій погромъ, слишкомъ наглядно показалъ всю неурядицу, всю опасность для существованія націи бюрократическаго строя. Россія до сихъ поръ не знаетъ, зачѣмъ былъ занятъ Портъ-Артуръ, послѣ того какъ по настоянію трехъ державъ его очистили японцы, имѣя на его занятіе „право" завоевателя. Россія до сихъ поръ не знаетъ, зачѣмъ онъ былъ укрѣпленъ, находясь почти въ 1500 верстахъ отъ русской границы? Зачѣмъ была построена на чужой территоріи желѣзная дорога, которую приходилось охранять вооруженной силой, вслѣдствіе враждебнаго настроенія населенія? Зачѣмъ былъ построенъ Дальній? Никому неизвѣстно, изъ-за чего была начата эта злосчастная война, на которую, вмѣстѣ съ расходами на укрѣпленіе Портъ-Артура, постройкой желѣзной дороги и пр. и пр., уже теперь буквально брошено два милліарда рублей, или около того, народныхъ денегъ, въ то время какъ народъ страдаетъ отъ невѣжества, отъ неурожаевъ и отъ тысячи другихъ бѣдствій. Нечего и говорить о самомъ существенномъ—о гибели сотенъ тысячъ молодыхъ жизней, этого цвѣта націи, о разореніи цѣлой нейтральной провинціи, о казняхъ ея жителей, о пріобрѣтеніи врага въ сосѣдѣ, съ которымъ мирно жили до послѣдняго времени не одну сотню лѣтъ, и пр. и пр.

Наглядный урокъ, данный нынѣшнею войною, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, не только показалъ всю нашу отсталость, но также и причины этой отсталости, слишкомъ низкое развитіе производительныхъ силъ, какъ это было и въ крымскую войну. Но на этомъ аналогія кончается. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, послѣ паденія крѣпостного права, кромѣ дворянства не было ни единаго общественнаго класса, который былъ бы объединенъ сознательно хозяйственными интересами. Крѣпостное право пало. Лица, принимавшія участіе въ законодательной санкціи уничтоженія того, что отжило свой вѣкъ, прекрасно понимали, что новыя хозяйствен-

*) Объ этомъ слѣдуетъ подумать тѣмъ, кто считаетъ несущественнымъ вопросъ о свободѣ самоопредѣленія общества и настаиваетъ на важности самоусовершенствованія.

ныя условія требуютъ новыхъ правовыхъ нормъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ общественной жизни: организаціи суда на иныхъ началахъ, свободы слова, свободы печати и т. д. Они и осуществляли или стремились осуществить то, что по ихъ понятіямъ требовалось. Но ихъ благія пожеланія наткнулись на препятствія. Съ одной стороны, законодательство и управленіе находились по прежнему въ рукахъ бюрократіи, т. е. людей, вербуемыхъ изъ дворянства, изъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ качествѣ таковыхъ имѣли возможность отстаивать свои интересы, слишкомъ сильно затронутые упраздненіемъ крѣпостного права. А съ другой стороны, еще недостаточно обособился и выдвинулся какой-нибудь другой классъ, который былъ бы въ состояніи хотя пассивно защищать законность, противиться произволу и т. д. Вслѣдствіе этого, самые прекрасные законы, не находя поддержки и защиты сколько-нибудь ощутительной, были или отмѣняемы, или искажаемы бюрократіей, которая видѣла въ нихъ угрозу своему произволу. Судебные уставы, земство, городское управленіе, законы о печати, крестьянское самоуправленіе—все это подверглось измѣненію, въ смыслѣ усиленія власти бюрократіи.

Преобразовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ, слѣдовавшее за отмѣною крѣпостного права, было, если можно такъ выразиться, слишкомъ поверхностно, слишкомъ мало опиралось на широкіе общественные слои, интересы которыхъ еще недостаточно отчетливо сознавались ими, да и сами-то эти общественные классы только еще начали формироваться подъ вліяніемъ измѣненія общественно-хозяйственныхъ условій. Отсутствіе реальнаго основанія для дальнѣйшихъ общественныхъ преобразованій послѣ паденія крѣпостного права объясняетъ возможность усиленія бюрократическаго режима и сопровождавшаго его приниженія общественности.

Но это время придавленности внѣшняго проявленія общественности всетаки не прошло даромъ. Это время было временемъ преобразованія всего общественно-хозяйственнаго строя. Въ это время нарождались и объединялись, сначала чисто-механически, новые общественные классы, возникали новые общественные психологическіе типы съ ихъ новыми запросами, интересами. Одинъ изъ этихъ классовъ промышленности имѣлъ еще возможность заявлять о своихъ интересахъ и удовлетворять нѣкоторыя изъ своихъ требованій. Этотъ классъ до войны чувствовалъ себя довольно хорошо и спокойно за спиной бюрократіи, но война, отразившись сокращеніемъ сбыта многихъ отраслей промышленности, заставила отказаться отъ „сдержанности“ и промышленный классъ. Другой классъ,—рабочіе,—совершенно былъ лишенъ этой возможности. Самый способъ возникновенія нашей крупной промышленности, развивавшейся на счетъ крестьянскаго населенія,

при помощи растущаго таможеннаго покровительства, при стѣсненіи народнаго образованія какъ общаго, такъ и техническаго, при отсутствіи свободы собраній, свободы слова, свободы печати, привелъ ее къ кризису, какъ это теперь сознаютъ сами капиталисты.

Такъ вотъ эти вновь развившіеся классы, объединявшіеся общими каждому изъ нихъ хозяйственными интересами, стали все болѣе и болѣе сознательно относиться къ условіямъ, препятствующимъ имъ выражать, отстаивать и защищать тѣ требованія, которыя по ихъ понятіямъ необходимы для существованія и развитія какъ промышленности, такъ и ихъ самихъ. Какъ сильно народное образованіе ни стѣснялось, всетаки условія хозяйственственной жизни, объединяя механически хотя бы рабочихъ, заставляли ихъ вдумываться въ свое положеніе, искать возможности улучшить его, знакомиться съ тѣми средствами, которыя употребляютъ для этого рабочіе другихъ странъ, чтобы при помощи ихъ попытаться улучшить свое собственное положеніе.

Какъ ни мало распространено образованіе среди крестьянъ *), но и они поняли, какое огромное значеніе оно имѣетъ на улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Въ этомъ отношеніи любопытны отвѣты корреспондентовъ московскаго земства на вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Такъ, одинъ изъ крестьянъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: „Не знаю, кто изъ здравомыслящихъ людей, хорошо знающихъ деревню, будетъ спорить противъ той горькой истины, что главнымъ, почти единственнымъ тормазомъ къ поднятію какъ сельскаго хозяйства, такъ и чего бы то ни было хорошаго и полезнаго для насъ, является наша закоренѣлость, темнота и невѣжество, въ большинствѣ случаевъ слившіяся съ невообразимой бѣдностью“ („Статист. Ежегодникъ Московской губ. за 1904“ М. 1905 г., стр. 49—50). „Возможность административныхъ каръ безъ суда и безъ права обжалованія,—говорится тамъ же (стр. 55),—должны парализовать въ крестьянинѣ всякую иниціативу и энергію, особенно въ проявленіяхъ общественной жизни“. По этому поводу другой крестьянинъ пишетъ: „Крестьянъ можетъ исправить только школа и человѣческое отношеніе къ нимъ со стороны начальства, а также самая широкая помощь въ экономической жизни; и тогда многомилліонная масса встанетъ въ уровень съ культурнымъ народомъ и объ руку съ другими классами населенія пойдетъ на помощь государству въ его развитіи, и только тогда государство можетъ быть сильно, когда три четверти населенія могутъ быть обезпечены въ жизни. Съ такимъ населеніемъ и госу-

*) Рѣчь идетъ о рядовомъ крестьянствѣ, а не о лицахъ, хотя принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, но въ соціально-экономическомъ отношеніи связанныхъ интересами съ торговымъ классомъ или съ землевладѣльческимъ.

дарству легко жить. Съ развитіемъ просвѣщенія сократятся злоупотребленія начальства и судовъ будетъ меньше". Далѣе корреспондентъ отмѣчаетъ пробуждающееся въ народѣ стремленіе къ образованію и говоритъ, что „поставить народъ на прежнее мѣсто уже невозможно, какъ невозможно цыпленка опять засасить въ скорлупу" (тамъ же стр. 55").

Слѣдовательно, и крестьянство начинаетъ чувствовать, гдѣ находится непосредственная причина его обѣднѣнія, и оно понимаетъ, что безъ знанія невозможна борьба какъ съ природой, такъ и съ неблагопріятными общественными условіями. Съ другой стороны, для него слишкомъ ощутительна безконтрольная власть бюрократіи въ лицѣ земскихъ и иныхъ начальниковъ, которая подавляетъ всякое проявленіе общественнаго почина для улучшенія положенія. Недовольство такимъ порядкомъ, заглушающимъ общественную жизнь при ея проявленіяхъ, распространяется и въ этой по своей природѣ наиболѣе консервативной средѣ.

Изъ всего сказаннаго видимъ, что за пятьдесятъ лѣтъ настроеніе всей націи совершенно измѣнилось, подъ вліяніемъ совершенно преобразившагося за это время хозяйственнаго строя. Народились и сформировались новые общественные классы, новые общественные психологическіе типы, въ которыхъ исчезли индивидуальныя особенности, и рельефно выступили черты, характерныя для всего класса. Вмѣстѣ съ обособленіемъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, все выпуклѣе и выпуклѣе обнаруживались и выступали интересы, свойственные каждому изъ общественно-хозяйственныхъ классовъ, которые имъ требовалось защищать отъ посягательства на нихъ другихъ общественныхъ классовъ. Каждое лицо, принадлежащее къ опредѣленному классу, чувствовало солидарность своихъ интересовъ съ интересами остальныхъ лицъ своего класса, чувствовало *общественную* солидарность съ ними. Эта общественная солидарность интересовъ требовала совмѣстной общественной защиты ихъ отъ какихъ-либо посягательствъ на нихъ со стороны остальныхъ классовъ. Проявленію солидарности интересовъ, стихійно развившійся подъ вліяніемъ измѣнившихся общественно-хозяйственныхъ условій, всячески препятствовала бюрократія, возникшая и выросшая при крѣпостномъ правѣ и желающая сохранить при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ то же самое значеніе, которое имѣла при крѣпостничествѣ. Такъ какъ каждый изъ обособившихся классовъ населенія находился въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи, каждый изъ нихъ чувствовалъ на себѣ ея вліяніе, хотя и не въ равной степени, такъ какъ подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій стихійно развилось классовое самосознаніе, дѣятельное проявленіе котораго встрѣчало препятствіе со стороны бюрократіи, другими сло-

вами: такъ какъ всѣ общественные классы встрѣчали препятствія своему общественному развитію, то неудачи неизвѣстно съ какою цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично, и имущественно, объединили всѣ классы народа, какъ бы различны ни были интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія.

И здѣсь война сыграла роль откровенія. При всеобщей воинской повинности мобилизація, вызванная теперешней войной, создала заинтересованность всего населенія не въ ней только, но и въ томъ, что ее вызвало. А это неизбѣжно вызываетъ стремленіе не только узнать причины ея возникновенія, но также быть участникомъ въ созиданіи условій политическаго существованія.

Все, что накоплялось и росло годами стихійно, безсознательно противъ препятствій, мѣшающихъ естественному росту общественности и борьбѣ формирующихся общественныхъ классовъ за ихъ существованіе, все это подъ ударами несчастной войны оформливалось, входило въ общественное сознаніе и выразилось въ цѣломъ рядѣ пожеланій и требованій всѣхъ классовъ, необходимыхъ для правильной закономѣрной общественной жизни.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ требованія и пожеланія замѣчательно однообразны. Въ сознаніе всѣхъ общественныхъ классовъ глубоко проникло убѣжденіе въ необходимости освободиться отъ путъ, препятствующихъ проявленію общественной инціативы и самопредѣленія. Прислушаемся къ тому, чего желаютъ и требуютъ представители разныхъ общественныхъ классовъ. „Мы твердо вѣримъ, Государь, что близокъ тотъ счастливый день, когда по волѣ Вашего Величества будетъ отмѣненъ существующій бюрократическій строй, разобщающій верховную власть съ народомъ, когда Царь призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли русской къ участію въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество государства, величіе престола и процвѣтаніе родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности всѣхъ гражданъ, свободы слова и вѣроисповѣданія". Такъ говоритъ московское земство. Черниговское земство всеподданнѣйше проситъ „призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проэктъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія, и проэктъ этотъ дозволить непосредственно представить Вашему Величеству". „Мы не можемъ жить безъ свободы совѣсти, — говоритъ пензенское земство въ своемъ адресѣ,—мы не можемъ работать безъ неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ, мы не можемъ молиться безъ свободы вѣроисповѣданія... Если, Государь, въ Ваше сердце западетъ мысль призвать къ государственной

работѣ выборныхъ представителей земли, мы... принесемъ всѣ силы разумѣнія нашего, чтобы вывести Россію на новый широкій путь нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія"... „Повелите, Государь, — проситъ смоленское земство, — созвать свободно избранныхъ представителей народа, дабы они повѣдали Вамъ свое искреннее слово о народныхъ нуждахъ и обсудили о тѣхъ путяхъ и средствахъ, коими можетъ быть устроенъ и обезпеченъ въ отечествѣ нашемъ внутренній миръ". Въ такомъ же смыслѣ высказались еще многія земства, но общія пожеланія всѣхъ земствъ выразились въ частномъ совѣщаніи ихъ представителей, прибывшихъ со всѣхъ концовъ земской Россіи, на которомъ они пришли къ заключенію, что для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни необходимо развитіе общественной самодѣятельности, тѣсное общеніе и единеніе государственной власти съ обществомъ, правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи. Только при осуществленіи этихъ условій, по мнѣнію совѣщанія, возможно устраненіе административнаго произвола, установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности, частнаго жилища. Для выясненія общественныхъ нуждъ и для выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собранія и союзовъ.

Эти пожеланія, осуществленіе которыхъ необходимо для правильной общественной и государственной жизни, по убѣжденію представителей землевладѣнія, которые были втянуты въ круговоротъ новыхъ условій общественно-хозяйственной жизни, раздѣляются всѣми, безъ исключенія, производительными классами. Такъ, въ запискѣ петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, поданной въ январѣ текущаго года предсѣдателю комитета министровъ, говорится, что для умиротворенія рабочаго движенія необходимы „болѣе глубокія реформы общегосударственнаго характера". Записка фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго района выражается уже болѣе опредѣленно. По ихъ убѣжденію, „настоящее тревожное положеніе страны и угнетенное состояніе промышленности заставило промышленниковъ заявить правительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановить движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки"... Далѣе указывается, что для правильнаго развитія промышленности и умиротворенія населенія необходима равноправность передъ закономъ всѣхъ и каждаго; неприкосновенность

личности и жилища, право организаціи рабочихъ въ союзы для самопомощи и защиты интересовъ; свобода слова и печати для выясненія нуждъ рабочихъ и ихъ интересовъ и для улучшенія ихъ быта и положенія; а все это возможно при участіи представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ рабочихъ и предпринимателей въ выработкѣ законодательныхъ нормъ.

По мнѣнію желѣзозаводчиковъ, выраженному въ запискѣ совѣщательной конторы ихъ, „настоящія рабочія волненія, хотя и построены на экономической почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ русскаго общества. Движеніе это уже давно подготовлялось самой жизнью и существенной потребностью, вложенной въ самую природу человѣка, — будь онъ простолюдинъ или дворянинъ,—добиваться свободы или открытаго выраженія своихъ мыслей путемъ слова и печати въ собраніяхъ и на сходкахъ единомышленниковъ, или лицъ, которыхъ связываетъ общій интересъ.“

Въ пожеланіяхъ промышленныхъ классовъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, то, что для нихъ не пропалъ урокъ Западной Европы. Всѣ они указываютъ не только на необходимость представительства своихъ собственныхъ интересовъ въ законодательной дѣятельности, но и представительства интересовъ рабочихъ классовъ и крестьянства, зная на примѣрѣ Западной Европы, что устраненіе отъ представительства интересовъ трудящагося класса ведетъ къ соціальной розни и грозитъ соціальными неурядицами, такъ какъ только истинными представителями интересовъ даннаго класса могутъ быть исключительно лица, принадлежащія къ нему, или тѣ, которыя, по убѣжденію этого класса, вполнѣ проникнуты его интересами и сознательно понимаютъ ихъ.

Мы видѣли, что представители земледѣлія и промышленный классъ сходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно тѣхъ средствъ, которыя могутъ вывести страну изъ того критическаго положенія, въ какое она поставлена бюрократическимъ режимомъ, приведшимъ къ хозяйственному и военному погрому. Это убѣжденіе раздѣляетъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, какъ это видно изъ петиціи петербургскихъ рабочихъ. „Не откажи въ помощи твоему народу, — просятъ они Государя, — выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить судьбу свою, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобою... Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ тебѣ, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды... Повели немедленно, сейчасъ же

призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель, пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей... а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ". Затѣмъ, какъ землевладѣльцы и промышленники, они желаютъ свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраній, свободы совѣсти.

Крестьянство, гдѣ представляется къ тому возможность,—а возможности-то этой для него слишкомъ мало,—точно также присоединяется къ этимъ общимъ пожеланіямъ и требованіямъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ крестьянство наиболѣе невѣжественно, наиболѣе безправно, по самому характеру своей хозяйственной дѣятельности и по своему въ матеріальномъ отношеніи ухудшающемуся положенію имѣетъ наименѣе возможности понять смыслъ вокругъ него происходящаго и проявить цѣлесообразную общественную инициативу для противодѣйствія неблагопріятнымъ для него хозяйственнымъ и общественнымъ условіямъ. Но, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя для него условія, и оно, какъ мы уже видѣли, начинаетъ сознавать, гдѣ надо искать причину его растущей бѣдности и что надо сдѣлать для ея устраненія.— Такъ какъ рѣшительно всѣ общественные слои и профессіи чувствуютъ на себѣ гнетъ бюрократіи и невозможность общественнаго развитія при подавленіи личной и общественной инициативы, то всѣ они при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ тѣ же пожеланія и требованія.

Изъ всего этого видно, что общественная среда настоящаго времени совершенно непохожа на общественную среду, какою она была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ то время крымская война показала несоотвѣтствіе крѣпостничества требованіямъ высоко развитаго промышленнаго строя. Она показала, что владѣніе и распоряженіе лицами, какъ вещами, деморализируетъ самихъ владѣльцевъ, принижаетъ личность, мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ, но, главнымъ образомъ, препятствуетъ развитію общественности, чувству общественной солидарности. Въ крѣпостномъ правѣ видѣли самое существенное препятствіе развитію промышленныхъ силъ, умственнаго и нравственнаго прогресса. Это пунктъ, на которомъ сходились, кромѣ крѣпостниковъ, мнѣнія всѣхъ. Подъ напоромъ исторической необходимости оно пало. На его развалинахъ надо было создать новыя общественно-хозяйственныя отношенія, которыя для своего развитія требовали свободы самоопредѣленія, народнаго представительства въ законодательной дѣятельности, обезпеченія закономѣрнаго свободнаго развитія общественныхъ силъ. Но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую паденію крѣпостничества и

слѣдовавшую за нею, еще не сформировались общественные классы, которые, какъ классы, чувствовали бы органическую необходимость отстаивать свободу самоопредѣленія. Мало того. Представители общественной мысли, имѣя передъ глазами далеко несовершенное въ то время представительство въ Западной Европѣ, относились болѣе чѣмъ сдержанно къ представительному правленію. Наслѣдіе крѣпостничества — бюрократическій строй остался неприкосновеннымъ и послѣ паденія крѣпостного права, только нѣкоторыя его функціи были переданы лицамъ, стоящимъ внѣ бюрократіи: завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ, разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ и т. д. Въ это время, почему-то называемое „эпохою великихъ реформъ", общественное сознаніе не было проникнуто мыслью о необходимости единственно возможнаго обезпеченія правильнаго хода реформъ — народнаго представительства, и повторяемъ, вслѣдствіе того, что еще не сформировались классы, которые собственнымъ опытомъ, органически пришли бы къ этой необходимости, которые чувствовали бы, какъ классы, потребность развитія общественности, ради сохраненія собственной жизнеспособности.

Въ настоящее время всѣ отношенія измѣнились: общественные классы, обособленные общественно-хозяйственными условіями, выработавъ каждый въ отдѣльности своеобразный общественно-психологическій типъ, объединились въ одномъ общемъ имъ всѣмъ требованіи: свободы самоопредѣленія, свободы располагать своею судьбою, свободы устраивать свою общественную жизнь. И это требованіе органически выросло изъ самихъ условій, при которыхъ формировались общественно-хозяйственные классы, каждый изъ нихъ объединялся интересами, общими всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ данному классу. Солидарность интересовъ требовала свободы собраній для обсужденія этихъ интересовъ и принятія мѣръ для ихъ защиты. Это относится къ каждому изъ классовъ въ отдѣльности. Каждый классъ понималъ и видѣлъ, что̀ мѣшаетъ развитію и проявленію солидарности каждаго класса, но всѣ классы вмѣстѣ не были объединены убѣжденіемъ, что и остальные классы въ равной степени чувствуютъ на себѣ тяготѣющій на нихъ гнетъ. Это было слѣдствіемъ общественной разобщенности. Кровавые ужасы войны, въ которой мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, пораженія, показавшія нашу отсталость во всѣхъ отношеніяхъ, въ промышленномъ, научномъ, политическомъ и т. д., объединили всѣ, рѣшительно всѣ классы націи на требованіи измѣненія существующихъ порядковъ, на требованіи не только права самоопредѣленія для отдѣльныхъ классовъ, но также права самоопредѣленія для совокупности всѣхъ классовъ, для всей націи. Это естественный, органическій результатъ войны, властно заставившей лицъ, никогда не занимавшихся государственными вопросами, внимательно посмотрѣть

на условія ихъ общественнаго существованія и критически отнестись къ нимъ. Война слишкомъ ощутительно отразилась на всѣхъ безъ исключенія классахъ, чтобы могла оставить когонибудь безучастнымъ наблюдателемъ всѣхъ ея ужасовъ, какъ общественныхъ, такъ и личныхъ, и имущественныхъ.

Поэтому, не только нѣтъ ничего удивительнаго и неожиданнаго, но было просто неизбѣжно, что всѣ общественные классы, уже и до того чувствовавшіе стѣсненіе въ своей общественной дѣятельности, какъ классы, подъ вліяніемъ переживаемыхъ военныхъ тревогъ и пораженій, объединились въ одномъ сознаніи: такъ продолжать жить нельзя. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ общественный лозунгъ былъ—освобожденіе крестьянъ. Ужасы крѣпостного права непосредственно касались крестьянъ. Остальныя сословія ощущали вліяніе крѣпостничества, какъ бы тягостно это вліяніе ни было, косвенно, посредственно. Въ настоящее время вліяніе бюрократіи чувствуется безъ исключенія всѣми.

Всесторонній произволъ бюрократіи, стѣсненіе общественной дѣятельности, стѣсненіе народнаго образованія, отсутствіе законности, невозможность указывать на злоупотребленія, отсутствіе свободы слова, свободы печати, гарантіи личной неприкосновенности и т. д., и т. д., подъ вліяніемъ военнаго погрома со всѣми его ужасами, объединили всѣхъ въ требованіи измѣненія условій общественнаго существованія. Но въ требованіяхъ различныхъ слоевъ сказалась ихъ общественная подготовка. Чѣмъ сознательнѣе данный общественный классъ относился къ окружающему, чѣмъ всестороннѣе была жизненная, умственная и общественная подготовка его, тѣмъ правомѣрнѣе, цѣлесообразнѣе выражались протесты противъ существующаго порядка, поведшаго къ такимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, и тѣмъ цѣлесообразнѣе и раціональнѣе политическія и правовыя нормы, которыя ими требовались для его замѣщенія, а также и формы, въ которыхъ выразились эти протесты.

Земства, города выражали свои пожеланія, подавая всеподданнѣйшіе адресы. Фабриканты и заводчики крупныхъ фабричныхъ раіоновъ подавали съ такими же пожеланіями записки предсѣдателю комитета министровъ. Рабочіе составили петицію въ томъ же смыслѣ и имѣли намѣреніе подать ее in corpore. Какъ лица, на которыхъ особенно сильно отражается отсутствіе законности при существующемъ порядкѣ, они пожелали подкрѣпить свою петицію всеобщей забастовкой, чтобы тѣмъ самымъ обратить общественное вниманіе какъ на отчаянное положеніе рабочихъ, такъ и на тѣ препятствія общаго характера, которыя мѣшаютъ его улучшенію, какъ классу. Надо, при этомъ, замѣтить что время забастовки, какъ способа улучшенія матеріальнаго положенія, было выбрано неудачно. Промышленность переживала кризисъ, такъ что отказъ отъ работы былъ во многихъ случаяхъ

на руку предпринимателямъ. Что главная причина забастовки лежала не въ хозяйственныхъ условіяхъ, а въ общихъ, единогласно свидѣтельствуютъ фабриканты и заводчики. Во всякомъ случаѣ рабочіе, точно такъ же какъ и предприниматели и землевладѣльцы, соединились въ одномъ общемъ для нихъ для всѣхъ пожеланіи: устранить препятствія, мѣшающія функціонированію общественной жизни.

Что же касается до крестьянства, вся жизнь котораго—хозяйственная и общественная дѣятельность—со всѣхъ сторонъ стѣсняется вмѣшательствомъ лицъ, для которыхъ его интересы не только чужды, но которые и понять ихъ не могутъ, то оно, постоянно бѣднѣетъ подъ вліяніемъ общественно-хозяйственныхъ условій и не имѣетъ возможности получить даже элементарнаго научнаго образованія, чтобы при помощи его бороться съ неблагопріятными природными условіями. При своихъ однообразныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ и неподвижности, косности среды, къ которой оно прикрѣплено этими занятіями,—слѣдствіемъ чего является косность мысли,—оно не въ состояніи понять въ массѣ общественнаго значенія и причинъ происходящихъ перемѣнъ, хотя на себѣ испытываетъ всю ихъ тягость *). Бѣдность и нужда

---

*) Даже „Русскій Инвалидъ“ пришелъ къ заключенію, что одною изъ причинъ нашихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ является общая наша темнота, несомнѣнно отражающаяся и на солдатѣ. Даже въ мирное время эта темнота нашего простолюдина представляетъ большія трудности при обученіи его воинскому дѣлу, ибо, помимо техники этого дѣла, необходимо просвѣщеніе и въ общечеловѣческомъ смыслѣ. „Полуграмотный, неуклюжій, съ дремлющими мозгами... приходитъ онъ въ войска и начинаетъ впитывать въ себя разнообразныя свѣдѣнія, о которыхъ ранѣе не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Впитываетъ съ огромнымъ умственнымъ и нервнымъ напряженіемъ даже самыя простыя вещи, потому что голова совершенно не пріучена къ мозговой работѣ („Русскій Инвалидъ“, 16 марта 1905 г.)“. Крестьянство со времени освобожденія *сравнительно* не далеко ушло впередъ, и какъ бы кто ни идеализировалъ условія крестьянской жизни, до сихъ поръ въ значительной степени остается вѣрнымъ изображеніе этой жизни Салтыковымъ, сдѣланное имъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. „Съ точки зрѣнія нравственности,—говоритъ онъ,—эти условія печальны“. „И возрасты, и полы, постоянно смѣшаны. Смѣшеніе первыхъ имѣетъ послѣдствіемъ то, что поколѣнія одни за другими коснѣютъ въ однихъ и тѣхъ же предразсудкахъ и становятся навсегда застрахованными отъ прикосновенія всякой свѣжей мысли. Непроницаемая тьма свинцовымъ пологомъ ощетинилась и отяжелѣла надъ этими хижинами, и въ этой тьмѣ безраздѣльно царствуетъ старый Сатурнъ, заживо поѣдающій дѣтей своихъ. Сынъ, безотлучный свидѣтель безмолвнаго малодушія или трусливаго лукавства отца, можетъ ли вынести изъ своихъ наблюденій что-нибудь иное, кромѣ собственнаго малодушія и лукавства?.. И, такимъ образомъ, переходитъ она, эта тьма, отъ одного поколѣнія къ другому, все круче и круче закрѣпляя тенета, которыми они спутаны... Вотъ та умственная и нравственная среда, въ которой родился, старѣется и умираетъ поилецъ и кормилецъ земли русской („Наша общественная жизнь“, „Современникъ“ 1864 г., февраль, стр. 213—214). Идеализацію этихъ условій Салтыковъ считаетъ ложью, которая, „каковъ бы ни

слишкомъ ощутительно говорятъ объ этомъ. Причину всѣхъ своихъ бѣдствій ищетъ также и крестьянство; но оно ищетъ ее не тамъ, гдѣ всѣ остальные классы: крестьянство видитъ причину своего обѣднѣнія не въ общественныхъ условіяхъ, а въ овеществленіи этихъ условій. Желая измѣнить свое положеніе къ лучшему, оно направляетъ свое негодованіе противъ вещей, связанныхъ съ тѣми лицами, съ которыми ему приходится непосредственно имѣть дѣло въ области хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній. Отсюда тѣ прискорбныя явленія, о которыхъ мы ежедневно слышимъ въ настоящее время: поджоги помѣщичьихъ усадебъ, разгромъ ихъ и т. п.

Такъ называемые аграрные безпорядки, которые происходятъ у насъ въ настоящее время, представляютъ собою повтореніе до мельчайшихъ подробностей такихъ же безпорядковъ, происходившихъ въ Англіи въ 1842—1844 годахъ. И въ Англіи капитализація сельско-хозяйственной промышленности вызвала обѣднѣніе земледѣльцевъ, лишивъ ихъ подсобныхъ промысловъ, а слѣдовательно,—уменьшивъ ихъ доходъ. И они также были лишены представительства въ законодательной дѣятельности; вслѣдствіе условій своего труда, ихъ умственный кругозоръ былъ также узокъ; они также не понимали общественнаго значенія происходящей перемѣны въ хозяйственныхъ условіяхъ; они также видѣли зло въ объектахъ права , а не въ системѣ, не въ общественномъ строѣ, поэтому и они, какъ наши крестьяне въ настоящее время, возстали противъ объектовъ права, а не системы. Въ названные годы не проходило мѣсяца или даже недѣли безъ поджоговъ фермерскихъ и домовладѣльческихъ усадебъ. И у насъ главную руководящую роль въ аграрныхъ безпорядкахъ играетъ нужда, притѣсненія, произволъ. Всѣ эти руководители стали играть особенно выдающуюся роль подъ вліяніемъ войны, когда нужда особенно обострилась, когда чуть не каждое семейство лишилось рабочей силы, брата, сына, мужа, взятыхъ на войну, когда съ Дальняго Востока начали приходить отъ нихъ удручающія вѣсти о пораженіяхъ, когда по газетнымъ извѣстіямъ, а также по письмамъ родственниковъ съ театра войны, быстро распространившихся въ деревнѣ, узнавалось, какія лишенія приходится испытывать солдатамъ; затѣмъ извѣстія о гибели и искалѣченіи людей, которые считались опорою семейства, наконецъ—устные разсказы калѣкъ, возвратившихся съ театра войны. Все это только подлило масло въ огонь: аграрное движеніе, подготовленное цѣлымъ рядомъ общественно-хозяйственныхъ и правовыхъ факторовъ, начавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время приняло грозные размѣры и антисоціальное направленіе.

былъ ея характеръ, никогда не полезна и не нужна, а особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда истина не только обвиняетъ, но положительно оправдываетъ".

Несомнѣнно, что одною физическою силою дѣла не поправишь. Force is not a remedy—насиліе не лѣкарство, какъ выразился Джонъ Брайтъ въ парламентѣ, когда консервативное министерство послѣ политическаго убійства лорда Кавендиша въ Дублинѣ, внесло законопроектъ объ усиленной охранѣ въ Ирландіи. Да, насиліе не лѣкарство. Силою можно зажать ротъ больному, онъ не будетъ въ состояніи передавать то, что чувствуетъ, что ему надо; но отъ этого болѣзнь его не только не пройдетъ, но онъ или совсѣмъ лишится работоспособности, или даже умретъ. Ну, а такой конецъ едва ли входитъ въ планы тѣхъ, которые считаютъ насиліе лѣкарствомъ...

VIII.

Подобно тому, какъ благосостояніе американскихъ фермеровъ увеличивается *отчасти* на счетъ русскаго крестьянства, вслѣдствіе большей производительности ихъ земледѣльческаго труда, точно такъ же та капиталистическая страна, — трудъ рабочихъ которой, вслѣдствіе высшаго умственнаго развитія ихъ, болѣе высокаго уровня знаній и техники, производительнѣе труда рабочихъ странъ отсталыхъ въ этомъ отношеніи и бѣдныхъ, — богатѣетъ за счетъ послѣднихъ. Поучительный примѣръ этому даетъ Англія до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда она богатѣла за счетъ остальныхъ странъ. Англійскій рабочій классъ точно такъ же пользовался своею долею въ этомъ привилегированномъ положеніи англійской промышленности, и онъ получалъ большую долю въ произведенномъ продуктѣ, сравнительно со своими континентальными товарищами. Поэтому, его интересы *въ этомъ отношеніи* совпадали съ интересами класса предпринимателей. Въ настоящее время, когда промышленная монополія Англіи рухнула, когда всѣ западно-европейскія страны и С. Америка сдѣлали огромные успѣхи въ смыслѣ познанія законовъ природы и ихъ приложенія, въ смыслѣ развитія общаго и техническаго образованія, англійскія рабочій сталъ понимать, что его интересы и въ этомъ отношеніи расходятся съ интересами предпринимателей и совпадаютъ съ интересами рабочихъ континентовъ.

Подъ вліяніемъ этихъ измѣнившихся условій на всемірномъ рынкѣ и англійскій рабочій сталъ принимать мѣры для защиты въ парламентѣ своихъ интересовъ, сталъ организовать свою собственную политическую партію.

Такимъ образомъ, ходъ, условія развитія и распространеніе капитализма вызвали соотвѣтственный ростъ классовой солидарности и классового самосознанія среди рабочихъ, и они стали инстинктивно чувствовать, что достигнуть цѣли своихъ стремленій

они могутъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ большее число странъ перестанетъ быть объектомъ капиталистической эксплуатаціи другихъ странъ, чѣмъ выше будетъ ихъ матеріальное и духовное развитіе. Наоборотъ, въ интересахъ господствующихъ классовъ эксплуатировать елико возможно дольше отсталыя страны, такъ какъ тѣмъ дольше у нихъ въ рукахъ сохранится въ своей странѣ преобладаніе экономическое, а слѣдовательно—и политическое, и правовое.

Низкій уровень производительности труда русскаго фабрично-заводскаго рабочаго и крестьянина, обусловленный бѣдностью и низкимъ уровнемъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи, создаетъ почву для хозяйственной эксплуатаціи Россіи Западной Европой, Америкой и... Японіей...

Вотъ почему рабочіе классы Западной Европы такъ сильно заинтересованы въ хозяйственномъ, умственномъ, духовномъ, политическомъ развитіи русскаго народа и почему, наоборотъ, господствующіе классы смотрятъ на это развитіе съ опасеніемъ. Россія, нищая матеріально, нищая знаніемъ, нищая духомъ—оплотъ европейской реакціи. Вотъ почему политическій, матеріальный, умственный и духовный подъемъ Россіи теряетъ лишь мѣстное, а пріобрѣтаетъ всемірное значеніе.

XI.

Этотъ бѣглый очеркъ приводитъ къ заключенію, что подъ вліяніемъ измѣнявшихся общественно-хозяйственныхъ отношеній формировались и обособлялись общественные классы, со своими своеобразными интересами и потребностями, для удовлетворенія которыхъ прежнія политическія и правовыя нормы, унаслѣдованныя отъ крѣпостничества, стали совершенно непригодны. Хозяйственныя условія существованія становятся все въ большую и большую зависимость отъ развитія общественности,—между тѣмъ, въ то же самое время развитію общественности препятствуютъ отжившія правовыя и политическія нормы, нормы, сложившіяся при совершенно иныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ. Потребность приведенія политическихъ и правовыхъ нормъ въ соотвѣтствіе съ измѣняющимися общественно-хозяйственными отношеніями, медленно входила въ сознаніе каждаго класса въ отдѣльности. Значеніе этой потребности и настоятельность удовлетворенія ея проникали въ сознаніе отдѣльныхъ классовъ по мѣрѣ ихъ формированія, и въ зависимости отъ ихъ умственнаго и общественнаго развитія, въ зависимости отъ расширенія ихъ умственнаго и общественнаго кругозора. Внѣшній толчокъ, объединившій всѣ общественные классы въ требованіи такъ необходимаго для интересовъ каждаго изъ нихъ измѣненія политическихъ и правовыхъ нормъ, дала война, которая показала, что безотвѣтственная

всевластная бюрократія можетъ привести всю страну въ положеніе, грозящее въ будущемъ самостоятельности націи.

Сила событій, историческая необходимость объединила въ настоящее время всѣ классы націи въ одномъ требованіи свободы самоопредѣленія, то есть въ требованіи участія всѣхъ классовъ націи въ законодательной дѣятельности, обезпеченія неприкосновенности личности, свободы вѣроисповѣданія, свободы слова, свободы печати, свободы собраній и союзовъ. Осуществленіе этихъ требованій дастъ возможность развитія общественности при помощи открытой борьбы общественныхъ классовъ для защиты ихъ интересовъ, сниметъ путы, мѣшающія проявленію общественной иниціативы, расширитъ пониманіе значенія интересовъ націи и тѣмъ самымъ научитъ отстаивать ихъ и защищать. Отъ осуществленія этихъ требованій зависитъ жизнеспособность націи, каждый классъ это чувствуетъ инстинктивно, вслѣдствіе чего всѣ такъ единодушно настаиваютъ на нихъ. Дѣло идетъ о жизни или смерти, другого выбора нѣтъ, поэтому всѣ становятся защитниками того, чѣмъ люди вообще всего болѣе дорожатъ, а общественная жизнь можетъ развиваться только при условіи общественной самодѣятельности.

Возстаетъ противъ исполненій этихъ жизненныхъ требованій часть дворянства, представители крупнаго землевладѣнія, крѣпостническаго міровоззрѣнія, банкократія и бюрократія. Общественно-хозяйственныя условія, однако, слишкомъ всемогущи, чтобы имъ можно было оказывать сопротивленіе слишкомъ долго. Они властно требуютъ, чтобы политическія и правовыя нормы были согласованы съ ними, подъ угрозой прекращенія самостоятельной общественной жизненной дѣятельности.

Политическія и правовыя нормы должны быть преобразованы и пріурочены къ сформировавшимся новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, а преобразоваться онѣ могутъ лишь при сознательной твердой настойчивости всѣхъ классовъ общества въ этомъ направленіи. Особенно надо помнить, что царство мускульной силы миновало, что успѣхъ и въ промышленно-хозяйственной дѣятельности, и на войнѣ всегда будетъ на сторонѣ народа наиболѣе научно образованнаго, наиболѣе научно дисциплинированнаго, народа, судьба котораго находится въ его собственныхъ рукахъ. Работы ученыхъ минувшаго столѣтія произвели полнѣйшій переворотъ во всѣхъ сторонахъ жизни и личной, и общественной. Система образованія должна быть приспособлена къ существующимъ условіямъ. Средневѣковые идеалы образованія, которые еще царятъ у насъ, совершенно не соотвѣтствуютъ общественнымъ условіямъ XX го вѣка. Требуется научное образованіе. Но для своего развитія наука требуетъ свободы. Свободная наука, положенная въ основу народнаго образованія, только и можетъ дать шансы на успѣхъ въ борьбѣ народовъ за существованіе, въ между-

народной борьбѣ *). Россія, находясь на аренѣ самой отчаянной общественно-хозяйственной борьбы, чтобы не лишиться самостоятельности, должна употребить всѣ усилія для вооруженія всего народа орудіями, необходимыми въ этой борьбѣ: точными знаніями для умственнаго развитія, свободою для пользованія этими знаніями, свободою иниціативы, свободою распоряженія своею судьбою. Нація, лишенная свободы располагать своею судьбою, сообразно своимъ интересамъ и потребностямъ, лишенная свободы иниціативы, не подготовленная широко распространеннымъ научнымъ образованіемъ къ хозяйственной „мирной" борьбѣ съ „дружескими" націями, неминуемо будетъ подвергаться такимъ же пораженіямъ на полѣ промышленной битвы, какимъ подвергается вслѣдствіе своей „неподготовленности" на поляхъ и въ горахъ Манчжуріи. А такія пораженія въ „мирной" борьбѣ ведутъ къ утратѣ національной хозяйственной самостоятельности,—а за нею и политической,—возстановить которую неизмѣримо труднѣе возстановленія военнаго „престижа". Чѣмъ долѣе русскій народъ не будетъ имѣть возможности устраивать свою судьбу, чѣмъ долѣе онъ будетъ неподвиженъ, тѣмъ дальше уйдутъ другія націи по пути матеріальнаго и духовнаго развитія, тѣмъ труднѣе будетъ Россіи догнать ихъ, тѣмъ труднѣе ей будетъ сохранить свою самостоятельность, независимость. Поэтому-то необходима неотложность преобразованій: время не терпитъ.

---

*) Въ одномъ англійскомъ строго и чисто научномъ журналѣ читаемъ: „Народное просвѣщеніе, а также научный духъ, который привѣтствуетъ каждое увеличеніе знанія, вотъ два главныхъ фактора прогресса нашихъ дней, и успѣхи японцевъ показали силу этихъ двухъ факторовъ. Японія усвоила современную цивилизацію и душою, и тѣломъ. Она не просто только копировала внѣшнюю сторону современности, которая отнимаетъ у не цивилизованнаго народа оригинальность, самобытность, не давая взамѣнъ ничего существеннаго, но она съ жаромъ усвоила идеи современной культуры. Современны ея школы, въ которыхъ дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій обучаются нравственности, добронравію, но не религіи, чтобы избѣжать всякой клерикальной нетерпимости. Современенъ ея взглядъ, что духовенство должно держаться вдали отъ политической борьбы и посвящать себя всецѣло руководящей дѣятельности въ области благочестія. Современно ея желаніе, не смотря на большія препятствія въ переходное время, имѣть уваженіе безъ предразсудковъ ко всякой свободной критикѣ въ общественныхъ дѣлахъ и не подавлять противниковъ грубой силой или, что еще хуже, запугиваніемъ изворотливой клеветой. Современно также ея искреннее благоговѣніе къ свободѣ изслѣдованія, ея радость при такомъ познаніи вселенной, которое въ основу человѣческой дѣятельности ставитъ разумъ, а не суевѣріе и съ удовольствіемъ привѣтствуетъ каждое новое открытіе и каждую новую мысль; современна также ея политика, которая побуждаетъ умы къ развитію, вмѣсто того, чтобы тормазить, стѣснять ихъ, которая поощряетъ, а не подавляетъ непосредственно прямое наслажденіе въ матеріальномъ производствѣ". Въ Японіи почти нѣтъ безграмотныхъ, а у насъ, по всеобщей переписи 1897 года, число грамотныхъ оказалось: мужчинъ всего 30,6%, а женщинъ... 9,3%. Получившихъ среднее и высшее образованіе: мужчинъ 1,47%, а женщинъ... 0,96%.

Урокъ, полученный нами на Дальнемъ Востокѣ, слишкомъ наглядно и ощутительно показалъ всю несостоятельность бюрократическихъ порядковъ даже въ той области, въ которой бюрократія считала себя особенно свѣдущей и незамѣнимой, и которую она съ особеннымъ рвеніемъ и заботливостью охраняла отъ взоровъ непосвященныхъ, именно въ области международныхъ сношеній и военной. А такъ какъ отъ пріобрѣтенія свободы устраивать свою общественную жизнь самостоятельно, сообразно своимъ интересамъ, зависитъ дальнѣйшее мирное, правомѣрное, самостоятельное существованіе государства, и такъ какъ насиліе не лѣкарство, то, несомнѣнно, теперь наступило время также и для тѣхъ, которые больше всѣхъ кричатъ о патріотизмѣ, доказать свой истинный патріотизмъ, отказавшись отъ противодѣйствія общественному движенію, вызванному силою событій и стремящемуся къ достиженію матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго развитія народа для борьбы съ природными, а также съ общественными неблагопріятными условіями, какъ въ предѣлахъ государства, такъ и для борьбы международной, ради сохраненія самостоятельности, при помощи развитія общественныхъ и духовныхъ силъ, которымъ до сихъ поръ не давали возможности проявиться.

Николай—онъ.

Мартъ, 1905 г.

Косилки.

(Картинки сельско-хозяйственной жизни).

Селеніе Лѣвый Берегъ заброшено въ самую глубь степей нашего обширнаго Кубанскаго края.

Шестьдесятъ слишкомъ частновладѣльческихъ экономій окружаютъ его съ трехъ сторонъ. Съ четвертой, за рѣкой, расположена большая станица Правобережная. Между селомъ и станицей всего двѣ версты. Вмѣстѣ онѣ составляютъ какъ бы одинъ городъ, довольно многолюдный, — тысячъ въ пятнадцать-восемнадцать душъ, а съ прилегающими экономіями и хуторами и того больше. Селенія—своего рода „центръ". Здѣсь, по праздничнымъ днямъ, производится наемка на экономическія работы; черезъ волостное правленіе проходитъ вся многочисленная оффиціальная переписка по дѣламъ экономій и экономическихъ служащихъ; здѣсь лавки, базаръ, фельдшеръ, вольная аптека...

Видъ, однако, захолустный. Закрытыя двери и ставни лавокъ на площади, разгороженные и мѣстами разсыпающіеся плетни,

черныя и сѣрыя соломенныя крыши хатъ, сѣрыя кочки по улицамъ, уцѣлѣвшія еще съ ранней весны, сѣроватая пыль по дорогамъ, разбитымъ безпрерывной ѣздой... На всемъ печать скуки, сѣрости, захолустности. Точно все, что дѣлается живущими здѣсь людьми,—дѣлается такъ себѣ, спустя рукава, безъ всякой тщательности. Нигдѣ не замѣтно стремленія какъ-нибудь скрасить свою жизнь,—ни вьющагося плюща или винограда, ни свѣтлой веселенькой бесѣдки во дворѣ. Даже попадающіеся кое-гдѣ красные кирпичные домики съ стеклянными галлереями и зелеными крышами — не въ силахъ освѣжить и освѣтлить общую картину сѣрости. Сѣро все,—постройки, улицы, люди, даже растущія кое-гдѣ возлѣ домовъ акаціи и осины... На всемъ одна печать...

Но въ этомъ сѣромъ селѣ, на этомъ сѣромъ фонѣ происходятъ подчасъ яркія сцены. Бывали уже случаи, что дѣло доходило до крови...

Лѣвый Берегъ—больное мѣсто для начальства. Къ его счастію, казаки всегда подъ рукою. Не полагаясь на полицейскаго урядника, оно уже возложило поддержаніе порядка въ этомъ безпокойномъ селѣ на атамана сосѣдней станицы Правобережной...

Присмотрѣться къ обычной жизни въ Лѣвомъ Берегѣ будетъ не лишне,—не лишне даже теперь и, можетъ быть, въ особенности теперь, когда кровь вездѣ льется и когда казаки повсюду уже являются главною опорою „порядка"... И я позволю себѣ передать нѣсколько сценъ, записанныхъ прямо съ натуры.

I.

Былъ іюнь мѣсяцъ. Суббота — канунъ наемки. Знойное кавказское солнце склонялось къ западу, пронизывая золотистыми косыми лучами густой туманъ пыли, пресыщавшей воздухъ. Душно. Пыль забивалась всюду, не давала дышать. А въ этой атмосферѣ духоты и пыли, на длинныхъ крыльцахъ лавокъ съ закрытыми дверями и окнами, — расположились густыя группы людей. По накопившемуся сору, разнымъ клочьямъ, пустымъ пачкамъ отъ махорки и прочимъ признакамъ временнаго человѣческаго жилья, видно, что базаръ служитъ мѣстомъ пребыванія многихъ и многихъ людей.

Это все безработные. Ихъ—сотни.

Одни изъ нихъ сидѣли, другіе лежали. Нѣкоторые ковырялись, нашивая заплаты на рваное платье и обувь. Попадались среди мужчинъ бабы, — грязныя, усталыя, съ загорѣлыми лицами, некрасивыя. Были дѣти,—тѣ же бабы и мужики въ миніатюрѣ. На всемъ печать скорби, нужды и лишеній...

А къ нимъ подходили все новые такіе же люди, усталые и изможденные, съ запыленными лаптями и въ лохмотьяхъ; снимали

съ себя ноши и располагались около лавокъ, выбирая свободныя мѣста.

Шли они сюда къ завтрашней наемкѣ.

Наемка... Сколько уже разъ она обманывала ожиданія этихъ людей!..

Таборъ все густѣлъ и увеличивался; скоро на крыльцѣ уже не оказывалось свободныхъ мѣстъ, а люди все подходили, все такіе же,—загорѣлые, согбенные, измочаленные...

Рабочіе молчали или тихо переговаривались между собою. Только въ одномъ мѣстѣ, возлѣ оратора, собралась кучка народу. Ораторствовалъ небольшого роста круглый хохолъ, съ круглымъ загорѣлымъ лицомъ, такъ что оно казалось совершенно коричневымъ.

— Отъ я й кажу,—жестикулировалъ онъ руками. Всѣ суставы, мускулы, нервы принимали участіе въ его рѣчи. — Намъ, кажу, треба по пивтора, а ты даешь рубъ съ четвертью. А вінъ: вы не робылы одного дня. Якъ не робылы? Мы цілый тыждень робылы!—У понеділокъ, каже, нерано выйшлы на работу, у вівторокъ булъ дощъ, у пьятницю переіжджалы на другый загонъ,—півдня прогулялы...—А мы тутъ прычыною? Давай работы,—будемъ робыть!..

— Ну, да,—одобрительно загудѣли со всѣхъ сторонъ.—Давайте работу,—будемъ работать.

— Также й я кажу. Такъ—де! И рукамы, й ногамы! Кынувъ гроши,—діліть, каже, якъ знаете!.. Мы, було, не брать...

— Знамо дѣло, какъ же брать?—одобрительно гудѣли со всѣхъ сторонъ.—Обсчитываетъ, и брать?

Вся черная группа заколыхалась и задвигалась въ темнотѣ; видно было, что разговоръ затронулъ больное мѣсто. Одновременно говорили всѣ. Толпа разбилась на мелкія группы.

— Не слѣдовало бы брать! — настойчиво говорили въ одной сторонѣ.

— Не бунтуемъ—свое требуемъ!—слышалось съ другой.

Пуще всѣхъ горячился хохолъ:

— А ну—тронь! Тронь, кажу, тронь!

Онъ вызывающе наступалъ на собесѣдниковъ.

— Тронь!

Все коричневое лицо его передергивалось, черные глаза искрились.

— Тронь!

— А-а, то то,—побѣдоносно составилъ онъ широко разставленныя было, для равновѣсія, ноги. — Боисся? Нехай бы тілько тронувъ, мы бъ ему далы... Тамъ такі булы хлопці...

Кругомъ опять одобрительно гудѣли:

— Бить-то нынче ужъ нѣ-ѣтъ...

— Шали-ишь...

— Прошло то время...

— Минуло...

— Не панскіе...

Группы расходились въ темнотѣ. Изъ одной, откуда-то издалека, слышалось:

— И такъ почти задарма работаешь, — нѣтъ, мало. Нешто четвертакъ деньги? Рубашки больше сгніетъ, чѣмъ на четвертакъ. А онъ у тебя и его отнимаетъ...

— На всемъ выбиваютъ, — слышалось тамъ же, только нѣсколько дальше отъ крыльца.—Харчъ... Да развѣ это харчъ?

— Ужъ это вездѣ.

— Нѣтъ, не вездѣ. Мы у Капитоновыхъ работали, —грѣшно сказать...

— Только жъ у Капитоновыхъ.

— У Петрищенка ничего.

— А у Кузнеца—не дай Богъ...

— У Семенянкина тоже...

— У Семенянкина только солонина съ червями, а остальное ничего.

— А борщъ не съ этой солониной? Навылазятъ изъ нея, — такъ и плаваютъ сверху, бѣ-ѣлые... Прямо съ души претъ...

— Собакѣ дай—собака взбѣсится.

— Собакъ—они тѣхъ лучше кормятъ...

— А ты думаешь, ты для нихъ дороже собаки? Собака его добро караулитъ, а ты получилъ разсчетъ и ушелъ. Только тебя и видѣли.

— Все-жъ таки я человѣкъ.

— Че-ло-вѣ-ѣкъ..!

— Тоже...

— Туды-жъ...

Горячій разговоръ постепенно переходилъ въ усталый, апатичный; всѣми незамѣтно овладѣвало тяжелое чувство тоски и заброшенности. Минуты тянулись... Тяжесть давила.

— Господи,—не вынесъ одинъ,—и это жизнь? Ни праздника тебѣ, ни радости... Завсегда, какъ собака, голодный...

Вопль отчаянія переходилъ въ жалобу...

— Ну-у, заскулилъ...—сердито отозвался другой...—Не слыхали...

Тотъ все нылъ.

— Да перестань ты, чортъ! Безъ тебя тошно!..

— А ты знаешь что?—подхватилъ высокій, насмѣшливый голосъ:—Ты въ гостиницу. Тамъ тебѣ чаевъ, сахаровъ... Чего вашей душѣ угодно...

— Ага,—подхватилъ еще одинъ, совсѣмъ веселый:—Тамъ для вашей милости все приготовлено. Пожалуйте! На тарелочкѣ!..

— И съ салфеточкой,—добавилъ высокій теноръ.

Послышался смѣхъ, сначала тяжелый, съ болью, но потомъ становился все веселѣе. Толпа перемогла себя. Всѣ острили наперебой другъ передъ другомъ, и при каждой остротѣ, будь то даже совсѣмъ не острота,—суровыя, бородатыя лица осклабливались въ свѣтлую улыбку.

— Ты, мотри, салфетку на онучи-то не украдь...

— А на кой босому онучи?

— Го-го-го!..—гоготало крыльцо.—Что: аль за живое взяло? Та-акъ.

Со всѣхъ сторонъ пуще посыпались остроты.

Жаловавшійся сначало сердито огрызался, но, видя, что сердцемъ ничего не подѣлаешь, — замолчалъ и сталъ укладываться между двумя бородатыми мужиками.

— Ага, вотъ вамъ и постель,—смѣялся одинъ изъ нихъ.

— Плотно поужиналъ,—подхватилъ другой,—теперь на мягкой кровати...

— А завтра, Егоръ, чистыя портянки обуешь...

— Ты, мотри, ноги-то напередъ вымой.

Егоръ, кряхтя и все еще сердясь, никакъ не могъ примоститься на голыхъ доскахъ. Доски отъ долгой сушки разошлись и покоробились, и были похожи на желоба съ приподнятыми краями, и, какъ Егоръ ни прилаживался, острый край приходился ему прямо къ ребру. Онъ кряхтѣлъ и ворочался.

— Что,—аль плохо перебили перину?

— Будетъ ужъ вамъ!—совсѣмъ разсердился Егоръ. Въ голосѣ его слышались слезы. Другой рубецъ нестерпимо рѣзалъ ему кострецъ,—не помогала даже жесткая свита, которую онъ, въ концѣ концовъ, вынувъ изъ-подъ головы, подостлалъ подъ себя.

Мало по малу смѣхъ и разговоры затихли, — около лавокъ все погрузилось въ глубокій сонъ.

Спали люди въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: тотъ лицомъ вверхъ, широко раскинувъ ноги и заложивъ за голову руки; другой—уткнувшись лицомъ въ сермягу или подложивъ подъ него руки. Между мужчинами спали женщины, тоже въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, хотя и не такихъ вольныхъ. Возлѣ многихъ изъ нихъ спали дѣти.

Спали люди подъ всѣми многочисленными лавочками и лабазами базара, выдвинувшагося на край села къ рѣкѣ. Каждый старался выбрать себѣ мѣстечко поукромнѣй. Но укромныхъ мѣстъ для всѣхъ не хватило. Четверо спали на разобранной до половины и разворочанной сверху сажени не то дровъ, не то жердей, заготовленныхъ для продажи. А еще цѣлая артель, человѣкъ въ двадцать, спала прямо на голой землѣ, выбравъ мѣсто, гдѣ поменьше пыли.

А надъ всѣмъ этимъ стояла тихая и темная лѣтняя кавказская ночь.

И, засыпая, всѣ эти люди думали, казалось, одно: „завтра — наемка"...

II.

Съ ранняго утра густыя толпы народа запрудили всѣ улицы и переулки базара между лабазами и широкую базарную площадь, до самой рѣки; и вся эта сплошная народная масса двигалась и шевелилась. Одни шли въ одну сторону, другіе — въ другую, третьи—широкими кругами стояли на мѣстѣ.

Гулъ стоялъ надъ площадью и особенно между лабазами, гдѣ водоворотъ былъ гуще и могучѣй.

Не смотря на ранній часъ и на то обстоятельство, что ни трактиры, ни монополія еще не открывали торговлю, — попадались пьяные. Но ихъ было мало. Въ общемъ публика имѣла степенный и серьезный видъ, и—завидѣвъ пьянаго—сторонилась.

Наемки еще не было. Она обыкновенно начинается послѣ обѣда, когда рабочіе, истомившись ожиданіемъ и голодомъ, становятся уступчивѣй.

Солнце уже поднялось и жгло; становилось душно отъ жары и поднятой пыли. Время будто не шло. Рабочіе томились и безцѣльно слонялись по базару; хотѣлось ѣсть, одолѣвала слабость. Уже и обѣдъ давно прошелъ, а наемки все не было. Правда, кое-кто изъ мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ нанималъ по мелочи, по три, по пяти, по восьми человѣкъ, но это никакого впечатлѣнія не производило: это было все равно, что черпать ковшемъ изъ моря. Главные наемщики были экономіи, а изъ экономій никто не пріѣзжалъ.

Рабочіе, жуя черствыя корки хлѣба, все посматривали на солнце, на сѣрыя массы такихъ же, какъ и они, рабочихъ, копошившихся въ густомъ туманѣ пыли, на лавки и лабазы, подъ которыми, въ тѣни, тоже сидѣли черныя массы рабочихъ. На всѣхъ лицахъ читались усталость и безпокойство: неужели не будетъ? Хоть бы ужъ скорѣй... Но изъ экономій никто не пріѣзжалъ.

А солнце, между тѣмъ, жгло нестерпимо, жара и духота усиливались, люди вяло бродили по базару, и всѣ были сѣрые, истомленные, съ глубоко впавшими усталыми глазами. Разбирала невыносимая тоска...

И, какъ будто, для того, чтобы пуще разбередить душу, изъ трактировъ доносилось нестройное пѣніе и пьяные возгласы. Пѣніе временами то усиливалось, крѣпло, то снова въ безсиліи падало, покрываясь пиликаньемъ скрипки. Скрипачъ, видимо, не замѣчалъ, что онъ захватываетъ не тѣ струны...

Нервы взвинчивались, невыразимая боль разросталась въ душѣ. Казалось, вся эта масса людей,—и тѣ, что поютъ и пьютъ, и тѣ,

что устало бродятъ по базару и сидятъ подъ лавками, и даже пиликающій въ азартѣ скрипачъ,—всѣ они—мухи, попавшія въ сѣрую, пыльную, растянутую въ углѣ окна паутину.

Нервное напряженіе доходило до крайности, терпѣніе истощалось: уже солнце склонялось къ закату — а никто не ѣхалъ. Пыль и духота дѣлались невыносимыми...

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!—послышалось отовсюду, и вся сѣрая масса потянулась въ одну сторону. Потянулись изъ-подъ лавокъ, лабазовъ, отъ рѣки, со всего берега; потянулись и пьяные.

На базарѣ остановилась крѣпкая тачанка, запряженная парой добрыхъ вороныхъ лошадей въ дышло. Въ ней сидѣлъ плотный господинъ, лѣтъ 30, съ крѣпкимъ загорѣлымъ лицомъ, повидимому—приказчикъ. Одѣтъ онъ былъ въ чесунчовую пару.

Народъ подходилъ къ бричкѣ и сгущался.

Приказчикъ вышелъ изъ экипажа. Народъ плотной массой обступилъ его. Всѣ глаза, бороды, лица—были устремлены въ его сторону. И такія эти лица были худыя, дряблыя и изможденныя по сравненію съ этимъ плотнымъ, сытымъ господиномъ въ чесунчѣ.

— Что-жъ, пойдете къ намъ? —спросилъ господинъ.

— Отчего не пойти... А вы отъ кого?

— Развѣ не знаете? Отъ Семенянкина.

— Сказываютъ, у васъ харчь плохая...

— Ты про харчь оставь, — остановили другіе.—Харчь вездѣ одна, а ты говори дѣло: какая работа?

— Человѣкъ двадцать пахать, а то полоть подсолнухи.

— А сколько всѣхъ-то надо?

— Человѣкъ сто.

— А цѣна?

— Цѣна—какъ у другихъ. Сами знаете.

— Почемъ же одначе?

— Какъ у другихъ...

— Да ты говори, не тяни. Ну?

— Базарная цѣна. Пахать — сорокъ копѣекъ, полоть — тридцать пять.

— Дешево, какъ быдто.

— Цѣна нынче такая. Не мы,—базаръ цѣну вставляетъ.

— Знамо дѣло. Только ты прибавь. Нешто можно за такую цѣну?

— Не могу. Дѣло полюбовное, хочешь—иди, не хочешь—силкомъ никто не гонитъ. Другихъ найдемъ. Народу нынче много.

Народу, дѣйствительно, было много. Около тысячи человѣкъ густой массой обступили его.

— Такъ-то такъ, — говорили ближайшіе къ нему.—А только ты прибавь.

— Не могу.

Глаза у мужиковъ были темные, вдумчивые. Всѣ внимательно слѣдили за приказчикомъ: хотѣлось бы и подороже, и страшно было упустить. Колебались... Руки лѣзли въ затылокъ, сдвигая фуражки на лобъ:

— Ну, прибавь еще... пятачекъ...

— Не могу...

— Ну, пиши,—рѣшился одинъ, видя, что приказчикъ стоитъ крѣпко на своемъ.

— Пиши. Мы пахать. Насъ двѣнадцать человѣкъ.

— Насъ пиши. Пахать. Восемь человѣкъ.

— Пиши насъ. Тоже пахать, тридцать одинъ...

Кричали со всѣхъ сторонъ. Всѣ лица, бороды были приподняты, всѣмъ хотѣлось записаться. Во всѣхъ глазахъ виднѣлся голодъ.

— Насъ пиши! Насъ!

— Не толпитесь, успѣете,—говорилъ приказчикъ, записывая въ памятную книжку фамиліи желающихъ.

— Не всѣ разомъ! Всѣхъ возьму, успѣете!

Онъ видѣлъ, что передалъ лишнее: рабочіе пошли бы на меньшую плату, и ему жалко было переплаченнаго пятака...

— Насъ пиши! Насъ!—напирала, между тѣмъ, толпа.

Всѣмъ хотѣлось пробраться ближе напередъ.

— Не при!—свирѣпо оглянулся одинъ изъ переднихъ, подавая толпу назадъ.—Куда лѣзешь?

— А ты одинъ хочешь заработать? Ишь, выискался какой,— не менѣе свирѣпо отвѣтили ему.

Произошла давка. Задніе напирали на переднихъ; передніе пытались сдержать напоръ, но не могли, и вся толпа, разбураливаемая вдобавокъ пробирающимися впередъ отдѣльными силачами, двигалась и колыхалась.

— Обождите! Не при!—кричалъ приказчикъ.

Его сдавили со всѣхъ сторонъ и двигали туда и сюда.

— Не при! А то никого не возьму!

— Насъ запиши! Насъ!

— Никого не возьму! Не надо мнѣ! — рѣшительно сказалъ приказчикъ.

— Какъ?—остановились передніе. Сотни паръ глазъ испытующе устремились на него.

— Такъ. Никого не возьму.

— Да ты-жъ нанялъ!

— Никого я не нанималъ,—и глаза его забѣгали.

— Какъ не нанималъ? Ты-жъ записалъ!

— Это ничего не значитъ, не условіе... Хочешь—иди всѣ по тридцать копѣекъ.

Толпа, словно, замерла и смотрѣла на него, напряженно ища

слова. Онъ смотрѣлъ на толпу, и маленькіе глазки его бѣгали. Онъ весь вертѣлся. Упорный взглядъ толпы его гипнотизировалъ. Прошло нѣсколько напряженныхъ секундъ. Толпа искала слова и не находила. Напряженіе росло.

— Да ты шутишь?—выразилъ кто-то мысль толпы.

— Какія шутки! Хочешь—иди по тридцати копѣекъ! Кто по тридцать?—выкрикнулъ приказчикъ, глядя черезъ головы бѣгающими глазами:—Записывайся!

Толпа заколыхалась. Въ эту минуту она была похожа на воронку, съ ревомъ завернувшуюся на поверхности могучей, многоводной и мутной буровящейся рѣки. Всѣ лица, глаза устремились къ приказчику, и въ глубинѣ ихъ было что-то зловѣще.

— Геть! Пустить! Пустить мене до его! — кричалъ, пробираясь сквозь толпу, круглый, коричневый хохолъ.—Пустить!

Онъ былъ уже возлѣ приказчика.

— Ты чомъ міні не додавъ четвертакъ?—завернулъ онъ его крѣпкимъ словомъ.—Чомъ не додавъ, гà?

Круглое, коричневое лицо его передергивалось, глаза искрились. Онъ лѣзъ къ приказчику съ кулаками:

— Чомъ не додавъ?

— Я тебя не знаю,—отвѣтилъ тотъ, подаваясь назадъ.

Онъ озирался, какъ затравленный волкъ.

— А! не знаешь? А тоді такъ знавъ?..

Вдругъ одно лицо сзади приказчика свирѣпо сжалось, зубы стиснулись, и съ звукомъ — тá!—здоровенный кулакъ съ силой ударилъ приказчика въ шею.

Такой звукъ издаютъ дровосѣки и кузнецы, когда съ остервенѣніемъ бьютъ топоромъ или молотомъ.

Плотный приказчикъ качнулся, картузъ слетѣлъ съ головы.

Мгновенно толпа пришла въ ярость... Приказчикъ, какъ клокъ сѣна или овчины, завертѣлся въ поднявшемся около него вихрѣ.

. . . .

— Досталось таки!.. — толковали разбредавшіеся опять по базару рабочіе.—Жаль, что мало... Не далъ, сукинъ сынъ, душу отвести по настоящему... Отнялъ...

Отнялъ подоспѣвшій урядникъ. За исключеніемъ этого инцидента, внесшаго нѣкоторое оживленіе,—день прошелъ вяло. Наемка шла неоживленно, нанимали мало.

Солнце уже спустилось къ закату, бросая длинныя тѣни, отъ лабазовъ и лавокъ до самой рѣки, и мѣстами пронизывая косыми золотистыми лучами пыльный и душный воздухъ. Тѣни становились все длиннѣе и длиннѣе. Вонъ онѣ перебросились черезъ неширокую, сажень въ восемь, проточку, отдѣлившуюся отъ главной рѣки и образовавшую съ нею плоскій песчаный островъ; вонъ онѣ легли уже поперекъ острова, окрашивая попавшую въ нихъ часть густого лозняка въ темнозеленый, свѣжій цвѣтъ, и лозняк

этотъ словно притаился, тогда какъ освѣщаемый солнцемъ былъ сѣрый и шевелился отъ дыханія легкаго рѣчного вѣтерка. Далѣе—тѣни перебросились черезъ главное русло рѣки, и вода, на солнцѣ мутно-сѣрая, стала темной, и не было замѣтно ея быстраго теченія. А на той сторонѣ — густыя прибрежныя вербы весело купались въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца и, пронизанныя ими, какъ бы задыхались въ сладкой истомѣ... А еще далѣе, за вербами,—горѣли кресты двухъ церквей станицы Правобережной...

Разсыпавшаяся по базару и по берегу толпа не замѣчала этого красиваго вида; ее все больше и больше охватывало уныніе: больше наемки не будетъ... Надо ждать слѣдующаго воскресенья!

III.

Снова потянулись дни безработицы, — длинные, скучные, томительные. Опять, какъ недѣлю, какъ двѣ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, остались безъ работы сотни и сотни людей... А между тѣмъ, рабочая лѣтняя пора была въ полномъ разгарѣ. Шелъ сѣнокосъ, полка подсолнуховъ, пахота „паровъ“; подходила уборка хлѣба, и хозяева энергично готовились къ ней,—исправляли у кого были старыя машины, покупали новыя... Словомъ—вооружались, чтобы сразу, однимъ ударомъ покончить съ уборкой.

Рабочіе, глядя на всю эту безпокойную сутолоку, — нервничали. Въ особенности они страшились косилокъ. Благодаря имъ, вѣдь, они остаются безъ работы. До распространенія косилокъ весь сѣнокосъ лежалъ на плечахъ рабочихъ; косарь получалъ въ день до полутора рубля и болѣе; работы тянулись долго,—рабочій могъ заработать и зарабатывалъ. Косилка отняла этотъ заработокъ. Правда, тутъ не одна косилка сказала свое слово, а и то обстоятельство, что площадь подъ сѣнокосами значительно сократилась противъ прежняго. Кромѣ того, съ уплотненіемъ населенія прибавилось число мѣстныхъ рабочихъ рукъ. Такъ или иначе, а косарь сталъ получать 50—55 копѣекъ въ день, огромная же масса не находила работы на косовицѣ и устремилась на полку подсолнуховъ. Но и подсолнухи не могли занять всѣхъ рукъ, не смотря на то, что поденная плата упала до 40, 30, 25 и даже 20 к. въ день взрослому мужчинѣ. До косилокъ уборка десятины хлѣба—скосить и связать—стоила 15, 18, 20 и даже 25 руб. „Пара“ — косарь и вязальщица — получали 5 и даже 7 руб. въ день. Съ распространеніемъ косилокъ цѣна стала падать,—упала на 12, на 10, 8, 7, даже 6 руб. за десятину; „пара“—на 3, на 2 и даже менѣе 2 руб. въ день.

— Неужли нельзя написать такой законъ, чтобы не было ко-

силокъ? — разсуждали нѣкоторые рабочіе, чувствуя, что косилки окончательно вытѣсняютъ ихъ.

— Да, законъ!—возражали другіе:—законы, братъ, не для насъ пишутся. О нашемъ братѣ—черномъ народѣ—никто не думаетъ..

До уборки хлѣба оставалось всего нѣсколько дней. Настроеніе рабочихъ становилось все нервнѣе. Изголодавшіеся, они могли заработать только на уборкѣ. Послѣ уборки опять не будетъ работы, — поэтому для нихъ было важно: будетъ или не будетъ цѣна.

— Кабы не косилка...

Сотни, тысячи людей только и думали, что о косилкахъ.

Свѣтлое лѣтнее утро. Солнце еще не всходило. Ночевавшіе на базарѣ безработные вышли умываться къ рѣкѣ—и видятъ: съ той стороны, изъ за рѣки, подвигается огромный обозъ и при немъ человѣкъ полтораста народу. Черный, запыленный, запачканный, этотъ таборъ-обозъ, какъ огромное чудовище, подвигается впередъ. Голова его уже всползала на мостикъ черезъ проточку, а хвостъ, неуклюже изгибаясь, терялся далеко на той сторонѣ въ широкой прогалинѣ между вербами и садами ст. Правобережной. На многихъ повозкахъ виднѣлись красныя и желтыя полицы косилокъ. За другими повозками косилки шли въ собранномъ видѣ, зіяя грозными зубьями. Съ шумомъ, звономъ, дребезжаньемъ двигался обозъ, такъ что зыбкій мостъ на главной рѣкѣ, частью на баркахъ, частью на сваяхъ,—гудѣлъ и дрожалъ.

Рабочіе оторопѣли:

— Вы куда?

— Сюда, въ Лѣвый Берегъ.

— Зачѣмъ?

— Хлѣбъ нанялись косить у Шамбарова.

— Ѣзжай назадъ! Намъ самимъ тутъ дѣлать нечего. Сами голодаемъ.

— А намъ какое дѣло? Мы нанялись, задатку взяли.

Слово за слово, произошла драка. Отъ лабазовъ прибѣжали еще безработные, схватили лошадей подъ уздцы, хозяевъ косилокъ въ шею, въ дрючки и съ боемъ проводили за мостъ.

— Ѣзжай, ѣзжай!—кричали на мосту рабочіе, потрясая кулаками и кольями въ сторону косилокъ.—Ѣзжай, пока цѣлы! Проваливай!

Хозяева косилокъ,—мужики сосѣдней Ставропольской губерніи,—видя, что съ рабочими ничего не подѣлаешь, вернулись назадъ, въ ст. Правобережную...

IV.

Черезъ четверть часа атаманъ съ помощникомъ и казаками былъ уже на мосту. Возлѣ моста, со стороны селенія, стояла группа народа, человѣкъ въ тридцать. Все было тихо и, казалось; спокойно. Атаманъ проѣхалъ прямо къ волостному правленію, рабочіе взглядами проводили его.

— Что у васъ тутъ?—спросилъ онъ.

— Ничего...—растерялся волостной старшина, рослый чернобородый почтенный мужикъ, въ новомъ черномъ пиджакѣ и картузѣ.

Онъ недавно вступилъ въ должность и еще не успѣлъ съ нею ознакомиться. Атамана же зналъ за „доку" и дѣльца.

— Говорятъ, косилки. завернули,—наконецъ, оправился онъ. Ѣхали сюда хлѣбъ косить изъ Ладовки, а ихъ завернули.

— Кто завернулъ?

— Косари. Да я еще и не знаю хорошо... Пошелъ, а тутъ пьяный бушуетъ, такъ я взялъ его въ этапъ.

— Садитесь, поѣдемъ!—подвинулся атаманъ.

Старшина,—черный, высокій, неуклюжій,—полѣзъ въ экипажъ.

— Я приказалъ закрыть всѣ питейныя заведенія,—говорилъ онъ, садясь.—А то напьются—бѣда. Тутъ такой шумъ былъ... А какъ еще напьются,—совсѣмъ бѣда. Народъ—не дай Богъ.

Атаману мысль о закрытіи питейныхъ заведеній понравилась, и онъ присоединился къ ней. Но закрыть было не такъ то легко. Всѣ закрыли, но красивая содержательница „гостинницы Россія" никакъ не хотѣла запирать, ссылаясь на то, что она патентъ платитъ, доходъ даетъ казнѣ и должна торговать, чтобы откуда-нибудь пополнить свои расходы.

Съ питейными заведеніями старшина и атаманъ провозились почти около часу и только послѣ всего этого проѣхали на мостъ.

Возлѣ моста по прежнему стояла группа народа. Все было тихо, спокойно.

Атаманъ вылѣзъ изъ экипажа.

— Что у васъ тутъ произошло?

— Ничего.

— Какъ ничего! А ко мнѣ пришли мужики, всѣ избитые...

— Пусть сюда не ѣдутъ.

— Почему?

— Такъ... Пусть не ѣдутъ—и все тутъ.

— Но почему же?

— Мы сами голодные сидимъ...

— Но при чемъ же тутъ косилки?

— Онѣ у насъ хлѣбъ отбиваютъ.

Къ черной группѣ людей, стоящей передъ атаманомъ, со всѣхъ сторонъ подходили все новые люди. Лица были любопытныя, всѣмъ хотѣлось послушать, о чемъ говорятъ. По мѣрѣ того, какъ подходили ближе, — тяга увеличивалась, подходившіе ускоряли шагъ и спѣшили вмѣшаться въ толпу. Толпа увеличивалась, и по мѣрѣ ея увеличенія наростало настроеніе.

— Хорошо, — говорилъ атаманъ,—но вы не имѣете права запрещать кому бы то ни было и чѣмъ бы то ни было работать.

— Нѣтъ, имѣемъ! Они—богатые, хозяева, а у насъ нѣтъ ничего!

— Но гдѣ же вы нашли такое право?

— Гдѣ!.. Да мы три дня не ѣли!

Толпа все увеличивалась, настроеніе наростало. Толпа приходила въ возбужденіе.

— Не надо косилокъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Чтобъ не было!

— Успокойтесь, господа,—произнесъ атаманъ.—Вы идите сами по себѣ, косилки пойдутъ сами по себѣ.

— Не разойдемся! Пока косилки не уѣдутъ,—не разойдемся!

Толпа все росла. Тяга распространилась на огромное разстояніе. Какъ завертѣвшійся вихрь втягиваетъ песокъ и всякій соръ, такъ волнующаяся передъ атаманомъ толпа со всѣхъ сторомъ тянула къ себѣ цѣлыя массы народа. Люди уже не шли, а бѣжали. Бѣжали мужчины, женщины, дѣти. Лица все дикія, возбужденныя...

— Не надо намъ косилокъ! Чтобъ не было!—кричали со всѣхъ сторонъ...

— Разойдитесь, господа, успокойтесь!—уговаривалъ атаманъ.—Я не пущу косилокъ. Я заверну ихъ обратно.

— Не разойдемся! Чтобъ не было!

Толпа видѣла, что на мосту, за атаманомъ, стояли мужики, хозяева косилокъ. Они, какъ были, такъ и пришли сюда, съ кнутами. Тамъ же стояли казаки въ черкескахъ и при шашкахъ. И это еще болѣе возбуждало толпу.

— Чтобъ не было косилокъ!—кричали всѣ.—Не смѣй сюда ѣздить.

Толпа все болѣе и болѣе возбуждалась.

— Да чего, братцы!—предположилъ кто-то.—Должно, взялъ съ косилокъ рублевъ двадцать, вотъ теперь за нихъ руку и тянетъ!

— Взялъ!

— Взялъ!

— Конечно, взялъ! Сорокъ рублей... Пятьдесятъ... Я самъ видѣлъ! Го-го-го-го!..—пошло перекатываться по толпѣ.—Всѣ они мошенники! Взяточники!..

Толпа начинала неистовствовать.

— Живодеры! Кровопивцы! Кровь нашу пьете!—вопила толпа.

Косилки были забыты. Всѣ чувства, всѣ помыслы устремились на атамана. Онъ, одинъ онъ, былъ виною всѣхъ ихъ несчастій, всего ихъ горя. Вѣками накоплявшіяся въ душѣ обиды, оскорбленія, униженія,—всплыли на поверхность души и требовали отмщенія. Особенно неистовствовали бабы. Страшныя, раскосмаченныя, съ искаженными отъ злобы лицами, онѣ наступали впереди всѣхъ.

— Мы голодныя, а они—ишь, морды толстыя понаѣли, какъ у хорошей бабы... Дайте намъ работы! Работы намъ дайте! Мы подыхаемъ съ голоду!

— Дайте намъ земли!

— Дайте намъ земли!—могучимъ эхомъ, какъ страшный ревъ бури, подхватила мутящаяся толпа.—Земли! Земли!

Толпа все прибывала. Народъ бѣжалъ изъ-подъ всѣхъ лабазовъ, изъ всѣхъ улицъ села. Крупная, яркая фигура атамана, въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, стоящая на возвышеніи моста, и передъ нею мятущаяся толпа,—привлекали всѣхъ. Кто-то, пробѣгая мимо разваленной сажени дровъ, схватилъ дрючекъ. Схватилъ такъ себѣ, безсознательно, на всякій случай. Глядя на него, пошли хватать и другіе. Изъ тридцати человѣкъ въ началѣ, толпа выросла въ семьсотъ, восемьсотъ, тысячу, полторы, и все росла...

Возбужденіе толпы все болѣе овладѣвало и атаманомъ. Вся кровь бросилась ему въ голову, онъ былъ весь красный и, словно опьяненный, слегка покачивался. Ему казалось, что и мостъ, на которомъ онъ стоялъ, и клокочущая передъ нимъ полуторатысячная толпа, и обширная базарная площадь, по которой со всѣхъ сторонъ бѣжали къ нему дикіе рваные люди,—колышутся и переворачиваются вмѣстѣ съ нимъ... Онъ уже себя не помнилъ, ему казалось только, что онъ во что бы ни стало долженъ сдержать напоръ толпы и водворить порядокъ.

— Разогнать ихъ!—обратился онъ къ казакамъ.—Нарѣзать розогъ! Розгами ихъ!

Трое казаковъ метнулись на островъ за розгами и, черезъ нѣсколько минутъ вернувшись съ лозинами, стали размахивать ими передъ лицами бабъ. Это еще пуще разозлило толпу.

— А! такъ насъ бить! Розгами насъ пороть!

Мгновенно стѣна бабъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ была разорвана, впередъ продирались мужчины. Толпа, дикая, клокочущая, разъяренная, напирала, стараясь обойти атамана сзади. Но обойти было нельзя. Онъ стоялъ на узкомъ мосту проточки.

Ближе всѣхъ къ атаману былъ коричневый хохолъ. Круглое лицо его передергивалось; плотно обхвативъ колъ своими ловкими руками, онъ свирѣпо потрясалъ имъ. Во взорѣ его было дикое безуміе...

— Стой, не подходи!—кричалъ атаманъ внѣ себя, но голосъ его замиралъ въ общемъ яростномъ ревѣ стихіи.

— Ваше благородіе!—нагнулся къ уху атамана помощникъ Ларіоновъ:—Уйдемте отсюда, насъ разорвутъ...

Высокій, статный, плечистый красавецъ-брюнетъ въ черной черкескѣ, человѣкъ лѣтъ 38, бывшій когда-то украшеніемъ праваго фланга гвардейскаго полка, гдѣ онъ служилъ, никогда не бывшій трусомъ,—онъ дрогнулъ. На немъ лица не было.

— Ваш-ше бблаго-ррод... уй-дем-те...—просилъ онъ, заикаясь.

Но уходить было уже поздно. Толпа, дикая, ревущая, клокочущая, страшной плотной массой быстро надвигалась все ближе, слѣдя за атаманомъ въ тысячу глазъ.

— Стой, не подходи!—кричалъ атаманъ не своимъ голосомъ: Стрѣлять буду!

— Го-го-го!—дико загоготала толпа. Адскій, душу раздирающій хохотъ выворачивался изъ самой глубины ея.—Зна-емъ! Не испугаешь! Го-го-го-го!..

Мѣстные жители долго еще ходили взадъ и впередъ, собирались въ кучки, говорили. Потомъ все стихло. Село ушло въ себя, притаилось...

Черезъ два дня началась уборка. Цѣны установились низкія,— шесть, семь и на своихъ харчахъ восемь рублей за десятину. Мѣстами и по четыре рубля. „Пара“ работала по два рубля, по три, но кое-гдѣ цѣна спускалась до рубля семидесяти копѣекъ и ниже.

Въ недѣлю хлѣбъ былъ убранъ.

Л. Ефимовичъ.

Бѣглыя замѣтки о желтой опасности.

I.

„Желтый вопросъ“ не новъ. Около сорока лѣтъ тому назадъ о немъ уже писалось въ русской литературѣ. На Западѣ о немъ говорили и раньше. Нерѣдко во время стачекъ, агитацій, при запросахъ въ парламентѣ представители капитала грозили, что, вмѣсто требовательныхъ европейскихъ рабочихъ, они выпишутъ кули изъ Китая и Индіи. Въ колоніяхъ давно уже пользовались этимъ средствомъ.

Въ этой первоначальной постановкѣ желтая опасность для Европы и Америки заключалась въ томъ, что наплывъ некультурныхъ элементовъ желтой расы можетъ задушить европейскую

культуру, а метизація понизитъ тонъ благородной индо-германской расы. Наплывъ избытка населенія Китая на Западѣ, въ пылкомъ воображеніи европейцевъ, грозилъ погибелью не только культурѣ, но и расѣ европейской. Эти опасенія, однако же, врядъ ли справедливы, если взглянуть на вопросъ не какъ на опасность грозящую, а просто какъ на извѣстное соціальное явленіе.

Прежде всего, никто еще не рѣшилъ вопроса, дѣйствительно ли въ предѣлахъ Китайской имперіи повсюду господствуетъ такое страшное земельное утѣсненіе, какъ это думаютъ? Югъ и востокъ, большая часть бассейна Янцзи-цзяна, дѣйствительно, густо заселены; но никто не обратилъ вниманія на то, что перенаселеніе поддерживается въ Китаѣ искусственно.

По манчжурскому уложенію, колонизація застѣннаго Китая строго запрещена. Князь монгольскій, который „изъ корыстолюбія" пуститъ къ себѣ китайца-арендатора, лишается своихъ владѣній, а китаецъ подвергается жестокому наказанію: потерѣ имущества и даже смерти. Китайцы, поселяющіеся въ Монголіи ради торговыхъ цѣлей, не могутъ брать съ собой своихъ женъ и дѣтей. Какая причина, какіе мотивы заставили первыхъ манчжурскихъ императоровъ, людей большого государственнаго ума, создать такое, повидимому, непрактичное узаконеніе? Казалось бы, чего лучше? Два разнородныхъ народа слились бы въ одинъ. Вѣчная опасность отъ кочевниковъ кончилась бы. Но это легко объясняется исторически. Первые манчжурскіе императоры сами чувствовали себя пришельцами на китайской почвѣ. Если и теперь въ Китаѣ имѣются на югѣ сторонники старо-китайской, минской династіи, то въ старину ихъ было еще больше. Рядомъ съ этимъ, хотя царство Чингиса было разрушено, Монголія еще не забыла своего прошлаго. Восточная Монголія была разбита, но на западѣ среди калмыковъ духъ соратниковъ Чингисъ-хана еще не угасъ. Восточная Монголія, съ выродками князьями, оподлѣла до крайности: князья собирались въ сугломы, обсуждали вопросъ о сверженіи манчжурскаго ига, проектировали возстанія, давали клятвы, пили кровь чернаго козла, въ знакъ союза на жизнь и смерть, и въ то же время думали, кто изъ нихъ скорѣе успѣетъ донести въ Пекинъ о случившемся и получитъ награду за доносъ? Одинъ изъ участниковъ такого заговора принялъ въ серьезъ этотъ союзъ взаимнаго вѣроломства, собралъ свои войска, но былъ разбитъ своими же сотоварищами, хотѣлъ скрыться въ Россію, но былъ пойманъ и выданъ головой Китаю урянхайцами, пользующимися и до сихъ поръ за это многими привилегіями и правомъ называться дорхатами (почетное названіе).

Монгольскіе князья повадились ѣздить въ Пекинъ для засвидѣтельствованія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Манчжуры, конечно, не вѣрили имъ ни на грошъ и, чтобы выказать

свое полное презрѣніе къ этимъ эпигонамъ, завоеватель указомъ запретилъ докучать императору своими визитами.

На западѣ, какъ мы сказали, предпріимчивые князья ойратскіе Эссенъ и Галдона, Бошокту и Галдонъ Церенъ дѣйствовали иначе. Ихъ походы на восточную Монголію до сихъ поръ еще помнятъ тамъ, и мужественные манчжуры должны были напрягать всѣ свои усилія въ этой борьбѣ. При Цзянь-Лунѣ утверждена была полная побѣда манчжуровъ надъ калмыками; но страхъ передъ возможностью возстанія Монголіи остался. Запрещеніе земледѣльческой колонизаціи въ Монголіи было предосторожностью противъ распространенія китайской культуры среди кочевыхъ племенъ. Китай боялся—думалъ, что, при развитіи культуры, Монголія, разбитая и разъединенная, всетаки будетъ опасна, а появись тамъ такіе энергичные князья, какіе были въ Джунгаріи, опасность могла грозить не только странѣ, но и династіи. Страхъ этотъ сказывается и въ другихъ отношеніяхъ. На югѣ Монголіи, къ сѣверу отъ Кангана, живетъ зажиточное монгольское населеніе—чахары. Чахары часто бываютъ въ Пекинѣ и, какъ смышленый народъ, понимаютъ цѣну образованію. Они у себя устроили нѣсколько школъ, гдѣ обучали дѣтей монгольской грамотѣ и китайской. Китайское чиновничество пронюхало объ этой затѣѣ, и изъ Пекина вышелъ приказъ — прекратить преподаваніе китайскаго языка и замѣнить его манчжурскимъ, т. е. языкъ мѣстной культуры замѣнить языкомъ династіи. Въ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ, въ статьяхъ о торговлѣ съ Монголіей, ограничено право ввоза пороха и оружія. Не русскихъ купцовъ, очень немногочисленныхъ, боится Китай, онъ боится дать ружье въ руки монголу, безобиднѣйшему существу въ мірѣ. Монгольская милиція, даже чахары, выходили въ 1895 г. противъ японцевъ „съ лучнымъ боемъ". Конечно, при китайскомъ способѣ управленія ни одна мѣра не можетъ быть проведена достаточно послѣдовательно. Китайскіе поселки земледѣльческіе всетаки существуютъ въ Монголіи; но ихъ ревизуютъ ежегодно, измѣряютъ поля и не позволяютъ расширять посѣвовъ, хотя нынѣ по всей Монголіи разсѣяны клочки земледѣльческихъ поселковъ; но ими далеко не использована громаднѣйшая площадь культуро-способной земли въ Монголіи. Вплоть до границъ Гоби встрѣчаешь по долинамъ рѣки пахатную землю. Въ самой Гоби, въ дебряхъ гобійскаго Алтая и тамъ, гдѣ есть орошеніе, практикуется земледѣліе. Мы сами видѣли эти пашни и можемъ сказать только одно, что условія для земледѣлія тамъ много благопріятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Затьзельшаньскомъ краѣ, гдѣ трудолюбіе и умѣнье земледѣльцевъ, китайцевъ и тюрковъ, создали интенсивную культуру среди каменной пустыни; но монголъ плохой земледѣлецъ. Если бы пустить на эти земли китайцевъ—они сумѣли бы распорядиться ими. Ботаники пришли въ недоумѣ-

ніе, когда Г. Н. Потанинъ сообщилъ, что опійный макъ культивируется около Кобдо. Еще большаго удивленія заслуживаютъ плантаціи того же мака около Улясутая, на высотѣ 5,400 ф.

Китаецъ, улясутайскій плантаторъ, находилъ, что макъ родится около Улясутая отличный; но недостатокъ умѣлыхъ рукъ, дороговизна рабочихъ мѣшаютъ расширенію дѣла. И въ самомъ Китаѣ есть еще мѣсто, гдѣ можно размѣстить не одинъ милліонъ земледѣльцевъ!

Избытокъ населенія Китая, какъ бы онъ великъ ни былъ, врядъ ли можетъ грозить чѣмъ-либо Европѣ. Житель теплаго, подтропическаго климата, привыкшій къ воздѣлыванію южныхъ растеній, не особенно охотно селится въ суровомъ климатѣ. Его районъ колонизаціи—подтропическія и тропическія страны. Здѣсь онъ незамѣнимый работникъ. Въ этихъ мѣстахъ, затронутыхъ только примитивной культурой, настоящее мѣсто для будущей колонизаціи его. Разумѣется, не въ качествѣ кули-раба, а хозяина. Европейцамъ тамъ не ужиться, да и не желательно, чтобы раса, такъ хорошо приспособившаяся къ умѣренному климату, стала ломать себя на новый ладъ; тѣмъ болѣе, что опыты въ этомъ направленіи не дали хорошихъ результатовъ до сихъ поръ. Кромѣ земледѣлія, и горная промышленность, какъ въ самомъ Китаѣ, такъ и вообще въ экзотическихъ странахъ, ждетъ еще своихъ работниковъ. Ископаемыя богатства Монголіи еще не затронуты, громадный китайскій каменноугольный бассейнъ почти не тронутъ. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, въ интересахъ всѣхъ обитателей нашей планеты, существованіе многочисленной, трудолюбивой и даровитой расы, приспособленной къ жизни въ горячемъ климатѣ, является не помѣхой, не угрозой, а неоцѣненнымъ благомъ.

Замкнутый въ себѣ, Китай преслѣдуетъ до сихъ поръ, въ своей политикѣ, интересы династіи, а не народа. Онъ не только не озаботился завести колоніи для своихъ перенаселенныхъ провинцій, но даже не открылъ для нихъ и свободныхъ земель своей имперіи. Нельзя, стало быть, опасаться переполненія Европы невѣжественной желтой расой, нельзя также и отрицать того, что сама Европа, въ своихъ колоніяхъ, очень охотно пользуется той же желтой расой, не опасается ея растлѣвающаго вліянія на своихъ поселенцевъ, но лишь подъ условіемъ не признавать за ней человѣческихъ правъ; невѣжественная желтая раса работала бы въ тропическихъ странахъ. Изъ Европы ихъ гнали бы, и чистая, благородная раса была бы избавлена даже отъ прикосновенія съ ней, и желтаго вопроса нечего было бы бояться. Теперь, однако, этотъ вопросъ снова и очень рѣзко выдвинулся на первый планъ, и, казалось бы, совсѣмъ не кстати. Боялись ранѣе невѣжества низшей расы, неспособной къ высшей культурѣ, и ея разлагающаго вліянія на Западъ. Теперь эта

опасность настолько уменьшилась, что ее можно считать призрачной. Японцы, а за ними и китайцы теперь стараются устроиться у себя дома. Японцы съ неслыханной быстротой впитали въ себя европейскую культуру. Китай, не желая еще развязаться со своимъ Домостроемъ-Конфуціемъ, все еще пытается увѣрить себя, что онъ нѣчто срединное, центральное, оригинальное, самобытное, не въ примѣръ другимъ незыблемое въ своихъ основахъ, что Китай и сынъ неба были и всегда будутъ, что Китая

Разсудкомъ не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить.

Однако же, не смотря на это, онъ всетаки волей-неволей заимствуетъ кое-что изъ европейской цивилизаціи. Конечно, чиновничій Китай слишкомъ увѣренъ въ своемъ величіи и своемъ Домостроѣ, чтобы заимствовать кое-что изъ европейскихъ учрежденій, онъ и изъ науки принимаетъ только то, что можно согласить съ Домостроемъ; но вѣдь не онъ одинъ грѣшенъ этимъ грѣхомъ, и теперь Китай и съ Домостроемъ—всетаки кліентъ европейской цивилизаціи. Кажется, теперь за культуру бояться уже нечего. Все на Востокѣ,—гдѣ быстро, гдѣ тихо—приближается къ благополучному состоянію. Желтой опасности нѣтъ болѣе мѣста, и задача вся въ томъ, какъ бы этотъ самый неуклюжій Китай освободить отъ чиновническаго гнета и пріобщить къ европейской цивилизаціи non nomine sed re.

Оказывается, не тутъ-то было! Теперь, повидимому, только и начинается настоящая опасность для Европы. Послѣ удачной войны японцевъ съ Китаемъ въ 1895 году, послѣ участія японскихъ войскъ въ освобожденіи Пекина, гдѣ рядомъ съ ними стояли европейскіе солдаты, для людей, понимающихъ дѣло, стало ясно, что новая нація сдѣлала громадные успѣхи въ дѣлѣ усвоенія всѣхъ тонкостей военнаго искусства. Успѣхи Японіи въ другихъ отрасляхъ дѣятельности пока еще не казались очень опасными; но превосходно дисциплинированная армія, снабженная образованными офицерами, показала сразу, что съ ними нельзя раздѣлаться при помощи броненоснаго кулака, какъ въ Кяочжоу. Успѣхъ окрыляетъ всегда, первый удачный дебютъ тѣмъ болѣе. Поэтому, послѣ побѣдъ Японіи, въ ея литературѣ стала ясно высказываться мысль о томъ, что ея дальнѣйшая миссія — вывести родственные народы изъ унизительнаго состоянія невѣжества и рабства къ свѣту и свободѣ. Въ лицѣ ихъ дальняя Азія громко потребовала себѣ человѣческихъ правъ. Это было уже слишкомъ! Желтые осмѣлились думать не только о самихъ себѣ, о своемъ Ниппонѣ,—они возмечтали и объ освобожденіи другихъ желтыхъ. Какая дерзость! Мечта молодого народа о культурной миссіи была превращена въ проектъ будущаго союза монгольской расы противъ арійской. Вызванъ былъ на

сцену четырехсотъ-милліонный Китай, выставляющій армію, равную всѣмъ европейскимъ, вмѣстѣ взятымъ, ведомую японскими вождями на Европу, и, какъ всегда, выдвинуто было лозунгомъ пророчество о гибели арійской культуры. Какъ же, однако, могла бы погибнуть культура, когда нападеніе на Европу, какъ полагалось, произведено будетъ азіатами, усвоившими европейское образованіе и учрежденія? О! на это отвѣтъ былъ готовъ. Если были на свѣтѣ сикофанты, сумѣвшіе создать теорію объ ограниченномъ умѣ подданныхъ, которая держится кое-гдѣ даже и теперь; если можно было своихъ соотечественниковъ считать людьми, сдѣланными изъ другой глины, чѣмъ повелители народовъ,—то съ желтымъ-то человѣкомъ церемониться нечего! Онъ, во-первыхъ, желтъ, во вторыхъ — у него „другой черепъ", въ третьихъ — рѣдкая борода и усы. Усы эти никакими повязками не закрутить вверхъ à la Guillome deux. Дальше у желтой расы нѣтъ великодушныхъ чувствъ. Умъ у нихъ неглубокій, они способны только къ переимчивости. Все это говорилось о народѣ, литература и исторія котораго по первоисточникамъ до сихъ поръ въ Европѣ и Америкѣ извѣстна весьма немногимъ; но это, какъ извѣстно, только окрыляетъ мысль. Искусство желтыхъ нелѣпо и безобразно, литература ихъ просто смѣшна, религія дика; наука китайцевъ не заслуживаетъ этого названія. Японцы — народъ коварныхъ злодѣевъ, шпіоновъ, соглядатаевъ.—Насъ, ведущихъ войну съ Японіей, неожиданно пожаловали въ защитниковъ и спасителей европейской культуры, которой грозитъ смертельная опасность. Въ послѣднее время къ этому присоединилась еще легенда о проектѣ завоеванія Индо-Китая, созданномъ, будто бы, Кодамой, начальникомъ штаба японской арміи.

Этимъ дѣло еще не заканчивается: что такое походъ на Индо-Китай, когда грозитъ нашествіе всего Китая съ японцами на Европу? Словомъ, здѣсь оказывается столько ужасовъ, что, повѣривъ имъ, придется дрожать все столѣтіе! Сколько же тутъ дѣйствительно опаснаго? Начнемъ съ панмонголизма. Для здраво мыслящаго человѣка, это—величайшая нелѣпость, неосуществимая утопія. Арійскія племена и по физическимъ признакамъ, и по языку, да и по культурѣ въ большинствѣ однородны. Есть между ними союзъ, но такой, который политическаго значенія не имѣетъ и служитъ не цѣлямъ расы, а всему человѣчеству, это—общеніе научное, литературное и гуманитарное; органы его: академіи, университеты, ученыя и литературныя общества, съѣзды, почтовый союзъ, красный крестъ и т. д Въ этомъ общеніи, однако же, участники не одни арійцы, они тамъ только большинство. По принципу же, въ этихъ союзахъ нѣтъ ни эллина, ни раба, ни обрѣзанныхъ, ни необрѣзанныхъ. Насколько широко понимаетъ свою задачу часть общества, интересующаяся этими задачами, видно изъ того, что когда проектиро-

вался нынѣ осуществленный союзъ ученыхъ академій, въ заявленіи объ этомъ проектѣ упомянуто было, что отвѣты на приглашеніе къ союзу могутъ быть изложены на какомъ угодно языкѣ. Къ какой бы расѣ ни принадлежалъ ученый и талантливый человѣкъ, онъ—желанный гость. Союзы же ради политическихъ или экономическихъ цѣлей ясно указываютъ, что до взаимной солидарности самыя культурныя государства еще не доросли. Двойственные и тройственные союзы заключаются только потому, что каждое государство въ отдѣльности считаетъ себя слишкомъ слабымъ для борьбы и для защиты себя отъ другихъ. Это—союзы, вызванные къ жизни взаимной враждой между культурными народами. Въ этихъ союзахъ первый вопросъ о томъ, сколько людей каждый участвующій долженъ держать подъ ружьемъ. Въ такъ называемомъ панмонголизмѣ кровное родство между отдѣльными народами слишкомъ далекое. Нѣтъ двухъ крупныхъ племенныхъ группъ, которыя понимали бы другъ друга.—Онѣ говорятъ языками, принадлежащими къ двумъ, по крайней мѣрѣ, различнымъ семьямъ языковъ; но и внутри каждой изъ этихъ группъ языки разошлись крайне далеко. Образъ жизни, интересы такъ же различны. Культурное сходство между Японіей и Китаемъ теперь уже дѣло прошлаго; Японія по учрежденіямъ, по направленію культуры теперь ближе къ Европѣ, нежели къ Китаю. Если Китай и разстанется со своимъ Домостроемъ, то врядъ ли онъ приметъ европейскую культуру въ той формѣ, какъ Японія. На торговомъ рынкѣ между Китаемъ и Японіей скорѣе можно ждать соперничества, чѣмъ союза. У другихъ монголоидовъ еще меньше общаго, чѣмъ у первыхъ двухъ. Тибетцу столько же трудно выучиться понимать монгола, какъ русскому—араба. Кочевникъ-пастухъ монголъ и горный житель тибетецъ ведутъ совершенно различный образъ жизни. Указываютъ на общность религіи—буддизмъ, но самъ буддизмъ не вездѣ одинаковъ, и, притомъ, одна религія, да еще такая отвлеченная, какъ буддизмъ, не можетъ спаять во-едино группы людей, имѣющихъ разные интересы. Стоя на разныхъ ступеняхъ гражданственности, многіе изъ такъ называемыхъ монголоидныхъ племенъ находятся въ подчиненіи у другихъ. При первомъ прикосновеніи культуры, каждому народцу захочется свободы, захочется жить своей жизнью. Замѣтить нужно при этомъ, что примитивныхъ дикарей тамъ почти нѣтъ. У каждаго почти есть преданія, есть свое историческое прошлое. У каждаго явится мысль—прежде всего спасти себя, свое прошлое, сохранить свою индивидуальность.

Легко рисовать картину, какъ Японія обучитъ китайскія войска, и, подъ предводительствомъ японскихъ генераловъ, многомилліонныя полчища наводнятъ Европу. Особенно, если забыть при этомъ одно небольшое обстоятельство, — крайнее отвращеніе китайцевъ къ войнѣ. Китай велъ войны; но солдаты

набирались изъ отбросовъ населенія, путные люди гнушались ремесла убійцъ. Китаецъ давно уже сказалъ, что изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, а изъ хорошихъ людей—солдатъ. Отвращеніе къ войнѣ не временное, не случайное явленіе—оно проходитъ черезъ всю исторію Китая. Воюя съ кочевниками, Китай часто несъ пораженія и выигрывалъ, главнымъ образомъ, своимъ умѣньемъ натравлять однихъ кочевниковъ на другихъ и затѣмъ покорять ихъ своей культурѣ. Не говоря о завоевателяхъ древнихъ эпохъ, начиная только съ монголовъ и оканчивая манчжурами, мы видимъ, какъ эти воинственные кочевники подпадали подъ обаяніе культуры Китая, вплоть почти до забвенія своего языка. Можно, далѣе, поставить вопросъ: зачѣмъ это китайцы полѣзутъ въ Европу? Развѣ въ ней такъ много свободныхъ земель? Россія—и та, хотя, конечно, съ оговоркой, не особенно богата свободными землями. Китайцу-колонисту въ Европѣ придется измѣнить весь свой укладъ жизни, бросить свое исконное земледѣліе и передѣлать хозяйство на новый ладъ. Для отдѣльныхъ группъ еще это возможно; но для массъ—до нельзя трудно. Для этого нужно отречься отъ самихъ себя. Если европейцу трудно ужиться въ подтропическомъ климатѣ, то еще труднѣе китайцу—въ умѣренномъ, близкомъ къ холодному.

Если не нашествіе на Европу, то, можетъ быть, на европейскія колоніи?—Кстати, и проектъ Кодамы для завоеванія Индо-Китая пущенъ теперь въ оборотъ. Это уже, должно быть, настоящая опасность, грозящая Франціи, нашей союзницѣ. Мы уже высказались раньше, что для китайцевъ, при избыткѣ населенія, наиболѣе удобными мѣстами являются тропическія страны. Они и такъ облюбовали Малайскій Архипелагъ. Возможна колонизація ихъ и въ другія мѣста; но это будутъ уже частные вопросы колонизаціонной политики, тутъ могутъ быть и столкновенія, но не всей Азіи съ Европой, а между отдѣльными странами. Насчетъ Индо-Китая и проекта барона Кодамы кому угодно вѣрить—пусть вѣритъ, а намъ, русскимъ, которымъ до сихъ поръ, говоря о русской опасности, иностранцы колютъ глаза апокрифическимъ и очень плохо скомпанованнымъ за границей завѣщаніемъ Петра Великаго, надобно быть бы поосторожнѣе. Гдѣ теперь этотъ проектъ Кодамы, и кто его видѣлъ въ дѣйствительности? Всѣ росказни объ немъ скорѣе относятся съ области международнаго фольклора, чѣмъ къ исторіи нашего времени. И это уже не первая попытка сочинительства въ этомъ духѣ. Кромѣ апокрифа завѣщанія Петра Перваго, мы можемъ указать и новѣйшія росказни въ томъ же вкусѣ. Когда нѣмцы стояли подъ стѣнами Парижа и со дня на день уже ждали сдачи города, въ газетахъ пущенъ былъ слухъ, что ненасытные тевтоны не удовольствуются разгромомъ одной Франціи, что у Мольтке уже лежитъ въ портфелѣ проектъ высадки въ Англію. Легенда быстро

превратилась въ жупелъ, не смотря на все свое невѣроятіе. Англійская пресса заявила, что она не боится нѣмцевъ, указала на свой флотъ и обѣщала, что на сушѣ вся Англія отъ мала до велика встанетъ на свою защиту. Шумъ и воинственные крики въ Англіи, конечно, были совершенно излишни, такъ какъ придавать значенія этому плану Мольтке было нельзя. Нелѣпо было, конечно, не кончивъ одной тяжкой войны, думать о новой, да еще разсказывать объ этомъ и наживать новаго врага въ лицѣ Англіи. Нѣмцы, должно быть, поэтому и сочли нужнымъ дать на выдумку отвѣтъ и отвѣтъ вполнѣ серьезный. Въ главномъ штабѣ германской арміи оказалось такихъ проектовъ не мало; но это просто рѣшенія извѣстныхъ стратегическихъ задачъ, платоническихъ по существу, но имѣющихъ огромное значеніе въ дѣлѣ подготовки офицеровъ. Военные люди Германіи говорили, что въ штабѣ есть такіе же проекты походовъ въ Италію, въ Швецію и въ Россію. Сказаніе о проектѣ Кодамы, въ лучшемъ случаѣ, имѣетъ не болѣе серьезную основу.

Военные или иные крупные успѣхи какой-либо страны обыкновенно немедленно подымаютъ толки о планахъ всемірнаго господства политическаго или промышленнаго. Было вѣдь время, когда успѣхи русскаго оружія заставляли всю Европу кричать о русской опасности: вплоть до конца мексиканской экспедиціи много толковали о честолюбивыхъ замыслахъ Франціи, потомъ дошла очередь и до Германіи. Теперь начали бояться крайняго востока, хотя тамъ пока всего еще одна Японія оказалась способной защищать себя. Намъ ужъ кажется крайне опаснымъ и то, что, можетъ быть, скоро нельзя будетъ съ одной дивизіей пройти изъ конца въ конецъ старый Китай!

II.

Помимо разговоровъ объ опасности азіатскаго военнаго нашествія, — по мнѣнію крайнихъ защитниковъ арійской культуры, японецъ, какъ представитель низшей желтой расы, можетъ только понизить высокій уровень цивилизаціи, котораго достигла современная Европа. Къ услугамъ проповѣдниковъ дѣленія человѣчества по табели о рангахъ—цѣлая литература: антропометрія даетъ имъ сотни таблицъ измѣреній череповъ, частей тѣла, историки поютъ гимны благороднымъ племенамъ, создателямъ культуры: арійцы—это новый Израиль какой-то... Путешественники разсказываютъ о тупости первобытныхъ племенъ, теоретики утверждаютъ, что они (не путешественники, а примитивныя племена), по самому устройству мозга, благодаря раннему сростанію черепныхъ швовъ, не способны къ широкому умственному развитію. Обширенъ и глубокъ этотъ вопросъ для того, чтобы его

разсматривать здѣсь подробно; но и молчаніемъ обойти нельзя. Слишкомъ ужъ много разныхъ фальшивыхъ векселей, выданныхъ отъ имени науки, шатается въ публикѣ, слишкомъ беззастѣнчиво подъ флагомъ знанія пускается въ оборотъ разныхъ утвержденій, представляющихъ рядъ далеко не рѣшенныхъ вопросовъ.

Данныя антропометріи и сравнительной физіологіи представляютъ несомнѣнные факты; свидѣтельства исторіи тоже болѣе или менѣе провѣрены; сказанія же путешественниковъ, миссіонеровъ отличаются всѣ большей или меньшей дозой субъективности, и въ нихъ часто мудрено бываетъ отличить, гдѣ кончается наблюденіе и гдѣ начинается фантазія автора. Данныя, выраженныя въ цифрахъ и осязательныхъ фактахъ, напр., измѣренія, взвѣшиванія и анатомическіе препараты можно признать достовѣрными, но выводы, дѣлаемые изъ нихъ, толкованія ихъ могутъ стоять въ самомъ грубомъ противорѣчіи съ другими несомнѣнными фактами.

Прежде всего, арійское происхожденіе нашей культуры слѣдуетъ считать не только не доказаннымъ, но и прямо-таки вопіющей нелѣпостью. Культуру нашу надобно считать съ того періода, когда изъ примата выдѣлился человѣкъ. Этотъ нашъ дальній предокъ бродилъ еще въ доледниковую эпоху по лѣсамъ и лугамъ Европы и оставилъ слѣды своего существованія въ видѣ кое-какъ обитыхъ голышей. Въ шалонскую эпоху онъ уже умѣлъ обдѣлывать камень въ клинъ, въ эпоху Соэнтрэ онъ сдѣлался великимъ мастеромъ по обдѣлкѣ каменныхъ орудій. Каковъ же былъ человѣкъ этой и послѣдующей мадленской эпохи? Сохранившіеся черепа изъ Неандерталь, Спа и найденные въ Богеміи указываютъ на форму черепа, по обычнымъ понятіямъ менѣе совершенную, нежели у какой бы то ни было самой дикой, самой примитивной изъ живущихъ расъ. Давно уже живетъ человѣкъ на свѣтѣ. Онъ старше мамонта: при немъ народился мамонтъ, на его глазахъ и вымеръ. Современникъ мамонта и сѣвернаго оленя въ Европѣ былъ уже художникомъ, отличнымъ рѣзчикомъ, онъ жилъ уже цѣлыми компаніями, общинами. Наше самомнѣніе, „зазнайство“ со снисходительнымъ признаніемъ своего превосходства относится къ нашимъ предшественникамъ; но не такъ смотрѣли на это болѣе насъ чуткіе и благодарные народы классической древности. Безсмертное сказаніе о Прометеѣ вдохновляло и древнихъ, и новыхъ поэтовъ. Онъ сталъ символомъ борца за свѣтъ и счастье людей, котораго слуги Зевса — грубая сила и насиліе, Бія и Кратосъ—заковали въ вѣковѣчныя цѣпи, приставивъ коршуна клевать печень титана. Откуда же выросло это сказаніе, откуда взялся этотъ величавый образъ?—Изъ миѳа, изъ тайныхъ преданій объ изобрѣтеніи способа добыванія огня!

Въ глазахъ благороднаго и благодарнаго эллина такое открытіе могло быть только дѣломъ титана, соперника Зевса, отъ мано-

венія бровей котораго содрогался Олимпъ. Зевсъ заковалъ Прометея, но не побѣдилъ. Въ рукахъ титана была и осталась великая тайна, грозившая гибелью Зевсу. Слуга Зевса, коршунъ, ежедневно клевалъ печень Прометея и убѣждалъ чистосердечнымъ признаніемъ облегчить свою участь; но упорствующій титанъ не пошелъ на сдѣлки. Такъ древній грекъ понималъ благо, добытое изобрѣтеніемъ огня.

Кромѣ огня, человѣкъ каменнаго вѣка далъ намъ въ наслѣдство орудія и оружіе, которыми мы до сихъ поръ пользуемся. Кромѣ копья онъ далъ намъ лукъ и стрѣлы, коловоротъ, рѣшилъ задачу о переводѣ прямолинейнаго періодическаго движенія въ круговое, выработалъ членораздѣльную рѣчь и, несомнѣнно, многія общественныя учрежденія.

Приписывать всѣ эти культурные успѣхи какой-нибудь одной привилегированной расѣ врядъ ли кто рѣшится. Факты учатъ насъ, что орудія древнѣйшихъ типовъ имѣютъ очень широкое распространеніе, и потому заимствованіе ихъ изъ одного какого-либо центра, при малочисленности людей и недостаткахъ путей сообщенія, является недопустимымъ. Вѣрнѣе думать, что всѣ эти блага были добыты первобытными людьми во многихъ пунктахъ и совершенно независимо.

Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ мыслителей прошлаго вѣка, современникъ и товарищъ по мысли покойнаго Дарвина, Альфредъ Россель Уоллесъ высказался лѣтъ сорокъ тому назадъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ имѣетъ особое происхожденіе, отличное отъ другихъ животныхъ, и развился особымъ путемъ, еще не выясненнымъ для насъ. Къ этой мысли привели его наблюденія надъ дикарями. Жизнь ихъ, казалось ему, настолько проста, бѣдна, такъ мало требуетъ работы мысли, что громадный, по сравненію съ запросами жизни, органъ мысли первобытнаго человѣка ему не нуженъ. Онъ переразвитъ и можетъ понадобиться ему только въ будущемъ для высшихъ цѣлей. Это мнѣніе глубокаго знатока жизни дикарей и несравненнаго наблюдателя хорошо бы сопоставить съ толками о неспособности низшихъ расъ къ высшему умственному развитію; но на это нѣтъ у насъ ни мѣста, ни времени. Мы сослались на свидѣтельство Уоллеса совсѣмъ съ другой цѣлью. Принимая его, какъ результатъ наблюденій, мы дѣлаемъ изъ него другой выводъ. Какъ ни проста жизнь дикаря, очевидно, что для устройства ея потребовалась громадная умственная работа, отразившаяся на развитіи самого органа мысли. И здѣсь, въ архипелагахъ южнаго моря, были и свои Прометеи, и своя Церера, и свой Гайавата. Когда-то, особенно въ популярныхъ книжкахъ, любили разсказывать о томъ, какъ случайно дѣлались открытія: Ньютонъ и падающее яблоко; лягушка и пинцетъ въ открытіи Гальвани, и т. д. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ такихъ импровизованныхъ открытій по вдохновенію не бывало никогда.

Всякій новый шагъ въ наукѣ или ея приложеніяхъ стоилъ непрерывныхъ тяжелыхъ трудовъ. Надъ ними работали выдающіеся умы нѣсколькихъ поколѣній. Мы знаемъ теперь, что не яблоко, а открытіе законовъ Кеплера дало возможность Ньютону открыть законъ, управляющій движеніями небесныхъ тѣлъ. Мы знаемъ, что, не смотря на дрыганье ножекъ у мертвой лягушки, самъ Гальвани не сумѣлъ понять значеніе своего открытія: оно выяснилось только въ трудахъ Александра Вольты, съ которымъ велъ долгую борьбу Гальвани, искавшій въ явленіяхъ гальванизма жизненной силы. Точно также не съ неба свалились и открытія примитивныхъ народовъ. Жизнь ихъ проста; но мы и у себя видимъ, что пользованіе готовыми открытіями большого ума не требуетъ. Вести переговоры по телефону можетъ и безграмотный. Самый заурядный инженеръ составитъ вамъ проектъ постройки паровой машины. Кстати, паръ — хорошій примѣръ того, какъ мало зависятъ открытія отъ случая: съ каменнаго вѣка люди знали, что если на огонь поставить прикрытый горшокъ съ водой, то, когда вода закипитъ, паръ будетъ приподымать крышку. Десятки, если не сотни тысячъ лѣтъ, люди ежедневно видѣли это явленіе и, только послѣ того, какъ обратили вниманіе на изученіе давленія газовъ, когда существовала уже атмосферная машина Ньюкомена, возникла первая паровая машина.

Наши дальніе предки оставили намъ настолько богатое наслѣдство, что, вѣроятно, мы никогда не узнаемъ именъ великихъ творцовъ главнѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества, потому что между нами и ими лежатъ неисчислимые ряды вѣковъ и мощныя напластованія, отложившіяся съ тѣхъ поръ; ликъ земли, вѣковѣчныя горы и моря уже не тѣ теперь, какія были при нашихъ дальнихъ родичахъ.

Если эти люди, съ типомъ самымъ несовершеннымъ по нашимъ понятіямъ, самостоятельно дошли до великихъ открытій, какое же мы имѣемъ право отрицать творческія способности у живущихъ расъ? Вѣдь доисторическими людьми были сдѣланы первые, т. е. самые трудные шаги на пути цивилизаціи.

Принявъ во вниманіе, что доисторическій человѣкъ передалъ своимъ потомкамъ такую массу открытій и унаслѣдованныхъ способностей, можно, пожалуй, удивляться тому, что со временъ открытія металловъ прогрессъ шелъ такъ медленно.

Обращаясь къ ближайшему прошлому, мы тоже не имѣемъ права называть арійскія племена творцами современной культуры: сумеро-аккадійцы, семиты, древніе египтяне успѣли уже далеко подвинуть ее въ ту пору, когда греки находились еще въ полуварварскомъ состояніи.

Несомнѣнно, какъ между индивидуумами, такъ и между націями существуютъ различія въ способностяхъ, наклонностяхъ, вкусахъ, какъ и въ физическихъ признакахъ; но основные при-

знаки, отличающіе человѣка отъ приматовъ, рѣзко выражены у всѣхъ. Если поставить вопросъ: какое же главное психическое отличіе человѣка отъ животныхъ?—Несомнѣнный и единодушный отвѣтъ будетъ: способность къ непрерывному развитію. Толкуя о неспособности разныхъ расъ къ тому или другому виду психической дѣятельности, мы близки къ отрицанію въ нихъ образа человѣческаго. Приходится, кромѣ того, признаться, что нашъ матеріалъ по сравнительной физіологіи различныхъ племенъ до нельзя скуденъ; не лучше обстоитъ дѣло и съ изученіемъ психическихъ отправленій, такъ что постановка на научную почву вопроса о сравнительной психической характеристикѣ расъ—дѣло будущаго.

Можетъ быть, въ общемъ счетѣ способностей между различными племенами окажется болѣе или менѣе крупная разница; но теперь для такой классификаціи нѣтъ достаточныхъ данныхъ, а между тѣмъ, въ своемъ расположеніи народовъ по ступенямъ лѣстницы гг. приверженцы привилегированныхъ расъ, господскихъ расъ, заходятъ уже слишкомъ далеко. Восхваляя арійскую расу при случаѣ, лица, считающія себя стоящими во главѣ націи, руководящей человѣчествомъ, не даютъ спуска и арійцамъ. Вѣдь и насъ, русскихъ, еще недавно считали, да и теперь не перестали считать полуварварами. Съ какимъ благосклоннымъ изумленіемъ встрѣчаетъ иностранецъ образованнаго русскаго, имѣющаго понятіе о европейской наукѣ, искусствѣ и общественныхъ вопросахъ. Мы не будемъ разсуждать о томъ, насколько Европа имѣетъ право относиться къ намъ такимъ образомъ. Мы, дѣйствительно, въ сравненіи съ Западомъ, народъ отсталый, строй нашей жизни, наши порядки неизбѣжно должны казаться ей чѣмъ-то архаическимъ; но вѣдь такой же періодъ развитія переживала и Европа. Если бъ наши сосѣди дали себѣ трудъ разобраться въ томъ, почему мы отстали отъ нихъ, насколько въ этомъ виноватъ самъ народъ, насколько внѣ лежащія условія!

Нашу отсталость, наши бѣдствія и страданія культутрегерская пресса объясняетъ просто тѣмъ, что мы не обладаемъ тѣми великими способностями, какія имѣетъ, напримѣръ, германская раса. Всякому, встрѣчавшемуся съ заграничной интеллигенціей, не разъ приходилось выслушивать комплименты, что и мы похожи на культурныхъ людей.

Насколько важны соціальныя условія для успѣховъ культуры, помимо природныхъ способностей расы и природныхъ условій ея страны, показываютъ цѣлые ряды историческихъ примѣровъ, изъ которыхъ наиболѣе поразительнымъ является арійская Индія. Въ древнія времена народъ этотъ достигъ высокой культуры: въ своей изящной литературѣ онъ далъ образцы высокаго совершенства; въ области отвлеченнаго мышленія, въ философіи и метафизикѣ въ древнемъ мірѣ они уступали только грекамъ; въ ма-

тематикѣ явились изслѣдователями въ той области, которая очень мало была затронута греками, въ области такъ называемаго неопредѣленнаго анализа. Здѣсь же родилась и окрѣпла одна изъ величайшихъ религіозно-философскихъ концепцій — буддизмъ; но, благодаря отдаленности этой страны отъ культурныхъ народовъ, съ одной стороны, индійское мышленіе оставалось совершенно неизвѣстнымъ Западу, съ другой — сама Индія, за исключеніемъ недолговременнаго знакомства съ греками македонскаго періода, оставалась внѣ культурнаго общенія. Вообще, эта страна видѣла иноземца только въ видѣ завоевателя и поработителя. Иго соціальныхъ условій и внѣшнихъ поработителей остановило культурное развитіе даже этого, несомнѣнно, высоко одареннаго народа.

Ни на одной странѣ вліяніе изолированности не сказалось такъ рѣзко, какъ на Китаѣ. Уже въ эпоху Рождества Христова онъ былъ высоко культурной страной, но ближайшими сосѣдями его были степные кочевники. Если на русскихъ подѣйствовало удручающимъ образомъ двухсотлѣтнее монгольское иго, то какъ же должна была вліять на Китай почти безпрерывная борьба сначала съ усеунями и хунну, затѣмъ съ другими народностями, изъ которыхъ въ IV в. образовались три иноземныхъ династіи Бэй-Вэй, державшіяся до половины VII в. Проходитъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ — въ сѣверномъ Китаѣ снова водворяются, послѣдовательно, двѣ новыхъ инородческихъ династіи, а потомъ наступаетъ эпоха монгольскихъ войнъ — и опять степная династія владѣетъ страной. Нынѣшняя династія тоже водворилась въ Китаѣ путемъ завоеванія. Двоякое значеніе имѣли эти событія и положеніе страны на Дальнемъ Востокѣ, внѣ культурнаго общенія съ другими странами. Окруженный варварскими народами, Китай долженъ былъ черпать культурныя силы только изъ себя. Сношенія съ ближайшими, но всетаки крайне далекими сосѣдями — Ираномъ и Индіей — были крайне рѣдки, а потомъ и совсѣмъ прекратились. Культурныхъ соперниковъ, сотрудниковъ Китай не имѣлъ около себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что на кочевниковъ-завоевателей, основателей новыхъ династій, его культура производитъ громадное впечатлѣніе. Во второмъ и третьемъ поколѣніи бывшіе номады воспринимали китайскую культуру, окитаивались, становились учениками побѣжденнаго народа. Такія отношенія невольно давали Китаю поводъ думать, что онъ — средина цивилизованнаго міра, государство, у котораго должны учиться уму-разуму всѣ другіе. При первыхъ сношеніяхъ съ европейцами, которыхъ раньше и не видывали въ срединномъ царствѣ, пекинскій дворъ наивно считалъ своихъ новыхъ знакомыхъ своими вассалами. Подарки, которые присылались въ старину хотя бы нашими русскими посольствами, тамъ называли данью, а обратные подарки — жалованьемъ за службу. Насколько

укоренились эти претензіи въ умахъ китайцевъ, доказывается тѣмъ, что уже послѣ перваго англійскаго погрома, доказавшаго все слабосиліе Китая, богдыханъ всетаки принималъ европейскихъ пословъ, вплоть до окончанія китайско-японской войны, въ залѣ вассаловъ, и учрежденіе, завѣдывавшее сношеніями съ иностранцами, называлось не палатой, а „приказомъ“. Передовые люди въ Китаѣ, конечно, сознаютъ теперь свое печальное положеніе. Примѣръ Японіи у нихъ на глазахъ: они видятъ, что было бы чистымъ самообольщеніемъ пробовать бороться со своей одинокой культурой противъ культуры всемірной; но до сихъ поръ эти мнѣнія считаются опасными и незрѣлыми, даже измѣнническими. Противъ нихъ вся масса истинно-китайскихъ людей, требующихъ не прогресса, а возвращенія къ истинно-китайскимъ началамъ, тѣмъ самымъ началамъ, которыя сдѣлали страну безпомощной, а императора—игралищемъ европейско-американскихъ политиковъ, довольствующимся только призрачнымъ показнымъ величіемъ. Китайскій народъ многовѣковой своей исторіей доказалъ свои культурныя способности, но недостатокъ самокритики, невозможность повѣрять себя примѣромъ другихъ, отсутствіе общенія съ культурнымъ міромъ, полнѣйшая изолированность отъ народа правящихъ сферъ, живущихъ въ чисто искусственной атмосферѣ, — вотъ причины нынѣшняго плачевнаго положенія Китая, а не какія-то расовые недостатки.

Говоря о Японіи, намъ пришлось бы повторить многое изъ того, что сказано о Китаѣ. Причины застоя были и тамъ тѣ же. Что же касается обвиненія японцевъ въ недостаткѣ оригинальности, съ исключительной способностью къ переимчивости, то пусть объ этомъ толкуетъ какой-нибудь тупой компиляторъ, въ родѣ Деппинга, не ознакомившійся, какъ слѣдуетъ, даже и съ литературой о странѣ. Переимчивость! Но вѣдь и учителя Лейбница видѣли въ немъ только одну переимчивость. Всякій, кто работалъ надъ собой, провѣрялъ свои взгляды, переходилъ отъ одного міросозерцанія къ другому, хотя и не имъ выработанному, знаетъ, что здѣсь переимчивости и понятливости одной мало; тѣ субъекты, которые удовлетворяются одной переимчивостью, обыкновенно и мотаются всю жизнь между вновь понятымъ и издавна унаслѣдованнымъ. Для переработки своего отношенія къ дѣйствительности нужно въ самомъ себѣ создать новую почву, для закрѣпленія въ ней новыхъ понятій. Это—ужъ не одна переимчивость, а переходъ изъ одной вѣры въ другую по убѣжденію. Послѣдовательность японцевъ на новомъ пути, отсутствіе колебаній и возвратовъ вспять—исключаютъ всякую мысль о погонѣ за новизной и модой.

Во всякомъ случаѣ, судить о томъ, что можетъ и чего не сможетъ сдѣлать Японія, еще слишкомъ рано. Она показала свои способности пока, главнымъ образомъ, въ военномъ дѣлѣ, но эти

успѣхи, съ точки зрѣнія культурнаго преуспѣянія, имѣютъ чисто отрицательное значеніе. Быстрые успѣхи на этомъ поприщѣ указываютъ на неспокойное состояніе народовъ, отвлеченіе силъ отъ мирной работы. Современный ростъ численности армій недвусмысленно указываетъ на грозящія опасности для мира. Въ остальныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, въ области науки, техники и искусства мы должны признать только одно: что Японія работаетъ и можетъ работать на этихъ поприщахъ, — на поприщѣ искусства, впрочемъ, менѣе, чѣмъ на другихъ; но этотъ родъ дѣятельности, болѣе чѣмъ какой-либо другой, требуетъ преданій, требуетъ школы, а чтобы пойти впередъ, японцамъ необходимо освободиться отъ гнетущихъ ихъ преданій и условностей, выступить на широкій путь свободнаго европейскаго искусства и, освоившись съ нимъ, опредѣлить свои отношенія къ прошлому. Для этого нужна работа нѣсколькихъ поколѣній. Америка въ этомъ отношеніи хорошій образчикъ для сравненія. Не имѣя первоклассныхъ величинъ въ области науки и литературы, американцы всетаки могутъ выдвинуть десятки именъ, пользующихся общею извѣстностью. А что сдѣлали они въ области пластики и живописи? За громадныя деньги скупаютъ картины и статуи европейскихъ мастеровъ. Американскіе художники усердно работаютъ въ Парижѣ, Мюнхенѣ и въ Римѣ; но пока еще нѣтъ ни американской школы, ни выдающихся художниковъ среди нихъ.

III.

Кромѣ опасеній нашествія на Европу и будущей гегемоніи „низшихъ племенъ", насъ пугаютъ японской промышленной конкурренціей, потерей рынковъ для Европы на Востокѣ и занятіемъ европейскихъ колоній въ восточныхъ моряхъ. Здѣсь, если угодно, нѣкоторыя опасенія имѣютъ дѣйствительную почву; но они сильно преувеличены. Конечно, Японія, какъ густо населенная страна, будетъ изъ года въ годъ развивать свою обработывающую промышленность, и она растетъ чрезвычайно быстро. Напримѣръ, въ прядильной промышленности за 12 лѣтъ, съ 1887 г. по 1899 г., число веретенъ съ 70,000 возрасло до 2.070,000. Вывозъ изъ страны, съ 1868 г. по 1901 г., возросъ съ 15.000,000 до 252.000,000. Характерны также измѣненія и въ статьяхъ вывоза: въ началѣ вывозилось сырье и ввозились фабрикаты; но постепенно виденъ переходъ въ обратную сторону. Но если эти успѣхи могутъ увлекать самихъ японцевъ, подавать имъ поводы къ честолюбивымъ мечтамъ и, съ другой стороны, возбуждать сангвиническія опасенія въ слишкомъ нервныхъ европейскихъ импортерахъ, то трезвый наблюдатель долженъ отнестись къ этимъ цифрамъ, надеждамъ

и опасеніямъ съ большой осторожностью. Ростъ ребенка идетъ очень быстро, но онъ замедляется при приближеніи къ зрѣлому возрасту. Разумѣется, когда въ густо населенной странѣ открылись новые заработки и новые рынки для сбыта, масса народа должна была накинуться на новый заработокъ; выгодность новыхъ заработковъ должна была отразиться быстрымъ ростомъ производства. Оно попридерживалось въ началѣ необходимостью для новой промышленности ознакомить съ собой рынокъ, найти своего потребителя. Достигнувъ этого, ростъ пошелъ временно еще быстрѣе, и онъ будетъ расти, но уже не такъ быстро, такъ какъ фондъ рабочихъ рукъ не безграниченъ, не безграничны такъ же и рессурсы Японіи. Странно было бы думать, что Японія можетъ сдѣлаться опасной конкурренткой по всѣмъ крупнымъ статьямъ спроса на Востокѣ. Конкурренція можетъ быть только между нѣкоторыми статьями производства. Что же касается до замѣны вывоза сырыхъ продуктовъ фабрикатами, то, если бы это явленіе было исключительной особенностью Японіи, оно было бы очень знаменательно; но это общее явленіе во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Передъ нами здѣсь только частица всемірнаго процесса, и ростъ промышленности въ Японіи не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ. Промышленность растетъ и должна расти. Если мы сравнимъ, за пятидесятилѣтній періодъ, развитіе промышленности, положимъ, хоть въ Германіи, мы увидимъ, что и тамъ дѣло двигалось и росло почти непрерывно. Кромѣ Японіи, многія другія страны выступили на поприщѣ мірового обмѣна. Въ Италіи развилось судостроеніе, въ Швейцаріи—машиностроительное дѣло.

При вступленіи на тотъ же путь Китая, конечно, въ нѣкоторыхъ производствахъ, которыя привьются и упрочатся на Дальнемъ Востокѣ, произойдетъ борьба за рынки между старыми и новыми странами; но отъ этого далеко еще до гибели европейской промышленности. Можетъ произойти только промышленный кризисъ, болѣе или менѣе обширный; но при современномъ промышленномъ строѣ это явленіе неизбѣжно. Подобныхъ столкновеній, даже промышленныхъ катастрофъ не мало можно ждать въ будущемъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, что если бы мы сумѣли задержать развитіе Китая, Японіи и Индіи, насталъ бы золотой вѣкъ для крупной промышленности. Никакими задержками въ развитіи какой-либо страны, будь то Китай, Персія или Аргентина, нельзя устранить торговыхъ кризисовъ. Здѣсь можетъ помочь только правильная организація всемірнаго производства, регулированіе его сообразно наличнымъ потребностямъ, задержка же развитія промышленности только запутаетъ рѣшеніе этого вопроса.

Толкуютъ также, что Японія можетъ потѣснить европейцевъ въ ихъ колоніяхъ. Но о какихъ колоніяхъ идетъ рѣчь?

Если объ освобожденіи густо населенныхъ странъ отъ избытка населенія, то подъ тропиками найдется не много мѣстъ, гдѣ европеецъ можетъ акклиматизироваться; если же это будетъ захватъ съ цѣлью эксплуатаціи и порабощенія туземцевъ или основанія каторжныхъ поселеній,—то, право, нечего и жалѣть о томъ, если подобныя авантюры совершенно прекратятся. Въ экзотическихъ колоніяхъ эти европейцы, христіане, ведутъ себя положительно хуже людоѣдовъ. Людоѣды поѣдаютъ трупъ убитаго врага или принесенную ими богу человѣческую жертву. Какъ ни дико, какъ ни отвратительно, но всетаки здѣсь человѣкъ убивается ради цѣлей, почитаемыхъ серьезными и важными. Мы вѣдь тоже, хотя людей и не ѣдимъ, не стѣсняемся жертвовать человѣческими жизнями во имя разныхъ, якобы высокихъ, цѣлей; но какъ объяснить себѣ мученія людей для забавы? Тиранить ихъ пытками, устраивать антропофагическіе гераз для забавы и потомъ расписывать всѣ эти подвиги въ юмористическомъ стилѣ своимъ пріятелямъ? Самая возможность писать такія письма доказываетъ уже, что найдутся и на родинѣ люди, которые охотно прочтутъ и посмѣются надъ такими милыми шутками. Если пишутъ о такихъ вещахъ, то можно себѣ представить, сколько другихъ мерзостей дѣлается, о которыхъ ничего не сообщаютъ потому только, что онѣ стали совершенно заурядными явленіями, обыденными, неинтересными! И все это продѣлываетъ цвѣтъ человѣчества, соотечественники Руссо, Виктора Гюго, Канта и Гельмгольца. Если цивилизованнымъ націямъ нужны подобные выродки, то, во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы они держали ихъ у себя дома и наслаждались ихъ обществомъ, а не высылали ихъ подъ тропики, избавили бы цвѣтныхъ людей отъ своего просвѣтительно-гуманитарнаго вліянія. Большіе успѣхи, однако же, сдѣлалъ XX-й вѣкъ по сравненію съ XIX-мъ.

Въ прошломъ столѣтіи добивались и добились освобожденія негровъ отъ рабства въ европейскихъ колоніяхъ: ради этого гибли люди на висѣлицахъ, поэты писали кровью своего сердца безсмертныя филиппики противъ рабства, выдержали страшную междоусобную войну, а теперь, чтобы не заниматься пустяками и рѣшить по новому вопросы въ корнѣ, перенесли рабство изъ европейскихъ колоній на самую родину чернаго племени, и эту благородную задачу взяли на себя государства культурныхъ странъ. Мы хотѣли закончить этимъ нашъ отвѣтъ на жалобы любителей колоніальной политики и связанныхъ съ ней выгодъ и развлеченій; но вновь появившіеся возгласы за границей о томъ, что Россія борется за всю Европу, что когда-то въ Индо-Китаѣ достаточно было двухъ баталіоновъ для „сдерживанія“ туземцевъ, а съ тѣхъ поръ, какъ туземцы познакомились съ японцами — этого становится недостаточно. Что же,

вѣроятно, японцы послали туда четыре баталіона, и это дало имъ преимущество?

Извѣстно, однако же, изъ тѣхъ же газетъ, что японцы не посылали войскъ въ Индо-Китай, а принимали къ себѣ туземцевъ для обученія въ школахъ, совѣтовали имъ изучать нѣмецкій языкъ, чтобы по богатой оригинальной и переводной литературѣ этого народа ознакомиться съ европейской культурой и наукой и стать потомъ свободными людьми: такое именно отношеніе и вызвало симпатіи индо-китайскаго населенія. Если европейцы желаютъ имѣть свои колоніи въ экзотическихъ странахъ, то самый вѣрный путь къ этому будетъ заключаться въ слѣдующемъ: надобно добиться такого положенія, при которомъ нужно было бы и послѣдніе два баталіона солдатъ вывести изъ страны, а вмѣсто нихъ послать четыре баталіона учителей, техниковъ и агрономовъ. Тогда ни Японія, ни Китай не будутъ страшны представителямъ бѣлой расы.

IV.

Считая толки о нашествіи монгольскихъ племенъ на Западѣ плодомъ испуганной фантазіи, а распространеніе культуры на восточныя племена—громаднымъ успѣхомъ для всего человѣчества, мы, тѣмъ не менѣе, должны особо разсмотрѣть вопросъ о положеніи Россіи, въ виду ея близости къ просыпающейся Азіи. Если воинственное нашествіе сино-японцевъ на Западную Европу является дѣломъ крайне невѣроятнымъ, то для Россіи вопросъ, повидимому, ставится нѣсколько иначе. Японія объявила намъ войну, и вотъ уже второй годъ сотни тысячъ людей отрываются отъ семей и отъ мирнаго труда, десятки тысячъ народа гибнутъ и калѣчатся, сотни милліоновъ рублей тратятся. Чѣмъ же вызвана эта война? Развѣ враждой къ желтой расѣ и страхомъ передъ желтой напастью?.. Мы слишкомъ долго жили рядомъ съ Китаемъ и Японіей въ мирныхъ отношеніяхъ, мы въ составѣ россійскаго населенія имѣемъ столько разнородныхъ племенъ и такъ привыкли къ нимъ. Съ какой стати намъ вдругъ воспылать къ азіатамъ расовой ненавистью? Проще и естественнѣе объясняется дѣло тѣмъ, что границы двухъ государствъ тѣсно сблизились, явились столкновенія интересовъ, которыя не удалось миролюбиво покончить, какъ нерѣдко кончались недоразумѣнія съ западными сосѣдями, да и съ ними—не всегда.

Если опасности и трудности войны съ Японіей оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ думали многіе, то столкновеніе съ Германіей,—а оно вѣдь возможно,—во всѣхъ отношеніяхъ въ десятки разъ страшнѣе. Такъ или иначе, тою или другой цѣной,

мы всетаки не ссоримся съ Германіей. Мы не воевали съ Пруссіей послѣ семилѣтней войны; точно также весьма возможно, что и съ Японіей мы ведемъ первую и послѣднюю войну. Надежду на это даютъ намъ, кромѣ сознанія трудности войны для обоихъ противниковъ, еще и реальные взаимные интересы обѣихъ странъ. Японія, несомнѣнно, нуждается въ сѣверныхъ рыбныхъ ловляхъ такъ же, какъ Германія въ нашемъ хлѣбѣ.

Въ нашихъ областяхъ Амурской и Приморской сотни, тысячи японцевъ находили постоянный заработокъ.

Для насъ Японія, въ интересахъ колонизаціи мало населеннаго края, представляетъ тоже немалый интересъ. Всего, нужнаго для обзаведенія на новомъ мѣстѣ, колонистъ вывезти съ собой не можетъ, а если и вывезетъ, то инструментъ и утварь требуютъ починки, ремонта. Ремесленниковъ русскихъ на Дальнемъ Востокѣ взять негдѣ: ихъ и въ русскихъ деревняхъ мало. При этихъ условіяхъ сосѣдство страны, кишащей ремесленниками, является настоящимъ даромъ боговъ. Что былъ бы Петербургъ 70 лѣтъ тому назадъ безъ ремесленниковъ-нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ?

Наша мелкая промышленность была поставлена такъ плохо, что одна уже иностранная фамилія мастера служила рекомендаціей. Не только издѣлія, служащія для комфорта, даже грубые золотопромышленные инструменты: ломы, кайлы, лопаты, топоры, молоты на пріискахъ получались въ Амурскомъ краѣ изъ Америки. Возможность имѣть по сосѣдству ремесленника, рынокъ, центръ производства значительно облегчала бы трудную работу колонизатора. Если Японія мѣшала и мѣшаетъ намъ теперь въ нашихъ планахъ, то представимъ себѣ на минуту, что весь японскій архипелагъ населенъ сотнями тремя тысячъ какихъ-нибудь аиновъ или игорротовъ. Допустимъ еще (тоже невѣроятную вещь), что вплоть до договора, отдавшаго въ наше владѣніе уголокъ отъ устья Уссури до моря, ни одна изъ морскихъ державъ не позаботилась захватить эти заманчивые острова. Лучше ли было намъ, если бы передъ нами стояла не культурная Японія, а пустырь? Неужели къ заботамъ и непосильному труду колонизаціи сибирскихъ дебрей полезно было бы прибавить еще новую задачу, колонизацію цѣлаго архипелага. Есть предѣлы экстенсивнаго развитія государства, которые нельзя нарушать безнаказанно. Если сама Японія развила культуру на островахъ восточнаго океана, такъ вѣдь это стоило ей тысячелѣтняго труда. Мы же, при нашихъ громадныхъ пространствахъ, могли бы заселить кое-какъ эту территорію только на счетъ ослабленія плотности центра и при громадныхъ затратахъ изъ государственнаго бюджета на счетъ настоятельнѣйшихъ нуждъ центра. Японія существуетъ, благодаря мелкой интенсивной культурѣ, равной которой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Какъ бы справились съ этой

задачей мы и во сколько вѣковъ? Многое указываетъ, что колонизаціонная сила русской національности близка къ предѣлу. Какъ объяснить, напримѣръ, уступку нашихъ американскихъ владѣній? Не нужда же въ той скромной суммѣ денегъ, которая за нее заплачена, вызвала эту уступку. Просто у насъ не хватило силъ не только утилизировать, но и развѣдать эту страну, а защитить ее мы и теперь бы не могли: давно бы ужъ цѣлые десятки милліардовъ достали японцы подъ Клондайкомъ. Затѣмъ мы обмѣняли на южный Сахалинъ Курильскіе острова; но и Сахалинъ у насъ тоже остается не использованнымъ, какъ и бывшая у насъ островная гряда. Пользуются югомъ Сахалина, главнымъ образомъ, тѣ же японцы. Сахалинъ для насъ до сихъ поръ только каторжная колонія, которая сама себя прокормить не можетъ. Послѣ освобожденія отъ монголовъ вся сила и предпріимчивость русскаго народа ушла въ колонизаціонную работу, и эта интенсивная работа задержала работу внутреннюю, работу надъ своей жизнью, надъ своими учрежденіями. Завоеваніе Сибири, колонизація на Востокѣ сыграли не малую роль въ развитіи крѣпостного права, какъ это подмѣтилъ одинъ изъ нашихъ историковъ, Фирсовъ. Открылись новыя земли, и работникъ, вмѣсто того, чтобы оставаться на землѣ помѣщика подъ условіемъ обязательнаго труда, толпами шелъ въ Сибирь. Тамъ его ждали незанятыя земли, кроткіе, запуганные инородцы, надъ которыми онъ самъ могъ сдѣлаться помѣщикомъ. Народъ отъ этого Drang nach Osten удерживали принудительными мѣрами. И теперь, въ недавнее время, при началѣ переселенческаго движенія, поднимали вопль помѣщики, боясь остаться безъ дешевыхъ работниковъ. Чисто мирная, культурная работа, которая идетъ у насъ такъ медленно, дѣлаетъ для насъ самыя заманчивыя новыя пріобрѣтенія подарками данайцевъ, особенно когда въ результатѣ являются бѣдствія войны, какъ въ настоящее время. Расположенные въ срединѣ стараго континента, мы не пользуемся выгодами своего центральнаго положенія, какъ, напримѣръ, Германія. Роль послѣдней можетъ перейти постепенно къ намъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ нашихъ успѣховъ на пути просвѣщенія и культуры.

Мы должны, во что бы то ни стало, стать въ ровень съ культурой европейской, не щадя ни силъ, ни издержекъ, оставляя въ сторонѣ всякія иныя соображенія честолюбія и жажды славы. Роль наша въ центрѣ континента становится особенно серьезной и важной въ виду культурнаго воскресенія Востока. Не сегодня, такъ завтра намъ необходимо будетъ подготовиться къ этой роли.

Д. Клеменцъ.

Новыя книги.

И. Ѳ. Генигинъ. Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія. Рига. 1905.

Робкіе звуки. Стихотворенія **Ольги Лье.** Спб. 1904 г.

Что интересуетъ и волнуетъ современныхъ стихотворцевъ? Передъ нами двѣ книги, принадлежащія, очевидно, начинающимъ.

Не смотря на небольшіе размѣры книжки г. Генигина, надо употребить нѣкоторое усиліе воли, чтобы дочитать ее до конца. Раздѣлена она на четыре части, соотвѣтственно темамъ, занимающимъ поэта. Первая запечатлѣна самымъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Г. Генигинъ призываетъ Русь „встрепенуться для дѣлъ великихъ", угрожая (довольно, впрочемъ, безобидно) злому недругу:

Русь сильна молитвой,
Не сразима битвой.
　　Не тебѣ тягаться,
　　Силою мѣряться
　　Съ Русью въ полѣ бранномъ,
　　Кровью окропленномъ.

И такъ далѣе... Вторая и третья части переполнены жалобами на тоску, снѣдающую автора. Читаешь его „Неву", „Утесъ", „Ручей", „Двину" и проч., и проч., и проч.—и безнадежную тоску навѣваетъ этотъ потокъ блѣдныхъ словъ, блѣдныхъ фразъ, блѣдныхъ выраженій, льющихся безъ конца. Даже нелѣпыя риѳмы и „поэтическія" вольности не въ силахъ разбудить читателя отъ овладѣвающей дремы...

Утро жизни свѣтло разгоралося,
Но о полдень гроза разыгралася;
Что въ мечтахъ цвѣло и думалось,
Жизни истина надъ всѣмъ *понадглумилась.*

За то четвертая часть „напѣвовъ" посвящена почти цѣликомъ пѣснямъ любви, проникнутымъ своеобразной жизнерадостностью:

За днями потерь и сердечныхъ обидъ
Явился день яркій—онъ счастьемъ облитъ,
Онъ свѣтитъ и манитъ *на* синюю даль,
И въ немъ я кружуся (?)—*мнѣ нечего жаль!..*

Или:

О, чудный даръ, языкъ очей!
Не надо намъ иныхъ рѣчей,
Глаза горятъ и говорятъ,
Два сердца *милыми творятъ...*

Все это прекрасно, но... но при чемъ тутъ *„Прибалтійскіе* напѣвы?“ Не потому же вся книга стиховъ такъ называется, что въ самомъ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ уговариваетъ свою знакомую N. N. оставить

Балтовъ край злосчастный
Его судьбѣ — его сынамъ,

или что два—три стихотворенія посвящены Невѣ и Двинѣ?.. Не только въ Ригѣ, но и во всякомъ россійскомъ городѣ можно встрѣтить такихъ тоскующихъ гимназистовъ, но теперь они менѣе интересны, чѣмъ когда-либо...

Если бы въ газетахъ, журналахъ и отдѣльныхъ сборникахъ не появлялось такого удручающаго множества стиховъ, порой довольно приличныхъ по формѣ, то и „робкая“ муза г-жи Ольги Лье, можетъ быть, нашла бы себѣ укромный уголокъ у подножія русскаго Парнаса.

Блѣдно-синяя мгла
Пеленою легла
На стремнины и дальнія горы:
Изъ-за горъ, изъ-за скалъ,
Словно ясный металлъ,
Заблистало глубокое море.
Заблистало оно
И слилося въ одно
Съ небосводомъ. И тихо, и странно:
Въ небесахъ синева—
Полусонна, мертва;
На землѣ—ни свѣтло, ни туманно.

Этотъ „Разсвѣтъ послѣ грозы“ ничѣмъ не хуже тысячи другихъ „Разсвѣтовъ“, „Утръ“ и „Закатовъ“, издавна тянущихся безконечной вереницей передъ глазами русской читающей публики. Въ общемъ нисколько не хуже ихъ и слѣдующая картинка:

Какая благодать! Какая тишина...
Повѣяло тепломъ съ высокихъ облаковъ.
Спокоенъ моря блескъ: не плещется волна,
Не бьется о гранитъ суровыхъ береговъ.
Въ безмолвіи ночномъ, въ сіяніи луны—
Такъ много красоты, такъ много новизны,
Что глазъ не узнаетъ давно знакомыхъ мѣстъ:
Зеленый пышный кустъ *и даже голый шестъ*,
Какъ будто, обвились серебряной парчей!
И чудится тебѣ, что въ эту ночь и ты
Нашелъ въ своей душѣ частицу красоты,—
И хочется любить, любить весь міръ земной!

Только вотъ этотъ „голый шестъ“ немножко колетъ глаза. И на 170 страничкахъ сборника г-жи Ольги Лье такихъ голыхъ шестовъ попадается не мало... Особенно въ ея „идейныхъ“ стихотвореніяхъ шестомъ торчитъ всегда тенденція, свидѣтельствую-

щая, правда, о гуманныхъ чувства поэтессы, но не выходящая изъ круга довольно элементарныхъ житейскихъ отношенiй.

Читаешь и думаешь: какъ далеко все это отъ того, чѣмъ живетъ въ настоящую минуту Россiя!

Нижегородскiй сборникъ. Изд. товарищества „Знанiе". Спб. 1905.

Въ отличiе отъ обычныхъ выпусковъ сборника „Знанiя", „Нижегородскiй сборникъ", выпущенный тѣмъ же книгоиздательствомъ (въ пользу общества взаимопомощи учащихъ Нижегородской губернiи—на устройство общежитiя для учительскихъ дѣтей), имѣетъ смѣшанный характеръ, и въ немъ, кромѣ произведенiй изящной литературы и матерiаловъ для характеристикъ (А. П. Чехова и В. Г. Короленко), имѣются статьи и по другимъ отдѣламъ литературы.

Своеобразный интересъ представляютъ „Отрывки изъ воспоминанiй объ А. П. Чеховѣ" г. Горькаго. Говоримъ: „своеобразный", потому что вспоминать всегда значитъ переводить то, что вспоминаешь, на языкъ своихъ собственныхъ воззрѣнiй, симпатiй и отношенiй къ людямъ. Но оба писателя—Чеховъ и М. Горькiй—такъ непохожи одинъ на другого по своей индивидуальности, что „переводъ" въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ. Наличность такого „перевода" очень ясно сказывается въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, вспоминаемыхъ г. Горькимъ. Таковы, напр., разсказы автора воспоминанiй о томъ, какъ Чеховъ бесѣдовалъ съ тремя посѣтительницами о мармеладѣ вмѣсто греко-турецкой войны, а съ „красивенькимъ товарищемъ прокурора" о граммофонѣ вмѣсто вопроса о томъ, правъ или неправъ въ чеховскомъ „Злоумышленникѣ" слѣдователь, отправившiй Дениса въ тюрьму за отвинченную гайку. Такъ же вѣроятна наличность „перевода" и въ разсказѣ г. Горькаго о томъ, какъ Чеховъ однажды подтвердилъ дамѣ, жаловавшейся на свою скуку жить (тоже посѣтительницѣ), что у нея дѣйствительно болѣзнь—болѣзнь, которая „по-латыни называется morbus pritvorialis"... Не сомнѣваемся, что все было именно такъ, какъ разсказываетъ г. Горькiй, но столь же несомнѣнно для насъ, что въ дѣйствительности не было той... „простоты", какая чувствуется въ „переводѣ", не смотря на ремарки автора воспоминанiй, что Чеховъ говорилъ „ласково" и „съ кроткой, любезной улыбкой", а о болѣзни, которая по латыни называется „морбусъ притворялисъ" говорилъ „убѣжденно", причемъ „дама, къ ея счастью, видимо, не знала по-латыни, а можетъ быть, скрыла, что знаетъ"... Замѣтимъ, что вѣдь все это были *гости* Чехова, хотя бы непрiятные, и притомъ *женщины*, съ которыми обычно сдерживаются даже несдержанные люди.

Вообще, приходится замѣтить, что въ изображенiи г. Горькаго Чеховъ является то немножко страннымъ (напр., когда онъ объя-

сняетъ самому себѣ или г. Горькому, что „неблагонадежность“— „глупое слово, которымъ хитрые люди пугаютъ дураковъ“), то изрядно, какъ мы видѣли, грубымъ. И это обстоятельство, естественно, лежитъ на отвѣтственности г. Горькаго передъ памятью Чехова... Отмѣтимъ еще одинъ характерный эпизодъ. Въ передачѣ г. Горькаго—Чеховъ литературныхъ критиковъ сравнилъ однажды со слѣпнями, которые сидятъ *на крупѣ* у лошади (художника-писателя), когда та работаетъ такъ, что всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... Пусть все это было такъ, и Чеховъ именно такъ и выразился. Но думалъ ли онъ, что это когда-нибудь попадетъ въ печать? И для чего нуженъ этотъ „красочный“ отзывъ Чехова? Въ чьихъ онъ интересахъ? Въ интересахъ памяти Чехова? Въ интересахъ русской литературы? Въ интересахъ литературнаго имени самого г. Горькаго?—Думаемъ, что это ни въ чьихъ интересахъ.

Разсказъ г. Телешова „Случай“ задуманъ необычно и интересно (полузамерзшій итальянецъ съ обезьяной за пазухой, неизвѣстно какъ попавшій на улицу большого русскаго города, въ трескучій морозъ обращается за помощью къ такимъ же закоченѣвшимъ босякамъ; заинтересованные обезьяной, босяки оказываютъ итальянцу дѣятельную помощь и, въ концѣ концовъ, отправляютъ его на родину, на средства, добытыя „со взломомъ“— въ винной лавкѣ); но разсказу мѣшаетъ тонъ, въ которомъ онъ выдержанъ. Г. Телешову не удалось главное, что могло составить красоту разсказа: не удалось сохранить босяковъ реальными босяками, т. е. обычно голодными и озлобленными людьми, и потому разсказъ нерѣдко принимаетъ идиллическую окраску.

Сказать, что тяжелый разсказъ г-жи Пустынниковой („Дунька“) недурно написанъ, быть можетъ, значитъ—сказать, что онъ можетъ оставить у читателя чувство нѣкотораго удовлетворенія прочитаннымъ. Но именно этого-то и нельзя сказать о разсказѣ г-жи Пустынниковой: единственное чувство, которое онъ оставляетъ при чтеніи, это—желаніе не вѣрить, что разсказанное возможно, что это—быль въ литературной передачѣ, а не вымыселъ, тягостный и ненужный. Но не вѣрить не приходится: г. Горькій въ своемъ разсказѣ „Дѣвочка“ (послѣсловіи къ „Дунькѣ“) не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что дѣйствительность „на днѣ“ можетъ быть страшнѣе всякаго вымысла...

„Большой Человѣкъ и Маленькій Человѣкъ“ вѣчно боролись въ душѣ героя г. Тимковскаго, и герой всегда былъ на сторонѣ „Маленькаго Человѣка“, также какъ и любимая имъ женщина, потому что въ душѣ у нея тоже вѣчно торжествовала „Маленькая Женщина“. И это неизмѣнное приниженіе „Большого Человѣка“ было обоимъ пріятно и понятно, „пока къ мужу не подкралась смерть“. Только тутъ любимой женщинѣ стало больно и непонятно, какъ могла она помогать любимому человѣку хоронить въ

себѣ заживо „Большого Человѣка“, который теперь сталъ и дорогъ, и близокъ... Вотъ суть небольшой вещицы г. Тимковскаго, тепло написанной (въ концѣ) и нѣсколько пострадавшей отъ монотонной симметричности борьбы между „Большимъ“ и „Малымъ Человѣкомъ“, составляющей содержаніе первыхъ главокъ.

На ту же тему о двухъ душахъ въ человѣкѣ написанъ одинъ изъ эскизовъ г. Андреева. Герой „Марсельезы“ всю жизнь прожилъ въ качествѣ „маленькой свиньи“, а умирая въ тюрьмѣ, куда его забросила ошибка, среди чуждыхъ ему, казалось, по духу людей, онъ обращается къ нимъ съ единственной просьбой: пропѣть надъ его трупомъ пѣсню свободы „милой Франціи“, пропѣть марсельезу... И впервые не онъ плакалъ (умоляя о чемъ нибудь), а надъ нимъ плакали его случайные товарищи,—„всѣ до единаго“. „И какъ огонь, отъ котораго бѣгутъ дикіе звѣри, горѣли наши слезы“,—говоритъ разсказчикъ въ томъ холодно-краснорѣчивомъ (общемъ для всѣхъ эскизовъ г. Андреева) тонѣ, который не можетъ не становиться раздѣляющею стѣнкой между авторомъ и читателемъ, если послѣднему никогда не приходилось видѣть слезъ, похожихъ на огонь, отъ котораго „дикіе звѣри“ обращаются въ бѣгство.

С. А. Ан—скій. Разсказы. Томъ I. Спб. 1905.

Среди еврейскихъ бытописателей, успѣшно выдвинувшихся за послѣдніе годы, г. Ан—скій занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Онъ недавно получилъ извѣстность, но пишетъ уже давно, около четверти вѣка. Онъ старшій въ этой группѣ молодыхъ писателей, безстрашно раскрывающихъ для себя и для другихъ душу и нравы родного народа; онъ старше ихъ настолько, что былъ бы вполнѣ умѣстенъ вопросъ, почему же онъ, представитель старшаго поколѣнія, долженъ быть отнесенъ къ этой группѣ литературной молодежи, заявившей себя значительно позже. Отвѣтъ въ характерныхъ чертахъ его литературной физіономіи. Старый еврейскій бытописатель былъ по преимуществу апологетомъ; онъ не изображалъ — онъ защищалъ. Ему казалось, что можно что нибудь сдѣлать разъясненіями тамъ, гдѣ предполагались заблужденія, онъ противопоставлялъ клеветамъ опроверженія и даже панегирики; онъ не изучалъ—онъ старался только доказать, что евреи тоже люди, что они тоже хотятъ и должны жить, что они бываютъ добродѣтельны: положенія, въ доказательствахъ, кажется, не нуждающіяся. Новые еврейскіе бытописатели не то, что отвергли эту адвокатскую точку зрѣнія: они просто прошли мимо нея, поднимаясь выше. Они отказались отъ тенденціи, отказались отъ настойчиваго желанія что-нибудь доказывать; ибо прежде писали для другихъ, ins Fenster hinaus какъ говорятъ нѣмцы, теперь стали писать для себя.

Было бы заблужденіемъ полагать, что эта перемѣна въ литературныхъ пріемахъ вытекла изъ какого-то стремленія къ художественной объективности: если въ результатѣ получилась объективность, она вышла изъ желанія знать правду, знать ее для себя. Безстрашіе стало отличать новыхъ изобразителей еврейской жизни.

Среди нихъ г. Ан—скій выдается этимъ увѣреннымъ спокойствіемъ. Въ его характеристикѣ, напечатанной съ годъ назадъ во французской „Revue“, разсказано, какъ одна изъ его повѣстей не могла появиться въ прогрессивномъ журналѣ по той причинѣ, что изъ нея могли быть сдѣланы антисемитскіе выводы. Повѣсть была напечатана въ „Восходѣ“ и теперь вошла въ сборникъ г. Ан—скаго. Конечно, нѣтъ того еврейскаго матеріала— вплоть до стихотвореній Гейне и статуй Антокольскаго, —изъ котораго не дѣлались бы антисемитскіе выводы; они дѣлаются вѣдь и изъ Ветхаго Завѣта. Но если есть писатель, который не обращаетъ вниманія на возможность такого нападенія изъ-за угла, то это г. Ан—скій. Еврей — кабатчикъ, еврей — мелкій жуликъ, еврей—подрядчикъ, живущій потомъ и кровью бѣдняка-единовѣрца: все это найдетъ изображеніе у Ан—скаго. Что ему до того, что найдутся клеветники и изувѣры, которые радостно завопятъ: ага, евреи сознаются въ своихъ грѣхахъ. Онъ знаетъ, что лгать и клеветать будутъ и безъ его „сознанія“, онъ знаетъ, что правда жизни, имъ добытая, неповинна въ этой клеветѣ. Но иногда онъ идетъ и дальше: онъ даетъ несомнѣнный матеріалъ для уличенія въ томъ, что до сихъ поръ отвергалось; онъ прямо говоритъ: „вы ставите намъ въ вину такіе-то факты и отношенія; я не стану отрицать факты; я покажу вамъ ихъ во всей ихъ глубинѣ. Пусть честный человѣкъ поставитъ ихъ намъ въ вину“.

Это болѣе всего относится къ разсказу „Мендель-Турокъ“, о которомъ шла рѣчь выше. Трудно съ большей силой и наглядностью изобразить всю глубину отчужденія простого традиціоннаго еврейства отъ общегосударственной жизни того народа, съ которымъ оно связано формами политическаго сожительства. У этого міра, замкнутаго религіознымъ міровоззрѣніемъ, своя культура, свое просвѣщеніе, свои идеалы. Дѣло происходитъ болѣе четверти вѣка назадъ; русско-турецкая война, захватившая своимъ потокомъ столь многихъ, раздѣлила маленькую еврейскую общину на два лагеря: одни стоятъ за русскихъ, другіе—и такихъ большинство—за турокъ. Эти люди чувствуютъ себя свободными въ выборѣ; имъ безконечно чуждъ тотъ русскій міръ, который окружаетъ ихъ. Но имъ и вообще чужда та жизнь, которая создаетъ и разрушаетъ государства, которая ведетъ войны и заключаетъ договоры. Политика вторглась насильно въ ихъ жизнь и заняла на мгновеніе, какъ любопытная теоретическая задача, какъ новый казусъ—одинъ изъ тѣхъ, которые они привыкли такъ

тонко и такъ абстрактно рѣшать въ своихъ талмудическихъ словопреніяхъ. Но все это—временное, случайное, преходящее: дѣломъ жизни для пламеннаго пытливаго Менделя остается „горній Іерусалимъ"—благоговѣйное изученіе сокровеннаго смысла писанія. Ни малѣйшимъ образомъ не задѣлъ міровоззрѣнія Менделя ни бурный потокъ событій, пронесшихся мимо него, ни знакомство съ разсказчикомъ — представителемъ иныхъ, свободныхъ взглядовъ. Эта встрѣча двухъ міровоззрѣній становится любимой темой г. Ан—скаго. Онъ охотно оттѣняетъ свое мягкое, дружелюбное отношеніе къ старому еврейству; это мягкость побѣдителя; онъ уже не борется съ традиціей; съ еле замѣтной усмѣшкой онъ отмѣчаетъ только, какъ наивно-высокомѣрно было это религіозное міровоззрѣніе, даже не подозрѣвавшее величія той обширной культурной работы, которая дѣлалась помимо него. „Если вы имѣете жажду—говоритъ Мендель разсказчику—и передъ вами источникъ живой и чистой воды, пойдете вы искать лужу? Вся мудрость, которая была, есть и будетъ—находится въ талмудѣ. Это ясно, какъ день... Ну! вы говорите „философскія книги". Сто разъ—философскія. Если въ нихъ есть какая-нибудь глубокая мысль, она, конечно, взята изъ талмуда"... И авторъ не возражаетъ. Онъ знаетъ, что не доводами отъ разума можно бороться съ этимъ законченнымъ и неподвижнымъ складомъ мысли. Жизнь побѣдоносно справляется съ нимъ,—и съ любовнымъ вниманіемъ, какъ къ своему невозвратному прошлому, можетъ отнестись къ отжившему міровоззрѣнію только тотъ, кто самъ прошелъ черезъ его дебри, кто знаетъ, какъ безповоротно оно отмѣнено исторіей. Эта мягкость въ оцѣнкѣ прошлаго представляется намъ характерной для литературной физіономіи г. Ан—скаго. Онъ знаетъ смыслъ борьбы, но онъ любитъ примиреніе. Въ этомъ настроеніи онъ держитъ читателя; съ чувствомъ близости онъ разстается съ нимъ.

Ю. Л. Елецъ. Изъ моихъ скитаній. Спб. 1905.

„Это скорѣе всего негативы", — говоритъ въ предисловіи авторъ о выборкахъ изъ путевого дневника, составившихъ его книгу. Онъ, разумѣется, не чувствовалъ, какъ фатальна для него эта метафора: негативъ вѣдь изображаетъ чернымъ то, что въ дѣйствительности бѣло, и наоборотъ. Читателю, если такого найдетъ сочиненіе г. Ельца, не разъ придется вспомнить объ удачной метафорѣ предисловія.

Книга открывается эпиграфомъ, изъ пушкинскаго „Пиндемонте":

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусства и вдохновенья

Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе противоположнаго этому индивидуалистическому символу вѣры, чѣмъ воззрѣнія и впечатлѣнія автора.

Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли мнѣ равно?—

говорилъ поэтъ. А удалому г. Ельцу совсѣмъ не равно: съ властями онъ споется, зависѣть отъ народа онъ не хочетъ. Онъ прежде всего политикъ, а къ искусству, о которомъ заявляетъ его эпиграфъ, онъ имѣетъ весьма отдаленныя отношенія. Съ развязностью бывалаго человѣка, онъ написалъ не вполнѣ грамотную, но очень патріотическую книгу. Правда, онъ писалъ ее, по своимъ запискамъ, въ Мукденѣ и, потому, послѣ восторженнаго описанія маневровъ въ Царствѣ Польскомъ, съ грустью размышляетъ о томъ, „какой пустой игрой въ солдатики мы занимались, наивно воображая, что дѣлаемъ большое военное дѣло!" Однако, патріотическій восторгъ преобладаетъ, подчасъ доходя до разсказовъ о томъ, что во время знаменитыхъ тулонскихъ торжествъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ, во французскихъ „типографіяхъ не доставало буквы s, которыя пришлось отливать вновь: такъ часто повторялось слово „Russie". Очень жаль, что авторъ не сообщаетъ, какъ поступили практичные французы съ этими лишними литерами послѣ отъѣзда русскихъ моряковъ... Не менѣе трогательна наивность, съ которой г. Елецъ сообщаетъ, что колоннады римскаго храма св. Петра „напоминаютъ наши казанскаго собора". Хитрецъ этотъ Микель Анджело: прошелся по Невскому и построилъ у себя колоннаду на манеръ казанской!.. Въ Помпейскомъ музеѣ г. Елецъ видѣлъ „окаменѣлые трупы людей". Напрасно онъ такъ невнимательно читалъ свой путеводитель, по которому въ другихъ случаяхъ писалъ цѣлыя страницы, удивляющія всеобъемлющей ученостью: онъ узналъ бы, что это не окаменѣлости, а гипсовые слѣпки по сохранившимся въ пеплѣ формамъ истлѣвшихъ тѣлъ... Вообще г. Елецъ видѣлъ многое, но, конечно, лишь въ предѣлахъ своего умственнаго горизонта. Интересовался онъ, въ качествѣ спеціалиста, дѣломъ военнымъ и исправно отмѣчаетъ, гдѣ и какъ ему понравились женщины, какъ поставлена кавалерійская ѣзда, какъ исполняются „плечомъ въ манежъ", „по барьеру", „ранверсы", „траверсы" и т. п. Но въ наше время—кто чуждъ иныхъ вопросовъ? Естественно, что, встрѣтившись на пароходѣ, по дорогѣ въ Египетъ, съ Владиміромъ Соловьевымъ, г. Елецъ постарался „навести разговоръ на философскій характеръ" и поискать отвѣтовъ на многіе занимающіе его вопросы. „Но сдѣлать это было не легко. Владиміръ Сергѣевичъ, шагая по палубѣ, все не выходилъ изъ своей

задумчивости, когда, наконецъ, моя фраза о кажущейся мнѣ безцѣльности существованія, начиная со всего насъ окружающаго и кончая нашимъ собственнымъ „я“—вывела изъ спокойнаго состоянія, и рѣчь его полилась волной. Я жадно старался уловить тезисы этого чуднаго религіозно-мистическаго потока словъ и мыслей, пытался хоть какъ-нибудь приподняться до высоты его міросозерцанія *и, увы, не могъ.* Но въ то же время я почувствовалъ на себѣ всю мощь этой нечаянной проповѣди“.

Блестящія доказательства глубины этой новой вѣры мы имѣемъ на ближайшихъ страницахъ. Уже въ Александріи пытливый путешественникъ сообщилъ проповѣднику, что желаетъ попробовать арабской кухни и „ухаживать только за мѣстными женщинами“; проводникъ, разумѣется, предложилъ свои услуги „по сей части“, но г. Елецъ отвѣтилъ: „нѣтъ, это я уже отложу до Каира“. Въ Каирѣ внезапный и пламенный ученикъ и почитатель Владиміра Соловьева былъ таки увлеченъ къ „алме“, гдѣ смотрѣлъ пляски голыхъ женщинъ; посѣщеніе каирскаго публичнаго дома г. Елецъ описываетъ на нѣсколькихъ страницахъ, и не безъ подробностей. Ему здѣсь не понравилось, какъ не понравилось и въ греческомъ парламентѣ. Конечно, путешественнику, столь бывалому, угодить не легко, а г. Елецъ видѣлъ такъ много... Онъ „продѣлалъ“ критское „усмиреніе“ и достопамятныя тулонскія торжества, когда „французскія дамы прятали на память перчатки, къ которымъ прикасались руки русскихъ офицеровъ“. Онъ пилъ шампанское на вершинѣ пирамидъ съ Владиміромъ Соловьевымъ; онъ смотрѣлъ на сфинкса съ Э. Л. Радловымъ, котораго считаетъ академикомъ; онъ охотился въ Испаніи на воробьевъ съ своимъ другомъ барономъ Нарольядинине, по сценѣ знаменитымъ пѣвцомъ Баттистини. Если онъ не обѣдалъ съ Дарданеллами, то только потому, что это сдѣлалъ до него другой путешественникъ.

Л. Волковъ. Что нужно? Кіевъ, 1904 г.

Его же. Война и наша полуинтеллигенція. Кіевъ, 1905 г.

„Что нужно?“—это, оказывается, не окрикъ будочника, а вопросъ: что нужно Россіи? Но смыслъ выходитъ тотъ же самый. Нужно дать отпоръ „крикунамъ, требующимъ ломки нашего государственнаго строя“. Все это „полуинтеллигенты“, иностранцы и евреи. Вся бѣда въ томъ, что „трудъ теперь не въ модѣ, а требуются широкія реформы“. Нужно продолжать войну. Резоны? Какіе тамъ резоны! „Вспомнимъ 1863 годъ. Какъ теперь японцы готовились въ теченіе нѣсколько лѣтъ къ войнѣ, а мы не замѣчали этого, такъ съ конца 50-хъ годовъ готовились къ возстанію поляки, но мы не замѣчали этихъ приготовленій. Возстаніе вспыхнуло въ январѣ 1863 года, заставъ насъ совершенно неподготовленными.

И за эту неподготовленность и ошибки въ первое время возстанія намъ пришлось платиться. Болѣе полугода мы не могли справиться съ возстаніемъ... Вожаки полуинтеллигенціи, какъ и теперь, подняли головы, развивалась революціонная пропаганда, подъ вліяніемъ которой народъ сталъ бунтовать. Вслѣдствіе этого и интригъ Наполѣона III положеніе было весьма серьезное, но мощный голосъ Каткова, энергія Муравьева и принятіе правительствомъ рѣшенія покончить съ возстаніемъ, привели къ подавленію его, къ полной побѣдѣ русскаго дѣла". Выводъ ясенъ... Или вы все еще не убѣждены? Напрасно вы сомнѣваетесь! „Подкупленные и неподкупленные вожаки нашей полуинтеллигенціи", въ концѣ концовъ, непремѣнно „должны будутъ уступить свое мѣсто въ литературѣ, печати и въ другихъ областяхъ жизни людямъ дѣйствительно просвѣщеннымъ", во главѣ которыхъ надо подразумѣвать именно г-на Л. Волкова, изъ Кіева. Видите ли, въ чемъ дѣло: „Шайка этихъ вожаковъ сплочена и неразборчива въ средствахъ. Многіе изъ нихъ готовы выставить себя даже *потретами*, когда этого требуютъ обстоятельства. Но здравый смыслъ, которымъ всегда отличался русскій человѣкъ, поможетъ отличить искреннихъ людей отъ неискреннихъ и *корьеристовъ*" (Война и наша полуинтеллигенція", стр. 11). Такъ что, въ сущности, не все еще потеряно, и унывать нѣтъ никакой необходимости. Конечно, мы не знаемъ, готовъ ли г. Л. Волковъ тотчасъ же „выставить себя потретомъ" (а это было бы очень интересно!). Но зато, въ качествѣ дѣйствительно просвѣщеннаго человѣка, онъ могъ бы немедленно вытѣснить полуинтеллигентовъ изъ „литературы и печати", не говоря уже о другихъ областяхъ жизни", только вотъ грамотѣ бы ему чуть чуть подучиться!...

---

1) „Библіотека Горбунова-Посадова": **Павлиній глазъ,** разсказъ **С. Орловскаго,** съ рисунками Н. Живаго и др., 1904; **Капитанъ Январь,** съ англ. перев. **Е. Б.,** съ 22 рис., 1904.

2) „Библіотека нашихъ дѣтей" (изд. О. Н. Поповой): **Сестра Вѣрочка,** повѣсть для юношества—**А. Бостромъ.**

3) „Библіотека для семьи и школы" (изд. ред. „Дѣтск. Чтен."): **Весенніе гости,** стихотворенія **И. А. Бѣлоусова,** съ рисунками, 1905; **Сударь Пантелей—Свѣтъ Ивановичъ,** новгородское преданіе,—**Д. Н. Мамина-Сибиряка,** съ рисунк., 1904; **Княжой отрокъ,** историческая повѣсть изъ преданій XIII вѣка,—**Г. Т. Сѣверцова (Полилова),** съ рис. Н. Д. Бартрамъ, 1905.

4) **Русскія былины.** Выпускъ I: „Богатыри кіевскіе", съ 46 рис. И. Полушкина; выпускъ II: „Уральцы Новгородскіе и другіе", съ 27 рис. О. П. Лазаревой (Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1904 г.)

Авторъ „Павлиньяго глаза", повидимому, руководился не литературными соображеніями, а чисто педагогическими, стремясь возбу-

дить въ своихъ читателяхъ отрицательное отношеніе къ ловлѣ и коллекціонированію бабочекъ въ видѣ спорта. Это невыгодно отразилось и на интересѣ, который должна представлять его книжка для юныхъ читателей и на внутренней правдивости нѣкоторыхъ эпизодовъ — въ родѣ того, что разсказчица-курсистка „кричитъ отъ восторга", завидѣвъ желанный экземпляръ бабочки (Павлиній Глазъ), а затѣмъ, всего черезъ нѣсколько минутъ, когда бабочка поймана и умерщвлена ея руками, потрясенная сдѣланнымъ, долго стоитъ „на колѣняхъ въ травѣ, съ сѣткой у ногъ" и съ мертвой бабочкой на ладони, чувствуетъ жгучее раскаяніе и „проклинаетъ свою грубую жадность". Это грубо подчеркнуто и потому психологически неправдоподобно, а слѣдовательно и не должно имѣть мѣста въ дѣтскомъ разсказѣ (разсказъ, вопреки мнѣнію автора, конечно, не „для юношества"), какъ бы ни были похвальны конечныя цѣли разсказчика.

Такъ же похвальна по конечной цѣли—пробудить жажду знанія и самоопредѣленія—„повѣсть для юношества" г-жи Бостромъ, но страдаетъ тѣмъ же неправдоподобіемъ въ психологическомъ построеніи, какъ и разсказъ г. Орловскаго.

Безымянный авторъ разсказа „Капитанъ Январь" не поучаетъ и, на нашъ взглядъ, ставитъ себѣ (неудачно выполняя) правильную литературную задачу. Дѣтямъ не нужны ни уроки морали—въ прозѣ и стихахъ, ни жалостливыя (непремѣнно „жалостливыя") исторіи о человѣческой нуждѣ и страданіяхъ, такъ расточительно расходующія дѣтскіе нервы и дѣтскія слезы и вмѣстѣ съ тѣмъ создающія привычку смотрѣть на міръ нуждающихся только сверху внизъ, съ чувствомъ сострадательной жалости, которое всегда немножко сродни презрѣнію. На нашъ взглядъ, нужно другое—нужно, чтобы маленькіе читатели могли любить, а не жалѣть (*только* жалѣть). Но вѣдь любить нужно за что-нибудь. Дайте же маленькимъ читателямъ людей, которыхъ стоитъ любить, и пусть, лучше всего, это будетъ бодрый и даже веселый разсказъ.

Изобразить такихъ людей, которыхъ стоитъ любить, и поставилъ себѣ задачею авторъ „Капитана". Къ сожалѣнію, авторъ не выдержалъ тона реалистическаго разсказа и сочинилъ не „разсказъ", а какую-то неправдоподобно-сладостную „симфонію въ розово-голубомъ", если воспользоваться терминомъ модернистовъ-художниковъ... Въ разсказѣ прелестная дѣвочка-героиня, прелестный дѣдушка-сторожъ на маякѣ, прелестный лоцманъ Бобъ, прелестные тетя Мортонъ и дядя Мортонъ. Кончается разсказъ смертью „дѣдушки", но и смерть оказывается одѣтою въ розово-голубой нарядъ, а потому не отталкиваетъ.—Дѣтямъ книга чрезвычайно нравится, и очень жаль, что она не можетъ быть рекомендована съ чисто-художественной стороны, такъ какъ не можетъ содѣйствовать

воспитанію здороваго художественнаго чувства у маленькихъ читателей.

Очень хорошъ сборникъ стихотвореній г. Бѣлоусова: „Весенніе гости". Стихотворенія просты, поэтичны (хотя мѣстами шероховаты) и проникнуты искренней любовью къ русской природѣ и къ русской деревнѣ: поэтъ близко чувствуетъ и весеннее возрожденіе природы, которое онъ превосходно передалъ въ стихотвореніи „Христосъ Воскресъ", и осеннее умираніе природы, когда

Какъ будто окончилась сказка...

—сказка лѣтняго солнца, рѣки съ серебряною гладью, зеленыхъ полей, цвѣтущихъ полянъ и поющихъ „весеннихъ гостей":

Пустынно, безлюдно кругомъ;
И солнца осенняго ласка
Не грѣетъ бывалымъ тепломъ.

Остальныя два изданія редакціи „Дѣтскаго чтенія"—историческаго характера. „Сударь Пантелей"--историческій шаржъ о побѣдномъ (случайно) вторженіи московскаго мужика-пахаря на гулящую впустѣ землю новгородскаго торговаго боярина; написанъ съ обычнымъ юморомъ Д. Н. Мамина-Сибиряка, но требуетъ отъ юныхъ читателей немалыхъ историческихъ познаній и, конечно, разъясненій: что такое, напр., „синій изгребный дубасъ", въ который одѣта жена „московскаго пахаря"? Историческая повѣсть г. Сѣверцова (Полилова), какъ основанная на „преданіяхъ старины далекой", имѣетъ въ своей фабулѣ слишкомъ много изъ категоріи вещей, которыя не снились мудрецамъ, и это едва ли желательно въ дѣтской литературѣ (предчувствія, предустановленное родство душъ и пр.). Иллюстраціи къ „Княжому Отроку" имѣютъ стилизованный характеръ и едва ли будутъ оцѣнены высоко читателями, которые въ качествѣ рисовальщиковъ являются тоже усердными „симплификаторами" рисунка, хотя и поневолѣ.

Второй выпускъ „Русскихъ былинъ" („Уральцы Новгородскіе") иллюстрированъ въ такомъ же родѣ. Былины также изданы безъ комментаріевъ.

Келеръ, Р. Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 1904.

Проектъ новаго аптекарскаго устава принадлежитъ къ тому разряду законодательныхъ измышленій, изъ котораго вышли уставъ лѣчебныхъ заведеній 1893 года, ветеринарные законы 1902 и 1903 гг. и знаменитыя въ своемъ родѣ правила о санитарно-исполнительныхъ коммиссіяхъ 11 августа 1903 года. Различіе новаго устава отъ предыдущихъ „законовъ" заключается

только въ исторіи его созданія. Въ то время какъ лѣчебный, ветеринарный и санитарно-исполнительный уставы создавались единственно во славу устраненія общественныхъ учрежденій отъ управленія общественными дѣлами, въ исторіи созданія аптекарскаго устава не безъ вліянія, повидимому, оказались и нѣкотораго рода „матеріальныя“ соображенія. По крайней мѣрѣ, г. Келеръ весьма недвусмысленно указываетъ на существованіе особаго и довольно крупнаго фонда на содержаніе „сословнаго представительства“ петербургскаго фармацевтическаго общества, которое избираетъ двухъ депутатовъ въ медицинскій совѣтъ, высшее врачебное учрежденіе въ имперіи. Какого рода вліяніе можетъ оказывать это „сословное представительство“ въ дѣлѣ законодательномъ, показываетъ исторія невыполненія высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта. Въ 1875 году государственный совѣтъ призналъ, что нѣтъ надобности въ стѣснительной для населенія аптечной монополіи и поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, по обсужденіи настоящаго вопроса въ медицинскомъ совѣтѣ, войти съ представленіемъ объ измѣненіи дѣйствующаго закона „въ видахъ дозволенія продажи частными лицами всѣхъ тѣхъ лѣкарственныхъ веществъ, которыя не оказываются положительно вредными“. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, но вопросъ въ медицинскомъ совѣтѣ не обсуждался, и министръ внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ измѣненіи закона въ государственный совѣтъ еще не входилъ. Дѣйствуетъ пока старый законъ, по которому всякое частное лицо, продавшее пузырекъ мятныхъ капель или три золотника грудного чаю, „подлежитъ строгой отвѣтственности“, какъ нарушившее торговыя привилегіи аптекарскаго сословія. Поучительной иллюстраціей охраны сословныхъ интересовъ (а равно и для характеристики русскаго „правопорядка“ вообще) служитъ исторія закрытія фабрики и аптекарскаго магазина г. Келера въ 1882 году. По проискамъ нѣкоторыхъ аптековладѣльцевъ, фабрику, а потомъ магазинъ г. Келера закрыли на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Какъ ни добивался владѣлецъ, за что его постигла такая необычная кара, ему только отвѣтствовали, что это сдѣлано на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, предлагали „сознаться въ винѣ“, которой г. Келеръ ни мало за собой не чувствовалъ, и совѣтовали вообще не надоѣдать. Хлопотали за г. Келера и биржевой комитетъ, и купеческая управа, и архіереи, и разныя сановныя и высокопоставленныя лица, но фабрику съ магазиномъ „распечатали“ только черезъ годъ, чему, кажется, посодѣйствовали всетаки петербургскія связи, а то бы... За что же было такое гоненіе? За то, видите ли, что у Келера на складѣ продавался ядъ „атропинъ“, и „крамольники“ могли бы этотъ ядъ достать и отравить имъ всѣ московскіе колодцы, „чѣмъ могло быть вызвано такое же усиленное народное волненіе, какое было во время чумы въ царствованіе Екатерины II“. Надо еще

прибавить, что этотъ возмутительный, по своей наглости и дикости, актъ административнаго насилія не могъ найти въ свое время отраженія на страницахъ періодической печати и обнародованъ только теперь.

Повторять за авторомъ о вредѣ и безсмысленности аптечной монополіи, о непомѣрныхъ цѣнахъ на аптечныя лѣкарства и пр., значитъ говорить всѣмъ давно извѣстныя вещи. Общественныя учрежденія, на разсмотрѣніе которыхъ новый аптекарскій уставъ былъ разосланъ въ срединѣ прошлаго года, высказались о немъ съ такимъ же осуждающимъ единодушіемъ, съ какимъ они въ свое время отнеслись и къ лѣчебному уставу 1893 года, и къ ветеринарнымъ законамъ, и къ холернымъ правиламъ 1903 года.

Книгу свою г. Келеръ посвящаетъ „властямъ, обществу и народу“. Посвященіе это вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Народу? До народа его книга не дойдетъ, конечно, а если и дойдетъ, то будетъ немедленно „изъята“. Обществу? Общество давно уже имѣетъ свое мнѣніе объ аптечныхъ дѣлишкахъ, но вѣдь общественное мнѣніе, по нашимъ нравамъ, такая quantité négligeable, съ которою власти считаютъ даже неприличнымъ считаться. Но что всего удивительнѣй, это—посвященіе книги „властямъ“. Да неужели же г. Келеръ на собственной персонѣ еще не достаточно убѣдился, сколь глуха власть къ „правдивому слову“? Но если ужъ для г. Келера собственный примѣръ, за давностью лѣтъ, началъ, такъ сказать, поростать травой забвенья, то достаточно было возстановить хотя бы совершающуюся теперь на нашихъ глазахъ кампанію изъ-за санитарно-исполнительныхъ коммиссій по правиламъ 11 августа 1903 года. Отъ этихъ правилъ отказались земства, города, врачи, медицинскія общества, противъ нихъ высказалась почти вся печать, отвергнулъ ихъ цѣлый пироговскій съѣздъ врачей, „входило съ представленіемъ“ объ ихъ отмѣнѣ даже управленіе главнаго врачебнаго инспектора (бывшій медицинскій департаментъ). Всѣ воніютъ въ одинъ голосъ: отмѣните эти правила. И что же? Министерство внутреннихъ дѣлъ стоитъ за ихъ сохраненіе съ такой непоколебимой твердостью, примѣры которой можно встрѣтить развѣ только у древнихъ римлянъ. А г. Келеръ хочетъ пронять власть какимъ-то „правдивымъ словомъ“, не считаясь съ тѣмъ, что въ аптечной монополіи, во-первыхъ, есть черты русской „самобытности“, а во-вторыхъ и „охранительныя начала“ тоже есть.

Фр. Іодль, проф. вѣнск. ун. **Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе.** Переводъ съ нѣмецк. Е. Максимовой. Спб. 1905.

Фейербахъ, какъ извѣстно, пользовался одно время большимъ вліяніемъ среди передовой части русской интеллигенціи. Н. Г. Чернышевскій, этотъ духовный вождь эпохи 60-хъ годовъ, нахо-

дился подъ сильнымъ вліяніемъ Фейербаха, антропологическую точку зрѣнія котораго онъ усвоилъ. Однако, вскорѣ дальнѣйшія умственныя теченія отодвинули Фейербаха на задній планъ; а такъ какъ, подъ вліяніемъ цензурныхъ условій, на русскомъ языкѣ не появилось ни сочиненій самого Фейербаха, ни обстоятельныхъ критико-біографическихъ изслѣдованій о немъ, то современный средній читатель имѣетъ, вѣроятно, довольно смутное представленіе о нѣкогда столь знаменитомъ писателѣ.

Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ прекрасной книжки Іодля слѣдуетъ отмѣтить съ большимъ сочувствіемъ.

Положеніе Фейербаха среди духовныхъ вождей человѣчества обусловливается двумя факторами. Во-первыхъ, въ лицѣ Фейербаха нѣмецкая, а за нею и вообще европейская мысль пережила реакцію противъ крайностей гегеліанства; во-вторыхъ, онъ далъ новое освѣщеніе религіознаго вопроса.

Что касается перваго фактора, то здѣсь „самая краткая и наиболѣе мѣткая характеристика историческаго положенія Фейербаха заключается въ утвержденіи, что онъ произвелъ такой же переворотъ въ философіи Гегеля, какъ Коперникъ въ астрономіи Птоломея; то, что раньше было центромъ вселенной, абсолютный духъ, отодвигается теперь въ качествѣ простой проекціи на периферію; природа, которая являлась у Гегеля самоотчужденіемъ духа, становится центральнымъ понятіемъ, носительницей жизни" (стр. 1—2).

Вторую сторону своей дѣятельности охарактеризовалъ лучше всего самъ Фейербахъ, назвавши себя „духовнымъ естествоиспытателемъ". Онъ подошелъ къ религіи, какъ къ великому историческому факту, какъ къ фактору, господствующему надъ всею жизнью человѣчества, и рѣшилъ „понять (его) изъ глубины человѣческой природы" (стр. 65). Изслѣдованіе элементовъ человѣческой природы, на которыхъ покоится могущество религіи, приводитъ „матеріалиста" Фейербаха къ повторенію утвержденія мистика Себастіана Франка: „Богъ — это невыразимое томленіе, заложенное въ глубинѣ души" (стр. 82). „Пониманіе практическаго, патетическаго, если не сказать патологическаго характера религіи и является той руководящей мыслью, которая господствуетъ во всѣхъ философско-религіозныхъ изслѣдованіяхъ Фейербаха; это-то существенно новое, что появилось у него въ противовѣсъ Гегелю и всякому религіозному раціонализму. Религія не стремится познавать; она хочетъ сдѣлать что-нибудь для человѣка; ея глубочайшіе корни не въ мышленіи, но въ чувствѣ и волѣ" (стр. 74). Такимъ образомъ, исторія религій есть, въ сущности, исторія человѣческаго сердца, и чтобы понять ее, нужно стоять на точкѣ зрѣнія самихъ адептовъ религій, нужно понять ихъ потребности, желанія и упованія. „Выступая съ величайшей рѣшительностью противъ всякаго разжижающаго богословія

(Verwässerungstheologie), Фейербахъ... находитъ нежелательнымъ, чтобы всѣ вещи и догматы, оскорбляющіе разумъ въ такъ называемыхъ абсолютныхъ религіяхъ... разсматривались, какъ побочное явленіе, объясняющееся лишь извѣстнымъ временемъ или извѣстнымъ кругомъ представленій... Кто хочетъ дѣйствительно понять христіанство, т. е. постичь его въ тожествѣ со всѣми другими религіями, тотъ долженъ изучить христіанство во всей его исторической положительной дѣйствительности, а не безличное, шаткое, дряблое христіанство новѣйшаго времени, вѣра котораго является вѣрой вполнѣ вымышленной, противорѣчащей самой себѣ, одновременно и вѣрой, и невѣріемъ" (стр. 69 — 70).

Разсматривая религію, какъ идеалъ, созданный потребностями, желаніями и упованіями человѣка, Фейербахъ, конечно, считаетъ необходимымъ формулировать и современный идеалъ, который рисуется ему въ такомъ видѣ: „Пользуйтесь благомъ жизни и по мѣрѣ силъ и возможности уменьшайте ея зло. Вѣруйте въ то, что на землѣ *можетъ быть* лучше, чѣмъ теперь, и что *будетъ* лучше. Ожидайте лучшаго не отъ смерти, не отъ грезящагося вамъ безсмертія, но отъ себя самихъ! Изгоняйте изъ міра не смерть, а всякое зло. *То* зло, которое можетъ быть устранено, *то* зло, причина котораго лежитъ въ лѣности, негодности и невѣжествѣ человѣка, именно это зло и есть самое ужасное. Естественная смерть, смерть, какъ результатъ завершившагося развитія жизни, не есть зло; но зломъ является смерть, какъ слѣдствіе нужды, порока, переутомленія, невѣжества. Эту смерть изгоняйте изъ міра, или, по крайней мѣрѣ, старайтесь по возможности ее устранить" (стр. 113).

Этотъ новый идеалъ есть выраженіе новой стадіи въ развитіи человѣчества, ибо, по ученію Фейербаха, „тайну богословія вскрываетъ антропологія; теогонія—это исторія человѣчества" (стр. 115).

Иммануилъ Кантъ. Рѣчи А. Риля и В. Виндельбанда. пер. съ нѣмецкаго Б. В. Яковенко. М. 1905.

Значеніе Канта въ современной философіи такъ велико, что нѣтъ надобности быть сторонникомъ его философіи, чтобы рекомендовать читателямъ всякій толковый трактатъ о немъ.

Имена Риля и Виндельбанда служатъ достаточной гарантіей того, что ихъ взглядъ на Канта представитъ значительный интересъ для публики.

Разсматриваемая нами небольшая брошюра является воспроизведеніемъ рѣчей, сказанныхъ Рилемъ и Виндельбандомъ въ день столѣтія со времени смерти Канта.

Совмѣстное изданіе обѣихъ рѣчей представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что различіе точекъ зрѣнія обоихъ выдаю-

щихся знатоковъ Канта, хотя отчасти, обнаруживаетъ передъ читателемъ тѣ противорѣчія, которыя существуютъ въ современномъ кантовѣдѣніи, противорѣчія, которыя, по нашему мнѣнію, совершенно неизбѣжны, и неизбѣжны не вслѣдствіе только неясности и непослѣдовательности изложенія у Канта, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что ученіе Канта представляетъ случай неустойчиваго равновѣсія, такъ что всякая попытка привести въ порядокъ разнообразныя и не вполнѣ гармонирующія другъ съ другомъ части этого ученія ведетъ неожиданно къ такимъ кореннымъ измѣненіямъ всей системы, которыя совершенно выводятъ кантіанца за предѣлы кантизма, если только у этого кантіанца оказывается достаточно послѣдовательности и духовнаго безстрашія.

Дѣло въ томъ, что логически развитой кантизмъ неизбѣжно ведетъ къ скептицизму и солипсизму, и въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ рѣчь Виндельбанда. Ибо Виндельбандъ, хотя онъ и не думаетъ, что кантизмъ ведетъ къ скептицизму (иначе Виндельбандъ не былъ бы кантіанцемъ), всетаки излагаетъ ученіе Канта такимъ образомъ, что вдумчивому читателю легко бываетъ замѣтить, куда, въ сущности, ведетъ, въ концѣ концовъ, кантизмъ. Вѣроятно, поэтому-то на Виндельбанда довольно косо смотрятъ нѣкоторые другіе кантіанцы.

С. Р. Минцловъ. Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками А. П. Эйснера. **С. А. Поспѣловъ.** Въ снѣгахъ восточной Сибири. Приключенія американцевъ среди чукчъ, коряковъ и камчадаловъ. Съ 18 рисунками С. И. Панова. **Д. А. Пахомовъ.** Два старика. Повѣсть для юношества (изъ кавказской жизни). Съ 27 рисунками В. Эмме. **Е. К. Сомова.** Басни въ лицахъ. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками С. И. Панова. (Изданія А. Ф. Девріена. 1904).

При выборѣ книгъ для дѣтей очень рѣдко имѣютъ охоту или досугъ справиться не только съ содержаніемъ книги, но даже съ отзывами о ней (правда, эти отзывы очень рѣдко издаются въ видѣ сборниковъ, удобныхъ для пользованія), и потому книги покупаютъ, руководясь, главнымъ образомъ, ихъ внѣшностью. Поэтому книга, изданная на хорошей бумагѣ, напечатанная крупнымъ, красивымъ шрифтомъ и снабженная иллюстраціями, можетъ разсчитывать не только на первое, но и на повторныя изданія, хотя бы она была несомнѣнною отрицательной величиной, если имѣть въ виду литературно-воспитательное значеніе книги. Яркимъ образчикомъ такого рода изданій можетъ служить „Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ“ г. Минцлова. Книга имѣетъ очень пріятную внѣшность (какъ вообще всѣ изданія фирмы Девріена), невинное заглавіе и совсѣмъ не невинное со-

держаніе, но выдержала уже два изданія и теперь выходитъ *третьимъ*.

Другими словами, ее прочли уже тысячи дѣтей, и новыя тысячи прочтутъ въ будущемъ, затративъ время на прочтеніе книги, которая въ лучшемъ случаѣ безвредна потому, что выдумана очень скучно и неуклюже: у читателя все смѣшивается въ калейдоскопическую массу,—и термины военно-инженернаго и военно-морского дѣла (война происходитъ близь береговъ „Японіи“ — на ручьѣ, прозванномъ „Амуромъ“), которыми авторъ уснастилъ свою книгу, и эпизодическіе разсказы: о томъ, какъ дѣти (реалистъ и гимназистъ) устраивали на своихъ островахъ каторжную колонію (аналогію Сахалина?), куда рѣшили „ссылать преступниковъ для разработки алмазныхъ розсыпей“; о томъ, какъ герои г. Минцлова судили своихъ оловянныхъ воителей, приговоривъ одного изъ нихъ—„виновнаго“ въ аваріи командира судна—къ смертной казни, замѣненной, вслѣдствіе протеста разсказчика, „пожизненнымъ заключеніемъ въ подземной тюрьмѣ на островѣ Тишины“; о томъ, какъ мальчуганы-герои *вѣшали* („черезъ минуту англичанинъ висѣлъ на сукѣ дерева“,—по-военному разсказываетъ герой-реалистъ) своихъ виноватыхъ плѣнныхъ и даже „обезглавленныхъ раненыхъ“ (художникъ—г. Эйснеръ оказался на высотѣ авторскихъ требованій и иллюстрировалъ этотъ эпизодъ: на картинкѣ изображена висѣлица и на ней казненные оловянные солдатики; художникъ пропустилъ безъ вниманія только указаніе автора, что среди нихъ должны быть и „обезглавленные раненые“). Своими „обезглавленными ранеными“ г. Минцловъ хотѣлъ, повидимому, придать спеціально дѣтскій колоритъ разсказу. Хорошъ, однако, дѣтскій колоритъ, и хорошъ вообще весь разсказъ! Поистинѣ трудно понять, даже принимая во вниманіе особенности сбыта дѣтскихъ изданій, какъ могли понадобиться три изданія такой книги!

Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше изданій г. Девріена наибольшій интересъ представляетъ книга г. Поспѣлова: „Въ снѣгахъ восточной Сибири“, читающаяся легко и передающая мимоходомъ извѣстный запасъ свѣдѣній о нашемъ крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть г. Пахомова „Два старика“ посвящена другой окраинѣ—Кавказу. Несмотря на то, что въ распоряженіи г. Пахомова была не менѣе благодарная тема, чѣмъ у г. Поспѣлова, разсказъ получился менѣе живымъ и интереснымъ. Отчасти этому виною обиліе отступленій въ область прошлаго Кавказа. Есть въ книгѣ нѣкоторыя поэтическія вольности вродѣ того, что герои разсказа выѣзжаютъ изъ Владикавказа „рано утромъ“ и останавливаются на ночлегъ около Ларса въ 28 верстахъ, т. е. черезъ 3—4 часа пути. Гораздо хуже, впрочемъ, мимолетныя оповѣщенія автора о „притѣсненіяхъ“ армянами грузинъ да фантастическіе разсказы о томъ, что среди кавказскихъ казаковъ „даже

посторонній, заговорившій дерзко со старикомъ, дѣлался предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія (!) всей станицы".

Что же касается книги г-жи Сомовой, то въ ней по-просту испорчены различныя басни. Все, что въ басняхъ имѣло смягченный характеръ аллегоріи, въ разсказахъ г-жи Сомовой получило характеръ отталкивающей рѣзкости: люди въ изображеніи г-жи Сомовой поступаютъ слишкомъ по-звѣриному. Разница между впечатлѣніемъ отъ басенъ Крылова и отъ соотвѣтствующихъ „басенъ въ лицахъ" г-жи Сомовой такая же, какая получается, если тѣневой силуэтъ на стѣнѣ обвести, для большей ясности, углемъ,—да еще „покрѣпче" обвести.

Александръ Бычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905.

Книжка г. Александра Бычкова дешева, а спросъ на такія пособія великъ; поэтому необходимо предостеречь читателей отъ возможнаго вовлеченія въ невыгодную сдѣлку.

Благодаря нашей общественной и школьной системѣ, просвѣщенными люди становятся у насъ внѣ школы и скорѣе вопреки, чѣмъ благодаря ея стремленіямъ; наше образованіе есть по преимуществу самообразованіе. Оттого такъ жадно ищетъ нашъ обыватель, этотъ истинный мученикъ просвѣщенія, всякихъ популярныхъ книгъ, пособій, указателей по образовательному чтенію. Въ извѣстной степени этотъ спросъ удовлетворяется. Въ обѣихъ столицахъ организовались группы спеціалистовъ, составившихъ программы образовательнаго чтенія по разнымъ системамъ, но на основѣ общихъ началъ и единаго направленія. Московскія и петербургскія программы охватываютъ, однако, университетскіе курсы и предполагаютъ уже извѣстный уровень знаній. За предѣлами сравнительно небольшого круга подготовленныхъ къ такому чтенію лицъ остаются громадныя и быстро возрастающія массы читающаго люда, ищущаго хорошей книжки, желающаго ввести свое чтеніе въ систему и имѣющаго для этого очень мало пособій. Въ сущности, „Домашними библіотеками" покойнаго Панова исчерпывается все, что можно предложить начинающему. Между тѣмъ, эта полезная книжка была лишь первымъ опытомъ; она нуждалась бы во множествѣ дополненій, поправокъ, обновленій. Ее должны были бы замѣнить программы, составленныя, если не группой спеціалистовъ, то, по крайней мѣрѣ, всесторонне образованнымъ и широко любознательнымъ человѣкомъ, знакомымъ не только съ научной литературой, но и съ ея популярнымъ отраженіемъ.

Судя по предисловію, г. Бычковъ, какъ будто, и не брался за составленіе такого указателя. Онъ хотѣлъ только „облегчить справку и помочь найти журнальную статью или книгу". Однако, отдѣлъ I его книги озаглавленъ *Для начинающихъ читать* и содержитъ выборъ книгъ, довольно разнообразный, хотя и случайный. Да и кому могъ бы помочь указатель г. Бычкова? Прежде всего, конечно, не научному работнику. Научный указатель предполагалъ бы или критическій выборъ, или полноту; ни того, ни другого въ работѣ г. Бычкова нѣтъ, да и не могло быть, какъ показываетъ его разсказъ о происхожденіи его книжки. „Въ теченіе почти двадцати лѣтъ, съ перерывами, я имѣлъ обыкновеніе отмѣчать у себя тѣ журнальныя статьи и тѣ книги, которыя, по моей ли оцѣнкѣ или по рецензіямъ въ періодической печати, заслуживали въ какомъ-либо отношеніи общаго вниманія. Собранныя такимъ образомъ замѣтки неоднократно уже представляли и мнѣ, и моимъ знакомымъ существенное подспорье въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было отыскать журнальную статью или навести литературную справку". Казалось бы, этотъ наборъ случайныхъ отмѣтокъ можно было спокойно оставить по прежнему для домашняго употребленія. Г. Бычковъ разсудилъ иначе и издалъ свою ненужную книжку. Много говорить о ней не стоитъ. Это не „систематическій указатель", а каша; смѣшно указывать пропуски: ими можно было бы наполнить десятки такихъ книжекъ. Достаточно сказать, что въ отдѣлѣ русской беллетристики, куда вошли также поэты, указаны сочиненія Ашкинази, Долгово, Маликова, но нѣтъ Майкова, Полонскаго, Фета, Тютчева; въ отдѣлѣ иностранной беллетристики есть „Вероника" Шумахера и „Исповѣдь старика" Ніево, но нѣтъ Теккерея. Берне тоже не удостоился упоминанія. Это случайные примѣры изъ множества. Опечатокъ, уродующихъ собственныя имена и заглавія, масса.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Александръ Добролюбовъ. Изъ книги невидимой. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

П. Соловьева (Allegro). ***Иней.*** Рисунки и стихи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга первая. Спб. 1905. Ц. 1. р. 50 к.

Леонидъ Семеновъ. Собраніе стихотвореній. Спб. 1905. Ц. 1. 25 к.

Осипъ Дымовъ. Солнцеворотъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

О. Уайльдъ. Баллада Редингской тюрьмы. Пер. Н. орнъ. Спб. 1903.

Всеволодъ Кулигинъ. Студенты Драматическій этюдъ. Волчанскъ. 1905. Ц. 75 к.

Ломэнъ. Наброски. Спб. 1905. Ц. 1 руб.

О. Мирбо. Жанъ и Мадлена. Драма въ 5 дѣйств. Пер. съ франц. М. В. Ватсонъ. Спб. 1905.

А. Баулинъ. Отрывки. Спб 1905.

Пѣсни свободы. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Кантигровъ. Первый день службы. Томскъ. 1905.

Петръ Оленинъ. „На вахтѣ". Очерки и разсказы. Спб. 1904. Ц. 75 к.

К. И. Фоломѣевъ. Счастье. Драматическая поэма. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 коп.

П. Сакулинъ. А. Н. Пыпинъ. Москва. 1905.

С. Яковлевъ. А. Н. Стрекалова. (Біограф. очеркъ). Москва. 1904.

В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Декабристы: М. А. фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель („Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I). Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи великой французской революціи (г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ проф. Н. Карѣева. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1905. Ц. 1 р.

А. Вандалъ. Возвышеніе Бонапарта. Пер. съ XI франц. изд. З. Н. Журавской. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 2 р.

А. А. Николаевъ. Очерки по исторіи японскаго народа. Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905. Ц. 1 р.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1870—1871). Съ предисловіемъ Ф. Энгельса. Книгоизд. „Буревѣстникъ". Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній. Со вступит. статьей В. В. Семевскаго. Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

В. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ древней Греціи. Изд. Брейтигама. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

И. Левитовъ. Желтороссія, какъ буржуазная колонія. Спб. 1905. Цѣна 75 коп.

Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества. Подъ ред. ***В. И. Семенова*** и общ. руков. ***П. П. Семенова*** и ***В. П. Ламанскаго.*** Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. Спб. 1905. Изд. Девріена. Ц. 3 р. 75 коп.

Н. Дилевская. Черноморскія степи (Геогр. коммиссія при учебномъ отдѣлѣ Общ. распростр. технич. знаній). Москва. 1905. Ц. 40 к.

Конституціонное государство. Сборникъ статей. Изд. І. В. Гессена и прив.-доц. А. И. Каминка при участіи редакціи газеты „Право". Спб. 1905. Ц. 75 к.

Леонардъ Олстонъ. Общій очеркъ современныхъ конституцій. Введеніе въ науку о государствѣ. Перев. съ англ. подъ ред. Н. Н. Мамонина. Москва. 1905.

Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. 2 изд. Харьковъ. 1905.

А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Б. Кистяковскаго. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Перев. Л. Жбанкова. Образовательная библіотека. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Письма Фердинанда Лассаля къ Марксу и Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Пер. В. А. Шанина подъ ред. А. Финна-Енотаевскаго. Спб. Книгоиздательство „Литературное Дѣло". 1905. Ц. 1 р. 50.

Dr. Michael Tugan - Baranowsky. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig (Duncker & Humblot). 1905. Preis M. 5.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Пер. съ нѣм. С. А. Алексѣева. Одесса. 1905. Ц. 10.

Алибеговъ. Жилищныя условія рабочихъ Чернаго города. Баку. 1905.

А. Смирновъ. Что сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ, и что они могутъ сдѣлать у насъ. М. 1905. Ц. 15 к.

А. Ѳ. Логиновъ. Бесѣда съ крестьянами о трехпольной системѣ хозяйства. Екатеринославъ 1905.

М. Лунцъ. Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Современная библіотека. Изд. И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 10 к.

Г. Спенсеръ. Размышленія. Перев. Г. Оршанскаго. Изд. И. А. Брейтигама. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Б. Краевскій. Горе и радость дѣтскаго возраста. Лекціи по психологіи

чувствъ ребенка. Харьковъ. 1905. Ц. 60 коп.

Артуръ Шопенгауэръ. Собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Выпускъ XII. Изд. А. И. Ефимова.

Н. М. Минскій. Религія будущаго (Философскіе разговоры). Спб. Изд. М. В. Пирожкова. 1905. Ц. 2 р.

М. Гершензонъ. Мысли двухъ философовъ о школѣ (В. Гумбольдтъ и Кондорсэ). М. 1905. Ц. 10 к.

Н. Парфентьевъ, прив.-доцентъ. Идея непрерывности и прерывности.. Рѣчь въ засѣд. казанск. физ.-мат. общ Казань. 1905.

Е. Елачичъ. Изъ жизни природы. Біологическіе очерки. Спб. 1905. Ц 40 коп.

Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ для учащихся въ сельскихъ школахъ. Часть I. Воздухъ и вода. Москва. 1905. Ц. 25 к.

Буткевичъ. Самоучитель пчеловодства. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

В О. Образцовъ. Письмо душевно-больныхъ. М. 1904.

Д-ръ Э. Ф. Морицъ. О предсказаніи жизни. Второе изд. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Лекціи по азіатской холерѣ, читанныя для врачей и студентовъ при харьк. медиц. обществѣ въ 1905 г. Харьковъ. 1905. Ц. 2 р.

М. Я. Брейтманъ Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. Изд. журнала „Практическая Медицина". Спб. 1905.

Книгоиздательство „Буревѣстникъ". Экономическое ученіе ***К. Маркса*** въ изложеніи ***К. Каутскаго.*** Пер. съ 9 нѣм. изд. 2 изд. Ц. 30 коп. ***Ф. Лассаль.*** О программѣ работниковъ. Ц. 10 ***К К. Каутскій.*** Пролетаріатъ и общественный строй. Ц. 60 к. ***Бебель.*** Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к. ***Бебель.*** О Бернштейнѣ. 2 изд. пер. съ нѣм. Ц. 15 к. Одесса. 1905.

Избранная библіотека: № 4. Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Пер. съ нѣм. К Чекуруль-Куша. Съ пред. Э. Бернштейна. Ц. 8 коп. Кіевъ.

Тексты конституцій. Изд газеты „Кіевскіе Отклики". I. Прусская конституція. Пер. М. С. Іоффе. II. Испанская конституція. Пер. Н. И. Лучицкой. Ред. и предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905. Ц. по 5 к.

Современная библіотека. Изд. т-ва И. Д. Сытина. ***И. Д. Новикъ.*** Московскіе земскіе соборы. Ц 15 к. ***А. А. Дживелеговъ.*** Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к. М. 1905.

Общедоступная библіотека Горбунова - Посадова. Порѣцкій. Дары моря. Ц. 10 коп. ***Порѣцкій.*** Путешествіе по Сахарѣ. Ц. 8 к. ***Порѣцкій.*** Воздушные путешественники. Ц. 15 к. М. 1905.

Изданія „Посредника". Потанина. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Ц. 15 к. ***Потанина.*** Разсказы о бурятахъ. Ц. 12 к. ***Горбуновъ-Посадовъ.*** Въ Христову ночь. Ц. 1 к. ***Поступаевъ.*** Не дошелъ. Ц. 1 к. ***О. Рунова.*** Павлюкъ. Ц. 1 к. ***Наживинъ.*** Великая истина. Ц. 1 коп. ***Златовратскій.*** Деревенскій король. Ц. 3 к. Избранные мысли и афоризмы ***Л. Н. Толстого*** Вып. I. Ц. 30 к. М. 1905.

Библіотека „Юнаго Читателя". Іензенъ. Густавъ Ваза. Ц. 25 к. ***Э. Вахтерова.*** По пустынѣ Ц. 5 к. Спб. 1905. ***Алоизъ Ирасекъ.*** За свободу (Песьи головы). Романъ. Пер. съ чешскаго. В. Южанина. Спб. 1905. Ц. 40 к. ***Среди углекоповъ.*** Повѣсть изъ жизни англійскихъ рабочихъ. Пер. съ англійскаго Э. Пименовой. Спб. 1905. 2-е изданіе.

Труды бюро по энтомологіи ученаго комитета мин. земл. и госуд. имуществъ Т. VI. № 3. ***Шрейнеръ.*** Древесница въѣдливая и древоточецъ пахучій. Ц. 3 коп. № 6. ***Порчинскій.*** Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. Ч. I. Ц. 25 коп. № 2. ***Шрейнеръ.*** Зимняя теденица. Ц. 3 к. Спб. 1903.

Тулуповъ и Шестаковъ. Новая школа. Ч. I. Изданіе И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 25 коп.

Извѣстія Спб. политехнич. института. 1905. Т. III, вып. 1—2. Спб 1905.

Отчетъ комитета Краснаго Креста при казанскомъ университетѣ по 8 февр. 1905. Казань. 1905.

Отчетъ Спб. пожарной команды за 1904 г. I. Спб. 1905.

Политика.

Около войны.—Около мира.—Франко-германскій конфликтъ.—Австро-венгерскій конфликть. — Шведо-норвежскій конфликтъ. — Текущія событія. — Некрологъ.

I.

На главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Манчжуріи, вотъ уже около пяти мѣсяцевъ царитъ бездѣйствіе. Рекогносцировки и кавалерійскіе набѣги, аванпостныя дѣла и постоянныя нащупыванія съ обѣихъ сторонъ, не отошелъ ли противникъ, не перемѣнилъ ли позиціи. Газетныя извѣстія пестрятъ телеграммами объ этихъ столкновеніяхъ, цитируя сотнями имена съ окончаніями на *янъ*, *линь*, *хе*, *цзы* и т. д., съ всевозможными приставками спереди, но уже рѣдко кто слѣдитъ за этими именами,—все равно отсюда ничего не разберешь. Знаемъ, однако, что эти пестрящіе газетные листы *яны* и *лины*, *хе* и *цзы* являются неопровержимыми показателями, что ежедневно и еженощно, въ зной и въ дождь, безпрерывною струею льется кровь на фронтѣ свыше ста верстъ.

Если „на Шипкѣ все спокойно", то становится неспокойно въ иныхъ мѣстахъ. Владивостокъ готовится къ участи Артура, а на Сахалинѣ уже хозяйничаютъ японцы.

Телеграмма ген.-отъ-инф. Линевича увѣдомила о началѣ этой новой главы въ исторіи бѣдственной войны въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„24 іюня японцы заняли постъ Корсаковскій; 25 іюня, въ 8 часовъ утра, въ бухту Лососей вошли два миноносца и открыли огонь по Соловьевской позиціи. Корсаковскій отрядъ съ Соловьевской позиціи сталъ отходить на сѣверъ. Конница противника заняла Соловьевку. Въ Корсаковскомъ высадился дессантъ японцевъ въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія".

Постъ Корсаковскій, второе по значенію поселеніе на Сахалинѣ. Около него лежитъ потопленный „Новикъ". О томъ же событіи японцы сообщили слѣдующею депешею:

„Лондонъ, 27 іюня (П. А.). Японская миссія опубликовала слѣдующую телеграмму изъ Токіо отъ 27 іюня: „Рано утромъ 25 іюня нашъ дессантъ занялъ постъ Корсаковскій, не встрѣтивъ большого сопротивленія. Русскіе сожгли Корсаковскій постъ и отступили къ позиціямъ близъ мыса Кольцова, на разстояніи 7 миль къ сѣверу отъ поста Корсаковскаго. Тутъ они опять пытались сопротивляться, но были выбиты нашими войсками изъ поселка и отступили къ Владиміровкѣ, на 22 мили къ сѣверу отъ поста Корсаковскаго. Въ этихъ столкновеніяхъ мы захва-

тили орудіе и боевые припасы. Съ нашей стороны потерь не было".

Затѣмъ о дѣйствіяхъ японцевъ на югѣ Сахалина имѣются слѣдующія японскія свѣдѣнія:

„Лондонъ, 28 іюня (11 іюня) („Central News"). Японское посольство опубликовало телеграмму адмирала Катаока, доносящаго, что два крейсера и четыре миноносца, подъ командой контръ-адмирала Того, были посланы съ войсками къ мысу Кондо, на юго-западѣ Сахалина. 27 іюня, послѣ демонстративной бомбардировки, эскадра высадила морской дессантъ, который занялъ мысъ, гдѣ нашелъ маякъ и строенія въ полной исправности".

Токіо, 29 іюня (12 іюля) („Central News"). Оффиціально. Сахалинъ снова названъ Кабафуто.

2 (15) іюля. Корсаковскій постъ горѣлъ до 27 іюня. Городъ почти совершенно уничтоженъ.

2 (12) іюля. Оффиціально. Согласно сообщенію изъ сахалинской арміи, японцы, преслѣдуя русскихъ, выбили ихъ изъ позицій между Владимірской и Ближней и заняли оба эти пункта. Русскіе отступили на укрѣпленную позицію къ сѣверу отъ Дальней, гдѣ, съ помощью нѣсколькихъ полевыхъ орудій и пулеметовъ, оказали упорное сопротивленіе. Японская армія атаковала непріятеля 28 іюня и на разсвѣтѣ 29 нанесла ему пораженіе. Потери русскихъ неизвѣстны, но убитыхъ у нихъ, вѣроятно, 150 чел.

2 (14) іюля (Р. А.) („Central News"). Въ сраженіи на Сахалинѣ японцы потеряли семь человѣкъ убитыми, 60 ранеными. Южная часть Сахалина теперь въ рукахъ японцевъ. По слухамъ, Корсаковскій постъ съ 24 по 27 іюня былъ объятъ пожаромъ, весь городъ выгорѣлъ. Убѣжавшіе жители, по большей части туземцы, возвращаются назадъ.

Хокодате, 4 (17) іюля. („Central News"). Японцы организуютъ управленіе Сахалиномъ. (Р. А.).

Токіо, 4 (17) іюля. По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ, японцами выгруженъ въ Корсаковскѣ матеріалъ для полнаго оборудованія полевой желѣзной дороги въ 125 миль, а также высаженъ дессантъ въ 3,000 человѣкъ. Вооруженныя силы японцевъ на Сахалинѣ достигаютъ въ настоящее время 14.000 человѣкъ.

3 (16) іюля. На Сахалинѣ японцами взято въ плѣнъ 80 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ лейтенантъ. Ими захвачены также 4 полевыхъ орудія, одинъ пулеметъ, боевые припасы, арсеналы. Уронъ японцевъ составляетъ около 70 человѣкъ, русскіе же потеряли около 150.

8 (21) іюля. На Сахалинѣ взято въ плѣнъ болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ лейтенантъ съ крейсера „Новикъ", занимавшій постъ командира въ Корсаковскомъ.

Занятіе японцами южной лучшей части Сахалина этими дѣй-

ствіями завершено. Вмѣстѣ съ тѣмъ начато систематическое утвержденіе ихъ господства: организуется управленіе, прокладываются усовершенствованные пути.. Окончивъ покореніе южной части Сахалина, японцы обратились къ сѣверной. Телеграммы ген.-лейт. Ляпунова, военнаго губернатора Сахалина, отъ 10 (23) іюля даютъ отчетъ о началѣ японскихъ дѣйствій противъ сѣверо-сахалинскихъ русскихъ поселеній:

Сегодня, въ 8½ час. утра, на южномъ горизонтѣ Татарскаго пролива замѣчено было у поста Александровскаго нѣсколько судовъ. Въ 10 часовъ обнаружилось, что это японскіе миноносцы. Два изъ нихъ прошли мимо Александровскаго поста на сѣверъ, остальные миноносцы сгруппировались у поста Дуэ, сдѣлали четыре выстрѣла, но безрезультатно. Въ 11 часовъ на югѣ показалось нѣсколько большихъ судовъ.

Въ 12 час. дня два японскихъ миноносца, пройдя мимо Александровскаго поста, верстахъ въ 4 хъ отъ берега, на сѣверъ, остановились противъ устья рѣки Арковъ, въ 12-ти верстахъ сѣвернѣе поста Александровскаго, обстрѣляли тамъ берегъ и ушли на юго-западъ. Въ томъ же направленіи вскорѣ ушли крейсеръ и 4 миноносца, находившіеся противъ поста Дуэ (Р. А).

Агентскія телеграммы:

Годзядань, 13 іюля (12 час. 20 мин. дня). Какъ сообщаютъ, 11 іюля въ первомъ часу дня японскіе контръ-миноносцы подошли къ посту Де-Кастри и направились къ перешейку, на которомъ находится маякъ. Въ 1 час. 30 мин. дня японцы высадили на перешейкѣ дессантъ около баталіона и заняли маякъ, на которомъ подняли японскій флагъ. (П. А.).

Годзядань, 10 іюля (3 ч. 41 м. дня). 11 іюля въ Николаевскѣ слышались со стороны Сахалина выстрѣлы изъ большихъ орудій (П. А.).

Александровскій постъ—главный городъ Сахалина, а Де-Кастри постъ на берегу залива того же имени, на материкѣ, немного къ югу отъ Николаевска, отличная гавань.

Кромѣ свѣдѣній о бездѣйствіи главныхъ силъ и этихъ новыхъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о потерѣ Сахалина, не мало занимали слѣдящихъ за войною извѣстія о починкѣ японцами русскихъ судовъ. Еще въ прошлой бесѣдѣ мы сообщали о подъемѣ и починкѣ „Варяга“ и „Паллады“, потомъ пришло извѣстіе о подъемѣ и приводѣ въ Сасебо броненосца „Пересвѣтъ“. Затѣмъ имѣемъ слѣдующія сообщенія:

Токіо, 26 іюня (П. А.). („Daily Telegraph“). Исправленіе бывшаго русскаго броненосца „Орелъ“ закончено, и сегодня онъ совершилъ пробное плаваніе. Судну присвоено названіе „Ивами“.

Токіо, 5 (18) іюля. Возвратившійся изъ Портъ-Артура офицеръ сообщилъ, что поврежденія, причиненныя затонувшимъ тамъ русскимъ судамъ, менѣе значительны, чѣмъ думали раньше. Рус-

скіе примѣнили взрывчатыя вещества внутри судовъ, полагая, что поврежденія будутъ серьезныя. Однако, оказалось, что существенныя части судовъ не пострадали сильно. Наиболѣе серьезныя поврежденія причинены крейсеру „Баянъ", который втащенъ на буксирѣ въ портъ. Броненосецъ „Пересвѣтъ" уже плаваетъ съ помощью собственныхъ машинъ. Оба эти судна будутъ отправлены въ скоромъ времени въ Японію для окончательнаго исправленія. Даже броненосецъ „Побѣда", сильно поврежденный, снова начнетъ, какъ полагаютъ, плавать въ первыхъ числахъ августа. Броненосецъ „Ретвизанъ" начнетъ плавать еще раньше. (Рейтеръ).

Токіо, 9 (22) іюля. (Р. А.). („Central News"). Вчера утромъ начали выкачивать воду изъ броненосца „Полтава", и въ 3 часа пополудни судно было поднято на поверхность.

Токіо, 12 (25) іюля. Поврежденія броненосца „Полтава" не такъ значительны, какъ у другихъ судовъ. Въ его бортахъ всего два отверстія, которыя въ скоромъ времени могутъ быть задѣланы".

Словомъ въ Портъ-Артурѣ японцы подняли и починяютъ четыре первоклассные броненосца, и два имъ сдалъ к.-адм. Небогатовъ, всего 6; изъ Портъ-Артура же они получили броненосный крейсеръ и одинъ бронепалубный, другой — изъ подъ Чемульпо, да два береговыхъ броненосца сданы Небогатовымъ, итого—одиннадцать большихъ боевыхъ судовъ русскаго флота усилили собою флотъ Японіи, не считая болѣе мелкихъ, которыхъ японцы поднимутъ въ Артурѣ не мало...

Таковы печальные итоги полуторагодовой войны, подводимые исторіей наканунѣ открытія мирной конференціи.

II.

Относительно медленное развитіе военныхъ операцій въ послѣднее время тѣмъ больше сосредоточиваетъ вниманіе всѣхъ болѣющихъ болѣзнями родины на оборотной сторонѣ войны, той сторонѣ, которая подготовила эти неслыханныя несчастія. Всѣ ищутъ причинъ, всѣ всматриваются въ военную дѣйствительность, въ порядки и непорядки.

Кн. Мещерскій тоже старается вникнуть. Онъ полагаетъ, что равнодушіе къ своему дѣлу корпуса офицеровъ арміи и флота имѣетъ выдающееся значеніе. Цитирую его мысли по „Биржевымъ Вѣдомостямъ" (отъ 16 іюля 1905 г. № 8875).

„Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ кн. Мещерскій,—доходитъ ли въ эти полтора года войны до кого-либо изъ насъ откликъ о томъ, чтобы гдѣ-нибудь въ офицерской средѣ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ слова „ужасно", послѣ чтенія газеты, отразились претерпѣваемыя

нашею дѣйствующею арміею неудачи; какимъ-либо психическимъ моментомъ реакціи, подъ вліяніемъ котораго офицеры той или другой части, подвинутые любовью къ отечеству, рѣшили приняться за задачу своего самовозрожденія съ цѣлью, чтобы во всѣхъ полкахъ, во всѣхъ экипажахъ, закипѣла работа разрыва съ мертвечиною прошлаго и возсозданія новой, живой арміи трудомъ, ученіемъ, объединеніемъ съ солдатомъ, дабы на глазахъ всего народа усиліями офицеровъ военная служба была превращена изъ тяжелой барщины въ любимое живое дѣло!

„Ничего подобнаго нигдѣ не проявилось и понынѣ. Войдите въ главный штабъ, — тамъ царитъ тотъ же духъ смерти и презрѣнія ко всякой военной нуждѣ. Войдите въ морское вѣдомство,—тамъ царитъ тотъ же духъ смерти, то же презрѣніе въ каждой живой нуждѣ флота, точно и для главнаго штаба, и для морского вѣдомства въ эти полтора года ничего не случилось, кромѣ красносельскаго маневра; приглядитесь къ нашимъ героямъ генеральнаго штаба,—это тѣ же непогрѣшимые, самоувѣренные и всепрезирающіе монументы, которыхъ ничто за эти полтора года не задѣло за живое, которымъ ничего не крикнуло: опомнитесь, и для которыхъ все пережитое арміею было предметомъ сужденія свысока, но не зеркаломъ, въ которомъ бы они могли съ ужасомъ и съ покаяніемъ увидѣть всю духовную нищету ихъ умственнаго міра. Прислушайтесь въ вагонахъ, на гуляньѣ, въ гостинныхъ къ нашимъ офицерамъ,—они всѣ свысока хулятъ и обвиняютъ генераловъ, но, чтобы нашелся одинъ, который въ войнѣ нашелъ побудительную причину не для критики генераловъ, а для того, чтобы усерднѣе и добросовѣстнѣе заняться своимъ офицерскимъ дѣломъ—объ этомъ никто не слышалъ.

„Вотъ что самое ужасное, самое страшное, какъ картина настоящаго, ибо оно ужасающимъ мракомъ покрываетъ будущее. Значитъ, все, что ждетъ насъ впереди, еще хуже, ибо эти офицеры, эти генералы будущаго, уже будутъ тѣ, въ которыхъ эта война не тронула ни одного нерва, не задѣла ни одного чувства!"

Поставивъ довольно правильно діагнозъ (быть можетъ, слишкомъ поспѣшно распространять на *всю* армію то, что князь видитъ въ штабахъ и въ своемъ кругу), авторъ путается въ выводахъ. Онъ думаетъ, что въ покаяніи грѣшниковъ надо ожидать избавленія. Обращеніе всѣхъ грѣшниковъ на путь праведный было бы чудомъ, о которомъ намъ не разсказываетъ и Священное писаніе.

Покаянія отдѣльныхъ личностей и возможны, и естественны, но Содомъ и Гоморру надо было разрушить. Нашъ Содомъ не въ людяхъ, а въ условіяхъ, и наша Гоморра не въ стремленіи къ грѣху, а въ невозможности не грѣшить въ данной обстановкѣ.

Выше цитированныя негодующія строки противъ главнаго штаба и морского вѣдомства прекрасны, и оные олимпійцы вполнѣ заслужили негодованіе, но напрасно было бы ждать выхода отъ ихъ покаянія. Не покаются они, а будутъ грѣшить паки и паки. Не они, такъ другіе. Самъ князь вслѣдъ затѣмъ говоритъ (цитирую по „Нашей Жизни“ отъ 1 іюля, № 138) о новыхъ планахъ судостроенія, вырабатываемыхъ морскимъ вѣдомствомъ, слѣдующее:

„Надо быть глубоко растлѣннымъ вѣдомству, если послѣ всего, что пережила Россія послѣ 14 мая, оно не нашло въ себѣ даже атома сознанія, чтобы хотя нѣсколько минутъ призадуматься надъ ужаснымъ вопросомъ, насколько оно—главный виновникъ своимъ растлѣніемъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ русскій флотъ съ перваго дня войны и съ легкимъ сердцемъ прямо приступило къ вопросу: сколько строить вновь въ этомъ царствѣ воровства и обмана судовъ...“

Что дѣлалось въ этомъ „царствѣ“, обнаружила Цусима и вся война. Что дѣлается теперь, вскрывается порою въ наготѣ, почти невѣроятной. Такъ, напримѣръ (цитирую по „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ отъ 1 іюля, № 8903, веч.), въ „Кіевской Газетѣ“ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя разъясненія по поводу покупки аргентинскихъ и чилійскихъ судовъ.

„Исторія переговоровъ о куплѣ-продажѣ экзотическихъ судовъ, чилійскихъ и аргентинскихъ, путаная, сложная. Въ Петербургъ разновременно наѣзжало нѣсколько человѣкъ посредниковъ по продажѣ. Спеціально составился было синдикатъ изъ англо-американскихъ милліардеровъ, который проектировалъ купить эти суда у южно-американскихъ республикъ съ тою цѣлью, чтобы сейчасъ же перепродать ихъ Россіи, конечно, съ хорошимъ для себя барышемъ. Одно время все шло хорошо. Весь экзотическій флотъ исчислялся не менѣе 75.000 тоннъ водоизмѣщенія. Синдикатъ желалъ получить по 1000 р. за тонну, т. е. 75 милліоновъ рублей. Аппетиты акулъ морского вѣдомства разыгрались и выразились въ колоссальной цифрѣ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Но тутъ акулы требовали отъ синдиката, чтобы онъ обезпечилъ имъ ихъ „заработокъ“, т. е. положилъ бы до окончанія сдѣлки кругленькую сумму на имя лицъ, которыя пользовались довѣріемъ акулъ, и указывали даже одинъ изъ заграничныхъ банковъ, куда долженъ былъ быть положенъ этотъ „кушъ“. Тутъ уже дѣло касалось кармана членовъ синдиката, и переговоры стали принимать неблагопріятный оборотъ. Синдикатъ боялся, что купля и продажа судовъ можетъ не состояться, и тогда онъ рискуетъ потерять свои собственные милліоны, вложенные на чужое имя; „дѣятели“ же морского вѣдомства, въ свою очередь, не довѣряли синдикату, опасаясь, что если допустить состояться сдѣлкѣ безъ денежныхъ гарантій со стороны синдиката, то синдикатъ, получивъ и свои 75 милліоновъ, и тѣ,

что сверхъ нихъ и что должно идти въ раздѣлъ между акулами, можетъ этихъ денегъ и не заплатить имъ. Такимъ образомъ, взаимное недовѣріе сторонъ погубило выгодное дѣльце".

Надо замѣтить, что лучшія суда аргентинскаго флота были проданы передъ войною Японіи и нынѣ плаваютъ подъ японскимъ флагомъ—броненосные крейсеры „Ниссинъ" и „Кассуга". Другія два сильныхъ судна аргентинскаго флота, броненосцы, строившіеся въ Англіи, уступлены аргентинцами Англіи сейчасъ послѣ примиренія съ Чили. У аргентинцевъ остались только старыя суда, для современныхъ условій войны недостаточно сильныя, недостаточно быстрыя, недостаточно защищенныя. То же самое слѣдуетъ сказать и о чилійскомъ флотѣ. Лучшія суда этого флота въ 1903 году Японія купила у Чили, именно: одинъ броненосецъ и два крейсера, но настолько мало ими дорожила, что начала войну, не дождавшись ихъ снаряженія и прибытія. Тѣмъ не менѣе, это японскія суда и они только ждутъ мира, чтобы отправиться къ японскимъ берегамъ, подобно нашимъ: „Цесаревичу", „Аскольду" и др. Такимъ образомъ, все, что было цѣннаго, японцы передъ войною купили и у Аргентины, и у Чили. Оставалось у этихъ республикъ лишь то, что забраковано японцами. И вотъ, объ этомъ бракѣ намъ разсказываютъ выше цитированную исторію, которая, однако, до сихъ поръ не опровергается и не разъясняется ни съ какой стороны. За никому не нужный хламъ семьдесятъ пять или даже сто милліоновъ (100.000.000) рублей— это... не имѣетъ имени! Однако, сорвалось. Не всегда срывается. Въ этомъ отношеніи очень яркую картину рисуетъ „Слово" о покупкѣ на *милліонъ* рублей, пожертвованныхъ графомъ Строгановымъ, вспомогательнаго крейсера, снаряженнаго, какъ лучшаго и вполнѣ современнаго развѣдчика. Щедрый жертвователь не морякъ и нуждался въ совѣтахъ и указаніяхъ. Нѣмецкій корабль „Ланъ" и былъ купленъ на пожертвованныя деньги и былъ щедро снабженъ всѣмъ необходимымъ. Новый крейсеръ назвали „Русью" и включили въ составъ эскадры Небогатова, но за разными порчами судно возвратилось уже отъ береговъ Даніи. „Слово" приводитъ слѣдующій рапортъ вице-адмирала Бирилева о состояніи „Руси":

„Я уже имѣлъ честь докладывать лично, что „Русь" представляетъ изъ себя хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева, и что уважающая себя нація не можетъ послать такого судна въ море подъ военнымъ флагомъ.

„Мое мнѣніе не было принято во вниманіе, но сами обстоятельства, сама судьба избавила Россію еще отъ одного скандала, и „Русь" вернулась, дойдя съ трудомъ только до Скагена. Изъ представляемаго акта видно, что это судно, безъ перестройки корпуса и механизмовъ, плавать не можетъ. Шаръ, для котораго приспособлена „Русь", также не можетъ быть употребленъ

съ военными цѣлями и составляетъ грузъ, пользоваться которымъ можно только при особо благопріятныхъ условіяхъ, каковыхъ въ морѣ почти никогда не бываетъ. Военнаго значенія, какъ крейсеръ, „Русь“ не имѣетъ, за исключеніемъ отрицательныхъ сторонъ.

„Въ виду полученнаго распоряженія готовить „Русь“ къ плаванію съ 2-мъ эшелономъ 3-й эскадры, почтительнѣйше прошу распоряженія, готовить ли это судно и по ознакомленіи начальства съ представляемымъ актомъ“.

Подписалъ вице-адмиралъ Бирилевъ.
22-го февраля 1905 г.

По справкамъ „Слова“, купленный корабль уже много лѣтъ проплавалъ, пришелъ въ негодность и служилъ въ Бременѣ для береговыхъ надобностей, не дерзая выходить въ море.

Что дѣлалось, обнаружила Цусима. Что дѣлается, порою вызываетъ прямо изступленное негодованіе (вѣдь это все пріобрѣтается для войны, для тысячи жизней!). Иной разъ интересно знать и о томъ, что будетъ дѣлаться, напримѣръ:

„Лондонъ, 27 іюня (10 іюля) („Central News“). По слухамъ изъ сферъ, близкихъ къ лондонскому Сити, русское правительство зафрахтовало въ Гамбургѣ 15 большихъ пароходовъ для обратной перевозки русскихъ плѣнныхъ изъ Японіи. Контрактъ дѣйствителенъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ“.

Уже зафрахтованы... И въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ будутъ ждать и получать мзду! А вотъ, съ другой стороны, телеграмма оффиціальнаго спб. агентства изъ Владивостока, отъ 14 іюля:

„Слухъ о передачѣ иностранной пароходной компаніи перевозки нашихъ плѣнныхъ возбуждаетъ крайнее удивленіе. Задаются вопросомъ, почему не могутъ быть использованы мѣстныя средства, чѣмъ сберегаются громадныя суммы, ускорится перевозка, используются госпитали и подвижной составъ желѣзной дороги, а путевые расходы плѣнныхъ останутся въ своей странѣ. Плѣнные могутъ быть во Владивостокѣ распредѣлены эшелонами по губерніямъ, вмѣсто перевозки отъ Одессы черезъ всю Россію, напримѣръ, въ Сибирь. Военныя обстоятельства не позволяютъ перечислить имѣющіяся средства перевозки, однако центральныя учрежденія ихъ знаютъ“ (П. А.)

Конечно, знаютъ, но вѣдь это значитъ передать перевозку со всѣми онерами въ руки другого вѣдомства!

Какъ все, однако, стало откровенно,—ходятъ себѣ голые, даже фиговые листья брошены...

Однако, довольно о морякахъ. Высадимся на берегъ. Въ статьѣ „Что дѣлается на театрѣ войны“—„Новости“ сообщаютъ впечатлѣнія пріѣхавшаго съ театра войны офицера:

„Съ ужасомъ,—говорилъ офицеръ,—приходится вспоминать

все видѣнное. Если гдѣ знакомишься съ язвами нашей родины, такъ это на войнѣ.

„Невѣжество арміи, хищенія, безпорядки и отсутствіе вѣры въ начатое дѣло—вотъ картина положенія вещей.

„Почему мы проигрывали сраженіи? Почему мы бѣжали? Если руководители арміи стоятъ въ тылу, на разстояніи, гарантирующемъ жизнь, къ чему солдаты станутъ проявлять избыточное самоотверженіе?..

„Только въ военномъ лагерѣ видишь все ограниченное развитіе нашего офицера. Офицеръ не только не свѣдущъ въ общихъ вопросахъ, но у него полная tabula rasa даже въ военномъ искусствѣ. Книга по военнымъ вопросамъ ему совершенно чужда. Онъ растерялъ и то, что зналъ въ юнкерской школѣ; да и что онъ зналъ? Вотъ вамъ примѣръ: полковникъ, съ которымъ я случайно ѣхалъ въ Европейскую Россію,—правда, онъ почти всю жизнь провелъ на окраинѣ Россіи,—просилъ меня разъяснить ему—что такое земство.

„Или вотъ другой примѣръ: привезли къ намъ пятерыхъ, только что взятыхъ въ плѣнъ, японскихъ офицеровъ, и надо было подумать о томъ, гдѣ ихъ помѣстить. Одинъ изъ офицеровъ вполнѣ справедливо указалъ на гауптвахту, какъ на относительно свободное и удобное зданіе. Но завѣдующій гауптвахтой поспѣшилъ указать на непрактичность этой мысли. По его словамъ, на гауптвахтѣ находятся офицеры, которыхъ стыдно и показать воспитаннымъ японцамъ. Одинъ былъ посаженъ за гнусную продѣлку съ проституткой; другой за то, что заплатилъ извозчику, котораго держалъ чуть не полдня, 20 коп. и тѣмъ вызвалъ его на драку; третій откусилъ носъ у своего товарища. Поневолѣ пришлось отказаться отъ мысли соединить японцевъ съ русскими.

„Хищенія и казнокрадство такъ привились здѣсь, что малѣйшее самоограниченіе въ этомъ отношеніи уже считается добродѣтелью.

„Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ самъ про себя офицеръ, завѣдывавшій транспортами:

— Вижу, прибылъ товарный поѣздъ. Спрашиваю: что привезли? Говорятъ—ячмень. Иду и узнаю, что цѣна 60 коп. за пудъ, а по росписанію можно платить 1 р. 80 к. Конечно, не колеблясь, покупаю и отправляю по мѣсту назначенія.

— Ну, а какую цѣну показали вы начальству?—интересуется офицеръ-слушатель.

— Я подарилъ казнѣ 7,000 рублей,—съ гордостью заявилъ счастливый поставщикъ.—Я показалъ 1 р. 20 к. за пудъ, тогда какъ могъ показать на 60 к. дороже.

— Сколько,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—терпятъ лишеній солдаты отъ всякаго рода хищничества! Я уѣзжалъ въ маѣ и еще видѣлъ солдатъ въ валенкахъ! Порой вы видите строевого солдата въ китайскомъ халатѣ, валенкахъ и какомъ-то картузѣ!

„Теперь ужъ это не секретъ: нѣтъ единства, корпоративности, вдохновенія. Военныя части составлены изъ самыхъ пестрыхъ и чуждыхъ другъ другу элементовъ. Только Суворинъ можетъ писать о превосходномъ духѣ арміи.

„Какой-же возможенъ духъ при отсутствіи вѣры въ успѣхъ, при сознаніи, что кампанія проиграна?!"

Въ заключеніе этихъ печальныхъ и стыдныхъ страницъ о военныхъ обстоятельствахъ на морѣ и на сушѣ, въ Азіи и въ Европѣ, приведемъ нѣкоторые интересные итоги, которые „Слово" заимствуетъ изъ „The Japan weecly Mail", именно вѣдомость взятыхъ японцами орудій, оружія, снарядовъ и патроновъ:

Мѣста сраженій.	Орудія.	Снаряды и заряды.	Ружья.	Патроны.
Тюренченъ	29	88.717	1.021	353.005
Фынъ-хуанъ-чэнъ. . . .	—	857	—	181.000
Цзинь-чжоу	78	—	—	—
Ва-Фанъ-Гоу	16	1.121	958	87.233
Сю-янь.	—	—	600	—
То-му-чинъ.	6	570	63	98
Янь-цзя-линъ	2	—	300	—
Ляо-янъ	8	10.056	3.478	1.678.730
Шахэ.	45	6.920	5.474	78.000
Портъ-Артуръ.	546	82.670	35.252	2.266.800
Хэ-коу-тай	—	—	2.000	—
Мукденъ	66	227.700	62.200	26.640.000
	796	368.091	111.446	31.202.748

Сюда не включены трофеи морскіе, орудія и снаряды, взятые на захваченныхъ и потопленныхъ судахъ.

Спеціально для Артура интересны слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія. Сверхъ выше приведенныхъ данныхъ объ артиллеріи, сдано:

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Общеее количество гарнизона	41641	чел.
Изъ нихъ: раненыхъ, больныхъ	15.307	„
давшихъ слово не воевать	1.298	„
Генераловъ и адмираловъ.	17	„
Изъ нихъ: давшихъ слово	10	„
Штабъ и оберъ-офицеровъ	1.439	„
Изъ нихъ больныхъ	133	„
давшихъ слово не воевать	526	„

ПРОВІАНТЪ и ФУРАЖЪ.

Муки.	177.000	кванъ (около 10 ф.).
Ячмень	16.000	„
Маисовой муки. . . .	2.800	„
Рису.	270	„
Бисквитовъ	130.000	„
Говядины	7.000	„
Соли.	7.000	„
Сахару	7.000	„

Сухарей (бисквитовъ) такимъ образомъ сдано свыше тридцати тыс. пуд. и муки около сорока пяти тысячъ пудовъ, т. е. мѣсяца на четыре для гарнизона въ $41^1/_2$ тыс. человѣкъ. Соли и сахару тоже довольно, а остальное—только подспорье. Французскія дамы немного поспѣшили, открывъ подписку на почетную саблю для генералъ-адъютанта Стесселя. Онѣ и сконфузились, эти бѣдныя подписчицы: саблю не подносятъ, но въ какой музей онѣ сдадутъ ее для храненія и назиданія?

Такъ догораетъ пламя этой злосчастной войны, и гдѣ-то мерцаютъ слабые блески зари мира. Обратимся къ этимъ мерцаніямъ.

III.

Относительно мирныхъ переговоровъ, кромѣ приведенныхъ нами въ прошлой хроникѣ заявленій правительствъ американскаго, русскаго и японскаго, новыя *оффиціальныя* свѣдѣнія крайне скудны. Они ограничиваются назначеніемъ уполномоченныхъ и двумя заявленіями американскаго правительства.

Со стороны Японіи уполномоченными назначены министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Комура и посланникъ въ Вашингтонѣ—Такахира. Со стороны Россіи—предсѣдатель комитета министровъ, статсъ-секретарь Витте и посланникъ въ Вашингтонѣ (бывшій посланникъ въ Токіо) баронъ Розенъ. Американскія же заявленія переданы слѣдующими двумя телеграммами:

„Вашингтонъ, 19 іюня (2 іюля). Президентъ Рузвельтъ разрѣшилъ опубликовать нижеслѣдующее заявленіе: „Русское и японское правительства извѣстили президента Соединенныхъ Штатовъ, что назначенные ими уполномоченные встрѣтятся въ возможно скоромъ времени послѣ перваго августа. Уполномоченные обѣихъ сторонъ будутъ располагать полнымъ правомъ вести переговоры о мирѣ и заключить мирный трактатъ, который будетъ подлежать ратификаціи обоихъ правительствъ“ („Assoc. Press“).

„Нью-Іоркъ, 5 (18 іюля). („Central News“). Всѣ подробности относительно поѣздки уполномоченныхъ по веденію мирныхъ переговоровъ въ Ойстербей, къ президенту Рузвельту, окончательно установлены, остается лишь назначить день. Уполномоченные будутъ доставлены изъ Нью-Іорка въ Ойстербей на двухъ крейсерахъ. Послѣ неоффиціальнаго пріема они отправятся въ Портсмутъ на правительственныхъ яхтахъ „May Flower“ и „Dolphin“, причемъ ихъ будетъ сопровождать, по крайней мѣрѣ, одинъ крейсеръ („Times“). (Р. А“).

Это устанавливаетъ внѣшнюю обстановку мирныхъ переговоровъ. Объ ихъ существѣ можно имѣть лишь довольно неопредѣленное понятіе по многочисленнымъ, очень интереснымъ, но нерѣдко противурѣчивымъ свѣдѣніямъ агентствъ и корреспонден-

товъ крупныхъ органовъ европейской и американской прессы. Начнемъ съ извѣстій о томъ, чего можно ожидать отъ Японіи.

Читатели знаютъ, что я не склоненъ былъ ожидать отъ Японіи чрезмѣрныхъ и неисполнимыхъ требованій по двумъ причинамъ: то, что японцамъ дѣйствительно нужно (Корея, Квантунская область и Южная Маньчжурія), совершенно не нужно Россіи, и предоставленіе японцамъ этихъ ихъ пріобрѣтеній нимало не явится ни чрезмѣрнымъ, ни неисполнимымъ условіемъ мирнаго договора; другую причину умѣренности японцевъ я видѣлъ въ тяготахъ войны, и для нихъ ужасныхъ, и въ рискѣ поворота военнаго счастья. Послѣдняя причина почти исчезла (послѣ паденія Артура, мукденскаго разгрома и цусимскаго побоища рискъ поворота военнаго счастья почти исчезъ, а тягости войны явилась надежда парировать контрибуціей), но первая причина остается въ полной силѣ. Этого и теперь достаточно, чтобы условія Японіи были вполнѣ умѣренны во всемъ, что касается долголѣтнихъ постоянныхъ русскихъ интересовъ и правъ, но условія могутъ оказаться и даже очень неумѣренными по отношенію къ временнымъ отношеніямъ: уплатѣ контрибуціи, сроковъ оккупаціи и т. п. Это—вѣроятно; но головокружительные успѣхи оружія на сушѣ и на морѣ могутъ подсказать и вообще неумѣренныя требованія, неблагоразумныя съ точки зрѣнія собственныхъ японскихъ интересовъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе шансовъ такого поворота японскихъ намѣреній.

Покамѣсть соберемъ всѣ свѣдѣнія, сообщавшіяся изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ, по этому вопросу. Въ Японіи имѣются двѣ большихъ партіи: конституціоналистская, въ составъ которой входятъ теперешніе министры, и прогрессистская, съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Японіи графомъ Окумой во главѣ, бывшимъ долгое время министромъ-президентомъ. Обѣ партіи имѣли собранія для опредѣленія желательныхъ условій мира. Агентство Рейтера даетъ слѣдующій краткій отчетъ о постановленіяхъ этихъ собраній:

Токіо, 15 (28 іюня). Комитетъ конституціоналистской партіи принялъ сегодня резолюцію слѣдующаго содержанія:

„Хотя и нѣтъ нужды подробно устанавливать мирныя условія, тѣмъ не менѣе мы находимъ необходимымъ заявить, что для осуществленія цѣли и задачъ войны, указанныхъ въ манифестѣ объ объявленіи о началѣ военныхъ дѣйствій, а также для обезпеченія въ будущемъ интересовъ нашей имперіи и для постановки дѣла мира на Дальнемъ Востокѣ на твердую почву, необходимо потребовать уступокъ территоріи и возмѣщенія убытковъ, а корейскій и манчжурскій вопросы должны быть окончательно и ясно рѣшены“.

Резолюція была потомъ представлена министру-президенту.

Прогрессистская партія выпустила воззваніе, въ которомъ ука-

заны условія мира, сначала фактически тожественныя съ условіями, упомянутыми въ резолюціи конституціоналистской печати. Однако, въ немъ имѣются еще и слѣдующіе дополнительные пункты:

Россія не можетъ возводить военныя сооруженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это грозитъ интересамъ Японіи;

Россія должна отказаться отъ всѣхъ привилегій, которыми она пользуется въ Манчжуріи, а также отказаться отнынѣ отъ вмѣшательства въ вопросы, касающіеся этой страны;

Россія должна взять на себя обязательство не принимать никакихъ мѣръ, которыя могли бы считаться угрозою для мира на китайской границѣ. (Рейтеръ). (П. А.).

Что такое „военныя сооруженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это грозитъ интересамъ Японіи?“ И что такое „мѣры, которыя могли бы считаться угрозою для мира на китайской границѣ?“ Кто будетъ опредѣлять то и другое? Японія? Но вѣдь это уже лишеніе Россіи независимости, условіе, болѣе, чѣмъ смѣлое... Печально, что его выставляетъ могущественная и вліятельная партія, хотя сейчасъ и не правительственная. Можно еще предполагать, что столь неумѣренныя требованія выставляются съ цѣлью оказать поддержку болѣе умѣренной программѣ. И въ этомъ случаѣ печально, что въ средѣ японскаго народа пропагандируется такая программа.

Рѣшеніе маньчжурскаго и корейскаго вопросовъ въ томъ направленіи, въ какомъ домогалась Японія; военное вознагражденіе территоріальныя уступки,—этого требуютъ обѣ партіи, и съ этими требованіями русскіе уполномоченные, конечно, встрѣтятся на первомъ же засѣданіи мирной конференціи.

Къ сказанному надо прибавить, что вслѣдъ за этими совѣщаніями партій министръ-президентъ Кацура употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы привести всѣ японскія политическія партіи къ соглашенію относительно условій мира, которыхъ Японія надѣется добиться. Онъ имѣлъ по этому поводу неоднократныя свиданія съ вождями различныхъ партій. Въ этомъ чувствуется серьезное государственное и національное сознаніе. Война была національною, и миръ долженъ быть національнымъ. Правительство не боится совѣщаться съ представителями всѣхъ партій, идетъ на встрѣчу общественному мнѣнію и стремится вмѣстѣ съ народомъ творить народное дѣло. Это довѣрчивое общеніе съ народомъ нисколько не умаляетъ достоинства японскаго императора, обаяніе котораго именно этимъ довѣрчивымъ общеніемъ удерживается на высотѣ почти святости. И въ этотъ торжественный моментъ передъ отправленіемъ уполномоченныхъ на конференцію, имѣющую утвердить за Японіей почетное мѣсто въ средѣ великихъ державъ, японскій императоръ счелъ необходимымъ выступить. Онъ обратился къ японскимъ представителямъ, которые будутъ присутство-

вать на совѣщаніи въ Вашингтонѣ, съ посланіемъ слѣдующаго содержанія:

„Президентъ Соединенныхъ Штатовъ съ грустью нашелъ, что война между Японіею и Россіею не кончилась болѣе чѣмъ послѣ цѣлаго года военныхъ дѣйствій. По его мнѣнію, въ интересахъ мира всего человѣчества необходимо, чтобы война немедленно прекратилась, и поэтому онъ предложилъ, чтобы оба правительства назначили уполномоченныхъ, поручивъ имъ сойтись вмѣстѣ и вступить въ переговоры по вопросу о заключеніи мира. Мы были принуждены прибѣгнуть къ оружію вопреки нашему желанію; тѣмъ не менѣе, мы всегда были проникнуты искреннимъ желаніемъ въ пользу мира. Если бы, благодаря миролюбивому образу мыслей нашего противника, военныя дѣйствія могли быть приведены къ концу, то такой исходъ былъ бы для насъ болѣе всего желателенъ. По этой причинѣ мы сразу приняли предложеніе президента и теперь поручаемъ вамъ вступить въ переговоры по вопросу о заключеніи мира. Вы должны посвятить себя всецѣло осуществленію возложенной на васъ задачи и употребить всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить возстановленіе мира на прочной почвѣ".

И микадо зналъ, къ кому обращается, потому что въ составъ свиты японскаго уполномоченнаго Комуры вошли, директоръ бюро по политическимъ дѣламъ Ямаза, директоръ информаціоннаго бюро Сато, секретарь посольства Адаи, личный секретарь министра иностранныхъ дѣлъ Хоида, дипломатическій атташе Іониши, совѣтникъ по иностраннымъ дѣламъ Г. В. Денисонъ, состоящій при военномъ министерствѣ въ Токіо полковникъ Ташибана и морской атташе въ Вашингтонѣ капитанъ Такешита. Печатью имена эти встрѣчены были съ полнымъ сочувствіемъ. Газеты „Кокуминъ" и „Ниши-Ниши" заявили, что въ число уполномоченныхъ вошли наиболѣе способные дипломаты, какихъ только Японія можетъ дать.

Японія понимаетъ цѣну ставки и мобилизуетъ свои духовныя силы послѣ того, какъ на театрѣ кровавыхъ событій она сумѣла развернуть свои матеріальныя силы.

Около времени отплытія японскихъ уполномоченныхъ изъ Японіи, Россійское Агентство со словъ „Central News" разослало слѣдующую интересную телеграмму:

„Вашингтонъ, 26 іюня (9 іюля). Баронъ Канеко совѣщался съ Рузвельтомъ относительно времени заключенія мира. Онъ отказывается сообщить подробности своего свиданія съ президентомъ, но полагаетъ, что Японія имѣетъ право на контрибуцію. Баронъ Канеко выразилъ, между прочимъ, надежду, что Японія сохранитъ за собой Портъ-Артуръ, доставшійся ей весьма дорогой цѣной".

Такая программа, конечно, вполнѣ умѣренна, а если почитать

уступку Артура за территоріальную и считать, что рѣшеніе манчжурскаго и корейскаго вопросовъ по японской программѣ барономъ Канеко само собою разумѣлось, то его заявленіе довольно близко совпадаетъ съ программою конституціонистовъ.

Наконецъ, Комура и его помощникъ прибыли въ Америку; однако, старанія прессы что-либо вывѣдать были почти безуспѣшны. Вотъ двѣ болѣе интересныя телеграммы:

„Нью-Іоркъ, 13 (26 іюля). Комура со своей свитой прибылъ 12 іюля въ Джерсей-Сити, гдѣ его встрѣтили кликами „банзай“ проживающіе въ Нью-Іоркѣ японцы. Въ Нью-Іоркѣ Комуру ожидалъ японскій посланникъ Такахира. Здѣсь, какъ на вокзалѣ, при прибытіи, такъ и на улицахъ, японцевъ не встрѣчали съ такимъ энтузіазмомъ, какъ на Западѣ.

Комура считаетъ своимъ долгомъ хранить молчаніе, но совѣтникъ японскаго посольства Сато, принялъ представителей печати, которымъ заявилъ, что Японія желаетъ мира, но не во что бы то ни стало. Средства Японіи еще далеко не исчерпаны, народныя сбереженія за время войны увеличились.

По слухамъ, конференція откроется 23 іюля.

Нью-Іоркъ, 13 (26 іюля). Одинъ изъ членовъ японской миссіи для веденія мирныхъ переговоровъ, Сато, говоря съ однимъ журналистомъ, сказалъ: „Я увѣренъ, что переговоры будутъ успѣшными. Японскій уполномоченный руководится умѣренностью и никакихъ чрезмѣрныхъ требованій не предъявитъ. Какъ въ Японіи, такъ и въ Россіи общественное мнѣніе расположено въ пользу мира, и миръ долженъ быть заключенъ, какъ въ матеріальныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ гуманности. Война стоила Японіи очень дорого. „Съ обѣихъ сторонъ погибло 570,000 людей; изъ нихъ Россія потеряла 370,000. Война стоила Японіи по милліону долларовъ ежедневно, и очевидно, что ей должна быть уплачена контрибуція“. По словамъ Сато, первымъ дѣйствіемъ уполномоченныхъ будетъ, вѣроятно, заключеніе перемирія. Единственно, къ чему стремится Японія, это — открытыя двери въ Манчжуріи. Японское правительство желаетъ мира, но только не какой угодно цѣною. Великобританія и Соединенные Штаты, по словамъ Сато, лучшіе друзья Японіи“.

Это дипломатическое заявленіе даетъ очень мало, но можно, кажется, надѣяться, что программа прогрессистской партіи не отзовется никакимъ отголоскомъ на мирной конференціи.

IV.

Отъ японской стороны обратимся теперь къ русской. Читатели знаютъ, что здѣсь не было ни совѣщаній съ обширными кругами заинтересованнаго населенія, ни мобилизаціи лучшихъ

духовныхъ силъ страны. Чиновники секретно посовѣщались, и одинъ изъ чиновниковъ, бывшій министръ юстиціи Муравьевъ, получилъ полномочія, но затѣмъ замѣненъ другимъ чиновникомъ бывшимъ министромъ финансовъ Витте. Нѣсколько чиновниковъ, назначены при немъ состоять. Освѣдомлены ли они о желаніи націи? Знаютъ ли они дѣла Дальняго Востока, наши интересы, права, обязанности?

Извѣстія о приготовленіяхъ русской стороны открылись слѣдующею агентскою телеграммою.

„Нью-Іоркъ, 5 (18 іюля). Агентство „Associated Press" опубликовало нижеслѣдующую телеграмму отъ своего петербургскаго корреспондента, Говарда Томсона:

Статсъ-секретарь С. Ю. Витте принялъ представителя „Associated Press" на дачѣ, на Елагиномъ островѣ. Удостоивъ г. Говарда Томсона интервью, С. Ю. Витте заявилъ, что онъ отвѣтилъ отказомъ на всѣ просьбы журналистовъ и никого изъ нихъ не приметъ, но сдѣлалъ исключеніе для агентства „Associated Press", такъ какъ оно представляетъ собой печать той страны, гостемъ которой онъ въ скоромъ времени будетъ.

По поводу склонности иностранной печати объяснять назначеніе С. Ю. Витте желаніемъ Россіи заключить миръ во что бы то ни стало, главный уполномоченный Россіи для веденія съ японцами мирныхъ переговоровъ сказалъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, я назначенъ Государемъ Императоромъ для переговоровъ съ уполномоченными Японія съ цѣлью установить, возможно ли теперь заключить миръ. Мои личные взгляды имѣютъ второстепенное значеніе, но, въ общемъ, они совершенно совпадаютъ со взглядами моего друга, министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламздорфа. Я служу моему Государю, я получилъ точныя инструкціи отъ Его Величества и буду во всемъ имъ слѣдовать. Окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ Государя Императора, ему принадлежитъ право опредѣлять судьбы Россіи. Его Величество сторонникъ мира и желаетъ его, но я сильно опасаюсь, что условія, которыя предложатъ японцы, будутъ такого характера, что сдѣлаютъ невозможнымъ никакое соглашеніе.

„Съ другой стороны, ошибаются тѣ, кто думаетъ, что Россія хочетъ мира во что бы то ни стало. У насъ есть двѣ партіи: одна стоитъ за войну — партія очень могущественная, другая партія, къ которой я принадлежу, стоитъ за миръ. Я откровенно говорю это, потому что правда всегда была принципомъ моей политики. Я стоялъ за миръ до начала военныхъ дѣйствій. Когда вспыхнула война, положеніе измѣнилось. Все же, хотя и существуютъ у насъ двѣ партіи по вопросу о продолженіи войны, я не сомнѣваюсь, что эти партіи объединились бы, если бы требованія Японіи оскорбили самолюбіе Россіи или скомпромитировали будущность націи. Я убѣжденъ въ томъ, что если я сочту условія

Японіи непріемлемыми, то Россія согласится со мной, и русскій народъ будетъ готовъ продолжать войну, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

„Россія не истощена, какъ думаетъ иностранная печать. Внутреннее состояніе Россіи неудовлетворительно и даже очень серьезно, я этого не отрицаю, но истинное значеніе событій неясно понимается и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Корреспонденты газетъ пріѣзжаютъ къ намъ, бесѣдуютъ съ нѣсколькими сотнями людей въ Петербургѣ или Москвѣ, ложно истолковываютъ событія и наполняютъ міръ неправильно изложенными субъективными впечатлѣніями относительно всего того, что касается будущности Россіи. Россія мало походитъ на другія страны Запада. Для того, чтобы знать Россію, чтобы понимать душу русскаго народа, нужно родиться здѣсь или прожить здѣсь много лѣтъ. Обычаи, исторія, психологія народа совершенно отличаютъ его отъ западно-европейскихъ націй. О Россіи нельзя судить съ точки зрѣнія западныхъ идей: Россія велика и составлена изъ массы элементовъ, отличныхъ другъ отъ друга. Въ данный моментъ Россія представляетъ собою обширную семью, раздираемую внутренней междоусобицей, но разногласіе тотчасъ исчезло бы, если бы народъ почувствовалъ, что благополучіе страны въ опасности. Россія вовсе не находится наканунѣ утраты своей великодержавной роли и не должна соглашаться на всякія условія, хотя и понесла пораженія. Мы переживаемъ кризисъ, сопровождающійся многими серьезными событіями. Возможно, что произойдутъ новыя явленія аналогичнаго характера, но кризисъ во всякомъ случаѣ окончится, и черезъ нѣсколько лѣтъ Россія вернетъ свое мѣсто могущественной и вліятельной державы въ европейскомъ концертѣ".

Россія идетъ не ставить, а выслушать мирныя условія, и русскій уполномоченный и могъ, конечно, сказать только одно: Россія желаетъ мира, но можетъ еще сопротивляться, если условія будутъ чрезмѣрно тягостны. Зачѣмъ только тутъ припутана какая то особая русская душа? Давно этому никто не вѣритъ, ни говорящіе, ни слушающіе. Не повѣрятъ и японцы. Фальшивая нота была взята безполезно, а какъ первый шагъ выполненія великой миссіи, порученной г-ну Витте, она мало обѣщаетъ.

О слѣдованіи русскаго уполномоченнаго имѣемъ слѣдующія сообщенія:

Берлинъ, 8 (21 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте проѣздомъ прибылъ вчера въ Берлинъ въ 11 ч. вечера. Въ спальный вагонъ къ нему вошелъ банкиръ Мендельсонъ, который ѣхалъ съ нимъ нѣсколько часовъ, бесѣдуя по пути. На вокзалѣ ожидали прибытія С. Ю. Витте нѣсколько членовъ русскаго посольства. Поѣздъ черезъ нѣсколько минутъ ушелъ въ Парижъ.

Парижъ, 8 (21 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте прибылъ сюда въ 4 часа и былъ встрѣченъ при выходѣ изъ вагона рус-

скимъ посломъ А. И. Нелидовымъ, начальникомъ кабинета министра-президента и бывшимъ русскимъ посломъ въ Вашингтонѣ графомъ Кассини. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, С. Ю. Витте сѣлъ въ открытое ландо и отправился въ отель на „Rue de la Paix“. Когда С. Ю. Витте вышелъ изъ вокзала, раздались возгласы: „Да здравствуетъ Россія!“

Парижъ, 9 (22 іюля). Министръ-президентъ Рувье принялъ сегодня утромъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Бесѣда продолжалась часъ.

Парижъ, 9 (22 іюля). (РА). Лубэ принялъ Витте въ 2 часа безъ всякаго церемоніала. Затѣмъ президентъ покинулъ Парижъ и отбылъ въ 4 часа въ Рамбулье.

Парижъ, 13 (26 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте выѣхалъ въ Шербургъ въ 9 час. 20 мин. утра. На вокзалъ ко времени отхода поѣзда прибыли представитель министра-президента Рувье, русскій посолъ д. т. с. Нелидовъ и нѣсколько личныхъ друзей. Семья С. Ю. Витте осталась въ Парижѣ. (Гавасъ).

Шербургъ, 13 (26 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте прибылъ въ 4 ч. дня. Въ 8 часовъ онъ сядетъ на пароходъ „Kaiser Wilhelm“.

Бесѣда г. Витте съ Рувье имѣла, конечно, крупное значеніе О ней много сообщеній въ иностранной прессѣ. Въ русскую проникло лишь слѣдующее сообщеніе („Петербургскій Листокъ“ отъ 11 іюля, № 178):

„Въ субботу г. Витте впервые увидѣлся съ Рувье, теперешнимъ премьеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи. Это свиданіе, какъ сообщаютъ изъ Парижа въ „Neue Fr. Pr.“, будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на французскихъ финансистовъ и чрезвычайно важное значеніе для успѣха мирной миссіи г. Витте. Въ Рувье, горячемъ поборникѣ мира, г. Витте найдетъ поддержку во всемъ; но, по слухамъ, Рувье въ бесѣдѣ долженъ былъ затронуть вопросъ о русскихъ реформахъ, отъ котораго зависитъ внутренній миръ въ Россіи. Рувье не считаетъ себя въ правѣ давать какіе-либо совѣты относительно внутренней русской политики,—однако, при обмѣнѣ мнѣній относительно предполагаемаго новаго большого внутренняго займа во Франціи, Рувье считаетъ возможнымъ, не въ формѣ совѣта, но въ видѣ простого констатированія факта заявить, что Россіи въ настоящихъ условіяхъ трудно будетъ найти деньги во Франціи: деньги найдутся для преобразованной Россіи съ народнымъ представительствомъ.“

Русскій уполномоченный теперь переѣзжаетъ океанъ, и скоро произойдетъ встрѣча, не менѣе важная, нежели Мукденская и Цусимская. И въ этой встрѣчѣ наша сторона вооружена и снаряжена гораздо хуже японской... Правда, изъ сановниковъ выбранъ наиболѣе подходящій, но если бы одними сановниками

держалась наша родина, она не могла бы жить. Есть у насъ и крупные ученые, и даровитые предприниматели, и заслуженные общественные дѣятели, и мыслители, и практики, и знатоки Дальняго Востока...

Мы говорили до сихъ поръ объ японской и русской сторонѣ. Въ послѣднее время обнаружилась еще и третья сторона, китайская. Сначала это были довольно робкія просьбы, но въ самое послѣднее время зазвучала твердая нота, за которою какъ будто чувствуется, кромѣ китайскаго безсилія, и какая-то сила. Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ, извѣстія о начинающемся вмѣшательствѣ:

„Шанхай, 3 (16) іюня. („Evening Post“). Китайское правительство предписало своему посланнику въ Вашингтонѣ внимательно слѣдить за ходомъ мирныхъ переговоровъ, предъявляя протесты по поводу всякаго шага, враждебнаго интересамъ Китая. (П. А.).

„Нью-Іоркъ, 3 (16) іюля. Лондонскій корреспондентъ „Sun“ сообщаетъ, что китайское правительство обратилось къ нейтральнымъ державамъ съ нотою, въ которой заявляется, что интересы Китая ни въ какомъ случаѣ не должны быть задѣты условіями мирнаго соглашенія, которыя будутъ выработаны на предстоящемъ совѣщаніи. (П. А.).

— Изъ авторитетныхъ источниковъ передаютъ, что Японія энергично противится представительству Китая въ переговорахъ о мирѣ. Манчжурія и Корея были поводами къ войнѣ, поэтому разрѣшеніе касающихся ихъ вопросовъ является исключительно дѣломъ воюющихъ сторонъ. Японія ручается своею честью за охраненіе интересовъ Китая (Р. А.).

„Токіо, 17 (30) іюня. (Central News). Пекинскій корреспондентъ газеты „Asahi“ говоритъ, что принцъ Цинъ обратился къ американскому посланнику съ просьбой переслать собственноручное письмо вдовствующей китайской императрицы къ Рузвельту съ ходатайствомъ о защитѣ китайскихъ интересовъ во время предстоящихъ мирныхъ переговоровъ. Посланникъ обѣщалъ передать письмо. Нѣкоторые иностранные посланники высказываютъ мнѣніе, что Китай не долженъ вмѣшиваться въ переговоры о мирѣ.

„ — 1 (14) іюля (Central News). Китай опубликовалъ ноту относительно Кореи, предупреждая противъ измѣненія status quo какъ результата мирныхъ переговоровъ. („Daily Telegraph“).

„ — 3 (16) іюля. Китайское правительство обратилось къ корейскому съ нотою, въ которой предостерегаетъ его отъ измѣненія status quo въ Кореѣ, могущаго явиться результатомъ мира между Россіей и Японіей (П. А.).

„Шанхай, 8 (21) іюля. (Standard). Здѣсь полагаютъ, что большинство иностранныхъ представителей поддержатъ требованіе

Китая о своемъ представительствѣ въ мирной конференціи, поскольку оно будетъ признано справедливымъ. Требованіе это энергично поддерживается руководящими органами китайской печати, а также нѣкоторыми японскими органами. Газеты основываютъ при этомъ свои взгляды на необходимости соблюденія интересовъ китайскаго населенія Манчжуріи. (П. А.).

„Парижъ, 9 (22) іюля. Въ политическихъ сферахъ полагаютъ, что державы удовлетворятъ требованіе Китая относительно представительства на конференціи по вопросу о мирѣ. Требованіе это оправдывается декларацiей 1900 г., подписанной всѣми державами и обусловливающей независимость Китая, территоріальную неприкосновенность его и принципъ открытыхъ дверей.

„Вашингтонъ, 9 (22) іюля. („Central News"). Президентъ Рузевельтъ опубликовалъ ноту, съ которой Китай обратился къ заинтересованнымъ державамъ, заявляя, что онъ признаетъ тѣ пункты русско-японскаго мирнаго договора, которые затрагиваютъ интересы Китая, лишь въ томъ случаѣ, если эти пункты будутъ внесены съ предварительнаго согласія Китая".

Протестъ противъ японскаго протектората надъ Кореей, особенно, обращаетъ на себя вниманіе. Протестъ можетъ опираться на симоносекскій договоръ, признающій независимость Кореи, но для протеста нужна сила.

И этою силой некому быть, кромѣ Германіи. Японія и Россія могутъ заключить въ Портсмутѣ миръ, но вопросъ, не будетъ ли этотъ документъ подвергнутъ пересмотру въ другомъ мѣстѣ, какъ въ 1878 году въ Берлинѣ договоръ санъ-стефанскій?

Эти перспективы встревожили не одну Англію. Поэтому-то, свиданіе императоровъ Николая II и Вильгельма II въ Бьеркѣ, совершенно неожиданное и непредвидѣнное, произвело въ Европѣ взрывъ чего-то въ родѣ паники. Многимъ видѣлось уже разгорающееся на горизонтѣ пламя всемірной войны. И чѣмъ короче и безсодержательнѣе оффиціальныя свѣдѣнія, тѣмъ больше простора для фантазіи и догадокъ. Вотъ два оффиціальныхъ русскихъ сообщенія:

Отбытіе Государя Императора. 10-го іюля на императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда" отбыли въ финляндскія шхеры Его Императорское Величество Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Братомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ для встрѣчи съ германскимъ императоромъ, путешествующимъ въ нынѣшнемъ году на своей яхтѣ „Гогенцоллернъ" въ водахъ Балтійскаго моря. Государя Императора въ путешествіи сопровождаютъ министры: Императорскаго Двора—генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, морской—вице-адмиралъ Бирилевъ, гофмаршалъ Высочайшаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, за флагъ-капитана Его Величества контръ-адмиралъ Ниловъ, лейбъ-хирургъ д. т. с. Гиршъ, начальникъ военно-поход-

ной канцеляріи флигель-адъютантъ графъ Гейденъ, флигель-адъютантъ капитанъ 2-го ранга Чагинъ, капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ, бывшій командиръ крейсера „Новикъ" и эскадреннаго броненосца „Севастополь" и лейтенантъ Подгурскій, участвовавшій въ сухопутной оборонѣ Портъ-Артура. Съ Его Величествомъ отбылъ германскій военный агентъ капитанъ Гинце. Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ прибылъ на военную пристань въ Петергофѣ и прослѣдовалъ на Императорскую яхту „Александрія". Его Величество и Его Высочество были въ морской формѣ. Яхта „Александрія" подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора отвалила отъ пристани и въ предшествіи двухъ миноносокъ пошла въ кронштадскій рейдъ, гдѣ Государь Императоръ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ перешли на Императорскую яхту „Полярная Звѣзда", которая вскорѣ снялась и ушла въ море.

Телеграмма министра Императорскаго Двора изъ Бьеркэ. Сего 10 іюля, въ 10 часовъ вечера, яхта императора германскаго „Гогенцоллернъ" стала на якорь близъ мѣста стоянки Императорской яхты „Полярная Звѣзда". Императоръ Вельгельмъ, въ сопровожденіи принца Альберта Шлезвигъ-Гольштейнскаго и свиты, прибылъ на катерѣ на „Полярную Звѣзду". На трапѣ его величество былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, а также и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій Ихъ Величества изволили обходить караулъ и команду яхты, а затѣмъ, по взаимномъ представленіи свитъ, изволили удалиться въ рубку. Въ 11 часовъ вечера, Государь Императоръ съ императоромъ германскимъ и великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ сопровожденіи свиты, на катерахъ прослѣдовали на яхту „Гогенцоллернъ", откуда Государь Императоръ, въ 1 часъ 30 мин. ночи, изволилъ возвратиться на яхту „Полярная Звѣзда".

Огромное политическое значеніе этого событія очевидно для всѣхъ. Съ русской стороны, кромѣ вышецитированныхъ сообщеній, отсутствуютъ свѣдѣнія. Съ нѣмецкой отчасти приподнимаютъ завѣсу оффиціозный „Lokal-Anzeiger" и полуоффиціозный „Kölnische Zeitung":

Вотъ эти сообщенія:

Берлинъ, 12 (25) іюля. „Kolniche Zeitung", лучше всѣхъ другихъ органовъ печати освѣдомленный относительно взглядовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, пишетъ: „Разговоръ между Монархами происходитъ съ глазу на глазъ, поэтому содержаніе его не можетъ проникнуть въ публику. Вполнѣ понятно, что Русскій Императоръ пожелалъ поговорить съ лицомъ, которое, благодаря своему положенію, прекрасно освѣдомлено относительно общаго направленія политики, и дружескія чувства котораго по отношенію къ Императору Всероссійскому стоятъ внѣ

всякихъ сомнѣній. Понятно и то, что Германія не вмѣшается въ русскую политику. Но совершенно безсмысленно предполагать, что германскій императоръ употребилъ свое вліяніе въ пользу продолженія войны съ Японіей и реакціонной внутренней политики. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ зависѣть только отъ Императора Всероссійскаго. Что касается Германіи, то она была бы рада, если бы умѣренность требованій Японіи способствовала заключенію мира, и не менѣе рада, если бы русское правительство путемъ разумныхъ реформъ устранило кризисъ, переживаемый страной и обезпечило ей здоровый прогрессъ. Этого требуютъ какъ интересы Германіи, такъ и дружеское расположеніе императора Вильгельма къ Русской Императорской Фамиліи.

„Берлинъ, 11 (24) іюля. „Lokal Anzeiger“ въ инспирированной статьѣ говоритъ по поводу свиданія двухъ Монарховъ, что, при существующей между ними искренней дружбѣ, возможность свиданія была принята Императорами съ большимъ удовольствіемъ. Его величество будетъ радъ видѣть Русскаго Императора послѣ долгаго и чреватаго событіями промежутка времени. Увѣренія англійской и французской прессы, будто бы императоръ собирается дать Царю совѣты по вопросамъ достиженія мира какъ внутри страны, такъ и на Дальнемъ Востокѣ,—лишены основанія. Императоръ всегда отрицалъ приписываемыя ему стремленія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ. Точно такъ же поступитъ онъ и въ данномъ случаѣ. Если же Царь спроситъ его мнѣніе, то разочаруются тѣ, которые полагаютъ, что императоръ будетъ совѣтовать невнимательное отношеніе къ обѣщаніямъ реформъ. Полагаютъ, что императоръ выскажется въ томъ смыслѣ, что престижъ власти и спокойствіе въ странѣ могутъ покоиться только на полномъ довѣріи между Монархомъ и народомъ. Что касается вопроса о мирѣ, то всѣмъ извѣстно, какое живое участіе императоръ принялъ въ предварительныхъ шагахъ къ мирнымъ переговорамъ. Въ виду этого, можно быть увѣреннымъ, что дѣло мира только выиграетъ. Отсутствіе князя Бюлова и графа Ламздорфа доказываетъ частный и дружественный характеръ свиданія“.

И тѣмъ не менѣе, тревога англійской и французской прессы не улеглась. Міровыя событія, нынѣ приближающіяся къ рѣшенію и на берегахъ Тихаго океана, и въ пучинахъ глубоко взволнованнаго великаго народнаго океана въ Россіи, столь тѣсно связаны съ интересами всего цивилизованнаго міра, что ожиданіе неожиданныхъ осложненій глубоко волнуетъ и тревожитъ народы, желающіе мира и не желающіе осложненій.

Едва улаженный инцидентъ съ Марокко, внезапно явившійся угрозою миру по инціативѣ Вильгельма II, у всѣхъ на памяти.

V.

Инцидентъ изъ-за Марокко дѣйствительно улаженъ въ существенныхъ чертахъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, иногда обострявшихся, состоялось, наконецъ, соглашеніе. Оно было формулировано въ нотѣ французскаго министра-президента Рувье германскому послу въ Парижѣ князю Радолину (отъ 8 іюля) слѣдующаго содержанія:

„Г. посолъ! Правительство республики изъ переговоровъ между представителями обѣихъ странъ убѣдилось, что императорское правительство не намѣрено на предположенной султаномъ марокксримъ конференціи преслѣдовать такихъ цѣлей, которыя затронули бы законные интересы Франціи въ этой странѣ, или стояли бы въ противорѣчіи съ правами Франціи, проистекающими изъ договоровъ и находящимися въ полномъ согласіи съ слѣдующими положеніями:

1) Суверенныя права и независимость султана;

2) Неприкосновенность его имперіи;

3) Экономическая свобода безъ всякаго неравенства;

4) Необходимость полицейскихъ и финансовыхъ реформъ, которыя должны быть введены въ кратчайшее время международнымъ соглашеніемъ;

5) Признаніе особаго положенія, созданнаго для Франціи въ Марокко границей съ Алжиромъ, благодаря чему между обѣими сосѣдними странами образовались особыя отношенія, и Франція получила особенный интересъ въ сохраненіи мира и порядка въ Марокко.

Поэтому, правительство республики оставляетъ свои прежнія возраженія противъ конференціи и принимаетъ приглашеніе участвовать въ ней“.

Того же числа послѣдовалъ отвѣтъ князя Радолина, подтверждающій эти условія, а затѣмъ того же 8 іюля подписано обѣими сторонами и соглашеніе слѣдующаго содержанія:

„Германское правительство и правительство республики согласились:

1. Одновременно отозвать находящіяся въ данное время въ Фецѣ посольства свои въ Танжеръ, какъ только конференція соберется;

2. Посовѣтовать вмѣстѣ черезъ своихъ представителей султану Марокко выработать основныя положенія программы предстоящей конференціи на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты 8 іюля 1905 г. нѣмецкимъ посломъ въ Парижѣ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ нотахъ, которыми они обмѣнялись“.

Германія согласилась дать Франціи декорацію какого-то особаго положенія, какъ сосѣдкѣ, но не присоединивъ къ этому декоруму никакого самаго ничтожнаго права. Всѣ уступки, сдѣланныя Франціей, Италіи, Испаніи и особенно Англіи, чтобы укрѣпить свое положеніе и свое преобладаніе въ Марокко, пропали даромъ.

„Politische Correspondenz" сообщаетъ, что дипломатическіе представители Франціи и Германіи получили указанія сообщить державамъ о состоявшемся по вопросу марокксной конференціи соглашеніи.

Остается еще сама конференція.

Если измѣнится соотношеніе силъ, можетъ измѣниться и соглашеніе. Только едва-ли...

Развивается, между тѣмъ, неукоснительно австро-венгерскій конфликтъ.

Императоръ принялъ 18 іюня (1 іюля), Фейервари. Во время аудіенціи обсуждался вопросъ, въ какой формѣ могутъ быть осуществлены уступки безъ опасности для авторитета короны. Затѣмъ немедленно Фейервари пригласилъ всѣхъ вождей объединенной оппозиціи на совѣщаніе относительно изысканія возможнаго компромисса между короною и парламентомъ. Корона готова на слѣдующія уступки: полная свобода для проведенія внутреннихъ реформъ; корона готова принять предложенія коалиціи касательно отдѣльной таможенной области, поскольку таковыя не встрѣтятъ затрудненій со стороны Австріи; въ сферѣ военнаго дѣла корона согласна на факультативное пользованіе венгерскимъ языкомъ въ военномъ судопроизводствѣ, а также—на полное проведеніе территоріальной системы; при внѣшнихъ сношеніяхъ главнымъ представителемъ или его замѣстителемъ всегда долженъ быть венгерецъ, а общее министерство можетъ быть перенесено въ Буда-Пештъ. Это, какъ будто, и очень много. Послѣдняго венгерцы и не требовали. По существу разногласія, однако, уступокъ корона не сдѣлала никакихъ. Это существо разногласій гр. Аппоньи, одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Венгріи, опредѣляетъ такъ: „правительство отказываетъ въ осуществленіи самыхъ скромныхъ требованій націи въ области организаціи войска, и *форма этого отказа еще знаменательнѣе, чѣмъ самый его фактъ.* Именно, *корона оспариваетъ право Венгріи предъявлять подобныя требованія.* Венгрія припирается къ стѣнѣ въ военныхъ вопросахъ, и нація лишается права заниматься таковыми. Слѣдовательно, здѣсь *рѣчь идетъ* не о командованіи по-венгерски, а *о самомъ существованіи Венгріи, какъ національнаго государства,* или же какъ австрійской провинціи".

Предметъ спора формулированъ ясно и отчетливо. Не мудрено поэтому, что упомянутое выше совѣщаніе кончилось полною неудачею, и соглашеніе не состоялось. Теперь борьба перешла

изъ парламента въ комитаты (провинціальныя собранія) и муниципалитеты. Эти учрежденія прекратили пріемъ налоговъ, а внесенные уже не передаютъ правительству, какъ незаконному. Въ отвѣтъ на это, Фейервари опубликовалъ обращеніе къ муниципалитетамъ, въ которомъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ резолюціи относительно пассивнаго сопротивленія, заявляя, что правительство будетъ неукоснительно уничтожать всѣ мѣропріятія городскихъ управленій, направленныхъ къ осуществленію пассивнаго сопротивленія.

Рѣшенія муниципалитетовъ отмѣняются; чиновники, ихъ исполняющіе, отстраняются. Тогда комитетъ соединенной оппозиціи постановилъ придерживаться пассивнаго сопротивленія и поручилъ одной коммиссіи заняться разработкой вопроса о протестѣ противъ декларадіи Фейервари, а второй коммиссіи— выработкой единообразія въ организаціи пассивнаго сопротивленія и обезпеченія тѣхъ коммунальныхъ чиновниковъ, которые уволены правительствомъ за сочувствіе обструкціи. Отдѣльныя муниципальныя общины отказывались уже отъ врученія запаснымъ чинамъ призывныхъ свидѣтельствъ для отбытія учебнаго сбора. Фондъ для содержанія уволенныхъ чиновниковъ сразу достигъ размѣра болѣе чѣмъ необходимаго и быстро растетъ. Министръ юстиціи Ланій забаллотированъ на дополнительныхъ выборахъ.

Венгерская нація ведетъ героическую борьбу за свою свободу, а „союзная“ ей Австрія собирается поддержать антиконституціонное правительство. Изъ Вѣны приходятъ о томъ нерадостныя вѣсти.

Министръ-президентъ Гаучъ заявилъ въ парламентской коммиссіи, занятой вопросомъ объ отношеніяхъ между Австріею и Венгріею, что, въ виду невозможности уладить законодательнымъ путемъ разногласія по вопросу о долевомъ участіи Австріи и Венгріи въ общеимперскихъ расходахъ, оба правительства пришли къ соглашенію содѣйствовать съ 19-го іюня 1905 г., до окончательнаго соглашенія по этому вопросу, общимъ расходамъ путемъ авансовъ, которые будутъ сдѣланы обоими правительствами на основаніи числовой нормы, существовавшей до этого момента. Что касается торговыхъ переговоровъ съ иностранными государствами, то венгерское правительство (т. е. Фейервари съ товарищами) согласно вступить въ такіе переговоры, если они окажутся необходимыми, подъ собственной отвѣтственностью. Въ виду этого, торговые переговоры съ Швейцаріею и Болгаріею начнутся въ ближайшемъ будущемъ, и правительство представитъ палатѣ законопроектъ, требующій предоставленія ему права временно уладить торговыя отношенія съ обоими государствами.

Затѣмъ, отвѣчая на запросъ, Гаучъ сказалъ: „Правительство убѣждено, что нѣтъ никакого основанія думать, будто испытан-

ныя основы, на которыхъ покоится общеимперская армія, могутъ быть поколеблены".

25 іюля происходило послѣднее передъ каникулами засѣданіе палаты депутатовъ. Большинствомъ 161 голосовъ противъ 9 принято неотложное предложеніе правительства, чтобы,—съ цѣлью не быть застигнутымъ врасплохъ событіями въ Венгріи,—парламентъ былъ созванъ немедленно въ томъ случаѣ, если въ этомъ будетъ сознана необходимость. Депутатъ Гроссъ отъ имени германскихъ партій пригласилъ правительство приготовиться по отношенію къ Венгріи ко всѣмъ случайностямъ. Предложеніе было принято значительнымъ большинствомъ.

Эти постановленія „значительнымъ большинствомъ"—печальные симптомы политическаго здоровья австро-венгерскаго государства.

Шведо-норвежскій конфликтъ, который казался уже по существу улаженнымъ, опять нѣсколько осложняется, и въ Швеціи состоялись рѣшенія, задѣвающія и достоинство, и интересы Норвегіи.

Либеральное министерство Рамстеда было склонно расторгнуть унію и созвало риксдагъ, чтобы получить полномочія для открытія переговоровъ съ норвежцами. 14 (27) іюня вторая палата риксдага передала правительственный законопроектъ относительно переговоровъ съ норвежскимъ стортингомъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи.

Отвѣчая въ палатѣ на разныя замѣчанія и запросы депутатовъ, министръ юстиціи сказалъ, что существуетъ полная солидарность относительно того, что не слѣдуетъ принуждать Норвегію къ дальнѣйшему участію въ уніи силою. Что касается условій, которыя должны быть представлены Швеціею, то послѣдняя не должна дѣлать непреодолимыхъ затрудненій; но, съ другой стороны, должны быть охранены правовые интересы Швеціи. Затѣмъ министръ выступилъ противъ упрека, будто правительственный законопроектъ представлялъ собою актъ слабости. Наоборотъ, въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ совершенно противоположными явленіями. Если бы правительство потеряло хладнокровіе и прислушалось къ многочисленнымъ голосамъ, выражавшимъ недовольство и озлобленіе, то оно ступило бы на опасный путь.

Это и былъ тотъ моментъ, когда можно было считать, что главное, если не улажено, то улаживается. Между тѣмъ, 18 іюня (1 іюля), отъ имени 68 членовъ первой палаты и 30—второй внесено предложеніе объ ассигнованіи правительству 100 милліоновъ кронъ, дабы оно, въ случаѣ необходимости, могло во всякое время принять соотвѣтствующія мѣры. Это предложеніе ассигновать кредитъ на военныя приготовленія обнаружило, что въ средѣ обѣихъ палатъ есть сильное шовинистское теченіе.

Скоро оказалось, что это теченіе получило преобладаніе. Комитетъ риксдага представилъ докладъ. Въ докладѣ этомъ предлагается риксдагу заявить, что правительственный проектъ не можетъ быть принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ риксдагу. Затѣмъ коммиссія предлагаетъ риксдагу высказаться въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣетъ возраженій противъ вступленія въ переговоры по вопросу объ упраздненіи уніи, если новоизбранный стортингъ потребуетъ расторженія соединительнаго акта и упраздненія уніи, или если требованіе въ этомъ смыслѣ будетъ представлено Норвегіею послѣ того, какъ норвежскій народъ выскажется путемъ народнаго голосованія за упраздненіе уніи.

Кромѣ этого, коммиссія предлагаетъ Швеціи выступить со слѣдующими особыми требованіями въ случаѣ упраздненія уніи.

Во первыхъ, на каждой сторонѣ южной части границы между обоими государствами опредѣляется раіонъ, въ предѣлахъ котораго должны быть снесены крѣпости, причемъ возводить новыя укрѣпленія должно быть воспрещено.

Во-вторыхъ, должно быть установлено право пастьбы для оленей шведскихъ лапландцевъ въ сѣверной части Норвегіи.

Въ третьихъ, транзитная торговля въ обѣихъ странахъ должна быть обезпечена отъ возможныхъ помѣхъ и затрудненій.

Въ-четвертыхъ, правовыя отношенія Швеціи къ иностраннымъ державамъ должны быть выяснены такимъ образомъ, чтобы полная свобода Швеціи отъ отвѣтственности за Норвегію передъ другими государствами стояла внѣ всякаго сомнѣнія.

Коммиссія считаетъ желательнымъ заключеніе соглашенія о третейскомъ судѣ съ Норвегіею, но не по вопросу объ упраздненіи уніи. Затѣмъ коммиссія предлагаетъ уполномочить бюро, завѣдующее государственными долгами, прибѣгнуть къ кредиту или займу въ размѣрѣ 100 милліоновъ кронъ. Деньги эти должны быть, согласно постановленію риксдага, употреблены на подготовленія, которыя могутъ оказаться необходимыми въ силу обстоятельствъ, вызванныхъ созваніемъ чрезвычайной сессіи риксдага.

Наконецъ, коммиссія заявляетъ, что въ случаѣ возможныхъ переговоровъ необходимо твердо и опредѣленно отстаивать все, касающееся благосостоянія и достоинства Швеціи, поставивъ это условіемъ отмѣны соединительнаго акта со стороны Швеціи и признанія Норвегіи въ качествѣ самостоятельнаго государства.

Заключенія этого доклада были одобрены большинствомъ риксдага. Кабинетъ Рамстеда вышелъ въ отставку.

Требованіе, чтобы были назначены новые выборы и новый стортингъ подтвердилъ единогласное постановленіе нынѣшняго стортинга, или чтобы вопросъ объ уніи былъ разрѣшенъ плебисцитомъ, является актомъ грубаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Норвегіи, и не со стороны короны или общаго правитель-

ства, а со стороны шведскаго риксдага, не имѣющаго и никогда не имѣвшаго никакой власти, ни компетенціи на норвежской территоріи.

Требованіе срытія крѣпостей со стороны болѣе сильной Швеціи, обращенное къ болѣе слабой Норвегіи, уже носитъ характеръ какой-то глухой угрозы будущему.

Относительно транзитной торговли и выпаса оленей соглашенія должны бы состояться особо и не смѣшиваемы съ вопросомъ объ уніи.

Относительно впечатлѣнія въ Норвегіи этого шведскаго вызова имѣемъ только коротенькую телеграмму:

„Христіанія, 13 (26) іюля. Норвежская печать относится къ условіямъ, поставленнымъ Швеціей, весьма сдержанно. Указывается на то, что рѣшительное слово можно будетъ сказать лишь послѣ представленія болѣе подробныхъ соображеній и когда будетъ извѣстенъ составъ новаго министерства".

Соотвѣтственно побѣдѣ шведскаго шовинизма, появились слѣдующія печальныя сообщенія разныхъ агентствъ:

Эстерзундъ (Швеція), 17 (30) іюня. По полученнымъ здѣсь изъ Дронтгейма частнымъ свѣдѣніямъ, войска норвежской арміи трехъ призывовъ стоятъ теперь подъ ружьемъ. Въ ночь на 14 іюня ушли къ границѣ 2,000 человѣкъ пѣхоты. Изъ Дронтгейма отправлены на югъ 65 вагоновъ и 2 паровоза. У входа въ дронтгеймскій фіордъ стали канонерка и флотилія миноносцевъ. (Швед. аг.)

Христіанія, 17 (30) іюня. „Норвежское Телегр. Агентство" обратилось къ военному министерству съ запросомъ по поводу разныхъ извѣстій шведскихъ газетъ относительно передвиженій норвежскихъ войскъ и мобилизаціи норвежской арміи. Военное министерство отвѣтило, что извѣстія эти совершенно невѣрны, и что начаты только обыкновенныя военныя упражненія. (Норвежск. аг.).

Карлскрона, 18 іюня (1 іюля). Шведская береговая эскадра вышла отсюда въ Гетеборгъ, съ цѣлью произвести тамъ маневры. (Шведск. аг.).

Копенгагенъ, 18 іюня (1 іюля). Въ 5 ч. утра прошли 16 судовъ шведской эскадры, направляясь на сѣверъ (Вольфъ). (П А.).

Драгоеръ, 18 іюня (1 іюля). Въ 1 ч. 30 м. пополуночи замѣченъ направляющійся на сѣверъ шведскій контръ-миноносецъ. (Вольфъ).

Стокгольмъ, 3 (16) іюля. По словамъ „Aftonbladet", большая часть чиновъ пѣхотныхъ ополченскихъ батальоновъ норвежской службы, созванныхъ для обычныхъ батальонныхъ упражненій, остается на службѣ въ Смаалененѣ, хотя названные чины, согласно прежнимъ распоряженіямъ, должны были бы быть распущены.

Братскіе народы снова, какъ будто, готовятся къ междоусобію... Да минуетъ ихъ эта горькая чаша!

Въ связи съ скандинавскими дѣлами отмѣтимъ еще два извѣстія. Во-первыхъ, 30 іюня (13 іюля) въ Гефле (Южная Швеція) на яхтѣ „Hohenzollern" состоялось свиданіе короля Оскара и кронпринца съ императоромъ Вильгельмомъ. Въ виду того, что министръ иностранныхъ дѣлъ Гильденштольпе также присутствовалъ при свиданіи, послѣднему придаютъ политическое значеніе. Императоръ Вильгельмъ II всѣмъ интересуется, а теперь обстановка международныхъ дѣлъ такова, что этотъ интересъ можетъ быть далеко не платоническимъ.

Во-вторыхъ, въ Лондонѣ въ палатѣ общинъ Джибсонъ Боульсъ спросилъ, имѣетъ ли правительство въ виду, какое можетъ произвести дѣйствіе расторженіе уніи Швеціи съ Норвегіей на обязательства, принятыя на себя Великобританіей въ статьѣ 2 договора 7 ноября 1855 г., относительно обезпеченія территоріи короля Швеціи и Норвегіи, обусловливающаго, при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ, его защиту морскими и военными силами. Подвергнутся ли эти обязательства измѣненію, въ случаѣ отдѣленія Норвегіи отъ Швеціи? Бальфуръ отвѣтилъ, что, въ случаѣ расторженія уніи между обоими скандинавскими государствами, явилась бы несомнѣнно необходимость пересмотра договора 1855 г. Этотъ договоръ былъ заключенъ между Франціей и Англіей съ цѣлью обезпечить отъ Россіи территоріальную неприкосновенность соединеннаго королевства Швеціи и Норвегіи.

VI.

Мы уже сообщали о голландскихъ выборахъ и пораженіи соединенныхъ консерваторовъ. Перебаллотировка утвердила этотъ приговоръ избирателей. Соединенная лѣвая располагаетъ 52 голосами (въ томъ числѣ 7 соціалистовъ), а консервативная (пока министерская)—48. Большинство, какъ видно, не прочное, и отпаденіе соціалистовъ можетъ всегда оставить либераловъ въ меньшинствѣ.

Въ отчетномъ мѣсяцѣ происходили выборы и въ Сербіи. Результатъ слѣдующій: выбраны 78 крайнихъ радикаловъ, 50 умѣренныхъ радикаловъ, 14 либераловъ, 4 напредняка, 2 соціалиста, 1 членъ крестьянской партіи. Предстоятъ 11 перебаллотировокъ. Правительство (крайніе радикалы) имѣетъ менѣе половины голосовъ въ скупщинѣ, но можетъ получить слабое большинство, если перебаллотировки будутъ ему благопріятны. Для перебаллотировки правительственные радикалы соединились съ либералами, а радикалы оппозиціонные (фракція Пашича) съ напредниками. Если эти союзы будутъ продолжены и послѣ выбо-

ровъ внутри самой скупщины, то можетъ составиться большинство коалиціонное изъ правительственныхъ радикаловъ и либераловъ (глава Белюковичъ). Либералы когда-то представляли собою великосербскую національную партію, мечтавшую о сербской гегемоніи на балканскомъ полуостровѣ, о роли балканскаго Пьемонта. Во главѣ ихъ стоялъ энергичный патріотъ Ристичъ. Въ 1876 году эта великосербская партія потерпѣла крушеніе, и долго лишь огромный авторитетъ Ристича давалъ опору либеральной партіи. Мало-по-малу, однако, народныя массы оставили стараго вождя, и съ нимъ остались лишь нѣкоторые элементы зажиточныхъ городскихъ классовъ, такъ что теперь либералы — просто купеческая партія. Для союза съ ними правительственнымъ радикаламъ пришлось бы отказаться отъ проведенія всякихъ серьезныхъ демократическихъ мѣропріятій. Сами радикалы явились и выросли именно, какъ противовѣсъ великосербизму, истощавшему маленькую страну, нуждавшуюся въ мирѣ и демократическихъ реформахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, партія стала въ оппозицію расточительности короля Милана, который ее возненавидѣлъ и преслѣдовалъ до самой смерти. Только съ паденіемъ Обреновичей радикалы, давно уже завоевавшіе симпатію большинства, получили возможность дѣятельности, но какъ разъ тутъ произошелъ расколъ. Обѣ фракціи, вмѣстѣ взятыя, составляли въ прошлой скупщинѣ и составляютъ въ вновь избранной подавляющее большинство, но раздоры вождей мѣшаютъ совмѣстному дѣйствію. Правда, есть еще старикъ Груичъ, пользующійся популярностью въ обѣихъ фракціяхъ, но ненависть вожаковъ правительственныхъ радикаловъ къ Пашичу, вождю радикаловъ оппозиціонныхъ, очень затрудняетъ комбинацію министерства Груича. Возможно поэтому, что правительственные радикалы предпочтутъ союзъ съ Белюковичемъ и его сторонниками. Этотъ союзъ или министерство Груича—такова дилемма конституціоннаго рѣшенія кризиса, вышедшаго изъ выборовъ. Вѣроятно, что одна изъ этихъ комбинацій и осуществится, потому что до сихъ поръ король Петръ держался конституціоннаго образа дѣйствій, но эта практика такъ еще непродолжительна, что вполнѣ полагаться на нее невозможно. Надо, поэтому, имѣть въ виду, если не вѣроятность, то возможность третьей комбинаціи, личнаго вмѣшательства короля. Надо помнить, что съ умаленіемъ авторитета Россіи, вліяніе Австріи должно было неминуемо сильно возрасти, а радикальная партія никогда не внушала вѣнскимъ дипломатамъ довѣрія. Конфликтъ съ Венгріей отчасти парализуетъ предпріимчивость австрійской дипломатіи, и потому-то, считаясь съ возможностью личнаго вмѣшательства короля Петра, мы всетаки эту возможность пока не можемъ назвать вѣроятностью. И чѣмъ острѣе будетъ развиваться конфликтъ Австріи съ Венгріей, и чѣмъ скорѣе Россія ликвидируетъ свои дальневосточныя несчастія, тѣмъ возможность

нарушенія правильнаго теченія сербской конституціонной жизни будетъ становиться все менѣе вѣроятною.

Во Франціи 19 іюня (2 іюля) палата депутатовъ приняла большинствомъ 341 противъ 233 голосовъ весь законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Вслѣдъ затѣмъ принятый палатою законопроектъ былъ переданъ въ сенатъ. 28 іюня (11 іюля) сенатъ избралъ коммиссію по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Противъ отдѣленія — четверо членовъ, за него четырнадцать (изъ числа ихъ нѣкоторые принимаютъ проектъ въ измѣненномъ палатою, въ либеральномъ смыслѣ, видѣ). Такимъ образомъ, хотя бы и съ нѣкоторыми измѣненіями, одобреніе законопроекта вполнѣ обезпечено. Сессія французскаго парламента закрыта, и сенатъ займется этимъ огромнымъ вопросомъ осенью. Изъ палаты проектъ послѣ трехмѣсячныхъ дебатовъ вышелъ значительно измѣненнымъ. Несомнѣнно, и сенатъ отнесется съ тѣмъ же серьезнымъ вниманіемъ къ великому дѣлу, перешедшему въ его руки. Поэтому, теперь было бы преждевременно судить о проектѣ. Онъ еще не созрѣлъ. Мы возвратимся къ нему, когда онъ будетъ совершенно готовъ, побывавъ, вѣроятно еще не менѣе одного раза, въ палатѣ и опять въ сенатѣ, быть можетъ, и больше одного раза.

Въ Англіи въ палатѣ общинъ министерство Бальфура потерпѣло пораженіе по вопросу о примѣненіи ирландскаго аграрнаго закона. Предложеніе ирландскаго парлам. вождя Редмонда, поддержанное либералами и выражавшее неодобреніе образу дѣйствія правительства, было принято большинствомъ 199 голосовъ противъ 196. Правда, въ ближайшемъ засѣданіи, куда министерство усиленно созывало своихъ сторонниковъ, оно получило вотумъ довѣрія и осталось при власти. Однако, инцидентъ и послѣ этого имѣетъ серьезное значеніе, указывая, что министерское большинство потеряло устойчивость перваго времени своего существованія, когда подобный случай былъ прямо невозможенъ. Съ тѣхъ поръ, дополнительные выборы значительно усилили численность оппозиціи, а численность министерской партіи подорвана еще и полурасколомъ въ ея средѣ, потому что немалочисленная группа консерваторовъ-фритредеровъ смотритъ съ недовѣріемъ на министерскую политику и предпочитаетъ не участвовать въ засѣданіяхъ и не принимать отвѣтственности за министерскую политику. Вопросъ о распущеніи палаты и новыхъ генеральныхъ выборахъ назрѣваетъ все больше и больше. Едва ли еще долго сумѣетъ Бальфуръ оттягивать отъ обращенія къ странѣ, потому что все укрѣпляющееся мнѣніе о неодобреніи страною министерской политики лишаетъ правительство авторитета, особенно необходимаго въ дѣлахъ иностранныхъ, нынѣ столь сложныхъ и опасныхъ, бросающихъ огромную тѣнь на будущее народовъ всего міра. Вотъ,

напр., чего стоитъ одна слѣдующая телеграмма: „Нью-Іоркъ, 17 (30) іюня. По свѣдѣніямъ „Sun“ изъ Лондона, весьма освѣдомленный дипломатъ сообщилъ, что текстъ предполагаемаго англо-японскаго договора окончательно выработанъ. Весьма возможно, что онъ будетъ въ скоромъ времени опубликованъ. Текстъ выработанъ, но надо его закончить, подписать и ратификовать, а для этого нужна безусловная увѣренность въ довѣріи націи“. Какого огромнаго значенія вопросы связаны съ этимъ договоромъ, видно изъ нѣкоторыхъ слуховъ о его содержаніи, проникшихъ въ печать.

Спеціальный корреспондентъ итальянской газеты „Memento“ телефонировалъ изъ Генуи отчетъ бесѣды, которую онъ имѣлъ съ однимъ изъ членовъ свиты японскаго принца Арисугавы. Лицо это заявило, что главной цѣлью путешествія принца Арисугавы въ Европу было возобновленіе англо-японскаго договора. Новый договоръ (т. е. проектъ) заключаетъ въ себѣ болѣе опредѣленныя и точныя постановленія. Японія обязуется защищать и поддерживать англійскіе интересы въ предѣлахъ китайскихъ водъ; Англія же отзоветъ часть могущественнаго флота, который она содержитъ теперь въ Тихомъ океанѣ. Англія, съ своей стороны, обязуется поддерживать политическую и экономическую дѣятельность Японіи въ Манчжуріи, Кореѣ и Китаѣ. Немедленно по окончаніи войны Японія пошлетъ въ Китай значительное число своихъ офицеровъ, съ цѣлью реорганизовать китайскую армію. Англія гарантируетъ охрану этого плана отъ притязаній другихъ державъ, особенно Германіи, которая сама стремилась выполнить упомянутую преобразовательную работу. Лицо, съ которымъ бесѣдовалъ корреспондентъ, добавило, что соглашеніе съ Англіей было достигнуто быстро, безъ особыхъ затрудненій.

Теперь, когда, какъ выше указано, Китай руководствуется совѣтами во всякомъ случаѣ не японскими и не британскими, вѣроятнѣе всего—нѣмецкими, вторая половина англо-японской программы, какъ она только что приведена со словъ „Memento“, можетъ оказаться очень и очень отвѣтственною.

Не мѣшаетъ принять во вниманіе въ высшей степени важное извѣстіе изъ Парижа, что Дешанель, президентъ парламентской коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ, обратился къ Рувье съ письмомъ, въ которомъ изложилъ слѣдующія положенія, одобренныя коммиссіей: 1) снабдить губернатора Индо-Китая полномочіями по вопросамъ территоріальной и морской обороны колоніи; 2) поручить генералу Вуарену надзоръ за туземными войсками; 3) потребовать необходимые кредиты для оборудованія арсенала въ Сайгонѣ въ той мѣрѣ, чтобы онъ отвѣчалъ всѣмъ могущимъ возникнуть требованіямъ; 4) ремонтировать суда и оборудовать всѣмъ необходимымъ стоянки главной французской

эскадры въ отечественныхъ водахъ; 5) согласовать французскіе интересы въ Китаѣ и на Дальнемъ Востокѣ съ интересами Англіи, съ цѣлью гарантировать имъ status quo, какъ на сушѣ, такъ равно и въ Китайскомъ морѣ; 6) изучить и подготовить прямыя торговыя сношенія между Индо-китаемъ и Японіей и установить болѣе тѣсныя экономическія отношенія съ Японіей; 7) войти въ соглашеніе съ Англіей и убѣдить Сіамъ отказаться отъ вооруженія и въ дѣйствительности нейтрализовать долину Менама; 8) озаботиться возведеніемъ оборонительныхъ сооруженій въ Даккарѣ.

Очевидно, въ видѣ прямого послѣдствія русско-японской войны, подготовляется полная перегруппировка великодержавныхъ силъ.

Съ этой точки зрѣнія, и особенно если помнить о новой политикѣ Китая, пріобрѣтаютъ большой интересъ и многочисленныя сообщенія объ анти-американскомъ движеніи въ Китаѣ. Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ западныхъ штатахъ (Калифорніи, Орегонѣ и др.), китайцы очень ограничены въ правахъ.. Право въѣзда почти воспрещено. Изданы постановленія даже объ образѣ жизни китайцевъ, съ цѣлью повысить стоимость жизни и тѣмъ ослабить конкурренцію, которую китайцы дѣлаютъ бѣлымъ рабочимъ, привыкшимъ къ лучшему, а слѣдовательно—и болѣе дорогому образу жизни. Это враждебное китайцамъ законодательство не входитъ даже въ компетенцію вашингтонскаго правительства, потому что, при широкой децентрализаціи американскаго государственнаго строя, эти вопросы входятъ въ сферу компетенціи законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Не только президентъ республики, но и конгрессъ не имѣютъ права вмѣшиваться въ законодательство отдѣльныхъ штатовъ, если оно не нарушаетъ конституціи. Надѣяться же, что западные штаты, гдѣ рабочее большинство населенія страдаетъ отъ наплыва китайцевъ, отмѣнятъ или смягчатъ свое антикитайское законодательство, конечно, невозможно. Впрочемъ, и само центральное правительство американской республики въ этомъ вопросѣ солидарно съ правительствами западныхъ штатовъ, что особенно ярко обнаруживается слѣдующею телеграммою:

„Пекинъ, 15 (28) іюня. Американцы распространили на Гавайскіе и Филиппинскіе острова законъ, воспрещающій иммиграцію китайцевъ на американскую территорію".

Запрещеніе иммиграціи на Филиппинахъ будетъ очень чувствительно. Это обширная территорія, мало населенная, подходящаго климата. И вотъ, какъ отголосокъ этой американской нетерпимости къ китайцамъ, началась въ Китаѣ антиамериканская агитація, въ послѣднее время очень разгорѣвшаяся. Вотъ послѣднія наиболѣе интересныя извѣстія:

Пенангъ, 16 (29) іюня (Information). Главнѣйшіе китайскіе

купцы рѣшили наложить запрещеніе на всѣ американскіе товары, до тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты не ограничатъ законъ, воспрещающій китайцамъ доступъ на американскую территорію.

Парижъ, 6 (19) іюля. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Пекинѣ получилъ инструкцію—сдѣлать китайскому правительству возможно обширныя уступки, чтобы прекратить бойкотъ китайцами американскихъ товаровъ. Опасаются, что китайское правительство уже не въ состояніи остановить движенія.

Тянь-Цзинь, 9 (21) іюля. Бойкотированіе американскихъ товаровъ въ южномъ Китаѣ ведется весьма энергично. На сѣверѣ движеніе подавляется вице-королемъ Юаншикаемъ. Между китайскими газетами во всей имперіи существуетъ по этому вопросу полное единодушіе; въ первый разъ въ Китаѣ проявилось единство націи,—въ этомъ и заключается главное значеніе бойкота.

Надо замѣтить, что это движеніе, если оно серьезно, а не раздувается нѣмецкими сообщеніями, начавшись противъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, должно обратиться и противъ Англіи, въ колоніяхъ которой анти-китайское законодательство проводится еще суровѣе и полнѣе, чѣмъ въ Америкѣ.

Очевидно, подготовляется огромная борьба за преобладаніе въ Китаѣ...

Подготовляются какія-то крупныя событія и въ Аравіи.

Аравійскій полуостровъ, имѣя протяженіе въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ, упирается своею юго-восточною стороною въ Индійскій Океанъ и ограничивается съ юго-запада Краснымъ моремъ, съ сѣверо-востока Персидскимъ заливомъ съ дельтою соединенныхъ Тигра и Ефрата. На сѣверо-западѣ аравійскія пустыни незамѣтно сливаются съ пустынями Сиріи и Месопотаміи, вмѣстѣ отдѣляя аравійскіе оазисы отъ оазисовъ сирійскихъ и месопотамскихъ. Въ такихъ предѣлахъ Аравія имѣетъ въ политическомъ отношеніи три полосы: самая важная, юго-западная, примыкающая къ Красному морю, наиболѣе богатая оазисами, болѣе всѣхъ населенная, болѣе всѣхъ культурная, средоточіе аравійскаго національнаго сознанія, правовѣрная страна пророка Магомета, заключающая въ своихъ предѣлахъ священные города, Мекку и Медину. Именно въ этой красноморской Аравіи и развиваются событія, о которыхъ выше упомянуто. На этихъ страницахъ мы уже касались начала этой аравійской драмы, повидимому, покровительствуемой англичанами. Вотъ послѣднія извѣстія:

Константинополь, 15 (28) іюня. Арабы провинціи Ассиръ завладѣли главнымъ городомъ Ибатомъ. Сегодня министры собрались въ Ильдизъ-кіоскѣ для обсужденія вопроса о соотвѣтствующихъ мѣропріятіяхъ.

Бейрутъ, 15 (28) іюня. Ходитъ упорный слухъ, что шейхъ-уль-исламъ Мухаммедъ-Абдулъ окончателъно принялъ сторону

арабовъ. Онъ издалъ церковное отлученіе и провозгласилъ турецкаго султана лишеннымъ званія халифа.

Джидда, 15 (28) іюня. Инсургенты заняли Мокку, Бетъ-эль-Факи и Абу-Аришъ въ Іеменѣ. Въ рукахъ турокъ остается лишь Ходейда. Увѣряютъ что Менакка капитулировала.

Суэцъ, 18 іюня (1 іюля). (Сообщ. черезъ Берлинъ). Подтверждается, что возставшіе арабы угрожаютъ геджаской провинціи.

Парижъ. 28-го Іюня. (Information). По частнымъ извѣстіямъ, инсургенты занимаютъ весь Іеменъ, кромѣ Ходейды. Въ распоряженіи Фейзи-паши только 20 000 человѣкъ. Онъ дожидается подкрѣпленій.

Парижъ, 11 (24) Іюня (Information). Турки начали 4 іюня съ трехъ сторонъ наступленіе противъ Санажа.

Геджасъ—самая сѣверная часть Красноморской Аравіи (здѣсь Мекка и Медина); Ассиръ примыкаетъ и Геджасу съ юга; Іеменъ, самая богатая часть Аравіи (Arabia felix), лежитъ еще южнѣе. Въ Іеменѣ столица—Сана, гавани—Мокка и Ходейда. Только послѣдняя въ рукахъ турокъ и отсюда они начинаютъ свои операціи.

За Красноморскою Аравіей лежитъ пустынная страна, оазисы которой заняты независимыми княжествами вехабитовъ, сектантовъ, отложившихся отъ правовѣрнаго ислама. Здѣсь ни турки, ни красноморскіе арабы не найдутъ союзниковъ. Третья полоса, вдоль Персидскаго залива, лежитъ далеко отъ театра событій и также въ нихъ не приметъ участія.

17-го іюня скончался министръ иностранныхъ дѣлъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джонъ Гай, о которомъ президентъ Рузвельтъ отозвался, какъ о самомъ выдающемся министрѣ иностранныхъ дѣлъ американской республики. Гай родился въ 1838 году, въ Индіанѣ; онъ принялъ дѣятельное участіе въ президентскихъ выборахъ 1861 года, какъ горячій сторонникъ республиканской партіи, выступившей тогда противъ рабства. Затѣмъ онъ служилъ при президентѣ Линкольнѣ и написалъ біографію знаменитаго президента, работая и въ повременныхъ изданіяхъ. Дальнѣйшая его карьера была преимущественно дипломатическая. Въ 1898 году Макъ-Кинлей назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Рузвельтъ въ оба свои президентства сохранилъ за Гаемъ руководство внѣшнею политикою американской республики.

Значеніе Джона Гая въ исторіи заключается, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ вывелъ свое отечество на путь великодержавности. При немъ Америка присоединила Гаваи, отняла у Испаніи Порто-Рико и Филиппины, освободило Кубу, чтобы потомъ подчинить ее своему протекторату, вошла въ тѣсное еди-

неніе съ Англіей, сблизилась съ Японіей, подала свой властный голосъ въ дальне-восточныхъ дѣлахъ, очень развила свои морскія вооруженія, достигнувъ положенія первоклассной морской державы... Будущее покажетъ, эта энергическая и многосторонняя дѣятельность покойнаго американскаго министра поведетъ ли къ счастью и благополучію великой республики?

21-го іюня въ Бельгіи скончался знаменитый ученый Элизе Реклю, извѣстный также и какъ одинъ изъ теоретиковъ анархизма. Реклю родился въ 1830 году, образованіе получилъ во французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Въ 1851 году послѣ государственнаго переворота, провозгласившаго имперію, Реклю долженъ былъ удалиться изъ Франціи и совершилъ продолжительное путешествіе по Европѣ и Америкѣ. Очерки этихъ путешествій впервые обратили вниманіе на талантливаго автора. Въ 1858 году Реклю вернулся во Францію и началъ издавать спеціальные географическіе труды, высоко оцѣненные ученымъ міромъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1867—68 г.г. вышли два тома его физической географіи подъ названіемъ „La terre“ (есть два русскихъ перевода), упрочившихъ за авторомъ высокій научный авторитетъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ Реклю приступилъ, и въ 1894 году окончилъ, при содѣйствіи другихъ ученыхъ, огромный трудъ въ девятнадцати томахъ „Nouvelle géographie universelle“ (есть русскій переводъ). Въ послѣднее время Реклю состоялъ профессоромъ географіи въ вольномъ Брюссельскомъ университетѣ. Онъ скончался семидесяти-пяти-лѣтнимъ старцемъ, совершивъ главное дѣло своей жизни, окруженный почетомъ и признаніемъ всего образованнаго міра.

С. Южаковъ.

Изъ Англіи.

I.

Я хочу познакомить читателей съ крайне интересной личностью борца за ирландскую свободу, только что сошедшаго со сцены; но предварительно я позволю себѣ разсказать двѣ легенды, содержащія діаметрально противоположныя идеи. Одна сложена на востокѣ людьми, попавшими въ неволю, и говоритъ о безконечномъ терпѣніи. Другая,—прославляющая борьбу,—явилась на

западѣ у гордаго народа, только что разорвавшаго цѣпи, наложенныя на него завоевателями. Первая легенда гласитъ *).

Въ одномъ изъ арабскихъ городовъ жилъ юноша поразительной красоты. Онъ имѣлъ всѣ дары, посылаемые Аллахомъ: былъ богатъ и ученъ. И хотя у него было все, чтобы жизнь была усладой, юноша горѣлъ желаніемъ знать все больше и больше.

И вотъ юношу посѣтилъ разъ купецъ изъ Бальсоры. И сказалъ ему, что живетъ тамъ великій мудрецъ, надѣленный такимъ знаніемъ и такою святостью, что мудрецы всѣхъ вѣковъ, взятые вмѣстѣ, не могутъ сравниться съ нимъ. И прибавилъ еще купецъ, что мудрецъ, не смотря на свою славу и почетъ, занимается кузнечнымъ ремесломъ, какъ отецъ и дѣдъ его.

Услышавъ это, юноша вошелъ въ домъ свой, надѣлъ башмаки, накинулъ на плечи котомку, взялъ въ руки посохъ и оставилъ родной городъ и друзей. Онъ пошелъ въ Бальсору, чтобы разыскать святого учителя, поступить къ нему въ ученики и познать мудрость.

И юноша шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей. И много опасностей и страданій перенесъ онъ, покуда благополучно прибылъ въ городъ, гдѣ жилъ кузнецъ. Странникъ направился на рынокъ, въ кузнечный рядъ. И когда юноша проходилъ, то всѣ продавцы и покупатели, пораженные его красотой, поднимали руки. „Надъ нами восходитъ новый мѣсяцъ Рамаданъ, — восклицали они. — Этого юношу имѣлъ, вѣроятно, въ виду поэтъ, когда сказалъ:

— Я видѣлъ вѣтвь дерева *банъ*, колебавшуюся, какъ шафранъ, на которомъ, вмѣсто цвѣтка, желтѣлъ мѣсяцъ Рамаданъ.

— И я спросилъ: „какъ зовутъ тебя?“ Онъ отвѣтилъ мнѣ: „лу-лу“ (жемчужина).

— И я воскликнулъ: „ли-ли“ (ко мнѣ!); но онъ сказалъ: „ла-ла“ (нѣтъ, нѣтъ).

Но юноша не замѣтилъ даже произведеннаго имъ впечатлѣнія. Онъ спѣшилъ къ кузницѣ мудреца. И когда юноша переступилъ порогъ, онъ поцѣловалъ полу платья мудреца и молча наклонилъ голову.

— Чего тебѣ, сынъ мой?—спросилъ кузнецъ.

- Хочу познать истинную мудрость, — смиренно отвѣтилъ юноша.

— Тяни!—сказалъ кузнецъ и далъ ему въ руки веревку отъ мѣховъ.

— Слушаю и повинуюсь, — отвѣтилъ юноша. И онъ молча

---

*) Заимствована мною изъ „La Renaissance Nord-Africaine“, janvier, 1905. Tunis. Переводъ съ арабскаго на французскій языкъ сдѣланъ докторомъ Мадрюсомъ.

сталъ тянуть веревку и тянулъ ее до поздняго вечера. И ту же работу, такъ же молча, онъ исполнялъ на другой день, и на слѣдующій, и еще, и еще, цѣлый годъ. За все это время ни учитель, ни другіе ученики, работавшіе въ кузницѣ, не сказали ему ни слова. И прошло пять лѣтъ, такимъ образомъ, въ полномъ молчаніи. Наконецъ, юноша рѣшился заговорить.

— Учитель!—началъ онъ.

Кузнецъ оставилъ работу, и всѣ ученики сдѣлали то же самое.

— Чего тебѣ?—спросилъ учитель.

— Знанія.

— Тяни веревку!

И юноша опять принялся за работу. И прошло еще пять лѣтъ. Все это время въ кузницѣ стояло молчаніе, а юноша съ восхода солнца до заката тянулъ веревку мѣховъ. Если кому-нибудь изъ учениковъ нужно было спросить учителя, онъ писалъ на пергаментѣ и клалъ на край горна. Учитель читалъ вопросы. Нѣкоторые онъ бросалъ въ огонь, на другіе отвѣчалъ письменно же.

И когда минуло десять лѣтъ, учитель, улыбаясь, подошелъ къ молодому человѣку и тронулъ его за плечо. И въ первый разъ за десять лѣтъ ученикъ оставилъ веревку мѣховъ. Великая радость овладѣла имъ.

— Сынъ мой, — началъ кузнецъ, — можешь возвратиться теперь домой. Ты позналъ уже *всю* мудрость жизни.

И учитель съ поцѣлуемъ отпустилъ ученика. И тотъ радостно возвратился къ своимъ друзьямъ. И все передъ нимъ стало ясно, потому что онъ постигъ величайшую мудрость—*терпѣніе*".

Такъ гласитъ одна легенда. Другая составляетъ эпизодъ старинной сказочной испанской хроники. Это—„Исторія знаменитаго и доблестнаго рыцаря Кристобала де-Либертадъ (Historia del famoso é valeroso caballero Cristobal de Libertad).

Въ далекой странѣ, — гласитъ легенда, — куда не достигали не только странствующіе рыцари, но даже и слухъ о подвигахъ ихъ, лютый драконъ караулилъ прикованную къ скалѣ прекрасную донселью. И такой страхъ навелъ драконъ на всѣхъ, что когда онъ приказалъ присылать себѣ ежегодно юношей и дѣвицъ, населеніе послушно исполняло приказаніе. Ибо трусость, — говоритъ хронографъ, — „es enfermedad incurable y pegadiza" (болѣзнь заразительная и неизлѣчимая). И набралъ себѣ драконъ изъ населенія страны судей и хранителей, слѣдившихъ за тѣмъ, что дѣлаетъ народъ, и поповъ, благословлявшихъ насиліе его. Ибо, — прибавляетъ хронографъ, — правду гласитъ старинная испанская поговорка, что за крестомъ часто скрывается діаволъ.

И разно толковало населеніе страны, порабощенной дракономъ.

— Какое намъ дѣло до донсельи? — говорили одни. — Насъ драконъ не трогаетъ. Будемъ же весело жить да пить и ѣсть въ веселомъ кругу (Vivamos todos y comamos en buena paz y compana). Чего кручиниться? Развѣ теперь солнце не такъ ярко? Развѣ вино утратило свойство опьянять? Развѣ поцѣлуи не такъ кружатъ голову, какъ тогда, когда мы были свободны?

И люди эти веселились и любили, когда кругомъ лилась кровь, и воздухъ оглашался жалобными стонами донсельи.

— Съ дракономъ можно не только ужиться, но еще награды отъ него получать за услуги,—говорили другіе. — Зачѣмъ намъ раздражать его? Самопожертвованіе глупо. Человѣкъ долженъ думать о себѣ и о своихъ дѣтяхъ. — И въ интересахъ *своихъ* дѣтей, эти люди съ спокойной совѣстью отправляли къ дракону дѣтей *чужихъ*.

— Терпѣніе и смиреніе!—шептали третьи. — Будемъ сидѣть тихо, станемъ чтить дракона и слугъ его, да работать на нихъ, тогда насъ, вѣроятно, помилуютъ. Что деньги у насъ забираютъ, такъ это ничего: деньги — тлѣнъ. Что дѣтей нашихъ уводятъ, такъ и это, въ сущности, не важно: дѣвицамъ все равно замужъ выходить нужно, а изъ юношей, вѣроятно, буяны вышли бы. Вотъ и каноники такъ говорятъ.

Но явились отважные юноши, которыхъ тронули жалобные стоны и страданія донсельи. И выходили они одинъ на одинъ на дракона. И гибли всѣ они лютой смертью. Погибали не столько отъ дракона, сколько отъ слугъ его. И когда умирали смѣлые, каноники закатывали глаза, вздыхали и потомъ прибавляли: „подѣломъ"!

А свирѣпость дракона и безстыдство слугъ его увеличивались. Наконецъ и смирнымъ стало не въ моготу.

— Ждите тихо!—подали имъ совѣтъ каноники. — Изобразите на лицахъ вашихъ кротость и умиленіе. Драконъ увидитъ ваши нужды и сдѣлаетъ все возможное для васъ. И смиренные люди послѣдовали совѣту; но имъ стало еще хуже. Кротость и податливость людей не только не смягчили сердца дракона, но еще болѣе распалили лютость его. А слуги его совсѣмъ озвѣрѣли. И воздухъ огласился жалобными стонами донсельи, звономъ цѣпей и воплями страданія.

И въ это время въ далекую страну прибылъ рыцарь Кристобалъ де-Либертадъ.

— Проявите меньше терпѣнія!—крикнулъ онъ.—Дѣйствуйте дружно! Идите валомъ за вашими собственными борцами и не покидайте ихъ. Вы сами не вѣдаете, какая сила въ вашихъ рукахъ!—И такъ какъ страданія были уже невыносимы, то послушалось населеніе совѣта. Съ сѣвера и съ юга, съ востока и съ запада стали прибывать вѣсти, что люди сгрудились вмѣстѣ. И отъ одного вида сплотившихся людей, драконъ сразу присмирѣлъ.

Вмѣсто свирѣпаго рычанія раздались сладкія обѣщанія, хотя въ глазахъ его горѣла ненависть, а лапы судорожно сжимались.

— Не вѣрьте обѣщаніямъ!—крикнулъ рыцарь де-Либертадъ.— Не миритесь, иначе жестоко поплатитесь потомъ. Никогда ни одинъ насильникъ не забываетъ, что долженъ былъ поступиться своею властью!"

На этомъ кончается старинная испанская сказочная хроника.

II.

Въ парламентѣ бывалые люди указывали новичкамъ всегда на стараго коммонера, съ сѣдыми волосами до плечъ, съ длинной бородой, сидѣвшаго на скамьяхъ, занятыхъ ирландской партіей. Старикъ этотъ, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ всѣхъ партій, имѣлъ видъ ученаго, всю жизнь не выходившаго изъ своего кабинета. Между тѣмъ, онъ изъѣздилъ весь свѣтъ, былъ пріискателемъ, фермеромъ, *кaубоемъ* въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, участвовалъ въ рядѣ политическихъ заговоровъ, дрался на баррикадахъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, къ колесованію и къ четвертованію, провелъ много лѣтъ на каторгѣ. Словомъ, старикъ этотъ назывался Джемсъ О'Брайенъ. Онъ представлялъ собою живую хронику борьбы Ирландіи за свободу. Джемсъ О'Брайенъ видѣлъ всѣ фазисы борьбы. Онъ зналъ Ирландію, когда она всецѣло управлялась англійской бюрократіей, давившей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе было сопротивленіе. Затѣмъ онъ видѣлъ бурную эпоху феніанскихъ заговоровъ, парнеллевское движеніе. Онъ дождался возрожденія Ирландіи, когда подъ напоромъ объединившагося населенія правительство уступило, и стала возможной легальная, парламентская борьба.

Тупость, жестокость, близорукость и полное безсиліе бюрократіи рѣзче всего проявляется во время великаго народнаго бѣдствія, напримѣръ, голода. Такъ было въ Ирландіи въ 1846 г., когда отъ неурожая картофеля страна пострадала на 16 милліоновъ ф. ст. Благоразумные люди задолго предупреждали о томъ, что надвигается страшная катастрофа. Что же сдѣлало правительство? Съ одной стороны, приняло мѣры, чтобы фермеры платили во что бы то ни стало ренту помѣщикамъ, съ другой—издало законъ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill).

„Голодъ надвигается на насъ гигантскими шагами",—писалъ осенью 1846 г. капитанъ Уинъ, одинъ изъ тѣхъ немогихъ правительственныхъ чиновниковъ, которые имѣли глаза, чтобы видѣть. Предостереженіе его оказалось вѣрнымъ. Въ концѣ августа голодало уже почти все населеніе. Часть крестьянъ устремилась въ города. Другіе фермеры безцѣльно бродили по

полямъ и дорогамъ въ смутной надеждѣ, что ѣда явится какъ-нибудь. Они поѣдали все, что было возможно: выкапывали забытую рѣпу, отыскивали коренья. Затѣмъ набросились на палыхъ лошадей, ословъ и собакъ. Оффиціальное слѣдствіе констатировало случаи людоѣдства: голодная мать съѣла конечности своего ребенка *). Во многихъ мѣстахъ поднимали умершихъ отъ голода людей, въ кишкахъ и въ желудкахъ которыхъ находили траву **). Въ графствѣ Майо подобрали умершаго отъ голода человѣка, во рту котораго оказался торфъ. Сотни людей питались крапивой, полевой горчицей, конскимъ щавелемъ. У береговъ Ирландіи находятъ особенную, слизистую водоросль, сладковатую на вкусъ. Крестьяне знаютъ, что она ядовита; но муки голода были такъ велики, что люди поѣдали эту водоросль и умирали потомъ.

Труповъ было такъ много, что обрядъ погребенія упростился до чрезвычайности. „Въ лѣтописяхъ того времени,—говоритъ очевидецъ,—много фактовъ, показывающихъ, какъ великое бѣдствіе уничтожило христіанскіе обряды. На обочинахъ большихъ дорогъ всюду валялись неубранные трупы. То же самое было въ крестьянскихъ избахъ. Живые и мертвые лежали тамъ подолгу. И если бывали похороны, то онѣ еще болѣе свидѣтельствовали о томъ, какой ужасъ постигъ страну" ***). „Въ Скибринѣ,—писалъ корреспондентъ газеты „Cork Examiner",—я каждый день вижу отцовъ, несущихъ на плечахъ на кладбище тѣла своихъ дѣтей, въ гробахъ, кое-какъ сколоченныхъ изъ старыхъ ящиковъ. Отпѣвать и хоронить тѣла некому. Я видѣлъ крестьянина, который везъ на телѣжкѣ, запряженной осломъ, тѣла своей жены и двухъ дѣтей. Онъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выкопать могилу, поэтому на кладбищѣ онъ кое-какъ покрылъ тѣла глиной. На другой день на кладбищѣ голодныя собаки пожирали эти трупы" ****).

Послѣдствіемъ голода явилась эпидемія. Открылся голодный тифъ, а потомъ чума. Люди умирали сотнями. Въ одномъ приходѣ Kinsale Union,—говоритъ О'Коннoръ,—заболѣли 250 человѣкъ, а изъ нихъ умерли 240. Эпидемію прозвали „подорожнымъ тифомъ", потому что вдоль дорогъ, въ канавахъ, подъ стогами, всюду лежали больные. Крестьяне, изнуренные голодомъ, не имѣли силъ, когда заболѣвали, выползти изъ своихъ избъ. Въ темныхъ мурьяхъ на полу валялись трупы и живые люди, забытые всѣми. „Страшная апатія нависла надъ бѣднымъ Скибриномъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ очевидецъ.—Голодъ уничтожилъ всякое сочувствіе. Отчаяніе сдѣлало людей безчувствен-

---

*) Census commissioners. p. 310.
**) ib., p. p. 243, 283.
***) *A. M. Sullivan* The New Ireland, p. 64.
****) *J. O'Rourke*, History of the irish Famine, p. 273.

ными. Они съ тупой покорностью, безъ страха, ждутъ смерть. Она теперь заглянула во всѣ мурьи. Голодъ и эпидемія уносятъ старыхъ и молодыхъ, слабыхъ и сильныхъ, матерей и грудныхъ младенцевъ. Нѣтъ людей, которые дали бы больнымъ глотокъ воды или поправили бы изголовье. Цѣлыя семьи валяются безпомощно на грязномъ полу. Одно и то же лохмотье покрываетъ разлагающееся уже тѣло и высохшаго, какъ скелетъ, горячечнаго больного, мечущагося въ бреду. Крысы обгрызаютъ трупы... Крестьяне сидятъ безъ пищи, безъ топлива и безъ одежды. Смерть кажется имъ избавленіемъ“ *).

Тѣ, у которыхъ было силы добраться до города, разносили эпидемію по всему острову. „По улицамъ нашего города бродятъ оборванныя, голодныя тѣни людей. Все это — бѣглецы изъ голодныхъ мѣстъ. Смерть ждетъ ихъ черезъ нѣсколько дней“, писалъ въ своемъ дневникѣ д-ръ Каллаванъ, цитируемый въ оффиціальномъ отчетѣ. Рабочіе дома и госпитали переполнились. „Но не только эти учрежденія были набиты биткомъ,—говоритъ О'Конноръ. — То же явленіе наблюдалось и въ тюрьмахъ. Голодающіе смотрѣли на тюрьму, какъ на убѣжище. Съ цѣлью попасть туда, сперва совершались небольшіе проступки. Такъ одно время битье стеколъ превратилось въ настоящую эпидемію; но, когда голодъ усилился, начались болѣе серьезныя преступленія, какъ похищеніе овецъ. Такая кража въ то время каралась ссылкой въ Австралію. Это наказаніе раньше казалось ужаснымъ, но въ 1847 г. сосланнымъ завидывали. Ирландецъ считалъ за счастіе, что его повезутъ хоть на край свѣта, но только бы изъ дома. Прежде Ботани-Бэй слылъ, не безъ основанія на то, адомъ. Теперь въ воображеніи голодныхъ крестьянъ онъ рисовался почти земнымъ раемъ, гдѣ хорошо кормятъ, и гдѣ предъ ссыльнымъ открываются новые широкіе горизонты.

Тюрьмы, которыя могли вмѣстить только десятую часть попавшихъ туда, превратились въ очаги болѣзней. Заключенный, разсчитывавшій на „счастье“, т. е. на ссылку въ Австралію, не въ состояніи былъ дождаться каторжнаго корабля. Недѣльное тюремное заключеніе равносильно было смертному приговору. Въ 1847 г. главный инспекторъ ирландскихъ тюремъ писалъ, что въ мѣстахъ заключенія, разсчитанныхъ на 5 тысячъ арестантовъ, — сидятъ 12.843 чел., поэтому, смертность въ одинъ годъ увеличилась въ десять разъ (въ 1846 г.—131, а въ 1847 г.—1315 **).

„Наша мѣстная тюрьма, — писалъ кастельбарскій докторъ Браунъ,—набита биткомъ. Всѣ арестанты — страшно изнурены, грязны, многіе почти голые“.

Въ переполненной тюрьмѣ открылся тифъ, которымъ перебо-

*) Цитировано въ оффиціальномъ отчетѣ — „Census Commissioners' Tables of Death, v. I, p. 272.

**) *T. V. O'Connor*, The Parnell Monement, p. 41.

лѣли всѣ служащіе въ тюрьмѣ и госпиталѣ. Смертность достигла 40%. Слѣдующія цифры дадутъ нѣкоторыя представленія о размѣрахъ эпидеміи голоднаго тифа.

Умерло отъ тифа:

Въ	1845 г.	7249
„	1846 „	17145
„	1847 „	57095
„	1848 „	45948
„	1849 „	39316
„	1850 „	23545

За десять лѣтъ одинъ только голодный тифъ унесъ въ Ирландіи 250.000 жертвъ *). За десять лѣтъ до 1846 г. непосредственно отъ голода, по оффиціальнымъ отчетамъ умерло 117 чел., въ 1846 г.—6058, а въ 1847—21.770. Въ отчетахъ есть рубрика. „Смерть отъ дряхлости, слабости и старости". Въ 1845 г. въ эту рубрику внесено 10.609 случаевъ, а въ 1847 г.—23.285 случаевъ. Составители отчета прибавляютъ, что въ сущности говоря, многіе изъ этихъ случаевъ должны быть внесены въ другую рубрику: „Смерть отъ голода".

Началось массовое бѣгство изъ Ирландіи, кто имѣлъ силы и какія-нибудь средства на то. „Населеніе, охваченное ужасомъ, метнулось въ разсыпную. Но демоны и гарпіи кинулись въ до гонку: эмигранты всюду разносили болѣзни. Около 180.000 переселенцевъ высадились въ Ливерпулѣ въ промежуткѣ отъ 15 января до 4 мая 1847 г. Въ Глазго отъ 15 іюня до 17 августа прибыло 26.335 ирландцевъ.

Въ госпиталѣ этого города было 1150 больныхъ тифомъ, въ томъ числѣ 750 ирландцевъ.

Охваченное ужасомъ населеніе Англіи потребовало, чтобы приняты были мѣры съ цѣлью охранить населеніе отъ эпидеміи. Для всѣхъ, прибывающихъ изъ Ирландіи, назначенъ былъ карантинъ. Такимъ образомъ, Англія отступила отъ своего обычая. Какъ извѣстно, въ Англіи нѣтъ карантиновъ. Если въ гавань прибываетъ корабль изъ подозрительнаго мѣста, всѣхъ пассажировъ всетаки спускаютъ на берегъ, но за каждымъ устанавливается дѣятельный медицинскій надзоръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ путешественникъ поселяется. Для голодныхъ ирландцевъ сдѣлано было исключеніе. Затѣмъ оказано было давленіе на владѣльцевъ кораблей, поддерживавшихъ сообщеніе между двумя островами: плата за переѣздъ на палубѣ была повышена. Тогда главная эмигрантская волна направилась на западъ, за океанъ, къ берегамъ Сѣверной Америки. О размѣрахъ движенія могутъ дать предста-

*) Raport of inspectors-general of Prisons: Census Commissioners'Tables of Death, p. 298.

вленіе слѣдующія цифры. Переселились въ Америку изъ Ирландіи:

Въ 1845 г.	74969	чел.
„ 1846 „	105955	„
„ 1847 „	215444	„ *).

Лэндлорды были рады отдѣлаться какъ-нибудь отъ голодныхъ крестьянъ и входили въ сдѣлку съ владѣльцами кораблей. Эмигрантовъ нагружали, какъ скотъ, въ трюмы старыхъ кораблей. Ирландцевъ возили тогда, какъ когда-то негровъ-невольниковъ. „Переселенческіе корабли напоминали калькутскую „черную яму“ (тюрьма, въ которой во время возстанія туземцевъ, задохлось въ одну ночь 125 плѣнныхъ англичанъ),—пишетъ очевидецъ. — Ирландцы десятками умирали во время переѣзда“. Изъ 493 переселенцевъ на кораблѣ „Queen“—130 умерли въ пути, на океанѣ; изъ 552 пассажировъ корабля „Avon“ скончались 236 челов.; изъ 476 эмигрантовъ на „Virginsus“—скончались 267; изъ 440 эмигрантовъ на „Larch“ скончались въ пути 108 чел., а 150—были опасно больны. Въ 1847 г. въ Канаду отправились изъ Ирландіи 89.783 эмигранта. Изъ нихъ скончались во время переѣзда 6100 челов., 4100—тотчасъ же послѣ прибытія, 5200—черезъ мѣсяцъ и 1900 челов.—черезъ три мѣсяца. Отъ Гроссъ-Айлэндъ до Портъ-Сарпіа, — пишетъ цитированный уже сэръ Чарльзъ Деффи, — на берегахъ великихъ рѣкъ и озеръ Онтаріо и Эри, эмигрантская волна отмѣчена непрерывной цѣпью могилъ. Здѣсь лежатъ, иногда безъ креста даже, — отцы, матери и дѣти выходцевъ изъ Ирландіи. Двадцать тысячъ переселенцевъ похоронены только въ одной Канадѣ“ **). „Переселенцы были слишкомъ слабы, чтобы работать и слишкомъ бѣдны, чтобы жить безъ работы и поправляться. Рабочій рынокъ въ городахъ былъ переполненъ. Съ другой стороны ирландцы не имѣли силъ для суровой жизни засельщиковъ въ лѣсахъ и на дѣвственной территоріи ***).

Что же дѣлало правительство все это время? Оно устроило общественныя работы подъ надзоромъ своихъ чиновниковъ. Работы эти были нецѣлесообразны, безтолковы и не приносили облегченія. Второй мѣрой правительства противъ голода былъ законъ объ усиленной охранѣ—„Coercion Bill“. Слѣдуетъ ли удивляться, что эмигранты, оставлявшіе берега Ирландіи, уносили только одно: глубокую ненависть къ правительству и жажду мести. Эту ненависть переселенцы передали своимъ дѣтямъ и впослѣдствіи, на американской почвѣ, выросло революціонное движеніе, охватившее Ирландію въ 1867. Пережитые ужасы голода вызвали въ

---

*) Sir Charles Gavan Duffy, „Four Years of Irish History“, p. 531.

**) Four Years of Irish History, p. 532.

***) *W. Gregg*, Irish History, p. 138.

концѣ сороковыхъ годовъ въ самой Ирландіи самородное террористическое движеніе—феніанство. Полицейскій бѣлый терроръ, какъ бываетъ это всегда, создалъ свою антитезу—красный революціонный терроръ. Окончательнымъ толчкомъ послужили бурныя событія на континентѣ. Въ февралѣ 1848 г. революціонный пожаръ охватилъ Парижъ, а затѣмъ весь европейскій горизонтъ. Падали троны. Воздухъ былъ наполненъ трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ и ликующими побѣдными криками народа. Священный союзъ превратился въ прахъ. Отъ Милана до Берлина всюду народъ былъ увѣренъ, что теперь оковы будутъ сброшены разъ на всегда. Пятаго февраля 1848 г. въ Ирланціи возникла газета „United Irishmen“, доказывавшая, что мирнымъ путемъ населеніе ничего не добьется. Необходимо, — проповѣдывала газета,— вооруженное возстаніе. Къ выходу третьяго нумера подоспѣли свѣдѣнія о революціи въ Парижѣ. „Февральская революція,—пишетъ ирландскій историкъ,—произвела у насъ потрясающее впечатлѣніе. Съ каждымъ днемъ волненіе усиливалось. Каждая почта приносила вѣсти про новыя возстанія, кончавшіяся неизмѣнно побѣдой народа. Вѣсти изъ Парижа, Берлина и Вѣны говорили одно и то же: про баррикады, паденіе правительства и про побѣду народа... И естественно должна была явиться у ирландцевъ мысль о возстаніи. Всюду въ Ирландіи возникли клубы конфедератовъ“ *). Обсуждались практическіе вопросы въ видѣ, какъ строить баррикады, чѣмъ защищать ихъ и пр. Правительство приняло рѣшительныя мѣры. Въ серединѣ марта, вожди революціоннаго движенія О'Брайенъ (отецъ извѣстнаго теперь коммонера Джона О'Брайена), Мигеръ и Митчель (редакторы United Irishman) были арестованы и обвинены въ государственной измѣнѣ. Оставшіеся на свободѣ, вожди поспѣшили поднять возстаніе; но вліяніе страшной катастрофы 1846 — 1847 гг., было слишкомъ сильно. Наиболѣе энергичные переселились въ Америку. Возстаніе не удалось. Вмѣсто 50 тысячъ повстанцевъ явилось не больше 500 невооруженныхъ крестьянъ. Движеніе было раздавлено. Начался рядъ политическихъ процессовъ, закончившихся суровыми приговорами. Вожди, какъ О'Брайенъ, Мигеръ, Митчель, Макъ Минусъ, Мартинъ, О'Доэрти осуждены были въ каторжныя работы. Другіе успѣли бѣжать въ Америку. Въ числѣ послѣднихъ находился двадцатипяти-лѣтній торговецъ изъ Корка—Джемсъ О'Брайенъ. Онъ, собственно, былъ противъ возстанія, такъ какъ доказывалъ, что народъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на побѣду въ настоящее время. Въ то же время Джемсъ О'Брайенъ горячо обличалъ умѣренныхъ ирландцевъ, группировавшихся возлѣ газеты „Nation“ и совѣтовавшихъ населенію сидѣть тихо и выжидать реформъ, добытыхъ путемъ мирной агитаціи. По мнѣнію Джемса

*) A. M. *Snllivan* New Ireland, p. 85.

О'Брайена, каждое правительство уступаетъ не тогда, когда ему докажутъ, что оно поступаетъ дурно, а тогда, когда убѣждается, что слѣдовать старой политикѣ не выгодно и опасно. Не возстаніе страшно англійскому правительству, — доказывалъ Джемсъ О'Брайенъ, а феніанскія тайныя организаціи. На нихъ должна опираться партія, которая потребуетъ реформъ у правительства. Во время вооруженнаго возстанія правительство всегда будетъ сильнѣе народа.

Англійское правительство восторжествовало. Послѣдовала жестокая реакція. Въ этомъ отношеніи въ Ирландіи повторилось почти то же самое, что въ Пруссіи, Италіи и въ Австріи послѣ 1848 г. Въ Майнцѣ въ то время слѣдственная по политическимъ дѣламъ коммиссія постановляла такія рѣшенія: а хотя, такой-то, ни собственнымъ сознаніемъ, ни обстоятельствами дѣла не уличается, но, принимая во вниманіе его упорное запирательство, слѣдуетъ признать его виновнымъ. Въ Россіи въ это время присуждали къ смертной казни, замѣненной каторжными работами, людей, изобличенныхъ въ чтеніи письма Бѣлинскаго къ Гоголю (дѣло Петрашевцевъ). До такой виртуозной жестокости англійское правительство не могло дойти, потому что кое-какіе факты могли все же проникнуть въ печать; но реакція въ Ирландіи продолжалась почти четырнадцать лѣтъ.

III.

Мнѣ приходилось уже говорить на страницахъ „Русскаго Богатства" про наслѣдіе, оставленное голодомъ 1846—47 гг.: про отношенія лэндлордовъ къ фермерамъ, про изгнанія за неплатежъ ренты, про безправіе, словомъ, про причины, создавшія аграрное движеніе шестидесятыхъ годовъ *).

Къ этому времени за океаномъ подросло новое поколѣніе ирландцевъ. Многіе изъ нихъ принимали видное участіе въ борьбѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными. Во время многолѣтней войны сотни ирландцевъ не только получили боевое крещеніе, но заняли видныя мѣста въ арміи. Тутъ были капитаны, полковники и даже бригадные генералы. И когда за океаномъ на американской почвѣ зародилось новое ирландское революціонное братство (Irish Revolutionary Botherhood), то военные, принявшіе участіе въ немъ, конечно, могли думать только объ одномъ: о вооруженномъ возстаніи. Офицерамъ, какъ капитану Дизи, или полковнику Келли казалось, что не только не трудно поднять всю Ирландію, но очень легко также разбить англійскія войска и провозгласить республику, если найдется хорошій организа-

*) См. „Очерки современной Англіи" и „Англійскіе силуэты" (Ирландскій ледоходъ).

торъ. Его нашли и послали въ Ирландію. То былъ Стифенсъ, носившій титулъ — Central Organiser of the Irish Republic (т. е. главный организаторъ ирландской республики).

Въ Ирландіи, между тѣмъ, возникла газета „Irish People" (редакторы—Джонъ О'Лири, Томасъ Кларкъ Люби и Чарльсъ Джемсъ Кикэмъ). Задачей ея было—проповѣдывать идею вооруженнаго возстанія и доказывать народу, что, сидя спокойно, онъ никогда не дождется реформы. Читателямъ можетъ показаться страннымъ, что такая боевая газета могла продержаться почти два года. Это свидѣтельствуетъ, прежде всего, конечно, о размѣрахъ свободы печати въ Англіи; но слѣдуетъ имѣть въ виду также эпоху. То было время — „культа патріотовъ-революціонеровъ", какъ выразился проф. Дайси.

Консервативная печать въ Англіи вносила въ умы изрядную смуту. Съ одной стороны, она призывала къ крестовому походу противъ феніевъ и ихъ методовъ борьбы. На подготовленіе возстанія въ Ирландіи торійская печать указывала, какъ на нѣчто адское. Съ другой стороны, она прославляла итальянскихъ революціонеровъ.

Революціонное движеніе въ Италіи быстро развивалось. Все англійское общество съ захватывающимъ интересомъ слѣдило за событіями. Мадзини, Гавацци, а въ особенности—Гарибальди были кумирами англійскаго общества. Послѣднему былъ оказанъ въ Лондонѣ царственный пріемъ со стороны аристократіи и среднихъ классовъ Что касается массъ, то онѣ толпились, чтобы пожать руку генералу, поцѣловать край его плаща или хотя бы, взглянуть на народнаго вождя. Англійскія газеты доказывали, что подданные Пія IX, Франца-Іосифа и Франциска II не только имѣютъ право возстать противъ своихъ повелителей, но выполняютъ даже свой *долгъ*, присоединяясь къ возстанію. Такъ доказывали „Times", „Sun", „Daily News".

„Каждый народъ имѣетъ одно неотъемлемое право,—писали Daily News: — право выбора правительства, наиболѣе соотвѣтствующаго интересамъ данной націи: это принципъ, давно доказанный уже. Осуществленія его добиваются теперь итальянцы".

„Англія много разъ открыто высказывала мнѣніе, что населеніе государствъ на Апенинскомъ полуостровѣ, какъ и всѣ народы, имѣетъ право избрать форму правленія по своему желанію,—доказывалъ въ началѣ 1860 г. „Times".

„Какъ свободные англичане, мы признаемъ и за итальянцами право устроиться, какъ они сами желаютъ. Представленіе о томъ, что королевство вмѣстѣ съ народомъ составляетъ собственность короля и что, поэтому, возмутившіеся граждане являются нарушителями принципа собственности,—давнымъ давно отжило свое время",—писалъ „Sun". Когда броженія въ австрійскихъ провинціяхъ и въ неаполитанскомъ королевствѣ усилились,—„Times" въ

ступилъ съ энергичной статьей, въ которой доказывалъ, что свободу добываютъ не словами, а иначе. Для борьбы съ деспотизмомъ и съ узурпаторами,—объясняла газета,—нужны не перья, а нѣчто другое, болѣе сильное.

Этими самыми принципами были проникнуты феніанскія газеты „Phoenix", „Irish People", „Irish American", выходившія въ то время въ Америкѣ и въ Ирландіи.

Благоразумные и дальновидные люди въ Англіи, какъ напр., Милль, доказывали, что есть только одинъ вѣрный способъ замирить Ирландію — широкія и радикальныя реформы. Необходимо, доказывали благоразумные люди, разрѣшить аграрный вопросъ, затѣмъ признать за католиками полную свободу совѣсти и, наконецъ, дать ирландцамъ самоуправленіе.

Но такіе благоразумные были въ меньшинствѣ. Правительство предпочитало испробовать путь репрессій. Что же касается реформъ, то намѣчались полумѣры. Въ проектируемыхъ билляхъ было очень много словъ, очень много тумана и, къ сожалѣнію, очень мало дѣла. Въ концѣ концовъ, партія „желѣзной власти" окончательно одержала верхъ въ правительственныхъ сферахъ. Рѣшено было пустить въ ходъ бѣлый терроръ. Въ октябрѣ 1865 г. полиція разгромила газету „Irish People". Затѣмъ были арестованы всѣ вожди движенія, въ числѣ ихъ Люби, Джонъ О'Лири и О'Донованъ Росса. „Организаторъ ирландской республики" Стифенсъ былъ арестованъ позднѣе; но сообщники феніи помогли ему бѣжать изъ тюрьмы. Начался рядъ политическимъ процессовъ. Правительству настоятельно совѣтовали „проявить свою силу". И вотъ судьей надъ феніями назначили ренегата, бывшаго революціонера Кифа, предавшагося правительству. „Въ политическихъ процессахъ того времени было много позорнаго,—пишетъ Т. П. О'Конноръ; но едва ли не самымъ позорнымъ является то, что разбирались они судьей Кифомъ. Онъ явился одной изъ главныхъ причинъ возникновенія краснаго террора. Когда потомъ въ Ирландіи раздавались голоса за конституціонные способы борьбы, революціонеры, въ видѣ возраженія, напоминали имя судьи Кифа. На процессахъ онъ такъ грубо обращался съ подсудимыми, такъ бранилъ ихъ и глумился надъ ними, что даже консервативныя газеты возмутились" *). Приговоры были жестоки: безсрочная или долгосрочная каторга. Бѣлый терроръ въ особенности усилился послѣ двухъ фактовъ. Въ декабрѣ 1867 г. феніи рѣшили освободить генерала Берка, сидѣвшаго въ одной изъ лондонскихъ тюремъ (въ Клеркенуэллѣ). Дѣло было поручено неопытнымъ людямъ, которые остановились на нелѣпомъ способѣ: подкатили къ стѣнамъ тюрьмы боченокъ пороха и взорвали его. Отъ взрыва погибли 12 человѣкъ, а 120 были ранены. Заключенный находился

*) The Parnell Movement, p. 135.

въ это время въ камерѣ. Если бы онъ былъ во дворѣ, то погибъ бы вмѣстѣ съ другими. Одинъ изъ виновниковъ взрыва, Барретъ, былъ осужденъ и повѣшенъ предъ воротами ньюгэтской тюрьмы Второй случай произошелъ въ Манчестерѣ при освобожденіи полковника Келли и капитана Дизи, когда ихъ въ тюремной каретѣ перевозили въ другое мѣсто заключенія. Феніи напали на конвой, разогнали его и освободили заключенныхъ, при чемъ нечаянно былъ убитъ стражникъ. Онъ сидѣлъ внутри тюремной кареты и выглянулъ въ замочную скважину какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ феніевъ попробовалъ разбить замокъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Правительство арестовало потомъ пять человѣкъ. Не смотря на недостаточность уликъ, троихъ присудили къ смертной казни. Продажныя уличныя англійскія газеты тогда сдѣлали все возможное, чтобы натравить англійскую чернь на ирландцевъ. Кабацкая голь толпилась возлѣ суда въ Манчестерѣ во время процесса. И когда она узнала про смертный приговоръ, поднялись крики *ура*! раздалось пѣніе національнаго гимна. А между тѣмъ теперь внѣ сомнѣнія, что тогда къ смертной казни приговорили людей, неповинныхъ въ убійствѣ стражника. Это и тогда, впрочемъ, было очевидно. Единственная свидѣтельница, пьяная баба, выставленная полиціей, дала сбивчивыя показанія. Представители прессы подали петицію, въ которой выражали свою увѣренность, что осуждены невинные. Но сторонники „сильной власти“ убѣждали правительство терроризировать Ирландію. Въ концѣ ноября 1867 г. осужденные „манчестерскіе мученики“, какъ называютъ ихъ ирландцы—Аллэнъ, Ларкинъ и О'Брайенъ были казнены. Въ Ирландіи и въ Америкѣ казнь произвела потрясающее впечатлѣніе, но только не то, на которое разсчитывали сторонники „сильной власти“. Вмѣсто смиренія казни породили жажду мщенія. Человѣкъ привыкаетъ рѣшительно ко всему; и легче всего ему привыкнуть къ тому, чтобы не дорожить не только собственнымъ покоемъ, но и жизнью. Тамъ, гдѣ относятся съ уваженіемъ къ личности, тамъ покой и жизнь представляютъ въ глазахъ человѣка колоссальную цѣнность. Въ глазахъ скованныхъ людей, томящихся въ неволѣ, жизнь не можетъ представлять ничего привлекательнаго. Когда же у невольниковъ пробуждается гражданское и человѣческое достоинство,— то первой мыслью у нихъ должно явиться стремленіе отвѣтить ударомъ на ударъ. И если въ такой моментъ Штауффахеры *) совѣтуютъ: „подождемъ еще, коль будетъ хуже“, то Мельхтали восклицаютъ въ негодованіи:

„Хуже? да чего же,
Чего жъ еще намъ ждать?..
Мы ль беззащитны? Для чего жъ насъ учатъ

---

*) Шиллеръ, „Вильгельмъ Телль“.

Натягивать тугую тетиву,
Тяжелою сѣкирою владѣть?
Не каждому ль животному дано
Въ отчаяньи орудье для защиты?
Измученный олень, остервенясь,
Грозитъ собакамъ страшными рогами;
Коза охотника срываетъ въ бездну;
И даже волъ, смиренный рабъ людей,
Что выю гнетъ послушно подъ ярмо,
Разсвирѣпѣвъ, могучими рогами
Кидаетъ въ воздухъ своего врага".

Читатели, конечно, хорошо помнятъ эту удивительную трагедію, при чтеніи которой сильнѣе бьется сердце и слезы восторга набѣгаютъ на глаза. Я напомню, такъ сказать, только схему событій. Сперва гнетъ и тюрьмы для всѣхъ. Намѣстникъ глумится надъ личностью населенія. Затѣмъ пробуждается самосознаніе. Юноши рвутся на бой, но смирные люди предлагаютъ иной путь. „Быть можетъ, самъ король того не знаетъ, что терпимъ мы отъ имени его,—говоритъ Редингъ.—Мы все должны узнать и испытать. Сперва пошлемъ мы жалобу къ нему". На это Конрадъ Хунъ отвѣчаетъ: „Я ѣздилъ въ Рейнсфельдъ, въ замокъ королевскій, чтобы на ландфогтовъ жалобу принесть...

...И тамъ сказали мнѣ: „Нашъ императоръ теперь дѣлами занятъ; но онъ вспомнитъ о васъ когда-нибудь, въ другое время".

„Надѣйтесь
Лишь сами на себя, а отъ монарха
Не ждите справедливости" *).

Тогда слѣдуетъ клятва въ Гютліино, мирные обыватели охотно принимаютъ совѣтъ Винкельрида отложить дѣло освобожденія. Въ единоборство съ Геслеромъ вступаетъ Телль. Ландфогтъ падаетъ, пораженный стрѣлою какъ разъ въ тотъ моментъ, когда грозитъ странѣ, что усилитъ бѣлый терроръ.

„Я слишкомъ тихъ для этого народа...
Да, я смирю ихъ дерзкое упорство
И подавлю надменный духъ свободы.
Законъ издамъ я новый"

Смерть Геслера ускорила дѣло освобожденія. Приблизительно такую же схему можно подмѣтить въ каждой странѣ, боровшейся за свою свободу, и, между прочимъ, въ Ирландіи.

Смерть „манчестерскихъ мучениковъ" никого не испугала. Она породила только рядъ возстаній, которыя всѣ кончились крайне неудачно для ирландцевъ. Движеніе было задумано за океаномъ. Оттуда къ берегамъ Ирландіи отправили бригантину, нагруженную оружіемъ. Было почти безуміемъ отправить малень-

---

*) *Вильгельмъ Телль*, дѣйствіе II, сц. II, переводъ Э. Миллера.

кое судно въ 200 тоннъ черезъ океанъ. На бригантинѣ находились вожди движенія. Все это, большею частью, были люди, эмигрировавшіе въ 1848 г. Въ числѣ ихъ находился и Джемсъ О'Брайенъ. Онъ девятнадцать лѣтъ не былъ въ Ирландіи. Все это время онъ то работалъ въ Ріо-Жанейро, то участвовалъ въ революціяхъ южно-американскихъ республикъ, то занимался земледѣліемъ въ Соединенныхъ Штатахъ. За девятнадцать лѣтъ онъ составилъ себѣ порядочное состояніе, которое теперь отдалъ родинѣ. На бригантинѣ находились еще генералъ Керриганъ, полковникъ Тресиліанъ, Уорренъ, капитанъ Кавана и много другихъ офицеровъ, выслужившихся во время войны сѣверныхъ штатовъ съ южными. „Надежда Эрина", какъ называлась бригантина, добралась до береговъ Ирландіи, но англійское правительство было уже предупреждено, и военные корабли зорко охраняли берега. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ пристать, бригантина вынуждена была вернуться въ Америку, не сдавъ оружія. Но нѣкоторые революціонеры, по совѣту Джемса О'Брайена, рѣшили высадится во что бы то ни стало. Они взяли лодку и ночью поплыли къ берегу. Бригантина же ушла на западъ. Береговая стража замѣтила лодку и забрала почти всѣхъ, сидѣвшихъ въ ней. Удалось уйти только двумъ: Джемсу О'Брайену и еще одному молодому офицеру. Они и приняли участіе въ возстаніи въ Корнѣ. По проекту организаторовъ, повстанцы должны были собраться на площади; но въ силу различныхъ обстоятельствъ, сами вожди не явились. И вотъ, неожиданно для самого себя, во главѣ возстанія въ Корнѣ оказался О'Брайенъ. Повстанцы заставили жандармерію отступить. Констэбли заперлись въ казармахъ. Ирландцы подожгли зданіе, и жандармы сдались. Джемсъ О'Брайенъ проявилъ большую самоотверженность, спасая констэблей изъ горящаго зданія. Въ концѣ концовъ, въ Корнъ прибыли войска, и повстанцы были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ—Джемсъ О'Брайенъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, потомъ къ колесованію и четвертованію; но такъ какъ принято было во вниманіе человѣколюбіе О'Брайена при спасеніи жандармовъ изъ горящаго зданія, то смертную казнь замѣнили пожизненной каторгой.

Въ англійской литературѣ есть любопытный документъ, изображающій жизнь Джемса О'Брайена въ каторжной тюрьмѣ. Написанъ онъ тоже феніемъ, осужденнымъ въ 1871 г. къ 15-ти годамъ за попытку къ возстанію. Я говорю о книгѣ Майкеля Дэвита „Leaves from a Prison Diary, or Lectures to o „Solitary" Audience". Книга эта написана въ тюрьмѣ, куда авторъ попалъ вторично, послѣ условнаго освобожденія. Форма ея тоже любопытна. Написана она, какъ показываетъ заглавіе, въ видѣ лекцій, обращенныхъ къ мысленной аудиторіи подъ предсѣдательствомъ... ручного грача „джэка", жившаго въ камерѣ заключен-

наго. Грачъ проявилъ большіе таланты и сильно привязался къ Майкелю Дэвиту, который посвятилъ свою книгу пернатому товарищу.

— Mister cherman (господинъ предсѣдатель) — обращается Майкель Дэвитъ къ грачу—вотъ уже три мѣсяца какъ ты рискнулъ выпрыгнуть изъ отчаго гнѣзда и едва не сталъ жертвой больничнаго кота. Хотя ты, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы родительскій кровъ заботамъ существа, котораго по инстинкту долженъ бояться; но, смѣю думать, тобою оцѣнено мое стремленіе сдѣлать тебя счастливымъ, насколько это возможно въ тюрьмѣ. Я знаю, однако, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда ты подростешь и окрѣпнешь, твое стремленіе къ свободѣ заставитъ тебя забыть всѣ мои заботы.

„Ты получишь свободу, хотя она оставитъ меня опять въ одиночествѣ въ этой тоскливой выбѣленной камерѣ. Я стану тосковать, когда не буду слышать утромъ твоего крика. Никто со мною не будетъ дѣлить больше завтрака. Ты не будешь доставать для меня кусочковъ грифеля. У тебя явятся другія заботы. Для ночлега, вмѣсто желѣзной рейки моей койки, у тебя будетъ вѣтка въ тѣни листьевъ шелковицы. Но до тѣхъ поръ, покуда мы разстанемся, ты долженъ служить мнѣ предсѣдателемъ и публикой въ рядѣ лекцій. За это я обѣщаю выпустить тебя на свободу, когда кончится послѣдняя лекція. Я не знаю, какое впечатлѣніе произвели на тебя тѣ существа, которыя движутся днемъ на тюремномъ дворѣ. Я поэтому разскажу тебѣ про то, какія преступленія совершили эти люди, каковы ихъ взгляды, нравы, понятія и мораль. Затѣмъ я сообщу тебѣ, какія соціальныя причины наполняютъ постояльцами такія громадныя тюрьмы, какъ эта. Я постараюсь намѣтить тѣ радикальныя реформы, которыя могли бы уменьшить преступленія, являющіяся послѣдствіемъ невѣжества и соціальнаго неравенства...

„Но мы будемъ говорить не только о преступникахъ... Мы закончимъ наши лекціи указаніемъ на реформы, которыя могли бы замирить Ирландію“. Изъ этой книги я возьму нѣсколько фактовъ автобіографическаго характера.

IV.

Политическіе заключенные только что были переведены въ Милбэлкскую каторжную тюрьму. Она находилась на берегу Темзы, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ Парламента и Вестминстерскаго аббатства. Каторжники засыпали подъ глухой басъ „Большого Бэна“ (часы на башнѣ парламента) и мелодичный трезвонъ британской калгалы (Вестминстерскаго аббатства). Въ 1893 г. Милбэлкская каторжная тюрьма была разрушена. На

мѣстѣ ея выстроены образцовыя жилища для рабочихъ и тэйтовская картинная галлерея.

Майкель Дэвитъ былъ всего два мѣсяца каторжникомъ, О'Брайенъ—около трехъ лѣтъ. Одному было двадцать три года, а впереди у него—пятнадцать лѣтъ заключенія. Другому минуло сорокъ три года. Впереди онъ совсѣмъ не видѣлъ возможности выйти когда-нибудь на свободу. Каторжная Милбэлкская тюрьма подѣйствовала подавляющимъ образомъ на обоихъ заключенныхъ. Былъ вечеръ. Тьма заползла въ камеры. Она принесла съ собою почти отчаянье, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ Майкэль Дэвитъ.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался звонъ сигнальнаго колокольчика. Какой-то заключенный звалъ надзирателя.

— Что надо?—послышался рѣзкій голосъ стражника. Отвѣта каторжника нельзя было разслышать.

— Только за этимъ звали?—снова послышался голосъ надзирателя.—Вы ошиблись мѣстомъ. Ложитесь спать.

Въ коридорѣ опять все замолкло; но минуты черезъ двѣ изъ той же камеры снова послышался отчаянный звонъ. Надзиратель не откликнулся. Опять звонокъ, и прежнее молчаніе.

— Лакей!—раздался на весь корридоръ рѣзкій крикъ каторжника.—Эй, лакей, чортъ возьми!

Молчаніе.

Опять задребезжалъ нервный, нетерпѣливый звонокъ.

— Лакей! Сколько мнѣ звать васъ! Подать спички! Зажгите огонь и дайте мнѣ стаканъ виски съ содовой водой!

Изъ сосѣднихъ камеръ послышался смѣхъ каторжниковъ. Для нихъ явилось неожиданное развлеченіе, хотя кричавшій рисковалъ расплатиться спиной или, во всякомъ случаѣ, заключеніемъ въ карцерѣ. Звонокъ между тѣмъ не умолкалъ.

— Лакей! (въ голосѣ кричавшаго теперь слышалось раздраженіе). Лакей!—чортъ возьми! Почему васъ нельзя дозваться?

— Странное дѣло!—съ недоумѣніемъ говорилъ самъ съ собою каторжникъ.—Я былъ во многихъ гостинницахъ, но такой дурацкой, какъ эта, никогда еще не видалъ.

— Лакей! — непосредственно за этимъ раздался бѣшеный крикъ, сопровождавшійся отчаяннымъ стукомъ въ дверь.

Молчаніе.

— Лакей! чтобъ чортъ васъ всѣхъ побралъ!—заревѣлъ каторжникъ.—Подать мнѣ немедленно счетъ. Я ни минуты не хочу больше оставаться въ этой проклятой дырѣ!

Раздался хохотъ изъ всѣхъ камеръ. Звавшій лакея отчаянно стучалъ и кричалъ, что было силъ. Въ корридорѣ раздался топотъ, затѣмъ звонъ ключей, потомъ сильная возня и бѣшеный крикъ, который скоро замеръ вдали.

Сцена объяснилась припадкомъ внезапнаго бѣшенства. Та-

ковы были первыя впечатлѣнія заключенныхъ въ лондонской каторжной тюрьмѣ *). О'Брайенъ и Майкэль Дэвитъ не долго пробыли въ Милбэлкской тюрьмѣ. Ихъ скоро перевели въ центральную Дартморскую каторжную тюрьму, гдѣ оба пробыли много лѣтъ. Тутъ ихъ присоединяли къ „labour gangs", т. е. къ партіямъ каторжниковъ, дробившихъ камни, обжигавшихъ известь или копавшихъ каналы. О'Брайенъ работалъ молча, сосредоточенно. Это была сдержанная, сильная натура, не нуждающаяся въ поддержкѣ въ трудныя минуты. Майкэль Дэвитъ, какъ болѣе молодой, отличался большею экспансивностью, хотя натура его была не менѣе сильная, чѣмъ у О'Брайена. Онъ находилъ возможность подмѣчать комическія черты въ окружающей трагедіи и дѣлился впечатлѣніями со своимъ молчаливымъ товарищемъ. Въ каторжной тюрьмѣ прибытіе новичка составляетъ большое событіе. Арестанты горятъ нетерпѣніемъ узнать, кто такой новоприбывшій, за что осужденъ, кого видѣлъ на волѣ. Задавали такіе вопросы и Майкэлю Дэвиту, и О'Брайену. Арестанты говорили въ дверной глазокъ вечеромъ, послѣ того, какъ надзиратели уносили ужины и выходили изъ корридора. О'Брайенъ никогда не отвѣчалъ на вопросы. „На другой день, послѣ моего прибытія,—разсказываетъ Дэвитъ, — вечеромъ, заслышавъ, что надзиратель щелкнулъ дверью и отправился пить чай,—я подошелъ къ дверному глазку. Каторжникамъ только что роздали ужинъ—жидкую кашицу—skilly. Я слышалъ, какъ энергично стучали всюду деревянныя ложки. Все это говоритъ объ аппетитѣ, неудовлетвореннымъ аппетитѣ каторжниковъ.

— Билль!—послышалось изъ-за одной двери.—Вы видали на своемъ вѣку тюрьмы—скажите: приходилось ли вамъ ѣсть гдѣнибудь болѣе подлую кашицу?

— Проклятый смотритель кормитъ свиней на нашъ счетъ!—раздался басъ Билля.—Крупъ не больше одного унца на пинту.

— Ребята!—раздался другой голосъ,—не знаетъ ли кто, какихъ это новичковъ привели въ камеры № 7 и № 9?

— № 7 (Майкэль Дэвитъ),—отвѣчалъ Билль,—попалъ на десять лѣтъ, потому что забрался въ магазинъ въ Сити.

— Чего врать, Билль. У номера седьмого всего одна рука. Тутъ другое. Мнѣ сказали, что онъ угодилъ на пятнадцать лѣтъ за то, что присталъ къ феніямъ. Тутъ политика, а не уголовщина. Я въ Вокингской тюрьмѣ сидѣлъ какъ-то съ феніями. Ребята—первый сортъ: всегда готовы подѣлиться хлѣбомъ.

— Давнымъ давно пора сдѣлать революцію въ Англіи!—вставилъ одобрительно третій голосъ.—Чего еще ждать: мнѣ, за

*) *Michael Davitt*, „Leaves from a Prison Diary; or Lectures to a „Solitary" Audience. London. 1885. p. p. 135—136.

какую-то несчастную кражу со взломомъ, закатили семь лѣтъ и теперь кормятъ кашицей!

Повидимому, психологія уголовныхъ арестантовъ одинакова во всѣхъ странахъ. Мнѣ припоминается анекдотъ, относящійся къ концу восьмидесятыхъ годовъ, когда арестантскія партіи, отправлявшіяся въ Сибирь, еще мѣрили „московскій трактъ", т. е. путь отъ Томска до Иркутска пѣшкомъ и бывали въ пути три мѣсяца. Одинъ изъ моихъ товарищей, которому не минуло тогда еще двадцати лѣтъ, горѣлъ желаніемъ найти прозелитовъ всюду. Онъ намѣтилъ себѣ нѣсколько уголовныхъ арестантовъ и по пути отъ этапа до этапа проповѣдывалъ имъ необходимость „отрѣшиться отъ стараго міра". Слушатели различно воспринимали ученіе.

— А у васъ *тамъ* тюрьма будетъ? — поставилъ вопросъ ребромъ бродяга Щербатый.

— То-есть какъ тюрьма? — растерялся молодой проповѣдникъ. — Я вѣдь вамъ сказалъ, что будутъ уничтожены причины, порождающія преступленія.

— Ну, а если я захочу сдѣлать „качество"? (преступленіе)— допытывался Щербатый.

— Но зачѣмъ же? Вѣдь причины не будетъ?

— Ну, всетаки, если мнѣ захочется сдѣлать „качество", что со мной сдѣлаютъ?

— Вышлютъ изъ общины, какъ больного, — нерѣшительно отвѣтилъ мой юный товарищъ.

— Что? вышлютъ? Такъ какого лѣшаго мнѣ стоять за будущее? Я и теперь получаю кормовыя!

Второй намѣченный ученикъ, типичный московскій „блатной" (т. е. воръ) реагировалъ на проповѣдь нѣсколько иначе.

— Я, когда сидѣлъ въ Таганкѣ, отъ студентовъ слышалъ уже то же самое, — сладко началъ парень. — Потомъ попалъ въ Бутырки,—опять отъ студентовъ слышалъ. Отлично выходитъ! И для души хорошо. Да вотъ никакъ не удержишься: все какое-нибудь „качество" дѣлаю!

Третій ученикъ, по опредѣленію нашего товарища, былъ „протестантъ по натурѣ". То былъ лохматый, всклокоченный „жиганъ", по кличкѣ Сохатый.

— Сущую правду вы говорите, Д. С.! — отвѣтилъ онъ товарищу на проповѣдь. — Имъ, „иродамъ", и казни не придумаешь за то, что они меня кирпичный чай заставляютъ пить. Развѣ Сохатый такую погань на волѣ пилъ?—злобно зашипѣлъ онъ.— У меня для заварки былъ байховый чай. Безъ калачика и за столъ не садился.

V.

Въ каторжной тюрьмѣ теченіе мыслей у Майкеля Дэвита и Джемса О'Брайена было не одинаково. Обоихъ тюрьма не сломила совершенно. Оба думали о борьбѣ, если имъ удастся выйти когда-нибудь на волю. Но Майкель Дэвитъ задумалъ грандіозный планъ борьбы на легальной почвѣ—The Plan of Campaign,—примѣненный потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ (въ декабрѣ 1886 г.). Джемсъ О'Брайенъ полагалъ, что мирнымъ путемъ ничего нельзя добиться. Если правительство даже и обѣщаетъ билль, то врядъ ли оно осуществитъ его. Во всякомъ случаѣ, — доказывалъ О'Брайенъ своему товарищу, — правительство постарается обмануть ирландцевъ при первой возможности. Нужна борьба, борьба феніанская.

— Ирландія обороняется,—говорилъ О'Брайенъ.—Ей необходимо отстаивать свое существованіе. Но она не въ силахъ помѣряться съ Англіей оружіемъ въ открытомъ бою. Вотъ почему остаются только тайныя террористическія организаціи, къ которымъ съ незапамятныхъ временъ прибѣгаютъ всѣ угнетенные народы древняго и новаго міра. Ирландія не можетъ чувствовать угрызеній совѣсти. Во-первыхъ, она ведетъ *войну*, а на войнѣ солдатъ долженъ истреблять врага. Во вторыхъ, сами побѣдители, раззорившіе край и истребившіе значительную часть населенія, пріучили ирландцевъ легко смотрѣть на человѣческую жизнь. Англичане, подстрѣливавшіе на улицахъ женщинъ и дѣтей какъ кроликовъ, не только не осуждались своимъ правительствомъ, но еще получали награды за это. Почему же должно осуждать людей, устраняющихъ какимъ-нибудь способомъ враговъ народа? Неужели,—задавалъ вопросъ О'Брайенъ,—нужно сидѣть сложа руки, когда насильники выгоняютъ семью изъ насиженной фермы? Бѣлый терроръ нельзя остановить увѣщаніями.

Джемсъ О'Брайенъ, сидя въ тюрьмѣ, не зналъ, что условія въ Ирландіи и въ Англіи сильно измѣнились за 5—7 лѣтъ. Онъ не зналъ, что въ Англіи всюду раздавались уже голоса, осуждавшіе правительственный терроръ. „Въ Ирландіи теперь не существуетъ ни свободы печати, ни неприкосновенности личности,—сказалъ въ то время въ парламентѣ Дизраэли. Аресты происходятъ всюду. Если вы живете въ Ирландіи, полиція въ любой моментъ можетъ ворваться въ вашъ домъ и перерыть всѣ бумаги. Если въ газетѣ появится статья противъ правительства, изданіе получаетъ предостереженіе и даже можетъ быть пріостановлено. Джентельмэны! Все это кажется ужаснымъ для англичанина; но въ Ирландіи подобные факты часты. Намъ говорятъ

что правительству удалось ввести порядокъ въ Ирландіи? Да, но этотъ порядокъ основанъ на грубомъ насиліи".

„Люди, въ которыхъ есть гражданское самосознаніе, не могутъ мириться съ такими порядками, какіе мы видимъ теперь въ Ирландіи, — сказалъ въ парламентѣ Джонъ Брайтъ, когда правительство предложило билль объ отмѣнѣ Habeas Corpus Не трудно издать законъ объ усиленной охранѣ, наполнить тюрьмы или разгромить тайныя сообщества; но совершенно невозможно терроромъ уничтожить причины недовольства. Зародыши болѣзни,— т. е. ненормальные порядки,—останутся и мы будемъ имѣть революціонное движеніе въ еще болѣе острой формѣ. И тогда найдутся люди, которые посовѣтуютъ правительству примѣнить ядъ, т. е. репрессивныя мѣры, вмѣсто вѣрнаго средства — радикальныхъ реформъ".

Въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ Гладстонъ пришелъ къ заключенію, что замирить Ирландію можно только реформами.

„Три вѣтви помогутъ намъ взобраться на отравленный анчаръ. Три реформы необходимы для замиренія Эрина: отдѣленіе въ Ирландіи англиканской церкви отъ государства, урегулированіе земельныхъ отношеній и система національнаго образованія", — сказалъ Гладстонъ. Первая реформа осуществлена была въ 1869 г. Ирландцы перестали платить десятину англиканскимъ священникамъ. Бывали приходы, въ которыхъ не было ни одного послѣдователя англиканской церкви. Священникъ жилъ въ Англіи и получалъ свою десятину отъ католиковъ. Въ 1870 г. Гладстонъ приступилъ къ осуществленію второй реформы: онъ внесъ земельный билль, который, впрочемъ, принесъ мало пользы. Второй пунктъ билля, напримѣръ, долженъ былъ сократить число изгнаній изъ фермъ. Насколько оправдались ожиданія, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Всѣхъ изгнаній было:

1867—1870 гг.	4,253	(до закона 1870 г.)
1871—1874 „	5,641	(послѣ земельнаго билля)
1875—1878 „	8,438	

Отъ 1879 до 1882 г. прогнано болѣе 10 тысячъ фермеровъ.

Въ третьемъ пунктѣ билля имѣлось въ виду помочь фермерамъ стать крестьянами-собственниками; но такъ какъ лэндлорды отказались продавать землю, то реформа не дала никакихъ результатовъ. Что касается билля о народномъ и національномъ образованіи въ Ирландіи, то онъ былъ внесенъ въ парламентъ въ февралѣ 1873 г. и отклоненъ большинствомъ трехъ голосовъ (287 противъ 284).

Въ самой Англіи, во всякомъ случаѣ, зрѣла увѣренность, что бѣлымъ терроромъ нельзя превратить ирландцевъ въ лоялистовъ. Что же касается Ирландіи, то тамъ въ это время зародилась мысль добиться политическаго самоуправленія при помощи мир-

ной, конституціонной борьбы. Реформа 1868 г. уничтожила раздраженіе между націоналистами католиками и протестантами. Они соединились вмѣстѣ въ одну лигу—„The Home Rule Leaque“ подъ предсѣдательствомъ адвоката Исаака Бата, которая въ 1874 г. послала въ парламентъ пятьдесятъ коммонеровъ.

Перемѣна во взглядахъ на средства замиренія Ирландіи объяснялась впечатлѣніемъ, произведеннымъ феніанскимъ движеніемъ. „Несчастья порождаютъ иногда что-нибудь хорошее—сказалъ мнѣ старый ирландецъ въ 1870 г. Такъ пишетъ Барри О'Брайенъ въ своей извѣстной біографіи Варнелля.—Несчастные феніи заставили англичанъ ввести законъ 1869 г. объ отдѣленіи церкви и земельный законъ 1870 г. Но что они сами, бѣдняги, получили? Каторгу и висѣлицу. Вы правы, — отвѣтилъ феній, присутствовавшій при нашемъ разговорѣ.—Разница между вигами и феніями заключается въ слѣдующемъ. Феніи дѣлаютъ добро для Ирландіи и ничего для себя; виги же дѣлаютъ добро себѣ и ничего для Ирландіи“ *).

Исаакъ Батъ стоялъ за абсолютно „корректный“ способъ агитаціи. То былъ очень честный, очень добрый и очень наивный человѣкъ. Онъ напоминалъ нѣсколько щедринскаго героя — карася-идеалиста. Рѣчи Бата можно было бы формулировать словами карася: „Не вѣрю, чтобы борьба и свара были нормальнымъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго будто бы суждено развиваться всему живущему на землѣ. Вѣрю въ безкровное преуспѣяніе, вѣрю въ гармонію и глубоко убѣжденъ, что счастье— не праздная фантазія мечтательныхъ умовъ, но рано или поздно сдѣлается общимъ достояніемъ“ **). Повидимому, Батъ тоже, какъ и карась-идеалистъ, вѣрилъ въ слово „добродѣтель“, которымъ можно сразу пронять „щуку“. Во всякомъ случаѣ, онъ ежегодно, картинно потрясая сѣдыми кудрями, произносилъ въ парламентѣ академическую рѣчь на тему: „Зло никогда не было зиждущей силой—объ этомъ и исторія свидѣтельствуетъ. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущей силой являлось только добро“. Бата обыкновенно никто не слушалъ, кромѣ его сторонниковъ, потому что считали совершенно безвреднымъ. Аграрная программа Бата опредѣлялась формулой „3 J.“ (Fixity of tenure, Fair rent, Free sale of tenant right, т. е. прочность арендного договора, справедливая рента и свободная продажа фермеромъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ улучшеній). Но практическіе результаты были ничтожны. Такъ обстояли дѣла, когда въ серединѣ семидесятыхъ годовъ изъ тюрьмы вышли сперва Джемсъ О'Брайенъ, которому сократили срокъ, а потомъ Майкэль Дэвитъ.

---

*) *R. Barry O'Brien*, „The Life of Charles Stewart Parnell“, v. I, p. 58.

**) *М. Е. Салтыковъ*, Полное собраніе сочиненій, 1900 г., т. VI, стр. 28.

VI.

Гладстонъ указалъ на то значеніе, которое феніанское движеніе имѣло въ исторіи Ирландіи. „Англія задумалась надъ положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи только послѣ войны сѣверныхъ штатовъ съ южными, когда на сцену выступили феніи,—сказалъ онъ. По моему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ тѣхъ, съ которыми я совѣщался, заговоръ феніевъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на реформы въ Ирландіи". *). Но изъ ирландскихъ дѣятелей вполнѣ использовалъ феніанское движеніе только Парнелль. Исаакъ Батъ отрекся отъ феніевъ и пользовался каждымъ случаемъ для утвержденія, что не желаетъ имѣть съ ними ничего общаго. Ирландскіе націоналисты,—доказывалъ Батъ,—должны убѣдить англичанъ только аргументаціей. Партія должна показать Англіи, какъ несправедливо послѣдняя по отношенію къ Эрину. Результаты мы уже знаемъ. Съ другой стороны, многіе феніи проповѣдывали, что не слѣдуетъ имѣть ничего общаго съ парламентскими дѣятелями, съ этими „слезливыми реформаторами на розовой водичкѣ". Сила Парнелля заключалась въ томъ, что онъ понялъ, какое значеніе можетъ имѣть объединеніе *всѣхъ* партій. Онъ быстро убѣдился, что парламентская партія можетъ имѣть вліяніе только тогда, когда за нее грудью стоитъ вся страна. „Когда Парнелль выступилъ только на арену политической дѣятельности, — говоритъ историкъ,—онъ чутьемъ понялъ, что феніанское движеніе является ключемъ къ ирландскому націонализму. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Парнелль рѣшилъ, такъ или иначе, имѣть этотъ ключъ подъ своимъ контролемъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Парнелль съ удивительной ловкостью умѣлъ стоять на рубежѣ между лояльной парламентской дѣятельностью и феніанствомъ. Въ этомъ, быть можетъ, весь секретъ его власти" **). При помощи феніевъ Парнелль попалъ въ парламентъ въ 1876 г. Феніи первые оцѣнили его, когда онъ былъ еще неизвѣстнымъ молодымъ помѣщикомъ.

„Парнелль ненавидѣлъ Англію, прежде чѣмъ попалъ въ палату общинъ. Парламентскій опытъ сдѣлалъ эту ненависть болѣе интенсивной. Парнелль считалъ, не безъ основанія, положеніе націоналистовъ въ парламентѣ—крайне унизительнымъ. Они должны были молить англичанъ о милости. Англійскіе министры обращались съ націоналистами, какъ съ представителями завоеваннаго народа и не разъ подчеркивали, что ирландцы должны быть благодарны уже за то одно, что ихъ терпятъ въ палатѣ. Это

---

*) *R. Barry O'Brien*, The Life of Parnell, v. I, p. 58.
**) Ib., v. I, p. 87.

пренебрежительное отношеніе мучило Парнелля. По натурѣ своей онъ не выносилъ смиренія предъ кѣмъ-нибудь. И онъ рѣшилъ не только добиться у Англіи справедливости, но еще унизить ее" *). Вотъ почему онъ первый оцѣнилъ Биггара, изобрѣтателя обструкціи, котораго проклинали тогда, какъ коммонеры-англичане, такъ и большинство націоналистовъ.

Джозефъ Джилисъ Биггаръ крайне любопытная личность, и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. То былъ богатый ольстерскій торговецъ, большой другъ Джемса О'Брайена. Онъ не обладалъ ни краснорѣчіемъ, ни образованіемъ и явился въ парламентъ съ единственной цѣлью: причинить возможно больше непріятностей англичанамъ, которыхъ ненавидѣлъ. Биггаръ не былъ краснорѣчивъ: онъ не могъ связать вмѣстѣ трехъ предложеній; но былъ очень уменъ, дѣловитъ, смѣлъ и наблюдателенъ. Онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: по возможности оскорблять палату общинъ и сдѣлать такъ, чтобы его ненавидѣли всѣ англичане. Въ томъ и въ другомъ отношеніи Биггаръ успѣлъ вполнѣ. Въ настоящее время Биггары уже не возможны, потому что обостренныя отношенія между Англіей и Ирландіей значительно изгладились. Теперь уже не можетъ имѣть мѣста та глубокая ненависть между ирландцами и англичанами, какая была тридцать лѣтъ тому назадъ: „ирландскій ледоходъ", т. е. рядъ радикальныхъ реформъ, какъ земское самоуправленіе и выкупъ земли, — унесъ многое. Когда господствующая національность лишаетъ подчиненный народъ элементарныхъ гражданскихъ правъ,—она не должна удивляться, если являются Биггары, единственная цѣль жизни которыхъ унизить и опозорить угнетателей... Биггаръ впервые выдвинулся въ 1875 г., когда правительство отвѣтило на броженіе въ Ирландіи не реформами, а биллемъ объ усиленной охранѣ. Исаакъ Батъ, потрясая сѣдыми кудрями, академически протестовалъ противъ билля. Когда онъ кончилъ, поднялся почти никому неизвѣстный горбатый коммонеръ и заявилъ, что желаетъ внести поправку къ биллю. То былъ Биггаръ. Онъ говорилъ четыре часа. „Мы рѣшительно не въ состояніи передать содержаніе рѣчи", — писалъ тогда „Times". И не мудрено. Въ теченіе четырехъ часовъ Биггаръ читалъ выдержки изъ синихъ книгъ, не имѣвшія никакого отношенія къ обсуждаемому биллю. За синими книгами послѣдовали передовыя статьи провинціальныхъ ирландскихъ газетъ. Коммонеры протестовали, негодовали, кричали, а Биггаръ невозмутимо читалъ свои выдержки. Нужно прибавить еще, что читалъ онъ крайне монотонно, въ носъ. Въ концѣ концовъ, не только сама „рѣчь", но и звуки голоса оратора привели палату въ бѣшенство. Биггара проклинали консерваторы и либералы; проклинали его многіе націоналисты. Но онъ добился своего: затормо-

*) Ib., p. 98.

зилъ билль и причинилъ непріятности ненавидимой имъ націи. „Рѣчь“ Биггара оцѣнилъ только одинъ человѣкъ—Парнелль: онъ понялъ, что и обструкціей не слѣдуетъ брезгать во время борьбы. Биггары, если ихъ держать въ рукахъ, могутъ пригодиться какъ и всѣ недовольныя группы...

Мнѣ приходилось уже не разъ писать про исторію реформъ въ Ирландіи и про то, какіе опредѣленные циклы переживали аграрныя реформы.

„Въ теченіе многихъ вѣковъ завоеватели систематически убивали всѣ отрасли промышленности Ирландіи. Единственнымъ подспорьемъ страны осталось земледѣліе. И этотъ фундаментъ экономическаго существованія народа былъ покрытъ дикой аграрной системой. Ирландія много разъ конвульсивно содрогалась, пытаясь сбросить эту систему, раззорившую страну и погнавшую за океанъ цвѣтъ населенія. И каждый разъ попытки покончить съ земельной системой переживали, если можно такъ выразиться, правильный циклъ опредѣленныхъ ранговъ: 1) какія-нибудь необычайныя причины, какъ, напримѣръ, голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда“ и для усмиренія движенія издавало спеціальные законы объ охранѣ (Coercion Acts); 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой-нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ какъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣлъ. Движеніе въ Ирландіи, послѣ нѣкотораго перерыва, снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью“ *).

Съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ того, какъ уничтожались главныя причины, порождавшія озлобленія Ирландіи противъ Англіи,—крайнія формы борьбы исчезали. Феніанство, съ его тайными организаціями, кандалами и динамитомъ исчезло не вслѣдствіе усиленія полиціи, а послѣ того, какъ Ирландіи даны были существенныя реформы. Каждый разъ, когда правительство пыталось уклониться отъ пути реформъ и прибѣгало къ „сильной власти“, въ замиренной странѣ сейчасъ же возникали аграрныя преступленія. Каждый разъ бѣлый терроръ порождалъ красный. Наконецъ, благоразуміе заставило правительство отказаться (повидимому, навсегда) отъ усиленной охраны, и вотъ

---

*) *Діонео*. „Англійскіе силуэты“. Спб. 1905, стр. 327.

феніи, какъ Джемсъ О'Браейнъ, переходятъ на путь мирной, легальной парламентской борьбы. Изъ каторжной тюрьмы Джемсъ О'Брайенъ вышелъ „заговорщикомъ". Онъ вѣрилъ только въ возстаніе; но въ 1885 г. нашелъ возможнымъ выставить свою кандидатуру въ Корнѣ. Съ тѣхъ поръ, до самой смерти, онъ былъ членомъ парламента. Здѣсь онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ всѣхъ партій, какъ можно судить по некрологамъ, помѣщеннымъ въ консервативныхъ газетахъ. „Что можетъ удовлетворить ирландскій народъ?" Такъ называется памфлетъ, изданный консерваторомъ 30 лѣтъ тому назадъ (What will satisfy the Irish Teople). Въ концѣ памфлета авторъ отвѣчаетъ— „Nothing", т. е., что жадности народа нѣтъ предѣла. Вотъ почему авторъ рекомендовалъ не уступки, а „сильную власть". Джемсъ О'Брайенъ тогда отвѣтилъ на памфлетъ и заявилъ, что три реформы могутъ превратить Ирландію въ глубоко лояльную единицу Британской имперіи: широкое земское и муниципальное самоуправленіе, выкупъ земли и гомруль. Джемсъ О'Брайенъ видѣлъ осуществленіе первыхъ двухъ реформъ.

Политическое самоуправленіе Ирландіи теперь вопросъ только недалекаго будущаго.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

XVII... Точки и многоточія.—XVIII—XIX. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.—XX. Сущность аграрной проблемы.—XXI. Лебедь, щука и волъ (по поводу статьи Николай—она).

XVII.

. . . .

На этотъ разъ мнѣ особенно трудно возобновить бесѣду съ читателями. Я долженъ прибѣгнуть къ точкамъ, чтобы заполнить пробѣлъ, образовавшійся въ нумераціи. Не въ нихъ, однако, сейчасъ дѣло. Посвященная вопросу о представительствѣ, а именно той его фазѣ, въ какой находился онъ въ срединѣ іюня, семнадцатая глава не имѣла непосредственнаго отношенія къ основной темѣ прошлаго и настоящаго обозрѣній. Съ образовавшимся на ея мѣстѣ пробѣломъ придется считаться потомъ, когда настанетъ очередь вновь вернуться къ вопросу о представительствѣ. Сейчасъ же я больше всего затрудненъ тѣми многоточіями, какими типографія испещрила въ послѣднюю ми-

нуту три предыдущихъ главы хроники. Этихъ многоточій было бы еще больше, если бы ихъ можно было ставить не только въ концѣ, но и въ началѣ періодовъ, если бы ими можно было восполнять не только части, но и цѣлые абзацы, не только строки, но и страницы.

Тридцать девять лишнихъ—отпечатанныхъ или подразумѣваемыхъ—знаковъ препинанія... Хорошо, если они не породили уже недоразумѣній въ читателяхъ.

Дѣло, однако, не только въ предыдущемъ, но и въ дальнѣйшемъ. Съ огромнымъ вопросомъ приходится лавировать въ донельзя тѣсныхъ предѣлахъ. Съ одной стороны—Сцилла цензорскихъ препинаній, съ другой—Харибда читательскихъ недоразумѣній, и я начинаю бояться, что между ними вовсе не окажется прохода.

XVIII.

Въ прошлый разъ я указалъ „самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слабую сторону" крестьянскаго движенія. „Пока государство,—писалъ я,—остается внѣшней и чуждой крестьянскому правосознанію силой, всѣ попытки крестьянъ осуществить свое право, неизбѣжно будутъ оказываться безрезультатными". Это не значитъ, однако, что развертывающееся на нашихъ глазахъ крестьянское движеніе пройдетъ безслѣдно въ русской жизни. Я отнюдь не склоненъ приравнивать его въ этомъ отношеніи къ тѣмъ, неоднократно уже наблюдавшимся въ прежніе вѣка, „чисто крестьянскимъ движеніямъ", которыя „рождаются какъ бы изъ ничего, внезапно разрастаются въ грозное явленіе и угасаютъ, не оставляя, повидимому, слѣда" *).

Безплоднымъ нынѣшнее крестьянское движеніе могло бы остаться лишь въ томъ случаѣ, если бы государство сохранило на неопредѣленное время свой авторитарный, чуждый народному правосознанію, характеръ. Въ качествѣ примѣра, я могу сослаться на полтавское крестьянское движеніе 1902 г. Теперь, конечно, очевидно, что это былъ прологъ къ общерусскому движенію. Но въ предѣлахъ данной территоріи и даннаго времени

*) С. Н. Южаковъ. „Политика". „Р. Б." 1905 г., № 3. Во избѣжаніе недоразумѣнія я долженъ напомнить, что и С. Н. Южаковъ отнюдь не безнадежно смотритъ на нынѣшнее крестьянское движеніе. „Русская умственная жизнь,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—создала могучее и широкое теченіе, сочувственное мужику и его трудовому началу въ правѣ. Когда мужицкая „правда" будетъ просвѣтлена и цѣлесообразно направлена этимъ уже готовымъ, но еще не дошедшимъ до мужика, истолкованіемъ его идеаловъ, тогда наступитъ время выхода на историческую арену и мужицкой идеи. Я убѣжденъ, — прибавляетъ онъ, — что это время не за горами".

оно, можно сказать, совершило только что указанный циклъ: „родившись какъ бы изъ ничего, оно внезапно разраслось въ грозное явленіе и угасло, не оставивъ, повидимому, слѣда". Если представить, что нынѣшнее крестьянское движеніе въ его цѣломъ оказалось бы лицомъ къ лицу съ такимъ же сильнымъ и непоколебимымъ режимомъ, какимъ явился для Полтавской губерніи режимъ покойнаго В. К. Плеве, то легко будетъ понять, что оно было бы подавлено и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, прошло бы въ русской исторіи столь же безслѣдно, какъ прошли въ свое время движенія, связанныя съ именами Разина и Пугачева. Я говорю „безслѣдно", конечно, въ условномъ смыслѣ, имѣя въ виду основныя цѣли, къ какимъ стремились въ такихъ случаяхъ волнующіеся крестьяне. Противопоставленныя же крестьянскому правосознанію нормы обыкновенно оказывались послѣ этого не только не поколебленными, но и еще болѣе укрѣпленными. Не лишне будетъ напомнить, что и безпорядки 1902 года завершились установленіемъ круговой имущественной отвѣтственности для крестьянъ и введеніемъ института земскихъ стражниковъ. Въ настоящее время всѣ усилія государственной власти, какъ мы видѣли, такъ же направлены къ „вящшему развитію въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности". Едва ли, однако, попытка реагировать на крестьянское движеніе, исключительно въ этомъ направленіи, можетъ быть доведена, при данныхъ условіяхъ, до своего логическаго конца, т. е. до новаго и полнаго торжества чуждаго крестьянскому правосознанію гражданскаго уклада.

Крестьянское движеніе совпало—и, конечно, не случайно—съ критическимъ моментомъ въ жизни самого государства. На горизонтѣ уже обрисовался новый государственный порядокъ. Вопросъ, стало быть, заключается уже въ томъ, найдетъ ли себѣ выраженіе въ этомъ новомъ порядкѣ крестьянское правосознаніе, или же реформированное государство сохранитъ по отношенію къ нему прежнее отрицательное отношеніе, т. е. останется, какъ и бюрократическій строй, внѣшней и чуждой для крестьянства организаціей. Съ этой точки зрѣнія совпаденіе крестьянскаго соціальнаго движенія съ общеполитическимъ представляетъ въ высшей степени важный фактъ, который, несомнѣнно, на исходъ того и другого окажетъ очень сильное вліяніе. Активное состояніе крестьянства въ моментъ переустройства политическихъ формъ лучше, чѣмъ что-либо другое, можетъ обезпечить демократичность послѣднихъ и, стало быть, формальную возможность для крестьянства принять органическое участіе въ государственной жизни. Такъ, крестьянское движеніе для многихъ является

однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Во всеобщемъ избирательномъ правѣ, — говоритъ г. Кокошкинъ, — мы имѣемъ незамѣнимое средство, чтобы аграрный вопросъ не принялъ опаснаго характера. Только чрезъ привлеченіе всѣхъ къ участію въ законодательствѣ можно вселить увѣренность крестьянству, что не насиліемъ можно достигать улучшенія своей участи, а путемъ законнымъ... Угрозой для представительныхъ учрежденій могла бы служить крестьянская масса въ томъ случаѣ, если бы она была оставлена за предѣлами законнаго представительства. Въ недовольствѣ ея можно черпать матеріалъ, которымъ воспользуются всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій. Абсолютизмъ и революція оттуда будутъ брать каменья, чтобы ими побить тѣхъ, кто сталъ на ихъ дорогѣ *).

Если бы крестьянское недовольство не проявилось уже съ достаточной силой, то сторонники „умѣреннаго прогресса" **), можетъ быть, и не стали бы во всеобщемъ избирательномъ правѣ искать гарантіи противъ такого „врага новыхъ свободныхъ учрежденій", какимъ въ ихъ представленіи является „революція". Что касается „абсолютизма", то они, вѣроятно, удовлетворились бы земской палатой, которая имъ представляется, какъ извѣстно, несравненно болѣе надежной, въ этомъ отношеніи, гарантіей, чѣмъ всеобщность избирательнаго права. Такъ или иначе, но при установленіи новыхъ формъ государственной жизни, всѣмъ партіямъ неизбѣжно придется теперь считаться съ крестьянствомъ, какъ съ активной силой, уже появившейся на исторической аренѣ.

Съ другой стороны, новыя, не только еще не отвердѣвшія, но и не сложившіяся формы государственной жизни сравнительно легко могутъ воспринять новое содержаніе, какого требуютъ крестьянскіе идеалы и интересы. Если бы крестьяне пришли въ движеніе послѣ того, какъ новый государственный порядокъ уже консолидировался бы въ чуждыхъ имъ нормахъ, то со стороны послѣдняго они встрѣтили бы, вѣроятно, отпоръ и при томъ, быть можетъ, даже болѣе энергичный и, во всякомъ случаѣ, болѣе умѣлый, чѣмъ какой въ состояніи оказать нынѣшній, уже одряхлѣвшій, порядокъ. Изъ химіи мы знаемъ, что in statu nascendi, т. е. въ моментъ зарожденія (выдѣленія) даже съ трудомъ дѣйствующіе другъ на друга элементы сравнительно легко вступаютъ въ соединеніе между собою. И въ данномъ случаѣ стремленіе къ землѣ можетъ слиться со стремленіемъ къ волѣ и въ результатѣ можетъ получиться, дѣйствительно, новый, не только по внѣшнему своему виду, но и по внутреннимъ тенденціямъ, соціально-политическій порядокъ. Во всякомъ случаѣ, всматри-

*) „Русскія Вѣдомости", № 149.

**) См. въ „Случайныхъ замѣткахъ" статью М. С. Камнева: „Изъ разговоровъ о представительствѣ".

ваясь въ черты нарождающагося общественнаго строя, мы должны исходить изъ факта, что не только городъ, но и деревня въ его созданіи принимаютъ активное участіе *). Уже теперь очевидно, какой громадный слѣдъ нынѣшнее крестьянское движеніе оставитъ и въ общественной мысли, и въ народной жизни. Говоря это, я имѣю въ виду, прежде всего, аграрную проблему, которая получила, благодаря ему, совершенно новую постановку.

Уже девяностые годы, съ ихъ непрекращавшимися голодовками, въ конецъ подорвали вѣру въ „малыя дѣла", съ какими выступили восемидесятники. Съ очевидностью выяснилось, что ни крестьянскій банкъ, ни переселенія, ни даже „прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ" не въ состояніи не только устранить, но и смягчить земельныя нужды деревни, дошедшей до полнаго обнищанія и уже вступившей въ эпоху вымиранія. Съ другой стороны, начавшійся въ 1899 году торгово-промышленный кризисъ съ неменьшею очевидностью обнаружилъ всю эфемерность, выращенной подъ защитой таможенной стѣны и взлелѣянной на казенныхъ заказахъ капиталистической промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю невозможность для сто-тридцатимилліоннаго народа выйти на путь хозяйственнаго развитія въ одни ворота—черезъ фабрику. Выяснилась, такимъ образомъ, необходимость идти черезъ деревню при очевидной, въ то же время, невозможности удовлетвориться тѣми калитками, какія соблаговолила открыть восьмидесятникамъ—да и то послѣ долгихъ препирательствъ—бюрократія.

Для прогрессивной части русскаго общества въ лицѣ наиболѣе активныхъ его представителей вполнѣ естественнымъ былъ возвратъ на ту широкую и прямую дорогу, которую проектировало и начало прокладывать въ свое время соціалъ-народничество *). И дѣйствительно къ этому именно времени относится его

---

*) Это представляетъ, несомнѣнно, одну изъ крупныхъ особенностей русскаго преобразовательнаго движенія, отличающагося вообще своею экстензивностью. Въ этомъ отношеніи оно больше всего напоминаетъ великій не только политическій, но и соціальный переворотъ, какой пережила Франція въ концѣ XVIII столѣтія. Но и тамъ движеніе концентрировалось, главнымъ образомъ, въ крупныхъ городахъ и не охватывало значительной части деревни. Парижъ и Марсель—съ одной стороны, Вандея—съ другой. У русскаго движенія Вандеи, можно думать, не будетъ. Во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ уже Гурію.

**) Извиняюсь передъ читателями за этотъ, можетъ быть, неуклюжій, терминъ, но я не нахожу другого слова, которымъ можно было бы объединить извѣстныя общественныя группировки, хотя и носившія разныя названія, но неизмѣнно полагавшія въ основу своихъ программъ землю наряду съ волей. Совершенно опредѣленно эти основанія были формулированы въ освободительную эпоху,—напомню „Современникъ" и его борьбу за освобожденіе крестьянъ съ землею,—но ихъ можно прослѣдить и въ болѣе раннихъ программахъ, начиная съ радищевской. Но я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, программы семидесятыхъ годовъ, и думаю, что по отно-

возрожденіе. Живя въ качествѣ „направленія", оно сохранило,— не утративъ даже за долгіе годы безвременья,—свои традиціи и идеалы и теперь вновь появилось на политической аренѣ. Правда, на первое время оно привлекло общественное вниманіе не столько, быть можетъ, своими программными особенностями, сколько своей активной тактикой. Надъ программою же продолжалъ еще висѣть упрекъ въ утопизмѣ. Историческая неудача бросила длинную и густую тѣнь на все направленіе, и даже долгіе годы не могли изгладить произведеннаго ею впечатлѣнія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилось и затѣмъ было воспринято широкими кругами общества программное построеніе, вовсе выкинувшее крестьянство, какъ негодный обломокъ прошлаго, изъ своихъ расчетовъ, и признавшее „землю" не только ненужнымъ, но, пожалуй, и вреднымъ для массъ въ ихъ развитіи балластомъ. Хотя жизнь, какъ я уже сказалъ, не замедлила подчеркнуть необходимость именно „земли", безъ коей не только развитіе, но и жизнь сдѣлались невозможными, однако, за опороченіемъ крестьянства, въ виду вовсе не оказывалось соціальной силы, которая могла бы реализовать включавшую ее въ себя программу. Теперь жизнь аннулировала это нареканіе въ утопизмѣ и вновь озарила такъ долго остававшееся въ тѣни направленіе. Послѣднее имѣетъ теперь себѣ оправданіе не только въ далекихъ идеалахъ коллективизма, къ которымъ страстно стремилась и стремится русская интеллигенція, и не только въ ближайшихъ задачахъ народно-хозяйственной жизни, которая властно требовала и требуетъ аграрнаго преобразованія, но и въ самосознаніи трудящихся массъ, которыя въ этомъ именно направленіи уже ищутъ улучшенія своей доли.

Крестьянское движеніе не только вновь подчеркнуло первенствующее значеніе аграрной проблемы, но и наглядно показало ея острый и неотложный характеръ. Оно прояснило вмѣстѣ съ тѣмъ для общественной мысли затуманенныя годами безвременья перспективы и обнаружило представлявшіяся до того загадочными соціальныя силы. Крестьянство,—этотъ, не имѣющій, какъ еще недавно представлялось многимъ, соціальнаго значенія, историческій обломокъ,—въ дѣйствительности оказалось далеко еще не вывѣтрившейся и не потерявшей своей связности громадной глыбой, способной въ своемъ движеніи произвести цѣлую соціальную катастрофу. „Камень преткновенія", камень, „его же небрегоша зиждущіе", оказался столь значительнымъ, что игнорировать его стало совершенно невозможнымъ.

Крестьянское движеніе не только засвидѣтельствовало жизненность программы, считающей необходимымъ и возможнымъ

шенію къ нимъ употребленный мною терминъ не можетъ вызвать возраженій,—тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ созвучную, если и не вполнѣ тождественную терминологію.

этотъ именно камень положить „во главу угла“ общественнаго устроительства, но и повліяло на всѣ остальныя. Вновь появившійся „пролетарій“, не въ примѣръ прежнему „соціалъ-демократу“ вынужденъ начать съ признанія наличности разрастающагося крестьянскаго движенія, — и это, конечно, уже не мало для тѣхъ, кто еще недавно отрицалъ самую возможность такихъ движеній въ дифференцированной деревнѣ. Правда, марксисты все еще не рѣшаются—хотя попытки въ этомъ направленіи уже и есть—включить „землю“, какъ органическую часть, въ свою программу, однако они оказались уже вынужденными къ пресловутымъ „отрѣзкамъ“ сдѣлать очень большую прирѣзку, заявивъ, что готовы идти „вплоть“ до всей земли. Отъ потухающей „искры“, можетъ быть, и возгорится пламя, хотя объ этомъ пока можно догадываться лишь по усилившемуся чаду. Съ другой стороны, программа исключительно политическихъ реформъ, на каковой почвѣ возникло освобожденское теченіе, уже осложнилась „дополнительнымъ надѣленіемъ“. Едва ли нужно даже говорить, какъ трудно многимъ участникамъ этого движенія согласиться хотя бы на принудительный выкупъ. Безъ „земли“, однако, и самая „воля“ стала представляться очень уже непрочной, ибо въ недовольствѣ крестьянской массы — какъ говоритъ цитированный мною выше г. Кокошкинъ — могутъ черпать матеріалъ „всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій“. Крестьянское движеніе и въ этомъ направленіи довольно далеко уже продвинуло столь важную для типичныхъ представителей даннаго теченія границу „умѣренности“.

Программы, конечно, важны не сами по себѣ. Суть въ томъ, что эти программы уже циркулируютъ въ жизни и подготовляютъ необходимыя для аграрной реформы политическія силы. Наибольшее значеніе въ данномъ случаѣ будетъ имѣть, конечно, большій или меньшій успѣхъ этой организующей роли различныхъ программъ въ средѣ самого крестьянства, ибо поскольку оно успѣетъ оформить, обобщить и поддержать въ рѣшительную минуту свои требованія, постольку лишь послѣднія и найдутъ себѣ выраженіе въ новомъ государственномъ порядкѣ. Крестьянское движеніе представляетъ въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ важныхъ, если можно такъ выразиться, „предварительныхъ гарантій“. Облегчая появленіе и циркуляцію обобщающихъ идей въ народной средѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени гарантируетъ успѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которыя наиболѣе полно и точно выражаютъ сущность крестьянскихъ пожеланій. И мы знаемъ, что такія идеи дѣйствительно проникаютъ въ массы и дѣйствительно воспринимаются ими. Это-то обстоятельство я и имѣлъ въ виду, когда писалъ въ прошлый разъ, что если сознательная мысль не опередила стихійнаго движенія, то она можетъ еще въ него влиться.

Еще болѣе значительными представляются результаты крестьян-

скаго движенія, какими оно скажется непосредственно въ жизни, помимо даже участія притекающей извнѣ мысли. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важными представляются тѣ слѣды, какіе оставятъ переживаемыя нынѣ крестьянствомъ событія въ его психологіи. Мнѣ уже пришлось отмѣтить солидарность, какую проявляютъ въ своемъ движеніи крестьяне: деревня чувствуетъ въ эти дни свое единство и сознаетъ общность своихъ нуждъ и интересовъ. Въ крестьянской средѣ происходитъ въ сущности тоже, что и въ рабочей при однородныхъ обстоятельствахъ.

Всмотритесь въ первоначальную психологію рабочаго, выкинутаго на рынокъ. Онъ долженъ думать только о себѣ и собственными усиліями долженъ разрѣшать задачу своего благополучія. Онъ ищетъ получше мѣстечка, радъ подвернувшейся сверхурочной работѣ, готовъ подслужиться мастеру и, въ случаѣ чего, даже подставить ножку такому же, какъ и онъ самъ, пролетарію. Онъ всецѣло втянутъ въ атмосферу индивидуальной борьбы, проникающей данный хозяйственный порядокъ, и даже не замѣчаетъ, какъ мало значатъ его личныя усилія и его личныя заслуги на службѣ у такого безсердечнаго и жестокаго хозяина, какимъ является рынокъ. Divide et impera. И рынокъ дѣйствительно раздѣляетъ, надъ рабочими дѣйствительно властвуютъ,—и эта власть тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше раздѣлены они.

Вдумайтесь въ психологію того же рабочаго, когда онъ захваченъ, допустимъ, стачкой. Сведенные на очную ставку, личные интересы оказываются противорѣчащими: выигрышъ одного не рѣдко является ущербомъ для всѣхъ, да и самый выигрышъ оказывается, въ концѣ концовъ, призрачнымъ. Рабочій сунулъ мастеру рублевку и тѣмъ, быть можетъ, обезпечилъ благосклонное отношеніе съ его стороны на случай браковки. Пожертвовавъ рублемъ, онъ, можетъ быть, увеличилъ свою ближайшую получку на три. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ поводъ тому же мастеру добиваться взятки отъ всѣхъ остальныхъ рабочихъ, и ему самому, въ концѣ концовъ, придется платить рубль уже не за особую благосклонность, а ради того только, чтобы избѣжать излишней придирчивости. Чтобы сохранить рублевый заработокъ, онъ согласился—далѣе—поступиться изъ него гривенникомъ. Но этимъ самымъ онъ заставилъ сдѣлать то же и всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Въ слѣдующій разъ, чтобы добиться того же результата, ему придется уступить, быть можетъ, и еще 10 коп. Въ предварительныхъ разговорахъ и спорахъ не только вскрываются отрицательныя стороны взаимной конкурренціи, но и выясняется для рабочаго единственный дѣйствительный путь для улучшенія его доли—путь коллективныхъ усилій. Начинается стачка. Работаетъ не только мысль; функціонируютъ и чувство, и воля. Рабочіе живутъ въ атмосферѣ общественности: вырабатываются новые взгляды, переживаются новыя эмоціи, создаются новыя правила

поведенія. Стачка кончится, но сознаніе общности интересовъ уже не исчезнетъ, пробившійся родникъ общественныхъ чувствъ уже не изсякнетъ, готовность дѣйствовать сообща теперь уже легче вспыхнетъ. Рабочій, пережившій стачку, уже не прежній рабочій. Пусть условія его жизни даже не измѣнились, но измѣнился онъ самъ и измѣнились его отношенія къ хозяину съ одной стороны, и къ товарищамъ—съ другой.

Жизнь, конечно, затуманитъ сильныя ощущенія, какія заставила пережить стачка, но новой психологіи она уже не вытравитъ. Классовое самосознаніе будетъ нарастать и развиваться,— и не только въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, но и въ работѣ надъ внутренними отношеніями. Солидарность будетъ крѣпнуть, а въ ней вѣдь и заключается не только главный залогъ успѣшной борьбы въ рамкахъ даннаго строя, но и непремѣнное условіе переустройства его на новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ труда, началахъ.

Въ крестьянской средѣ, уже подпавшей подъ власть рынка и проникнутой тенденціями индивидуальнаго хозяйства, идея классовой солидарности въ обычное время представляется, пожалуй, еще сильнѣе затуманенной. Здѣсь больше, если можно такъ выразиться, соблазновъ, способныхъ увлечь личность на путь исключительно индивидуальной борьбы,—на путь не только взаимной конкурренціи, но и взаимной эксплоатаціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда хуже видѣнъ сложный общественный механизмъ, благодаря которому для массы крестьянства эта борьба не только неизбѣжно остается безплодной, но и оказывается въ конечномъ счетѣ безусловно пагубной. Для деревни обнажены лишь нѣкоторыя части этого механизма... Однако, и по нимъ можно составить понятіе о междуклассовой эксплоатаціи, для которой она является объектомъ.

Несомнѣнно, что это идея, хотя и въ смутномъ видѣ, была все время присуща деревнѣ. Крестьянская душа въ этомъ отношеніи была отнюдь не tabula rasa. Многовѣковый рядъ лишеній и униженій оставилъ глубокій слѣдъ въ крестьянской психикѣ и издавна пріучилъ уже деревню противополагать себя всему остальному соціальному міру. Но активность крестьянской массы представлялась какъ бы исчерпанной. Можно было ожидать, что новый, усложнившійся и реформированный на мѣновыхъ началахъ, общественный порядокъ разложитъ вѣковые устои деревенской солидарности и обратитъ крестьянство въ пыль прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣться и сознать общность своихъ интересовъ въ новомъ положеніи. Этого, однако, не случилось и именно потому, быть можетъ, что, не ослабивъ почти эксплоатаціи массы, новый механизмъ сразу придавилъ и личность.

Въ сферѣ земельныхъ отношеній пагубныя послѣдствія взаимной конкурренціи оказались особенно тяжкими, и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, невозможность разрѣшить задачу личными усиліями выяснилась уже съ особой очевидностью. Вполнѣ понятно, что въ этой именно средѣ и сказалось, прежде всего, крестьянское классовое самосознаніе. Предусмотрѣть послѣдствія вспышки общественныхъ чувствъ въ деревнѣ въ настоящее время, конечно, трудно. Несомнѣнно, однако, что все передуманное и перечувствованное ею въ эти дни оставитъ неизгладимый слѣдъ въ ея психологіи. Отправляясь къ помѣщику „насчетъ земли“ или „насчетъ работы“, крестьянинъ отнынѣ особенно живо будетъ чувствовать себя частицей великаго цѣлаго, и онъ будетъ уже думать не о своихъ только интересахъ. Надъ нимъ особенно властно будетъ тяготѣть контроль общественнаго мнѣнія,—и это мнѣніе будетъ уже не то, что было раньше. Измѣнятся отношенія не только къ помѣщику, но и ко всему внѣшнему міру. Получившая толчокъ въ опредѣленномъ направленіи, мысль не остановится, пока не пересмотритъ ихъ съ новой точки зрѣнія. Рано или поздно она вскроетъ общность многихъ другихъ интересовъ, и крестьянская масса не менѣе энергично проявитъ въ нихъ свою солидарность.

Этотъ процессъ въ сущности уже начался въ деревнѣ, и послѣдняя даже въ отношеніяхъ своихъ къ государству далеко не представляетъ сейчасъ такой пассивной и покорной стороны, какою она была раньше. Я сошлюсь въ этомъ случаѣ на тѣ затрудненія, какія испытываютъ власти при взысканіи податей и недоимокъ по новому закону. Въ прошломъ году на страницахъ „Русскаго Богатства“ Е. А. Звягинцевъ сообщилъ очень интересные въ этомъ отношеніи факты по Курской губерніи. Подъ вліяніемъ теперешняго общаго возбужденія крестьянское упорство, несомнѣнно, проявится съ еще большею опредѣленностью.

Попытка передавать надѣлы за недоимку,—пишетъ по этому поводу корреспондентъ „Сына Отечества“ изъ Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи—не привела ни къ какимъ результатамъ. Каждый годъ болѣе 1000 разъ назначается продажа крестьянскаго имущества за недоимки, но и это мало помогаетъ дѣлу: на торгахъ по большей части нѣтъ покупателей. Въ нынѣшнемъ году въ Крутовской волости также были назначены весной продажи, но въ однѣхъ деревняхъ крестьяне встрѣтили старшину съ кольями, а въ другихъ не явились покупатели.

Измѣнятся отношенія и внутри крестьянства. Рѣшая вопросъ о землѣ вообще, крестьяне тѣмъ самымъ предрѣшаютъ вопросъ и о той, которая находится въ ихъ распоряженіи. Осуждая эксплоатацію извнѣ, они тѣмъ самымъ осуждаютъ и ту, которая имѣетъ мѣсто въ ихъ собственной средѣ. Послѣ этого общественное мнѣніе не допуститъ уже многаго такого, съ чѣмъ оно сравнительно легко мирилось раньше,—не допуститъ тѣмъ болѣе, что кромѣ общихъ этическихъ постулатовъ оно будетъ опираться и на тѣ требованія, которыя вытекаютъ изъ классовой солидарности. Это, конечно, не предотвратитъ появленія кулаковъ и

міроѣдовъ, какъ классовое самосознаніе рабочихъ не можетъ предотвратить появленія выходящихъ изъ ихъ собственной среды мастеровъ и десятниковъ. Но... когда мы говоримъ о классѣ, нужно принимать въ разсчетъ массу, а не отдѣлившихся отъ нея персонажей. Впрочемъ, и эти послѣдніе, когда масса сознаетъ свою солидарность, теряютъ значительную долю своей силы. Послѣ забастовокъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ не съумѣвшіе примириться съ новымъ положеніемъ мастера должны были, какъ извѣстно, совершить путешествія на тачкахъ.

Учитывая эти послѣдствія крестьянскаго движенія, я исхожу изъ предположенія, какъ видитъ читатель, что основныя условія крестьянской жизни останутся прежними. Я имѣю въ виду высказанныя мною въ прошлый разъ соображенія, что, если крестьянское движеніе сохранитъ свой нынѣшній аполитическій характеръ, то основныя задачи его останутся неосуществленными. Захватами разгромами, какъ говорилъ я, нельзя разрѣшить великой проблемы. Но... не слѣдуетъ забывать, что и рабочее движеніе на первыхъ порахъ не рѣдко отливалось въ ту же форму разгромовъ. Это не помѣшало, однако, рабочему классу очень скоро найти болѣе дѣйствительный путь для борьбы за свои интересы. И если аграрная проблема, какъ думаю я, можетъ быть разрѣшена только въ государственныхъ формахъ, то крестьянство, при данномъ уровнѣ его развитія и при той помощи, какую мысль его получитъ извнѣ, конечно, найдетъ эту дорогу.

Я не знаю, придется ли ему принять болѣе активное, чѣмъ сейчасъ, участіе въ борьбѣ за политическую реформу. Можетъ быть, послѣдняя будетъ осуществлена раньше, чѣмъ крестьянская масса убѣдится въ ея необходимости. Во всякомъ случаѣ, когда народному правосознанію откроется, наконецъ, путь къ участію въ государственномъ творчествѣ, крестьянская масса—по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе важномъ для нея аграрномъ вопросѣ—окажется уже достаточно объединенной силой.

XIX.

Оцѣнивая роль, какую крестьянское движеніе можетъ съиграть въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, мы не должны упускать изъ виду, что подъ его вліяніемъ измѣняется психологія не только крестьянства.

Помѣщиками Верхней Карталиніи,—читаемъ мы въ телеграммѣ С.-Петербургскаго агентства отъ 7 іюля,—организуется артель. По уставу она составляется изъ дворянъ Горійскаго уѣзда; членами принимаются всѣ желающіе безъ различія сословія. Цѣль товарищества—пріучить членовъ къ самостоятельному труду и физической работѣ, пріобрѣтенію необходимыхъ познаній на столько, что каждый могъ бы обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи.

Эта артель—конечно своего рода раритетъ; раритетомъ она и останется, если,—что еще вѣроятнѣе,—не распадется раньше, чѣмъ хотя бы одного изъ своихъ членовъ пріучитъ „обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи". Столь сильное впечатлѣніе крестьянское движеніе могло произвести, конечно, на тѣхъ лишь „помѣщиковъ", которые были настроены идеалистически или которые по складу своей жизни и раньше были близки къ трудовому крестьянству. Нужно, однако, замѣтить, что у гурійскихъ крестьянъ—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—имѣлась, повидимому, мысль немедленно водворить въ своей странѣ основанный на общемъ трудѣ порядокъ. Къ помѣщикамъ и священникамъ ими были предъявлены требованія, чтобы тѣ лично выходили на общественныя работы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспонденты, дѣйствительно, видѣли ихъ работающими на ряду съ крестьянами.

Въ с. Джурухветы Озургетскаго уѣзда,—писалъ, напримѣръ, корреспондентъ „Цнобисъ-Пурцели",—на первой недѣлѣ великаго поста общество приступило къ ремонту сельскихъ дорогъ. Въ работѣ приняли участіе всѣ сословія—крестьянство, дворянство, духовенство, купечество, учителя и пр., и такіе дворяне, которые никогда въ рукахъ не держали мотыги, нынѣ работаютъ вмѣстѣ съ крестьянами. Съ ними трудятся также священники, а тамъ копаются и учитель, и мѣстный торговецъ. Всюду общее веселье, всюду раздаются „надури" (пѣсни страднаго времени), „гуріантулаи", „кобулетури", „саджаухури", „баилетури"; и погода благопріятствуетъ имъ. Въ продолженіе недѣли всѣ дороги были исправлены, отремонтированы... *)

Обратить цѣлый классъ къ физическому труду и сразу водворить новый соціальный порядокъ—это, конечно, мечта, которою могли увлечься гурійцы, но которую мы не въ правѣ вводить въ свои разсчеты. Я привелъ эти два факта лишь въ качествѣ примѣра наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, какія могло произвести на помѣщиковъ крестьянское движеніе. Къ такой же категоріи исключительныхъ, но тѣмъ не менѣе характерныхъ фактовъ мы должны отнести и тѣ случаи, когда „кающіеся" или перепуганные помѣщики безвозмездно уступали часть своей земли крестьянамъ. Изъ газетныхъ сообщеній мы знаемъ уже нѣсколько такихъ фактовъ.

Не безъинтересно сообщить,—писалъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края" изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи,—о слѣдующемъ: землевладѣлецъ С. В. Бунинъ, въ виду недостаточности надѣла, даннаго его предками крестьянамъ, подарилъ имъ прекраснѣйшей земли по одной десятинѣ на каждый дворъ, изъ коихъ половина усадебной и половина пахатной близъ ихъ надѣла и подалъ уже въ уѣздную земскую управу заявленіе о немедленномъ перечисленіи земли на имя крестьянъ, мотивируя свою просьбу желаніемъ добровольно пойти навстрѣчу приподнятому и возбужденному ихъ настроенію, обостренному сильнымъ малоземельемъ. **)

---

*) Цитирую по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени" отъ 26 марта.

**) Цитирую по перепечаткѣ въ „Нашей Жизни" отъ 21 мая.

Однородный случай, хотя, повидимому, и на другой нѣсколько подкладкѣ, имѣлъ мѣсто, по сообщенію „Сына Отечества", въ Подольской губерніи. Пришедшіе въ движеніе, крестьяне вызвали на сходъ мѣстнаго землевладѣльца (г. Щеніовскаго) и предъявили къ нему требованіе объ уступкѣ земли. Онъ обѣщалъ выполнить это требованіе, „пока же" согласился отвести крестьянамъ 70 морговъ.

Извѣстны, далѣе, факты, что раздавались деньги и при томъ не въ видѣ только „контрибуціи", которую, какъ извѣстно, нерѣдко требовали крестьянскія толпы, но и въ видѣ предупредительной мѣры. Такъ, по словамъ „Одесскихъ Новостей",

одинъ изъ управляющихъ крупнаго днѣпровскаго землевладѣльца нашелъ умѣстнымъ даже на свой страхъ и рискъ раздать окрестнымъ крестьянамъ, подъ видомъ безвозвратной субсидіи, кому въ формѣ ссуды, до 3.000 руб. Провѣдавшій объ этомъ, землевладѣлецъ поблагодарилъ управляющаго за предупредительную предпріимчивость и не только утвердилъ расходъ, но увеличилъ ассигновку на этотъ предметъ до 5.000 рублей.

Несравненно болѣе многочисленными и уже потому болѣе важными представляются случаи удовлетворенія другихъ крестьянскихъ требованій, въ родѣ пониженія арендной или повышенія заработной платы, а также улучшенія другихъ условій труда. Въ этомъ отношеніи крестьянамъ удалось добиться довольно существенныхъ уступокъ и при томъ въ довольно многихъ мѣстностяхъ, охватывающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые уѣзды.

Въ имѣніи гр. Толстыхъ (Острогожскаго уѣзда),—сообщаетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" изъ Воронежа,—крестьяне упорно отказывались арендовать землю на томъ основаніи, что земля все равно скоро будетъ ихъ собственной. Экономія должна была очень понизить арендныя цѣны, и только тогда крестьяне сняли землю. Въ экономіи г. Звягинцева, Бобровскаго уѣзда, послѣ отказа крестьянъ снять землю по прежней высокой арендной цѣнѣ, арендная плата была понижена и кромѣ того каждому арендатору выдано безплатно по одной десятинѣ земли на одинъ посѣвъ. Крестьяне Новой-Чиглы, Бобровскаго уѣзда, также добились пониженія арендной платы *) у владѣлицы г-жи Шевлягиной: вмѣсто прежней высокой арендной платы земля отдана въ количествѣ $1^1/_2$ тысячи десятинъ по 8 р. 50 к. за десятину. **)

Въ довольно многихъ случаяхъ помѣщики поспѣшили сами улучшить положеніе крестьянъ и рабочихъ, даже не ожидая съ ихъ стороны какихъ либо-оказательствъ. Такъ, „въ цѣляхъ предупрежденія аграрныхъ недоразумѣній, вслѣдъ за днѣпровскими помѣщиками и херсонскіе землевладѣльцы пошли на нѣкоторыя уступки въ смыслѣ нормировки рабочаго времени для сельскохозяйственныхъ рабочихъ и улучшенія ихъ продовольствія и жилищныхъ нуждъ" *).

---

*) Въ Бобровскомъ уѣздѣ арендная плата,—пишетъ корреспондентъ,— въ послѣдніе годы поднялась до 20—30 руб. за десятину.

**) „Русскія Вѣдомости", 6 іюня.

***) Цитирую по „Новому Времени", отъ 9 іюля.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ,—пишетъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края", изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи,—отразились и на сельскихъ хозяевахъ нашего уѣзда, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали уже для своихъ рабочихъ, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы, слѣдующія улучшенія: прибавили жалованье, улучшили харчи и уменьшили время работы въ предпраздничные дни. Однимъ словомъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—среди нашихъ аграріевъ видно стремленіе предупредить возможные при настоящемъ настроеніи крестьянства конфликты и сдѣлать что-либо для избѣжанія ихъ.

Мотивы, заставляющіе землевладѣльцевъ удовлетворять крестьянскія требованія и даже съ „предупредительною предпріимчивостью" идти имъ навстрѣчу, конечно, понятны. На первомъ планѣ, несомнѣнно, стоитъ страхъ передъ разгромами, какими грозитъ, какъ мы видѣли, крестьянское движеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно начинается въ мирныхъ формахъ. Это чувство, можно думать, преобладаетъ сейчасъ надъ всѣми другими въ средѣ помѣстнаго сословія. Опасенія за свое имущество и даже за собственную жизнь имѣютъ для землевладѣльцевъ тѣмъ большее значеніе, что власти, какъ выяснилось уже, нерѣдко безсильны предупредить безпорядки. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда своевременной присылкой войскъ или усиленіемъ полицейскихъ мѣръ удается предупредить вспышку, опасность нельзя считать устраненною. Подавленное движеніе не рѣдко принимаетъ скрытую и при томъ не менѣе опасную форму: учащаются случаи поджоговъ, кражъ и преднамѣренной порчи помѣщичьяго имущества. Надъ многими мѣстностями въ сущности уже нависла самая тяжелая, быть можетъ, угроза, какую только можетъ таить въ себѣ доведенная до отчаянія деревня, а именно аграрный терроръ. Помѣщики, конечно, чувствуютъ это и волей-неволей становятся уступчивыми.

Можно, однако, думать, что многимъ землевладѣльцамъ не чужды и другія чувства. Крестьянское движеніе заставило ихъ вдумчивѣе отнестись къ положенію крестьянской массы, понять всю его невозможность и сознать въ своей душѣ справедливость, если не всѣхъ, то очень многихъ изъ крестьянскихъ требованій

— Какъ можно удивляться, что крестьяне волнуются?—говорилъ помѣщикъ изъ с. Сальнаго *).—Если бы мы очутились въ тѣхъ же условіяхъ, что крестьяне, мы волновались бы еще больше. Вы представьте себѣ только положеніе нашего мужика. Нашъ уѣздъ крупновладѣльческій, есть имѣнія въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ. И вотъ среди этихъ владѣній затерялись сѣрыя, нищія, темныя деревни. Положеніе ихъ невозможное. Выгонитъ мужикъ лошадь—неизбѣжная потрава... и штрафъ. Выгонитъ корову, овецъ—то же. Курицу, кажется, и ту некуда выгнать. Въ морозы, напримѣръ, хату продуваетъ насквозь, а лѣсу у крестьянъ нѣтъ и топить, значитъ, нечѣмъ. А пойдетъ въ лѣсъ собирать хворостъ,—опять штрафъ. И все штрафы, да

*) Дмитріевскаго у. Курской губ.; съ этого села и начались въ данномъ уѣздѣ безпорядки.

штрафы. Теперь попробуйте поставить себя на мѣсто мужика и вообразить себѣ его настроеніе... *)

Подобные голоса изъ помѣщичьей среды слышатся все чаще и чаще. Они раздаются въ печати, въ общественныхъ и земскихъ собраніяхъ. Въ начавшихся судебныхъ процессахъ по поводу крестьянскихъ безпорядковъ помѣщики—иногда даже изъ пострадавшихъ—нерѣдко даютъ показанія въ пользу подсудимыхъ и въ яркихъ краскахъ рисуютъ всю безвыходность крестьянскаго положенія. Не только страхъ, но и совѣсть, повидимому, заставляетъ помѣщиковъ идти на уступки.

Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія въ психологіи помѣстнаго сословія, несомнѣнно, долженъ произойти крупный переломъ. Я позволю себѣ и въ данномъ случаѣ сослаться на аналогію ихъ промышленной жизни. Было время, когда наши фабриканты и заводчики каждую стачку разсматривали какъ бунтъ и знали противъ нея лишь одно средство—вооруженную силу. Они не хотѣли допустить и мысли, что рабочіе могутъ предъявлять къ нимъ какія-то требованія. Еще труднѣе было имъ примириться съ мыслью о государственномъ вмѣшательствѣ въ защиту интересовъ рабочихъ. Однако, теперь сами фабриканты ходатайствуютъ о ненаказуемости стачекъ, да и правомѣрность государственнаго вмѣшательства отрицать они уже не рѣшаются.

Въ средѣ помѣстнаго сословія крестьянское право также до сихъ поръ не только не пользовалось признаніемъ, но и отрицалось, если это только возможно, еще рѣшительнѣе. Достаточно напомнить, что не только стачки, но и уходъ съ работы даже единичнаго рабочаго по отношенію къ сельскому хозяйству въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ квалифицируется, какъ уголовное преступленіе. Даже мысль о томъ, что помѣщики, какъ классъ, могутъ имѣть какія-то обязанности предъ крестьянствомъ, и что послѣднее можетъ предъявлять къ нимъ какія-то требованія, для большинства, несомнѣнно, показалась бы дикой. Да и какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть обязанности? Крѣпостныя отношенія, когда помѣщикъ дѣйствительно какъ будто имѣлъ ихъ, уже ликвидированы, выкупныя свидѣтельства получены и проѣдены... Практика же жизни убѣждала все время нашихъ землевладѣльцевъ какъ разъ въ обратномъ, а именно, что не они, а крестьяне предъ ними обязаны и не въ правѣ уклониться отъ работы въ ихъ хозяйствахъ. Достаточно напомнить, что переселенія тормозились и воспрещались изъ за того только, чтобы помѣщикъ не лишился рабочихъ или арендаторовъ. Впрочемъ для характеристики помѣщичьей психологіи можно напомнить, пожалуй, еще болѣе характерный фактъ: московскіе землевладѣльцы

---

*) „Русскія Вѣдомости", 25 апрѣля.

усмотрѣли нарушеніе своего права въ томъ, что крестьяне ввели травосѣяніе, благодаря чему цѣны на помѣщичьи луга понизились. . Даже либеральные землевладѣльцы въ своихъ воззрѣніяхъ не шли дальше экономической свободы: гражданская равноправность—это, по ихъ мнѣнію, былъ максимумъ того, на что могли претендовать крестьяне. Мысль о государственномъ вмѣшательствѣ въ отношенія между крестьянами и землевладѣльцами до послѣдняго времени была совершенно чужда обывательской средѣ. Даже наиболѣе благорасположенные къ крестьянству, земскіе дѣятели не шли дальше пресловутаго „содѣйствія“ ему, въ родѣ кредитныхъ льготъ и удешевленія сельскохозяйственныхъ орудій.

Теперь крестьянское правосознаніе поставлено на очную ставку съ помѣщичьимъ. Крестьянское право, бытіе котораго можно было только предполагать, воочію заявило о своемъ существованіи. Классъ землевладѣльцевъ, какъ оказалось, дѣйствительно имѣетъ обязанности. Это не остатки неправильно или не вполнѣ ликвидированныхъ крѣпостныхъ отношеній, какъ хотѣли бы себѣ представить нѣкоторые. Рѣчь идетъ не объ „отрѣзкахъ“ и не объ исправленіи „исторической ошибки“. Нѣтъ! въ русскомъ соціальномъ мірѣ народилось новое право—и землевладѣльцы уже вынуждены признать его.

Теперь они поняли, что должны считаться не съ крестьяниномъ только, какъ съ индивидуумомъ, который рынкомъ всецѣло подчиненъ ихъ власти, но и со всѣмъ крестьянствомъ, какъ классомъ. И они уже изъявили готовность начать съ нимъ переговоры. Я позволю себѣ привести не безъинтересные въ этомъ отношеніи выдержки изъ газетнаго отчета о преніяхъ въ собраніи кутаисскихъ помѣщиковъ:

Г. Кикодзе. Мы обязаны примириться съ крестьянами и найти къ нимъ соотвѣтствующіе пути. Для этого необходимо избрать коммиссію изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ народа, и чрезъ нее войти въ откровенные переговоры съ крестьянами какъ о причинѣ неудовольствія, такъ и относительно улаженія аграрныхъ недоразумѣній...

Г. Лордкипанидзе. Безземелье составляетъ основную причину крестьянскаго движенія, а затѣмъ арендная плата за землю. Нужно выработать такія условія, которыя были бы выгодны въ равной степени какъ для насъ, помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. А то намъ предлагаютъ плату по 2—3 р. за кцеву, когда самъ помѣщикъ платитъ за нее банку 5—6 руб. въ годъ...

Голоса: Какое дѣло крестьянину до платежей помѣщика, который могъ заложить эту землю даже за 10 руб. Цѣнится ея производительность.

Кн. Д. Цулукидзе. Крестьяне, дѣйствительно, живутъ въ крайней нуждѣ, имъ нужна помощь, и помощь существенная, а не теоретическая...

Кн. Д. О. Нижерадзе, уѣздный предводитель дворянства. Лично я стою очень близко къ крестьянамъ, и потому могу сказать, что лично противъ меня они никакого зла не питаютъ. Но по даннымъ обстоятельствамъ необходимо послать нашихъ представителей къ крестьянамъ, чтобы выяснить причины ихъ неудовольствія вообще на помѣщиковъ *).

*) „Тифлисскій Листокъ“. Цитирую по перепечаткѣ въ „Руси“ отъ 30 марта.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инициативу переговоровъ между крестьянами и помѣщиками взяли на себя сельскохозяйственныя общества. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ роли посредника должна была выступить уѣздная земская управа. Нѣкоторыми губернскими земствами уже учреждены коммиссіи, которымъ поручено обсудить аграрный вопросъ при участіи крестьянскихъ выборныхъ. Въ систему государственныхъ преобразованій, проекты которыхъ въ настоящее время намѣчаются въ земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, чаще и чаще вводятся различныя мѣры, имѣющія цѣлью существенныя преобразованія въ аграрномъ строѣ. Мысль о необходимости властнаго государственнаго вмѣшательства въ сферу земельныхъ отношеній пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и можно думать, что путь къ аграрной реформѣ до нѣкоторой степени уже расчищенъ и что сопротивленіе, какое она могла бы встрѣтить въ помѣщичьей психологіи, уже поколеблено.

Конечно, значительная и, быть можетъ, даже большая часть помѣстнаго класса далека еще отъ признанія крестьянскаго права въ какой бы то ни было его части. Въ качествѣ наиболѣе рѣзкаго примѣра можно указать остзейскихъ бароновъ, которые обнаружили готовность даже съ оружіемъ въ рукахъ защищать всѣ свои соціальныя преимущества. Среди землевладѣльцевъ другихъ мѣстностей, несомнѣнно, также еще сильна вѣра въ полицейскую силу и далеко еще не умерла надежда, что жизнь войдетъ въ прежнюю колею и покатится въ прежнемъ направленіи. Не довольствуясь энергичной защитой, какую оказываетъ имъ государственная власть, нѣкоторые помѣщики и сами стремятся использовать свойственные послѣдней методы въ цѣляхъ охраны своихъ интересовъ. „Въ министерство внутреннихъ дѣлъ—какъ сообщилъ „Сынъ Отечества"—поступаетъ много ходатайствъ помѣщиковъ о разрѣшеніи организовать при ихъ имѣніяхъ вольную стражу-милицію Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ слышала газета, увѣдомило губернаторовъ харьковской, полтавской и кіевской губерній, что имъ предоставляется право собственною властью разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организацію помѣщичьей милиціи. Разрѣшеніе на право пріобрѣтенія патроновъ и вооруженія должно быть выдаваемо военнымъ вѣдомствомъ" *). А. Н. Терещенко—по сообщенію той же газеты—еще въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ отъ военнаго вѣдомства разрѣшеніе организовать на собственныя средства для охраны своего имущества милицію изъ 150 казаковъ Донской области. Такая же милиція, по газетнымъ сообщеніямъ, учреждена и нѣкоторыми другими владѣльцами.

Наибольшую энергію въ отстаиваніи своихъ интересовъ, какъ

---

*) „Сынъ Отечества", 27 апрѣля.

можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, помѣстное сословіе проявляетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ частновладѣльческое хозяйство стоитъ наиболѣе прочно. Это, конечно, и понятно: энергія въ отстаиваніи соціальныхъ преимуществъ прямо пропорціональна, такъ сказать, извлекаемымъ изъ нихъ доходамъ.

Едва ли однако эта часть землевладѣльческаго класса не разочаруется въ своихъ упованіяхъ, хотя бы и поддержанныхъ такимъ сильнымъ средствомъ, какъ собственная милиція. „Черкесы" появились въ экономіяхъ центральныхъ губерніи уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ и ничего, кромѣ новаго озлобленія не внесли въ отношенія между крестьянами и помѣщиками. Частная милиція появилась также еще при покойномъ В. К. Плеве,—и все таки, какъ и учрежденные имъ же стражники, не предупредила безпорядковъ. Самая мысль о томъ, что хозяйство можно вести, оставаясь на военномъ положеніи съ сосѣдними крестьянами, если трезво взглянуть на дѣло, представляется несомнѣнною утопіею. Въ качествѣ иллюстраціи тѣхъ отношеній, въ какихъ приходится существовать частновладѣльческому хозяйству, когда сосѣдніе крестьяне озлоблены, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ сообщенія „Русскаго Слова" о пожарѣ, имѣвшемъ весною мѣсто въ имѣніи гр. В. А. Бобринскаго въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

— Въ 11 часовъ ночи,— разсказываетъ графъ Владиміръ Алексѣевичъ,— управляющій сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Жданкѣ горитъ стогъ сѣна и ометъ ржаной соломы, и что пьяные крестьяне, собравшись всей деревней, ведутъ себя нехорошо,—препятствуютъ тушить огонь. Я понялъ, что пожаръ не простой. Вмѣстѣ съ исправникомъ Бахтинымъ мы поѣхали на хуторъ. Настроеніе у крестьянъ было въ высшей степени повышенное вслѣдствіе опьяненія. Они вырывали у рабочихъ цѣвки пожарныхъ трубъ, пытались повредить пожарные рукава, препятствовали „качать" воду. Я старался показать, что не придаю особаго значенія пожару, какъ будто онъ простой, обычный. Многіе изъ крестьянъ, не менѣе 20-ти человѣкъ, принимали живое участіе въ тушеніи огня, не смотря на то, что въ нихъ летѣли полѣнья, камни. Обращаясь, повидимому, къ главарямъ, толпа крестьянъ орала:

— Вотъ онъ, графъ-то! Теперь говорите. Что же вы молчите?

— Послѣ этого,—разсказываетъ графъ,—мы съ исправникомъ рѣшили уѣхать. Пожаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 12 часовъ ночи, т. е. спустя часъ послѣ начала пожара въ Жданкѣ, на сахарномъ заводѣ, верстахъ въ 5-ти отъ этого хутора, была подожжена солома неизвѣстнымъ велосипедистомъ.

Приставъ 3-го стана Богдановъ, бывшій на пожарѣ до самаго утра, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Крестьяне обращались къ нему и къ исправнику съ вопросами: Отчего русскій сахаръ дешевле за границей и тамъ имъ кормятъ свиней? Въ 2 съ половиной часа крестьяне стали расходиться. Нѣкоторые легли тутъ же у огня грѣться. По прибытіи солдатъ богородицкой команды разошлись и остальные. Во время самаго разгара пожара задержанъ 16-лѣтній Василій Казаковъ, пытавшійся, по словамъ рабочихъ, поджечь деревянную ригу.

— Прямыхъ уликъ нѣтъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога жданскими крестьянами,—говорилъ мнѣ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ.—Но

поведеніе крестьянъ даетъ полное основаніе думать, что именно поджогъ произведенъ ими.

Такъ говоритъ и самъ графъ, такъ говорятъ и служащіе на хуторѣ.

Собственная милиція, конечно, съумѣетъ разогнать толпу, которая мѣшаетъ борьбѣ съ пожаромъ. Но съумѣетъ ли она предупредить поджоги, „прямыхъ уликъ" въ которыхъ не имѣется? Изобрѣтательности, вѣдь, нѣтъ предѣла и деревня можетъ придумать что-либо позамысловатѣе даже „неизвѣстнаго велосипедиста". И не уйдутъ ли тогда вмѣстѣ съ остальной толпой и тѣ, которые теперь еще „принимаютъ живое участіе въ тушеніи"? Да и что же это за жизнь, если сосѣди приходятъ около графскаго несчастья „грѣться?!

Главное же, милиція стоитъ денегъ и уже въ силу этого такая роскошь доступна лишь немногимъ землевладѣльцамъ. Но и у нихъ она несомнѣнно отразится на доходахъ *). Еще сильнѣе на результатахъ частно-владѣльческаго хозяйства скажутся, конечно, ненормальныя отношенія съ сосѣдями. Съ паденіемъ же доходовъ, естественно, уменьшится и энергія помѣстнаго сословія въ отстаиваніи своего „права".

Съ этой точки зрѣнія крайне важными представляются тѣ уступки, какихъ уже добились крестьяне. „Установить фактъ— писалъ я прошлый разъ—еще не значитъ обезпечить свое право". Но для того, чтобы установить право, крайне важно, чтобы оно опиралось на факты. Факты же, какіе обезпечило крестьянское движеніе, въ дѣйствительности гораздо значительнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе вѣроятныхъ ихъ послѣдствій.

Повышеніе заработной платы и улучшеніе другихъ условій жизни рабочихъ—даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе оказались уже

---

*) Аткарскій землевладѣлецъ Солнцевъ „для охраны себя и своей семьи отъ особенно разнузданныхъ элементовъ населенія" придумалъ болѣе дешевое, хотя и менѣе надежное средство. По словамъ „Саратовскаго Дневника", онъ завелъ свору злыхъ договъ. Днемъ доги содержатся въ темномъ и тѣсномъ помѣщеніи, а ночью съ 10-ти часовъ вечера вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Собаки страшно злы, и населеніе положительно терроризировано ими. Крестьяне по ночамъ боятся выйти на собственный дворъ (усадьба г. Солнцева находится близь деревни и отдѣляется отъ послѣдней только небольшой канавкой). Даже экономическіе служащіе не осмѣливаются ночью выходить или входить въ экономію. Собаки, какъ сообщаетъ газета, однажды чуть не загрызли рабочаго, за что владѣлецъ былъ приговоренъ уѣзднымъ съѣздомъ къ штрафу. Это не образумило г. Солнцева. Черезъ мѣсяцъ собаки загрызли человѣка уже на смерть, и при томъ не около экономіи, а въ полѣ, въ подсолнухахъ... Ничто не ново подъ луною, и даже догамъ г. Солнцева можно найти въ исторіи предшественниковъ, хотя бы въ лицѣ тѣхъ псовъ, съ которыми американскіе плантаторы охотились на бѣлыхъ невольниковъ. Это не предотвратило однако освобожденія негровъ. И аткарскіе доги, нужно думать, не задержатъ поступательнаго движенія русской жизни.

неизбѣжными—означаетъ замѣтное увеличеніе эксплоатаціонныхъ расходовъ. Вынесутъ ли эту прибавку частновладѣльческія хозяйства? Повышеніемъ техники они могли бы, конечно, съ избыткомъ наверстать новые расходы. Но въ томъ то и дѣло, что наше частное хозяйство держится отнюдь не техникой и движется въ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ сельскохозяйственной наукой. „Въ такъ называемомъ *хорошемъ* хозяйствѣ, владѣлецъ котораго пользуется въ округѣ репутаціей *хорошаго* хозяина—говорилъ земскій агрономъ Н. М. Ткаченко въ нижегородскомъ сельскохозяйственномъ комитетѣ—ничего научнаго не оказывается, а хорошо это хозяйство или—вѣрнѣе—выгодно только потому, что окружающее населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ рукахъ крупнаго имѣнія". Жизнь только что дала до нельзя яркую иллюстрацію къ этому высказанному два года тому назадъ отзыву. Я имѣю въ виду Долбенкинское имѣніе Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи и принятую въ немъ систему хозяйства, какъ она обрисовалась въ только что закончившемся судебномъ процессѣ по обвиненію сосѣднихъ крестьянъ въ разгромѣ этого имѣнія *).

Имѣніе это безусловно „хорошее" и, можетъ быть, даже одно изъ „лучшихъ" въ Орловской губерніи. Достаточно сказать, что по показанію управляющаго А. Н. Филатьева оно даетъ чистаго дохода владѣльцу до 100—130 и болѣе тысячъ руб. въ годъ. Вознагражденіе управляющему, считая и участіе въ прибыли, достигаетъ 19,000 и болѣе рублей,—т. е. такой цифры, которою охотно удовлетворилась бы очень крупная научная сила. Какой образовательный цензъ имѣетъ г. Филатьевъ, изъ отчета не видно. Какъ бы то ни было, доходность имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое жалованье, онъ сумѣлъ поднять до очень высокой цифры. И этого ему удалось достигнуть, конечно, благодаря строго выдержанной системѣ.

„Стоящій во главѣ администраціи управляющій егермейстеръ двора Его Величества Филатьевъ—читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ—путемъ наложенія штрафовъ очень строго охранялъ интересы ввѣреннаго ему имѣнія отъ всякихъ, иногда даже незначительныхъ нарушеній крестьянъ". По показаніямъ свидѣтелей штрафовались и крестьяне, и рабочіе и служащіе. Поводы для штрафовъ были самые разнообразные: штрафовали за потравы, за „плохую работу", за сборъ грибовъ и ягодъ, за куренье... „Напримѣръ, пріѣдетъ крестьянинъ съ возомъ на экономическій дворъ, закуритъ тамъ; его оштрафуютъ". Или: „пріѣдетъ крестьянинъ на барскій дворъ купить хлѣба, закуритъ папиросу, и съ него возьмутъ, скажемъ къ примѣру, 80 коп. за отпущенный пудъ хлѣба и 25 коп. штрафа за куренье".

*) Пользуюсь отчетами, напечатанными въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" за 5, 7 и 10 іюля.

Штрафовали (по 1 р. и по 2 руб.) за купанье въ экономическомъ озерѣ. Раздѣнется человѣкъ, а досмотрщики и захватятъ одежду. Или плати сейчасъ же штрафъ или иди нагишомъ по улицѣ.

Штрафовали „за неотданіе чести". Одного крестьянина оштрафовали за то, что онъ перешелъ черезъ вспаханное поле... Впрочемъ всѣхъ поводовъ для штрафовъ не перечислить. Остановимся на тѣхъ, которые наиболѣе интересны для нашей цѣли.

Свидѣтель Рѣковъ (служащій въ экономіи и получающій жалованья 20 руб.)

въ 1904 г. уплатилъ до 75 руб., каковыя наказанія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 25 рублей за нетрезвое поведеніе, 25 руб. за то, что „солома была не въ порядкѣ", наконецъ, 25 руб. за то, что пала лошадь. Послѣднее обложеніе свидѣтель снабдилъ слѣдующимъ любопытнымъ объясненіемъ: онъ былъ переведенъ изъ одного хутора въ другой; означенное выше животное находилось на томъ хуторѣ, *откуда* онъ перевелся; означенная скотина подохла черезъ 17 дней послѣ его перевода, и однако онъ все-таки былъ оштрафованъ.

Тотъ же Рѣковъ въ другой разъ былъ оштрафованъ на 100 руб. за то, что „не успѣлъ снять жатву". Гудовъ былъ оштрафованъ на 200 руб. за коровъ, „за то, что издохли коровы". Одинъ свидѣтель, получающій 15 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 15 руб. „за плохой уходъ жеребенка"; другой свидѣтель, получающій 35 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 20 руб. за то, что околѣлъ теленокъ и за то, что „былъ малъ умолотъ".

Такова Долбенкинская наука: штрафами она повышаетъ умолоты и ими же предупреждаетъ падежи.

Какую долю штрафы составляли въ общей суммѣ чистаго дохода по имѣнію, на судѣ не было выяснено. Можно, однако, думать, что не маленькую. На это указываютъ уже тѣ крупныя цифры отдѣльныхъ штрафовъ, примѣры которыхъ мною приведены. Несомнѣнно, что и съ крестьянъ, хотя и по мелочамъ, въ общемъ собиралось не мало.

Въ показаніи помощника исправника г. Филипова — читаемъ мы въ отчетѣ—интересенъ его разсказъ о претензіяхъ, рѣзко и бурно выраженныхъ многими изъ крестьянъ, въ той толпѣ, уже грозно настроенной, къ которой онъ вышелъ для ея убѣжденія и увѣщанія. Слышались между прочимъ фразы о тяготахъ штрафной системы. Отдѣльные крестьяне кричали: „я плачу 13 рублей штрафу", „я—18 руб.", „я—12 руб.".

„Девять руб. въ годъ податей и двѣнадцать рублей штрафа, налагаемаго Долбенкинскимъ сенатомъ" — такъ защита въ лицѣ прис. пов. Муравьева резюмировала значеніе штрафовъ для каждаго крестьянскаго двора. Къ этому нужно только прибавить, что въ районѣ Долбенкинскаго имѣнія находится 40 деревень и всѣ онѣ пользуются отъ него „заработкомъ"...

Теперь читателю, конечно, вполнѣ понятно мое сомнѣніе от-

носительно того, выдержать ли частныя хозяйства созданныя крестьянскимъ движеніемъ измѣненія въ условіяхъ оплаты наемнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что Долбинкинская экономія должна будетъ отказаться отъ штрафовъ и полностью выплачивать хотя бы теперешнее жалованье своимъ служащимъ и рабочимъ. Чистый доходъ, конечно, значительно сократится, а можетъ быть и вовсе исчезнетъ. Въ такихъ же условіяхъ, несомнѣнно, находятся и многія другія хозяйства. Нѣкоторые помѣщики, можетъ быть, и найдутъ еще возможнымъ продолжать хозяйство при измѣнившихся условіяхъ, довольствуясь меньшею доходностью, но другіе, несомнѣнно, вынуждены будутъ ликвидировать веденіе хозяйства за свой счетъ и перейти къ сдачѣ земли въ аренду.

Но и арендныя цѣны, вѣдь, понизились или понизятся. Такъ или иначе, но доходность земли упадетъ, упадетъ и ея цѣнность. „Наша Жизнь“, отмѣчая это обстоятельство, указываетъ и еще одну очень серьезную причину, которая въ ближайшемъ будущемъ должна повлiять въ томъ же направленіи на земельныя цѣны. Благодаря войнѣ и общему разстройству экономической жизни, учетный и ссудный проценты значительно повысились. Это обстоятельство несомнѣнно отразится и на расцѣнкѣ земель. Если бы доходность ихъ и не понизилась, то цѣна ихъ всетаки упала бы, ибо если прежде земля капитализировалась изъ 4% приносимаго ею дохода (т. е. цѣнность превышала въ 25 разъ доходность), то теперь она должна капитализироваться изъ 5%, (отношеніе цѣнности къ доходности должно быть 20: 1). Пониженіе же доходности и цѣнности земель, при высокой ихъ задолженности, неизбѣжно скажется усиленной ихъ мобилизаціей.

Частному землевладѣнію предстоитъ такимъ образомъ пережить очень серьезный кризисъ. Измѣнятся способы извлеченія дохода, перемѣнятся владѣльцы... Не лишне будетъ прибавить, что кромѣ отмѣченныхъ уже причинъ, на усиленіе движенія земли окажетъ свое вліяніе и чисто психологическое обстоятельство. Благодаря крестьянскому движенію и порожденнымъ имъ страхамъ, усадьбы въ качествѣ „гнѣздъ“ уже утратили значительную долю своей привлекательности. Почти повсемѣстно помѣщичьи семьи покидаютъ имѣнія и перебираются на жительство въ городъ. „Намъ лично извѣстно,—писалъ между прочимъ корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Самары, — что совсѣмъ недавно проданы имѣнія въ 6.000 и 4.000 дес. Продажу имѣній и переселеніе помѣщиковъ связываютъ съ броженіемъ среди крестьянъ“.

Такъ или иначе, но многіе „прозябающіе“, какъ выразился одинъ крестьянинъ, помѣщики вынуждены будутъ въ этотъ критическій моментъ народной жизни передать свои земли другимъ лицамъ. Съ точки зрѣнія аграрной реформы обстоятельство это имѣетъ громадное значеніе. Конечно, если моментъ будетъ упу-

щенъ, то новые землевладѣльцы быстро укрѣпятся и успѣютъ вернуть все, что было уступлено ихъ предшественниками. Но мы можемъ надѣяться, что этого не произойдетъ и что аграрная реформа на этотъ разъ дѣйствительно осуществится.

Созданныя крестьянскимъ движеніемъ—субъективныя и объективныя, моральныя и матеріальныя—условія, несомнѣнно, уже въ достаточной степени подготовили для этого почву.

XX.

— „Подумаешь, подумаешь, — какой еще жизни надо намъ отъ Бога просить, окромѣ крестьянской, ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться?" *).

„Ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться"... Какое скромное желаніе, но какія глубокія и всестороннія нужны преобразованія, чтобы эта крестьянская мечта могла осуществиться. Для этого необходимо, чтобы измѣнились и матеріальныя основы крестьянской жизни, и правовой ея укладъ, и культурный ея уровень.

Несомнѣнно однако, что въ этой сложной и огромной проблемѣ вопросъ о землѣ занимаетъ центральное мѣсто. Такъ смотрятъ на дѣло крестьяне, у которыхъ этотъ взглядъ сложился какъ результатъ непосредственннаго ощущенія: „земли мало", „съ сохой повернуться негдѣ", „курицу и ту выпустить некуда". Къ тому же выводу, послѣ неоднократныхъ блужданій въ разныхъ направленіяхъ, неизмѣнно всякій разъ приходила и общественная мысль. На вопросъ, что же именно мѣшаетъ многомилліонному народу благополучно утвердиться, вновь и вновь приходилось отвѣчать: прежде всего и больше всего крестьянское малоземелье.

Крестьянское малоземелье—вотъ формула, въ которую отлилась аграрная проблема въ Россіи. Но эту формулу, это внѣшнее выраженіе основной народно-хозяйственной задачи многіе склонны принимать за самую ея сущность. И сейчасъ довольно многіе сторонники аграрной реформы озабочены больше всего тѣмъ, сколько нужно прибавить земли крестьянамъ и гдѣ можно взять ее. Съ другой стороны, изъ лагеря противниковъ реформы слышатся все тѣже, давно извѣстныя возраженія, что это палліативъ, что земли не хватитъ или что черезъ нѣсколько лѣтъ ея опять будетъ мало.

Съ этими изрядно уже надоѣвшими аргументами я, пожалуй, даже согласенъ. Дѣйствительно, если земельную реформу представлять себѣ исключительно въ видѣ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу по $^1/_2$ десятинѣ на душу (а больше, пожалуй „не хватитъ",

*) Сочиненія Г. И. Успенскаго. Т. I. Изд. 1897 г. „Избушка на курьихъ ножкахъ".

если не земли, то рѣшимости у сторонниковъ „дополнительнаго надѣленія“), то можетъ быть и не изъ-за чего огородъ городить. Прежде, чѣмъ эта „передышка“, какъ ее называютъ нѣкоторые, скажется какими-либо послѣдствіями въ народнохозяйственной жизни, мы опять будетъ стоять лицомъ къ лицу съ острымъ малоземельемъ. И не потому только, что вздохнувшее населеніе умножится, но и потому, что правящіе классы съумѣютъ очень быстро присвоить доходъ съ этой новой полъ-десятины такъ же, какъ они уже „капитализировали“ его и со всѣхъ прежнихъ.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать *), что сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается вовсе не въ томъ, что у крестьянъ тамъ или здѣсь не хватаетъ того или иного количества земли. Слѣдствіе нельзя смѣшивать съ причиной, и экономическое явленіе не должно заслонять отъ насъ соціальнаго противорѣчія, которое нашло въ немъ свое выраженіе.

Соціальное же противорѣчіе заключается въ томъ, что нашъ крестьянинъ занимаетъ двусмысленное положеніе: въ сферѣ производства—онъ самостоятельный производитель, въ сферѣ же распредѣленія—батракъ, вынужденный довольствоваться заработною платою. На его плечахъ лежитъ громадная соціальная тяжесть—главная отрасль производства, застой въ которой неизбѣжно сказывается разстройствомъ во всемъ народнохозяйственномъ организмѣ. Но эту тяжесть ему проходится вывозить при помощи заморенной клячи и чуть не допотопной сохи, ибо весь прибавочной продуктъ, за счетъ котораго только и можетъ совершенствоваться хозяйство, отбирается у него другими классами. Въ этомъ именно и заключается основная причина, какъ угнетеннаго состоянія сельскохозяйственной промышленности, такъ и безъисходной нищеты и хроническаго голоданія русской деревни.

Не лишне будетъ напомнить какимъ путемъ образовалось это соціальное противорѣчіе. Крестьяне были освобождены съ землей. Этимъ былъ заложенъ фундаментъ свободнаго трудоваго хозяйства,—къ этому, по крайней мѣрѣ, стремились защитники крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Но реформа опредѣлилась, какъ компромиссъ и при томъ очень не-

*) См. напримѣръ, статью „Земельныя нужды деревни“. Отсылая читателей къ этой статьѣ (она напечатана въ сборникѣ „Нужды деревни“, а на дняхъ появится и въ отдѣльномъ изданіи), я ограничусь въ настоящемъ мѣстѣ изложеніемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ аграрной проблемы, какъ я ее понимаю. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ оговориться, что аграрныя отношенія далеко не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, благодаря чему и аграрная проблема не вездѣ имѣетъ тождественный характеръ. Такъ земельныя отношенія во внутренней Россіи нельзя приравнивать, напримѣръ, къ тѣмъ, какія сложились въ прибалтійскомъ краѣ, съ одной стороны, и въ киргизскихъ степяхъ—съ другой. Чтобы не осложнять свою задачу, я территоріально ограничу ее коренною Россіею.

выгодный для крестьянства. Представители помѣщичьихъ интересовъ употребили всѣ усилія, чтобы обезпечить возможность веденія предпринимательскаго хозяйства, для чего, конечно, прежде всего нужно было создать источникъ необходимой для него рабочей силы. Въ этихъ видахъ не только были установлены „временно-обязанныя“ отношенія, но и самое надѣленіе землею произведено въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ крестьянство съ первыхъ же шаговъ новой жизни должно было почувствовать—и это не только сознательно, но и совершенно откровенно вводилось въ разсчетъ—„надобность въ помѣщикѣ“. Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ „высшаго надѣла“ послужили данныя о крестьянскомъ землепользованіи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина*. Уже этимъ для помѣщичьихъ хозяйствъ, былъ бы обезпеченъ запасъ „свободной“ рабочей силы, не меньшій того, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но высшій или указной надѣлъ въ дѣйствительности получили далеко не всѣ крестьяне,—„Положеніе“ допускало еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ $^1/_3$ высшаго, и кромѣ того еще дарственный, въ просторѣчіи именуемый нищенскимъ. Въ итогѣ „свободной“ рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ оказалось несравненно больше, чѣмъ сколько имѣло ея въ своемъ распоряженіи помѣщичье хозяйство до реформы.

„Свободной“,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ свободенъ извозчикъ, тщетно высматривающій себѣ сѣдока на биржѣ. Крестьяне не могли ее использовать въ собственномъ хозяйствѣ, но использовать ее было необходимо, такъ какъ иначе не возможно было удовлетворить даже тотъ уровень потребностей, какой свойственен былъ крѣпостному населенію, и даже при той численности послѣдняго, какую оно имѣло въ моментъ освобожденія. Между тѣмъ помимо удовлетворенія собственныхъ потребностей, нужно было еще выплачивать громадные выкупные платежи не только за землю, но и за души. Такъ или иначе, но освобожденные крестьяне должны были сами закабалить значительную часть своей рабочей силы.

Съ помѣщичьей точки зрѣнія было важно однако, чтобы эта рабочая сила была закрѣплена за ними. Опасеніе, что крестьяне станутъ, какъ тогда выражались, „толпами бродить по Россіи“ и что въ концѣ концовъ найдутъ себѣ землю и работу внѣ помѣщичьяго хозяйства, также наложило свою печать на реформу. Освобожденный народъ былъ прикрѣпленъ къ отведенной имъ землѣ,—прикрѣпленъ выкупными платежами, круговой порукой и цѣлымъ рядомъ другихъ крѣпостныхъ остатковъ, связавшихъ крестьянскую личность. Одною изъ главныхъ задачъ всей дальнѣйшей пореформенной политики, сдѣлалась и до сихъ поръ остается, забота, какъ бы помѣщичье хозяйство не осталось безъ рабочей силы. Какъ я уже упоминалъ, переселенія

тормозились; положеніе о наймѣ на сельскохозяйственные работы грозитъ уголовными карами тѣмъ, кто броситъ помѣщичью работу; нежеланіе наниматься къ помѣщику приравнивается къ бунту. Самый институтъ надѣльнаго землевладѣнія все время поддерживался и совершенствовался въ такомъ направленіи, при которомъ крестьяне не могутъ бросить земли, но и не могутъ отлить свое хозяйство въ свободныя формы. Спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, правительство задается, наконецъ, цѣлью „облегчить выходъ“ изъ этихъ сословныхъ рамокъ, но и то лишь для „индивидуально сильныхъ, умственно-переросшихъ крестьянскій міръ отдѣльныхъ крестьянъ“. Что касается крестьянской массы, то „воспитанная въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшая къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученая измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка“, она, по проекту В. К. Плеве, и впредь должна служить „оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ тенденцій“, а стало быть и оставаться „во всемъ своемъ своеобразіи“ въ тискахъ „особливаго сословнаго строя“ *).

Въ результатѣ освобожденные крестьяне съ самаго начала очутились и до сихъ поръ остаются въ положеніи „подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ“. Послѣдствія произведенной и поддержанной въ этомъ направленіи реформы оказались однако совсѣмъ не тѣми, какихъ, быть можетъ, ожидали въ свое время реформаторы, увлеченные цвѣтущимъ состояніемъ основаннаго на „свободномъ“ трудѣ, западноевропейскаго, и въ особенности англійскаго земледѣлія. Трудъ оказался кабальнымъ, а не свободнымъ,—не свободнымъ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ это необходимо для процвѣтанія капиталистическаго хозяйства.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ,—и въ Россіи все еще нѣтъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ особаго класса. Нѣтъ и не предвидится. Функціи рабочаго въ помѣщичьемъ хозяйствѣ выполняетъ по прежнему крестьянинъ, или сынъ его, или братъ, или сватъ—словомъ кто-нибудь изъ рода самостоятельныхъ производителей. Если не въ одномъ лицѣ, то въ одномъ дворѣ рабочій остается объединеннымъ съ крестьяниномъ. Это, несомнѣнно, одна изъ крупныхъ особенностей аграрнаго строя, какъ онъ сложился во внутреннихъ губерніяхъ. На то, чтобы онъ сложился именно въ такомъ видѣ, были конечно, свои очень вѣскія причины.

Прежде всего наслѣдственное право. Правящіе классы не оза-

*) Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

ботились,—и, можетъ быть, потому именно, что они чрезмѣрно увлеклись другою заботою, а именно: какъ бы удержать крестьянское населеніе въ деревнѣ,—и своевременно не установили ни майората ни минората для крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Только теперь, негодуя на привычку населенія „дробить землю", нѣкоторые пришли къ идеѣ недробимыхъ участковъ. Порядокъ наслѣдованія не могъ и произвольно примѣниться въ данномъ направленіи Помимо установившихся уже взглядовъ народа, не допускали этого и экономическія условія. Попавши сразу на путь эксплоатаціи, помѣщичье хозяйство не предлагало и не могло предложить, хотя бы временно, своимъ батракамъ такихъ условій, при которыхъ выступившимъ въ этой роли дѣтямъ было бы выгодно отказаться отъ доли въ наслѣдствѣ отцовъ. Обработывающая промышленность со своими несравненно болѣе выгодными заработками, достигла въ этомъ отношеніи болѣе замѣтныхъ результатовъ и хотя часть „дѣтей" удержала въ городѣ въ качествѣ освобожденныхъ рабочихъ. Но она ихъ удержала для себя, а не для сельскаго хозяйства. Съ другой стороны, обремененное сразу непосильными платежами, крестьянское хозяйство не могло бы давать необходимыхъ при майоратѣ или миноратѣ выдѣловъ. Какъ бы то ни было, но этимъ путемъ—какимъ шли и у насъ нѣкоторыя окраины—сельскохозяйственный пролетаріатъ во внутреннихъ губерніяхъ не могъ образоваться.

Былъ, конечно, другой путь,—не юридическаго, а экономическаго обезземеленія, обезземеленія не лицъ, а дворовъ. Тяжелыя матеріальныя условія, въ какихъ все время находилось крестьянство, несомнѣнно, благопріятствовали образованію такимъ путемъ безземельнаго пролетаріата. Но и на этомъ пути оказалось препятствіе—община. Сторонники предпринимательскаго хозяйства и ее, какъ крестьянскій дворъ, не рѣшились своевременно разрушить, благодаря, конечно, тѣмъ, же крѣпостническимъ тенденденціямъ, какія были все время такъ сильны въ ихъ средѣ. Только въ самое послѣднее время враждебное общинѣ теченіе усилилось въ средѣ правящихъ классовъ, хотя и не получило еще рѣшительнаго преобладанія въ правительственныхъ сферахъ,—не получило, конечно, потому, что интересы политики не всегда совпадаютъ съ интересами даже дружественной экономики.

Община въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала и существуетъ, конечно, безсильна сама по себѣ удержать населеніе отъ обезземеленія. Но, несомненно, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ она оказалась очень серьезной помѣхой на пути къ образованію сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ численность уже обезземелившагося, но оставшагося въ деревнѣ населенія ничтожна. Тамъ, можно сказать, совсѣмъ почти нѣтъ лицъ, которые жили бы исключительно работой по найму въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

При наличности общины лишь городу удавалось „освобождать“, да и то далеко не вполнѣ необходимыхъ ему рабочихъ. Что касается экономическихъ работъ, то онѣ всѣ почти выполняются крестьянскими хозяйствами въ цѣломъ ихъ видѣ сдѣльно или отдѣльными изъ ихъ состава лицами, нанимающимися на срокъ и поденно.

Впрочемъ, и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, хотя численность безземельнаго населенія значительна, однако, оно до сихъ поръ не обособилось отъ крестьянства въ качествѣ особаго класса. Сливаясь съ крестьянской массой, оно имѣетъ и общую съ нимъ психологію. И вѣковыя традиціи, и экономическія условія заставляютъ эту, уже обезземелившуюся часть населенія, все время тяготѣть къ собственному хозяйству. Даже среди городскихъ рабочихъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить ту „же тягу“, и въ русской исторіи за послѣднія десятилѣтія уже бывали случаи, что, подъ вліяніемъ измѣненія въ общихъ экономическихъ условіяхъ, происходило „обращеніе къ землѣ“ очень многихъ изъ тѣхъ, кто, казалось, окончательно переселился въ городъ. Тѣмъ сильнѣе эта тяга ощущается въ деревнѣ *) и особенно среди населенія, еще очень недавно разлученнаго со средствами производства. Тяга эта даже неизбѣжна въ виду того, что и въ данныхъ мѣстностяхъ та часть крестьянства, которая еще сохранила собственное хозяйство, принимаетъ видное участіе въ экономическихъ работахъ, благодаря чему и всѣ отношенія складываются подъ давленіемъ этого факта.

Давленіе же это громадное и всестороннее. Объединеніе въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ крестьянина и рабочаго роковымъ образомъ сказывается на положеніи того и другого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всемъ народномъ хозяйствѣ. Есть пословица: „коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“,—и она какъ нельзя болѣе примѣнима въ данномъ случаѣ къ положенію кре-

---

*) На сколько живуча въ сельскомъ безземельномъ населеніи эта мечта о собственномъ хозяйствѣ показываетъ исторія послѣдняго движенія въ Прибалтійскомъ Краѣ, гдѣ сельскій рабочій классъ въ теченіе уже столѣтія воспитывается въ неизбѣжности выпавшей ему батрацкой доли. „Кромѣ облегченій условій труда—пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (въ № отъ 4 іюля)—во многихъ мѣстностяхъ батраки (по преимуществу помѣщичьи) подняли вопросъ о возвращеніи земли крестьянамъ. Движеніе это началось среди крестьянъ помимо всякой агитаціи (какую тамъ ведутъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, соціалъ-демократы. А. П.) и потому носитъ довольно своеобразный характеръ. Завѣтная мечта о возвращеніи къ землѣ давно живетъ въ массѣ безземельнаго крестьянства. Событія послѣдняго времени не могли не отразиться на деревнѣ, породивъ въ ней разные волненія и толки. И вполнѣ естественно, что масса деревенскаго пролетаріата подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій и толковъ совершенно инстинктивно, безсознательно пришла къ убѣжденію, что теперь пришло время осуществить завѣтный идеалъ крестьянства, что въ этомъ—единственный и вѣрный исходъ изъ его бѣдственнаго положенія“.

стьянина. Необходимость продать хоть часть своей силы, необходимость отдать въ наемъ хотя бы нѣкоторыхъ членовъ семьи неизбѣжно обращаетъ бюджетъ самостоятельнаго производителя въ бюджетѣ пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ крестьяниномъ стоитъ такая дилемма: снять у землевладѣльца въ аренду землю или идти въ батраки къ нему. Онъ предпочтетъ, конечно, аренду, уплативъ за землю столько, что ему останется лишь заработная плата. Такимъ путемъ онъ сохранитъ хоть тотъ плюсъ, что самъ себѣ останется хозяиномъ. На этомъ, однако, дѣло не остановится и не можетъ остановиться. Передъ этой перспективой бросить свое хозяйство и идти въ батраки онъ пойдетъ и на дальнѣйшія уступки. Онъ уступитъ еще часть прибавочнаго продукта, получаемаго съ земли, которая принадлежитъ ему на правѣ надѣла или собственности. Идите дальше. Крестьянину не хватаетъ нѣсколькихъ рублей, чтобы свести концы съ концами,—и вотъ онъ, не желая все еще бросить хозяйства (да и какъ его бросить? вѣдь ликвидація, не говоря о прочемъ, тоже грозитъ убытками),—берется обработать „кругъ“ за 10—12 рублей, тогда какъ освобожденному рабочему, чтобы онъ не умеръ съ голоду, помѣщикъ за ту же работу долженъ былъ бы уплатить, можетъ быть, 20 рублей. Недовыручку въ заработной платѣ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, крестьянинъ покрываетъ прибавочнымъ продуктомъ, создаваемымъ въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ же поступаетъ онъ, отдавая сына въ батраки или отправляя его въ промыслы. Подъ тѣмъ же давленіемъ складываются и всѣ другія экономическія отношенія крестьянина. Въ конечномъ счетѣ онъ отдаетъ весь прибавочный продуктъ своего хозяйства,—всю прибыль и всю ренту, довольствуясь самъ лишь заработной платой. Это не апріорныя только соображенія. На основаніи данныхъ о 1313 крестьянскихъ бюджетахъ, мнѣ пришлось въ свое время показать въ цифровыхъ знакахъ, что то, что крестьянинъ получаетъ въ собственномъ хозяйствѣ, и то, что онъ зарабатываетъ на сторонѣ, составляютъ по отношенію другъ къ другу лишь ариѳметическое дополненіе до уровня заработной платы *). Въ дѣйствительности этотъ уровень нерѣдко спускается и еще ниже, ибо крестьянинъ имѣетъ возможность дѣлать уступки не только за счетъ текущихъ поступленій въ его хозяйствѣ, но и за счетъ основного капитала. И въ этомъ экономическомъ положеніи—на границѣ между разоряющимся хозяиномъ и уже освобожденнымъ отъ необходимости разоряться пролетаріемъ—онъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится его соціальная позиція.

Двусмысленное соціальное положеніе крестьянина тяжело

*) См. статью „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“. Р. Б. 1898 г. См. по этому вопросу также упомянутую выше статью „Земельныя нужды деревни“.

сказывается и на положеніе освобожденнаго рабочаго. У него нѣтъ „ариѳметическаго дополненія“, ему не изъ чего дѣлать уступки. Но бокъ-о бокъ съ нимъ работаетъ крестьянинъ, который можетъ ихъ дѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ. Благодаря этому уровень заработной платы рабочаго все время грозитъ упасть ниже уровня его жизненныхъ потребностей. На городскомъ рынкѣ, гдѣ освобожденные рабочіе составляютъ компактную массу, достаточно сильную, чтобы отстаивать свои интересы, и гдѣ вообще крестьянское вліяніе слабѣе *), это не такъ еще замѣтно. Въ общемъ городская заработная плата служитъ даже защитой для крестьянина, чѣмъ, конечно, и объясняется хоть нѣкоторый прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наблюдаемый, какъ извѣстно, лишь въ мѣстностяхъ съ широко развитымъ промысловымъ отходомъ. Но и въ городѣ, въ случаяхъ усиленнаго наплыва крестьянъ, заработная плата нерѣдко падаетъ много ниже своего нормальнаго уровня. Что касается деревенскаго пролетарія, то его положеніе, подъ вліяніемъ крестьянской конкурренціи, совершенно безвыходно. Удержать свою заработную плату на уровнѣ своихъ жизненныхъ потребностей онъ не въ силахъ. Въ этомъ, можетъ быть и заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему сельско-хозяйственный пролетаріатъ въ качествѣ особаго класса у насъ не могъ образоваться. И это, конечно, особенно сильно заставляетъ деревенскаго пролетарія тянуться къ землѣ и собственному хозяйству. Помимо всего прочаго, онъ долженъ имѣть „ариѳметическое дополненіе“, что бы не умереть съ голоду.

Уступившій весь прибавочный продуктъ крестьянинъ, само собою понятно, не можетъ совершенствовать свое хозяйство. Этимъ прежде всего и объясняется, конечно, застой и даже регрессъ, наблюдаемый, за исключеніемъ самыхъ немногихъ мѣстностей, въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но и предпринимательское хозяйство въ сферѣ сельскохозяйственной индустріи развиваться не можетъ. За счетъ прибавочнаго продукта, вырабатываемаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за счетъ не только настоящихъ, но также прошлыхъ и будущихъ его доходовъ, цѣны на землю поднялись уже до неимовѣрной высоты. Рента поглощаетъ всю прибыль и даже часть заработной платы. Это значитъ, что землевладѣльцу выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянамъ, чѣмъ вести собственное хозяйство, а стороннему капиталисту не выгодно вкладывать капиталъ въ сельскохозяйственное предпріятіе, такъ какъ за землю нужно заплатить такую цѣну, которая вовсе не оправдывается ея доходностью. Впрочемъ, собственное хозяйство вести можно, но не иначе какъ путемъ

*) Приведенныя въ статьѣ „Крестьяне и рабочіе“ данныя показываютъ, что заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ рынокъ дальше отъ деревни.

массовой эксплоатаціи рабочихъ и окрестнаго населенія. И капиталъ въ землю можно вкладывать, но опять таки не иначе, какъ въ расчетѣ присвоить доходы крестьянскаго хозяйства. Путь же техническаго прогресса для частнаго хозяйства закрытъ, ибо онъ оказывается невыгоднымъ, т. е. менѣе выгоднымъ, чѣмъ путь эксплоатаціи. И это, конечно, не случайность, что „хорошимъ“ хозяйствомъ у насъ называется такое, въ которомъ ничего научнаго нѣтъ, а есть только штрафы. Такова властная экономическая конъюнктура. Вліяніе отмѣченнаго мною факта можно было бы прослѣдить и дальше. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы читатель уяснилъ себѣ сущность аграрной проблемы. Суть ея не въ томъ, чтобы прибавить крестьянину одну или двѣ десятины, а въ томъ, чтобы измѣнить его соціальное положеніе,—въ томъ, чтобы сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. хотя бы въ сферѣ сельскаго хозяйства сдѣлать его дѣйствительно самостоятельнымъ производителемъ.

Для этого же необходимо освободить его отъ работы въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. И нужно освободить совсѣмъ. Нужно помнить, что если хотя коготокъ увязнетъ, то и всей птичкѣ пропасть придется.

Съ этой точки зрѣнія мы и просмотримъ предлагаемые планы аграрнаго преобразованія... Но на этотъ разъ я долженъ прервать бесѣду.

XXI.

Мнѣ хотѣлось бы—да я и долженъ—сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Николая —она, которая въ настоящей книгѣ закончена печатаніемъ. Задача, которую поставилъ себѣ нашъ уважаемый сотрудникъ, представляется въ высшей степени существенной. Уяснить общій смыслъ захватившихъ насъ событій—ихъ причину и общее направленіе—чрезвычайно важно, какъ и указываетъ авторъ, не только съ научной, но и съ практической стороны. Съ наукой, какъ наукой, конечно, можно было бы и подождать. Придетъ время,—и она, въ интересахъ вѣковѣчной истины, несомнѣнно, вновь пересмотритъ происходящіе на нашихъ глазахъ факты, опредѣлитъ наше къ нимъ отношеніе и наше въ нихъ участіе и дастъ всему свое безпристрастное истолкованіе. Но объективная истина, которую несравненно полнѣе и точнѣе насъ могутъ уяснить будущіе ученые, составляетъ, вѣдь, только одну половину „великой двуединой правды“. Другую половину—справедливость—въ возможныхъ предѣлахъ должны осуществить въ жизни мы, вольные и невольные участники великихъ и грозныхъ событій. И для того, чтобы сознательно выполнить роль, какую судила намъ исторія, мы должны уяснить себѣ истину

хотя бы въ той ея части, въ какой она можетъ быть сейчасъ доступна. Иначе вѣдь „благородная житейская практика, самые высокіе нравственные общественные идеалы“ могутъ оказаться „обидно-безрезультатными“...

Важная и безусловно своевременная задача представляется, однако, въ настоящую минуту въ высшей степени трудной. Мы слишкомъ близки къ событіямъ, намъ трудно окинуть ихъ однимъ взглядомъ и невозможно соизмѣрить ихъ даже перспективнымъ масштабомъ. Въ зависимости отъ разныхъ точекъ зрѣнія—болѣе или менѣе удачно выбранныхъ—можно, конечно, уяснить себѣ большую или меньшую долю истины, но все увидѣть, все высмотрѣть едва ли возможно. Помимо этого, задача истолкованія происходящихъ событій представляется тѣмъ болѣе трудной, что циклъ ихъ далеко еще не завершился. Вскрываются новыя обстоятельства, совершаются новые акты, появляются новыя силы. Статья г. Николай—она написана еще въ мартѣ. Уже это обстоятельство, независимо даже отъ нѣкотораго различія въ основныхъ положеніяхъ, заставляетъ насъ сопроводить ее небольшимъ дополненіемъ.

Переживаемый Россіею кризисъ авторъ подвергъ разсмотрѣнію „съ соціально-экономической точки зрѣнія“. Едва ли нужно даже говорить, какія громадныя преимущества она имѣетъ предъ всѣми остальными. Вставъ на эту точку зрѣнія наблюдатель получаетъ возможность охватить своимъ взглядомъ наибольшую часть происходящаго движенія и вширь и вглубь. Въ своихъ обозрѣніяхъ я лично чаще всего пользуюсь тою же исходною точкою. Едва ли, однако, было бы правильно причину переживаемаго страною кризиса сводить всецѣло къ факторамъ хозяйственнаго порядка. Оставаться все время исключительно на этой точкѣ зрѣнія, значило бы завѣдомо ограничивать свой кругозоръ, рискуя не только не понять, но и не увидѣть очень многихъ и крайне важныхъ изъ подлежащихъ изученію явленій. Отмѣчу хотя бы такой, достаточно уже опредѣлившійся фактъ. На окраинахъ—въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ—движеніе все время имѣетъ болѣе интенсивный характеръ, чѣмъ внутри Россіи. До извѣстной степени это объясняется, конечно, болѣе глубокими измѣненіями въ ихъ хозяйственномъ строѣ. Едва ли однако, крестьянское движеніе въ остзейскихъ губерніяхъ получило бы такую силу и едва ли бы оно объединило такіе разнообразные въ хозяйственномъ отношеніи элементы, если бы оно не было вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ латышей противъ исконныхъ ихъ угнетателей—нѣмцевъ. Едва ли бы движеніе въ Польшѣ было такимъ всеобщимъ, если бы не исключительное ея положеніе въ общероссійскомъ строѣ, объясняемое, какъ извѣстно, политическими, а не хозяйственными причинами. Наконецъ, движеніе на Кавказѣ едва ли было бы такимъ рѣзкимъ, если бы

опять таки не политическое положеніе этой „замиряемой“ въ теченіе многихъ уже десятилѣтій окраины и если бы не взаимные національные счеты, которые такъ сильно осложнили тамъ общій кризисъ. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что не только классовое, но и національное самосознаніе играютъ видную роль въ послѣднемъ. Укажу другой фактъ: евреи, и по собственному ихъ призванію и по наблюденіямъ департамента полиціи, особенно энергично подчеркивающаго это обстоятельство въ своихъ сообщеніяхъ, принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи. Это, конечно, и понятно въ виду исключительнаго по своей безправности положенія данной группы населенія. Еврейскій вопросъ одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ Россіи. Но трудно даже сказать, какой это вопросъ: религіозный, національный или расовый; несомнѣнно одно, что не хозяйственный. Неоднократныя попытки сторонниковъ экономическаго матеріализма подвести подъ него базисъ производственныхъ отношеній и объяснить все дѣло, напримѣръ, какими то классовыми интересами христіанской буржуазіи съ одной стороны и еврейской—съ другой, были столь неудачны, что даже останавливаться на нихъ не стоитъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что движеніе, какимъ охвачена страна, ни въ коемъ случаѣ нельзя свести,—если, конечно, въ этихъ изысканіяхъ не заходить въ глубь доисторическихъ временъ,—къ одному лишь экономическому первоисточнику, Несомнѣнно, что въ немъ нашли себѣ выраженіе не только хозяйственныя потребности населенія, но также его культурные, религіозные и многіе другіе запросы. Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, какой всесторонній характеръ имѣетъ переживаемый нами кризисъ. „Безъ числа умножившіяся и донельзя обострившіяся народныя нужды,—писалъ уже я,—слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Одинъ за другимъ возникавшіе, быстро назрѣвавшіе и безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы сплелись въ одинъ огромный узелъ“ *). И этотъ узелъ нельзя распутать, если мы все время будемъ слѣдить за одной лишь, хотя бы и самой длинной, изъ спутавшихся въ нихъ нитей.

Но и съ соціально-экономической точки зрѣнія, на которой все время остается г. Николай— онъ, движеніе представляется въ настоящее время несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ какимъ оно могло казаться еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ своей статьѣ почтенный авторъ слѣдитъ главнымъ образомъ за тѣмъ, что оказалось въ немъ общимъ для всѣхъ классовъ. „Всѣ требованія и пожеланія,—говоритъ онъ,—замѣчательно одно-

*) „Хроника внутренней жизни“. „Р. Б.“ Мартъ.

образны". „Такъ какъ рѣшительно всѣ общественные слои и профессіи,—поясняетъ онъ,—чувствуютъ на себѣ гнетъ бюрократіи и невозможность общественнаго развитія при подавленіи личной и общественной иниціативы, то всѣ они при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ тѣ же пожеланія и требованія". „Сила событій, историческая необходимость объединила въ настоящее время всѣ классы націи въ одномъ требованіи свободы самоопредѣленія". Это требованіе такъ рѣзко выдвинулось на первый планъ, что еще недавно многимъ казалось, что въ немъ то и заключается вся сила. Казалось, что всѣ классы ощущаютъ потребность сдвинуть съ мѣста застрявшій историческій возъ и что они дѣйствительно „дружно всѣ въ него впряглись".

Но это *общее*, что было и есть въ движеніи, съ каждымъ днемъ все больше и больше осложняется тѣмъ *разнымъ*, что стремятся внести участвующія въ немъ силы. „Всѣ въ него впряглись"—и, если всмотрѣться внимательно, то на этомъ въ сущности „общее" и кончается. А дальше, какъ въ баснѣ:

Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ,
А щука тянетъ въ воду.

Изъ этой троицы заниматься ракомъ сейчасъ я совсѣмъ не буду. Его роль для всѣхъ очевидна. Скажу только, что его нельзя отождествлять исключительно съ бюрократіей, что какъ будто бы слѣдуетъ изъ схемы, набросанной г. Николаемъ —ономъ. Теперь уже достаточно выяснилось, что имѣются и „общественные слои", которые желали бы двинуть исторію въ обратномъ направленіи.

Участіе русской интеллигенціи въ движеніи не менѣе важно и не менѣе очевидно, хотя до сихъ поръ ея роль многимъ представляется сомнительной или двусмысленной. Правда, еще недавно въ непроглядной темнотѣ совсѣмъ почти не было видно этого „лебедя" движенія, да и сейчасъ наиболѣе сильные и энергичные взмахи его крыльевъ можно видѣть и слышать только въ свѣтѣ молній, подъ гулъ громовыхъ раскатовъ. Но онъ первый „впрегся" и все время буквально „рвется" въ надъоблачную высь, — туда, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце. Не будь его, ракъ и щука, можетъ быть, втянули бы страну и не въ такую еще пучину бѣдствій.

Г. Николай—онъ отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ, которые отрицаютъ значеніе интеллектуальнаго фактора въ исторіи. Онъ хорошо знаетъ, что „съ развитіемъ общества... развиваются общественныя силы, стоящія болѣе или менѣе внѣ арены борьбы чисто хозяйственныхъ общественныхъ классовъ"; онъ знаетъ, что эти силы способствуютъ „уясненію и пониманію тѣхъ условій, при наличности которыхъ только и возможно развитіе общественности"; содѣйствуя развитію классоваго самосознанія онѣ служатъ раз

витію все той же „общественности въ широкомъ смыслѣ слова". Но оперируя надъ данными далеко еще не опредѣлившагося общественнаго движенія, авторъ, какъ я думаю, отнесъ на счетъ „стихійнаго" классоваго самосознанія довольно много такого, что въ сущности сдѣлано этими именно внѣхозяйственными силами.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ его тезису: „всѣ требованія и пожеланія замѣчательно однообразны"... Я уже сказалъ какъ г. Николай —онъ объясняетъ это однообразіе. Приведу, впрочемъ, еще одно мѣсто изъ его статьи. „Такъ какъ каждый изъ обособившихся классовъ населенія—говоритъ онъ—находятся въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи, каждый изъ нихъ чувствуетъ на себя ея вліяніе, хотя и не въ равной степени, такъ какъ подъ вліяніемъ новыхъ стихійныхъ условій стихійно развилось классовое самосознаніе, дѣятельное проявленіе котораго встрѣчало препятствіе со стороны бюрократіи, другими словами, такъ какъ всѣ общественные классы встрѣчали препятствіе своему общественному развитію, то неудачи неизвѣстно съ какой цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично и имущественно, объединили всѣ классы народа, какъ бы различны ни были интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія". Не стану повторять, что „однообразіе" не такъ ужъ замѣчательно, какъ это могло казаться автору, когда онъ писалъ свою статью. Главное же, и то „общее", что дѣйствительно имѣется „въ требованіяхъ и пожеланіямъ", какъ можно думать, достигнуто совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ это полагаетъ г. Николай —онъ. Не слишкомъ ли шатко его построеніе, возведенное на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, какъ выставленное имъ положеніе, что каждый обособившійся классъ находился въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи? Вѣдь ему самому пришлось допустить оговорки: „болѣе или менѣе", „не въ равной степени"... Буржуазія, напримѣръ, какъ мы знаемъ, почти вовсе не встрѣчала препятствій со стороны бюрократіи къ дѣятельному проявленію своего классоваго самосознанія. Откуда же въ ея требованіяхъ и пожеланіяхъ взялось то „общее", что насъ въ данную минуту интересуетъ? Не слѣдуетъ ли допустить, что это „общее", хотя отчасти, сложилось подъ вліяніемъ той внѣхозяйственной силы, о которой было упомянуто выше? Я говорю *отчасти* и подчеркиваю это слово, ибо ниже укажу другой, несравненно болѣе важный факторъ, обусловившій участіе буржуазіи въ „общихъ" требованіяхъ и пожеланіяхъ.

Интеллигенція, какъ моральная и интеллектуальная общественная сила, существуетъ вѣдь не только въ концентрированномъ, но, если можно такъ выразиться, и въ разлитомъ видѣ. „Общественный психическій типъ" интеллигента въ своемъ чистомъ

видѣ встрѣчается въ сущности рѣдко. Впрочемъ и другіе чистые типы не менѣе рѣдки,—это, какъ кто-то выразился, своего рода „бѣлые вороны". Возьмите хотя бы типъ пролетарія. Загляните въ душу зауряднаго рабочаго: какую массу чисто буржуазныхъ чувствъ, склонностей и воззрѣній вы въ ней найдете! Элементы пролетарской психологіи у громаднаго большинства лицъ изъ рабочаго класса перемѣшаны съ другими, не только не имѣющими ничего съ ними общаго, но и прямо имъ противоположными. Рабочіе съ чисто пролетарской душой очень еще немногочисленны. Немногочисленны и интеллигенты, всецѣло отдавшіе себя служенію „общественности въ широкомъ смыслѣ этого слова". Но элементы интеллигентности присущи очень уже многимъ людямъ, изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ,—и изъ среды рабочихъ, и изъ среды буржуазіи.

Однимъ они, конечно, присущи въ большей степени, другимъ—въ меньшей. И даже одинъ и тотъ же человѣкъ въ разное время проявляетъ далеко неодинаковую отзывчивость къ интересамъ „общественности". Въ качествѣ примѣра укажу хотя бы на учащуюся молодежь, которая такъ близко принимаетъ къ сердцу эти интересы, а потомъ, разойдясь по разнымъ тепленькимъ мѣстамъ, быстро утрачиваетъ всѣ черты интеллигентности.

Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ „буржуазныхъ" собраніяхъ, созывавшихся для выраженія всякаго рода „пожеланій и требованій", могли получить преобладаніе мотивы, не имѣющіе ничего общаго съ хозяйственными расчетами. „Неудачи неизвѣстно съ какою цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично и имущественно" всколыхнули во многихъ, быть можетъ, заглохшія чувства и заставили ихъ включить въ свои требованія такія вещи, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ хозяйственнымъ интересамъ и даже находятся въ противорѣчіи съ ними. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что „общее" въ требованіяхъ и пожеланіяхъ сводится главнымъ образомъ къ „свободѣ самоопредѣленія", потребность въ которой особенно сильно ощущаетъ не буржуазія, а именно интеллигенція.

По отношенію къ нѣкоторымъ „профессіямъ", относимымъ обыкновенно къ буржуазіи, мое предположеніе можно высказывать съ полною увѣренностью: въ требованіяхъ и пожеланіяхъ адвокатовъ, инженеровъ, врачей и т. д., несомнѣнно, сказался не хозяйственный классъ, а существующая внѣ хозяйственныхъ отношеній интеллигенція. Но и по отношенію даже къ такой средѣ, какъ среди крупныхъ промышленниковъ, мое предположеніе нельзя считать слишкомъ рискованнымъ. Мѣсяца два тому назадъ умеръ крупный фабрикантъ, смерть котораго породила разные толки въ обществѣ. Говорятъ, что этотъ далеко не старый еще человѣкъ передъ смертью пережилъ тяжелую душевную драму.

Высказывавшійся на всѣхъ собраніяхъ въ высшей степени либерально, оказывавшій даже матеріальную поддержку радикальнымъ „требованіямъ“, онъ не перенесъ испытанія, когда тѣ же самыя требованія предъявили къ нему рабочіе его собственной фабрики. Допустимъ даже, что эта драма вымышлена. Во всякомъ случаѣ элементы ея имѣются въ душѣ уже многихъ представителей капитала. Буржуазная душа уже попорчена, — у однихъ, конечно, больше, у другихъ меньше. И едва ли въ наши дни буржуазія въ цѣломъ можетъ проявить такую жестоковыйность, какую она проявляла въ прежніе вѣка. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи тотъ фактъ, что промышленники выдѣлили изъ своей среды не только г. Найденова, но и Савву Морозова. Разницу въ ихъ отношеніяхъ къ „общимъ“ требованіямъ едва ли можно объяснить исключительно разницей въ интересахъ или въ пониманіи ихъ. Вѣроятнѣе другое предположеніе, а именно, что въ душу одного были привнесены извнѣ такія воззрѣнія и чувства, какихъ не оказалось у другого.

Я высказываю свои предположенія, конечно, не за тѣмъ, чтобы попорченную буржуазную душу возвести на пьедесталъ. Совершенно напротивъ: я хочу указать, какъ опасно полагаться на то, что „всѣ классы, какъ бы различны ни были интересы каждаго въ отдѣльности, объединились на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія“. Ожившія чувства могутъ, вѣдь, заглохнуть, пожеланія и требованія легко могутъ оказаться, да неизбѣжно и окажутся въ противорѣчіи съ реальными интересами. И тогда мы воочію увидимъ, что нѣкоторые классы играютъ въ движеніи роль „щуки“.

„А щука тянетъ въ воду“... Это не мое выраженіе. Его употребилъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Сѣверянинъ и именно по отношенію къ крупнымъ промышленникамъ.

Присматриваясь попристальнѣе,—говоритъ онъ,—мы безъ труда подъ волнующейся, прорывающейся чрезъ искусственныя плотины жизнью настоящаго момента отличимъ явленія совсѣмъ иного рода и увидимъ, какъ подъ шумъ крупнаго историческаго движенія тысячи и десятки тысячъ дѣловыхъ людей разнаго масштаба „ведутъ свою линію“ и при посредствѣ старыхъ, давно испытанныхъ средствъ усиленно работаютъ ради совершенно тѣхъ же цѣлей, ради которыхъ работали и годъ, и два, и десять лѣтъ назадъ *).

Г. Сѣверянинъ приводитъ и факты, наглядно рисующіе, какъ щука тянетъ въ воду, какъ свободные отъ внѣшняго воздѣйствія дѣльцы рвутъ куски за счетъ военныхъ несчастій и даже за счетъ неосуществившихся еще реформъ. Въ своихъ обозрѣніяхъ я еще вернусь къ этому вопросу и въ частности къ „требованіямъ и пожеланіямъ“ промышленниковъ, которыя не мало заключаютъ въ себѣ любопытнаго. Сейчасъ же я отмѣчу лишь одно обстоятельство, которое ввело въ заблужденіе даже Николая —она.

*) „Русскія Вѣдомости“. „Изъ Крыловскихъ аллегорій“.

„Что главная причина (январской) забастовки—говоритъ между прочимъ онъ—лежала не въ хозяйственныхъ условіяхъ, а въ общихъ, единогласно свидѣтельствуютъ фабриканты и заводчики". Дѣйствительно во всѣхъ почти своихъ заявленіяхъ и петиціяхъ промышленники неуклонно настаиваютъ, что причина рабочихъ волненій лежитъ всецѣло въ общихъ политическихъ условіяхъ, а не въ ихъ экономическомъ положеніи, что дѣло не въ рабочемъ днѣ, не въ заработной платѣ и не въ другихъ рабочихъ требованіяхъ, а только въ „свободѣ самоопредѣленія". Но развѣ можно опираться на такое свидѣтельство,—на свидѣтельство щуки, увѣряющей, что пискарь вполнѣ доволенъ ея съ нимъ обхожденіемъ? Въ данномъ случаѣ можно вѣрить только самимъ рабочимъ, а въ ихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ экономическія нужды несомнѣнно предшествуютъ даже политическимъ. Если же щука увѣряетъ противное, то это значитъ только, что она хоть половину воза желаетъ утянуть въ воду.

Впрочемъ, и по отношенію къ свободѣ самоопредѣленія она все время виляетъ. Фактовъ можно было бы привести много, но я ограничусь однимъ. Промышленники уже собрались въ Петербургѣ, чтобы вмѣстѣ съ бюрократіей—при полномъ отсутствіи представителей отъ рабочихъ—рѣшить рабочій вопросъ. Но въ этотъ самый моментъ разразилась Цусимская катастрофа. Положеніе бюрократіи сдѣлалось очень шаткимъ, дружба съ ней перестала быть заманчивой,—и тогда промышленники предъявили свою знаменитую декларацію: не желаемъ-де обсуждать вопросъ прежде, чѣмъ будутъ собраны народные представители. Бюрократія пережила, однако, трудный моментъ, и вотъ промышленники опять ведутъ съ него какіе то закулисные переговоры *).

Лебедь, щука, ракъ... Читателю можетъ быть уже слышится заключительный аккордъ басни:

...Но только возъ и нынѣ тамъ...

Неужели же возъ такъ и останется, неужели же исторія не двинется? Да! чтобы сдвинуть возъ, нуженъ волъ. Къ счастію, волъ имѣется. Это, конечно, рабочій народъ—подъяремный волъ исторіи. Вѣдь это онъ заставляетъ такъ вилять щуку, что въ трудную минуту она готова согласиться и на свободу самоопредѣленія. И онъ же окрыляетъ лебедя.

Онъ одинъ въ сущности тащитъ тяжелый историческій возъ на крутую гору. Медленно и неуклюже, но онъ поднимается все выше, выше. Рано или поздно онъ втащитъ исторію туда, куда такъ страстно рвется лебедь,—въ надъоблачную высь, гдѣ свѣтитъ солнце.

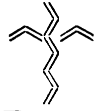
А. Пѣшехоновъ.

---

*) См. „Русь" отъ 15 іюля.

Случайныя замѣтки.

Красный Крестъ въ борьбѣ съ проституціей. Въ екатеринбургской газетѣ „Уралъ“ въ маѣ мѣсяцѣ на первой страницѣ нѣсколько разъ было помѣщено такое объявленіе:

согласно постановленія Екатеринбургскаго Комитета Общества

Краснаго Креста

исключены изъ состава отряда, отправленнаго въ Харбинъ 8-го Марта с. года г-жи: Л И. Сотникова, А. В. Устюжанина, М. Г. Бернштейнъ и С. С. Тарасова, о чемъ Комитетъ и доводитъ до общаго свѣдѣнія.

Предсѣдательница Л. ФАДѢЕВА.

Объявленіе привлекло общее вниманіе своею необычностью и „проницательному читателю“, конечно, было надъ чѣмъ задуматься. Извѣстно же, что провинціальный читатель — читатель проницательный. „За что же это сестрицъ-то погнали? Стало быть за „хорошія дѣла“! Недаромъ и публику предостерегаютъ“... Да и какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть сомнѣнія: состоялось вѣдь „постановленіе“, оно скрѣплено подписью предсѣдательницы и даже освящено знакомъ креста, хотя на сей разъ почему то и изломаннаго. И догадка легко превращается въ увѣренность...

Я думаю, однако, что лучше огласить факты, насколько, по крайней мѣрѣ, таковые извѣстны мѣстнымъ обывателямъ.

Екатеринбургскій комитетъ Краснаго Креста, подобно другимъ комитетамъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи, на свои средства снарядилъ на театръ военныхъ дѣйствій санитарно-врачебный отрядъ, каковой 8-го марта текущаго года и былъ отправленъ въ вѣденіе и распоряженіе главнаго управленія Краснаго Креста въ дѣйствующей арміи. Въ таковомъ отрядѣ были и сестры милосердія, пошедшія, конечно, по добровольному и искренному желанію помочь родинѣ въ годину тяжелыхъ ея бѣдъ. Безъ всякаго сомнѣнія этотъ фактъ для даннаго времени ничего необычайнаго не представляетъ и не допускаетъ даже мысли о возникновеніи на этой почвѣ какихъ-либо инцидентовъ.

Весь санитарный отрядъ, а значитъ и сестеръ милосердія, торжественно проводили, пожелали счастливаго пути, благополучнаго возвращенія и проч., поплакали и дѣлу конецъ. Поѣздъ унесъ ихъ къ великому святому дѣлу.

Прошло мѣсяца полтора или немного болѣе и по городу здѣсь

стали циркулировать какія-то непонятныя и тревожныя вѣсти о только что отправленныхъ сестрахъ, которыя, конечно, встревожили болѣе всего лицъ, близкихъ къ сестрамъ. Говорили, что *семь сестеръ* этого отряда только что прибывъ въ Харбинъ, т. е., конечный свой пунктъ, немедленно же возвращаются въ г. Екатеринбургъ, но почему—никто не зналъ и всякій толковалъ по своему. Вскорѣ же слухъ подтвердился. Однажды въ г. Екатеринбургъ прибыли семь только что отправленныхъ сестеръ, въ сопровожденіи одной заслуженной, увѣшанной орденами, сестры милосердія. Немедленно же стало извѣстнымъ, что эти сестры милосердія (имена четырехъ изъ нихъ извѣстны по приложенному объявленію) исключены и отправлены обратно для суда мѣстнаго (т. е. екатеринбургскаго) комитета Краснаго Креста—*за дурное поведеніе.*

Дурное же поведеніе выразилось въ слѣдующемъ. Сестры милосердія, отправленныя изъ Екатеринбурга 8 марта, добрались до Иркутска, утомились дорогой и рѣшили здѣсь сдѣлать дневку: отдохнуть, осмотрѣть столицу Сибири, помыться, почиститься, конечно, не подозрѣвая того, что сѣвши въ санитарный вагонъ и надѣвъ на рукавъ знакъ Краснаго Креста—онѣ уже лишились права что-либо желать безъ разрѣшенія начальства. Начальство же имъ заявило, что дневки имъ не разрѣшитъ и съ вокзала отпуска въ городъ не дастъ. Сестры возмутились этимъ лишеніемъ ихъ права отдохнуть и, не взирая на приходъ начальства, отправились въ городъ, пробыли тамъ весь день и, говорятъ, ночевали въ городскихъ номерахъ. Въ этомъ ихъ преступленіе. Какъ бы тамъ ни было, но всѣ семь сестеръ, сдѣлавъ остановку въ Иркутскѣ, продолжали путь дальше и прибыли благополучно въ Харбинъ. Увы! не надолго.

Прибывъ въ Харбинъ и представившись начальству—онѣ, по распоряженію представителя Краснаго Креста (кажется, кн. Васильчикова), немедленно были препровождены въ мѣстную тюрьму (?!), а оттуда отправлены снова въ Екатеринбургъ подъ надзоромъ заслуженной, увѣшанной орденами сестры милосердія, для преданія ихъ суду мѣстнаго комитета.

И екатеринбургскій комитетъ съ честью выполнилъ свои судейскія функціи. Онъ закрылъ двери своего засѣданія, но за то приговоръ опубликовалъ въ газетахъ. Судъ былъ правый, и три сестры, повидимому, были оправданы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ былъ и строгій: комитетъ сурово осудилъ остальныхъ „развратницъ“ и своею публикаціею всѣмъ имъ выдалъ по желтому билету.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе и апеллировать некуда. Четыре женщины изгнаны, опозорены и возвращены на родину, въ родные углы, гдѣ ихъ ждутъ мучительные вопросы: „За что?“ „Какъ?“ „Почему?“ „Правда-ли?“

А на улицѣ пьяные мастеровые улюлюкаютъ при видѣ „сестры" и острятъ на ея счетъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

Порокъ наказанъ .. Но почему же карающая десница тяжело опустилась только на аднѣхъ беззащитныхъ женщинъ? Если сестры дѣйствительно „кутили" въ Иркутскѣ съ офицерами, то почему же въ такомъ случаѣ не возвращены за „дурное поведеніе" и эти самые офицеры? Не потому ли, что если бы за это возвращать съ Востока, то русская армія осталась бы не только безъ офицеровъ, но, пожалуй, и безъ генералитета?

А затѣмъ, всетаки, гдѣ же гарантіи безошибочности екатеринбургскихъ охранителей добродѣтели, присвоившихъ себѣ право такъ безпощадно карать „дурное поведеніе"?

Ник. Беккаревичъ.

P. S. (Отъ редакціи). Газеты сообщили, что одна изъ сестеръ, упомянутыхъ въ объявленіи екатеринбургскаго комитета,—г-жа Бернштейнъ,—по ея просьбѣ была освидѣтельствована тремя врачами и тремя акушерками, при чемъ оказалось, что она дѣвственница...

Изъ исторіи крестьянскаго представительства. Многіе съ сомнѣніемъ и опасеніемъ спрашиваютъ, достаточно ли созрѣла для самостоятельнаго участія въ политической жизни наиболѣе многочисленная у насъ часть населенія—крестьянство и въ состояніи ли она настолько уразумѣть и оцѣнить новую форму правленія, чтобы воспользоваться своими правами вполнѣ сознательно? Не сдѣлаются-ли крестьяне-избиратели жертвой разныхъ темныхъ проходимцевъ, и не очутятся ли крестьяне-депутаты въ роли слѣпого орудія въ рукахъ людей, которые вздумаютъ направлять ихъ сообразно собственнымъ выгодамъ и цѣлямъ?

Предполагая несомнѣннымъ, что крестьянство успѣшно выдержитъ экзаменъ политической зрѣлости, я хочу въ подтвержденіе этого представить здѣсь одну историческую справку, которая, надѣюсь, не лишена будетъ интереса именно въ настоящій моментъ, когда мы стоимъ предъ спущенной завѣсой неизвѣстнаго будущаго... Справка эта касается перваго выступленія крестьянина на политической аренѣ (въ австрійскомъ парламентѣ 1848 года), и она имѣетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является представитель того же народа, котораго и въ Россіи насчитывается 25 милліоновъ—крестьянинъ-украинецъ изъ Галиціи Капущакъ. Его рѣчь въ вѣнскомъ парламентѣ прошумѣла въ свое время по всей Австріи, возбуждая всеобщее удивленіе предъ ясностью понятій, здравымъ смысломъ и силой убѣжденія простого, необразованнаго „хлопа".

Какъ извѣстно, въ 1848 г. было уничтожено въ Австріи крѣпостное состояніе, прежде всего—въ Галиціи и Силезіи. Первой

сессіи австрійскаго парламента предстояла трудная задача произвести ликвидацію крѣпостного строя; больше всего разногласій и страстныхъ преній вызвалъ вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за утрату ими даровой рабочей силы въ лицѣ освобожденныхъ крестьянъ. Владѣльческіе аппетиты, какъ обыкновенно, обнаружились съ полной силой, но, съ другой стороны, искренніе друзья народа упорно отстаивали народные интересы, и пренія затянулись больше, чѣмъ на мѣсяцъ. Во время дебатовъ поднимается и проситъ слова характерная фигура въ крестьянской одеждѣ, оказавшаяся украинцемъ изъ Галиціи, Капущакомъ.

„Я хочу говорить,—началъ онъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ, —о вознагражденіи помѣщикамъ въ Галиціи и Силезіи. Непреходящая справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто противъ своей воли отдаетъ что-нибудь, получилъ за это вознагражденіе. Но та же справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто пользуется чѣмъ-либо, не имѣя на то права, самъ возмѣстилъ эту несправедливую выгоду. Въ какомъ положеніи находятся наши помѣщики въ Галиціи, ясно будетъ изъ нижеслѣдующаго. Допустимъ, что по закону помѣщики имѣли право требовать съ насъ барщину, но удовлетворялись ли они законной нормой? Нѣтъ и еще разъ нѣтъ! Если вмѣсто 100 дней насъ заставляли работать на помѣщика 300, если мы вынуждаемы были работать три, четыре дня въ недѣлю, а иногда и цѣлую недѣлю, а помѣщикъ все это считалъ намъ за одинъ день, то я спрашиваю васъ, господа, кто долженъ уплатить вознагражденіе: крестьянинъ или помѣщикъ?

„Ба—говорятъ—помѣщикъ обращался съ крестьяниномъ хорошо“. Это правда! Но... хорошее обращеніе состояло въ томъ, что, когда крестьянинъ проработаетъ всю недѣлю, въ воскресенье или праздникъ онъ получалъ угощеніе: его заковывали въ кандалы и запирали въ конюшнѣ, чтобы на слѣдующей недѣлѣ онъ не опаздывалъ на работу... И за это помѣщики должны получить вознагражденіе?

„И еще говорятъ: „помѣщикъ милостивый“. И это правда, ибо измученному крѣпостному онъ внушалъ усердіе... плетями. Если кто-нибудь жаловался, что его лошадь не въ силахъ выполнить назначенную работу, то что получалъ въ отвѣтъ? „Запряги себя самого и свою жену!“ или: „гоните его (на работу)! Я помѣщикъ, у меня есть деньги—я заплачу и отвѣчу за все“.

„Еще говорятъ: „господа охраняютъ крестьянъ, ихъ права и собственность“. Это также правда: у одного они отняли часть поля, у другого—пастбище. И за такое благодѣяніе имъ должно быть выдано вознагражденіе? Нѣтъ!

„Наконецъ утверждаютъ: „помѣщики намъ, крестьянамъ, „подарили“ барщину“. Какой же это, однако, даръ, если за него потомъ требуютъ вознагражденія? Но я и самого то дара не вижу. Когда имъ облагодтельствовали насъ? Можетъ быть, въ 1846 г.?

Или въ январѣ настоящаго года? Или 8 и 9 марта? Нѣтъ, только 17 апрѣля, когда сыны нѣмецкаго народа собственной жизнью оплатили наши права. Имъ должны мы и быть благодарны, да еще благодѣтельному „цисарю", который откликнулся на справедливыя желанія своего народа.

„Я обращаюсь къ высокому парламенту и спрашиваю, за что мы должны платить помѣщикамъ? Вѣдь даръ ихъ пришелъ слишкомъ поздно. Здѣсь, среди насъ, имѣется сотня свидѣтелей того, что насъ считали не людьми, не подчиненными, не крестьянами Галиціи и Силезіи, а закрѣпощенными машинами, рабами, наиболѣе низкой породой существъ. За 300 шаговъ отъ помѣщичьяго дворца мы должны были снимать шапки, и если бѣдный мужикъ имѣлъ нужду къ помѣщику, онъ долженъ былъ предварительно дать взятку приближенному еврею, такъ какъ послѣдній имѣлъ доступъ къ помѣщику, а крестьянинъ его не имѣлъ. Если бѣдный мужикъ хотѣлъ взойти на ступеньки помѣщичьяго дома, ему говорили: „останься во дворѣ, ибо осквернишь собой дворецъ: отъ мужика воняетъ, и помѣщикъ не можетъ выносить твоего запаха въ своихъ аппартаментахъ".

„И за такое издѣвательство мы должны еще платить выкупъ? Я полагаю—нѣтъ! Плети и нагайки, которыя обвивались вокругъ нашихъ головъ и нашего измученнаго тѣла—пусть онѣ послужатъ вознагражденіемъ помѣщикамъ!" *).

„Ни одна рѣчь, — говорилъ по этому поводу современникъ Захеръ, — въ теченіе продолжительныхъ дебатовъ надъ уничтоженіемъ крѣпостного права и по вопросу о выкупныхъ платежахъ, не произвела такого могучаго впечатлѣнія, какъ эти слова простого галицкаго крестьянина. Отъ перваго и до послѣдняго слова здѣсь не было ни одной лишней фразы, а только правда и мужественный гнѣвъ; возмущеніе и ненависть милліоновъ прорывались въ каждомъ словѣ".

Нечего и говорить, что галицкое крестьянство 1848 года, только наканунѣ получившее свободу, по своей интеллигентности, умственному развитію и способности къ пониманію положенія стояло не выше нашего современнаго крестьянства! И, однако, если уже тогда оно выдвинуло изъ своей среды личностей, подобныхъ Капущаку, если уже въ 1848 году можно было услышать отъ представителя деревни сильное, правдивое и сознательное слово, то есть полное основаніе думать, что милліоны украинскихъ соплеменниковъ Капущака и вообще крестьянство Россіи и теперь выставитъ искреннихъ, смѣлыхъ и сознательныхъ борцовъ за правду, справедливость и истинные интересы пославшаго ихъ народа... **С. Ефремовъ.**

---

*) Рѣчь эта приведена по-украински г. Франкомъ въ сочиненіи „Панщина і її скасоване в 1848 р.". Львовъ, 1898, стр. 93—95.

Изъ разсужденій о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались статьи г. Ѳ. Кокошкина „Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи“. Да позволено намъ будетъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ статей.

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, г. Кокошкинъ о всеобщемъ голосованіи:

При полной расшатанности законности въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ нужно укрѣпить верховную власть на незыблемомъ основаніи, а это можетъ дать только народное представительство, собранное всеобщимъ голосованіемъ. Во всеобщемъ избирательномъ правѣ кроется тотъ секретъ могущества, который повелѣваетъ и господствуетъ надъ людьми. Оно есть величайшая политическая сила новѣйшаго времени.

Нельзя указаніемъ на изъяны и недостатки, свойственные демократическимъ государствамъ Западной Европы, отвергать демократическія основанія для преобразованій въ Россіи. Безъ участія народныхъ массъ у насъ невозможны никакія прочныя реформы, невозможенъ переходъ отъ стараго порядка къ новому. Вѣчные страхи за привитіе русскому народу пороковъ западной цивилизаціи могутъ лишь парализовать всякое преобразовательное движеніе. Было время, когда и во всеобщемъ обученіи не хотѣли видѣть ничего, кромѣ вреда, разложенія добрыхъ, патріархальныхъ нравовъ русской деревни, и теперь изъ боязни развращающаго вліянія политической прессы на общественное мнѣніе отрицаютъ свободу слова. Но современное общество не можетъ обходиться безъ всеобщаго обученія, безъ свободной политической прессы... Всеобщее избирательное право наравнѣ со всеобщимъ обученіемъ является необходимымъ условіемъ современнаго прогресса... Во всеобщемъ избирательномъ правѣ осуществляется признаніе равенства всѣхъ въ высшей области государственныхъ полномочій; отсюда его огромный нравственный вѣсъ. Возвышенное общественное сознаніе не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы кто-либо былъ выброшенъ за бортъ государственнаго корабля, чтобы оставались разряды полноправныхъ гражданъ и отверженныхъ, лишенныхъ правъ. Современное общественное мнѣніе не мирится съ неравенствомъ, подобно тому, какъ оно перестало мириться съ рабствомъ, отвергло крѣпостное право. Россія пережила время высокаго подъема нравственныхъ силъ, когда настало освобожденіе крестьянъ, въ судахъ было признано равенство всѣхъ передъ закономъ, и въ новыхъ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, бывшій владѣлецъ крѣпостныхъ душъ и бывшій крѣпостной были призваны на общее дѣло. Русское общественное мнѣніе глубоко проникнуто демократическими идеалами. Безъ равенства у насъ невозможна и политическая свобода. Пусть не ссылаются на то, что русскій народъ не сознаетъ и не желаетъ правъ. Какъ провѣрить и угадать затаенныя желанія народа? Болѣе всего нужно избѣгать, чтобы при торжествѣ свободы не было обездоленныхъ и недовольныхъ. Новыя свободныя учрежденія должны привлечь къ себѣ расположеніе всѣхъ, любовь народа. Нельзя, чтобы народъ могъ почувствовать себя обойденнымъ... Немедленное примѣненіе въ Россіи широкихъ демократическихъ началъ кажется иногда мыслью слишкомъ смѣлой и опасной... Противъ возможности осуществленія всеобщаго голосованія въ Россіи выставляется то возраженіе, что русскій народъ политически совершенно не развитъ и что крестьянская масса въ огромномъ большинствѣ даже безграмотна; съ другой стороны, русское образованное общество не представляетъ изъ себя политической силы и, будучи отчужденнымъ отъ крестьянства, не можетъ имѣть на него вліянія. При такихъ условіяхъ окажется ли русскій народъ подготовленнымъ къ

представительному образу правленія? Прежде всего вопросъ о подготовленности или неподготовленности народа къ свободнымъ учрежденіямъ есть одна изъ такихъ политическихъ теоремъ, которыя не могутъ быть съ точностью доказаны. Правительства и правящіе классы обыкновенно бываютъ склонны отказывать народнымъ массамъ въ политической зрѣлости, въ ихъ глазахъ подданные всегда представляются неподготовленными... Правда, крестьянская масса мало развита и безправна, русское общество политически невоспитано, между народомъ и образованными классами — взаимное отчужденіе. Но всякое промедленіе въ реформахъ только усиливаетъ зло. Трудности, несомнѣнно, велики, но онѣ не являются непреодолимыми преградами, разъ жизненное развитіе Россіи требуетъ коренныхъ преобразованій. Нельзя забывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ существующимъ строемъ соединено столько привычекъ и интересовъ, что правильное сужденіе во многомъ затемнено укоренившимися понятіями и предразсудками. Новыя условія пугаютъ своею неизвѣстностью, порождаютъ преувеличенные страхи и опасенія... Такъ было при судебной реформѣ, такъ было при созданіи земскихъ и мировыхъ учрежденій...

Прочитавъ такую горячую апологію всеобщности избирательнаго права, мы никакъ не могли ожидать, чтобы въ слѣдующемъ номерѣ авторъ заговорилъ совсѣмъ другимъ голосомъ объ избирательномъ правѣ женщинъ. А объ этомъ онъ говоритъ слѣдующее:

Гораздо болѣе спорнымъ представляется вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ, разрѣшаемый на практикѣ отрицательно во всѣхъ государствахъ. Какъ разъ въ настоящее время въ широкихъ кругахъ русскаго общества существуетъ сильное теченіе въ пользу политической равноправности обоихъ половъ. Нельзя не признать, что этому теченію трудно противопоставить какіе-либо аргументы принципіальнаго характера. Но, съ другой стороны, не безъ основанія указываютъ на тѣ огромныя практическія затрудненія, съ которыми связано немедленное разрѣшеніе „женскаго вопроса". Идея политическихъ правъ женщины еще не получила всеобщаго признанія не только въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ государствахъ Запада; въ настоящее время она осуществлена лишь въ немногихъ большихъ странахъ, живущихъ въ своеобразныхъ политическихъ условіяхъ, во многомъ рѣзко отличающихся отъ условій политической жизни европейскихъ народовъ (именно, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи; въ самой Англіи женщины, но лишь незамужнія и вдовы, допущены только къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, съ предоставленіемъ имъ права избирать и быть избранными въ мелкихъ единицахъ самоуправленія и одного активнаго избирательнаго права въ высшихъ самоуправляющихся союзахъ). Можно опасаться, что и у насъ эта идея, не смотря на популярность ея въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества, встрѣтитъ недовѣріе и противодѣйствіе въ значительной части населенія. Нельзя игнорировать также того обстоятельства, что въ Россіи процентъ грамотности среди женщинъ въ общемъ болѣе чѣмъ втрое ниже, чѣмъ среди мужчинъ и что поэтому немедленное предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ едва ли будетъ способствовать большей сознательности выборовъ. Кромѣ того, участіе въ выборахъ лицъ женскаго пола будетъ, по всей вѣроятности, крайне неравномѣрно: въ городахъ оно будетъ сильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, среди христіанскаго населенія разовьется быстрѣе и шире, чѣмъ среди магометанскаго. Между тѣмъ, при численномъ равенствѣ и даже преобладаніи женскаго населенія, такая неравномѣрность можетъ совершенно извратить количественное соотношеніе различныхъ группъ населенія, давъ большинство менѣе многочисленной группѣ, и наоборотъ. Конечно, всѣ эти

препятствія нельзя считать непреодолимыми, но во всякомъ случаѣ было бы едва ли согласно съ политической мудростью, имѣя передъ собой столь сложную и трудную задачу, какъ введеніе народнаго представительства въ Россіи, осложнять ее, безъ крайней въ томъ нужды, одновременнымъ разрѣшеніемъ не менѣе труднаго вопроса, еще не вполнѣ назрѣвшаго въ общественномъ сознаніи. Было бы, повидимому, осторожнѣе ограничиться на первыхъ порахъ допущеніемъ женщинъ къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, отсрочивъ дальнѣйшее расширеніе ихъ правъ до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса.

Попробуемъ теперь приложить доводы автора противъ избирательнаго права женщинъ къ вопросу о всеобщности избирательнаго права, и мы увидимъ, что всеобщее голосованіе такъ же, пожалуй, „было бы осторожнѣй отсрочить до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса“.

Спорнымъ представляется вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, разрѣшаемый отрицательно во многихъ государствахъ. Въ настоящее время въ широкихъ кругахъ русскаго общества существуетъ сильное теченіе въ пользу всеобщности голосованія. Нельзя не признать, что этому теченію трудно противопоставить какіе-либо аргументы принципіальнаго характера. Но, съ другой стороны, не безъ основанія указываютъ на тѣ огромныя практическія затрудненія, съ которыми связано немедленное введеніе всеобщаго избирательнаго права. Эта идея еще не получила всеобщаго признанія не только въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ государствахъ Запада; въ настоящее время она осуществлена въ полномъ видѣ далеко не во всѣхъ государствахъ, имѣющихъ представительное правленіе. Въ самой Англіи лицо, платящее менѣе 10 фунт. стерлинговъ въ годъ за квартиру, не пользуется правомъ голоса при выборахъ въ парламентъ. Можно опасаться, что и у насъ эта идея, несмотря на популярность ея въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества, встрѣтитъ во многихъ недовѣріе и противодѣйствіе въ значительной части общества. Нельзя игнорировать такъ же того обстоятельства, что въ Россіи процентъ грамотности среди населенія во много разъ ниже, чѣмъ въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи, и что поэтому немедленное предоставленіе всему народу избирательныхъ правъ едва ли будетъ способствовать особой сознательности выборовъ (Можно еще сослаться при этомъ на Д. С. Милля, который въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о представительномъ правленіи не допускаетъ, „чтобы человѣкъ неграмотный и не знающій первыхъ правилъ ариѳметики, могъ участвовать въ выборахъ“). Кромѣ того, участіе въ выборахъ всего населенія будетъ, по всей вѣроятности, крайне неравномѣрно: въ городахъ оно будетъ сильнѣй, чѣмъ въ деревнѣ, среди католическаго, протестантскаго

и еврейскаго насенія разовьется быстрѣе и шире, чѣмъ среди православнаго (и всего меньше привьется у инородцевъ). Между тѣмъ, при численномъ превосходствѣ православнаго населенія, такая неравномѣрность можетъ совершенно извратить количественное соотношеніе различныхъ группъ населенія, давъ большинство менѣе многочисленной группѣ, и наоборотъ. Конечно, всѣ эти препятствія нельзя считать непреодолимыми, но во всякомъ случаѣ было бы едва ли согласно съ политической мудростью, имѣя передъ собой столь сложную и трудную задачу, какъ введеніе народнаго представительства въ Россіи, осложнять ее, безъ крайней въ томъ нужды, одновременнымъ введеніемъ такой крайней и не вполнѣ еще созрѣвшей въ общественномъ сознаніи мѣры, какъ всеобщее голосованіе На основаніи всего вышеизложеннаго не трудно придти къ заключенію, что было бы, повидимому, осторожнѣй ограничиться цензовыми и другого рода ограничительными выборами, отсрочивъ введеніе всеобщаго избирательнаго права до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса.

Вотъ какъ, пользуясь аргументами г. Кокошкина противъ избирательнаго права женщинъ, можно придти къ отрицанію всеобщаго избирательнаго права.

Попробуйте, съ другой стороны, еще разъ прочесть авторскія доказательства необходимости всеобщаго избирательнаго права и замѣните послѣдній терминъ словами „избирательное право женщинъ". Тогда у васъ получится полная и краснорѣчивая апологія этого послѣдняго права. Въ самомъ дѣлѣ: если въ Западной Европѣ женщины не имѣютъ права голоса на выборахъ, то развѣ слѣдуетъ изъ этого, что женщины должны быть лишены этого права и Россіи?" Нельзя указаніемъ на недостатки и изъяны, свойственные демократическимъ государствамъ и т. д." Такому аргументу, съ совершенно одинаковымъ правомъ, можно противопоставить тотъ фактъ, что въ Новой Зеландіи и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки женщины имѣютъ избирательное право. Г. Кокошкину этотъ фактъ кажется вовсе не убѣдительнымъ, потому что тамъ, видите ли, „своеобразныя условія", а въ Россіи съ Европой, надо думать, условія по этой части совершенно тождественныя, и положеніе русской женщины, рѣзко разнясь съ положеніемъ новозеландки и американки, ни на волосъ не отличается отъ положенія француженки, нѣмки, итальянки и пр.

Пропуская историческія параллели относительно всеобщаго обученія и всеобщаго избирательнаго права, которыя одинаково могутъ быть приложены и къ избирательному праву женщинъ, спросимъ далѣе словами автора, какъ можетъ возвышенное общественное сознаніе мириться съ тѣмъ, чтобы не кто-либо, а

цѣлая и даже большая половина населенія была бы выброшена за бортъ государственнаго корабля, чтобы создались разряды гражданъ полноправныхъ и отверженныхъ, лишенныхъ правъ? Если „современное общественное мнѣніе не мирится съ неравенствомъ, подобно тому, какъ оно перестало мириться съ рабствомъ, отвергло крѣпостное право", то что было бы, если бы при уничтоженіи крѣпостного права свободу получили одни мужчины, а женщины остались въ рабствѣ?

„Пусть не ссылаются на то,—говоритъ далѣе г. Кокошкинъ,— что русскій народъ не сознаетъ и не желаетъ правъ. Какъ провѣрить и угадать затаенныя желанія народа?" Не въ правѣ ли мы повторить совершенно то же самое про русскую женщину, съ той только разницей, что намъ уже извѣстно о многихъ заявленіяхъ, въ которыхъ русская женщина сознательно и настойчиво заявляла и заявляетъ о своихъ правахъ.

Если „болѣе всего нужно избѣгать, чтобы при торжествѣ свободы не было обездоленныхъ и недовольныхъ", если „новыя свободныя учрежденія должны привлечь къ себѣ расположеніе всѣхъ", если „нельзя, чтобы народъ могъ чувствовать себя обойденнымъ", то развѣ не будутъ обездолены и обойдены женщины въ случаѣ лишенія ихъ избирательнаго права. А вѣдь онѣ, какъ говорилъ Милль, нуждаются въ политическихъ правахъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ большую необходимость въ покровительствѣ закона и общества.

Предоставляя далѣе читателю прослѣдить апологію всеобщаго избирательнаго права съ замѣной этого термина избирательнымъ правомъ женщинъ и убѣдиться, что все, сказанное о первомъ, одинаково приложимо и ко второму, укажу еще на такую аналогію. „Крестьянство издавна привыкло пользоваться самоуправленіемъ". Крестьянская женщина на деревенскихъ сходахъ тоже издавна привыкла пользоваться правомъ голоса и такъ же, какъ крестьянинъ, привыкла „чувствовать себя нѣкоторой величиной и возвышаться до пониманія общихъ нуждъ".

Такова аргументація г. Кокошкина, — ее можно перелицовывать.

Еще Герценъ говорилъ про умѣренныхъ либераловъ, что они любятъ только умѣренный прогрессъ, да и то не столько прогрессъ, сколько умѣренность. И не потому ли почтенный профессоръ высказывается противъ избирательнаго права женщинъ, что такой прогрессъ ему представляется неумѣреннымъ?

М. Камневъ.

Страница изъ Гоголя. Передъ самою севастопольскою войною, вскрывшею наши недуги подобно тому, какъ теперь ихъ снова вскрыла война съ Японіей, Гоголь, уже больной, уже запутав-

шійся въ теоретическихъ противорѣчіяхъ, продолжалъ набрасывать во второй части „Мертвыхъ Душъ“ картину русской дѣйствительности, картину тѣхъ недуговъ, которые черезъ нѣсколько лѣтъ стали достояніемъ общаго сознанія. Едва ли справедливо забыта характеристика русскаго бюрократическаго строя, ярко и колоритно описанная въ рѣчи, вложенной въ уста генералъ-губернатора на послѣдней страницѣ „Мертвыхъ Душъ“. Характеристика эта и теперь, когда ихъ было столько, не теряетъ своего глубокаго значенія. Напомнимъ все то изъ рѣчи князя генералъ-губернатора, что представляется своего рода резюме взглядовъ Гоголя на русскій бюрократическій строй.

„Знаю,—говоритъ князь (изданіе Маркса, 1901 г., стр. 1362),—знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые не рождены быть безчестными. Знаю, что уже невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченія...“

А немного дальше (*ibidem*, стр. 1363—64): „...оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ время спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ исправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безъуспѣшно...“

Картина бюрократическаго строя, здѣсь набросанная, такая яркая и глубокая, что можно, не колеблясь, указать на нее, какъ на доказательство, что уже больше полувѣка тому назадъ пониманіе нашего государственнаго недуга было вполнѣ достаточное. Не хотѣли внять голосу понимающихъ.

А голосъ былъ даже не отъ людей, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности, не отъ Герцена, Грановскаго или Бѣлинскаго, не отъ декабристовъ, не отъ петрашевцевъ... Всѣ эти голоса были заглушены. Голосъ подалъ совершенно благонамѣренный Гоголь. Это онъ говорилъ, что „земля наша гибнетъ“ отъ режима, что ее „надо спасать“ отъ ея же чиновниковъ, и что „никто не въ силахъ исправить зла!“ Тѣ заглушенные тогда голоса знали, какъ исправить зло, но „благонамѣренный“ Гоголь не зналъ и тщетно искалъ выхода между мечтою о добровольномъ покаяніи чиновниковъ и угрозою военной диктатуры. Добровольное покаяніе чиновниковъ, конечно, совершенно обманчивая

мечта, о значеніи же военной диктатуры самъ Гоголь, устами своего героя, говоритъ въ той же рѣчи слѣдующее (*ibidem*, стр. 1362):

„Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ (уничтоженныхъ военною диктатурою) пострадаетъ и множество невинныхъ. Что же дѣлать? Дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся новые, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ,—несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко...“

Зачѣмъ, однако?

Потому что „вопіетъ правосудіе“?

Какое же, однако, „правосудіе“, если „пострадаетъ множество невинныхъ“, а, съ другой стороны „это будетъ даже и не въ урокъ другимъ“?

Такъ безсильно бьется мысль даже геніальнаго человѣка, если упорно не желаетъ вынести рѣшеніе общественнаго дѣла на просторъ свободнаго народнаго самоуправленія... **С. Ю.**

Новые опыты упрощеннаго міровоззрѣнія. Ребенокъ, какъ извѣстно, объясняетъ свои ушибы не собственной неосторожностью, а злою волей тѣхъ неодушевленныхъ предметовъ, о которые расшибаетъ лобъ, и на нихъ вымещаетъ свою боль и досаду. На то онъ и ребенокъ! Но и взрослый простолюдинъ любитъ сваливать вину своихъ жизненныхъ неудачъ на „злой глазъ“ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ недруговъ. Для того, чтобы разобраться въ реальныхъ причинахъ той или другой неудачи, нерѣдко необходимо пересмотрѣть весь укладъ повседневной жизни, подвергнуть суровой критикѣ всѣ ея основы и принципы,—задача и трудная, и мучительная для человѣка забитаго, загнаннаго, съ ослабленной мыслью и волей; упрощенное міровоззрѣніе „злого глаза“ является для него истиннымъ благодѣяніемъ.

Своего рода „злымъ глазомъ“ была и пресловутая легенда г. Черепъ-Спиридовича о 18 милліонахъ англо-японскихъ денегъ, употребленныхъ, будто бы, на подкупъ петербургскихъ рабочихъ въ печальные январьскіе дни. Самъ г. Черепъ-Спиридовичъ, конечно, могъ при этомъ и не быть столь наивнымъ, чтобы вѣрить въ свою легенду, но объектомъ его пропаганды, несомнѣнно, могли быть только малыя ребята да темные простолюдины. Къ несчастью для остроумнаго главы „латинскаго агентства“, басня его, подъ давленіемъ великобританскаго посольства, была, какъ всѣмъ памятно, на первыхъ же порахъ оффиціально опровергнута...

Но боль и обида истинно-русскихъ младенцевъ остались не утоленными; зашибленный лобъ продолжалъ нестерпимо саднить...

Непобѣдимое когда-то русское воинство продолжало терпѣть на Дальнемъ Востокѣ пораженіе за пораженіемъ,—и отъ кого же? Отъ какихъ-то крошечныхъ, обезьяноподобныхъ япошекъ! Внутри самой Россіи, „въ тылу арміи", творилось что-то прямо небывалое... Вся многолѣтняя, усердная дѣятельность земскихъ начальниковъ, церковно-приходскихъ школъ, разныхъ легальныхъ „обществъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", руководимыхъ Зубатовыми и Шаевичами, вся ультра-благонамѣренная пропаганда генераловъ Богдановичей, князей Мещерскихъ, гг. Сувориныхъ, Грингмутовъ, Комаровыхъ и многихъ, многихъ другихъ (имена ихъ Ты же Господи, вѣси!),—все это какъ-то вдругъ и неожиданно пошло на смарку, оказалось безсильнымъ передъ негласной пропагандой безвѣстныхъ „злоумышленныхъ агитаторовъ", всегда опредѣлявшихся раньше (по счету тѣхъ же благонамѣренныхъ опекуновъ Россіи) ничтожными единицами, притомъ—тупыми и бездарными. Ничтожество превратилось внезапно почти въ могущество, бездарность—въ утонченное, почти демонское искусство... Заволновались не только окраины, заселенныя искони ненадежными финнами, поляками, евреями и армянами, но и благомыслящія, трезво-уравновѣшенныя центральныя мѣстности; повсюду начались фабричныя забастовки и аграрныя волненія... Рабочіе стали сажать нелюбимыхъ мастеровъ въ мѣшки изъ-подъ угля и съ гикомъ и хохотомъ вывозить на тачкахъ за ворота фабрикъ, а мужики—забирать землю окрестныхъ помѣщиковъ, приглашая ихъ самихъ переселяться въ городъ. О студентахъ и говорить нечего: тѣ закрыли самовольно всѣ университеты и преспокойно разъѣхались по домамъ. Странныя явленія обнаружились даже тамъ, гдѣ ихъ, казалось бы, всего меньше слѣдовало ожидать: адмиралъ Небогатовъ безъ боя сдалъ свои броненосцы японцамъ, а „Потемкинъ" взбунтовался дома: матросы не захотѣли ѣсть мясо съ червями, хотя, случалось, отлично ѣли ихъ раньше, вчера и позавчера. Въ Лодзи, Варшавѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и т. д., и т. д., повсюду—зарева пожаровъ, взрывы бомбъ, пистолетные выстрѣлы, стоны раненыхъ; по всей странѣ—клики всякаго рода протестовъ и резолюцій...

Словомъ, болѣзнь государства слишкомъ явная, ни въ малой мѣрѣ не подлежащая отрицанію, засвидѣтельствованная признаніемъ самого правительства. Какъ же и чѣмъ лѣчить ее?

Надъ этимъ мудренымъ вопросомъ усиленно трудилось и трудится множество головъ во всевозможнаго рода колпакахъ. Быстро увядшіе лавры г. Черепъ-Спиридовича особеннно не даютъ спать мудрецамъ изъ „Новаго Времени". Въ № 10522 (отъ 19 іюня) появилась внушительная редакціонная замѣтка, которою обращалось вниманіе читателей на помѣщенную въ томъ же № статью нѣкоего г. Вандама („Причины міровой смуты"), „нашего

сотрудника, знающаго Дальній Востокъ и *посвященнаго во многія закулисныя тайны происходившихъ тамъ событій*" (курсивъ нашъ). Рекомендація вѣская и нѣсколько даже таинственная...

Оказывается, по г. Вандаму, что настоящую войну съ Россіей ведетъ отнюдь не Японія... „Путемъ чисто-мефистофельскаго гипноза мыслью и волей Японіи овладѣли"... С. Американскіе Соед. Штаты, рѣшившіе обратить Тихій океанъ въ американское озеро. На дорогѣ къ осуществленію этой задачи стали, было, „народы латинской расы", но въ настоящее время они „неудержимо идутъ къ упадку", да и, къ тому же, „превосходство американскаго промышленнаго и коммерческаго генія обезпечиваетъ полную побѣду на экономической почвѣ". Что касается „отростковъ англо-саксонскаго корня" (англичанъ?), то съ теченіемъ времени они сами „сочтутъ честью питать дерево американской культуры". Правда, остаются еще нѣмцы, но г. Вандамъ причисляетъ ихъ, вѣроятно, къ „отросткамъ англо-саксонскаго корня", а если читателю послѣднее не угодно, то чтó мѣшаетъ историкамъ, публицистамъ и балетоманамъ Эртелева переулка прикомандировать ихъ, хотя бы временно, къ „народамъ латинской расы, неудержимо идущей къ упадку"? Какъ бы то ни было, на пути Америки къ господству надъ Тихимъ океаномъ серьезно стоитъ одна лишь великая Россія, промышленный и коммерческій геній которой, несомнѣнно, превосходитъ американскій... Россія является „непримиримымъ врагомъ Соед. Штатовъ потому, во-первыхъ, что, владѣя на большомъ протяженіи побережьемъ Тихаго океана и имѣя третій по величинѣ флотъ (увы и ахъ!!), она представляетъ собою не только азіатскую, но и тихоокеанскую державу, а, *во-вторыхъ*, потому, что, какъ представительница еще молодой и сильной славянской расы, она является единственнымъ сильнымъ соперникомъ С. Штатовъ за міровое господство". Несокрушимость *второго* довода читатель, конечно, вполнѣ оцѣнитъ: Россія потому непримиримый врагъ Америки, что она... единственный сильный ея соперникъ!

Но Америка хитра,—продолжаетъ развивать свою хитроумную мысль г. Вандамъ,—во много разъ хитрѣе даже пресловутой „англичанки": она рѣшила загрести жаръ чужими руками и науськала на Россію маленькую, глупенькую Японію, а чтобы облегчить послѣдней трудность ея работы, „на японскія же средства организовала огромнѣйшую негласную коалицію на флангахъ нашей арміи и въ тылу Россіи. При этомъ все было сдѣлано съ такимъ нечеловѣческимъ искусствомъ, что, вѣроятно, остроумнѣйшій изъ знатоковъ международнаго права, имѣя передъ глазами всѣ факты и замѣчая въ нихъ несомнѣнное присутствіе американскаго ума и воли,—тѣмъ не менѣе, не найдетъ никакихъ юридическихъ уликъ для того, чтобы обвинить С. Штаты въ нарушеніи закона".

Остроумнѣйшій изъ знатоковъ международнаго права не найдетъ, но остроумнѣйшій изъ остроумнѣйшихъ, г. Вандамъ изъ „Новаго Времени", разумѣется, нашелъ,—и отнынѣ С. Штаты должны считаться уличенными. Китай, помогающій „на флангѣ нашей арміи" Японіи, оказывается штукой Америки: вѣдь давно извѣстно, что „луна дѣлается въ Гамбургѣ"... Что дѣлается, далѣе, „въ тылу Россіи", г. Вандамъ оставляетъ пока подъ покровомъ тайны и переходитъ прямо къ раскрытію того, что совершается въ „тылу арміи". Это, какъ извѣстно, терминъ, остроумно придуманный „Моск. Вѣдомостями" для обозначенія самой Россіи... Да, духъ русскаго народа пораженъ до глубины, и силы его парализованы,—утверждаетъ г. Вандамъ,—и это тоже штука Америки! Наши моряки, „выйдя изъ Либавы съ поникшими головами (?), потерпѣли первую Цусиму еще у Доггербанка; наши солдаты, отправляемые на войну изъ пораженныхъ нерѣшительностью и анархіей городовъ Россіи, несли уже въ своей душѣ сомнѣніе въ томъ дѣлѣ, за которое шли проливать кровь". Правда, мы, русскіе, и сами, конечно, не безъ вины, будучи всегда „крайне несерьезны, плохо зная исторію, слабо понимая государственныя и даже семейныя (вонъ оно что!) обязанности", но всетаки...· „пусть скажутъ Соед. Штаты, куда дѣвалась та рѣка золота въ 77.573,900 іенъ, которая,—какъ это *положительно* утверждаетъ Courrier de Tientsin отъ 2 марта 1905 г., пролилась изъ Японіи въ С. Штаты *только за время* съ 1 декабря 1903 г. по іюнь 1904 г., т. е. осталась ли она въ Штатахъ, какъ уплата за не соблюденный нейтралитетъ, или же прошла далѣе на духовную борьбу съ Россіей?"

Развѣ вы не чувствуете, читатель, какъ за спину къ вамъ пробираются холодные мурашки отъ всѣхъ этихъ таинственныхъ и многозначительныхъ намековъ?! Какимъ ничтожнымъ и смѣшнымъ становится г. Черепъ-Спиридовичъ съ его жалкими 18 милліонами и *петербургскими* рабочими, когда рѣчь идетъ, оказывается, о „рѣкѣ золота" въ 80 милліоновъ рублей (притомъ въ видѣ какъ бы лишь перваго задатка), объ арміи и флотѣ, обо всей Россіи!..

Не успѣли, однако, опомниться читатели „Новаго Времени" отъ потрясающихъ разоблаченій г. Вандама, какъ въ № 10535 (отъ 2 іюля) появилась статейка г. Борея, посвященная тому же предмету, но дающая нѣсколько иную политическую концепцію. Г. Борей тоже чувствуетъ, какъ саднѣетъ шишка на лбу, и вотъ, приставивъ къ ней указательный перстъ, онъ старается пошевелить мозгами и вспомнить, что̀ было вчера и откуда сіе... „Несчастная война, внутренніе безпорядки,—разсуждаетъ онъ,—общее неустройство, нравственный и политическій разладъ общества говорятъ о чьей-то страшной разрушительной дѣятельности. Мы знаемъ —

дѣйствуютъ тайныя общества, рабочіе союзы... Но кто направляетъ это движеніе?"

— Не томите, г. Борей, душу, откройте скорѣе — кто же это „направляетъ движніе"? Американцы?..

О, нѣтъ! Слишкомъ это далеко, надо искать ближе... Начинаетъ, впрочемъ, г. Борей тоже издалека, съ разсужденій о всемірномъ союзѣ масонства, къ которому, „по новѣйшимъ изысканіямъ", принадлежали, будто бы, и Мирабо, и Дантонъ, и Маратъ, и Робеспьеръ, и Гильотенъ, и рѣшеніемъ котораго былъ казненъ, будто, самъ Людовикъ XVI.. „Гигантскій заговоръ, направленный противъ церкви и государства, осуществляется въ различныхъ странахъ, и, *можетъ быть*, очередь теперь за Россіей".—„Закутанная съ головой масонскимъ покрываломъ фигура стучитъ молоткомъ въ наши двери. Видны одни глаза".

Все можетъ быть... Много на свѣтѣ чудесъ въ рѣшетѣ бываетъ... И мы, начали уже, было входить въ „настроеніе", какъ вдругъ г. Борей, совершенно неожиданно, перекувырнулся: „Подлинное ли это масонство, *или всемірно-еврейскій союзъ*, но странное явленіе разрушаетъ все дорогое человѣчеству—семью, государство, религію. Какое зданіе построятъ вольные каменщики на развалинахъ міра? Я думаю, что созидается *новый храмъ Соломоновъ*, но безъ прежняго божества"...

Давно бы такъ! Чего проще: конечно, злой жидовскій глазъ виноватъ въ томъ, что у г. Борея вскочила шишка на лбу... Эхъ, поторопилось „Новое Время" выдать г. Вандаму аттестатъ солиднаго и посвященнаго въ дѣло человѣка! Но вольно же было, съ другой стороны, и г. Борею порхать гдѣ-то, на подобіе папильона, цѣлыхъ двѣ недѣли и запоздать съ своимъ простымъ и, главное, патріотическимъ объясненіемъ злоключеній Россіи!

Эль-Эмъ.

Демократизмъ и вторая палата.

Вопросъ объ однопалатной или двухпалатной системѣ представительства получилъ въ послѣднее время неожиданно острый интересъ. Въ одномъ изъ проектовъ преобразованія русскаго государственнаго строя, принадлежащемъ кружку частныхъ лицъ, предлагалось основать народное представительство на системѣ двухъ палатъ; и въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту, проводилась идея, что верхняя палата, при извѣстномъ составѣ и устройствѣ, не только не противорѣчитъ принципамъ демократизма, но даже можетъ обезпечить лучшее проведеніе въ жизнь демократическихъ началъ. Проекту и объяснительной за-

пискѣ суждено было получить очень широкое распространеніе. То и другое было перепечатано въ протоколѣ засѣданія юридическаго общества при императорскомъ харьковскомъ университетѣ 19 марта 1905 г. (стр. 93—153); затѣмъ, проектъ былъ также перепечатанъ въ приложеніи къ книгѣ „Конституціонное государство“, изд. ред. „Права“ (Спб. 1905) и, въ переработанномъ видѣ, въ № 180 „Русскихъ Вѣдомостей“ (отъ 6 іюля 1905 г.); соображенія же записки были дополнены и развиты въ одной изъ статей Ѳ. Ѳ. Кокошкина „Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи. Двухпалатная система“, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ № 152. Особенное значеніе идеи проекта и записки получили съ тѣхъ поръ, какъ въ ихъ пользу стали высказываться различныя общественныя, группы и учрежденія. Такъ, московская городская дума 22 февраля 1905 г. выбрала особую „Коммиссію по общимъ вопросамъ“, въ виду высочайшаго указа 18 февраля,—и коммиссія эта въ своемъ „Докладѣ № 180“ (объ основаніяхъ организаціи народнаго представительства въ Россіи) отъ 30 мая развила соображенія, въ значительной степени совпадавшія съ соображеніями записки. Затѣмъ, какъ извѣстно, земскіе и городскіе дѣятели приняли „въ первомъ чтеніи“ проектъ народнаго представительства, напечатанный 6 іюля въ № 180 Русскихъ Вѣдомостей. Въ настоящее время на мѣстахъ должно происходить детальное обсужденіе проекта, передъ его окончательнымъ принятіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выйдетъ изъ этого процесса широкаго коллективнаго обсужденія. Можно съ увѣренностью сказать, что такія основныя черты проекта, какъ всеобщее и прямое избирательное право или законодательныя функціи народнаго представительства, пройдутъ сквозь испытаніе неизмѣнными, такъ какъ уже теперь эти черты составляютъ прочное завоеваніе общественнаго сознанія. Иначе стоитъ дѣло съ вопросомъ о двухпалатной системѣ. Система эта имѣетъ много убѣжденныхъ сторонниковъ и противниковъ; но нельзя сказать, что общественное мнѣніе уже окончательно стало на сторону тѣхъ или другихъ. Конечно, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, наиболѣе убѣдительные доводы которые должны склонить чашу вѣсовъ въ ту или другую сторону, суть доводы за или противъ демократизма второй палаты; и именно на этомъ пунктѣ аргументы разбились между обоими мнѣніями. Пересмотръ аргументовъ обѣихъ сторонъ особенно необходимъ именно теперь, когда широкимъ общественнымъ групамъ предстоитъ сдѣлать окончательный выборъ.

Аргументація за двухпалатную систему съ большой обстоятельностью развита въ упомянутой статьѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Но серьезнаго и систематическаго критическаго разбора этой аргументаціи до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, представлено не

было. Вотъ почему мнѣ показалось своевременнымъ сдѣлать попытку такого разбора въ предлагаемой статьѣ.

I.

Анализируя доказательства Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ пользу бикамеральной системы, мы, можемъ резюмировать ихъ слѣдующимъ образомъ.

1) „Въ подавляющемъ большинствѣ конституціонныхъ государствъ всего міра законодательное учрежденіе состоитъ изъ двухъ палатъ, обыкновенно разнороднаго состава“.

2) Основаніе двухпалатной системы коренится въ самомъ принципѣ конституціоннаго государства, а именно:

a) Идея раздѣленія властей приводитъ къ раздѣленію и законодательной власти между двумя палатами, чтобы предупредить всемогущество законодательной власти и, ослабивъ ее, сохранить равновѣсіе между нею и исполнительной властью.

b) Вторая палата смягчаетъ конфликты между исполнительной и законодательной властью.

c) Вторая палата предохраняетъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ рѣшеній и обезпечиваетъ обдуманность и согласованность законодательства.

3. Вторая палата будетъ охранять интересы мѣстнаго самоуправленія отъ централизаторскихъ стремленій демократической палаты.

4. Вторая палата не нарушаетъ принципа демократизма народнаго представительства, при условіи, если выборы во вторую палату въ послѣднемъ счетѣ сводятся къ демократическому началу всеобщности избирательнаго права.

Мы пока останемся въ предѣлахъ аргументаціи, какъ они очерчены самимъ авторомъ, иногда только прибѣгая къ дополненіямъ и поясненіямъ, которыя можно почерпнуть изъ упоминавшейся выше объяснительной записки. Не будемъ такъ же привлекать новаго фактическаго матеріала, а ограничимся провѣркой того, который употребленъ въ дѣло авторомъ. Наша первая и ближайшая задача—не дѣлать автору очной ставки съ фактами, а провѣрить самый методъ его разсужденій и противопоставить имъ разсужденія противоположныя.

Свой первый аргументъ—„двухпалатная система существуетъ въ Европѣ повсюду“,—конечно, и самъ авторъ едва ли бы считалъ убѣдительнымъ, если бы у него не было въ запасѣ другихъ, болѣе сильныхъ аргументовъ. Но разъ этотъ аргументъ, всетаки, приведенъ, приходиться остановиться и на немъ. Дѣйствительно, вторая палата существуетъ почти повсемѣстно, но достаточно всмотрѣться въ недостатки ея устройства, совершенно не отвѣ-

чающаго тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, какія предъявляетъ ко второй палатѣ всякая разумная система государственнаго права, чтобы видѣть, что вторая палата создана не сознательной политической теоріей. Верхнія палаты въ большинствѣ европейскихъ государствъ суть пережитокъ болѣе или менѣе глубокой старины, и почти всегда и вездѣ передовыя политическія группы относятся къ нимъ отрицательно. Происхожденіе второй палаты, такимъ образомъ, есть *историческое*, и всѣ усилія теоріи сводятся къ тому, чтобы—или, уничтожить ее, если возможно, или, по крайней мѣрѣ, преобразовать. Въ процессѣ преобразованія кое-гдѣ вторая палата достигла и того фазиса, который авторомъ отдѣляется отъ историческаго корня и принимается за нормальный и наилучшій для Россіи. Происхожденіе двухъ палатъ въ Европѣ двоякое: или феодальное или федеральное—и во всякомъ случаѣ средневѣковое. Феодальная верхняя палата есть наслѣдственная и аристократическая; по мѣрѣ торжества бюрократическаго государства надъ феодализмомъ въ нее вводится новый элементъ: члены по назначенію. Въ такомъ составѣ верхняя палата служитъ для дворянства и бюрократіи тормазомъ противъ роста демократіи: и въ этомъ — главная причина ея сохраненія среди много разъ успѣвшаго обновиться строя государственныхъ учрежденій. Когда создается теорія государственнаго права, она прежде всего ставитъ своей цѣлью оправданіе существующихъ отношеній— и такимъ образомъ складывается въ западно-европейской теоріи та совокупность доводовъ въ пользу второй палаты, которая—въ сильно улучшенномъ видѣ — перешла и въ разсужденія автора, резюмированныя подъ пунктомъ вторымъ. Мы еще вернемся къ тому конкретному примѣру, который оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на аргументацію автора: именно къ исторіи французскихъ доказательствъ въ пользу второй палаты. Теперь только кратко замѣтимъ, что прогрессъ теоріи состоялъ въ постепенныхъ уступкахъ демократизму, и что одна изъ стадій этихъ уступокъ отразилась и на аргументаціи автора. Вторая палата должна быть сохранена, но должна быть преобразована на началѣ представительства: такова суть этой компромиссной аргументаціи. Однако, представительство должно быть не прямое, а отъ органовъ самоуправленія, чтобы сохранить за второй палатой ея охранительный и ея классовой характеръ, не вступая въ прямую коллизію съ принципами демократизма. Таковъ былъ смыслъ преобразованія голландской палаты изъ средневѣковой-федеральной въ современно-унитарную; таково же значеніе превращенія шведской палаты изъ средневѣковой-феодальной въ современно-представительную: въ обоихъ случаяхъ переходный характеръ реформы выразился именно въ томъ, что принято было за основаніе обновленнаго типа представительство отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Такой же компромиссный характеръ носитъ и совре-

менный французскій сенатъ, созданный конституціей 1875 года. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, особенно охотно приводимыхъ защитниками второй палаты, составленной изъ представителей мѣстнаго самоуправленія, мы имѣемъ дѣло не съ какими-либо образцовыми созданіями государственнаго искусства, а съ временными историческими комбинаціями, прогрессивными лишь по сравненію съ тѣми предыдущими типами, которые они замѣнили... Стоитъ только стать на эту динамическую точку зрѣнія, чтобы понять, что подражать тутъ нечему.

Историческому факту повсемѣстнаго существованія двухъ палатъ можно только противопоставить *историческій-же* фактъ полнаго отсутствія народнаго представительства въ Россіи и невозможность создать его на *историческихъ* европейскихъ корняхъ. Ни для феодальной, ни для федеральной палаты основаній нѣтъ въ русской дѣйствительности, какъ она создана русскимъ прошлымъ. О второй палатѣ, дѣйствительно, мечтали у насъ въ XVI вѣкѣ Курбскій и родовитые члены царской думы; въ XVIII вѣкѣ идея эта была выдвинута правительствующей олигархіей верховниковъ и во время крестьянскаго освобожденія еще разъ возродилась въ дворянскихъ собраніяхъ, но въ окончательномъ проектѣ „земскаго союза“ уступила мѣсто проекту однопалатной системы. Наслѣдникамъ и продолжателямъ идеи земскаго союза не слѣдовало бы безъ серьезныхъ основаніи уступать разъ занятую позицію.

Собственно, мы говорили до сихъ поръ, главнымъ образомъ, о второй палатѣ феодальнаго происхожденія. Вторую палату федеральнаго происхожденія нельзя назвать простымъ пережиткомъ, когда она есть, дѣйствительно, выраженіе, *федеральныхъ* отношеній, т. е. форма соединенія государствъ независимыхъ и сохранившихъ суверенитетъ послѣ соединенія. Отношеніе автора къ этого рода второй палатѣ мы разберемъ позднѣе.

Въ итогѣ этой бѣглой исторической и фактической справки мы можемъ, слѣдовательно, придти къ заключенію автора объяснительной записки, что „политическій опытъ Западной Европы какъ-будто свидѣтельствуетъ совсѣмъ не въ пользу двухпалатной системы“. Если авторъ всетаки стоитъ за эту систему, то это потому, что въ пользу ея говорятъ „противоположныя соображенія и данныя“. Къ этимъ соображеніямъ теперь и переходимъ.

„Основаніе двухпалатной системы, говоритъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, коренится глубже: въ общихъ условіяхъ жизни конституціоннаго государства“. Основнымъ условіемъ конституціонной системы авторъ считаетъ раздѣленіе и взаимное уравновѣшеніе властей. Мы уже не будемъ говорить, что такого рода уравновѣшеніе существуетъ только въ теоріи, и что въ дѣйствительности серьезное развитіе конституціоннаго режима характеризуется обыкно-

венно преобладаніемъ законодательной власти. Ѳ. Ѳ Кокошкинъ именно изъ возможности такого преобладанія и исходитъ. Онъ и авторъ объяснительной записки считаютъ такое преобладаніе нарушеніемъ равновѣсія и всячески стараются предупредить это нарушеніе путемъ ослабленія законодательной власти. Авторъ записки нѣсколько откровеннѣе г. Кокошкина въ своихъ опасеніяхъ. По его словамъ, опасность захватовъ со стороны законодательной власти особенно велика въ Россіи, потому что въ Россіи существуетъ „чувство глубокаго недовѣрія ко всякой исполнительной власти вообще". А такъ какъ всетаки „нужно, чтобы исполнительная власть обладала достаточной свободой дѣйствій", то нужно „предохранить законодательную власть отъ попытокъ сдѣлаться всемогущей". Эта цѣль и достигается путемъ раздѣленія законодательной власти между двумя палатами. Послѣ такого раздѣленія можно уже законодательной власти дать широкія права или, какъ выражается авторъ записки, „такое раздѣленіе, мѣшая законодательной власти поглотить исполнительную, позволяетъ безопасно расширить компетенцію этой законодательной власти".

Г. Кокошкинъ не идетъ такъ далеко въ своихъ выраженіяхъ; онъ какъ бы предвидитъ возможныя возраженія противъ только что характеризованной точки зрѣнія, и даже какъ бы старается предупредить эти возраженія прямыми словами: „двухпалатная система *не ослабляетъ* законодательной власти, какъ это думаютъ многіе". Не смотря, однако же, на эту оговорку, мысль его остается та же, какъ и автора объяснительной записки. И онъ, полагаетъ, что „такъ какъ законодательная власть является высшей и скорѣе всего можетъ сдѣлаться всемогущей, то"... необходимо „раздѣленіе самой законодательной власти между двумя палатами". Какъ же при этомъ не ослабляется законодательная власть, если самое раздѣленіе дѣлается съ цѣлью ея ослабленія? Г. Кокошкинъ отвѣчаетъ: „*при согласіи* обѣихъ палатъ... сила народнаго представительства и авторитетъ его, будутъ больше чѣмъ при одномъ только собраніи". Отвѣтъ, какъ видимъ, условный и едва ли удовлетворительный, такъ какъ степень вѣроятности, что вводимое условіе—„согласіе обѣихъ палатъ"—будетъ налицо, остается неизвѣстной.

Откуда же этотъ страхъ передъ грядущимъ всемогуществомъ законодательнаго собранія, передъ тираннiей народнаго представительства? Взятъ онъ изъ русской жизни или изъ какого-нибудь другого источника? Едва ли русская дѣйствительность могла дать автору краски и формы для формулировки такихъ опасеній. Русская дѣйствительность пока еще корчится въ судорогахъ не отъ простыхъ страховъ и опасеній, а отъ конкретныхъ проявленій другого рода всемогущества. Русское общество борется такъ долго и такъ напрасно съ застарѣлой болѣзнью, что едва ли оно

теперь расположено опасаться, какъ бы излишество будущаго здоровья само въ свою очередь не превратилось въ болѣзнь. Страхъ автора, мы надѣемся, есть книжный страхъ, и мы въ свое время найдемъ его непосредственный источникъ. Если *только* страхъ передъ захватомъ власти будущими народными представителями заставляетъ г. Кокошкина теперь уже дѣлить ихъ власть между двумя палатами, то мы смѣло могли бы успокоить его и не безпокоиться сами его учеными страхами. Посмотримъ, нѣтъ ли у него соображеній болѣе реальныхъ въ пользу двухпалатной системы.

„Существованіе второй палаты смягчаетъ конфликты между правительственной властью и народными представителями и способствуетъ ихъ мирному разрѣшенію". Не возможно отрицать силы этого аргумента; но, къ несчастію, онъ относится не ко всякой второй палатѣ и не ко всякому конституціонному режиму. Смыслъ аргумента можетъ быть двоякій. Въ первомъ, болѣе слабомъ, смыслѣ, это значитъ, что въ *налаженномъ* и правильно функціонирующемъ конституціонномъ механизмѣ вторая палата увеличиваетъ эластичность процедуры законодательства, уменьшаетъ тренiе и открываетъ при столкновеніяхъ больше легальныхъ и мирныхъ выходовъ изъ затруднительнаго положенія. Все это совершенная правда. Но если вообще конституціонная борьба уже введена въ легальныя и мирныя рамки, то удобства, представляемыя второю палатою, является только излишествомъ роскоши. Вопросъ, конечно, не столько въ этомъ, сколько въ томъ, какъ наладить конституціонный режимъ и насколько вторая палата въ этотъ переходный періодъ можетъ предупредить возможность *насильственнаго* конфликта между властью и народными представителями. И въ этомъ, болѣе сильномъ смыслѣ аргументъ, приведенный г. Кокошкинымъ, имѣетъ очень условное значеніе. Если вторая палата, какъ это часто бываетъ въ Европѣ, состоитъ изъ болѣе вліятельныхъ соціальныхъ элементовъ, то, несомнѣнно, носителямъ власти приходится церемониться съ нею гораздо больше, чѣмъ съ нижней палатой, и совершить государственный переворотъ становится труднѣе. Разбираемый аргументъ обыкновенно и приводится въ этомъ значеніи. Но тогда онъ не имѣетъ никакого отношенія къ той, болѣе демократической, второй палатѣ, которую имѣетъ въ виду г. Кокошкинъ. Опытъ показалъ, что уничтожить одну или двѣ палаты—рѣшительно все равно для узурпатора, если за палатами не стоитъ соціальной силы. Стало быть, конфликты въ подлинномъ и наиболѣе важномъ значеніи никакъ не могутъ быть устранены однимъ только фактомъ существованія второй палаты. И, наоборотъ, наличность только одной палаты не можетъ считаться *причиной* возникновенія конфликта. Обычныя ссылки въ этомъ смыслѣ на 1791 и 1848 г. во Франціи свидѣтельствуютъ только о непониманіи той исторической

обстановки, которая въ томъ и другомъ случаѣ привела отъ революціи къ имперіалистской диктатурѣ—совершенно независимо отъ конституціонныхъ предосторожностей, измышлявшихся теоретиками. Примѣры эти могутъ только доказать—тому, кто еще нуждается въ доказательствѣ—что дѣйствительный конфликтъ историческихъ силъ никакой системой раздѣленія и уравновѣшенія властей разрѣшенъ быть не можетъ.

Переходимъ къ слѣдующему доказательству въ пользу учрежденія второй палаты. „Вторая палата предохраняетъ отъ необдуманныхъ и поспѣшныхъ законодательныхъ актовъ и обезпечиваетъ согласованность и обдуманность законодательства". Невозможно отрицать справедливость этого утвержденія. Можетъ быть это единственное серьезное основаніе въ пользу второй палаты. Но, во-первыхъ, какъ увидимъ, это аргументъ не въ пользу *всякой* второй палаты, а только въ пользу второй палаты извѣстнаго типа; и, во-вторыхъ, нужно еще доказать, что *только* этимъ способомъ, т. е. введеніемъ второй палаты, и никакимъ другимъ, можетъ быть достигнута указанная цѣль. Собственно, необдуманность и поспѣшность вовсе уже не неизбѣжныя черты конституціоннаго законодательства и, какъ общее обвиненіе противъ конституціоннаго режима, это указаніе скорѣе характеризуетъ обвинителей, чѣмъ обвиняемыхъ. Можно согласиться съ Гербертомъ Сэмьюэлемъ, авторомъ новѣйшаго трактата о „Либерализмѣ", что современное законодательство скорѣе грѣшитъ чрезмѣрной медленностью, чѣмъ излишней поспѣшностью въ удовлетвореніи назрѣвшихъ общественныхъ потребностей, и что создавать препятствія и плотины противъ бурнаго потока, когда въ сущности мы имѣемъ дѣло со стоячей лужей, едва ли соотвѣтствовало бы здравому смыслу. Обвиненія и опасенія, подобныя формулированнымъ г. Кокошкинымъ, легче встрѣтить во французскихъ руководствахъ, чѣмъ въ англійскихъ; и тамъ они имѣютъ длинную исторію—можетъ быть и нѣкоторое оправданіе въ темпераментѣ націи:. Но именно французскій опытъ и показываетъ, какъ мало помогаетъ злу введеніе второй палаты и, прежде всего, какъ трудно сдѣлать изъ второй палаты *только* орудіе усовершенствованной законодательной техники. Вторая палата скорѣе всего способна сдѣлаться партійнымъ орудіемъ въ рукахъ охранительныхъ партій—и даже орудіемъ частныхъ интересовъ, какъ показываетъ американскій опытъ. При всѣхъ недостаткахъ и патологическихъ явленіяхъ массовой психологіи, нижняя палата все-таки лучше выражаетъ здравый смыслъ народа, и даже самыя увлеченія ея бываютъ въ высшей степени поучительны. Согласованность же и обдуманность законодательства могутъ быть достигнуты цѣлымъ рядомъ такихъ чисто техническихъ средствъ, употребленіе которыхъ не грозитъ фальсификаціей народной мысли и воли. Практически, дѣловая работа

современныхъ парламентовъ вся дѣлается въ коммиссіяхъ, а не въ общихъ собраніяхъ. Дѣловой вопросъ, перенесенный въ общее собраніе, собираетъ, обыкновенно, только аудиторію заинтересованныхъ и способныхъ судить о немъ; и только засѣданія, представляющія выдающійся политическій интересъ, носятъ тотъ страстный и бурный характеръ, который не столько опасенъ, какъ искажающій законы, сколько важенъ и необходимъ, какъ отражающій въ миніатюрѣ настроеніе націи. Независимо отъ предварительнаго обсужденія въ коммиссіяхъ, дѣловой характеръ вносимыхъ въ палату законопроектовъ можетъ быть обезпеченъ извѣстнымъ порядкомъ ихъ внесенія и подготовки. Словомъ—это вопросъ чисто техническій. Если бы можно было удержать вторую палату въ тѣхъ рамкахъ, какими удовлетворяется потребность въ лучшемъ обсужденіи закона, съ нею можно бы было вполнѣ помириться. Но, какъ увидимъ, вторая палата разбираемаго конституціоннаго проекта представляетъ учрежденіе совсѣмъ иного типа.

Теперь слѣдуетъ аргументъ, очевидно, самый важный и имѣющій рѣшающее значеніе для автора. Это аргументъ о второй палатѣ, какъ проводникѣ федеральной идеи. Въ федеративномъ государствѣ вторая палата необходима. Отсюда выводится, что ее слѣдуетъ ввести въ Россіи, хотя „трудно думать, конечно, чтобы Россія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могла превратиться въ федеративное государство“. За отсутствіемъ федераціи, вторая палата будетъ представлять и охранять въ Россіи начало „широкой децентрализаціи“.

Въ такой, хотя и ослабленной формѣ, идея второй палаты все еще можетъ привлечь симпатіи той части русскаго общества, для которой идея федераціи звучитъ чѣмъ-то дорогимъ и давно знакомымъ. Мы лично этого настроенія не раздѣляемъ; но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Наша цѣль въ данномъ случаѣ показать, что подъ флагомъ симпатичной идеи провозится здѣсь, въ сущности, контрабанда.

Если въ предыдущей части своихъ разсужденій авторъ исходилъ изъ страха передъ нѣкоторымъ фантомомъ „демагогіи“ и „демократической тиранніи“, то теперь этотъ фантомъ тревожитъ его въ нѣсколько иной формѣ—страха передъ „якобинской централизаціей“. По его понятію, чѣмъ представительное собраніе демократичнѣе, тѣмъ оно болѣе подвержено склонности къ „централизаторскимъ стремленіямъ“. Отъ такихъ стремленій главная опасность грозитъ „мѣстному самоуправленію“. „Представители, избираемые непосредственно отъ населенія“, склонны будутъ проводить „несогласованные съ мѣстными условіями и потребностями законы“: „и это вполнѣ правильно съ принципіальной точки зрѣнія, такъ какъ (они) призваны выражать и осуществлять именно общенародные интересы, идею народа, какъ цѣлаго“.

Авторъ предусматриваетъ, что такое направленіе дѣятельности—„вполнѣ правильное съ принципіальной точки зрѣнія“, тѣмъ не менѣе „будетъ встрѣчать оппозицію со стороны мѣстныхъ учрежденій“; и онъ полагаетъ, что лучшій способъ „предупредить борьбу между центральными и мѣстными учрежденіями, подрывающую идею государственнаго единства“, состоитъ въ томъ, чтобы собрать представителей мѣстныхъ учрежденій въ особую палату и противопоставить эту палату палатѣ народныхъ представителей, какъ равноправное учрежденіе. Нельзя не замѣтить искусственности всего этого разсужденія. Уже сама основная посылка, на которой разсужденіе основано, является совершенно произвольной и недоказанной. Почему народные представители окажутся непремѣнно враждебными мѣстному самоуправленію? Почему ихъ законы будутъ непремѣнно „несогласованы съ мѣстными условіями и потребностями?“ Почему, посылаемые тѣмъ же населеніемъ, они непремѣнно окажутся фанатиками государственнаго „цѣлаго“ и будутъ игнорировать „потребности“ своихъ избирателей? Конечно, они не получатъ императивныхъ мандатовъ отъ избирателей, но развѣ представители отъ мѣстнаго самоуправленія получатъ мандаты и не будутъ выражать „общенародныхъ интересовъ?“ Развѣ авторъ предоставляетъ имъ защищать „интересы колокольни“? Разумѣется, какъ спеціалистъ по государственному праву, г. Кокошкинъ не можетъ предоставить имъ такихъ странныхъ функцій; и дѣйствительно, онъ говоритъ: „государственные гласные (члены второй палаты) должны быть представителями, но не повѣренными или ходатаями избирающихъ ихъ собраній. Поэтому эти послѣднія не могутъ давать имъ инструкцій. Существованіе какихъ-либо наказовъ, связывающихъ представителей, противорѣчило бы значенію земской палаты, какъ самостоятельнаго государственнаго органа, и дѣлало бы невозможнымъ правильное обсужденіе и рѣшеніе въ ней дѣлъ?. Въ такихъ наказахъ нѣтъ и надобности, такъ какъ общественныя собранія всегда имѣютъ возможность знать политическіе взгляды своихъ избранниковъ, а въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ дѣятельности направленію собранія—отказывать имъ въ довѣріи на слѣдующій выборный срокъ“. Но, если такъ, то какая же разница между избранниками „общественныхъ собраній“ и избранниками населенія? Не ясно-ли, что тѣ и другіе одинаково не будутъ связаны „обязательными инструкціями“ юридически, а фактически одинаково будутъ принимать въ соображеніе взгляды и интересы—*мѣстные* взгляды и интересы—своихъ избирателей? Почему же одни будутъ давить эти интересы, а другіе окажутся въ роли спасителей?

Единственная резонная причина могла бы быть та, что интересы „общественныхъ собраній“ оказались бы не тожественными съ интересами „населенія“. Но авторъ очевидно не допускаетъ

такой возможности или она не приходитъ ему въ голову; поэтому и мы ее далѣе обсуждать не будемъ. Но, оставляя эту гипотезу въ сторонѣ, мы рѣшительно теряемся въ догадкахъ, какова бы могла быть реальная причина той „борьбы“ между мѣстными учрежденіями и представителями населенія, которой г. Кокошкинъ такъ боится, что для ея устраненія заблаговременно соглашается создать особое представительство отъ учрежденій. Хотя бы и составленная изъ представителей отъ мѣстныхъ единицъ, вторая палата во всякомъ случаѣ будетъ представлять нѣкоторое „общенародное“ или общегрупповое цѣлое. Даже федеративный сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сущности является не представительствомъ интересовъ отдѣльныхъ штатовъ, какимъ считается формально, а такимъ же федеральнымъ представительствомъ, такой же ареной борьбы общегосударственныхъ политическихъ партій, какъ и нижняя палата. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы члены нижней палаты съ момента избранія разрывали всякую связь съ мѣстными избирателями и превращались въ „якобинскихъ централистовъ“. Какъ извѣстно, центральное представительство гораздо чаще грѣшитъ противоположнымъ недостаткомъ: *именно*, излишествомъ вниманія отдѣльныхъ представителей къ интересамъ ихъ „колокольни“. Слѣдовательно въ чемъ бы ни обнаружилась разница между настроеніями и взглядами обѣихъ палатъ, можно съ увѣренностью сказать одно, что „мѣстныхъ интересовъ“ верхней палатѣ отъ нижней оберегать не придется.

Какъ бы то ни было, „контрабанда“ провезена. „Контрабанда“—это представительство отъ мѣстныхъ учрежденій, какъ нѣчто противоположное и контролирующее по отношенію къ прямому представительству населенія. На сколько при этомъ сохраненъ „флагъ“ федерализма, мы еще увидимъ. Какъ бы то ни было, запахъ контрабанды остается: подозрѣніе, что вновь принятое начало противорѣчитъ основному, представительство отъ учрежденій противорѣчитъ основному принципу демократическаго, всеобщаго и прямого избирательнаго права. Это подозрѣніе надо разрушить.

Г. Кокошкинъ начинаетъ съ откровеннаго признанія, что только-что формулированное подозрѣніе имѣетъ серьезныя основанія. Конечно, говоритъ онъ, „особое представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія можетъ... не быть лишь особой формой *сословнаго* или *классового* представительства *лишь при условіи* кореннаго преобразованія земскихъ и городскихъ учрежденій и распространенія ихъ на всю Россійскую имперію“. Авторъ объяснительной записки также утверждалъ, что „такая реформа есть необходимое условіе создать у насъ вторую палату,—условіе, при отсутствіи котораго *трудно опровергнуть* многія опасенія противниковъ двухпалатной системы“. Въ основу реформы авторъ

записки считалъ необходимымъ „положить многостепенное всеобщее право голоса“. Г. Кокошкинъ въ своей статьѣ предлагаетъ основать выборы въ мѣстные органы самоуправленія „на началахъ, *почти* не отличающихся отъ принципа всеобщаго голосованія“, именно на требованіи осѣдлости или платежа мѣстныхъ сборовъ. Не намъ говорить г. Кокошкину, что подобная система, каково бы ни было ея значеніе для *мѣстнаго* представительства, во всякомъ случаѣ не должна бы была служить основаніемъ для настоящаго политическаго представительства. Самъ авторъ прямо признаетъ это въ другомъ мѣстѣ своихъ статей. Авторъ объяснительной записки не скрываетъ также отъ себя и отъ своихъ читателей, что при многостепенныхъ выборахъ „преобладающее значеніе въ мѣстной жизни имѣетъ шансы остаться за болѣе крупнымъ землевладѣльческимъ и промышленнымъ классомъ“. Такимъ образомъ, даже и при коренной реформѣ мѣстнаго избирательнаго права, представительство во второй палатѣ будетъ неизбѣжно носить „сословный или классовой“ характеръ. Авторъ не только не отрицаетъ это, но даже старается оправдать такой результатъ. „Намъ думается, говоритъ онъ, здѣсь (т. е. въ возраженіяхъ противъ такой системы) сказывается преувеличенный страхъ передъ „буржуазнымъ элементомъ“. Нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, чтобы земледѣльческій и промышленный классъ получилъ *достаточную* возможность представлять свои интересы, разъ *рядомъ* съ этимъ открывается *широкая возможность* представительству другихъ группъ населенія. Нравственно недопустимы и политически опасны лишь привилегіи“. Мы безусловно подписываемся подъ словами автора; но вѣдь весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, не обращается ли въ привилегію право—или хоть „преимущественный шансъ“—для нѣкоторыхъ классовъ посылать своихъ представителей въ такое учрежденіе, куда другіе классы завѣдомо не проникнутъ или проникнутъ въ недостаточной степени. Конечно, вопросъ о томъ, что „достаточно“ и какого рода „возможность“ представительства должна быть признана „широкой“—остается открытымъ; но именно поэтому и нельзя строить никакихъ выводовъ на столь эластическихъ выраженіяхъ. Въ статьѣ г. Кокошкина мы такой шаткой аргументаціи уже не находимъ; но и здѣсь авторъ не счелъ возможнымъ скрыть, что отъ реформированныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій онъ ожидаетъ получить представительство приблизительно соотвѣтствующее кругу современныхъ мѣстныхъ дѣятелей. На первый планъ выдвинутъ здѣсь въ пользу такого представительства уже другой аргументъ,—именно, что такимъ образомъ использованы будутъ для политической жизни страны тѣ навыки, которые уже пріобрѣтены въ школѣ мѣстнаго самоуправленія. „Въ странѣ, столь мало привыкшей къ общественной самодѣятельности и столь бѣдной политическимъ опы-

томъ, какъ наше отечество, такое преимущество, конечно, нельзя оцѣнивать слишкомъ низко". Опять таки, мы совершенно согласны съ авторомъ; но мы думаемъ, что политическая опытность выдающихся мѣстныхъ дѣятелей во всякомъ случаѣ будетъ использована при какой угодно системѣ выборовъ; и поэтому, мы не считаемъ нужнымъ измышлять особое „дополнительное" представительство къ представительству народному, чтобы достигнуть этого важнаго результата.

Намъ кажется, что мы теперь разобрали всѣ существенные доводы, приведенные г. Кокошкинымъ и авторомъ объяснительной записки въ пользу двухпалатной системы,—и на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, доводы эти не оказались убѣдительными. Но мы имѣемъ еще одинъ способъ провѣрки, который, можетъ быть, убѣдитъ тѣхъ, кого еще не убѣдили наши предыдущія критическія замѣчанія. Допустимъ, что всѣ, рѣшительно всѣ соображенія г. Кокошкина въ пользу второй палаты, вполнѣ убѣдительны. Пусть онъ окончательно доказалъ, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ вторая палата необходима. Посмотримъ же, удовлетворяетъ-ли его собственный проектъ второй палаты тѣмъ требованіямъ, которыя онъ къ ней предъявляетъ. Если мы найдемъ, что практическіе выводы автора гармонируютъ съ его теоретическими аргументами, то мы согласимся, что въ статьяхъ г. Кокошкина мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ политическимъ трактатомъ. Въ противномъ случаѣ, намъ придется признать, что это лишь хорошо написанное сочиненіе на заданную тему.

По первому аргументу—повсемѣстной распространенности двухпалатной системы, разумѣется, еще нельзя рѣшить, какого типа вторая палата нужна для Россіи. Второй аргументъ: необходимость соотвѣтствія типа самой идеѣ конституціоннаго режима—уже сильно съужаетъ выборъ. Къ сожалѣнію, для автора и для насъ центръ тяжести этого аргумента находится въ различныхъ мѣстахъ. Для г. Кокошкина этотъ центръ есть необходимость раздѣлить и уравновѣсить власти. Для насъ—это возможность усовершенствовать процессъ законодательства. Изъ каждаго пониманія вытекаетъ различная конструкція второй палаты. Если вторая палата есть учрежденіе конкурирующее и ослабляющее „всемогущество" народныхъ представителей, тогда ее надо сдѣлать, по меньшей мѣрѣ, равноправной. Если это только учрежденіе контролирующее, оно должно быть построено совершенно иначе. Мы начнемъ съ разбора втораго предположенія, которое мы признали наиболѣе правильнымъ. Въ такомъ случаѣ, вторая палата—палата въ роли „сторожевой собаки" („a watch-dog Senate")—несомнѣнно, не только не противорѣчитъ принципу демократизма, но даже можетъ содѣйствовать его осуществленію, охраняя народъ отъ его представителей. Но для этого, во-первыхъ, эта палата сама должна себя чувствовать уполномо-

ченной отъ народа, и, во-вторыхъ, ея функціи должны ограничиваться наблюденіемъ за законодательствомъ, а не распространяться на самое изданіе законовъ. Третье требованіе состоитъ въ томъ, чтобы во второй палатѣ засѣдали люди, болѣе способные къ зрѣлому обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ тѣ, рѣшеніе которыхъ она призвана провѣрять. Удовлетворяетъ-ли всѣмъ этимъ требованіямъ палата проектированная г. Кокошкинымъ?

Прежде всего, по самому характеру выборовъ, она не можетъ быть признана равносильнымъ представительствомъ населенія сравнительно съ нижней палатой.

Не только выборы—двухстепенные (а можетъ быть и многостепенные), но это выборы отъ учрежденій, и притомъ учрежденій, которыя сами не призваны къ политической роли, а только къ дѣятельности по мѣстному самоуправленію. Авторъ самъ признаетъ, какъ мы видѣли, что наиболѣе шансовъ попасть во вторую палату имѣютъ при такой системѣ „лица, прошедшія школу мѣстнаго самоуправленія“, или, какъ откровеннѣе выражается авторъ объяснительной записки, представители землевладѣльческаго и промышленнаго класса. Когда въ самихъ земскихъ учрежденіяхъ рѣчь возникала объ импровизаціи народнаго представительства путемъ выборовъ отъ земствъ, очень часто слышалось при этомъ справедливое возраженіе, что лица уполномоченныя населеніемъ вести мѣстное хозяйство, этимъ самымъ еще не могутъ считаться призванными и компетентными выбирать,—да еще изъ своей же среды—людей, которымъ будетъ дано право издавать законы и рѣшать политическія дѣла. Такимъ образомъ, если бы даже было признано, что многостепенные выборы лучше могутъ удовлетворить третьему требованію—большей зрѣлости и компетентности законодателей, то выборы отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія какъ разъ не признаются способными удовлетворить этому требованію самими мѣстными представителями. Такимъ образомъ, и какъ представители класса, а не всего населенія, и какъ представители выбранные *не политическимъ* учрежденіемъ для исполненія функцій, которыя требуютъ особенныхъ политическихъ способностей и спеціальной подготовки,—выборные отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія не могутъ представить подходящаго матеріала для такой второй палаты, какую требуется, въ нашемъ предположеніи, создать.

Еще менѣе удовлетворяютъ этимъ требованіямъ тѣ *функціи*, которыя авторъ предполагаетъ дать второй палатѣ. „Сторожевая“ вторая палата не можетъ сама обладать верховными правами законодательства. Ея роль—только довести до свѣдѣнія народа такое рѣшеніе нижней палаты, которое она считаетъ несоотвѣтствующимъ народнымъ интересамъ, поспѣшнымъ, преждевременнымъ и т. д. Для выполненія этой роли совершенно достаточно

дать верхней палатѣ право отсрочивающаго вето, т. е. право задержать законъ до тѣхъ поръ, пока соберется палата представителей новаго состава. Между тѣмъ, вторая палата г. Кокошкина обладаетъ всѣми правами первой, не исключая даже права контроля надъ бюджетомъ.

Безъ сомнѣнія, такой типъ палаты, какой проектируется г. Кокошкинымъ, не составляетъ чего либо необыкновеннаго: это типъ преобладающій въ конституціонныхъ странахъ. Но тогда и слѣдуетъ защищать его не соображеніями политической теоріи, а соображеніями практическими,—тѣми, которыми этотъ типъ созданъ и поддерживается повсюду. Господствующій типъ есть типъ не „сторожевой“, а „охранительной“ второй палаты. Его задача—держать на уздѣ демократизмъ и охранять интересы имущихъ классовъ отъ покушеній народнаго законодательства. Такой типъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою, очень важную, историческую роль, нынѣ приходящую къ концу, и мы поняли бы автора, если бы онъ защищалъ вторую палату такого рода соотвѣтствующими аргументами. Только тогда нельзя было бы уже утверждать, что вторая палата не противорѣчитъ интересамъ демократизма. Такъ какъ авторъ утверждаетъ это, то, очевидно, для защиты „охранительной“ второй палаты онъ долженъ прибѣгнуть къ аргументамъ иного рода. Онъ такъ и дѣлаетъ. По его мнѣнію вторая палата должна „охранять“ отъ посягательствъ народныхъ представителей — не имущіе классы, а... исполнительную власть. Иначе,—т. е. не ослабленные второй палатой,—законодатели нижней палаты грозятъ „поглотить“ эту исполнительную власть. Мы уже говорили, что такая постановка вопроса кажется намъ книжной и совершенно нереальной. Позднѣе мы увидимъ изъ какой болѣе реальной обстановки она заимствована. Основной смыслъ этой аргументаціи заключается въ страхѣ передъ демократіей и недовѣріи къ здравому смыслу народа. Но переводя споръ на почву конституціонныхъ принциповъ, она маскируетъ точку зрѣнія классовой борьбы и оказываетъ такимъ образомъ ту услугу, что проводитъ идею „охранительной“ второй палаты безъ явнаго противорѣчія идеѣ демократизма. Сути дѣла, однако, такая замаскированная аргументація измѣнить не можетъ. Фиктивная боязнь—какъ бы не ослабить черезчуръ исполнительную власть—только прикрываетъ очень и очень реальную боязнь—какъ бы не подверглись опасности интересы землевладѣльческаго и промышленнаго класса. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что подобная перестановка центра тяжести спора заключалась въ намѣреніяхъ автора; мы только утверждаемъ, что она несомнѣнно заключается въ употребляемыхъ имъ аргументахъ.

Прибавимъ нѣсколько словъ по поводу третьяго требованія отъ второй палаты: требованія большей компетентности и зрѣлости сравнительно съ нижней палатой. Европейскія законода-

тельства старались удовлетворить этому требованію различными способами: путемъ повышенія условій избранія—ценза, возраста, срока осѣдлости,—путемъ продленія срока мандата и т. д. Можно сказать, что всѣ эти мѣры, не обезпечивая достиженія той цѣли, для которой они употребляются, въ то же время стоятъ въ противорѣчіи съ основнымъ демократическимъ принципомъ избирательнаго права. Единственный прямой и вѣрный способъ—назначеніе свѣдущихъ и подготовленныхъ людей—слишкомъ противорѣчилъ бы принципу представительства. Между тѣмъ привлекаемые такимъ образомъ и несомнѣнно нужные люди могли бы быть использованы гораздо лучше, если бы вмѣсто назначенія въ составъ второй палаты, они привлекались къ предварительной стадіи подготовки закона, для обсужденія и принятія его въ нижней и единственной палатѣ народныхъ представителей. Въ противоположность славянофильскому тезису, экспертиза и власть въ такомъ случаѣ помѣнялись бы мѣстами. Власть была бы у народа, а „мнѣніе" у спеціалистовъ, способныхъ имѣть его. Подѣлить же власть между народомъ и „людьми привыкшими держать въ своихъ рукахъ часть государственной машины и умѣющихъ обращаться съ нею" значило бы совершить вопіющее нарушеніе принципа демократизма—даже въ томъ случаѣ, если бы эти люди не представляли интересовъ опредѣленнаго класса. Но, повторяемъ, самое противоположеніе людей „умѣющихъ обращаться съ государственной машиной" народнымъ представителямъ, кажется намъ въ корнѣ неправильнымъ. Шансы для такихъ людей попасть въ число народныхъ избранниковъ именно и обезпечиваются свободой выбора. И если представительство отъ учрежденій вызываетъ протестъ, то именно потому, что оно не даетъ возможности демократіи свободно выбирать людей, которыхъ избиратели признаютъ „умѣющими обращаться съ государственной машиной" и при томъ способными защищать интересы избирателей.

Итакъ, конструкція второй палаты, даваемая авторомъ, скорѣе соотвѣтствуетъ тому „охранительному", „консервативному" типу, о которомъ менѣе всего говоритъ его аргументація, и вовсе не отвѣчаетъ тому „сторожевому" типу, въ пользу котораго имъ приведены наиболѣе сильные изъ его аргументовъ. Намъ остается посмотрѣть, какъ отвѣчаетъ предлагаемая имъ конструкція той задачѣ, которую самъ авторъ считаетъ главной,—задачѣ охраны интересовъ мѣстнаго самоуправленія.

Мы уже отмѣтили выше, что, собственно говоря, эта задача совсѣмъ не тождественна съ задачей охраны принципа федераціи — принципа, который привлекаетъ наибольшее сочувствіе извѣстныхъ общественныхъ круговъ къ идеѣ второй палаты. Вторая палата, основанная на строгомъ проведеніи принципа федераціи, должна бы была состоять изъ равноправныхъ делегацій отъ суверенныхъ и независимыхъ политическихъ единицъ,

составляющихъ федерацію. Какъ же соотвѣтствуетъ такому принципу конструкція, предлагаемая авторомъ?

Прежде всего, проектъ г. Кокошкина менѣе всего говоритъ о такихъ мѣстныхъ группахъ, которыя наиболѣе стремятся къ осуществленію принципа федераціи, и посвящаетъ главное вниманіе такимъ, которыя до сихъ поръ подобныхъ стремленій вовсе не имѣли. Въ его второй палатѣ соединяются на равноправныхъ началахъ не такія группы, какъ Великороссія, Польша, Кавказъ и т. д., а Московская, Варшавская, Тифлисская губерніи и т. д. Въ основѣ представительства лежитъ существующее территоріальное дѣленіе: каждое существующее земство и городская дума посылаютъ своихъ представителей въ верхнюю палату. Правда, сравнительно съ авторомъ объяснительной записки, г. Кокошкинъ идетъ нѣсколько дальше, и допускаетъ представительство отъ „самоуправляющихся или автономныхъ единицъ, охватывающихъ нѣсколько губерній". Но по существу это не мѣняетъ положенія дѣла. Какъ мы уже видѣли ранѣе, вторая палата нашего автора не есть палата федеративная, а есть представительство органовъ мѣстнаго самоуправленія. Какъ таковая, она уже не обязана представлять мѣстныя единицы, какъ равноправныя и независимыя. „Чтобы принять въ разсчетъ неодинаковое значеніе губерній и городовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не создать слишкомъ значительнаго неравенства между ними", авторъ предлагаетъ соразмѣрить число представителей съ количествомъ населенія, причемъ количество представителей отъ губерніи колебалось бы между 1 и 5, а отъ городовъ (съ населеніемъ болѣе 125.000) между 1 и 4 *). Такимъ образомъ, исчезаетъ изъ конструкціи и послѣдній признакъ федеративной идеи—равенство представительства отдѣленыхъ единицъ. Контрабанда провезена—вторая палата съ преобладающимъ представительствомъ землевладѣльческаго и промышленнаго класса—и флагъ окончательно спрятанъ.

Естественно, что при такой конструкціи, вторая палата нисколько не удовлетворитъ тѣхъ, для кого предназначается. Какъ способъ особой охраны автономныхъ областныхъ собраній, она никуда не годится; а для охраны мѣстнаго самоуправленія она, какъ мы говорили выше, не нужна. Для стремящихся къ автономіи окраинъ она составляетъ не плюсъ, а минусъ, такъ какъ подводитъ ихъ подъ общій уровень съ внутренними губерніями, мѣстныя задачи и стремленія которыхъ существенно различны. Сравнительно съ объяснительной запиской, и въ этомъ случаѣ статья г. Кокошкина представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ; но основная ошибка—стремленіе обосновать проектированное учре-

*) Изъ 269 членовъ второй палаты Царство Польское получаетъ при этомъ 23, Кавказъ 22, Средне-азіатскія и степныя области 18, Сибирь 15.

жденіе на такихъ данныхъ, которыя ни въ какой необходимой связи съ нимъ не стоятъ, и притомъ совершенно различны и даже противоположны между собою—эта ошибка повторяется и въ статьѣ г. Кокошкина.

Мы теперь исчерпали нашу тему, поскольку рѣчь идетъ о тѣхъ разсужденіяхъ, которыя могли бы быть противопоставлены разсужденіямъ г. Кокошкина. Но намъ не разъ приходилось намекать въ теченіе этой статьи, что разсужденія г. Кокошкина не оригинальны, и что полное объясненіе имъ можно было бы найти, лишь познакомившись съ тѣми источниками, откуда они взяты. Эти фантомы „тиранніи народовластія“, „якобинской централизаціи“—фантомы столь чуждые воображенію простого русскаго читателя,—можетъ быть имѣютъ болѣе основаній на другой, чуждой почвѣ? Эти книжныя конструкціи, которыя кажутся невыносимымъ доктринерствомъ для всякаго имѣющаго чутье русской дѣйствительности,—можетъ быть на этой другой почвѣ имѣютъ подъ собой реальные корни?

Въ нашей слѣдующей статьѣ мы поищемъ отвѣта на эти вопросы. Можетъ быть этотъ отвѣтъ окончательно вернетъ намъ свободу собственнаго размышленія и окончательно укажетъ намъ на источники того, что мы считаемъ ошибками въ разсужденіяхъ почтеннаго московскаго юриста.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. К. Михайловскаго**: отъ сотрудника „Русскаго Богатства“, В. В. Лункевича—135 р. 94 к. Итого 135 р. 94 к. А всего съ прежде поступившими 3.026 р. 24 к.

На стипендію имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 935 р. 65 к.

На устройство народной школы **Н. К. Михайловскаго**: черезъ московское отдѣленіе конторы отъ М. Я. Линецкаго . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 405 р. 30 к.

Въ капиталъ имени **Н. К. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ“ 245 р. 48 к.

На библіотеку имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 111 р. 50 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. К. Михайловскаго**: отъ фельдшера Г. Н. Медвѣдникова, со станц. Борзя . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 13 р.

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. К. Михайловскаго**“. . . . . 5 р.

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.: отъ И. И. Бушуева, со ст. Усть-Чарышской. . . . 1 р. А всего съ прежде поступившими 3.555 р. 76 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго**: отъ М. І. Левина 3 р. А всего съ прежде поступившими 20 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**. . . . . 413 р. 35 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба“, **Н. А. Некрасова**: 10 р. 20 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **А. П. Чехова**: отъ Львовскаго кружка любит. русск. словесн. . . . . . 8 р.

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ. . . . . 1.382 р.

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко** . . . . 117 р. 50 к.

На учрежденіе высшей школы имени гр. **Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

На школу имени **А. П. Чехова**. 23 р.

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири . . . . 3 р. 50 к.

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева**: 2 р.

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: черезъ горнаго инженера Н. И. Богоявленскаго, изъ Зея-Пристань—100 р.; отъ Ф. И. Зеленина, изъ Петропавлов.—12 р. 50 к.; черезъ В. М. Мирошникова, изъ Срѣтенска—64 р.; черезъ В. А. Доронину, изъ Енисейска—57 р. 60 к. Итого . . . . 234 р. 10 к. А всего съ прежде поступившими 602 р. 60 к.

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: Черезъ редакцію „Амурскій Край“—125 р. 80 к.; отъ Г. И. Процвѣталова, изъ Уральска—18 р.; отъ почитателей Г.—4 р. Итого . . . . . 147 р. 80 к. А всего съ прежде поступившими 4.201 р. 70 к.

Въ пользу нуждающихся рабочихъ Путиловскаго завода: отъ Н. Ѳ. Анненскаго—25 р., В. Г. Короленко—25 р., В. А. Мякотина — 25 р., А. В. Пѣшехонова—25 р. и П. Ф. Якубовича—25 р. Итого . . . . . . 125 р.

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 27 іюля 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34.

